МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

Юридический факультет

Кафедра криминалистики

Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы

Материалы
Международной научно-практической конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения
Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР,
доктора юридических наук, профессора
Николая Павловича Яблокова

Москва, 22 декабря 2015 г.

МАКС ПРЕСС

МОСКВА – 2015

ISBN 978-5-317-05163-1

© Авторы статей, 2015
© Лушечкина М.А., составление, 2015

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

Юридический факультет

Кафедра криминалистики

Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы

Материалы
Международной научно-практической конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения
Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР,
доктора юридических наук, профессора
Николая Павловича Яблокова

Москва, 22 декабря 2015 г.

МАКС ПРЕСС

МОСКВА – 2015

УДК 343.9
ББК 67.52
С56

Редактор-составитель: *М.А. Лушечкина*

Статьи представлены в авторской редакции

Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы:
С56 Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова. Москва, 22 декабря 2015 г. / Ред.-сост. М.А. Лушечкина. – М.: МАКС Пресс, 2015. – 511 с.
ISBN 978-5-317-05163-1

В опубликованных статьях криминалисты из России, Беларуси, Казахстана, и Украины рассматривают актуальные проблемы развития криминалистики по всем ее разделам: теории и методологии, криминалистической техники, криминалистической тактики, методики расследования отдельных видов преступлений, а также обсуждают вопросы процессуального регулирования криминалистической деятельности, проблемы использования специальных знаний и развития судебной экспертизы. Содержание сборника отражает новые подходы в развитии криминалистики как науки, практической деятельности и учебной дисциплины.

УДК 343.9
ББК 67.52

Modern forensic science: problems, trends, perspectives: International science-and-practice conference dedicated to 90th anniversary of professor N.P. Yablokov PhD. Moscow, December 22, 2015. / Ed. by M.A. Lushechkina. – M.: MAKS Press, 2015. – 511 p.

The following articles written by criminalists from Russia, Belarus, Kazakhstan and Ukraine deal with up-to-date problems of criminalistics in its every subdivision – criminalisitic technics, criminalistic tactics, theory and methodology, methods of criminal investigation. They also discuss issues of criminal procedure, usage of special knowledge and developing of forensic science. This digest explores the new approaches to criminalistics as scientific field, practice and study.

Электронное издание

ISBN 978-5-317-05163-1

© Авторы статей, 2015
© Лушечкина М.А., составление, 2015

Оглавление

I. О юбиляре 10

Николай Павлович Яблоков 10

В.А. Жбанков О профессоре Н.П. Яблокове и его роли в развитии криминалистики.. 12

Д.П. Поташник Н.П. Яблоков: несколько штрихов к портрету юбиляра 15

К юбилею профессора Николая Павловича Яблокова 17

II. Актуальные проблемы общей теории криминалистики и практики применения криминалистических знаний. Криминалистика как учебная дисциплина 20

Н.П. Яблоков Некоторые проблемы отечественной криминалистики в свете сегодняшнего времени 20

И.В. Александров Об актуальных направлениях развития криминалистики 26

М.О. Баев Использование адвокатом криминалистических средств при реализации функции защиты 28

А.И. Баянов Методический подход к классификациям следственных ситуаций. 33

А.Ю. Головин, М.В. Баранов К вопросу о механизме решения задач в системе расследования преступления 37

М.В. Жижина О возможности и необходимости применения криминалистических знаний и средств в цивилистическом процессе 41

А.Б. Жуков Определение категории «место» в криминалистике 45

С.Ю. Журавлев, С.К. Крепышева Криминалистическая методика и тактика: контекст современного понимания роли криминалистики в юридической деятельности и юридическом образовании 49

Д.В. Завьялова Исключительная ситуация как разновидность криминалистических (следственных) ситуаций 54

Д.В. Ким Влияние ситуационного подхода на постановку и решение криминалистических задач в процессе расследования преступлений 58

А.С. Князьков Роль Н.П. Яблокова в формировании концепции криминалистического мышления 63

А.Е. Козлов, А.Б. Калинкина Криминалистические разработки и их использование в уголовном процессе 68

В.Я. Колдин Криминалистика в университетском образовании России 71

В.П. Корж Проблемы развития криминалистики в условиях реализации уголовного процессуального законодательства украины 75

М.А. Лушечкина Криминалистическое изучение личности как часть теории криминалистики: проблемы становления и перспективы развития 79

Н.И. Малыхина Вопросы формирования криминалистического учения об участниках криминального события 84

И.О. Перепечина Генетическая идентификация как частная криминалистическая теория и новая отрасль криминалистической техники 88

Н.А. Подольный Криминалистическая классификация преступлений как средство оптимизации предварительного расследования 93

О.В. Полстовалов О личности следователя как объекте криминалистического анализа 95

А.В. Сибилькова Информатизация процесса расследования преступлений 99

Д.А. Степаненко Криминалистическое познание: уровни и их соотношение, методологическая основа 104

А.В. Ткачев Информационные факторы обстановки совершения преступления 110

В.Ю. Толстолуцкий Методологические аспекты современной криминалистики в работах Н.П. Яблокова, стоящие за понятием «специфическое криминалистическое мышление» 114

А.В. Холопов Системный подход как основа формирования профессионального мышления в криминалистике 119

С.В. Шошин Развитие методологии судебной идентификации в России 124

Т. В. Шутемова Создание теории криминалистического мышления — осознанная необходимость 128

III. Процессуальные аспекты криминалистической деятельности 133

О.Я. Баев Место следователя и прокурора в системе досудебного производства по уголовному делу 133

М.В. Горский Институт следственных судей как угроза для криминалистики 138

А.М. Ишин, Н.Н. Лысов, В.М. Мешков Криминалистика как основной гарант установления истины в уголовном судопроизводстве 142

Н.С. Карпов Некоторые полномочия прокурора по надзору за проведением досудебного расследования 147

О.С. Кучин О необходимости постоянного закрепления в УПК РФ разработок криминалистической науки 150

А.С. Ладошкин Преступления, связанные с доказыванием в гражданском и арбитражном судопроизводстве, как объект криминалистического исследования ... 154

М.Ш. Махтаев Неотложные следственные действия: процессуальный и криминалистический аспекты 157

О.Ю. Цурлуй Процессуально-тактические особенности участия защитника в судебном обжаловании постановления о возбуждении уголовного дела 163

IV. Криминалистическая техника 169

О.С. Бочарова Установление публичных и экспертных защитных признаков в судебно-экспертном исследовании защищенных документов 169

В.Г. Булгаков О комплексном подходе в криминалистическом исследовании динамических признаков человека 173

Е.И. Галяшина Криминалистическая оценка достоверности фонограмм, получаемых в ходе оперативно-розыскных мероприятий: проблемы и решения 177

А.М. Зинин Научные и практические проблемы габитоскопии. 181

Е.В. Китаев, П.П. Смольяков Особенности идентификации рубящего орудия при исследовании повреждений на одежде 184

И.М. Комаров, Е.И. Комарова Микробиологический метод судебной идентификации человека. 187

И.А. Семенцова, А.А. Арзуманян Создание единой системы учета геномной информации как перспектива совершенствовании криминалистических учетов 192

V. Вопросы судебной экспертизы и иных форм использования специальных знаний 196

Э.А. Алимова Проблемы участия специалиста в следственных действиях 196

Ф.Г. Аминев Место и роль криминалистического мышления в судебно-экспертной деятельности 200

А.А. Аубакирова Законы логики и формирование внутреннего убеждения эксперта 204

В.И. Балко К вопросу о классификации специалистов 209

А.В. Васильченко, А.А. Сальманов, А.Р. Лонщакова Актуальные проблемы совершенствования новых методов судебно-медицинской идентификации личности человека 213

В.Ю. Гилева Проблемные вопросы применения норм о назначении и производстве судебных экспертиз и специальных исследований 216

Е. В. Елагина, Т.Г. Николаева Некоторые проблемы привлечения для производства судебных экспертиз сведущих лиц, не являющихся государственными экспертами 219

С.П. Жданов Участие специалиста в расследовании взяточничества 224

В.О. Захарова К вопросу о правовом регулировании экспертной деятельности на досудебной стадии уголовного судопроизводства 229

Д.В. Зотов Заключение эксперта как форма необходимых пределов доказывания... 234

И.Е. Козырева Роль психологии в расследовании преступлений 238

В. С. Латыпов Сведущие лица – кто они? 242

А.Д. Махова Теоретико-практические проблемы правового регулирования судебно-искусствоведческой экспертизы в уголовном процессе РФ 246

Н.С. Неретина Участие специалиста в оценке результатов экспертиз по новым родам и видам..... 250

И.А. Никифорова Возможность постановки правовых вопросов при назначении судебных экспертиз. Правовые экспертизы (на примере расследования нецелевого расходования бюджетных средств)..... 254

Л.Ф. Парамонова Статус экспертизы, проводимой по запросу адвоката (по УПК РК): постановка проблемы 257

Е.Р. Россинская Экспертиза в судопроизводстве – новая дисциплина юридического образования 262

Е.В. Селина Заключение специалиста по уголовному делу: вопросы применения современной криминалистики..... 267

Л.Г. Шапиро Актуальные проблемы использования показаний специалиста при расследовании преступлений и судебном разбирательстве уголовных дел..... 271

VI. Криминалистическая тактика 275

Г.З. Адигамова, Л.Э. Адигамова Технология следственного осмотра с использованием методов аналитической геометрии в современной криминалистике..... 275

И.В. Иванов Проблемы криминалистического изучения личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе производства следственных действий 279

И.М. Комаров, Н.Ю. Пономаренко Тактические и оперативно-тактические операции как средство собирания доказательств преступления 283

С.В. Кузьмин Тактические приемы: проблемы выбора 287

Н.Ю. Лебедев Криминалистика на службе у судьи для преодоления конфликтов, возникающих при рассмотрении уголовного дела 293

А.Ю. Самойлов Особенности допроса подозреваемых и обвиняемых в конфликтной 298

В.И. Саньков Допрос и проверка показаний подозреваемого (обвиняемого) – проблемы криминалистической тактики и пути их решения 300

О.А. Славгородская Реализация криминалистического мышления при получении информации от свидетелей преступления..... 305

А.В. Хмелева Процессуальные и тактические ошибки, допускаемые следователями при осмотре места происшествия (на основе обобщения следственной практики)... 309

Е.Е. Центров Парадигма криминалистической тактики и её основные понятия..... 313

А.А. Чебурёнков Фактор времени как структурный элемент следственной ситуации и его тактическое значение 320

З.А. Шагимуратова К вопросу об использовании обмана в тактических целях 324

VII. Методика расследования отдельных видов преступлений..... 327

Г.К. Авдеева, С.М. Бобрицкий Инновации в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий 327

А.В. Акчурин О степени теоретической разработанности проблем расследования пенитенциарных преступлений 331

Е.А. Ануфриева Возможности использования аудио/видеозаписей в доказывании по делам о коррупционных преступлениях..... 337

А.Ю. Афанасьев, Ю.А. Гончан, А.Ф. Лубин Цель криминалистической методики расследования преступлений – система доказательств для принятия уголовно-процессуальных решений 340

С.В. Баринов Обстановка совершения преступных нарушений неприкосновенности частной жизни..... 344

Т.П. Бирюкова, Д.В. Бирюков Особенности производства личного обыска лица, задержанного при совершении действий с поддельными деньгами..... 349

Р.Н. Боровских Базовые и сопутствующие преступления в сфере страхования: криминалистическая типология 353

А.Х. Валеев Личность преступника как элемент криминалистической характеристика преступлений экстремистской направленности 358

В.К. Гавло, А.В. Польгерт Понятие незаконного сбыта наркотических средств, совершенного бесконтактным способом..... 361

Ю.П. Гармаев Принцип наступательности в криминалистической методике расследования 367

В.А. Грушихина К вопросу о первоначальных следственных действиях при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков 372

В.О. Давыдов Организованные преступные формирования, совершающие транснациональные преступления экстремистского характера, как объект криминалистического исследования..... 376

Н.А. Данилова О некоторых проблемах, возникающих в ходе проверки сообщения о преступлении экономической направленности..... 380

О.Б. Дронова Проблемные вопросы легитимности производства и реализации ряда потребительских товаров 384

В.В. Ефимов Особенности криминалистических характеристик экономических преступлений в аграрных комплексах России, Белоруссии и Украины. 387

Я.М. Злоченко, Р.Р. Вафин, А.Е. Рыспаев Организационно-управленческие оперативно-следственные ситуации: принятие решений в условиях неопределенности, конфликта и риска при расследовании транснациональных (трансграничных) религиозных преступлений террористической направленности..... 392

Я.С. Карпов Типичные способы совершения и сокрытия незаконного оборота прекурсоров наркотических средств..... 399

К.Ю. Комбаров Особенности раскрытия и расследования коррупционных преступлений, совершаемых медицинскими работниками. 404

А.А. Корчагин К вопросу о криминалистическом обеспечении предварительного следствия по уголовным делам об убийствах 406

А.В. Кофанов Некоторые аспекты оборота огнестрельного оружия в Украине 411

П.В. Малышкин Противодействие расследованию преступлений: законное и незаконное противодействие 415

Д.Н. Маринкин Особенности криминалистической характеристики преступной активности в жилищно-коммунальной сфере Российской Федерации 420

К.А. Нелюбин Исследование социальных сетей второго порядка для раскрытия убийств 425

С.Р. Низаева Тактические особенности производства осмотра места происшествия на этапе доследственной проверки сообщений о фактах мошенничества в сфере жилищно-правовых отношений 430

Н.В. Олиндер Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем 434

А.Н. Померлян К вопросу о важности освидетельствования и судебно-медицинской экспертизы при расследовании изнасилований 438

С.В. Пропастин Состояние и тенденции развития уголовного права как элемент проблемной области формирования теоретических основ расследования интернет-преступлений 441

А.В. Раздрогин Криминалистические особенности проведения осмотра места происшествия по уголовным делам о преступлениях корыстной направленности, совершенных несовершеннолетними, страдающими психическими расстройствами. 445

М.С. Салекин Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования краж из жилища в сельской местности, совершаемых цыганами, в зависимости от объема полученной информации 448

А.Ю. Сафронов Предмет преступного посягательства по делам о фальсификации доказательств по уголовному делу, фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности 453

А.Л. Сергеев Правовые экспертизы по должностным преступлениям коррупционной направленности: плюсы и минусы 458

О.Д. Сергеев, Д.В. Остапчук Криминалистическая характеристика преступления и ее значение для расследования преступных нарушений правил безопасности при ведении горных работ. 461

Е.В. Смахтин, Е.В. Христинина Роль и значение методологических основ криминалистики в создании частных криминалистических методик (на примере методики расследования получения взятки в системе высшего образования) 466

С.А. Степанов Некоторые аспекты способов совершения преступлений насильственного характера, не связанных с причинением смерти потерпевшему, совершаемых военнослужащими внутренних войск 472

И.А. Уварова Научные основы и значение криминалистической характеристики преступления, как элемента частных методик расследования преступлений 476

М.Н. Угрюмова Актуальные вопросы методики расследования мошенничества, связанного с реализацией поддельных произведений искусства 481

А.Н. Халиков Теоретические вопросы противодействия расследованию 486

В.И. Халин Некоторые факторы противодействия расследованию коррупционных преступлений 489

Д.С. Хижняк Роль анализа криминальной ситуации в стратегических документах зарубежных стран для выявления характера транснациональной криминалистической (следственной) ситуации (на материале стратегических документов Великобритании и США) 494

Л.Е. Чистова Организованная преступная деятельность: понятие, сущность, структура. 498

А.В. Чумаков Об основаниях криминалистической классификации мошенничества при получении выплат 502

VIII. Сведения об авторах 505

I. О юбиляре

Николай Павлович Яблоков

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный профессор Московского университета, почетный работник прокуратуры, профессор кафедры криминалистики Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова**.**

Н.П. Яблоков родился в 1925 году в г. Фурманове Ивановской области.

Во время Великой Отечественной войны и первое послевоенное время учился и работал в системе авиационной промышленности. В 1946 г. Н.П. Яблоков поступил, а в 1950 г. окончил Московский юридический институт, уже работая экспертом в криминалистической лаборатории МЮИ, и продолжил практическую экспертную деятельность с 1950 г. до начала 1953 г. в качестве старшего эксперта ЦКЛ ВИЮН МЮ СССР, а с марта 1953 г. по сентябрь 1956 г. - начальника отдела криминалистических учреждений МЮ РСФСР.

В 1955 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук, в 1972 – диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук.

С 1956 г. начинается преподавательская деятельность Н.П. Яблоков во Всесоюзном юридическом заочном институте. С 1959 года он осуществляет научно-педагогическую деятельность на Юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, последовательно занимая должности доцента, профессора (1977 г.), заведующего кафедрой криминалистики (1985 – 2012 гг.). С 2012 г. по настоящее время - профессор кафедры криминалистики. Читает лекционный курс по криминалистике, спецкурс «Криминалистические проблемы борьбы с организованной преступностью», проводит семинарские занятия по криминалистике, руководит курсовыми и дипломными работами, а также стажерами и аспирантами.

Н.П. Яблоков по праву считается одним из основателей современной российской криминалистики. Главные направления его научных исследований: теория и методология криминалистики, общие вопросы теории и практики методики расследования отдельных видов преступлений, теории и практики расследования преступлений, проблемы криминалистической методики, методика расследования нарушений охраны труда и техники безопасности, методика расследования преступлений, совершаемых организованными преступными группами, вопросы криминалистической профилактики преступлений.

Имеет более 200 научных трудов по широкому кругу вопросов теории криминалистики и практикческой криминалистической деятельности. Н.П. Яблоков - руководитель авторских коллективов и ответственный редактор многих учебников криминалистики для вузов и коллективных монографий. С 1990 г. он был руководителем авторского коллектива и ответственным редактором 4-х вузовских учебников криминалистики, подготовленных коллективом кафедры криминалистики Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Кроме того, им подготовлено и издано 5 авторских учебников криминалистики для юридических вузов. Последний (2014 г.) из них стал лауреатом конкурса «Выбор юридических вузов России».

Основные монографические работы проф. Н.П. Яблокова:

1. Расследование и предупреждение преступных нарушений правил охраны труда и техники безопасности. М., 1971.

2. Исследование обстоятельств преступных нарушений правил безопасности труда. М., 1980.

3. Предмет, система и теоретические основы криминалистики (в соавторстве с А.Н. Васильевым), М., 1984.

4. Криминалистические особенности дорожно-транспортных преступлений и их предупреждение. Ереван, 1990 (в соавторстве с Ю.Н. Багдасаряном).

5. Основы борьбы с организованной преступностью. М, 1996 (в соавторстве).

6. Расследование организованной преступной деятельности. М, 2002.

7. Криминалистика: природа и система. М, 2005 (в соавторстве с А.Ю. Головиным).

8. Борьба с мафией в Китае. М, 2006 (в соавторстве с Синь Янем).

9. Криминалистика: природа, система, методологические основы. М, 2009 (в соавторстве с А.Ю. Головиным).

10. Организованная преступная деятельность: теория и практика расследования. М, 2014.

11. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние, проблемы. М, 2015.

Под руководством Н.П. Яблокова защищено 34 кандидатских и 4 докторских диссертации (в их числе профессором Татьяной Станиславовной Волчецкой, заведующей кафедрой уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Юридического института Балтийского федерального университета им. И. Канта).

Н.П. Яблоков возглавляет диссертационный совет Д 501.001.73 при МГУ, является членом Ученого совета Юридического факультета МГУ, в течение многих лет возглавлял секцию криминалистики, уголовного процесса и правоохранительных органов Учебно-методического совета УМО по классическому университетскому образованию, входит в редколлегии журналов «Вестник МГУ» (серия «Право»), «Криминалистъ первопечатный». На протяжении многих лет был членом научно-консультативного совета Генеральной прокуратуры РФ, в настоящее время - член научно-консультативного совета Следственного комитета РФ.

Николай Павлович награжден медалями: «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» (1946), «В память 850-летия Москвы» (1998), юбилейными медалями - тридцать, сорок, пятьдесят лет победы в Великой Отечественной войне, «За отличную службу по охране общественного порядка» (1984), «Ветеран труда» (1987); награжден знаком «Почетный работник прокуратуры» (1986), удостоен почетного звания «Заслуженный юрист РСФСР» (1986), «Заслуженный профессор Московского университета» (1998), «Заслуженный деятель науки РФ» (2002).

Награжден медалью «За отличную службу по охране общественного порядка», почетной серебряной медалью Р.С. Белкина, и другими медалями, а также международной неправительственной организацией «Криминалистический конгресс» - «Хрустальным кубом». За подготовку и воспитание квалифицированных специалистов получил благодарность от ректоров Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, Мордовского государственного университета им. М.П. Огарева, за развитие научного потенциала кафедры управления организации расследования преступлений Академии Управления МВД имеет благодарность от руководства этой Академии.

Вся научная, методическая и учебная работа Н.П. Яблокова осуществляется на основе непосредственной связи с практической деятельностью государственных органов. Так он сотрудничает с Генеральной прокуратурой РФ, Следственным комитетом РФ, Следственным департаментом МВД РФ, являясь экспертом и консультантом по различным вопросам правоохранительной практики.

В.А. Жбанков

О профессоре Н.П. Яблокове и его роли в развитии криминалистики

В статье рассматривается роль профессора Н.П. Яблокова в разработке теоретических и практических проблем криминалистики.

***Ключевые слова**: теория криминалистики, система криминалистики, юридическая природа криминалистики, организованная преступность.*

V.A. Zhbankov

About the professor N.P. Yablokov and his role in the development of criminology?

The article is about the role of professor N.P. Yablokov in the development of theoretical and practical problems of criminalistics.

***Keywords**: legal reform, the Criminal Procedure Code of Russia, the objective truth.*

Этот удивительно мягкий, доброжелательный и, в какой-то степени, застенчивый человек является выдающимся криминалистом нашего времени, занявшим достойное место в плеяде известнейших учёных нашей профессии. С профессором Н.П. Яблоковым я познакомился на юридическом факультете МГУ им. Ломоносова, кафедру криминалистики которого он возглавил с 1985 года и плодотворно руководил ею вплоть до 2012 года. Со временем у нас сложились дружеские отношения, и Николай Павлович неизменно приглашал меня на круглые столы, конференции и т. д., организованные кафедрой криминалистики, выступать оппонентом по кандидатским и докторским диссертациям, подготовленным им и сотрудниками кафедры.

О профессоре Н.П. Яблокове и его работах, значении в криминалистике написано очень много. В настоящее время в свои 90 лет он полон энергии, бодрости, и научный мир криминалистов ожидает от него новых работ по теоретическим и практическим проблемам нашей науки.

Сейчас криминалистика переживает непростое время, поскольку неоднократно предпринимаются попытки расшатать её традиционные устои в отношении предмета науки, её юридической природы и системы, увести криминалистику от решения насущных практических задач борьбы с современной преступностью. И здесь можно отметить весьма конструктивную позицию Н.П. Яблокова по указанным выше вопросам.

Прежде всего, остановимся на взглядах Н.П. Яблокова, относительно природы криминалистики.

В последний период своей жизни профессор Р.С. Белкин высказал мнение о синтетической природе криминалистики, основываясь на одной из классификаций наук. эту позицию поддержал ряд известных криминалистов[1]. Н.П. Яблоков обоснованно подверг критике данную точку зрения, подчеркнув, что «создатели криминалистики представляли её именно как серьёзную научную дисциплину, основной задачей которой является

[1]Криминалистика / Под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. 2-е изд. М., 2009. С. 20-22.

удовлетворение потребностей наук уголовного и уголовно-процессуального права по повышению их возможностей в решении задач уголовного судопроизводства»[1].

В своих работах Н.П. Яблоков обоснованно подчёркивает, что криминалистика – юридическая наука, изучающая правовые явления и разрабатывающая специфические средства и методы их познания. Она разрабатывает специфические рекомендации по практике борьбы с преступностью и формировалась в рамках уголовного процесса, выделившись в самостоятельную область научных знаний, тесно связанную с уголовно-процессуальным правом, наукой уголовного процесса и практикой расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. За весь период своего развития в криминалистике разработан весьма значительный арсенал средств, методов и технологий работы с доказательствами. При этом разработанные в криминалистике теоретические положения и практические рекомендации могут вполне применяться в других юридических науках в рамках межнаучного взаимодействия, основные направления применения которых обстоятельно изложены в указанной выше работе[2].

Что же касается системы науки криминалистики, то Н.П. Яблоков в своих работах подчёркивает, что современная четырёхчленная система науки наиболее адекватно отражает объект и предмет криминалистического познания. Она не имеет системных противоречий, могущих быть неразрешимыми, а заключительная и итоговая её часть – методика расследования – аккумулирует сведения из остальных частей криминалистики и увязывает их в единый комплекс действий при расследовании отдельных видов преступлений. Вместе с тем, указанная система никоим образом не препятствует дальнейшему обоснованному процессу её совершенствования и развития. В этой связи Николай Павлович решительным образом выступает против неоднократно встречающихся попыток «усовершенствовать» систему криминалистики, за счёт увеличения количества разделов, разделения на ряд видовых подсистем («банковской», «хозяйственной», «криминалистической адвокатологии» и др.) или же введение новых криминалистических учений и теорий, новых разделов общей теории криминалистики, криминалистической техники, криминалистической тактики и криминалистической методики, являющихся по образному выражению профессора Р.С. Белкина «криминалистическими фантомами» [3].

Мы разделяем указанную позицию Н.П. Яблокова и приводим по данному вопросу интересное соображение, высказанное профессором В.И. Комиссаровым, который писал: «…не вдаваясь в исторический экскурс формирования системы криминалистики и ее учебного курса, заметим, что «разноголосица» формировании учебных программ обусловлено тем, что Министерство образования РФ, утвердив государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования, отказалось от разработки типовой программы изучения курса криминалистики. Это привело к тому, что отечественная школа подготовки юристов, десятилетиями складывающимися под руководством известных деятелей науки (Р.С. Белкина, А.Н. Васильева, А.И. Винберга, И.Ф. Крылова, С.П. Митричева и многих других) стало «активно» разрушаться их же учениками»[4].

В этой связи Н.П. Яблоков отмечает, что следует:

---

[1]Н.П. Яблоков Теоретические и практические аспекты применения данных криминалистики в правоприменительной и иной юридической деятельности // Вестник криминалистики. Выпуск 3 (31) М., Спарк 2009 год. С. 17.

[2]Н.П. Яблоков Указ. раб. С. 16-25.

[3]Н.П. Яблоков Системные исследования в криминалистике. Общие вопросы / Проблемы системных исследований в криминалистике и судебной экспертизе: Конф., 4-5 декабря 200 6 г., М., МГУ им М.В. Ломоносова: Сб. тезисов – М.: МАКС Пресс, 2006. С. 7-13.

[4]В.И. Комиссаров. Дискуссионные вопросы предмета и системы криминалистики // Криминалистические чтения посвященные 100-летию со дня рождения профессора Б.И. Шевченко. Москва. МГУ. 200 4 год. С.101.

- более продуманно и взвешенно выступать в печати с идеями и мнениями, которые могут привести к нарушению наиболее оптимальной системы целостности криминалистики, исключению из числа юридических наук, признания ее неправовой основы;

- не увлекаться бесполезными дискуссиями об общем предмете криминалистики, её предмете и закономерностях, о значении криминалистической характеристики преступлений, уводящих науку от разработки важных и актуальных для современного периода вопросов, позволяющих облегчить усилия правоохранительных органов в борьбе с наиболее опасными преступлениям, а также от исследований важных научных проблем теории криминалистики[1].

Относительно насущных практических задач борьбы с современной преступностью, то можно отметить роль Н.П. Яблокова в разработке методики расследования преступлений, совершаемыми организованными преступными формированиями.

Данной проблеме посвящена серия статей в журнале «Вестник Московского университета», тезисов в сборниках научно-практических конференций, а также работа «Расследование организованной преступной деятельности». В указанной работе[2] рассмотрены такие вопросы, как особенности организованной преступности в России; криминалистические аспекты изучения организованной преступной деятельности; организационные основы раскрытия и расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами и сообществами; основы методики раскрытия и расследования преступной деятельности организованных преступных групп и сообществ. Особое внимание в работе уделено роли оперативно-розыскных подразделений в борьбе с организованными преступными формированиями и их взаимодействии со следственными подразделениями, сотрудничеству правоохранительных органов России с зарубежными государствами, типовым криминалистическим ситуациям и основным направлениям их расследования.

Идеи, изложенные в работах Н.П. Яблокова, направленные на выявление и расследование преступлений, совершаемых организованными преступными формированиями, использованы нами при разработке рекомендаций борьбы с таможенными преступлениями и, в частности, в монографии В.А. Жбанкова, А.В. Табакова «Криминалистическая характеристика контрабанды наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, совершаемой членами организованных преступных формирований» (М., 2014).

Следующим направлением практической разработки криминалистических рекомендаций, на которое обратил внимание Н.П. Яблоков, является исследование проблем криминалистических ситуаций и ситуационного моделирования. Здесь можно отметить весьма плодотворные и значимые работы, выполненные ученицей Н.П. Яблокова – профессором Т.С. Волчецкой, защитившей докторскую диссертацию «Криминалистическая ситуалогия» (1997).

И, наконец, можно отметить, что идеи профессора Н.П. Яблокова способствовали разработке криминалистической систематики и её значению в борьбе с преступностью. В этом направлении весьма активно работает ученик Н.П. Яблокова – профессор Н.Ю. Головин, защитивший докторскую диссертацию по данной проблеме и опубликовавший совместно с Н.П. Яблоковым монографию «Криминалистика: природа, система, методологические основы» (2009).

---

[1]Н.П. Яблоков Некоторые взгляды на криминалистику как науку и учебную дисциплину XXI века / Криминалистика XXI столетия: мат. межд. начн. практ. конференции 25-26 ноября 201 0 г. Харьков. 2010. С. 71-72.

[2]Н.П. Яблоков Расследование организованной преступной деятельности. – М.: Юристъ, 2002. – 172 с.

Дорогой Николай Павлович! Ваш вклад в науку криминалистику весьма весом и значителен. Мы Вас очень любим, обнимаем и желаем здоровья, счастья и дальнейших творческих успехов.

Д.П. Поташник

Н.П. Яблоков: несколько штрихов к портрету юбиляра

В статье автор отмечает роль профессора Н.П. Яблокова в развитии науки криминалистики и преподавании криминалистики в системе юридического образования, а также в подготовке научных кадров. В один ряд с заслугами профессора Н.П. Яблокова в сфере профессиональной деятельности автор ставит его человеческие качества, дополняющие портрет известного российского ученого.

***Ключевые слова**: Н.П. Яблоков, криминалистика, юридический факультет МГУ.*

D.P. Potashnik

N.P. Yablokov: a few strokes to the portrait of the hero of the day

The article consideres the role of Professor N.P. Yablokov in the development of criminalistics and forensic education in the system of legal education as well as in the training of researchers. Professor N.P. Yablokov's merits in the sphere of professional activities are put by the author in line with his human traits which complements the portrait of the famous Russian scientist.

***Keywords**: N.P. Yablokov, criminalistics, Faculty of Law of MSU*

Николай Павлович Яблоков - один из наиболее известных в юридическом сообществе России ученых-криминалистов: доктор юридических наук, заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ. В связи с юбилеем Николая Павловича, безусловно, будут публикации, посвященные анализу его научной деятельности в целом, роли в разработке отдельных проблем науки криминалистики, заслугам в подготовке научных кадров и иным сферам деятельности, в которых проявил себя известный криминалист.

На правах первой аспирантки Н.П. Яблокова считаю своим долгом отметить такие стороны его личности, которые, возможно, выходят за рамки официальных публикаций и поздравлений, но дают более полное представление об этом ученом.

Мое знакомство с Н.П. Яблоковым состоялось осенью 1955 года. В это время он работал в Министерстве юстиции РСФСР, возглавляя отдел судебных экспертиз. Я как начинающий эксперт-криминалист оказалась в Москве на шестимесячных курсах экспертов криминалистов МЮ СССР. Николай Павлович для личного знакомства с курсантами из РСФСР пригласил каждого из нас персонально к себе в Министерство в назначенное время. Впечатление, которое мы вынесли после встречи и общения с Н.П. Яблоковым, было самое благоприятное: молодой, доброжелательный, без всякого зазнайства, безупречен в манерах и одежде, подтянутый, без каких-либо претензий на «начальственность», в беседе проявлял искренний интерес и профессионализм. Эти качества (естественно кроме возраста) свойственны ему и в настоящее время.

Не буду останавливаться на последующих фактах, относящихся к биографии Н.П. Яблокова до 1960 г. Именно осенью этого года, имея за спиной пятилетний стаж

экспертной работы в Московской НИКЛ, я поступила в аспирантуру на кафедру криминалистики МГУ, и моим научным руководителем был назначен доцент кафедры Н.П. Яблоков. Первой задачей, которую нам предстояло решить, был выбор темы диссертационного исследования.

60-е годы в криминалистической науке выдвинули проблему разработки приемов, методов и средств не только расследования, но и предупреждения преступлений, причем акцент был сделан на предупреждение. Именно в этот период на базе Института криминалистики Прокуратуры СССР был организован НИИ по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. В данной ситуации предложенная мне тема диссертации «Предупреждение преступлений по материалам криминалистических экспертиз» представлялась наиболее подходящей. Она была сформулирована после длительного и достаточно тщательного обсуждения с учетом ее новизны и актуальности. Не могу не отметить исключительно важную роль своего научного руководителя в оказании мне помощи в работе над диссертацией. В отсутствие на тот период специальной литературы по названной теме большое значение имели организованные Н.П. Яблоковым для меня консультации и беседы с такими видными учеными как Р.С. Белкин, А.А. Эйсман, а также командировки в Харьковский и Киевский НИИСЭ, которые в те годы были ведущими научными центрами судебной экспертизы.

Подобную заботу Николай Павлович проявлял и в отношении других своих аспирантов в последующие годы. При этом у него всегда присутствовала высокая требовательность к качеству выполняемых аспирантами работ. Не навязывая своего мнения по некоторым спорным вопросам, он заставлял более обоснованно изложить свою позицию, не витать в облаках, а быть поближе к реальности. Не всякий аспирант выдерживает подобные требования, о чем свидетельствуют и некоторые имевшие место случаи незавершенных к окончанию аспирантуры отдельными аспирантами своих диссертационных работ. Но это были единичные случаи. В целом же профессор Н.П. Яблоков обогатил своими учениками юридические факультеты многих ВУЗов России. Некоторые из них продолжили свою научную деятельность, защитив докторские диссертации, и в настоящее время возглавляют кафедры криминалистики своих университетов.

В научной жизни Н.П. Яблокова большой по продолжительности период (без малого 30 лет) связан с его деятельностью в качестве заведующего кафедрой криминалистики юридического факультета МГУ. В этот период он основное внимание уделял подготовке учебных материалов по криминалистике. Под его редакцией и с его участием в качестве автора отдельных глав выходят учебники криминалистики (1990, 1995, 1999, 2005, 2010 гг.), практикум по криминалистике (2004 г.). Несколько изданий выдержал авторский учебник криминалистики, написанный Н.П. Яблоковым.

Профессор Н. П. Яблоков — активный участник многочисленных научных конференций, посвященных актуальным проблемам современной криминалистики. Нельзя не отметить организованные по его инициативе и проведенные на кафедре криминалистики юрфака МГУ научные конференции по проблемам системных исследований в криминалистике и судебной экспертизе (2006 г.) и роли криминалистики в системе правоприменения (2008 г.). В течение многих лет Н.П. Яблоков возглавлял предметную секцию УМО.

Необходимость проведения подобных научных конференций вызвана новыми проблемами, возникшими в связи с определенными изменениями в системе юридического образования (двухуровневая система: бакалавриат и магистратура), предложенный стандарт юридического образования. Эти и связанные с ними некоторые другие проблемы требовали однозначного обоснованного решения. С этих позиций

профессор Н.П. Яблоков вновь обратил внимание юридической общественности на предмет криминалистики, ее методологию, природу, структуру, систему. Отметив отсутствие единого в среде ученых криминалистов представления о возможностях использования криминалистики во всех видах правоприменительной деятельности, искусственность и надуманность некоторых предложений без должного системного обоснования и научной апробации, профессор Н.П. Яблоков предлагает внести соответствующие коррективы в преподавание криминалистики в гражданских юридических вузах. Следует согласиться с его мнением об отсутствии непреодолимых причин, требующих существенной перестройки современной системы криминалистики.

Взгляды Н.П. Яблокова на предмет и методологию современной криминалистики наиболее полно отражены в совместной с А.Ю. Головиным монографии «Криминалистика: природа и система» (2005), а также в соответствующих разделах учебника криминалистики 2010 г., в его лекционных курсах, читаемых по программам бакалавриата и магистерской подготовки.

Портрет ученого будет неполным, если его ограничить рамками той науки, которую он представляет. Помимо криминалистики профессор Н.П. Яблоков проявляет живой интерес к юридической науке вообще, к общественной жизни, занимая активную позицию на факультете и в МГУ. В прошлом заядлый театрал, он и сейчас в меру своих возможностей отдает дань Мельпомене, любит музыку, оперу, кино, художественную литературу.

Беру на себя смелость от имени всех бывших аспирантов Николая Павловича выразить наши самые добрые и наилучшие пожелания своему бывшему наставнику, уважаемому ученому и просто замечательному человеку.

К юбилею профессора Николая Павловича Яблокова

***

Есть книга «Портреты «Основатели криминалистики»», которая содержит в себе портреты 25 знаменитых криминалистов, один из них – Николай Павлович. Николай Павлович Яблоков - это целая эпоха криминалистики.

И.В. Александров, профессор, заведующий кафедрой
криминалистики Юридического факультета МГУ

***

Николай Павлович, один из немногих мэтров криминалистики. Трудно отыскать ученого, который отдал нашей науке больше 60 лет жизни и, несмотря на зрелый возраст, сохранил как ясное криминалистическое мышление, так и твердое авторское перо. Профессор Н.П. Яблоков не только выдающийся ученый, но и интеллигент. Мне не известны факты, когда бы он отказал кому-нибудь в помощи, но между тем это человек твердых убеждений и правил как в жизни, так и в науке.

И.М. Комаров, профессор кафедры криминалистики
Юридического факультета МГУ

***

Николай Павлович Яблоков мудр, всегда доброжелателен, открыт в общении, уважителен по отношению ко всем коллегам, будь то профессор или лаборант. Благодаря этим качествам и высокой внутренней организованности как заведующий кафедрой он умел сплотить коллектив в самых сложных ситуациях, проявляя оптимальное

соотношение лояльности и требовательности. И сейчас он остается главным советчиком во всех наших кафедральных делах.

М.А. Лушечкина, доцент кафедры криминалистики
Юридического факультета МГУ.

***

Портрет Николая Павловича можно помещать в букварях под буквой "Н" - ибо он Наставник. Именно Наставник с большой буквы.

А.И. Сотов, доцент кафедры криминалистики
Юридического факультета МГУ, аспирант Н.П. Яблокова.

***

Николай Павлович Яблоков удивительно сочетает в себе качества терпеливого педагога, въедливого ученого-криминалиста и одновременно человеческую теплоту, душевность. Я до сих пор храню черновики своей кандидатской диссертации с рукописными исправлениями научного руководителя - Н.П. Яблокова. Для меня эти богато исписанные убористым мелким почерком поверх печатных слов листы являются моделью преображения смутных аспирантских мыслей во вдумчивый, логичный, аргументированный, точно сформулированный научный текст, являются образцом проявления педагогического терпения и наставничества. Н.П. Яблоков - личность неординарная и выдающаяся во многих смыслах, вызывающая восхищение и глубокое уважение. Хочу пожелать Николаю Павловичу долгих лет здравия и благополучия!

Т.Д. Телегина, доцент кафедры криминалистики
Юридического факультета МГУ до 2014 г.,
аспирантка Н.П. Яблокова.

***

Николай Павлович большой ученый, талантливый учитель, мудрый, добрый и порядочный человек. В нем чудесным образом сочетаются забота, нежность, строгость и педагогическая искра. Он умеет вдохновлять и зажигать своих учеников как настоящий Наставник, мотивирует и не дает сдаваться. Николай Павлович поверил в меня, привил вкус к науке и дал возможность учиться в аспирантуре МГУ. Всегда поражаюсь безграничной щедрости его души, повторяю «спасибо» за все, что он сделал по отношению ко мне, ученикам, которых у него было множество, коллегам, с которыми работал и работает. Его труд заслуживает глубокого уважения и благодарности.

Е.С. Крюкова, ассистент кафедры криминалистики
Юридического факультета МГУ

***

Мне повезло быть учеником Николая Павловича, учась в аспирантуре и работать под его началом в лучшем университете. Можно сказать, что я принадлежу к числу его научных внуков, поскольку моим первым научным руководителем был ученик Николая Павловича, Владимир Иванович Куликов, который, к сожалению, погиб на первом году моей аспирантуры. От работы под началом Николая Павловича у меня остались самые приятные воспоминания. Даже когда он устраивал мягкие разносы на кафедре. Он умеет заботиться и помогать как профессионально, так и по-семейному. С его подачи я приобщился не только к теории, но приобрел контакты, позволившие стартовать в практике профессии. Я очень ценю и горжусь знакомством с ним.

Николай Лашко, аспирант Н.П. Яблокова,
руководитель корпоративных расследований Метро АГ, Германия

***

Яблокова Николая Павловича я знаю как любимого научного руководителя, который всегда поможет, подскажет, поправит, подбодрит, вдохновит и утешит. Именно под его началом чувствовалось, что ты не один на один со сложной научной проблемой, за тобой - знания и талант твоего руководителя. Николай Павлович всегда обладал и продолжает обладать особенным, присущим большим умам авторитетом. Он много лет возглавлял кафедру и продолжает оставаться ее неформальным лидером. Профессор Н.П. Яблоков - настоящий ученый, никогда не перестающий любопытствовать, удивлять и удивляться. Николай Павлович, поздравляю Вас с днём рождения!

Ольга Шахтарина, аспирантка Н.П. Яблокова
(Юридический факультет МГУ)

***

Для меня наиболее выдающимися чертами Николая Павловича являются его искренняя доброта и острый ум. Но более важно то, что ему удаётся эти качества прививать и развивать в своих учениках. За это мы ему все безмерно благодарны.

Н.Э. Хламов, аспирант Юридического факультета МГУ

***

Николай Павлович Яблоков - Преподаватель и Специалист с большой буквы! С самого первого занятия его оптимизм и любовь к криминалистике заразили нас интересом к этой науке. Можем с уверенностью сказать, что далеко не каждый преподаватель сможет так доходчиво и внятно объяснить столь непростую для студентов дисциплину. На его занятиях всегда царит атмосфера юмора и добра! Николай Павлович, мы всегда будем оставаться вашими ребятками!

Студенты 409 группы Юридического факультета МГУ

II. Актуальные проблемы общей теории криминалистики и практики применения криминалистических знаний. Криминалистика как учебная дисциплина.

Н.П. Яблоков

Некоторые проблемы отечественной криминалистики в свете сегодняшнего времени

В статье рассмотрены особенности современной преступности в России и связанные с этим актуальные задачи криминалистики, а также задачи подготовки специалистов криминалистического профиля. Показано, что эволюция современной преступности требует новых современных подходов к организации научной деятельности применительно к разработке методов раскрытия и расследования преступлений. Отмечены факторы, препятствующие разработке эффективных криминалистических методов раскрытия и расследования преступлений. Обсуждаются вопросы, связанные с созданием «Союза криминалистов России».

***Ключевые слова**: современная преступность в России, криминалистическая деятельность, обучение специалистов криминалистического профиля, новые подходы, разработка методов раскрытия и расследования преступлений.*

N.P. Yablokov

Some problems of domestic criminalistics in the context of today

The article deals with the features of modern crime in Russia and related urgent tasks of criminalistics as well as the tasks of forensic education. The evolution of modern crime is proved to require new approaches to the research activities organization in regards to the development of methods of crime detection and investigation. Factors preventing the development of effective forensic methods are indicated. The problems associated with the creation of the "Union of Russian forensic" are discussed.

***Keywords**: modern crime in Russia, forensic activities, forensic education, new approaches, development of forensic methods of crime detection and investigation.*

Глобальные перемены, начавшиеся в конце XIX века и активизировавшиеся к началу века практически во всех сферах жизни обществ многих государств мира, в том числе в России, связанные во многом с научно-техническим прогрессом в сфере электронно-компьютерных технологий и вступлением жизни нашего общества в информационную эпоху, в той или иной мере сказались на всех сферах нашей жизни (в экономике, науке, образовании и др.). Коснулись они и отечественной криминалистики и подготовки специалистов криминалистического профиля. Не могли не сказаться и на характере современной преступности в России.

Все это поставило пред криминалистикой и направлением её научно-практических разработок новые задачи, разрешение которых, могли бы повлечь дальнейшее её развитие и усиление её рола в борьбе с преступностью

Поскольку дальнейшее развитие отечественной криминалистики и её научно-практические проблемы связаны с совершенствованием и эффективностью разрабатываемых ею средств борьбы с преступностью всех видов и любого характера преступлений, целесообразно начать рассмотрение указанных проблем с раскрытия особенностей со-

временной отечественной преступности. Изучение современной преступности показало, что она под влиянием отмеченных перемен приобрела новые более опасные для нашего общества черты следующего характера:

- В условиях современного отечественного информационного общества, в силу доступности компьютерных средств, преступники получили возможность в своих криминальных целях использовать различные современные технические средства, компьютерные информационные новинки для совершения не только преступных финансовых мошенничеств и преступлений в сфере компьютерной информации, но и для совершения других опасных преступлений и для их изощренного сокрытия.

- Организованная преступность приобрела новые более опасные черты, в частности, свойства самоорганизации и трансформации, консолидации в структурно более сложные преступные организации и группы (ОПГ). И это особенно опасно, она превращается в организационную преступную деятельность юридических лиц вместе с ростом ее коррупционной составляющей. Такие преступные организации создают сеть фирм однодневок для прокручивания криминальных денег и их переводы за рубеж. Все это весьма негативно сказывается на экономике страны и отечественном бизнесе. Серьезно повышает инвестиционные риски, не стимулирует вкладывание западными инвесторами средств в нашу экономику. А уход части западных инвесторов из-за введенных санкций против нашей страны, ещё более ухудшает состояние экономики страны. Эта преступность подстегивает и отток капиталов из страны.

Наблюдается укрепление финансовой и материальной базы указанных ОПГ, расширение арсенала их криминалистических методов и средств совершения преступлений. Особенно деятельности, направленной на оказание противодействия раскрытию и расследования совершенных ими преступлений.

Совершенствуются способы и механизмы совершения ими крупных мошеннических хищений бюджетных средств, выделенных на решение важных государственных задач, а также мошеннических действий в кредитно-финансовой сфере.

Активизируется преступная деятельность организованных групп киберпреступников, похищающих деньги у Российских и зарубежных банков и частных лиц, совершающих преступления в сфере информационной безопасности. Значительная часть похищенных ими средств идет на подпитку преступлений террористической направленности. Более того такая преступность начинает все чаще носит транснациональный характер.

В условиях финансово-экономических колебаний в жизни нашей страны, во многом связанных с указанными выше глобальными изменениями, в том числе с экономической блокадой страны со стороны Америки и западноевропейских стран, активизируются правонарушения (фактическими преступного характера) в виде картельных соглашений различного рода крупных производственных и сырьевых корпораций совершаемые с целью устранения конкурентов с сырьевого и товарно-производственного и потребительского рынка страны в ущерб государству и ее гражданам, а также с целью ценового диктата на этом рынке. Такую преступность, весьма распространенную в \западноевропейских странах и Америке называют «преступностью корпораций». В нашей стране корпорации, охватившие основные сырьевые источники, тяжелую индустрию, транспорт и др. не только пытаются устранить указанную конкуренцию, но и занять командные посты в экономике. И это им порой удается.

По существу также картельные соглашения носят характер одного из своеобразного вида организованной преступности юридических лиц. Однако как таковая она пока серьезно правоохранительными органами не воспринимается.

Пока борьба с такими организованными криминалистическими деяниями, в отличие от борьбы с другими видами организованной преступности юридических лиц, фактически ведется лишь на административно-правовом уровне в рамках расследования в рамках расследования административно-правовых нарушений. До суда такие дела почти не доходят. И эту практику нельзя назвать эффективной.

Между тем в УК РФ есть статья 178, предусматривающая уголовную ответственность за действия разных субъектов, направленную на ограничение или устранение конкуренции на сырьевом рынке.

Поскольку же из органов борьбы с антимонопольными правонарушениями материалов в следственные органы почти не поступают, отсутствует фактическая база для изучения учеными криминалистами подобных деяний.

Это одна из причин, препятствующая разработке криминалистических методов и средств их раскрытия и расследования. Однако представляется в возникновении этой ситуации не безгрешны и органы следствия и ученые не державшие в поле своего внимания и не прогнозирующие большую опасность таких деяний и не пытающиеся изучить хотя бы практику их административно-правового расследования и определить насколько отдельные такие деяния носят административно-правовой, а не уголовно-правовой характер.

Другая причина отсутствие в нашем уголовно-правовом законодательстве ответственность юридических лиц за организацию на их базе организованных преступных групп и осуществлении организованную преступную деятельность. Однако до законодательного решения этой проблемы ученым криминалистам необходимо принять меры по изучению указанных видов организованной преступности прежде чем приступить к разработке необходимых эффективных методических рекомендаций по расследованию уголовных дел такого вида.

Вместе с тем указанная выше эволюция современной преступности требует при разработке методов раскрытия и расследования отдельных ее видов и новых современных подходов к организации указанной научной деятельности. Во-первых, каждая такая методика станет по настоящему рабочей и эффективной, если она будет разрабатываться коллективом ученых соответствующей научной направленности и профессиональных практиков расследования. Во-вторых, указанная разработка должна осуществляться на такой администрационно-организационной базе, которая может объединить ученых криминалистов из разных криминалистических подразделений (кафедр криминалистики вузов, криминалистических лабораторий, секторов НИИ и др.) и практиков и обеспечить их необходимым массивом уголовных дел соответствующего вида, подлежащего изучению. Например, такой базой, думается, может быть Академия Следственного комитета РФ, обладающая необходимым административно-финансовым ресурсом.

Очень важно, чтобы методики расследования отдельных видов преступлений основывались не только на должном научном анализе соответствующих уголовных дел передовом собственном опыте, но и на практике умелого использования при их расследовании различного рода мыслительных приемов и методов при поиске, выявлении, познании и оценке выясненной доказательственной и иной криминалистически- значимой информации по делу, приемов и методов, формирующих основу следственного мышления.

Вопросу о том, каким должно быть профессиональное мышление следователя еще в позапрошлом веке большое внимание уделяли Г.Гросс и его последователи (Э. Анушат, А. Рейс и др.). А в прошлом веке такие отечественные ученые как: И.Н. Якимов, С.П. Потапов, В.И. Громов, А.И. Винберг, А.А. Эйсман, И.Ф. Крылов, Р.С. Белкин, А.В. Дулов, И.М. Лузгин, Г.А. Зорин и др. При этом некоторые из них

(И.Н. Якимов, Р.С. Белкин) рассматривали следственную и розыскную деятельность как своеобразное профессиональное искусство.

А.Р. Белкин уточнил, что таким искусством должен обладать каждый следователь, каждый оперативный работник милиции, если он не унылый ремесленник, а подлинный мастер своего дела.[1]

Однако вопросы о том, каким мыслительным багажом должен обладать каждый следователь и как он должен его профессионально использовать при расследовании разных видов преступлений и в различных следственных ситуациях до сих пор не стали предметом серьезного изучения. Лишь Р.С. Белкин, И.М. Лузгин и Г.А. Зорин пытались придать должный интерес ученых криминалистов к этому вопросу. Но им это в полной мере сделать не удалось.

Между тем научная разработка круга мыслительных приемов и методов, условно называемым «криминалистическим мышлением», которым должен обладать каждый следователь, чтобы расследование было подлинной искусной деятельностью высокого уровня профессионализма, сейчас может базироваться не только на законах логики и психологии (как это было во время Г.Гросса и его последователей), а на основе знания приемов и методов многихсовременных наук. В частности, математической логики, теории игр, теории рефлексивных игр, кибернетики, ситуационного и фактологического анализа и др.

Однако для того, чтобы отечественные следователи действительно были вооружены самыми современными мыслительными приемами и методами и умением их применять на практике, важной глобальной задачей криминалистической теории и практики является необходимость решения следующих частных, но очень важных, задач:

- выявить, изучить мыслительные приемы разных наук с целью определения не только их возможности, но и научной целесообразности их использования в следственной деятельности при поиске, анализе, оценке доказательств по делу;

- -на основе такого изучения необходимо разработать своеобразную криминалистическую теорию (на уровне частной ее теории) такого мышления. Для ее разработки есть все необходимые предпосылки. Необходимость ее разработки обусловлена активным развитием той части общего предмета криминалистики, которая связана с изучением возможностей разных наук и видов мыслительных приемов и методов, могущих быть использованными при собирании, исследовании и оценке доказательств и иной криминалистически значимой информации по делу. Элементом этой теории может стать разработка системы мыслительных приемов и методов, наиболее пригодных и эффективных при решении задач поисково-познавательной деятельности в ходе расследования в разных типовых следственных ситуациях и решении задач доказывания. Представляется, эти задачи может решить лишь коллектив ученых разного профиля, включающий в себя не только криминалистов, юристов уголовно-правового цикла, математиков, философов, психологов, кибернетиков и практических работников следствия;

- -на основе указанной теории необходимо разработать систему и соответствующих дидактических приемов показа важности указанных приемов для осуществления расследования на должном профессиональном уровне и доведения этой важности до сознания студентов, готовящих себя к следственной деятельности и следователей, начинающих свою работу и имеющие небольшой стаж следственной деятельности. Одновременно и по разработке методов обучения пользоваться этими мыслительными приемами в ходе расследования.

---

[1]Белкин Р.С. Ведется следствие М.1976, с.18

- -соответственно определить на какой административно-управленческой и научно-практической базе можно будет сформировать указанный научно-практический коллектив и обеспечить его надлежащую работу по решению указанных задач. Представляется такой базой, как уже ранее отмечалось применительно к другой проблеме. Может быть Академия Следственного комитета. Она также может обеспечить отбор соответствующих специалистов, которые могут обучать следователей приемами криминалистического мышления следователей на базе территориальных органов Следственного комитета.

Важным направление научных исследований в криминалистике и практической реализаци ее результатов остается, начавшаяся еще с начала нашего века работа по продвижению криминалистических информационных технологий в работе с любой юридически значимой инфооормации и разными видами ее источников, особенно в гражданско-административно-правововой и административно-правовой сфере расследования, а также в других областях правоприменения и иной юридической деятельности.

Значимость исследований в этом направлении заключается в том, что криминалистические средства, методы и информационные технологии не только могут существенным образом сделать указанные судебно- и административно-процессуальные сферы деятельности тактически, методически и организационно более совершенными и эффективными, но и совершенствовать другие виды правоприменительной деятельности. Вместе с тем научно-практическая деятельность криминалистов в указанном направлении будет способствовать повышению значимости криминалистики и ее оценки не как узкопрофессиональной, а многофункциональной юридической науки и учебной дисциплины в ряду других юридических наук, лежащих в основе полноценной юридического образования.

Однако это важное и современное направление криминалистических исследований, начатое еще в начале нового века коллективом кафедры криминалистики юридического факультета МГУ, пока еще не стал одним из направлений научного исследования, проводимого другими научно-криминалистическими коллективами кафедр и других научных подразделений. До сих пор исследования по этому вопросу ведутся разрозненно, беспланово, не продвигающие вперед развитие таких исследований.

Соответственно новую остроту приобретет ранее затронутый вопрос о характере должной организации криминалистических исследований по вопросам, имеющим важное криминалистическое значение. Разрозненные, не скоординированные единоличные исследования по таким вопросам должного эффекта не дают. К тому же такой подход не соответствует духу современного времени, связанного с проведением любых научно-практических разработок для решения важных научно-практических проблем. Одним из важных современных требований к такого рода исследованиям является необходимость их проведения высокопрофессиональными научными коллективами. Эта проблема сложна с многих точек зрения и возможностей ее практической реализации, но на нее нужно не только обратить серьезное внимание, но и предпринимать конкретные меры по ее решению.

Фактически преданы забвению со стороны широкого круга ученых-криминалистов интерес к разработке вопросов криминалистической профилактики преступлений, имеющей, непререкаемое значение для повышения эффективности борьбы с преступностью.

К сожалению даже в подавляющем большинстве учебников криминалистики вопросами криминалистической профилактики преступлений не уделяется никакого внимания. А научные исследования по этому вопросу в настоящее время осуществляет лишь несколько ученых-криминалистов (например, М.Ш. Махтаев, Н.И. Иванов,

А.Ю. Федоренко, Д.В. Косов, автор настоящей статьи и др.). Между тем эти вопросы требуют серьезного научного внимания со стороны широкого круга ученых и исследования и разработки ими методических рекомендаций для успешного проведения профилактической деятельности следователями в ходе самого расследования преступлений и по его результатам.

Важной и давно назревшей задачей, особенно сейчас с учетом рассматриваемых ранее глобальных перемен, является создания «Союза криминалистов России», который мог бы способствовать решению различных назревших, возникающих научных и практических вопросов криминалистической деятельности, вопросов научного и организационного характера (проведения научно-практических конференций, конгрессов, налаживание связей с Союзами и обществами криминалистов других стран, связи с руководителями следственных, судебных, оперативно-розыскных и административно-правовых органов и др.).

На проводимых в стране конференциях Криминалистического Союза можно было бы на общероссийском, а не региональном уровне осуществлять все назревшие и особенно дискуссионные вопросы криминалистики любого свойства и давать рекомендации по их решению от имени большинства криминалистической общественности, которые будут носить основополагающий характер в решение указанных вопросов.

У нас были робкие попытки создания «Союза криминалистов России», но они не увенчались успехом по самым разным причинам. В этой связи в этом вопросе мы сильно отстаем от украинских и других коллег из республик бывшего Советского Союза. Так, Союз криминалистов уже сравнительно давно создан на Украине, в Литве. К Союзу криминалистов Литвы присоединились криминалисты Эстонии и Латвии. Указанные союзы с участием Союза криминалистов Польши и Венгрии создали объединенную криминалистическую организацию - Международную неправительственную организацию «Криминалистический конгресс». На конференциях этого конгресса криминалисты указанных стран решают важные для них научные и практические вопросы криминалистики. Сейчас они ищут связи с объединениями криминалистов других стран. Мы же стоим в стороне от этой важной для отечественной криминалистики деятельности.

Создание такого Союза во многом зависит от правильного выбора членов организационного комитета, их деятельности, активности, умения заручиться поддержкой соответствующих государственных органов, нахождения спонсоров, определения той организации, на базе которой могут функционировать руководящие органы Союза. При этом следует отметить, что без должной финансовой, административной и кадровой поддержки его создания будет затруднено. Думается, этот вопрос должен быть предметом серьезного обсуждения и принятия не откладываемых в долгий ящик решений и действий.

И.В. Александров

Об актуальных направлениях развития криминалистики

В статье автор обосновывает научно-прикладные проблемы развития криминалистики на современном этапе, высказывает мнение, что их решение будет способствовать ее оптимизации в правоприменении.

***Ключевые слова**: криминалистика, оптимизация правоприменительной деятельности*

I.V. Alexandrov

The modern trends in forensic science

In this article the author describes the crucial issues in modern development of forensic science. His opinion is that resolving of this issues would help to optimize law-enforcement process.

]Криминалистика в своем развитии прошла достаточно долгий и сложный путь – от совокупности разрозненных знаний и эмпирических наблюдений, относящихся к преступлениям, следам и процесса расследования, до обширных и системных знаний о закономерностях преступной деятельности, ее отражение в различных источниках информации и деятельности по расследованию и доказыванию преступлений и других правонарушений.

Накопление научных знаний привело к тому, что криминалистика переросла свой первоначальный потенциал и вышла за пределы полицейской науки, т.е науки только о преступлениях и их расследовании. Приемы и методы криминалистики успешно используются во многих сферах правоприменительной деятельности административной, хозяйственной, гражданско-правовой и т. д. Востребованность криминалистики, использование ее данных в иных сферах, определенные процессы интеграции научных знаний привели к существенному изменению направленности предмета криминалистики, которая продолжая оставаться одной из основных наук уголовно-правового цикла, где отражает закономерности преступной деятельности, ее отражение в различных следах и является основой в разработке методов раскрытия, расследования и доказывания преступлений, все более проникает в другие сферы правоприменения.

Актуальными направлениями развития современной отечественной криминалистики являются совершенствование методологических основ, технико-криминалистических средств и технических приемов, а также методических рекомендаций по расследованию новых и изменяющихся составов преступлений и правоправных деликтов, исследование электронных следов, получение криминалистически значимой информации из телевизионных систем наблюдения, интернет и других современных источников информации, их использование, как в уголовно-процессуальной, так и иных сферах правоприменительной деятельности.

Научно-технический прогресс тесно связан и с криминалистическими знаниями. Информатизация нашего общества уже привела к технологизации криминалистики, разработке и внедрении информационных и цифровых технологий. Эти новые категории криминалистики используемые в криминалистической технике, тактике и методике. Появляются технологии производства следственных и других юридических действий, алгоритмы решения следственных и правоприменительных задач.

В новых условиях криминалистика от изучения традиционных следов вынуждена перейти к исследованию и иных следов (электронных, видео компьютерных, звуковых и т. д.) Меняются методики работы с такими следами, порядок их собирания, иссле-

дования, фиксации и использовании в судебной и иной правоприменительной деятельности.

В современных условиях новейшие научно-технические изменения приводят к тому, что устоявшие криминалистические методики уже не в полном объеме удовлетворяют потребности практики. Это приводит к формированию новых отраслей криминалистической техники: взрывотехники, криминалистической акустики, полиграфологии и других.

Информация, полученная из различных специальных наук, постоянно интегрируется криминалистикой в правовые системы, которые формируют основу для принятия юридических решений и установлению истины в правоприменительной деятельности, По мере развития и совершенствования криминалистических средств и методов выявления, исследования и использования юридически значимой информации роль криминалистики в правоприменении постоянно возрастает.

Нельзя не отметить и тот факт, что криминалистика предполагает умение грамотно собирать юридически значимую информацию, прогнозировать варианты принятия решений. Это одна из тех дисциплин, которая дает не только знания, но и формирует умение аналитически мыслить, формирует юридическое мышление, практические навыки правоприменительной деятельности.[1]

Современное состояние криминалистики уже не может ограничиться только прежними задачами, связанными с изучением закономерностей преступлений и их расследованием. В новых условиях актуальными задачами криминалистики являются внедрение инноваций в практическую правоприменительную деятельность, унификация научных криминалистических рекомендаций и их адаптация к практике правоприменения, системное криминалистическое обеспечение органов правоприменения в направлении оптимизации их деятельности.

Представляется, что нынешняя криминалистика из узкоспециальной отрасли знания, которая бы обслуживала деятельность по раскрытию и расследованию преступлений должна превратиться в науку, исследующую правоприменительную деятельность в целом во всех ее отраслях.

[1]Это неоднократно подчеркивает Н.П. Яблоков. См. напр. Яблоков Н.П. Некоторые взгляды на криминалистику как науку и учебную дисциплину//Криминалистика XXI столетия: материалы международной научно-практической конференции 25-26 сентября 2010., Харьков: Право. С. 72.

М.О. Баев

Использование адвокатом криминалистических средств при реализации функции защиты

Обусловленная единством объекта уголовно-процессуального исследования деятельность защитника осуществляется с использованием всех достижений науки криминалистики, но с учетом специфических целей такой деятельности. Автор обосновывает значимость и необходимость для защитника обладать и применять криминалистические средства и достижения при реализации своей функции.

***Ключевые слова**: уголовно-процессуальная функция, защитник, криминалистические средства, следы.*

M.O. Baev

The use of lawyer forensic tools while implementing his functions

The lawyer defender is using all the achievements of criminalistics science during implementing his activities due to the unity of study the object of criminal procedure, but taking into account the specific objectives of this activities. The author substantiates the importance and necessity for the defender to have and apply criminalistics tools and achievements in the implementation of its functions.

***Keywords**: criminal procedure, function, lawyer defender, criminalistics tools, traces.*

Объектом уголовно-процессуального исследования при расследовании уголовных дел выступает единство преступления, обстоятельств его совершения и лица, преступление совершившего. И уголовное преследование, и профессиональная защита от него изучают указанный объект, но каждый представитель названных состязающихся в уголовном судопроизводстве сторон, изучает его, а потому использует для того методы и средства криминалистики со своих позиций, в своих целях, обусловленных своей уголовно-процессуальной функцией.

Более того, и лица, осуществляющие уголовное преследование, и лица, профессионально осуществляющие защиту от него, в криминалистическом отношении «работают» с одним и тем же материалом – со следами, возникающими в результате реализации субъектом механизма совершения преступления, возможности переработки которых зависят от складывающейся криминалистической ситуации. Информационно-познавательные закономерности, которым подчиняются эти процессы, и составляют сам предмет криминалистики.

Именно поэтому адвокат-защитник в своей деятельности должен – не может не использовать все достижения этой науки. Особое значение имеет учет адвокатом прагматической значимости для успешной защиты результатов проявления изученных криминалистикой в целом и отдельными ее теоретическими учениями закономерностей информационно-познавательного процесса в рамках уголовного судопроизводства. И главное – осмысленное, целеустремленное и активное их применение в своей правозащитной деятельности.

Основное стратегическое направление всей криминалистической деятельности защитника предопределено отсутствием обязанности обвиняемого доказывать свою невиновность в уголовном процессе; бремя доказывания виновности обвиняемого всецело возлагается на лиц и органы, осуществляющие уголовное преследование.

Оно же, с учетом уголовно-процессуальной функции адвоката в уголовном процессе и предмета защиты, по большинству уголовных дел состоит в обосновании криминалистической неполноты, ущербности, а потому – недостоверности конкретных сформированных органами уголовного преследования доказательств и/или недостаточности их совокупности

для уголовного преследования (обвинения) его подзащитного в совершении инкриминируемого ему преступления. А эта ущербность в обвинительной деятельности органов уголовного преследования, в свою очередь, является прямым следствием ошибок и недостатков, допускаемые следователями[1], главным образом, в трех имеющих методологическую значимость направлениях их криминалистической деятельности, сущность которых издавна и углубленно изучена наукой криминалистикой, составляет общую теорию этой науки.

Здесь, в первую очередь, имеются в виду недостатки и ошибки следователя, допущенные им:

1. При обнаружении уголовно-релевантной (доказательственной) информации и при формировании на этой основе судебных доказательств;
2. В процессе осуществления криминалистической идентификации (других видов криминалистического распознавания);
3. В своей версионной деятельности.

Адвокат должен не только знать соответствующие методологические положения криминалистики, уметь оценивать полноту, всесторонность и объективность восприятия и учета их следователем при уголовном преследовании подзащитного, но и рационально использовать результаты их объективного проявления, соответствующим образом их экстраполировать в криминалистической деятельности по достижению указанной выше своей стратегической цели по каждому уголовному делу.

Во-первых, для совершения преступления, относящегося к тому или иному виду, лицу независимо от его субъективных качеств и криминальной ситуации необходимо совершить ряд типовых действий.

Сущность и характер этих действий предопределяются в первую очередь – содержанием диспозиции отдельной нормы (норм) уголовного закона, которая очерчивает непосредственный объект и предмет определенного уголовно-наказуемого посягательства, мотивами совершении преступления, а также реально возможными способами реализации субъектом объективной стороны диспозиции этого преступления.

Во-вторых, типовые действия, которые преступник вынужден совершать при приготовлении, исполнении и сокрытии преступления криминалистически определенного вида, его мотивы и способы выполнения неизбежно и неукоснительно ведут к возникновению типовых следов на типовых объектах, соответствующих преступлениям этого вида, их мотивации и способам реализации. Иными словами – обусловливают механизм следообразования как объективно возникающего отражения (отображения) механизма самого совершения преступления. Результаты этого процесса отражения возникают и существуют объективно, вне воли и сознания воспринимающих их субъектов.

Именно на обосновании того, что обнаруженные следователем следы объективно не подтверждают все или отдельные, наиболее важные в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном значении, обстоятельства совершения подзащитным инкриминируемого ему преступления, как правило – и в первую очередь, адвокатом и строится защита своего клиента.

Конечно же, типовой механизм совершения преступления определенного вида достаточно существенно трансформируется под воздействием на него личности преступника, его психических, интеллектуальных, психолого-физиологических и, наконец, просто физических свойств и особенностей, что дает основания для выдвижения соответствующей следственной версии.

---

[1]Под следователем здесь и далее понимаются и все другие лица, осуществляющие уголовное преследование, а также суд.

Криминальная ситуация также во многом предопределяется особенностями личности, совершающей преступления определенных видов. Субъект преступления либо использует сложившуюся ситуацию, либо напротив, конструирует ситуацию, наиболее благоприятную, по его мнению, для реализации имеющегося у него или незадолго до того возникшего преступного умысла. Факты совершения преступлений без учета их субъектами складывающейся для того ситуации нечасты и характерны для так называемых, «спонтанных» преступлений.

Эта специфика всецело предопределяет интерпретацию достижений частных криминалистических теорий, технических и тактических средств при осуществлении профессиональной защиты по конкретным уголовным делам.

В-третьих, типовые действия, необходимые для совершения преступления определенного вида, а потому влекущие возникновение типовых следов на типовых для того объектах, с методологической точностью предполагают возможность их обнаружения, извлечения, исследования и использования типовыми действиями следователя.

В тоже время, следы, объективно возникающие в результате совершения преступления, сами по себе – ни есть судебные доказательства. Таковыми они становятся лишь в результате их извлечения и переработки следователем в соответствующей для каждого из формируемого доказательства уголовно-процессуальной форме.

Основными из этих типовых действий являются следственные действия и действия судебные следственного характера, исчерпывающий перечень которых регламентирован уголовно-процессуальным законом, а также иные мероприятия.

Зная гносеологические возможности каждого из следственных и других действий и мероприятий по собиранию, исследованию и использованию отдельных видов следов преступления, возможно без особого труда составить их набор, минимально необходимый для уголовно-процессуального исследования конкретного преступления криминалистически определенного вида.

Отсюда следует, что одним из наиболее существенных направлений процессуальной деятельности адвоката-защитника является углубленное криминалистическое обоснование того, что: а) при осуществлении уголовного преследования следователем не использованы все необходимые криминалистические возможности для формирования доказательств, оправдывающих подзащитного или смягчающих его ответственность, и/или; б) при формировании судебных доказательств обвинения следователем допущены невосполнимые криминалистические ошибки и упущения, ставящие под сомнение достоверность того или иного из таковых доказательств.

Но, как известно возможности переработки следователем, иным субъектом уголовно-процессуального исследования преступления следов обусловливаются складывающейся для него криминалистической ситуацией (следственной, защитной), от которой во многом зависит и последовательность направленных на то следственных действий и других мероприятий по доказыванию, и характер обстоятельств, на выяснение которых каждое из них направлено.

В основе возникновения той или иной ситуации для защитника лежит, в первую очередь, не объективная информация по делу, а субъективное отношение подзащитного к сущности предъявленного ему обвинения (возникшего в отношении него подозрения) в совершении преступления. Обусловлено это, как минимум, тем, что в соответствии со своим правовым статусом адвокат в принципе не может занимать позицию, противоречащую его позиции в отношении осуществляемого в отношении него уголовного преследования (за исключением убежденности в самооговоре подзащитного).

Именно это обусловливает возможности и направления последовательности и рационального выявления адвокатом оправдывающие подзащитного или смягчающие его ответственность обстоятельства.

С этим неразрывно связаны возможность и необходимость использования адвокатом-защитником познаний в области криминалистического распознавания – идентификации, диагностики и ситуалогии. Из которых наиболее значима идентификация – установление тождества исследуемого объекта по его следам (образцам) или отсутствия такового.

Основными причинами ущербности в осуществлении криминалистической идентификации в уголовном преследовании являются следующие.

1. Осуществление идентификации по недостаточному комплексу общих и частных идентифицирующих признаков. В первую очередь, такие ошибки наиболее характерны и очевидны для идентификации следователем личности или предмета путем предъявления для опознания.

Для обоснования ущербности осуществленной таким образом идентификации, защитнику следует не только скрупулезно оценивать соблюдение следователем уголовно-процессуального порядка производства этого следственного действия, но и, как минимум, раскрывать гносеологическую и криминалистическую значимость допущенных ошибок, ставящих под сомнение саму достоверность полученных результатов проведенной идентификации.

2. Однако эта же причина, как показывает практика, достаточно характерна и для идентификации экспертной, осуществляемой специалистами на основании постановления о ее производстве следователя, и выражается в несоответствии выводов проведенной идентификации исследовательской части экспертного заключения.

3. Игнорирование экспертами в своих исследованиях современных достижений криминалистики в части возможности идентификации отдельных уголовно-релевантных объектов, повышающих обоснованность и достоверность выводов экспертного заключения.

4. Использование в производстве экспертной идентификации методов и методик исследования, не имеющих должного научного обоснования (т. н., «не валидных» методик).

Из сказанного следует следующий достаточно очевидный, но, увы, далеко не всегда на практике соблюдаемый, криминалистической значимости постулат: защитник для успешного осуществления своей профессиональной деятельности должен, не только углубленно знать теорию криминалистической идентификации и с этих позиций выявлять допущенные следователем недостатки в ее производстве по конкретным уголовным делам. Он должен обладать информацией о современных ее достижений в части возможности научно-обоснованной идентификации отдельных уголовно-релевантных объектов.

Все это и предопределяет необходимость для адвоката и самому широко применять специальные познания при осуществлении защиты по уголовному делу. Формы того – различны: от получения по собственной инициативе заключения специалиста по интересующим его вопросам, ходатайств о назначении судебной экспертизы до личного своего присутствия (с разрешения следователя, суда) при ее производстве и до участия в допросах специалиста и эксперта на предварительном следствии и в суде.

Последним, методологически принципиально важным системным положением, обусловливающим необходимость, возможности и направления использования защитником средств криминалистики, является теоретические основы версионной деятельности в уголовном судопроизводстве.

Сама по себе версия следователя как результат логического рассуждения –идеальна, неосязаема. Проверяемыми практически являются лишь следствия, вытекающие из него – из определенной версии.

Материальные и нематериальные следы – следствия преступления выступают, с одной стороны, в качестве основания информационной базы выдвижения соответствующей криминалистической версии, предположительно объясняющей одну из возможных причин возникновения этих следов. С другой стороны, следствия неизбежно должны нести на себе отпечатки (следы) причины. Это положение – перенос структуры от причины к следствию, т. е. отображение первой во второй, является, как известно, лежит в основе свойства отражения.

Из этого методологического положения следует, что причина ведет к своему исчерпывающему отражению в следствиях своего действия. А потому, если предполагаемая причина (версия) – истина, то она должна быть с исчерпывающей полнотой представлена в необходимых следствиях (следах) своего действия. Иными словами, если версия следователя о виновности подзащитного достоверна, а потому, по его мнению, она является истиной, то все с необходимостью вытекающие из нее необходимые следствия должны быть объективно установлены и доказаны.

Не установление хотя бы одного (и «всего лишь» одного) необходимого следствия, вытекающего из версии о виновности обвиняемого в совершении преступления, влечет неполноту и необъективность расследования, делает необоснованным привлечение лица к уголовной ответственности, влечет следственную, зачастую, к сожалению, и судебную ошибку в установлении виновности обвиняемого.

А потому в этом отношении криминалистическая составляющая деятельности защитника всецело должна быть направлена на обоснование того, что некое необходимое следствие из общей и/или частной версии, сформулированной в обвинительном тезисе применительно к его подзащитному, не подтверждена результатами осуществленного его уголовного преследования. И, следовательно, деяние и обстоятельства его совершения, инкриминируемые его клиенту, с должной достоверностью не установлены, не могут быть положены в обоснование его уголовной ответственности.

Также широк и диапазон используемых защитником криминалистических средств; они, в зависимости от характера необходимого из версии следствия, вида преступления, фабулы и обстоятельств конкретного вменяемого подзащитному деяния, складывающейся защитной ситуации, могут быть и технико-криминалистическими, и тактическими, и собственно методическими (учитывающими особенности осуществления уголовного преследования преступлений отдельных видов).

Но в любом случае, вне зависимости от того, какие именно методологические положения криминалистики лежат в основе использования защитником методов, приемов и рекомендаций этой науки, они должны быть допустимыми. Их применение должно соответствовать критериям допустимости применения средств криминалистики в целом, и в тоже время – что очевидно, должно учитывать специфику деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве.

А.И. Баянов

Методический подход к классификациям следственных ситуаций.

В статье рассматриваются особенности методического подхода к построению классификаций следственных ситуаций. С учетом методического подхода предлагаются классификации следственных ситуаций, которые направлены на информационное обеспечение процесса принятия решений при расследовании уголовных дел.

***Ключевые слова**: методический подход, процесс расследования, следственная ситуация, процесс принятия решения, виды следственных ситуаций.*

A.I. Bayanov

Methodical approach of classification of investigative situations

This article analyses a characteristics of methodical for structure of classification of investigative situations. Subject to methodical approach in this article propose of the classification of investigative situations, which directed to informative guarantee of process to come to decision by investigation of criminal cases.

***Keywords**: a methodical approach, a process of investigation, an investigative situation, a process to come to decision, a view of investigative situations.*

Классификация как метод познания и систематизации знаний широко используется в теоретических и прикладных исследованиях криминалистики. В теоретическом познании с помощью метода классификации систематизируются полученные знания, устанавливаются связи между отдельными теориями, объектами научного исследования, определяются существующие пробелы и направления по их устранению. Классификации при этом часто выполняют методологическую роль, устанавливая (определяя) общий подход и технологию научного исследования. В прикладных исследованиях, наряду с систематизацией полученных знаний, классификация выполняет методическую роль. Она не только демонстрирует существующий «арсенал» криминалистических средств познания, но и ориентирует практических работников на выбор из числа последних наиболее целесообразных и эффективных.

Существующие методики расследования уголовных дел, производства отдельных следственных действий, содержат различные классификации, в том числе и классификации следственных ситуаций. Одна из первых классификаций следственных ситуаций с учетом исходных материалов была предложена А.Н. Васильевым и Н.П. Яблоковым[1]. В дальнейшем к классификации следственных ситуаций обращались Р.С. Белкин, Т.С. Волчецкая, В.К. Гавло, И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкин, Д.В. Ким, И.А. Копытов и другие криминалисты. Наиболее полно эти классификации разработаны в трудах Л.Я. Драпкина.[2] Большинство исследований подчеркивают связь между следственными ситуациями и процессом принятия решения.[3]

Наиболее радикальной является позиция В.Я. Колдина, который считает, что понятие и классификации следственных ситуаций теряют практический смысл, если они

---

[1]Криминалистика./отв. ред. А.Н. Васильев. – М.: МГУ, 1971, С. 428-429.

[2]Драпкин Л.Я. Разрешение проблемных ситуаций в процессе расследования: Учебное пособие. – Свердловск, 1985; Криминалистика: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М: Проспект, 2013 и т. д.

[3]См., например: Драпкин Л.Я. Разрешение проблемных ситуаций в процессе расследования, С. 3; Копытов А.И. Следственные ситуации и тактическое решение: Учебное пособие. - Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1988, С.5.

рассматриваются вне рамок процесса принятия решения.[1] Приведенная позиция представляется методологически правильной и логически вытекает из функционального назначения следственной ситуации в процессе принятия решения. Назначение следственной ситуации заключается в том, что она является элементом процесса принятия решения и служит его информационным основанием. Кроме того процесс принятия решения формирует программу, направленную на изменение самой следственной ситуации, приближение ее к целям предварительного расследования преступлений. Таким образом, выступая как элемент процесса принятия решения и как объект преобразования, следственная ситуация и ее классификации должны рассматриваться в контексте процесса принятия решения.

Второе замечание, которое, по нашему мнению, следует учитывать при построении классификации следственных ситуаций, касается необходимости разделения методологического и методического подходов. Методологический и методический подходы к классификации следственных ситуаций преследуют разные цели, поэтому их смешение при построении единой классификации следственных ситуаций может привести к потере логической стройности, появлению противоречий и размыванию функционального назначения. Действительно очень сложно связать в единой классификационной системе такие разноплановые виды следственных ситуаций, как, с одной стороны, реальные и модельные, конкретные и абстрактные, типовые и типичные, а с другой стороны, проблемные и непроблемные, конфликтные и бесконфликтные и т. д. Попытки создать единую классификацию с учетом всех возможных видов следственных ситуаций, как правило, обречены на неудачу или приводят к построению громоздких, противоречивых и теряющих познавательное значение конструкций. Методологический подход к классификации следственных ситуаций предполагает объединение в единую систему таких видов ситуаций, которые основаны на фундаментальных научных мировоззренческих представлениях о роли и месте следственной ситуации в структуре процесса принятия решения при расследовании преступлений. К числу таких фундаментальных видов следственных ситуаций следует отнести: реальные следственные ситуации, информационные модели следственных ситуаций, конкретные модели следственных ситуаций, типовые следственные ситуации, типичные следственные ситуации и т. д. [2] Методологическая классификация видов следственных ситуаций служит основанием для построения ее методического продолжения. Методическая классификация следственных ситуаций носит прикладной характер. Она направлена на обслуживание процесса принятия решения при производстве отдельных следственных действий и в целом процесса предварительного расследования. Виды следственных ситуаций, включенные в методическую классификацию, выполняют роль эталонов (шаблонов) тех следственных ситуаций, которые могут иметь место в процессе расследования. Они выделяются и познаются посредством анализа следственной практики, поэтому носят обобщенный (типовой) характер. Для выделенных типовых следственных ситуаций криминалистическая наука разрабатывает эффективные средства, направленные на изменение реальных следственных

---

[1]Колдин В.Я. К вопросу о методологической функции ситуационного подхода // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности, посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии » / Под ред. Т.С. Волчецкой; БФУ им. И. Канта. – Калининград: изд-во БФУ им. И.Канта, 2012, С.32.

[2]См. подробно: Баянов А.И. Виды следственных ситуаций: методологический подход / Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Влияние идей И.Н. Якимова на развитие современной криминалистики», посвященной 130 летию со дня рождения основателя и первого заведующего кафедрой криминалистики Московского университета, доктора юридических наук, профессора Ивана Николаевича Якимова. – М.: 2014, С. 128-133.

ситуаций. В процессе принятия решения происходит сравнение моделей конкретных реальных ситуаций с их возможными типовыми аналогами и при наличии сходства принимается решение о выборе средств, аналогичных тем, которые рекомендуются для типовой следственной ситуации.

Методический подход в своей основе предполагает построение двух классификаций следственных ситуаций.

Первая классификация основана на особенностях процесса расследования, который представляет собой единое целое и в то же время состоит из отдельных следственных действий. В связи с этим возникает необходимость обобщения частных ситуаций, характерных для производства отдельных следственных действий и общих следственных ситуаций, характерных для процесса расследования в целом. Поскольку производство каждого следственного действия и в целом процесса расследования уголовного дела состоит из отдельных самостоятельных этапов, для каждого из которых должны быть выделены типовые следственные ситуации. Наибольшее значение и сложность имеет первоначальный этап расследования уголовного дела. На этом этапе должна быть выделена группа следственных ситуации, требующих раскрытия преступления («неочевидные» ситуации). Они характеризуются отсутствием информации о лице, от действия (бездействия) которого наступил результат, имеющий признаки преступления, а также информацией, на основе которой нельзя сделать предварительный вывод о характере (сути) произошедшего события. Вторая группа следственных ситуаций, характерных для первоначального этапа расследования преступлений, относится к классу «очевидных». Эти ситуации отличаются наличием достаточной информации о характере произошедшего события и лице, причастном к наступлению преступного результата.

Типовые следственные ситуации отдельных этапов производства следственных действий, по сравнению с типовыми ситуациями методики расследования уголовных дел, выделены недостаточно полно. Поэтому классификации этих ситуаций, за исключением допроса, практически отсутствуют. В этом направлении, очевидно, предстоит определенная работа.

Второй вид классификации основан на характере самой следственной ситуации и соответственно степени ее влияния на процесс принятия решения. Данная классификация в настоящее время наиболее разработана. Отдельные ее варианты, несомненно, имеют теоретическое и практическое значение и служат основанием для проведения дальнейших исследований.

Не останавливаясь на положительных аспектах и недостатках существующих классификаций следственных ситуации, мы попытаемся изложить свое видение вопроса, не претендуя на полную завершенность и непротиворечивость предложенного нами варианта решения проблемы.

Основанием для деления видов следственных ситуаций, на наш взгляд, необходимо избрать степень их влияния на процесс принятия решения. С этих позиций все следственные ситуации могут быть разделены на два больших класса: неблагоприятные (сложные) и благоприятные (простые) для процесса принятия решения. Мерилом отнесения следственных ситуаций к указанным классам должно являться наличие или отсутствие при принятии решения риска (тактического или стратегического). При наличии риска в процессе принятия решения следственную ситуацию, лежащую в основе этого решения, необходимо отнести к числу неблагоприятных. Решения, принимаемые в процессе расследования или при производстве следственных действий, должны быть не только обоснованными, но и верными, т. е. такими, которые обеспечивают без сомнения решение поставленных задач и достижение целей. В случае, если следственная ситуация по своему характеру (в силу объективных причин) не гарантирует принятия верного ре-

шения, она должна быть отнесена к разряду неблагоприятных, т. е. содержащих риск. С учетом изложенного считаем, что выделение в классе неблагоприятных следственных ситуаций обособленной группы «ситуаций тактического риска», как это делается в юридической литературе, не совсем оправдано.[1] Наличие риска характерно для всех неблагоприятных следственных ситуаций. Соответственно благоприятные следственные ситуации характеризуются отсутствием риска. Решение, принимаемое в таких ситуациях, может быть только одним – верным.

К классу неблагоприятных следственных ситуаций можно отнести следующие:

1. Проблемные ситуации. Они предполагают несколько вариантов их оценки и соответственно толкования. Для таких ситуаций существует несколько вариантов решения, из которых необходимо выбрать один. Таким образом возникает проблема, которому из возможных вариантов решения следует отдать предпочтение. Проблемные следственные ситуации с учетом причины наличия проблемы можно разделить на два вида:

а) Ситуации с недостаточным уровнем информационного обеспечения (ситуации информационной неопределенности). В свою очередь указанные ситуации разделяются на две группы: открытые ситуации и закрытые ситуации. Первые допускают возможность повышения уровня информационного обеспечения и снижение неопределенности, а вторые – не располагают таким резервом.

б) Ситуации, характеризующиеся наличием противодействия со стороны лиц, привлеченных к процессу расследования, или иных лиц. Разновидностью данных ситуаций являются конфликтные ситуации, в которых на основе несовпадения интересов возникают как межличностные, так и «деловые» противостояния.

2. Ко второй группе неблагоприятных следственных ситуаций относятся «чрезвычайные» (экстремальные) ситуации. Данный вид следственных ситуаций возникает тогда, когда отсутствует необходимый период времени для принятия обоснованного решения, и оно принимается в условиях дефицита времени или полного его отсутствия, а также тогда, когда существует реальная угроза нормальному, планомерному ходу процесса расследования, в том числе и угроза для участников уголовного судопроизводства или иных лиц.

Решения, принимаемые в таких ситуациях, должны быть быстрыми и обеспечивающими нейтрализацию возможности наступления негативных последствий.

3. Третья группа неблагоприятных следственных ситуаций связана с отсутствием в методике расследования преступления или в методике отдельного следственного действия типовых следственных ситуаций, аналогичных следственным ситуациям, возникающим в целом при расследовании уголовных дел или при производстве следственных действий. Речь идет о следственных ситуациях, которые не изучены и не описаны по различным причинам, в том числе и по причине редкой встречаемости. Такого рода ситуации требуют принятия решений, которые при любом дальнейшем развитии следственной ситуации приводили бы к минимальным издержкам.

4. Комбинированные неблагоприятные следственные ситуации.

Неблагоприятные следственные ситуации могут не только существовать в одном из указанных выше вариантов, но и создавать различные комбинации. Такие ситуации содержат наибольший риск при принятии решений и относятся к числу самых неблагоприятных.

К классу благоприятных для процесса принятия решения можно отнести следующие следственные ситуации:

а) непроблемные следственные ситуации с информационной определенностью;

---

[1] Криминалистика: учебник, С.50

б) следственные ситуации с отсутствием противодействия и наличием сотрудничества участников уголовного судопроизводства;

в) следственные ситуации, исключающие чрезвычайные обстоятельства;

г) следственные ситуации, которые имеют в методиках расследования уголовных дел, в методиках производства отдельных следственных действий типовые аналоги, позволяющие в процессе принятия решения обратиться к рекомендациям, разработанным криминалистической наукой.

А.Ю. Головин, М.В. Баранов

К вопросу о механизме решения задач в системе расследования преступления

В статье проводится анализ научных подходов к определению механизма решения следователем задач расследования преступлений. На его основе предложено авторское определение механизма решения задач расследования, предложена типовая схема такого механизма, выделены основные его элементы.

***Ключевые слова**: расследование преступлений, задачи расследования преступлений, механизм решения задач расследования, следователь.*

A.Yu.Golovin M.V.Baranov

On the mechanism of solving the problems in the investigation of a crime

The article analyzes the scientific approaches to the definition of a mechanism for addressing challenges of investigating crimes investigator. On the basis of the author's definition of the mechanism proposed to meet the challenges of the investigation, offered a typical scheme of such a mechanism, highlighted its main elements.

***Keywords**: crime investigation, the task of investigating crimes, the mechanism of solving the problems of the investigation, the investigator.*

Механизм принятия решений – неотъемлемое свойство любой человеческой деятельности, в особенности социальной. Юридическая деятельность, тем более такая специфическая ее разновидность как деятельность по расследованию преступлений, здесь не исключение. Более того, механизмы принятия решений в деятельности по расследованию преступлений специфичны и тем, что, с одной стороны, механизм принятия решений имеет схожую структуру по отношению к другим видам социальной деятельности, но, с другой стороны, во-первых, в определенных случаях имеет жесткую нормативную (уголовно-процессуальную) регламентацию, и, во-вторых, нередко осуществляется при дефиците информации о преступлении и лицах, его совершивших, а также в условиях противодействия со стороны преступников и иных лиц достижению положительных результатов деятельности органов расследования.

Понятие механизма (процесса) решения задачи расследования должно иметь однозначное толкование. В психологии понятие «решение» употребляется в нескольких значениях: 1) значение (значения), которые соответствуют условиям уравнения; 2) ответ на вопрос или проблему; 3)разрешение набора трудностей или конфликтов. При этом под решением задачи понимаются процессы, участвующие в решении проблемы[1].

В криминалистической литературе толкования рассматриваемого понятия чаще

[1] См.: Большой толковый психологический словарь. Т. 2 / Артур Ребер. – М., 2000. – С. 202; Кочетков В.В., Скотникова И.Г. Индивидуально-психологические проблемы принятия решения. – М., 1993. – С.5.

всего даются применительно к тактическим решениям. При этом такие решения определяются как:

- выбор способа тактического воздействия на следственную ситуацию (Р.С. Белкин, Н.Г. Шурухнов, Д.А. Солодов) [1];

- волевой акт, основанный на анализе следственной ситуации, знании способов и механизмов преступления, научных рекомендациях криминалистики, личном опыте расследования и интуиции, приводящий к выбору наиболее оптимального варианта действий (Н.П. Яблоков, И.М. Лузгин, С.И Цветков, Р.Ф. Садиков) [2];

- мысленная модель предстоящего действия (А.В. Дулов, Ю.И. Новик)[3];

- вывод о необходимости изменения следственной ситуации наиболее соответствующими сложившейся обстановке средствами криминалистической тактики в целях обеспечения быстрого и полного раскрытия и расследования преступлений (И.А. Копылов) [4];

- вывод о характере стоящей перед следователем задачи и основных приемах ее разрешения (Г.С. Шостак) [5].

Несмотря на различный подход к определению рассматриваемого понятия, в понятии решения задачи расследования, следует четко выделить два основных элемента: субъективный и объективный. Субъективный признак такого решения проявляется в его мыслительном характере. Объективный же позволяет рассматривать такое решение как способ воздействия на сложившуюся следственную ситуацию, то есть своего рода средство преобразования следственной ситуации из менее благоприятной в более благоприятную либо эффективного использования и сохранения существующей благоприятной обстановки расследования.

Однако при наличии общих субъективных и объективных признаков механизм решения задач расследования существенно отличается. При этом данный фактор оказывает существенное влияние на оптимизацию решения криминалистических задач, особенно в динамично изменяющейся обстановке расследования на его начальном этапе.

Механизм решения задачи расследования отличается и в зависимости от того, кому адресована такая задача или, если быть более точным, кто должен реализовывать принятое следователем решение. Очевидно, что если следователь сам способен реализовать принятое им решение, то в таком случае субъект постановки такого решения и субъект его исполнения решения совпадут в лице самого следователя. Если же исполнение принятого решения полностью или в части следователь (руководитель следственной группы) поручает другому участнику расследования (члену следственной или следственно-оперативной группы, следователю-криминалисту, органу дознания), то механизм решения задачи усложняется, будучи дополненным необходимостью контроля

---

[1] См.: Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. – М., 1988. – С. 110; Шурухнов Н.Г. Криминалистика. – М., 2002. – С.221; Солодов Д.А. Процессуальные и тактические решения следователя: сущность, проблемы оптимизации принятия. Дисс.…канд. юрид. наук. – Воронеж, 2003.- С.40.

[2] См.: Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений. – М., 1981. – С. 92; Цветков С.И. Криминалистическая теория тактических решений. Дисс. … докт. юрид. наук. – М., 1991. – С. 40; Криминалистика / Отв. редактор Н.П. Яблоков. – М., 1999. – С. 356; Садиков Р.Ф. Совершенствование механизма принятия тактических решений в условиях тактического риска при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами. Дисс. … канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 30.

[3] См.: Дулов А.В., Новик Ю.И. Понятие и структура тактического решения, принимаемого следователем при производстве следственного действия // Теоретические проблемы криминалистической тактики. – Свердловск, 1981. – С.47.

[4] См.: Копылов И.А. Следственная ситуация и принятие тактических решений. Автореферат дисс. … канд. юрид. наук. – М., 1984. – С. 12.

[5] См.: Шостак Г.С. Тактическое решение и его значение в работе следователя // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. – Саратов, 1978. – С.43-44.

со стороны следователя за исполнением принятого решения (поручения), функцией постоянного управления процессами реализации принятого решения с его стороны.

Изучение отечественной и зарубежной общенаучной литературы, посвященной различным проблемам принятия решений[1], позволяет сделать вывод о типовой схеме (механизме) решения задачи: проблемная ситуация –постановка задачи – замысел и выбор критериев решения – оценка и прогнозирование возможных последствий – принятие решения – реализация решения – оценка решения. Подобная схема в той или иной степени может быть реализована и применительно к механизму решения криминалистических задач.

Такой механизм включает в себя следующие элементы:

- оценка сложившейся обстановки расследования на момент принятия решения, проверка правильности и своевременности постановки решаемой задачи;
- процесс принятия решения по такой задаче;
- реализация принятого решения;
- оценка результатов исполнения решения и их влияния на общую и частную обстановку расследования.

Процесс принятия решения по поставленной задаче, как самостоятельный элемент механизма ее решения, также представляет собой определенную систему. Доминируют в ней мыслительные действия, однако их результаты могут получать свое внешнее выражение в случаях, когда они отображаются в материалах уголовного дела или к их реализации следователь планирует привлечь других субъектов проведения расследования.

В ходе формирования замысла по решению задачи расследования при необходимости выбора конкретных способов и средств ее решения из известных следователю альтернатив и введения им индивидуальных критериев выбора в качестве критерия может выступить любой ориентир, формируемый следователем самостоятельно или предложенный извне.

Такой внешний ориентир может быть предложен следователю другими участниками расследования по делу (руководителем или другим членом следственной группы, следователем-криминалистом, оперативным сотрудником, специалистом, консультантом и пр.), содержаться в указаниях, полученных следователем от руководителя следственного органа, а также отражаться в научно-криминалистических рекомендациях, аналитических материалах и обобщениях передового следственного опыта.

Следует подчеркнуть, что результат определения следователем замысла решения задачи расследования имеет две стороны, одна из которых выражает содержание такого замысла, то есть круг и последовательность реализации определенных процессуальных и непроцессуальных действий, приемов, методов и средств, с помощью которых предполагается решить стоящую задачу расследования. Другая сторона этого процесса отражает собственное отношение следователя к возможности реализации такого замысла, устремлённость к достижению планируемого результата. В этой связи в процесс принятия решения любой задачи расследования входит не только мыслительное конструирование и моделирование процесса решения стоящей задачи, но и определение конкретного исполнителя замысла следователя, будь то он сам или другой участник

---

[1] См.: Акофф Р.Л. Искусство решения проблем. - М., 1982; Глущенко В.В., Глущенко Н.И. Разработка управленческого решения.- М., 1997; Днев В.С. Управленческие решения: неопределённость, модели, интуиция. - Новосибирск, 2001; Соколов Б.В. Теория выбора и принятие решений. М., 1982; Трухаев Р.И. Модели принятия решений в условиях неопределённости.- М., 1981; Эддоус М., Стенсфилд Р. Методы принятия решений.- М.,1997; Юткаева В.С. Управленческие решения. - М., 1998 и др.

проведения расследования, действующий совместно со следователем или по его поручению

Стоит добавить, что решения, реализацию которых следователь планирует поручить другим участникам расследования, получают свое закрепление в процессуальных (например, поручения следователя органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий) или организационных документах расследования(например, общий план расследования по делу, план проведения отдельного следственного действия или тактической операции).

Реализация решения уже не входит в процесс его принятия, однако выступает элементом общего механизма решения задачи расследования. При этом основанием для отказа или изменения принятого решения может являться изменение обстановки расследования. Отказ же от реализации принятого решения в противоречие развивающейся следственной ситуации есть ни что иное как следственная ошибка, да и то только в том случае, если следователь или иной субъект криминалистической деятельности по расследованию совершает такой отказ по добросовестному заблуждению. Умышленный отказ от реализации обоснованного и оптимального решения со стороны субъекта проведения расследования по делу при определенных обстоятельствах может рассматриваться как противодействие расследованию.

Рассуждая о проблемах реализации принятых следователем решений, стоит отметить некоторые проблемы психологического свойства, возникающие у других субъектов криминалистической деятельности, которым следователем поручена реализация принятого решения полностью или в части. В структуре расследования следователь (руководитель следственной или следственно-оперативной группы) выполняет руководящую и организующую функции, в то время как иные субъекты проведения расследования (следователи-криминалисты, сотрудники органов дознания, специалисты) выполняют исполнительские функции. Их реакция на поручение следователя может быть различной в зависимости от степени понимания содержания данного им поручения и криминалистической задачи, решение которой планируется осуществить таким образом. Качество реализации поручения во многом зависит от мотивационного настроя конкретного исполнителя, его отношения к отверганию или принятию содержания такого поручения как «предписания для себя».

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что механизм решения задачи расследования может быть определен как порядок формирования замысла следователя по достижению поставленной задачи расследования процессуальными и криминалистическими средствами и методами и его реализации самим следователем или по его поручению другими субъектами, участвующими в проведения расследования.

М.В. Жижина

О возможности и необходимости применения криминалистических знаний и средств в цивилистическом процессе

В настоящей статье рассматривается одна из тенденций развития современной криминалистики – обеспечение доказывания в гражданском и арбитражном процессе. Автор обосновывает необходимость применения криминалистических знаний и средств для оптимизации судебного рассмотрения дел цивилистического профиля.

***Ключевые слова**: предмет криминалистики, гражданский и арбитражный процессы, тенденции развития, обеспечение доказывания.*

M.V. Zhizhina

About the necessity for criminalistics experience and resources in optimizing the trial of civil cases

This article discusses one of the trends of modern criminalistics - providing proof in civil and arbitration process. The author substantiates the need for criminalistics experience and resources to optimize the trial of civil cases.

***Keywords**: the subject of criminalistics, civil and arbitration processes, development trends, providing evidence.*

История развития криминалистики постоянно сопровождается поиском и уточнением адекватной сферы приложения криминалистических знаний.

Идеи выхода криминалистики за традиционные пределы именно в направлении цивилистического процесса высказал еще А.И. Винберг в 1973 году[1]. В первую очередь это коснулось судебной экспертизы. В связи с активной практикой ее назначения в гражданском судопроизводстве, исследователи довольно рано стали обращаться к проблеме использования специальных знаний при рассмотрении гражданских и арбитражных дел[2]. Затем появились и другие работы, посвященные криминалистической тематике применительно к гражданскому и арбитражному процессам[3].

Отношение к исследованиям такой направленности со стороны криминалистического сообщества было неоднозначным. Ученые, допускающие расширение предмета криминалистики как закономерное следствие её экстенсивного развития, положительно оценивали предпринимавшиеся инициативы. В условиях современности все более отчетливо стала звучать тенденция использования криминалистических знаний в любой правоприменительной деятельности[4]. Проблематике применения криминалистики вне

---

[1] БСЭ. Т. 13. М.,1973. С. 427.

[2] Жуков Ю.М. Судебная экспертиза в советском гражданском процессе: дис. … канд. юрид. наук. М., 1965; Федосеева В.Б. Криминалистическая экспертиза документов по гражданским делам: дис. … канд. юрид. наук. М., 1966; Лулуашвили Т.А. Экспертиза в советском гражданском процессе. Тбилиси, 1967 и др.

[3] Тихиня В.Г. Применение данных криминалистической тактики при исследовании вещественных доказательств по гражданским делам: дис. … канд. юрид. наук. Минск, 1973; Он же. Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве: дис. … докт. юрид. наук. Минск, 1984; Рожков А.Ю. Криминалистическое обеспечение гражданского и арбитражного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2003.

[4] Колдин В.Я. Теория, методология и дидактика криминалистики // Актуальные проблемы преподавания криминалистики в юридических учебных заведениях: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. М., 1999. С.11; Крылов В.В. Университетский курс криминалистики в новом тысячелетии – каким ему быть?// Там же. С. 35; Яблоков Н.П. Значение криминалистики в правоприменительной деятельности и подготовке юристов широкого профиля // Там же. С.11-12; Россинская Е.Р. Проблемы криминалистического обеспечения гражданского судопроизводства // Проблемы гражданского судопроизводства: Материалы Всерос. межвуз. науч.-практ. конф. М., 1994. С. 56 – 60 и др.

уголовно-правовой сферы посвящены несколько уже проведенных научно-практических конференций[1], соответствующие разделы присутствуют в ряде современных учебников по криминалистике[2].

Так, по мнению Н.П. Яблокова, «…криминалистические правовые средства и технологии не в меньшей степени важны для других видов юридической деятельности. Однако они до сих пор, к сожалению, и главным образом из-за недостаточного знания их исполнителями не используются в других видах юридической деятельности. Например, еще слабо используются в гражданском и арбитражном судопроизводстве, в административном и таможенном разбирательстве и в других видах деятельности практикующих юристов, в которых также необходимо выявление и тактически продуманное использование юридических фактов»[3].

Общие закономерности судебного доказывания, имеющие интеграционный надотраслевой характер, при определении объекта криминалистической деятельности позволяют абстрагироваться от особенностей отраслевой процессуальной регламентации и говорить о возможности использования криминалистических средств в любом другом доказательственном процессе.

Будучи разработанными криминалистикой для обеспечения доказывания в уголовном процессе, криминалистические знания и средства могут быть включены в другой процесс, имеющий с ним общие надотраслевые методологические основы доказывания. Получение (собирание), закрепление, исследование и оценка доказательственной информации в другом (не уголовном) судопроизводстве неизбежно потребует применения криминалистических средств и возможностей.

Установление фактических данных, имеющих доказательственное значение, превращение сведений о них в судебные доказательства являются предметом криминалистической деятельности в любом процессе с доказыванием. Процессуальная регламентация доказательственных действий в каждом виде судопроизводства имеет свои особенности отраслевого правового значения. Именно поэтому ученые, исследовавшие затронутую проблематику, подчеркивали творческий характер применения криминалистических возможностей в другой (не уголовно-правовой) доказательственной деятельности, необходимость разработки теоретических и практических основ переноса криминалистических возможностей в другое правовое поле доказательственного процесса.

Общность «механизма» доказывания в уголовном и цивилистическом процессах просматривается в одинаковости многих процессуальных положений и институтов. Общими являются основные принципы и условия судопроизводства: состязательность, публичность, конфликтность судебных ситуаций, требующих своего разрешения в результате рассмотрения дела. В то же время существенно различны отраслевые материально-правовые основы, определяющие содержательную сторону доказывания, составы правоотношений: в уголовно-правовой сфере – это состав преступления, в гражданско-правовой – состав гражданского правоотношения. Различны стороны конфликта в этих правоотношениях: в уголовном процессе – конфликт между личностью и государством, в гражданском – между гражданами, гражданами и организациями, в арбитражном – между хозяйствующими субъектами. Различаются и процессуальные формы разрешения

---

[1] Например, Научно-практическая конференция «Криминалистические методы исследования доказательств в гражданском, арбитражном и административном процессе». Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 18-19 февраля 1997 года; Научно-практическая конференция «Криминалистика в системе правоприменения». Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 27-28 октября 2008 г. и др.

[2] См., например, Криминалистика: учебник для магистратуры / под общ. ред. И.В. Александрова. - Москва: Юрайт, 2014. С. 20-25.

[3] См. Яблоков Н.П. Значение криминалистики в правоприменительной деятельности и подготовке юристов широкого профиля. С.11-12.

конфликтных ситуаций и «механизма» доказывания и пр. Поэтому в различных видах судопроизводства неизбежно потребуется адекватное криминалистическое обеспечение для эффективной работы с доказательствами.

Однако, в связи с этим приемы и способы работы с доказательственной информацией, разрабатываемые криминалистикой для уголовного процесса, адаптируемые и создаваемые применительно к условиям иного судопроизводства, не теряют своей криминалистической изначальной природы, а доказательственная сфера, в которой они применяются, не является вовсе «чужой», т.к. имеет общие корни в основах доказательственного права.

«Вредность» для науки криминалистики развития в её рамках знаний о применении криминалистических средств за пределами уголовно-правовой сферы сторонники этой позиции[1] видят в отвлечении внимания ученых от главной функциональной задачи этой науки, состоящей в оснащении научными средствами предварительного следствия, в «размывании» её границ. Отсюда особенно часто звучат требования определения четких границ предмета и объекта криминалистики.

Бесспорно, каждая наука должна иметь четко очерченные границы. Однако, развитие научных исследований, и криминалистика здесь не исключение, предполагает зарождение в её недрах новых творческих и перспективных направлений, связанных с исследованием новых объектов. При этом совершенно необязательно немедленное отражение этих объектов в определении предмета науки.

История развития науки в целом изобилует появлением в рамках определенной науки нетипичных, выходящих за её предмет объектов, исследование которых приводило к продуктивным результатам на уровне открытия новых направлений. Причем новое знание не может нести негативный заряд для «материнской» науки, если даже ведет к смене парадигмы, созданию новых интеграционных концепций, учений и т. п. В нашем случае, разумеется, задачу применения криминалистических средств за пределами уголовного судопроизводства нельзя считать главной при определении её предмета. Она интегрируется с задачей уголовно-правовой сферы на более высоком уровне – оказание помощи и содействия научными средствами правосудию в целом. Именно такими соображениями руководствовались ученые-цивилисты[2], обращавшиеся к криминалистике как к науке, не только способной решать задачи борьбы с преступностью, которые для нее остаются основными и главными, но и как к источнику получения знаний о фактических данных в целях объективного и справедливого разбирательства спорных отношений, имеющих цивилистический характер.

Подобных наук, обеспечивающих нужными в доказывании средствами для использования в других видах процесса пока не существует, а насущная потребность в этом есть. Так, В.А. Новицкий пишет по этому поводу следующее: «Гражданская процессуальная, арбитражная процессуальная наука, науки конституционного (в его рамках конституционное судебное право) и административного (административное процессуальное) права, испытывают острую потребность в специальных науках-спутниках, предметом которых было бы исследование механизма доказывания в разных областях юридических знаний». И далее, ссылаясь на А.М. Кустова, добавляет: «существующая кри-

---

[1] Лаврухин С. В., Комягина Ю.С. Объекты и предмет криминалистики. – М: «Юрлитинформ», 2013; Корма В.Д., Образцов В.А. Проблемы совершенствования парадигмы криминалистики как теории здравого смысла // Вестник криминалистики. - М.: Спарк, 2013, Вып. 2 (46). С. 7-18; Подшибякин А.С. О сущности и предмете криминалистики и основных направлениях ее разрушения // Криминалистика в системе правоприменения: материалы конференции (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова 27-28 октября 2008г.). М., 2008. С. 63-68.

[2] Тихиня В.Г. Указ. соч.

миналистическая наука обеспечивает только уголовное судопроизводство, научно необеспеченными остаются гражданский, арбитражный и административный процессы»[1].

Практические потребности цивилистического процесса в криминалистических методах понятны, т.к. процессуальное законодательство не в состоянии, да это и не нужно, подробно регламентировать всю деятельностную сторону процесса, которая в то же время должна быть достаточно профессиональной. В криминалистике разработаны именно технические, тактические, методические основы следственных и судебных действий, отправляясь от которых вполне может быть построено эффективное наполнение криминалистическими средствами других видов процесса. Это наглядно подтверждается, в частности, в работах ученых-криминалистов, посвященных проблеме назначения и производства судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе[2].

Востребованность криминалистических знаний в гражданско-правовом процессуальном поле и наличие науки, обладающей огромным потенциалом для этого, неизбежно приведут к развитию этого направления. Поскольку же криминалистика является дисциплиной, способной служить базой для такого развития, последнее не может осуществляться вне её рамок. Поэтому вопрос о включении в круг объектов данной науки криминалистической деятельности, направленной на применение её знаний и средств в цивилистическом процессе, а в предмет – соответствующих закономерностей осуществления этой деятельности, представляется далеко не праздным.

Серьезное основание для расширения предмета криминалистики за счет включения в него закономерностей, определяющих использование криминалистических возможностей в доказывании в других видах судопроизводства, составляет и то, что деятельность по применению криминалистических знаний и средств в «чужом» процессе остается криминалистической, т. е. не теряет своей криминалистической методологической природы. Эта деятельность не переходит в предметные области отраслевых процессуальных наук, доказательственной сфере которых она способствует. Не вторгается она и в область доказательственного права, т.к. не является правовой.

Отношение деятельности по применению разрабатываемых криминалистикой знаний и средств к цивилистическому процессу и, соответственно, к его доказательственному праву такое же, как у криминалистики к уголовно-процессуальному праву. Граница между ними лежит достаточно определенная и состоит в том, что криминалистическая деятельность, независимо от области её применения, не вторгается в сферу материального или процессуального права. Средства, разрабатываемые криминалистикой для борьбы с преступностью, по своей гносеологической природе носят общенаучный характер и поэтому могут приспосабливаться и развиваться применительно к разным отраслевым условиям процесса доказывания.

Как нам представляется, предлагаемое расширение предмета криминалистики не приведет к «размыванию её границ» и «разрушению», чего опасаются отдельные ученые-криминалисты. Оно не означает переориентации основной направленности на раскрытие и предупреждение преступлений, которая в условиях современных задач борьбы с противоправной деятельностью, несомненно, должна усиливаться и совершенствоваться. В данном случае речь может идти только о расширении функций и дополнении задач, которые возможно решать на основе огромного теоретического и методологического багажа, накопленного криминалистикой, в целях оптимизации правосудия.

---

[1] Новицкий В.А. Теория доказательственного права. Т. 1. М., Ставрополь: Пресса, 2004. С. 128-129.

[2] Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: НОРМА, 2006; Жижина М.В. Криминалистическая экспертиза документов в арбитражном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2003 и др.

Снятие догматических рамок с предмета криминалистики, открытие горизонтов для решения общих теоретических и праксеологических проблем, разработка практических рекомендаций на правовой основе других судопроизводств не может нанести науке вреда. Разумеется, в возможной перспективе разработка системы знаний о «технологии» доказывания в цивилистическом процессе в качестве самостоятельной научной области может и не называться криминалистикой, но останется именно её отраслью в силу общности криминалистических «корней» и «материнской» роли.

Как показывает история развития научного знания, от разработки основ одной науки в пределах предмета другой при условии их методологической общности не страдали ни первая ни вторая. Подтверждением этому является сама наука криминалистика, вышедшая в свое время из недр уголовного процессуального права, теория судебной экспертизы, шагнувшая за рамки криминалистики. Напротив, в результате все они благополучно функционируют и активно развиваются.

В связи с этим возможно говорить о формировании в рамках криминалистики *системы знаний об использовании криминалистических возможностей в цивилистическом процессе, содержание которого составляет судебное рассмотрение гражданских дел и дел, рассматриваемых арбитражными судами.* По нашему мнению, это научное направление вправе претендовать на статус одного из криминалистических учений, а его объект заслуживает отражения в определении предмета криминалистики.

А.Б. Жуков

Определение категории «место» в криминалистике

В статье обозначена проблема необходимости определения криминалистической категории «место», раскрывающей познавательную ценность пространства в границах которого получили отражение причинно-следственные связи между объектами, имеющими значение для уголовного дела. Дается авторское определение криминалистической категории «место» через его системные ха-рактеристики.

***Ключевые слова**: криминалистические категории, криминалистическая категория «место», системные характеристики криминалистической категории «место».*

Zhukov A. B.

Definition of the category "place" in criminalistics

The article designated the need to define the problem criminalistics category "place", revealing the cognitive value area within which were reflected causal relationships between objects that are relevant to the criminal case. Provided the author's definition of criminalistical category "place" through its system characteristics.

***Keywords**: criminalistic categories, criminalistic category "place", system characteristics of the criminalistic category "place".*

Важность криминалистической категории определяется тем, что она представляет собой основополагающие начала, позволяющие выстроить систему положений, приемов и методов, направленных на организацию расследования преступлений.

Впервые учение о категориях предложил Аристотель в своем трактате о предельных принципах и началах бытия, который он называл «первой философией» и которое

позднее было определено как «Метафизика» [1]. Основными вопросами, обсуждаемыми в этой работе, были следующие: к каким основным типам – «категориям» – можно отнести все существующее в мире? каковы основные характеристики этих типов? что такое пространство и время? как взаимодействуют вещи, что такое причинность?

Аристотель ввел в философию представление о том, что категории – это наиболее общие и в то же время простейшие типы объектов действительности, формы их отношений и свойств. Это своего рода «алфавит мира», на основе которого можно строить затем более сложные понятия о нем. Но как обнаружить такой простейший «алфавит»? Аристотель предположил, что это можно сделать, анализируя язык, а именно: простейшие формы высказываний о вещах.

В результате такого анализа Аристотель установил, что все настоящее можно отнести к десяти следующим категориям: сущность, количество, качество, отношение, место, время, состояние, обладание, действие, претерпевание. В контексте рассматриваемой нами темы необходимо сказать, что Аристотель не относил место и время к сущностям, т. е. к самостоятельно существующим субстанциям[2].

Пытаясь ответить на вопрос, является ли место и время категориями, следует учитывать, что сегодня к категориям науки относятся предельно общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи отношения реальной действительности и познания, <…> категории воспроизводят свойства и отношения познания во всеобщей и наиболее концентрированной форме[3].

Категории криминалистические – это основные понятия криминалистической науки (например, технико-криминалистическое средство, криминалистический прием и др.)[4]. Криминалистика, в отличие от других юридических наук, оперирует понятиями, которые одновременно рассматриваются как в самой криминалистической науке, так и в смежных научных областях, опосредованно связанных с криминалистикой – это понятия и термины экономики, философии, медицины, физики, химии и др. Поэтому для криминалистической науки важно выявлять и транслировать именно криминалистический смысл привлекаемых в криминалистическую систему понятий и, соответственно, терминов[5]. Заметим, что эта задача является весьма сложной. Об этом свидетельствует практика использования категориального аппарата в уголовно-правовой доктрине. Хотя юридическая теория и практика демонстрируют довольно широкое использование отечественной уголовно-правовой доктриной философского категориального аппарата, необходимость исследования соотношения философских категорий и категорий уголовно-правовой науки проявляется в плюралистичности понимания некоторых правовых категорий в теории и на практике, что приводит к неоднозначности, а иногда к противоречивости практического применения уголовно-правовых теоретических результатов[6].

Широта использования понятия «место» в криминалистической науке и практике позволяет выдвинуть гипотезу о том, что понятие «место» в настоящий момент тяготеет к категориальному статусу. Но сегодня смысл понятия «место» раскрывается в крими-

---

[1] Аристотель. Метафизика [Электронный ресурс] / Аристотель. –. URL : http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/metaphiz.txt (дата обращения 11.04.2015)

[2] Философские категории как базовый язык мировоззрений [Электронный ресурс]. – URL : http://www.filosofy.org/article181.php (дата доступа 3.02.2015)

[3] Философский энциклопедический словарь [Текст]. – М,: Сов. энциклопедия, 1983. – С. 251.

[4] Белкин, Р. С. Криминалистическая энциклопедия [Электронный ресурс] / Р. С. Белкин. – URL : http://www.adhdportal.com/book_4108.html (дата доступа 3.02.2015)

[5] Чельцова, Ю. А. Соотношение термина и понятия в криминалистической науке [Электронный ресурс] / Ю. А. Чельцова. – URL : http://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-termina-i-ponyatiya-v-kriminalisticheskoy-nauke (дата доступа 3.02.2015)

[6] Гейко, П. П. Категории философии в уголовном праве [Электронный ресурс] / П. П. Гейко. – URL : http://www.geyko.su/stati/104-kategorii-filosofii-v-ugolovnom-prave (дата доступа 3.02.2015)

налистике в научном контексте только при определенной конкретизации действий по расследованию преступлений. Отсутствие необходимостьи формулирований понятия «место» объясняется тем, что имеется его необходимая характеристика в общеупотребительной лексике. Интересным представляется контекст, в котором Р. С. Белкин использует понятие «место»:

– «место дорожно-транспортного происшествия: участок дороги, на котором произошло дорожно-транспортное происшествие, и примыкающая к нему местность, где находились относящиеся к нему объекты, препятствия, оказавшие влияние на движение транспортного средства, а также сохранились следы действия механизма происшествия»;

– «место преступления: участок местности или помещение, где было совершено преступление»;

– «место происшествия: участок местности или помещение, где были обнаружены следы события, требующего расследования. Место происшествия может совпадать с местом преступления, если следы преступления обнаружены там же, где было совершено преступление. Мест происшествий по одному и тому же делу может быть несколько, если следы совершенного преступления обнаружены в разных местах» [1].

Данные аспекты по понятия «место» получают широкое отражение в криминалистической литературе. В некоторых случаях в качестве синонима «места» используется термин пространств, хотя смысловое содержание и того и другого совпадают. Например, Л. Е. Чистова указывает, что в криминалистическом значении под пространством понимается определенная территория, где было совершено преступление или обнаружены его следы, а также место проведения любого следственного действия, например, обыска и наибольшую информацию о расследуемом преступном событии содержит место происшествия. Именно там сосредотачивается наибольшее количество следов и предметов, которые изменяют первоначальную обстановку на этом месте. Поэтому одной из задач следователя при осмотре этого пространства (помещения, участка местности) является не только установление не только того факта, что именно на этом месте произошло преступное событие, но и тех изменений, которые произошли в результате преступных действий [2]. Аналогичного определяется место происшествия и другими авторами [3].

С бытовой точки зрения это оправдано, так как в словаре синонимов русского языка место также определяется как пространство, участок, характеризующиеся теми или иными признаками, связанными с чем-либо, предназначенными для чего-либо[4]. И в учебной, и в научной литературе по криминалистике таких примеров определения одного понятия через другое, и наоборот, можно привести достаточно много. Но в науке это недопустимо, так как здесь налицо логическая ошибка, состоящая в определение понятия через самоё себя.

Хотя в философии и логике в определении понятия не достигнуто единообразной формулировки, все же в характеристике дифференциального признака такие определения, как считают исследователи, близки. Так, в «Логическом словаре-справочнике» Н. И. Кондакова отмечается, что понятие представляет собой целостную совокупность суждений, т. е. мыслей, в которых что-либо утверждается об отличительных признаках исследуемого объекта, ядром которого являются суждения о наиболее общих и в то же

---

[1] Белкин, Р. С. Криминалистическая энциклопедия [Электронный ресурс] / Р. С. Белкин. – URL : http://www.adhdportal.com/book_4108.html (дата доступа 3.02.2015)

[2] Чистова, Л. Е. Пространственно-временные отношения и причинная связь в расследовании преступлений // Вестник криминалистики / Отв. ред. А. Г. Филиппов. – Вып. 1. – М, : 2010. – С. 137 – 142.

[3] Место происшествия [Электронный ресурс]. – URL : http://www.bnti.ru/showart.asp?aid=990&lvl=01. (дата доступа 3.02.2015);

[4] Словарь синонимов русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. – М, : 2002. – С. 230.

время существенных признаках этого объекта[1].

Философское определение понятия сводится к тому, что понятие есть мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности и связи между ними посредством фиксации общих и специфических признаков, в качестве которых выступают свойства предметов, а также явлений и отношений между ними.

Трактовка криминалистического понятия не отличается от общенаучной и, по нашему мнению, может быть представлена следующим образом: понятие – это результат обобщения свойств предметов некоторого класса и мысленного выделения самого этого класса (рода, вида) по определенной совокупности общих для предметов этого класса (рода, вида) отличительных признаков. Система понятий отрасли науки обусловлена характером познавательной деятельности, отождествлением и разграничением в ходе этой деятельности явлений окружающей действительности, их классификацией[2].

Понятие «пространство» шире понятия «место» и пространство и по смыслу отличается от места ещё и тем, что не имеет границ. На наш взгляд, учитывая закономерности формулирования понятия, в соответствии с которым в его содержании должны быть отражены родовые признаки и используя для построения криминалистической категории места философских положений, полагаем, что родовые признаки данной категории должны быть связаны с философской категорией «пространство».

На наш взгляд, криминалистическая категория «место» – пространство, в котором получили свое отражение причинно-следственные и иные связи, проявившиеся в ходе подготовки, совершения и сокрытия преступления, требующие для исследования применения разработанных криминалистикой приемов и способов обнаружения объектов, имеющих значение для уголовного дела. Таким образом, основополагающим началом, образующим категорию «место» является познавательная ценность отдельного пространства в границах, определяемых следователем. В пользу данного суждения свидетельствуют отдельные его характеристики, называемые в криминалистике:

1. место должно быть причинно связано с исследуемыми событиями;
2. место должно содержать объекты, которые могут рассматриваться только в пространственной связи с другими объектами[3].
3. если между фактами есть непосредственная причинная связь, то факт-причина и факт-следствие находятся в одном месте, а если факты связаны опосредованной причинной связью, то они могут находиться как вместе, так и в разных местах;
4. объект, выступающий в качестве причины, не может действовать в разных местах одновременно[4];
5. место должно содержать временные изменения;
6. место должно быть территориально ограничено, но при этом может включать в себя не только два измерения на плоскости, а три измерения.

Итак, значимость определения категории «место» в криминалистике очевидна не только для уточнения и обогащения языка данной науки, развития системы ее частных теорий, но и для разработки методик, технологий, рекомендаций, адресуемых следственной практике.

---

[1] Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник. – М, : 1975. – С. 456 – 460.

[2] Гейко, П. П. Категории философии в уголовном праве [Электронный ресурс] / П. П. Гейко. – URL : http://www.geyko.su/stati/104-kategorii-filosofii-v-ugolovnom-prave (дата доступа 3.02.2015)

[3] Место происшествия [Электронный ресурс]. – URL : http://www.bnti.ru/showart.asp?aid=990&lvl=01. (дата доступа 3.02.2015)

[4] Пятницын, К. Е. Анализ пространственно-временных отношений в процессе расследования // Криминалистические проблемы пространственно-временных факторов в методике расследования преступлений. – Иркутск, 1983. – С. 69.

С.Ю. Журавлев, С.К. Крепышева

Криминалистическая методика и тактика: контекст современного понимания роли криминалистики в юридической деятельности и юридическом образовании

В статье дается комплексное понимание роли криминалистики, в профессиональной деятельности юристов и в юридическом образовании, анализируются противоречивые тенденции в развитии криминалистики и в смежных юридических сферах. Дается инновационное понимание роли криминалистики в юридической деятельности и предлагаются новые понятийные категории.

***Ключевые слова**: противоречивые тенденции в развитии криминалистики, структурная неоднородность научной специальности, единое криминалистическое пространство, практическая важность криминалистического знания в социальной практике, криминалистическое образование, криминалистический стиль деятельности, аналитические, и процедурные способности, методическая схема работы, методический алгоритм, тактическая схема работы, тактический алгоритм, тактико-методический алгоритм.*

S.Yu. Zhuravlev S.K. Krepysheva

Forensic methodics and tactics in the context of modern understating of the role of criminalistics in legal activities and education

The article gives a comprehensive understanding of the role of criminology in the professional activity of lawyers and legal education, analyzes the conflicting trends in criminology and related legal fields. It provides an innovative understanding of the role of criminology in the legal profession and offer new conceptual categories.

***Keywords**: conflicting trends in criminology, the structural heterogeneity of scientific specialty, one forensic space, the practical importance of forensic expertise in social practice, forensic education, forensic style of activity, analysis, and procedural skills, methodical scheme of work, methodical algorithm tactical scheme of work, tactical ability, tactical and methodical algorithm.*

Комплексное понимание роли криминалистики, в профессиональной деятельности различных категорий юристов и в юридическом образовании заставляет вновь вернуться к данной теме с учетом масштабности научного форума, который посвящен юбилею выдающегося криминалиста, профессора Н.П. Яблокова.

Проблема, которой посвящена статья имеет отношение не только к пониманию криминалистами объема своей науки, общих тенденций и перспектив развития криминалистики, но и связана с детальным анализом востребованности положений нашей науки в различных сферах юридической деятельности и в юридическом образовании. Ситуация осложняется тем, что в документах образовательной сферы компетенции будущих юристов классифицированы по основаниям удобным для формального контроля, а не для организации и осуществления процесса обучения. В этой смысле достаточно актуальны слова профессора М.К. Каминского о том, что неумение стандартизировать процесс обучения приводит к попыткам стандартизировать продукт данного процесса.

Если проанализировать другие противоречивые тенденции в развитии криминалистики и ее понимания и применения в социальной практике, то можно выделить:

– существующее мнение о важности криминалистики для юридической практики и отсутствие государственного выпускного экзамена по криминалистике в большинстве юридических вузов;

– подтвержденная актуальность криминалистического знания всем опытом правоприменительной деятельности и постепенное уменьшение часов на преподавание данной дисциплины;

– наличие активной теоретической дискуссии в рамках криминалистической науки и фрагментарность ее восприятия в социальной практике и в юридическом образовании;

– констатация важности изучения криминалистики юристами гражданско-правовой специализации и сведение дискуссии лишь к необходимости освоения будущими юристами процесса подготовки и назначения судебных экспертиз по гражданским делам.

Еще одна проблема – это структурная неоднородность научной специальности 12.00.12. Ранее мы отмечали, что существует объективная опасность разрушения единого научно-криминалистического пространства на определенные составляющие.

С одной стороны «судебная экспертиза» в названии научной специальности подчеркивает практическую важность криминалистического знания в социальной практике, но с другой стороны смещает акценты в понимании нашей науки в сторону положений криминалистической техники. С учетом появления в структуре учебных планов юридических вузов отдельной дисциплины «методика расследования отдельных видов преступлений» получается совсем странная «картинка» целостности научно-криминалистического знания и изучаемой учебной дисциплины.

На фоне указанных тенденций структурной неустойчивости происходит разработка основ науки сыскологии (И.И. Басецкий, А.Ю. Шумилов и др.). Но признак скрытого разрушения целостности пространства криминалистического знания не в попытке замены оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) на сыскологию, а в том, что предмет данной науки формулируют без связи с предметом криминалистики. И вообще по нашим наблюдениям представители теории и практики ОРД ведут себя несколько, если так можно выразиться, не по криминалистически. Криминалистическую характеристику превратили в оперативно-тактическую характеристику, обнаружение и фиксацию информации заменили на документирование. Игнорирование термина «расследование», в пользу терминов «выявление» и «раскрытие» повлекло за собой даже отказ, в отдельных случаях, от категории «выдвижение версий», которые, по мнению некоторых представителей оперативных подразделений ОВД выдвигают только следователи.

Мы уже имеем печальный опыт «разрыва» прежней научной специальности 12.00.09, которая творчески мыслящими учеными воспринималась как комплексная. С точки зрения целостности структуры было проигнорировано, что понятийно в названии специальности были сведены вместе уголовный процесс как отрасль права и научная сфера, отрасль научного знания (криминалистика) и два вида практической деятельности (экспертная и оперативная). При этом «забыли» о следователях, дознавателях и иных категориях расследователей. Они подразумевались, а в результате получился «развод» с процессуалистами.

По нашим наблюдениям цельности вновь не получается. Судебная экспертиза в названии научной специальности претендует на самостоятельную роль и зарождается новая наука «сыскология» с предметом, который понятийно очень отдален от предмета криминалистики. Поэтому возникает острый дискуссионный вопрос: Криминалистика в этой «связке» элементов научной специальности 12.00.12 – это системообразующая основа и цементирующее «связку» основание и или уже почти нежелательный элемент, от

которого готовы отказаться «соседи», которые понятийно более связаны с конкретными видами практической деятельности?

Полагаем, что возникновение новых научных структур должно происходить в рамках активной теоретической дискуссии. При этом о целостности системы криминалистического знания следует задуматься уже сейчас и укрепить данную систему за счет консолидации понятийного и классификационного подхода на межпредметном уровне, а также за счет совершенствования криминалистического образования.

Все содержание работ ведущих криминалистов свидетельствует, что криминалистика – это расследовательская (следовать по следам), сыскная философия юридической работы, технология ее познавательной и поисковой деятельности, ее методика и тактика. При этом об адвокатах, нотариусах, различных категориях юристов гражданской специализации, частных детективах, специалистах по различным видам административного расследования и служебных проверок в государственном и негосударственном секторе мы криминалисты несколько подзабыли.

При этом проблема не столько в отсутствии работ криминалистов на данную тему. Отдельные диссертации, книги и статьи не решают главную проблему – отсутствие методологических обоснований того, что это «поле» для криминалистических исследований. Отсутствие исследований не дает полезного научно-методического продукта (методик, рекомендаций), а, следовательно, интерес общества к криминалистике не увеличивается, а снижается, в том числе потому, что ее значение для общества недостаточно понимается, в том числе организаторами высшего юридического образования.

О криминалистическом образовании следует сказать особо. По сути оно не просто формирует у юриста криминалистическое знание и криминалистический стиль деятельности. Являясь проводником криминалистической теории в будущие поколения юристов криминалистическое образование является своеобразным криминалистическим маркетингом в юридической среде и смежных социальных сферах. Всем содержанием обучения мы должны доказывать научному, образовательному и административному сообществу, что криминалистика учит методическим и тактическим схемам работы в различных видах юридической деятельности.

Мы непосредственно формируем и закрепляем профессиональные аналитические способности юриста, которые включают широкий спектр качеств от элементарной способности осмысливать окружающую реальность, события, процессы и до владения технологиями специализированного анализа поступающей доказательственной информации и складывающейся в работе юриста ситуации. Формирование аналитических способностей должно проходить через определенные этапы, их содержание является особой дидактической криминалистической методикой.

Квалификационные способности юриста на первый взгляд формируются не криминалистами. При этом именно криминалисты во взаимодействии с преподавателями логики и юридической психологии создают аналитические предпосылки для формирования у будущего юриста способности соотносить квалификационные признаки деяния со сложившимися обстоятельствами и формулировать оценочно-квалификационные выводы по результатам расследования. Без знания криминалистической характеристики преступлений в квалификационной работе не обойтись. Невозможно в ней обойтись и без ситуационного понимания вопросов уголовно правовой квалификации. В этой связи интересным примером из личной педагогической практики является предложение специалистам по материальному уголовному праву изменить формат стандартной (итоговой) уголовно-правовой квалификации на ступенчатый (ситуационный) квалификационный анализ в зависимости от вновь поступающей информации в ходе комплексных междисциплинарных учений.

Процедурные способности юриста в большинстве своем должны формироваться именно криминалистами. Они заключаются в умении юриста принимать и реализовывать методические и тактические решения, совершать действия в рамках определенных профессиональных процедур. Значительная часть процедурных способностей базируется на аналитических компетенциях и на элементарном умении думать, сопоставлять, сравнивать, поступающую информацию. Процедуры выдвижения и разработки версий, планирования расследования, анализа большого объема документов, материалов уголовного или гражданского дела с точки зрения допущенных ошибок или заложенной злоумышленником фальсификации, проведение действий в условиях тактического риска, применение профессиональной хитрости для разоблачения правонарушителя – это процедуры, требующие серьезной интеллектуальной основы у субъекта их применения. Определенная часть процедур более просты с точки зрения необходимости упреждающего аналитико-интеллектуального просчета и текущего рефлексивного контроля.

Полагаем, что о «криминалистическом факторе» уже пора говорить как о важнейшем элементе прогрессивной, реально развивающейся юридической педагогики. Криминалистическое обучение – это привитие умения во всем видеть главное, ключевое. Информационная составляющая практической деятельности может содержать неясные и противоречивые элементы. Задача владеющего криминалистическим знанием состоит в том, чтобы выделить имеющиеся «непонятки» и сформулировать вопросы, ответы на которые помогут в них разобраться. Лишь после этого необходимо сформировать тактико-методический алгоритм получения ответов на поставленные вопросы и учесть возможные ошибки и трудности на этом пути.

Такой подход позволяет по-новому взглянуть на роль криминалистики в юридическом образовании, а также накладывает более высокие требования на тех, кто преподает криминалистику в вузе.

Актуальным и до конца не исследованным остается вопрос о путях формирования криминалистического стиля мышления как основы принятия решения в той или иной ситуации практической деятельности юриста. Альтернативой является лукавый расчет обучающего (педагога) на то, что формированию методического и тактического стиля работы юриста поможет его подсознательное понимание возможного алгоритма принятия решения и оптимальной последовательности действий на основании учебно-методической «солянки», которая ему предлагается. Как правило, в современных условиях на всем этом учебном материале лежит «печать» расследования по уголовному делу, проведения отдельных следственных действий, назначения и проведения судебных экспертиз по уголовным и гражданским делам. Поэтому вполне закономерно возникает вопрос, а чему же может научить криминалистика тех юристов, которые не пойдут по пути уголовно-процессуальной специализации?

Ответ находится в плоскости понимания соотношения терминов «методика» и «тактика» работы применительно к пониманию термина «расследование» в значении «следовать по следам», выяснить все обстоятельства интересующего юриста события, всех обстоятельств нарушения утвержденного порядка, нормы и т. п., которым должен был следовать возможный правонарушитель.

Методическое содержание работы начинается с понимания юристом необходимости совершить действия в целях проверки вероятности нарушения нормы права, с попытки разобраться что нарушено, что не соответствует нормальному ходу событий. Это, например, может выражаться в получении ответов на вопросы, что нарушено в вещной обстановке, в документах, в технологии, в порядке управления, в ранее состоявшихся договоренностях и т. д. В случае установления явных признаков «несоответствия» субъекту расследования следует уяснить (определить), что необходимо сделать для того,

чтобы установленные признаки несоответствия были зафиксированы, специальным образом исследованы, проанализированы и использованы в работе по расследованию обстоятельств изучаемого юристом события. Методическое содержание работы по расследованию завершается определением исчерпывающего перечня направлений работы и конкретных мероприятий (что необходимо сделать) которые необходимо провести в рамках расследования. В этом смысле можно утверждать, что методика расследования как направленность работы завершается там, где прекращается (исчерпывается) методическое планирование работы. Возобновление методического содержания деятельности по расследованию возможно в том случае, если возникают признаки ее неэффективности, ошибочности или появляются признаки противодействия расследованию. В этом случае должна быть запущена методика поиска ошибок в ранее принятых и реализованных решениях, а также «включена» методика нейтрализации и преодоления противодействия расследованию.

Тактическое содержание работы всегда находится в рамках того, что запланировано на методическом уровне. Тактика (как, каким образом проводить запланированное мероприятие) обусловлена методикой. Относительная самостоятельность тактики состоит в том, что после методического решения о необходимости проведения тактического действия главным, с тактической точки зрения, становится не методическое решение, например, о проведении обыска в офисе экономико-криминальной структуры или установлении наблюдения за конкретным сотрудником в офисе организации, а совокупность условий влияющих на эффективность проведения определенного тактического действия. В этом смысле совокупность тактических условий работы, опыт прошлой аналогичной деятельности, имеющиеся методические разработки становятся своеобразным методическим ориентиром для тактического уровня деятельности по расследованию. Именно поэтому мы говорим не просто о методике расследования противоправного события и тактике проведения отдельного действия, а имеем в виду то, что методика работы, ее возможности предопределяются имеющимся тактическим арсеналом расследования, а тактические средства расследования могут быть реализованы в рамках определенной методики.

Применительно к деятельности различных категорий юристов в криминалистических работах вполне уместно применение таких понятий как «методическая схема работы (методический алгоритм)», «тактическая схема работы (тактический алгоритм)». Детализация данного подхода приводит к пониманию того, что вполне оправданным является применение термина «тактико-методический алгоритм», который может применяться как в научно-методическом, так и в дидактическом значении.

Д.В. Завьялова

Исключительная ситуация как разновидность криминалистических (следственных) ситуаций

В статье рассматриваются случаи, возникновение которых позволяет отступление от общих, установленных законом правил производства процессуальных, следственных действий. Предлагается понятие «исключительная ситуация». Анализируются признаки, присущие всем исключительным ситуациям. Делается вывод о том, что исключительная ситуация является разновидностью криминалистической ситуации.

***Ключевые слова**: уголовное судопроизводство, исключительный случай, случай, не терпящий отлагательства, в случае невозможности, исключительная ситуация, криминалистическая ситуация.*

D.V. Zavyalova

Exceptional situation as a type of criminalistic (investigative) situations

In the article we examine the cases, the occurrence of which allows derogation from the general set of rules prescribed by law which are used during procedural and investigative actions. The concept of "exceptional situation" is proposed. Characteristics common to all exceptional situations are analyzed. Conclusion is made that the exceptional situation is a type of criminalistic situation.

***Keywords**: criminal procedure, exceptional case, a case of urgency, in case of impossibility, an exceptional situation, criminalistic situation.*

На протяжении длительного периода времени ученых интересует вопрос о ситуациях, закономерностях их возникновения, способов разрешения и предотвращения в соответствующей области науки. Не является исключением и криминалистика, в которой с 70-х годов 20 века стала разрабатываться теория следственных или криминалистических ситуаций.

Однако, несмотря на такое внимание к данной проблеме, единства мнений относительно сущности криминалистических ситуаций до сих пор не сложилось. Так, одни ученые считают, что криминалистическая (следственная) ситуация представляет собой обстановку, сложившуюся на определенный момент расследования преступления, либо обстановку в которой протекает процесс доказывания[1].

В свою очередь, О.Я. Баев отмечает, что «понятие следственной ситуации, которым оперирует криминалистика, есть модель реальной ситуации, возникновение которой возможно при расследовании отдельных видов преступлений»[2].

Более того, нет единства и относительно разновидностей криминалистических ситуаций. Так, например, Л.Я. Драпкин предлагает выделять пять классификационных

---

[1]См., например: Селиванов Н.А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования. // Соц. Законность. 1977. № 2. С. 58.;
Яблоков Н.П. Следственные ситуации в методике расследования преступлений // Актуальные направления развития криминалистической методики и тактики расследования: Материалы расширенного заседания Ученого совета Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. М. 1978. С. 24.; Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Т. 3. М. 1979. С. 70

[2]Баев О.Я., Баева Н.Б. Реальные следственные ситуации и их модели // Вопросы совершенствования методики расследования преступлений. Ташкент, 1984. С. 56.

подгрупп следственных ситуаций: проблемные, конфликтные, тактического риска, организационно-неупорядоченные и смешанные[1].

Т.С. Волчецкая выделяет 3 большие группы следственных ситуаций: в криминальной деятельности, в практике борьбы с преступностью и ситуации криминалистической науки[2].

Однако, до настоящего времени учеными не учитывалась группа ситуаций, которая с уверенностью может быть отнесена к разновидности криминалистических (следственных) ситуаций.

Исходя из объективной неспособности законодателя, предусмотреть все случаи, нуждающиеся в правовом регулировании, действующее законодательство содержит ряд норм, позволяющих при наступлении определенных условий отступать от общих требований закона.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность возникновения трех разновидностей случаев, допускающих применение особых, отличных от общих правил, это «исключительный случай», «случай, не терпящий отлагательства», «в случае невозможности». Казалось бы, в тех случаях, когда речь идет о неординарных, нетипичных ситуациях, закон должен четко определять условия и границы возможных отступлений от общих правил. Однако, устанавливая такие исключения, действующий уголовно-процессуальный закон не дает ни определения этим случаям, ни условия признания их таковыми. А потому, большинство правоприменителей считают необходимым по-своему, зачастую, достаточно вольно интерпретировать соответствующие нормы. Так, например, заслуживают внимания результаты анкетирования, проведенного А.В. Осиповым, согласно которым 52% респондентов считают, что наступление нерабочего времени суда либо ночного времени, являются основанием для производства обыска без получения предварительного судебного разрешения[3]. Т. е. больше половины правоприменителей, цель которых привлечение виновных лиц к ответственности за совершенное преступление, умышленно или по незнанию сами становятся нарушителями закона.

А.Б. Соловьев замечает, что «необходимо определить критерии, которыми будет руководствоваться следователь при оценке случаев в качестве не терпящих отлагательства»[4].

Другие ученые предлагают выделить конкретные случаи, при наличии которых допустимо производство следственных действий без получения судебного решения[5].

Действительно, определение критериев или перечня случаев, допускающих отступление от требований закона, положительным образом отразится на правоприменительной практике. Вместе с тем, думается, что уяснение сущности какого-либо предмета должно быть поступательным и начинаться обязано с определения понятия этого самого случая.

---

[1]Драпкин Л.Я. Следственные ситуации и раскрытие преступлений. // Свердловский юридический институт. Научные труды. Свердловск. 1975-1976. Вып. 41. С. 41.

[2] Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Монография / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. М., Калинингр. ун-т. Калининград. 1997. С. 57.

[3] Осипов А.В. Нормативная модель исключительных случаев, при которых производство следственных действий не терпит отлагательства // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2-2 (74). С. 124.

[4]Соловьев А.Б. Обеспечение обоснованности проведения осмотра жилища, обыска и выемки в жилище в исключительных случаях, не терпящих отлагательства // Уголовное право. 2004. № 2. С. 103.

[5] См., например: Кальницкий В.В. Судебное заседание в досудебном производстве по уголовным делам: учебное пособие. Омск. 2009. С. 82; Подольский М.А. Судебные решения в досудебном производстве по уголовному делу: дис.... канд. юрид. наук. Казань. 2007. С. 161; Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок, доказательственное значение. Самара. 2004. С. 56, 71.

Поэтому, обоснованным, на наш взгляд, выглядит предложение О.Я. Баева объединить все указанные случаи одним понятием «исключительная ситуация». По его мнению, исключительная ситуация «это процессуальная ситуация, допускающая в целях обеспечения реализации назначения уголовного судопроизводства отступление от общего порядка производства процессуальных, в том числе и следственных, действий в случаях невозможности их соблюдения в пределах и при условиях, для того предусмотренных нормами настоящего Кодекса»[1].

Насколько нам известно, данное понятие до этого в науке не использовалось. Однако, ряд ученых, в том числе А.Р. Белкин считают, что «данный подход не имеет нового содержательного смысла»[2]. Мы не можем с этим согласиться по нескольким причинам. Длительный период времени указанные понятия рассматривались через призму понятия и условий неотложных следственных действий. Такой подход ставил знак равенства между этими похожими, но в тоже время разными терминами. Понятие исключительной ситуации намного шире и охватывает разные случаи отступления от требований закона, в то время как неотложные следственные действия связаны, как это видно из названия, только с определенным перечнем следственных действий.

Более того, рассмотрение всех нетипичных случаев как единое целое позволяет выявить закономерности возникновения и разрешения проблемных ситуаций, что положительным образом скажется на практике. К тому же, объединение вышеназванных понятий способствует развитию науки криминалистики, в частности, теории криминалистических (следственных) ситуаций, поскольку как будет рассмотрено ниже, исключительные ситуации имеют много общего с ситуациями криминалистическими и могут соотноситься как часть и целое.

Так, в основе исключительной ситуации лежит информация. Сама по себе информация объективна и не зависит от сторон, однако, ее правильная оценка позволяет установить, есть ли основания для признания случая исключительным или нет. В этой связи, особый интерес представляет вопрос об условиях исключительных случаев или случаев, не терпящих отлагательства, которых в законодательстве не содержится.

При появлении намека на возможность признания случая исключительным, следователи, как правило, действуют на «свой страх и риск», надеясь, что в дальнейшем отступление от требований закона сочтут обоснованными. Следует заметить, что такая надежда небеспочвенна. Отсутствие условий признания случая исключительным или не терпящим отлагательства приводит к тому, что судьи оценивают лишь наличие фактических оснований, например, для производства обыска, но не решают главного вопроса - является ли случай исключительным.

В теории принято рассматривать критерии признания случая исключительным или не терпящим отлагательства через призму понятия и условий неотложных следственных действий, что является оправданным. Дело в том, что ч. 5 ст. 165 УПК РФ закрепляет возможность производства отдельных следственных действий без получения судебного разрешения и в этом случае они схожи с неотложными ситуациями. Схожесть проявляется в том, что в обоих случаях при отсутствии должной оперативности в принятии и реализации решения по производству следственного действия, надобность в нем может отпасть вовсе, поскольку могут быть уничтожены или сокрыты следы преступления, виновное лицо скроется или наступят иные неблагоприятные последствия. Таким образом, исключительной ситуации присущ такой признак, как незамедлительность (неотложность, безотлагательность).

---

[1] Баев О.Я. Правовые и тактические основы усмотрения в уголовном преследовании. М., 2012. С.144.

[2] Белкин А.Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть 8. Предварительное расследование. М., 2014. С. 53.

Вместе с тем, необходимо иметь в виду, что данный признак характерен только для той разновидности исключительных ситуаций, которая связана с производством следственных действий без получения судебного разрешения.

Исключительная ситуация является сложной системой, появление которой отражается на предварительном расследовании и влияет на его дальнейший ход. Ведь результаты отступления от общих правил производства процессуальных и следственных действий могут быть признаны законными или наоборот, незаконными и тогда, доказательства, полученные в ходе производства соответствующих действий, будут признаны недопустимыми.

Исключительная ситуация существует в определенный момент времени. Причем этот момент довольно скоротечен. Исключительность имеет место тогда, когда:

- появляется информация о необходимости отступления от требований закона при производстве процессуальных, следственных действий;
- принимается решение об отступлении от общих требований закона;
- реализуется соответствующее решение следователя.

На этом, по сути, действие исключительной ситуации прекращается, т.к. отпадают условия, приведшие к ее образованию. Вместе с тем, как уже было отмечено, последствия возникновения исключительной ситуации сохраняются и влияют на дальнейшее расследование преступления.

Думается, что исключительную ситуацию как разновидность криминалистических ситуаций можно рассматривать с нескольких сторон. С одной стороны, исключительная ситуация представляет сложившуюся на любой стадии уголовного судопроизводства, обстановку, характеризующуюся возможностью отступления от общих установленных законом правил или от более рационального порядка производства следственных действий, при наличии условий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Данный вывод основан на анализе норм, допускающих некие отступления от общих требований закона и практике их применения.

Вместе с тем, следует отметить, что такой подход позволяет уяснить сущность исключительных ситуаций, однако, вряд ли он позволит выявить закономерности возникновения и разрешения таких ситуаций. Поэтому, необходимо их рассмотрение с позиции криминалистики, в соответствии с которой, исключительная ситуация представляет собой модель реальной обстановки, в которой следователь осуществляет свою деятельность по определению наличия фактических оснований для признания ситуации исключительной и соответственно, отступления от общих, установленных правил.

Д.В. Ким

Влияние ситуационного подхода на постановку и решение криминалистических задач в процессе расследования преступлений

В статье рассматривается процесс постановки и решения криминалистических задач при расследовании преступлений с учетом ситуационного подхода. Обосновывается вывод о необходимости разработки информационно-методических основ «криминалистического мышления».

***Ключевые слова**: ситуационный подход, криминалистическая ситуация, криминалистическая задача, субъект доказывания, расследование преступлений.*

D.V. Kim

Influence of situational approach to the formulation and solution of problems in the process of forensic crime investigation

The article deals with the process of formulating and solving problems in the forensic investigation of crimes based on the situational approach. The conclusion about the need to develop information and methodological foundations of a "forensic thinking" is drawn.

***Keywords**: situational approach, criminological situation, forensic task, the subject of evidence, the investigation of crimes.*

Одной из важнейших и сложных задач современной криминалистики является разработка информационно-методических основ «криминалистического мышления» с учетом ситуационного подхода в процессе раскрытия и расследования преступлений[1]. С этих позиций следует говорить о процессе расследования как о системе криминалистических задач, возникающих в уголовном судопроизводстве и требующих своего решения.

Общепризнанно, что любая задача имеет два компонента: условие или данные, и цель или требование. Конечная цель может быть достигнута установлением промежуточных ее составляющих, то есть, по ходу решения происходит многократное преобразование цели и условий задачи. Уже по этой причине в процессе своего преобразования на каждом последующем этапе решения, задача может так сильно видоизменяться, что нередко воспринимается как принципиально новая. Тем не менее, остается ее структурная характеристика, состоящая из цели и условия, которые связаны между собой именно так, что от решающего требуется их преобразование. При этом, с нашей точки зрения, при решении криминалистических задач важно правильно распознать криминалистическую (оперативно-розыскную, следственную и др.) ситуацию, ее информационные компоненты как базовые для принятия решений по расследуемому уголовному делу. Оценивая полученную информацию, субъект доказывания выдвигает версии и определяет «программу» своей дальнейшей деятельности, содержащую полный перечень всех необходимых действий и их последовательность.

---

[1] Яблоков Н.П. Ситуационный подход как один из методов научного познания в криминалистическом мышлении субъектов криминалистической деятельности // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии / под ред. Т.С. Волчецкой; БФУ им И. Канта. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. – С. 20-24; Шамшиев П.А. Роль криминалистической ситуалогии в процессе криминалистического мышления // Там же. – С. 78-82 и др.

Наибольшие трудности в принятии решения по существу, как отмечено в психологии, вызывают проблемные ситуации[1].

Учитывая данный тезис, полагаем, что при расследовании преступлений нет и не может быть непроблемных криминалистических ситуаций. Любая ситуация, с которой сталкивается следователь вплоть до окончания расследования, является проблемной. Однако проблемность ситуации следует рассматривать в психологическом аспекте, как возникновение мышления, мыслительной деятельности. Так, в повседневной жизни, ситуации, в которых осуществляется деятельность человека, достаточно полно соответствуют ему, то есть, ситуации отражают ту действительность человека, в которой он действует, понимая смысл и значение элементов ситуации и своих действий с ними. Другое дело обстоит в ситуациях, складывающихся в процессе расследования уголовного дела. Эти ситуации всегда означают некоторое несоответствие между субъектом доказывания и окружающим его миром, но предполагают деятельность по устранению этого несоответствия. Результатом такой деятельности являются новые знания, новая информация, которые, в конечном счете, должны привести к раскрытию преступления. Но не любое знание вызывает проблемную ситуацию, а такое, которое связано с проблемностью познания и предположением о возможности получения новой уголовно значимой информации.

В связи с этим, представляет интерес сам процесс определения криминалистической задачи, включающий в себя восприятие ее содержания, оценку и отбор тех элементов, которые составят ее содержание. Этот процесс протекает в определенных условиях, продиктованных сложившейся на тот или иной период времени криминалистической ситуацией и предполагает определенную мыслительную деятельность, динамика которой заключается в следующем.

В момент восприятия субъектом доказывания задачи существует несоответствие между тем, что «задано», т. е. теми элементами криминалистической характеристики преступления, которые известны, и тем, что должно быть установлено как результат решения (цель). Степень же этого несоответствия полностью зависит от индивидуальных возможностей субъекта. При решении этой проблемы следует согласиться с В.Е. Клочко, который считает, что существует диапазон соответствия человека задаче, внутри которого обеспечивается проблемность, способная придать деятельности поисковый характер. Когда человек сам обнаруживает и ставит мыслительную задачу, то это происходит потому, что он в некотором предмете отразил свои возможности познания этого предмета. Не любое несоответствие вызывает переживание возможности перехода к мышлению. Только «соответствующее несоответствие» может лечь в основу мыслительной деятельности[2].

Можно предположить, что уже в момент постановки задачи различные элементы, входящие в число фактов, определяющих как условия, так и цели, будут приобретать для воспринимающего различные значения и смыслы, потому что это является необходимым условием формирования криминалистической ситуации – элементы не имеющие для субъекта ни смысла, ни значения, не включаются в ситуацию.

Из всего сказанного можно сделать следующий вывод: субъект доказывания не может сконструировать для себя ситуацию, не определив, так или иначе, значение и смысл элементов окружающего его мира, однако определение их возможно только в конце мыслительной деятельности, как ее результат, как решение задачи. Несоответствие целей и условий является главным побудительным фактом, стимулирующим са-

---

[1] См., напр.: Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 13-15 и др.

[2] Клочко В.Е. Инициация мыслительной деятельности: Дис.... д-ра психол. наук. - М., 1991. - С. 264-266.

мостоятельное целеобразование. Субъект на базе объективно заданных условий конструирует свою цель и свои условия.

Можно с увереностью сказать, что развитие криминалистической ситуации начинается с тех элементов объективного мира (времени, места, личности потерпевшего и т. д.), которые имеют наибольший смысл для субъекта доказывания. Только благодаря им ситуация развивается направленно, осмысленно, упорядоченно. Анализ уголовных дел, позволяющих развернуть деятельность следователя во времени и реконструировать криминалистическую ситуацию в ее динамике показывает, что следственные действия подчинены логике, которую диктуют смыслы элементов[1]. Поэтому не может быть единой методики расследования, так как стратегию и тактику определяют в каждом конкретном случае как объективные обстоятельства, так и субъективный аспект. С другой стороны, специфика определенных преступлений, конечно, имеется, так же как и стереотипное в них, что и позволяет говорить о тактике и методике отдельных видов и групп преступлений.

Таким образом, условия формируются в одном процессе с формированием цели, в которой конкретизируются познавательные противоречия, а деятельность субъектов доказывания носит ситуационный характер.

Чтобы связать воедино цель, условия и задачу все задачи, полагаем, можно классифицировать по признаку соотнесенности целей и условий, то есть насколько конечная цель может представить критерии оценки исходной ситуации. Применительно к методике расследования можно, на наш взгляд, выделить четыре типа задач.

Для первого типа задач характерно то, что субъекту доказывания известна исходная следственная ситуация ($СС_1$), а целью является достижение некоторой другой ситуации ($СС_2$), причем ее структура и элементный состав известны, **то есть в исходной следственной ситуации ($СС_1$) присутствуют все элементы криминалистической характеристики преступления.** В данном случае цель познания ($С_1$) совпадает с целью познания конечной ситуации ($С_2$) по содержанию (ситуация развивается с учетом конечной цели, которая известна). Этот тип задач характерен чаще всего для заключительного этапа расследования, когда следователь, установив все обстоятельства преступления, выполняет действия, направленные на окончание расследования и направляет дело с обвинительным заключением (актом) через прокурора в суд (ст. ст. 215-222 УПК РФ). Это так называемые простые задачи расследования, вытекающие из криминалистических ситуаций, которые решаются путем выполнения ряда заранее известных правил (алгоритмов). Следует также заметить, что данный тип задач возможен и на первоначальном этапе расследования. Но это, как правило, будут тактические задачи, решение которых требует выполнения следственного или иного действия (например, обнаружение и изъятие материальных следов, оформление протоколов следственных действий, составление запросов и т. д.).

Ко второму типу задач можно отнести те, в которых **в исходной следственной ситуации ($СС_1$) известен один или несколько элементов криминалистической характеристики преступления, но требуется установить остальные, недостающие элементы.** В этих задачах ситуация не совпадает с конечной целью. При решении задач второго типа характерно возникновение промежуточных (тактических) целей, играющих подчиненную роль по отношению к конечной цели, но на отдельных этапах поиска имеющих самостоятельное значение. Промежуточные (тактические) цели возникают как результат развития некоторых возможностей, открывающихся в ситуации.

---

[1] Подробнее см.: Ким Д.В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел: Дис. … д-ра юрид. наук. – Омск, 2009. - С. 75-93.

Решение задач второго типа осуществляется через оценку ситуации и собственных действий субъектов доказывания. Регуляция идет не только «сверху» - от конечной цели, но и «снизу» - элементов ситуации, от развития их смысла, приводящего к возникновению промежуточных (тактических) целей.

Рассмотренный тип задач характерен для первоначального и дальнейшего этапов расследования. Эти задачи относятся к сложным задачам, связанным с эвристическим подходом к их решению.

К задачам третьего типа относятся такие задачи, которые характеризуются наибольшим по сравнению с двумя предыдущими типами «отрывом» целей от условий. Эти задачи отличаются тем, что **конечная цель, по крайней мере, на ранних стадиях поиска решения, не может дать прямых критериев оценки ситуации, ее элементов и действий с ними,** то есть данных не достаточно для принятия того или иного решения. Так, при обнаружении трупа (при отсутствии других данных) можно сделать несколько предположений о характере события. Это может быть убийство, самоубийство, несчастный случай или скоропостижная смерть и следствие может пойти по любому из этих направлений. Но может пойти только тогда, когда следователь «увидит» возможность организации следствия по тому или иному направлению, то есть, увидит возможность организации криминалистической ситуации. Отсутствие такой возможности, во-первых, заставляет следователя искать и формировать эти возможности; во-вторых, использовать в ходе расследования возможности для формирования на их основе промежуточных (тактических) целей, берущих на себя основную регуляцию деятельности.

Задачи третьего типа – это творческие задачи. Регуляция мыслительной деятельности совершается через целеобразование, процесс постановки «собственных» задач, которые, хотя и весьма относительно, но все же направляются конечной (стратегической) целью, указанной в ст. 73 УПК РФ. Названный выше тип задач чаще всего возникает на первоначальном этапе расследования, когда информации в источниках явно недостаточно и проблемная ситуация в этом случае встает как никогда остро, при этом возможны ошибки и упущения в уяснении криминалистических ситуаций.

И последний тип задач - смешанные, в которых сочетаются все выше перечисленные задачи. Процесс решения протекает как алгоритмическим, так и эвристическим (творческим) путем. Этот тип задач наиболее часто встречается в расследовании преступлений.

Таким образом, можно сделать вывод, что криминалистическая задача складывается следующим образом: сталкиваясь с событием преступления, субъект доказывания встречается с рядом проблем того или иного характера, определяет и выделяет условия характерные для данной следственной ситуации (время, место, способ и т. д.), а также ставит (образует) цель для решения этой проблемы. Деятельность же субъекта по отношению к следственной ситуации (проблеме) объясняется тем, какое значение и смысл имеют те или иные элементы ситуации для этого субъекта. В связи с чем, в следственной ситуации переплетаются, переходят друг в друга как объективное противоречие (то, что задано объективным миром) так и субъект, осуществляющий расследование по уголовному делу (во всей совокупности своих знаний, умений и т. д.).

При таком подходе, в методике расследования, полагаем, можно наиболее полно реализовать идеи тех исследователей, которые полагают возможным в деятельности субъекта доказывания выделить несколько взаимосвязанных аспектов: информационно-

познавательный, информационно-логический, доказательственный, управленческий и т. д.[1].

Изучение и оценка сложившейся криминалистической ситуации позволяет определить проблему, открывающую путь к решению задач расследования, которые могут рассматриваться в данном случае как цели. Таким образом, криминалистическая ситуация является основой всего расследования, а субъект действует с учетом той информационной структуры ситуации, которая ему известна.

Чтобы действовать, субъекту необходимо сначала получить представление о содержании и объеме криминалистической информации, содержащейся в каждом подлежащем исследованию источнике. Для этого следует установить закономерные связи между известными элементами криминалистической характеристики преступления, а через них выяснить и другие, неизвестные элементы этой системы. Эту совокупность информации вполне можно назвать признаками ситуации – сведениями, относящимися к элементам криминалистической характеристики и обстоятельствам, условиям расследуемого события преступления.

В заключение хотелось бы отметить, что трансформацию криминалистической ситуации в зависимости от этапов деятельности субъектов доказывания по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений и, стоящих на каждом из этапов задач, необходимо учитывать в их практической деятельности. В первую очередь это касается дальнейшей разработки компьютерного обеспечения поддержки принятия тактических решений и создания на этой основе автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС). Тем более что компьютерные технологии развиваются стремительными темпами и открывают для этого безграничные возможности.

---

[1] Полевой Н.С. Методические и правовые основы решения криминалистических задач с использованием математических методов и вычислительной техники: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. - М., 1984. - С. 26; Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск: ТГУ, 1985. – С. 86; Крылов В.В. Основы криминалистической теории расследования преступлений в сфере информации: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. - М., 1998; Баев О.Я. Следственные ситуации: их тактическая и методическая сущность // Роль и значение деятельности профессора Р.С. Белкина в становлении и развитии современной криминалистики: Мат-лы междунар. конф. – М., 2002. – С. 107-112 и др.

А.С. Князьков

Роль Н.П. Яблокова в формировании концепции криминалистического мышления

Статья посвящена проблеме формирования теории криминалистического мышления в контексте методологических положений, высказанных Н.П. Яблоковым. Предложен взгляд на содержание криминалистического мышления, его виды, стиль криминалистического мышления, место разнообразных форм детерминации в процессе криминалистического мышления, научное криминалистическое мышление, криминалистическую педагогику.

***Ключевые слова**: частная криминалистическая теория; криминалистическое мышление; виды криминалистического мышления; стиль криминалистического мышления; криминалистическая педагогика.*

Knyazkov A.S.

The role of N.P. Yablokov in development of criminalistical reasoning conception

This article is devoted to the problem of development of the criminalistical reasoning theory in the context of methodological statements of N.P.Yavlokov. the author suggests his ideas over the content of criminalistical reasoning, its types, style of criminalistical reasoning, place of different forms of determination in the criminalistical reasoning process, scientific criminalistical reasoning, criminalistical pedagogics.

***Keywords**: private criminalistical theory, criminalistical reasoning, types of criminalistical reasoning, style of criminalistical reasoning, criminalistical pedagogics.*

Важность решения проблемы криминалистического мышления объективно предопределена усложнением характера преступной деятельности, повышением уровня её организованности, возрастанием сложности оказываемого противодействия расследованию преступления. На взгляд Н.П. Яблокова, актуализирующего названную проблематику и определившего начальный вектор научного поиска, комплексное её решение возможно лишь на пути создания соответствующей криминалистической теории[1], которая бы содержала четко очерченные методы криминалистического мышления[2]. Методологическое значение для построения такой теории имеет высказанное им положение о том, что криминалистическое мышление как феномен формируется в недрах деятельности по расследованию преступлений[3]. Исходя из этого, можно утверждать, что понятие, содержание и закономерности функционирования криминалистического мышления следует выводить из понятия, содержания и закономерностей поисково-познавательной деятельности следователя и иных должностных лиц-участников уголовного судопроизводства. Разумеется, построение соответствующей криминалистической теории должно учиты-

---

[1] Яблоков Н.П. Теоретические и практические аспекты применения данных криминалистики в иной юридической деятельности // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 3 (31). С. 16-25; Яблоков Н.П. Основные тенденции развития криминалистики как науки и учебной дисциплины в современной России // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 4 (40). С. 9-17.

[2] Яблоков Н.П. Криминалистическое мышление и его роль в повышении эффективности раскрытия и расследования преступлений // URL: www.law/msu/ru/file/22808/download/ 22812

[3] Яблоков Н.П. Ситуационный подход как один из методов научного познания в криминалистическом мышлении субъектов криминалистической деятельности // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: мат-лы межд. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», посвящ. 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии» / под ред. Т.С. Волчецкой. Калининград, 2012. С. 21-22.

вать философские основы мышления, его сходство и отличие от других видов мышления[1].

Как и всякая деятельность, она предполагает наличие соответствующих поставленной цели деятельности средств. Исходя из категорий философского учения о цели и целесообразности деятельности, её средством являются не только машины и орудия труда, но также знания и жизненный опыт. По этой причине основным направлением концептуализации криминалистического мышления должны выступать два неразрывно связанных аспекта: исследование природы криминалистического мышления и исследование его средств.

Говоря об элементах и структуре частной теории о криминалистическом мышлении, нужно иметь в виду, что её содержанием будет являться не внутренняя сторона психического процесса, которую изучает психология с учетом положений высшей нервной деятельности, а внешняя сторона, представленная приемами опосредования материального мира как совокупности обстоятельств, позволяющих в ходе их изучения решать задачи, возникающие в специфической сфере общественной практики – уголовном судопроизводстве. Необходимость опосредования материального мира ведет к мысли о том, что в криминалистическом мышлении важное место должно занимать знание разнообразных форм детерминации, её генетических (причинно-следственных), функциональных, объемных связей, связей преобразования, корреляционных пространственных и временных связей, причем, в силу предметности указанных форм в материальном мире, следователь должен обладать обширнейшими знаниями по физике, химии, биологии, механике и т. п.

Криминалистическое мышление, на наш взгляд, выступает отражением системности криминалистической науки и практики, получающей свое выражение не только в работах, специально посвященных вопросам криминалистической систематики и теории следственной ситуации как важнейших элементов первого раздела криминалистики, но и в исследованиях, формирующих концептуальные положения иных разделов криминалистики.

Применительно к функционированию криминалистического мышления, прежде всего такого его вида, как тактико-криминалистическое мышление, необходимо, как представляется, различать имманентно присущее ему качество, состоящее в том, что криминалистическое мышление носит ситуационно-обусловленный характер.

В специальной литературе имеющиеся определения мышления акцентируют внимание на то, что оно есть опосредованное, обобщенное отражение действительности человека в его существенных связях и отношениях[2]. Нельзя не отметить предпринятые отдельными авторами попытки синтезировать признаки мышления и признаки юридического (правового) мышления, и, оттолкнувшись от полученных результатом, дать развернутое определение криминалистического мышления. Результатом является формулировка о том, что под криминалистическим мышлением следует понимать «…интеллектуальную деятельность лица, осуществляющего проверку сообщения о преступлении, а также предварительное расследование, которая выражается в познании значимых явлений, событий, фактов объективной действительности с учетом имеющих-

---

[1] См., например: Суржанская Ю.В. Проблемы соотношения концепта и понятия в философском и научном мышлении: автореф. дис. …канд. философ. наук. Томск, 2012; Тишкова М.В. Культура современного экономического мышления: автореф. дис. …канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2004; Теребилов О.Ф. Математическое мышление: его предмет, цель и строение: автореф. дис. …д-ра философ. наук. Ленинград, 1990.

[2] См.: Лебедев И.Б., Цветков В.Л. Психология в правоохранительной деятельности: учебное пособие. М., 2003. С. 103.

ся знаний, их осмыслении, проектировании модели результата при выборе оптимального решения в организационно-тактическом плане на определенный момент»[1].

Положительным в приведенном суждении, безусловно, является указание на ситуационный характер криминалистического мышления. Однако в данном определении нет наиболее существенного элемента криминалистического мышления, а именно: такое мышление есть опосредованное отражение закономерных свойств и отношений. Выявленные закономерности явлений, в которых получает свое отражение подготовка, совершение и сокрытие преступления, как раз и позволяют имеющимся в уголовном деле сведениям стать доказательствами. Кроме того, сужен круг субъектов криминалистического мышления. Скорее всего, можно в названном определении видеть показ неполного алгоритма мыслительной деятельности следователя.

На наш взгляд, криминалистическое мышление следователя необходимо определять как сложную мыслительную деятельность по оперированию аналитическими криминалистическими средствами в ходе исследования события, содержащего признаки состава преступления.

Решение вопроса о видах криминалистического мышления объективно предполагает построение соответствующих классификаций. Следует, прежде всего, различать две классификации. Первая из них своим основанием имеет предметность использования в поисково-познавательном процессе средств, разрабатываемых в разделах криминалистической техники, криминалистической тактики и криминалистической методики. Вторая классификация видов криминалистического мышления может быть построена на основе выделения отдельными учеными видов криминалистической ситуации, таких как следственная, экспертная, оперативно-розыскная и судебная ситуации[2]. Эти две классификации взаимообусловлены и предопределены множеством связей: если первая классификация показывает специфику инструментария криминалистического мышления, то вторая – субъектов данного мышления.

Наиболее рельефно, на наш взгляд, выступает тактико-криминалистическое мышление. Возможность выделения данного вида криминалистического мышления предопределена специфичностью места криминалистической тактики в системе криминалистической науки и практики, которая, по образному выражению, «…является сердцевиной криминалистики и ее основной движущейся силой, как главное «думающее устройство» в криминалистике…»[3]. По этой причине важнейшее значение для концептуализации тактико-криминалистического мышления, как и криминалистического мышления в целом, имеет положение о неразрывной связи аналитических и операциональных тактико-криминалистических средств. Лишь при таком подходе можно говорить о том, что оно (мышление) выражает суть тактико-криминалистической деятельности.

Важнейшим вопросом теории и практики криминалистического мышления является вопрос о его содержании. В содержание криминалистического мышления одни авторы включают знания, навыки и умения следователя, его личный профессиональный опыт[4], а кроме того, еще логику и диалектику, наборы установок, навыков, схем, ком-

---

[1] Соколов А.Б. Криминалистическое мышление: понятие и содержание // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4 (55). С. 69.

[2] Волчецкая Т.С. Генезис, современные тенденции и перспективы развития криминалистической ситуалогии на современном этапе // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: матлы межд. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», посвящ. 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии» / под ред. Т.С. Волчецкой. Калининград, 2012. С. 17.

[3] Криминалистика: учебник / отв. ред. А.Н. Васильев. М., 1971. С. 250-251.

[4] Шамшиев П.А. Использование художественных архетипов сыщиков в процессе формирования криминалистического мышления студентов-юристов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. Калининград, 2013. № 4 (34). С. 105.

плексный анализ ситуации[1], другие – совокупность различного рода приемов (методов), таких, как приемы логики, теории рефлексивных игр, эвристики, информационного моделирования, фактологического анализа и т. д.[2]. На наш взгляд, для целей построения частной теории криминалистического мышления следует различать его философские основы, сущность, условия, а также содержание. Философской основой выступают её категории, то, что некоторые авторы в обобщенном виде называют как логика и диалектика. Сущность будет состоять в том, что криминалистическое мышление есть всегда ситуационная мыслительная деятельность. В качестве его условия следует видеть сформировавшиеся навыки криминалистического мышления, которые могут успешно проявляться (впрочем, как и формироваться) лишь во взаимодействии, во-первых, с соответствующими знаниями, во-вторых, с личным профессиональным опытом должностного лица: такой подход учитывает то обстоятельство, что следственная ситуация рождается на пересечении субъекта расследования с окружающей его обстановкой[3]. Содержание криминалистического мышления, на наш взгляд, представлено приемами логики, теории рефлексивных игр, эвристики, ситуационного подхода, ситуационного моделирования, фактологического анализа и т. д.

Для целей формирования частной теории криминалистического мышления, на наш взгляд, немаловажным будет вопрос о стиле такого мышления. В настоящее время стиль криминалистического мышления, на наш взгляд, определяется задействованием при постановке (осознании) криминалистической задачи адекватной оценки следственной ситуации, в отличие от стиля чувственного познания, при котором акцент делался на то, что «следовая картина» происшествия непосредственно определяет содержание поисково-познавательной криминалистической деятельности. Заметим, что при развертывании тезиса о современном стиле криминалистического мышления как специфической формы рефлексии следователя положения криминалистического следоведения в его широком смысле не утрачивают своего значения: вопрос заключается в том, что необходим научно разработанный «инструментарий», позволяющих в ходе исследования «следовой картины» найти взаимосвязи между обстоятельствами, имеющими значение для раскрытия и расследования преступлений, важнейшими из которых выступают элементы криминалистической характеристики преступления определенного вида.

В качестве постановочной задачи концептуализации криминалистического мышления выступает задача возможности выделения научного криминалистического мышления. Очевидно, в определенной мере, имея в виду научную рефлексию, учитывающую специфику криминалистической деятельности следователя и иных должностных лиц, можно говорить о таком мышлении. В частности, это должно получить свое выражение в учете объективно существующего единого механизма конструирования и применения

---

[1] Шамшиев П.А. Криминалистическое мышление как состояние «открытости ума» при решении следственных задач // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. Калининград, 2014. № 3 (37). С. 119; Он же: Использование художественных архетипов сыщиков в процессе формирования криминалистического мышления студентов-юристов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. Калининград, 2013. № 4 (34). С. 105.

[2] Яблоков Н.П. Некоторые проблемы криминалистики в свете сегодняшнего дня // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 140; Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики М., 2001. С. 116-117.

[3] Гавло В.К. Понятие и классификация судебно-следственных ситуаций // Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты. Барнаул, 2006. С. 81.

криминалистических средств операционального характера[1]. Как и всякая научная рефлексия, она должна отражать всеобщую, необходимую, повторяющуюся и устойчивую связь явлений. Специфика данной рефлексии будет заключаться в её содержании, которое определяет двуединый объект криминалистики. В конечном счете, объектом научной рефлексии в сфере криминалистики будет выступать криминалистическая деятельность, получающая свое предметное выражение в соответствующих закономерностях, названных Н.П. Яблоковым[2]. При этом такие связи должны получать форму закономерностей криминалистической деятельности с использованием определенных средств.

Очевидно, что решение задачи формирования концепции криминалистического мышления и её реализации, в том числе с позиции криминалистического обеспечения, ставит на повестку дня вопрос о криминалистической педагогике. Составной частью такой педагогики будет такой предложенный Н.П. Яблоковым элемент, как дидактические приемы выявления знаний у студентов-юристов о содержании криминалистического мышления и приемах выработки соответствующих навыков[3]. При этом важным является мнение о том, что данное мышление не формируется автоматически в ответ на изучение криминалистики: необходимы соответствующие педагогические приемы целенаправленного воздействия на обучаемого[4]. На наш взгляд, высказан в общем виде наиболее оптимальный подход к формированию приемов криминалистического мышления студентов-юристов, заключающийся в неразрывном и разумном сочетании действий в материальной обстановке, в частности, на криминалистическом полигоне, с компьютерными технологиями, например, мультимедийной визуализацией следственных и иных действий[5].

---

[1] О едином механизме научного конструирования и практического выбора тактико-криминалистического приема см.: Князьков А.С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства: автореф. дис. …д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2014. С. 38.

[2] Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа и система. М., 2005. С. 26-27.

[3] Яблоков Н.П. Криминалистическое мышление и его роль в повышении эффективности раскрытия и расследования преступлений // URL: www.law/msu/ru/file/22808/download/ 22812.

[4] Яблоков Н.П. К вопросу о криминалистическом мышлении // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Ч. 54. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 157-158.

[5] Толстолуцкий В.Ю, Кузенкова Г.В. Обучение выдвижению версий на криминалистическом полигоне с помощью компьютерной программы «ФОРВЕР» // International Journal Open Information Technologies / 2014. № 1. С. 23-31.

А.Е. Козлов, А.Б. Калинкина

Криминалистические разработки и их использование в уголовном процессе

Все отрасли и институты права, так или иначе, взаимосвязаны между собой. Уровень развития одних юридических наук оказывает постоянное влияние на продуктивность исследования других наук в области права. Положения уголовного процесса широко применяются в криминалистике, а последняя постоянно в своих исследованиях учитывает принципы уголовного процесса и творчески применяет в своих изысканиях.

***Ключевые слова**: криминалистика, криминалистическая тактика, криминалистическая методика, уголовный процесс, уголовное право, следствие, оперативные сотрудники, борьба с преступностью, судебные экспертизы, ле-гализация.*

A.E. Kozlov A.B.Kalinkina

Forensic development and their use in criminal proceedings

All branches and institutions of law, one way or another, interconnected. The level of development of some juridical Sciences has a permanent effect on the productivity of research of other Sciences in the field of law. The provisions of the criminal process are widely used in forensics, and the latter constantly in their studies takes into account the principles of the criminal process and creatively employs in his research.

***Keywords**: criminalistics, forensic tactics, Cree-minoritiesa methods, criminal procedure, criminal law, investigation, operational staff, dealing with crime, forensic, legalization.*

Разрабатываемая криминалистикой тактика производства отдельных следственных действий, как отмечает Р.С. Белкин, является совокупностью тактических приемов и методов, основанных на общетеоретических положениях криминалистики, на использовании логики, психологии, судебной этики и других научных знаний, которые постоянно на практике применяются при выявлении, раскрытии, расследовании и профилактике преступлений с целью достижения оптимального эффекта с минимальной затратой сил, средств и времени[1].

Криминалистическая тактика служит целям обнаружения, сохранения и исследования судебных доказательств с точки зрения их допустимости и относимости, а также выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступлений. Ряд ранее разработанных учеными криминалистических рекомендация по проведению тех или иных следственных действий в настоящее время уже нашли свое отражение в действующем УПК РФ[2]. К примеру, ч. 2 ст. 189 УПК РФ прямо запрещает задавать при допросе наводящие вопросы. Часть 2 ст. 190 УПК РФ предписывает следователю записывать показания допрашиваемого от первого лица и по возможности дословно, записывать вопросы и ответы в той последовательности, которая имела место в ходе допроса. Часть 3 ст. 190 и ч. 3 ст. 192 УПК РФ позволяют следователю предъявлять в ходе допроса и очной ставки вещественные доказательства и документы. Часть 2 ст. 193 УПК РФ обязывает следователя перед производством опознания допросить опознающего об обстоятельствах, при которых он видел предъявленные для опознания лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым они могут его опознать. Часть 2 ст. 194 УПК РФ более или менее обстоятельно регламентирует тактику проведения проверки

---

[1] Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА (Издательская группа НОРМА - ИНФРА-М), 2001.С. 75

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 200 1 г. N 174-ФЗ (ред. от 13.07.2015)// Собрании законодательства Российской Федерации от 24 декабря 200 1 г. N 52 (часть I) ст. 4921

показаний на месте, при этом запрещается какое-либо постороннее вмешательство в ход проверки и наводящие вопросы. Также следует отметить, что положения ч. 4 ст. 164 УПК РФ регламентируют общие тактические требования ко всем следственным действиям, запрещающие применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц[1]. Разрабатываемая криминалистикой методика расследования преступлений составляет собой систему научных, основанных, прежде всего, на положениях диспозиций норм Особенной части уголовного закона, технических, тактических и методических рекомендаций, применяемых при выявлении, раскрытии, расследовании и профилактики преступлений, с учетом особенностей, характерных для каждого их вида, группы или отдельно взятого преступления. В первую очередь в методике расследования преступлений используются уголовно-правовые классификации преступлений, которые в основном и являются отправной точкой для разрабатывающихся в дальнейшем криминалистических классификаций[2]. Является аксиомой то, что разработка криминалистических характеристик отдельных видов и групп преступлений невозможна без учета признаков их состава. Концептуальные положения уголовного права о составе преступления служат методологической базой криминалистического учения о способе и механизме совершения преступлений, являющегося основой любой методики расследования.

Вместе с тем, автор статьи отмечает, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве основ методических рекомендаций по расследованию преступлений практически нет. Исключение, на мой взгляд, может составить только требования ст. 196 УПК РФ, обязывающие следователя (или суд) обязательно назначать и проводить судебные экспертизы по ряду категорий уголовных дел, т. е. определяющие частные методические рекомендации при расследовании в основном преступлений против личности. На этом криминалистические методические рекомендации в действующем УПК РФ свое присутствие не проявляют. Хотя связь криминалистики и уголовного процесса при разработке общих методик расследования преступлений очевидна и вряд ли будет отрицаться учеными.

Качественно разработанная криминалистическая характеристика преступлений, обозначая границы и указывая направления изучения преступной деятельности, актуализирует полученную в результате такого изучения криминалистически значимую информацию (о свойствах и признаках отдельных элементов данной деятельности, о закономерностях её развития, о связях, возникающих при её осуществлении и др.) и представляет такую информацию в виде системного научного описания. Это описание, выводящее криминалистическое знание на новый уровень абстракции и структурирующее его, приобретает статус информационной модели, служащей основой для решения типовых задач, возникающих в ходе расследования уголовных дел определённой категории (анализа следственных ситуаций, выдвижения и проверки следственных версий, выбора направлений и методов предварительного расследования и т. п.). Отмеченное информационно-методическое значение криминалистических знаний и информации, представленных в формате криминалистической характеристики преступлений, позволяет расценивать последнюю в качестве элемента криминалистической методики (раздела криминалистики) и базы для разработки частных методик расследования уголовно-правовых деликтов[3].

---

[1] Криминалистика: Учеб. для студентов вузов / Под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008.С. 93

[2] Головин А.Ю. Криминалистическая систематика: монография / под общ. ред. Н.П. Яблокова. М.: ЛексЭст, 2002.С. 103

[3] Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта+, 2000.С. 133

Вместе с тем нужно понимать, что криминалистическая характеристика преступлений является открытой информационной системой, важным свойством которой является коммуникативность - взаимодействие с внешней средой, в том числе с другими системами знаний и информации, выражающимися в информационном обмене. Криминалистическая характеристика преступлений, как, собственно, и сама криминалистика, взаимосвязана с другими общественными и естественными науками, в том числе науками уголовно-правового цикла, включая криминологию. Поэтому в том, что криминологические данные используются в процессе разработки криминалистической характеристики преступлений, нет ничего удивительного и предосудительного, это вполне нормально и закономерно. Факт использования криминологической информации сам по себе не может служить основанием для утверждения о том, что криминалистическая характеристика преступлений объединяет «под своей крышей» сведения, не относящиеся к криминалистике, а значит представляет собой «искусственное», не имеющее самостоятельного теоретического и практического значения образование.

Как известно, преступность является объектом обеих наук - и криминалистики, и криминологии: области объективной действительности, изучаемые указанными науками, совпадают. Объект криминологии определяется как «преступность в разных проявлениях; продуцирующие её и влияющие на неё явления, процессы; характер воздействия на преступность и последствия такого воздействия». К объекту криминалистики отнесены «преступность, с одной стороны, и предварительное расследование, судебное разбирательство, профилактика преступлений - с другой». Однако в силу различия предметов и задач этих наук знания о преступности, вырабатываемые криминологами и криминалистами, имеют разное предназначение в теории и практике борьбы с данным антисоциальным феноменом[1].

Отметим, что в последнее время в науке криминалистики происходит дискуссия о месте объективной истины в уголовном судопроизводстве. Как известно, действующий УПК РФ исключил принцип установления объективной истины из своих норм. Возбуждение уголовного дела должность стать не репрессивной мерой, а высшей формой государственного реагирования на любое криминальное событие, чтобы установить объективную истину, добраться до сути происшедшего. Результатом такой многолетней дискуссии явилось то, что законодатель стал более внимательно относиться к предложениям криминалистов и вопрос о внесении понятия объективной истины в УПК РФ, по мнению автора, станет результатом совсем недалекого времени.

Реализация криминалистических правовых отношений в настоящее время возможна только в форме уголовно-процессуальных правовых отношений, регламентированных соответствующими нормами уголовно-процессуального закона. При этом дифференциация предметных сфер криминалистики и уголовно-процессуального права отчасти возможна через призму решения вопроса о соотношении в методологии права философских категорий «форма» и «содержание».

Таким образом, широкое (но уместное) использование наработок смежных наук криминального цикла, имеющих свой ракурс и свою интерпретацию единого объекта познания - преступления, стимулирует развитие криминалистического знания о нём и способствует пониманию его криминалистической сути. Со своей стороны, представители этих наук нужные им сведения «черпают» из систем криминалистических знаний о преступной деятельности, в том числе из криминалистических характеристик преступлений.

---

[1] Криминалистика: Учеб. / Под ред. А.Г. Филиппова. М.: Высшее образование, 2007.С. 117

В.Я. Колдин

Криминалистика в университетском образовании России

Процессы криминализации общества требуют пересмотра функций криминалистики и судебной экспертизы в правоприменении и подготовке кадров. В то же время, структура криминалистики и судебной экспертизы, а также накопленный в этих отраслях технологический потенциал достаточны для формирования соременного образовательного стандарта криминалистики.

***Ключевые слова**: Функции криминалистики и судебной экспертизы. Интегративная структура криминалистики. Потенциал криминалистики и судебной экспертизы. Образовательный стандарт криминалистикиСовременное состояние преподавания криминалистики в университетах России вряд ли удовлетворяет тем требованиям, которые диктуются уровнем современной науки криминальной и криминалистической практики.*

V.Ya. Koldin

Criminalistics for university education Russia

Criminalization of society requires a review of the functions Criminalitsics and forensics in law enforcement and training. In the same time , the structure of Criminalitsics and forensics as well as experience in these industries technological potential create prerequisites for a successful meeting educational standard criminalistics.

***Keywords**: Function of criminalitsics and forensics. Integrative structure of criminalitsics. Technological potential of criminalitsics and forensics. Educational standard criminalistics.*

Ориентация отечественной высшей школы на европейские стандарты университетского образования, в которых криминалистика вообще не преподается как полицейская наука, позволяет рассматривать ее как рудимент советской системы образования, выпадающий из общей концепции университетского образовательного стандарта.

В системе университетов положение усугубляется общим трендом образовательного процесса на явное преобладвние цивилистического профиля в подготовке юристов, вызванного структурными изменениями в экономике и праве.

Наряду с этим, созданные за последние десятилетия ведомственные университеты и юридические вузы в корне изменили спрос на подготовку криминалистов в юридических вузах общего профиля.

Все эти факторы привели к падению престижа профессии криминалиста и оттоку студентов в пользу цивилистической специализации.

В итоге мы имеем положение, при котором число преподавателей на кафедрах криминалистики иногда больше, чем число специализирующихся по кафедре студентов.

Такие грубые диспропорции вряд ли могут существовать долго и неизбежно потребуют структурных и кадровых изменений.

Сохранение кафедр и поднятие престижа криминалистической подготовки потребует от криминалистов пересмотра ряда собственных традиционных и привычных представлений.

В первую очередь, это касается представлений о месте и функции криминалистических знаний в системе юридических наук, а также о месте и функции криминалисти-

ческих и судебно-экспертных методов и технологий в структуре правоприменительной деятельности.

Давно признано особое место криминалистики в системе юридических наук, однако эта “особость” и функция криминалистики в структуре правоприменения до настоящего времени не осознаны.

Это касается, в первую очередь, интегративной функции науки криминалистики.

В отличие от юридических наук, изучающих отдельные отрасли права и отдельные типы правоотношений, криминалистика рассматривает расследуемое событие как целостную систему, охватывающую его материально-правовую, процессуальную и фактологическую природу и требующую для своего анализа использования всей полноты общенаучного и специализированного научного знания.

В англо-саксонской системе права этот синтез обозначен как “ forensic science”, т. е. “судебные науки”, в австро-немецкой и романской семьях принят термин “криминалистика”. Это свидетельствует о том, что изучение догмы права в отдельных отраслях юриспруденции в настоящее время недостаточно и любая система права нуждается в научном аппарате, обеспечивающем интеграцию всей системы научного знания для решения задач правосудия и правоприменения, когда собственно юридических инструментов оказывается недостаточно.

Структура криминалистики, заложенная Гансом Гроссом, представляет идеальную модель решения всех базовых задач правоприменения: декодирования источников информации (техника), анализа взаимодействия субъектов деятельности (тактика), управления стратегиями (методология).

Другое принципиальное положение, требующее переосмысления и переоценки, состоит в определении объекта криминалистики, под которым традиционно понимается криминальная и криминалистическая деятельность. Это определение правильно для традиционной криминалистики, ориентированной на раскрытие и расследование преступлений.

В современных условиях это определение ограничивает сферу приложения научного потенциала криминалистики уголовной юстицией, суживает сферу научного поиска и практического приложения ее технологий и потому не может считаться правильным.

Следует учитывать, что научно-технические методы и современные информационные технологии возникали и развивались главным образом в сфере борьбы с преступностью как наиболее сложной и острой правоприменительной сфере. Поэтому, по логике взаимодействия наук, криминалистика и судебная экспертиза представляют общий базовый резерв обеспечения технологического уровня правоприменения.

Проблема технологического уровня правоприменения возникла не на пустом месте. Технологический уровень и качество правоприменительной деятельности, ее эффективность, прямо связанные с деятельностью всего государственного аппарата, имеют также прямую причинно-следственную связь с кризисом правой реформы.

Перед лицом вызовов времени правовая наука и практика должны пересмотреть приоритеты своего развития и модернизации в пользу совершенствования своего технологического уровня. Значительный потенциал в этом отношении имеют такие отрасли юридической науки как криминалистика и судебная экспертиза[1]. Реализация этого по-

---

[1] Смирнова С.А. Мультимодальное издание «Судебная экспертиза:перезагрузка» под ред..д. ю.н., проф. С.А. Смирновой. М. 2012.

Т.1 Смирнова С.А. Вызовы времени и экспертные технологии правоприменения.

Т.2. Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы. Коллектив авторов.

Т.3. Силабусы по судебной экспертизе. Учебно-методический комплекс.

тенциала потребует учета современного состояния этих отраслей знания и формирования стратегии их перспективного развития.

Особое место в системе правоприменения занимает наука криминалистика. Имея сложный естественно- гуманитарный профиль, эта наука с силу своей природы призвана служить проводником естественно-технических знаний в правоприменении и быть базовой наукой, обеспечивающей его технологический уровень.

Однако существующий статус отечественной криминалистики еще весьма далек от решения этих задач. Действующая программа преподавания криминалистики, преподаваемой в высших юридических учебных заведениях страны,[1] содержательно ограничивает ее сферой расследования преступлений.

Преодоление отставания криминалистики связано с заменой эмпирических методов научными и повышением технологического уровня продуктов научного знания. «Научные рекомендации» и «тактико-методические приемы», которыми обеспечивала практику криминалистика прошлого века[2]должны быть представлены в составе типовых методик и технологий решения криминалистических задач.

Качественное различие эмпирического и технологического уровня продуктов науки состоит не в их терминологическом оформлении, а в уровне их надежности. Этот показатель является определяющим и особенно важным в сфере правоприменения.

Поэтому эмпирический уровень должен быть преобразован в современную научную методологию, а продукты криминалистики и судебной экспертизы - соответствовать современным технологическим требованиям[3].

До настоящего времени не сформирована базовая концепция преподавания криминалистики в университетах. Существующий подход, принятый в учебниках криминалистики, отождествляет профиль профессиональной подготовки юриста по криминалистике с содержанием науки криминалистики. Между тем, это явный дидактический и методический нонсенс.

Современная криминалистика - это глубоко специализированная наука, обслуживающая профессиональную деятельность специалистов, совершенно различных профессий (оперативно-розыскная деятельность, следствие, экспертиза, адвокатура, суд и др.), требующих для полноценной профессиональной подготовки совершенно разных профилей специалистов.

Современный университетский стандарт общевузовского юридического образования по криминалистике должен отвечать следующим основным требованиям

1. В форме бакалавариата давать специалисту общую теоретико- методологическую подготовку в области криминалистики и судебной экспертизы на уровне мировых стандартов, обеспечивающую принятие правовых решений в типовых ситуациях раскрытия и расследования преступлений.

---

[1] См. Программа курса “Криминалистика”. Учебные программы по специальности “Юриспруденция” Общие курсы. М., 2001.

[2] См. Криминалистика под ред. Р.С. Белкина. М., 2006.

[3] Достойный ответ на вызовы времени был дан коллективом ученых Российского Федерального центра судебных экспертиз, опубликовавшим мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка» под ред..д. ю.н., проф. С.А. Смирновой. М. 2012.

Т.1 Смирнова С.А. Вызовы времени и экспертные технологии правоприменения.

Т.2. Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы. Коллектив авторов.

Т.3. Силабусы по судебной экспертизе. Учебно-методический комплекс.

Судебная экспертиза реально представлена в этом издании как эффективный инструмент правоприменительной деятельности.

Из работ в области криминалистики могут быть названы: Вещественные доказательства. Информационные технологии доказывания. Под ред. ВЯ.Колдина.М., 2002; Колдин В.Я., Судебная идентификация., 2002 и ряд других.

Образовательный стандарт университетского бакалавра может стать основой типовой программы криминалистики для всех юридических учебных заведений страны.

2. В форме магистратуры должна быть обеспечена специализация выпускника и подготовка его к решению практических задач в конкретной сфере профессиональной деятельности.

На этом требовании следует специально остановиться, поскольку в отличие от “ юриста широкого профиля “, котрый может найти себя в ряде сфер профессиональной юридической деятельности, криминалист не может быть “ широкого профиля“.

Так, криминалист-полиграфолог, специализирующийся в области речевых технологий, не может быть столь же квалифицированным специалистом в области взрывотехники, а последний в области иследования волокнистых следов и материалов.

В силу глубокой специализации всех отраслей прикладной криминалистики криминалист, также как инженер врач, технолог и другой специалист, связанный с анализом предметных отраслей действительности, должен овладеть знаниями структур и закономерностей этих отраслей и технологиями их анализа и принятия решений на этой фактической основе.

В соответствии с этим, магистр криминалистики должен получить знания и умения не только на уровне принятия решений в типовых ситуациях раскрытия и расследования с использованием специальных знаний, но и владеть организационно-управленческими навыками комплексного решения нестандартных ситуаций повышенной и особой сложности.

В настоящее время эта задача в лучшем случае декларируется, но практически она не решается.

Университетский образовательный стандарт должен отражать интегративную функцию криминалистики, как в сфере структуры науки, так и в сфере комплексного использования современных достижений криминалистического знания в правоприменении.

Поскольку низкий уровень технологического обеспечения правоприменительной деятельности непосредственно связан с эффективностью этой деятельности, а, следовательно, и всей системы права, разработка образовательного стандарта криминалистики должна находиться под контролем государства, а для ее осуществления должны быть привлечены высококвалифицированные и независимые ученые и практики.

Реализация предлагаемых инициатив потребует от криминалистов дополнительных усилий, однако без них вряд ли возможно поднять престиж криминалистики в университетском образовании и существенно улучшить качество подготовки криминалистов.

В.П. Корж

Проблемы развития криминалистики в условиях реализации уголовного процессуального законодательства украины

В статье определены тенденции развития современной науки криминалистики во всех сферах судопроизводства, связь криминалистики с наукой уголовного процесса, проанализированы положения УПК Украины, которые содержат псевдонаучные дефиниции, юридические и межотраслевые коллизии; предложены способы их решения.

***Ключевые слова**: криминалистика, сферы судопроизводства, криминалистические рекомендации, псевдонаучные дефиниции, коллизии*

V.P. Korg

Modern trends criminalistics under implementation criminal procedure law

In the article the trends of modern forensic science, criminology relationship with science of criminal proceedings brought forensic recommendations efficiency in all areas of justice, analyzed the provisions of the CPC containing pseudo-definition, innovations, legal, intersectoral conflicts and conflicts in the educational process; proposed their solutions

***Keywords**: criminology, judiciary, forensic recommendations pseudo definitions conflict*

В юридической литературе правильно указано, что криминалистика за исторически короткий период прошла путь от научно-технической дисциплины, которая выполняла практические задания по расследованию преступлений, до самостоятельной юридической науки. В последнее десятилетие произошли существенные изменения в правовом регулировании экономических, общественных отношений, совершенствование гражданского, административного, хозяйственного законодательства Украины. Эти сферы законодательства предусматривают использование в судебном разбирательстве научно-технических средств, тактических приемов и методов собирания, исследования доказательственной информации. Этот процесс дает основания констатировать факт – криминалистика переросла сферу расследования преступлений и уголовного судопроизводства в целом. Она постепенно и закономерно развивалась из прикладной, применительно к уголовному судопроизводству, научной и практической отрасли в многовекторную синтетическую прикладную научную отрасль юридической науки.[1] Следует отметить, что криминалистика представляет собой единый сплав знаний синтетической природы, а не совокупность наук, и не является комплексной наукой (т.к. комплексирование включает объединение отдельных знаний).[2]

Как свидетельствует судебная практика по гражданским, хозяйственным, административным делам для решения ситуационных задач возникает необходимость в использовании научно - технических средств, тактических приемов и методов. Использование криминалистических знаний и основанных на них специальных технических средств, тактических приемов для установления юридически значимых фактов в гражданском, административном, хозяйственном судопроизводстве позволяет криминалистическое обеспечение судебного разбирательства указанных сфер судопроизводства относить к числу актуальных и перспективных направлений развития современной криминалистики.

---

[1] Криміналістика. Академічний курс. Підручник. Т.В. Варфоломеєва, В.І. Бояров, В.Г. Гончаренко, інші. – Київ 2011, с.29

2 Криминалистика: Учебник для вузов /А.Ф. Волынский, Т.В. Аверьянова, И.Л. Александров и др.; Под ред. Проф. А.Ф. Волынского. – М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА,1999. – С. 12-13.

В юридической литературе исследованы вопросы о месте криминалистики в системе юридических наук, ее взаимосвязи с общественными, естественными и техническими науками. Эта связь определяет юридическую природу и предназначение криминалистики, ее служебные функции. Безусловно, прав Н. П. Яблоков в том, что исторически криминалистика родилась в недрах уголовно – процессуальной науки, поэтому ее теоретические основы и рекомендации для практического использования связаны с наукой уголовного процесса. Криминалистика обогащает науку уголовного процесса своими данными в целях усовершенствования уголовно-процессуального законодательства и введения процессуальных новелл[1].

К сожалению, Уголовный процессуальный кодекс Украины 2012 года и его некоторые процессуальные новеллы создали юридические коллизии между отдельными положениями этого Кодекса и наукой уголовного права, криминалистикой, уголовного процесса, криминологией, иными юридическими науками, а также- коллизионные ситуации в правоприменении, коллизии полномочий и статусов субъектов уголовного процесса. Следует отметить, что принятию УПК не предшествовали концептуальные разработки новых процессуальных институтов, независимые научные дискуссии, критические выступления ученых и практических работников о целесообразности отдельных процессуальных новелл. Системный анализ положений УПК Украины свидетельствует о том, что его авторы в угоду политикам допустили искусственное перенесение процессуальных институтов англосаксонского и континентального права в уголовно-процессуальное законодательство Украины. Такой подход привел к негативным последствиям. Так, упразднение органов дознания, стадии возбуждения уголовного дела, деформация статуса следователя, прокурора, работников оперативно - розыскных органов, псевдонаучные дефиниции в отдельных положениях УПК привели к юридическим коллизиям между процессуальными нормами и действующим законодательством, безнаказанности преступников, грубым нарушениям законности в сфере уголовного судопроизводства.

Авторы и законодатель, проявляя правое невежество, в отдельных положениях УПК Украины заменили научно обоснованную терминологию наук уголовно-правового цикла и криминалистики «преступление» на псевдонаучные дефиниции «уголовное правонарушение», «уголовный проступок». Такая формальная, непродуманная, ошибочная политика властей, правовое невежество и политическая конъюнктура авторов УПК и депутатского корпуса разрушают научные школы, правовые институты в сфере конституционного, уголовного, уголовного процессуального права, криминалистики, криминологии, отечественные процессуальные традиции, положительный опыт работы оперативных, следственных органов, прокуратуры и суда. И как последствие этого – коллизионные ситуации в практической деятельности следственных и судебных органов, межотраслевые коллизии между уголовным процессуальным и уголовным правом, уголовным процессом и криминалистикой.

Научный анализ статей в разделах I, II, III, IV, V, VI, VII УПК Украины свидетельствует о том, что процессуальные нормы обязывают следователя, прокурора расследовать «уголовные правонарушения», «уголовные проступки», а судью – постанавливать приговоры за совершение «уголовного правонарушения», то есть деяния не предусмотренного Уголовным кодексом Украины. Так, по предписанию ч.1. ст. 216 УПК Украины следователи органов внутренних осуществляют досудебное расследование уголовных правонарушений, предусмотренных Законом Украины «Об уголовной ответственности за уголовные правонарушения». Такого Закона в Украине нет. Уголовный Кодекс Украины предусматривает понятие, виды преступления и наказания за совер-

[1] Криминалистика: Учебник/Отв. Ред. Н.П. Яблоков – 2 изд. – М: Юристь, 2000 – с.20

шенное преступление. Таким образом, имеет место грубого вторжения норм УПК в предмет уголовно - правового регулирования.

Полагаем, о правовом невежестве депутатского корпуса и авторов УПК свидетельствует игнорирование ими требований правовой аксиомы: «нет преступления и нет наказания за него, если нет Закона». Подмена уголовно-правового термина «преступление» и соответствующего ему понятие, которое определено в ст. 11 УК Украины, на псевдонаучные дефиниции «уголовное правонарушение, уголовный проступок» противоречит нормам Конституции Украины, действующего уголовного законодательства, положениям фундаментальных юридических наук, криминалистического учения о способах преступления, методики расследования отдельных видов преступления и традиционным положениям о преступлении в сферах наук уголовного права, уголовного процесса, криминологии и криминалистики.

Изучение практики свидетельствует о том, что следователи, прокуроры, судьи используют в процессуальных документах терминологию «уголовное правонарушение» и при этом ссылаются на нормы Уголовного кодекса Украины, несмотря на то, что аналогия в сфере уголовного законодательства не допустима. Некоторые следователи используют терминологию «уголовное правонарушение» в начале расследования, а в сообщении о подозрении – терминологию «совершение преступления». Судьи в приговорах ссылаются на совершение лицом «уголовного правонарушения», тогда как в резолютивной части отмечают признания лица виновным в совершении преступления, предусмотренного конкретной статьей Уголовного кодекса. Таким образом, вынужденное применение более трех лет после принятия УПК следователями и судьями псевдонаучной дефиниции «уголовное правонарушение» приводит к системному нарушению принципов верховенства права и законности в уголовном процессе, ухудшению прав подозреваемого и обвиняемого, несогласованности и беспорядкам в правоприменительной практике. Отдельные депутаты предлагают принять Закон «Об ответственности за уголовные преступления, уголовные проступки». Этого допускать нельзя, потому что на протяжении 2012-2015 годов, лица были уже незаконно осуждены судами за совершение уголовного правонарушения, то есть за деяния, которые не предусмотрены Уголовным кодексом. После принятия такого Закона, они должны быть оправданы, в связи с неправильным применением уголовного закона.

Считаем, что способами устранения указанных юридических и межотраслевых коллизий является внесение изменений в отдельные положения УПК Украины, в которых необходимо изложить терминологию материального закона – «преступление» и признать утратившими силу псевдоновации «уголовное правонарушение», «уголовный проступок».

Наукой криминалистикой разработаны рекомендации по применению тактических приемов при допросе подозреваемого, обвиняемого, которые десятки лет эффективно использовали следователи в практической деятельности. Действующий УПК Украины не предусматривает процессуальный порядок допроса подозреваемого, обвиняемого. Как свидетельствует практика, следователи проводят допрос подозреваемого, с его согласия и при участии защитника, по аналогии процессуальной процедуры допроса подозреваемого, предусмотренного УПК Украины 1960года. На наш взгляд, целесообразно регламентировать процессуальный порядок допроса подозреваемого, обвиняемого. Для этого необходимо внести дополнения к главе 20 «Следователи (розыскные) действия», где в соответствующих статьях предусмотреть «Допрос подозреваемого», «Допрос обвиняемого».

Изучение и анализ отдельных положений УПК Украины свидетельствуют о том, что имеет место не реформирования процессуального системы, а ее - деформирования.

Так, в течение многих лет в следственной практике эффективно использовались криминалистические рекомендации по проведению выемки. При расследовании преступлений экономической направленности документы являются основным источником информации о способе преступления, его исполнителе, других обстоятельствах, имеющих значение для доказывания. Нормы УПК не предусматривают проведение выемки как самостоятельного следственного действия. Следует отметить, что по предписанию ч.5 ст.237 УПК Украины следователь при проведении осмотра имеет право на изъятие вещей и документов, имеющих значение для расследования. Данная процессуальная новелла негативно влияет на следственную практику, значительно затрудняет выявление и расследование экономических и других преступлений, приводит к формализации следственного осмотра. На практике возникает проблема при изъятии первичных бухгалтерских, финансово - кредитных документов, которые без проведения выемки получить не возможно. В связи с этим, целесообразно внести дополнения к главе 20 «Следователи (розыскные) действия», где в соответствующих статьях предусмотреть «Основания и порядок проведения выемки», «Обязательность выдачи предметов и документов», «Протокол выемки».

Следует отметить некоторые проблемы, связанные с внедрением уголовно – процессуального законодательства Украины в учебный процесс. Обучение в высших учебных заведениях системы МВД Украины, юридических вузах, на юридических факультетах осуществляется в соответствии с требованиям типовых учебных программ. В соответствии с учебной программой и содержанием курса уголовного права курсанты и студенты традиционно изучают понятие, признаки преступления, его виды и наказание за преступление и т. п., по курсу криминалистики они изучают криминалистическое учения о способе преступления, механизме преступления, криминалистическую характеристику преступлений, методику расследования отдельных видов преступлений т.д. ; в курсе криминологии курсанты студенты изучают причины и условия преступлений, экономическую, корыстную преступность и т. п., и только в курсе уголовного процесса они изучают процедуру расследования «криминальных правонарушений». Это свидетельствует о том, что псевдонаучные дефиниции уголовного процессуального законодательства Украины нарушили принцип единого подхода к обучению по специальности « правоведение».

Нельзя согласиться с некоторыми представителями уголовно-правовых наук и криминалистики, которые без достаточных научных оснований и аргументаций используют в своих работах псевдонаучную терминологию уголовно-процессуального законодательства и предлагают разрабатывать методики расследования уголовных правонарушений. Так, начальник кафедры криминалистики и судебной медицины и психиатрии Харьковского национального университета внутренних дел д.ю. н. Степанюк Р.Л. назвал раздел «Криминалистические аспекты расследования уголовных правонарушений» как направление работы научной конференции. В этом разделе старший преподаватель этой кафедры Савчук Т.И. опубликовала тезисы «Интернет-сервисы в расследовании уголовных правонарушений»[1]. Такой псевдонаучный подход свидетельствует не только об угодничестве и конъюнктуре, но фактически о предательстве науки и практики криминалистики.

Наука должна быть независимой. Научная истина должна определяться не в государственных структурах, а в независимых научных учреждениях. Наука имеет ценность

[1] Савчук Т.І. Інтернет-сервіси у розслідуванні кримінальних правопорушень /Т.І. Савчук// Впровадження нового Кримінального процесуального кодексу України в правоохоронну діяльність та навчальний процес:досвід та шляхи удосконалення: мат. наук.-практ. конф., м.Харків, 5 квіт.2013р./МВС України ХНУВС –Х.: ХНУВС, 2013. – с.299-303

тогда, когда она обнаруживает ошибки законодателя и предлагает новые подходы, которые обеспечивают эффективную работу правовой системы. К сожалению, в современной науке уголовно-правового цикла и криминалистике имеет место дефицит новых научных идей, низкое качество научных дискуссий и исследований.

На наш взгляд, реализация Уголовного процессуального Кодекса Украины свидетельствуют о том, что отдельные его положения затрудняют эффективную работу правовой системы в целом, создают беспорядок в деятельности органов досудебного расследования, прокуратуры и суда, нарушают принцип единого подхода к обучению по специальности «правоведение», приводят к ущемлению прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе и нарушению законности. Решение этих проблем требует внесения изменений в отдельные положения УПК Украины, в том числе изъятия терминологии «уголовное правонарушение», «уголовный проступок» и законодательное закрепление классической терминологии для наук уголовно-правового цикла и криминалистики «преступление».

М.А. Лушечкина

Криминалистическое изучение личности как часть теории криминалистики: проблемы становления и перспективы развития

В статье рассмотрены вопросы о содержании и месте криминалистического изучения личности в науке криминалистике. Определены основные этапы становления данной теории и обозначены направления дальнейшего развития.

***Ключевые слова**: криминалистика, личность, личность обвиняемого, криминалистическая тактика, методика расследования преступлений.*

Lushechkina M.A.

Criminalistic study of the human personality as part of the criminalistic theory: issues of formation and development perspectives.

Summary: This article examines the issues related to the content and place of criminal study of the human personality. The main stages of the evolution of this theory and its future development trends have been defined.

***Keywords**: criminalistic, personality, personality of the accused, criminalistic tactics, methods of crime investigation.*

Интерес криминалистов к личности как совокупности специфических свойств человека проявлялся на протяжении всего существования криминалистической науки и практики. Однако он долго не выливался в самостоятельное глубокое и системное исследование.

До определенного времени в криминалистической литературе мы встречаемся с отдельными указаниями на необходимость использования данных о человеке и личности для решения локальных задач расследования. Изначально это была идентификация личности по материальным и идеальным отображениям свойств человека (например, по следам рук, признакам внешности). Серьезное внимание к психологическим особенностям личности проявилось, прежде всего, в связи с исследованиями процесса формирования показаний и разработкой тактических приемов допроса. Так, уже в первой главе своего фундаментального труда «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» Г. Гросс выделил раздел «О знании людей», подчеркнув, что «важным

условием “точной” деятельности С.С. (судебного следователя – М.Л.) является основательное знание человека как главного материала предварительного следствия»[1]. Однако он тут же заметил: «Такого учебника о познании человека, который заключал бы в себе все сведения по этому вопросу, до сих пор никем еще не составлено, да и не будет составлено, - остается поэтому только указать те пособия, которыми возможно пользоваться в особенных случаях»[2]. Действительно, криминалистическая наука по крохам накапливала знания о личности, необходимые для решения тех или иных криминалистических задач, обращаясь к самым разным областям исследований. Например, А.Ф. Кони неоднократно обращался к вопросу о необходимости использовать при допросе данные о психологических особенностях допрашиваемых (темпераменте, особенностях протекания психических процессов и психических состояний)[3]. Солидарен с ним был И.Н. Якимов, писавший: «Искусство вести допрос основано на знании психики человека, на умении понять ее и начать соответствующий подход к допрашиваемому лицу»[4].

Вскоре помимо указаний на значение изучения личности появляются и своего рода «программы» такого изучения. В учебнике по криминалистике 1935 г. отмечается, что при подготовке к допросу необходимо «... собрать сведения, характеризующие тех лиц, которых предстоит допрашивать,... т. е. выяснить их социально-классовую физиономию, их личную характеристику», при оценке показаний у допрашиваемого «всегда иметь в виду его физическое состояние, нет ли у него хронических болезней,... недостатков (слепота, глухота); его умственные и нравственные качества и степень его общего развития, поведение и образ жизни (судимость)»[5]. Не боясь ошибиться, можно сказать, что с этого момента ни одна сколько-нибудь значительная работа по следственной тактике не обходится без указания на обязательность изучения личности и, в первую очередь личности обвиняемого как центральной фигуры в процессе расследования, Б.М. Шавер, неоднократно отмечавший необходимость использования данных о личности обвиняемого в тактических целях, включил изучение личности обвиняемого и в основные положения методики расследования[6].

Именно применительно к личности обвиняемого начинается теоретическая разработка вопросов изучения личности в криминалистике как самостоятельной проблемы. 1960-70 годы можно отметить как годы активного научного поиска в этой сфере.

Отправным моментом стала работа М.Г. Коршика и С.С. Степичева «Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии», вышедшая в 1961 г. и переизданная с переработкой и дополнениями в 1969 г. Авторы в небольшой по объему книге коротко указали на значение изучения личности обвиняемого для решения уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминологических, пенитенциарных и криминалистических (тактических) задач, а также описали объем и некоторые психологические методы изучения личности обвиняемого, причем, не отделяя их от источников получения сведений о личности.

Затем последовали диссертации и книги Н.Т. Ведерникова, Ф.В. Глазырина, А.С. Кривошеева, И.А. Матусевич, П.П. Цветкова, в которых проблема криминалистического изучения личности обвиняемого получила основательную разработку[7]. Отмечая

---

[1] Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд.1908 г. – М.: ЛексЭст, 2002. С.44

[2] Там же. С. 45

[3] См., например: А.Ф. Кони. Обвиняемые и свидетели. Избр. произведения. В 2-х томах. Т.1. М.,1959. С.167.

[4] И.Н. Якимов. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925. С. 307.

[5] Криминалистика. Кн. 1. Техника и тактика расследования преступлений. М., 1935. С. 198, 205-206.

[6] См. Криминалистика. Под ред. С.П. Митричева и П.И. Тарасова- Родионова. М., 1952. С. 18.

[7] Ведерников Н.Т. Изучение личности преступника в процессе расследования. Томск, 1968; Кривошеев А.С. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. М.,1971; Глазырин Ф.В. Изучение личности

это обстоятельство Р.С. Белкин справедливо обращал внимание на то, что становление криминалистического изучения личности как научного направления проходила параллельно с возрождением и активизацией исследований проблемы личности в криминологии и судебной психологии[1]. Комплексный характер проблемы изучения личности в уголовно-правовой сфере не мог не вызвать и комплексного подхода к ее решению. В работах названных авторов довольно четко были обозначены аспекты изучения личности обвиняемого (преступника): уголовно-правовой, криминологический, уголовно-процессуальный, криминалистический, пенитенциарный, описаны задачи, решаемые с учетом данных о личности в рамках указанных аспектов. Помимо этого в литературе вырисовывается структура изучения личности обвиняемого в процессе расследования: понятие личности обвиняемого и понятие изучения его личности; задачи, предмет и объем изучения, методы изучения, источники получения информации о личности; особенности фиксации информации о личности в материалах дела.

В 1970 г. впервые в учебнике криминалистики (в разделе «Криминалистическая тактика») появляется отдельная глава, посвященная изучению личности обвиняемого в процессе расследования[2].

Характерным для названных работ является определение понятия изучения личности обвиняемого, включающее все названные аспекты. Это не случайно, ибо на практике изучение личности обвиняемого выливается в сложное многоцелевое и многоаспектное исследование, в котором одни и те же данные о личности могут одновременно иметь значение для решения как уголовно-правовых, так и для уголовно-процессуальных, криминалистических и других задач.

К определению понятия «личность обвиняемого» в работах этого периода наблюдается практически единый подход. В понятие включается, во-первых, уголовно-процессуальный признак - факт привлечения к уголовной ответственности, реализация специального правового статуса и выполнение правовой социальной роли, а, во-вторых, совокупность личностных свойств и состояний лица, в основном психологического и социально-психологического порядка. Подробное раскрытие содержания этой совокупности дается при рассмотрении вопроса о структуре личности обвиняемого и связанных с нею предмете и пределах изучения личности.

В свою очередь предмет и пределы изучения личности обвиняемого определяются его задачами.

Криминалистический аспект изучения личности обвиняемого в исследованиях данного периода связывался в основном с решением тактических задач, и реализовывался в выдвижении версий о причастности определенного лица к совершению преступления, в подготовке к проведению отдельных следственных действий, в установлении психологического контакта и применении конкретных тактических приемов. (М.Г. Коршик, С.С. Степичев, А.С. Кривошеев, И.А. Матусевич). Отсюда следовало, что объем изучения личности обвиняемого ограничивался комплексом индивидуально-психологических особенностей, куда включали: биологически обусловленные свойства (тип нервной системы, задатки, темперамент); социально обусловленные свойства (социальный облик, мировоззрение и другие качества, определяющие направленность личности); опыт человека (объем и качество знаний, умений, навыков, привычек и т. д.); особенности отдель-

---

обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск, 1973; Цветков П.П. Исследование личности обвиняемого. Л.,1973; Матусевич И.А. Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений. Минск, 1975; Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого. Томск, 1978; Курашвили Г.К. Изучение следователем личности обвиняемого. М., 1982.

[1] Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т.2. М., 1997, С. 30-31.

[2] Криминалистика. Под ред. Р.С. Белкина и Г.Г. Зуйкова. Т. 2. М., 1970. С. 206-212. Автор главы - А.С. Кривошеев.

ных психических процессов, присущие личности. Соответственно решался и вопрос о методах изучения личности, в комплекс которых включались психологические - наблюдение, беседа, биографический и обобщение независимых характеристик. Среди источников получения сведений о личности обвиняемого внимание уделялось в основном процессуальным источникам: результатам следственных действий, в том числе заключениям судебных экспертиз.

Значительным своеобразием отличался подход к исследованию личности обвиняемого, осуществленный П.П. Цветковым. Разграничивая понятия «человек» и «личность» (последнее - в его узком, психологическом смысле), П.П. Цветков, отдавая дань сложившейся терминологической практике, представлял структуру личности обвиняемого как «целостное образование и организацию ее отдельных компонентов (признаков, свойств, состояний), относящихся к разным уровням и сторонам развития и находящихся во взаимосвязи между собой»[1]; т. е. социальных и психологических, естественно-биологических свойств. Именно с таким объемом изучения личности обвиняемого, считает П.П. Цветков, приходится иметь дело в процессе расследования преступления, именно такой подход позволит достаточно полно «охватить существенные стороны структуры обвиняемого и как личности, и как человека - биологического существа», «... получить, наконец, возможность наиболее полно представить себе уголовно-правовой, криминалистический, психологический облик обвиняемого»[2]. Таким образом, в структуру личности обвиняемого автор однозначно включил: социальные свойства (персонографические данные; уголовно-правовые признаки; мировоззрение и поведение; психологические особенности, и естественно-биологические свойства (состояние здоровья; внешний облик; биологические атрибуты: кровь, волосы, запах, сперма и др. выделения)[3].

Применительно к такому объему данных П.П. Цветков рассматривает и вопрос о методах изучения личности обвиняемого. Автор называет не только психологические методы, как другие криминалисты, исходящие из более узкого понимания предмета изучения личности, а более широкий круг общих, специальных и частных методов познания, что наиболее характерно для криминалистического аспекта изучения личности.

Представляется, что такой, т. е. более широкий подход к содержанию изучения личности обвиняемого определялся уровнем развития криминалистики, наличию в ее системе ряда разделов, в рамках которых традиционно достаточно глубоко исследовались те или иные свойства личности (трасология и уголовная регистрация в части гомологических объектов; отождествление личности по признакам внешности и др.). Данные о личности преступника органично входят в структуру учения о способе совершения преступлений, в криминалистическое учение о навыках и другие теории[4]. По мере накопления знаний в области изучения личности обвиняемого появляются предложения об аккумулировании этих знаний в рамках отдельного раздела криминалистики. При этом Н.Т. Ведерников предлагает включить в него понятие изучения личности обвиняемого, способы получения информации о ней, использование данных о личности обвиняемого при планировании расследования и в тактике отдельных следственных действий, а также вопросы отражения полученной информации в материалах уголовного дела. Этому разделу отводится место в следственной тактике, а данные о свойствах личности преступника, связанные с характером совершенного преступления, - в частных методиках

---

[1] Цветков П.П.. Указ. соч. С.18.
[2] Там же. С.19.
[3] Там же. С.20-23.
[4] См. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т.2. М., 1997. С. 30.

расследования преступлений[1]. Н.А. Селиванов первоначально также предлагал поместить проблему изучения личности обвиняемого в общие положения следственной тактики[2]. Однако позднее пересмотрел свою точку зрения и отнес изучение личности обвиняемого к проблемам общетеоретической части криминалистики, придав ему, таким образом, еще больший вес и значение[3].

После попытки Ф.В. Глазырина (1973 г.) представить криминалистическое изучение личности в виде отдельной частной криминалистической теории движение в этом направлении, к сожалению, несколько затормозилось, развитие исследований пошло по пути углубленной разработки отдельных вопросов криминалистической тактики и методики расследования, в которых использовались данные о личности обвиняемого, потерпевшего, свидетеля. В ряду комплексных работ значительным вкладом стала докторская диссертация В.А. Жбанкова на тему: «Концептуальные основы установления личности преступника в криминалистике» (1995 г.). В 2005 г. в учебнике криминалистики под редакцией Н.П. Яблокова глава «Криминалистическое изучение личности» вошла в раздел «Теоретические и методологические основы криминалистики», что представлялось вполне обоснованным[4], но в следующем издании криминалистическое изучение личности было представлено лишь в разделе «Криминалистическая тактика»[5]. К сожалению, в настоящее время единого мнения о статусе криминалистического изучения личности как раздела науки криминалистики не сложилось. Например, в учебнике для магистратуры под ред. И.В. Александрова весь спектр направлений криминалистического изучения личности вошел в главу «Основы криминалистического исследования свойств человека», размещенную в разделе «Научные основы криминалистической техники»[6]. Представляется, что предпосылки к формированию полноценной частной криминалистической теории у данного направления есть, и оно может развиваться в следующих направлениях:

- определение места данных о личности в системе криминалистически значимой информации (в криминалистической характеристике преступления; в следственной ситуации).
- дальнейшая разработка вопросов криминалистического изучения личности потерпевшего, свидетеля и иных лиц - участников процесса расследования;
- создание криминалистически значимых типологий личности применительно к отдельным задачам тактики и методики расследования;
- дальнейшая разработка методов изучения личности в криминалистике;
- характеристика новых источников криминалистически значимой информации о личности (интернет-ресурсы и др.).

---

[1] Ведерников Н.Т. Указ. соч. С. 73-76.

[2] Селиванов Н.А. К вопросу о понятии и системе криминалистики. В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 26. М., 1977. С. 107-108.

[3] Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М.,1982. С.17.

[4] Криминалистика. Учебник. Отв. Ред. Н.П. Яблоков – 3-е изд., М., 2005 (автор главы «Криминалистическое изучение личности» - М.А. Лушечкина)

[5] Криминалистика. Учебник под ред Н.П. Яблокова. М., 2010. Глава 21. Криминалистическое изучение личности участников расследования в тактических целях (автор – М.А. Лушечкина).

[6] Криминалистика. Учебник для магистратуры. Под общ. Ред. И.В. Александрова. М., 2014. Гл. 6. Основы криминалистического исследования свойств человека (автор главы – Е.П. Ищенко)

Н.И. Малыхина

Вопросы формирования криминалистического учения об участниках криминального события

В статье обосновывается создание криминалистического учения об участниках криминального события как учения, аккумулирующего в себе совокупность знаний о криминалистическом изучении человека как источника информации. Определяется место данного учения в системе криминалистики, предлагается авторская многоуровневая система учения, аргументируется выделение в ней самостоятельным элементом учения о лице, совершившем преступление, наряду с учениями о подозреваемом, обвиняемом, подсудимом.

Ключевые слова*: криминалистическое учение, участник криминального события, лицо, совершившее преступление.*

N.I. Malykhina

The issues of generating criminological study on the actors of a crime

The paper is aimed to justify the introduction of the criminological study of the actors of a crime as the science, in which the total knowledge of the criminological examination of a person looked at as the source of information is accumulated. In the paper, the place of the named study in the system of criminology is indicated; the author's original multi-level system of the study is proposed; extraction of an independent element of the study of the offender, as well as of the suspect, of the accused and of the defendant is justified.

Keywords*: criminological study, actor of a crime, offender.*

Актуальность и практическая значимость вопросов изучения индивидуальных особенностей человека в расследовании преступлений определяют повышенный интерес ученых к их исследованию. Накопленные в настоящее время криминалистические знания в данной области, в том числе разработанные теории (учения) о различных участниках уголовного судопроизводства, явились одной из предпосылок необходимости создания учения, аккумулирующего в себе совокупность сведений о криминалистическом изучении человека. Не останавливаясь на историческом аспекте указанного вопроса, выделим ряд проблем, разрешение которых представляется важным для выработки единых концептуальных положений данного учения.

Во-первых, в настоящее время требует дальнейшего переосмысления и научной разработки название данного учения. В литературе данное учение (теорию) ученые предлагают именовать по-разному, например, как:

- криминалистическое учение о личности (Ю.Л. Дяблова[1]), криминалистическую теорию изучения личности (Я.В. Комиссарова, Е.Н. Холопова[2]), криминалистическое учение о личности и защите ее прав (В.М. Шматов[3]); криминалистическое учение о человеке (А.М. Зинин[4]);

---

[1] См.: Дяблова Ю.Л. История развития криминалистического учения о личности и его современное состояние // Известия Тульского государственного университета. 2012. Вып. 1. Ч. 2. С. 182-186.

[2] См.: Комиссарова Я.В., Холопова Е.Н. Перспективы развития криминалистической теории изучения личности // Библиотека криминалиста. 2015. №2. С. 261-268.

[3] См.: Шматов В.М. Развитие частной криминалистической теории изучения личности и обеспечения ее прав: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2000.

[4] См.: Зинин А.М. Комплексное изучение личности как основа процесса ее установления // Человек как источник криминалистически значимой информации: Материалы всерос. межвед. научно-практической конф. / под ред. А.М. Зинина, М.Н. Шухнина: в 2 ч. Часть 1. Саратов, 2002. С. 27.

- криминалистическое учение о личности участника уголовного судопроизводства (И.А. Макаренко[1]);

- криминалистическая гомология (В.А. Образцов[2]);

- криминалистическое учение о личностной информации (Г.И. Поврезнюк)[3];

- криминалистическая теория изучения и использования свойств личности при расследовании преступлений (В.А. Жбанков[4]);

- криминалистическая антропология (Ф.В. Глазырин[5]) и др.

Во-вторых, неразрешенным остается вопрос о месте данного учения в системе криминалистики, в том числе в системе научных теорий (учений).

Например, Н.П. Яблоков и М.А. Лушечкина определяют криминалистическую теорию о личности как элемент общей теории криминалистики[6]. С.В. Лаврухин свойства и состояния преступника, жертву, способ поведения преступника, отражение поведения преступника и его последствия рассматривает в качестве элементов поведения преступника, которое, в свою очередь, ученый определяет структурным компонентом криминалистической модели поведения преступника в общей теории криминалистики[7]. О.В. Полстовалов вопросы криминалистической антропологии исследует в рамках криминалистической тактики[8]. В.М. Шматов считает «вполне обоснованным выделить проблемы изучения личности участников уголовного процесса и обеспечения защиты их прав в самостоятельный раздел криминалистики»[9]. Большинство ученых данное учение определяют как самостоятельный элемент в общей системе научных теорий (учений). В то же время, например Г.И. Поврезнюк, рассматривая проблемы теории и практики криминалистического установления личности, разработал криминалистическое учение о личностной информации в рамках такой теории как «организация деятельности по собиранию, исследованию, оценке и использованию информации (свойств и признаков) об устанавливаемом лице»[10].

В-третьих, в современных условиях не сформировано единого представления о системе и структурных элементах данного учения. Дискуссионным также остается вопрос о круге объектов изучения в рамках рассматриваемого учения.

Например, в системе криминалистической гомологии как учения о человеке В.А. Образцов выделяет общие положения и особенную часть. Общие положения пред-

---

[1] См.: Макаренко И.А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования. М., 2006. С. 44-45.

[2] См.: Криминалистика / под ред. В.А. Образцова. М., 2001. С. 109-112.

[3] См.: Поврезнюк Г.И. Теория и практика криминалистического установления личности: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 18-20.

[4] См.: Жбанков В.А. Криминалистическая теория изучения и использования свойств личности при расследовании преступлений // Человек как источник криминалистически значимой информации: Материалы всерос. межвед. научно-практической конф. / под ред. А.М. Зинина, М.Н. Шухнина: в 2 ч. Часть 1. Саратов, 2002. С. 21-23.

[5] См.: Глазырин Ф.В. Криминалистическая антропология в системе криминалистической науки // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе. Часть 1: Сб. науч. статей / под ред. З.Д. Еникеева. Уфа, 2003. С. 53-54.

[6] См.: Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. М., 2000. С. 138-151 (автор главы 8 – М.А. Лушечкина).

[7] См.: Лаврухин С.В. Механизм поведения преступника: криминалистические аспекты: монография. М., 2015. С. 301. В данной работе ученый предложил следующий уточненный вариант структуры общей теории криминалистики: концептуальные основы общей теории криминалистики, криминалистическая модель поведения преступника и теория оптимизации деятельности следователя. (См.: Там же. С. 297.)

[8] См.: Полстовалов О.В. Современные проблемы криминалистической тактики / под науч. ред. В.И. Комиссарова. М., 2009. С. 114-115.

[9] Шматов В.М. Развитие частной криминалистической теории изучения личности и обеспечения ее прав: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 80.

[10] Поврезнюк Г.И. Указ. соч. С. 37.

ставлены в виде системы знаний, важных для всех случаев гомологических исследований и решаемых при этом теоретических и прикладных задач познавательного и конструктивного порядка. Особенная часть включает три подсистемы: 1) криминалистическое учение о жертве преступления; 2) криминалистическое учение о преступнике (заподозренном, подозреваемом, обвиняемом, подсудимом); 3) криминалистическое учение о свидетеле[1].

Своеобразную многоуровневую систему теории предлагает О.В. Полстовалов, определяя, в частности, в качестве объектов криминалистического познания, в том числе участников со стороны обвинения и защиты: 1) общий уровень (криминалистическая антропология) – человек как объект криминалистического познания исследуется во всех проявлениях его естества; 2) частные теории о личности первого уровня, разрабатываемые в рамках криминалистической персонологии, представляющей собой теорию изучения личности применительно к сторонам в уголовном судопроизводстве (участникам на стороне защиты и обвинения и проч.); 3) частные теории второго уровня, представленные криминалистическими учениями о личности конкретных участников уголовного процесса (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и т. д.)[2].

Научные воззрения о необходимости расширения объектов исследования в рамках рассматриваемого криминалистического учения представлены и в иных работах. В частности, предлагается изучать личность не только как источник, но и как носитель криминалистически значимой информации (понятого, специалиста, эксперта и т. д.)[3].

В целях разрешения выявленных проблем сформулируем ряд предложений, способствующих формированию и дальнейшему развитию исследуемого учения.

1. Об уточнении названия учения.

По нашему мнению, в существующей интерпретации предлагаемые учеными названия исследуемого учения (теории) (криминалистическая теория о личности, криминалистическая антропология и т. д.) достаточно широки по своему смысловому содержанию.

Наименование учения во многом обусловлено определением объектов криминалистического познания. В этой связи отметим, что вопросы изучения специалиста, эксперта и т. д., то есть носителей криминалистически значимой информации о произошедшем преступлении, следовало бы, на наш взгляд, рассматривать в общих положениях криминалистической тактики, поскольку изучение данных субъектов осуществляется исключительно в тактических целях. Иными словами, вопросы тактики взаимодействия следователя с указанными лицами, по нашему мнению, нецелесообразно разрабатывать на уровне частной криминалистической теории. Спорным также представляется утверждение о необходимости изучения всех участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и защиты на уровне криминалистической теории, рассматривая данное предложение с позиции целесообразности и значимости для процесса расследования преступлений.

В нашем представлении объектами познания данного учения должны являться непосредственно участники криминального события, то есть люди-источники информации о произошедшем преступлении. Именно их изучение представляется важным и не-

---

[1] См.: Криминалистика / Под ред. В.А. Образцова. М., 1997. С. 126-127.
[2] См.: Полстовалов О.В. Указ. соч. С. 114-115.
[3] См.: Жбанков В.А. К вопросу о развитии частных криминалистических теорий // Криминалистические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения Б.И. Шевченко: Тезисы выступлений. М., 2004. С. 66-68; Лушечкина М.А. Криминалистическое изучение личности в тактике расследования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 11; Комиссарова Я.В., Комиссаров В.И. Криминалистическое изучение личности носителей специальных знаний // Lex Russica. 2014. Т. XCVI. №10. С. 1201-1206 и др.

обходимым для решения задач уголовного судопроизводства в отличие, например, от изучения индивидуальных особенностей понятого, специалиста, эксперта и т. д.

С учетом вышеизложенных положений наименование исследуемого учения мы предлагаем определить в следующей интерпретации – криминалистическое учение об участниках криминального события.

2. О месте криминалистического учения об участниках криминального события в системе криминалистики.

Разделяя позицию Р.С. Белкина о системе криминалистики, отметим, что учение об участниках криминального события рассматривается нами как частная криминалистическая теория (в общей теории криминалистики), которая обладает высшей степенью общности по отношению к другим учениям, являющимися ее элементами (подсистемами). Данное учение представляет собой концептуальную систему знаний, которая целостно отражает определенную область криминалистической науки.

3. О системе криминалистического учения об участниках криминального события.

«Системой называется множество связанных друг с другом элементов, которое при определенном рассмотрении образует некоторый целостный объект»[1], в нашем случае – участник криминального события. Важным свойством системы является ее иерархичность. М.С. Бургин, В.И. Кузнецов отмечают, идея иерархичности состоит в том, что элементы системы разбиваются на определенные уровни, между которыми устанавливаются различные отношения. Введение уровней, которые «населены» однотипными, а точнее однопорядковыми элементами, позволяет рассматривать систему не только как состоящую из элементов, но и как образованную из уровней[2]. Как любая теория, криминалистическое учение об участниках криминального события в своем исходном базисе должна иметь «центральный системообразующий элемент»[3], который мы обозначим как криминалистически значимые свойства и состояния человека.

Учитывая данные положения, систему рассматриваемого учения, по нашему мнению, следует представить следующими уровнями.

1 уровень – криминалистическое учение об участниках криминального события.

2 уровень – учения о лице, совершившем преступление (неизвестном преступнике), подозреваемом, обвиняемом, подсудимом, потерпевшем, свидетеле.

3 уровень – учения, разрабатываемые в рамках отдельного учения либо нескольких (или всех) учений 2 уровня и т. д. Полагаем, что к данному уровню учения следует отнести, например, криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого (И.А. Макаренко[4]), криминалистическое учение о личностной информации (Г.И. Поврезнюк[5]) и др.

4 уровень – учения, разрабатываемые в рамках отдельного учения либо нескольких (или всех) учений 3 уровня и т. д. Этот уровень, по нашему мнению, возможно представить такими учениями, как криминалистическое учение о динамических признаках человека (В.Г. Булгаков[6]), криминалистическое учение о навыках и привычках человека

---

[1] Бургин М.С., Кузнецов В.И. Введение в современную точную методологию науки: Структуры систем знания: пособие для студентов вузов. М., 1994. С. 99.
[2] См.: Там же. С. 100-101.
[3] Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. М., 2007. С. 70.
[4] См.: Макаренко И.А. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2006.
[5] См.: Поврезнюк Г.И. Указ соч.
[6] См.: Булгаков В.Г. Предмет, объект и задачи криминалистического исследования динамических признаков человека // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1. С. 249-252.

(В.Н. Чулахов[1]) и др. По мере развития данного учения, предполагаем, что количество его уровней может быть увеличено.

Необходимость выделения самостоятельным элементом (на 2 уровне учения) учения о лице, совершившем преступление, обусловлено специфическими целями, задачами и методами изучения неизвестного преступника, а также источниками криминалистически значимой информации о нем. Лицо, совершившее преступление, не следует отождествлять с конкретным человеком, а именно подозреваемым, обвиняемым, подсудимым. Лицо, совершившее преступление, рассматривается нами как человек, информация о котором собирается на протяжении процесса расследования преступления (собирательный образ объективно существующего человека).

И.О. Перепечина

Генетическая идентификация как частная криминалистическая теория и новая отрасль криминалистической техники

В статье рассматривается генетическая идентификация как частная криминалистическая теория в рамках теории криминалистической идентификации. Приводятся основания для выделения генетической идентификации в качестве отдельной отрасли криминалистической техники.

***Ключевые слова**: ДНК-идентификация, генетическая идентификация, теория криминалистической идентификации, частная криминалистическая теория, криминалистическая техника.*

I.O. Perepechina

Genetic identification as a particular forensic theory and a new branch of forensic technology

The article deals with genetic identification as a particular forensic theory in the framework of the forensic identification theory. The reasons are given for the selection of genetic identification as a separate branch of forensic technology.

***Keywords**: DNA identification, genetic identification, forensic identification theory, particular forensic theory, forensic technology.*

Развитие криминалистики сопровождается разработкой новых направлений. Одним из наиболее важных научных достижений последней четверти века здесь является разработка и внедрение в криминалистическую практику, в том числе отечественную, нового направления криминалистической идентификации – ДНК-идентификации.

Как любому научному направлению, ДНК-идентификации, а также генетической идентификации в целом[2] предопределено свое место в классификации научных дисциплин. Несмотря на то, что в генетической идентификации используются методы самых разных наук – молекулярной и популяционной генетики, биохимии, математики, информатики и др., - все эти методы преломляются через призму решения криминалистических задач. При этом они претерпевают существенную трансформацию и преобразу-

[1] См.: Чулахов В.Н. Криминалистическое учение о навыках и привычках человека: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004.

[2] т. е. по отношению ко всему комплексу исследований генетических свойств объекта, направленных на решение идентификационной задачи.

ются в специальные, криминалистические методы. Концептуально генетическая идентификация базируется на теории криминалистической идентификации и осуществляется на основе ее методологии. Ее использование ведется в условиях правового поля, в рамках криминалистической тактики и криминалистической методики. Она имеет характерный для криминалистики объект исследования – следы. Генетическая идентификация осуществляется в процессуальной форме судебной экспертизы, а также в непроцессуальных формах криминалистической регистрации и добровольных массовых ДНК-скринингов населения; ДНК-скрининги, по мнению автора, следует отнести к тактическим операциям. В последнее время, благодаря разработке новых технологий мощное развитие получила ДНК-диагностика - криминалистическое ДНК-фенотипирование как средство получения поисковой криминалистической информации о свойствах личности. Его задача - сужение круга лиц, среди которых может находиться лицо, причастное к криминальному событию, с целью проведения среди них в дальнейшем оперативно-разыскных и следственных мероприятий и выполнения затем в отношении подозреваемых (обвиняемых) идентификационных исследований в рамках традиционного алгоритма (типирования стандартного набора полиморфных локусов некодирующей ДНК).

Все указанное выше делает обоснованным рассмотрение генетической идентификации в рамках науки криминалистики.

Совершенно очевидно, что криминалистический характер генетической идентификации предопределен криминалистической природой идентификации как таковой. Как справедливо отметил проф. В.Я. Колдин, ни одна из фундаментальных наук «не ставит задачи индивидуализации единичного материального объекта на основе выделения в нем случайных свойств. Научный и методический аппарат для решения этой задачи разрабатывается только в криминалистике, которая в силу этого является базовой («материнской») наукой для всех видов индивидуальной идентификации, независимо от природы объектов и используемых для идентификации методов»[1].

Логично, что, являясь научным редактором готовящегося к изданию очередного учебника «Криминалистика» (2007), проф. В.Я. Колдин выступил инициатором включения генетической идентификации в главу «Криминалистическая идентификация человека» раздела «Криминалистическая техника»[2]. Этим генетическая идентификация была прямо отнесена к криминалистике как вид криминалистической идентификации, было определено ее место в системе данной науки - в разделе «криминалистическая техника». Еще ранее глава по ДНК-идентификации по инициативе проф. В.Я. Колдина была включена в монографию «Вещественные доказательства. Информационные технологии доказывания», изданную под его редакцией в 2002 г.[3]

Большая роль в утверждении генетической идентификации как криминалистического направления принадлежит проф. Н.П. Яблокову. В период его руководства кафедрой криминалистики Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова научные разработки в области ДНК-идентификации представлялись (с 2005 г.) на всех проводимых кафедрой научных криминалистических мероприятиях, опубликовывались во всех издаваемых кафедрой криминалистики сборниках научных работ. В 2010 г. под редакцией проф. Н.П. Яблокова был издан кафедральный учебник «Криминалистика», где данному направлению в разделе «Криминалистическая техника» посвящена отдельная

---

[1] См.: Колдин В.Я. Судебная идентификация. – М.: ЛексЭст, 2002. С. 88.

[2] Материал по генетической идентификации человека подготовлен автором данной статьи. См.: Криминалистическая идентификация человека (в соавторстве с А.М. Зининым) / В кн.: Криминалистика: учебник для вузов. Под ред. В.Я. Колдина. Глава 13. М.: Зерцало-М, 2007. – С. 298-339.

[3] Перепечина И.О. Исследование ДНК при экспертизе биологических объектов / В кн.: "Вещественные доказательства. Информационные технологии процессуального доказывания" / под ред. В.Я. Колдина В.Я. Глава XIII. М.: Норма, 2002. - С. 521-564.

глава под заглавием «Генетическая идентификация личности»[1]. Этим генетической идентификации было отведено в структуре криминалистической техники место отдельной отрасли. Проф. Н.П. Яблоков курировал подготовку сотрудниками кафедры криминалистики глав для включения в учебник «Криминалистика» для Следственного комитета РФ, изданного в 2014 г. под редакцией проф. А.И. Бастрыкина. В данном учебнике генетическая идентификация человека также представлена в качестве отдельной отрасли криминалистической техники[2]. В 2011-2012 г.г. тема «Генетическая идентификация человека» читалась в рамках кафедрального лекционного курса криминалистики как одна из тем криминалистической техники.

Генетическая идентификация давно и органично вписалась в тематику Криминалистических чтений, других криминалистических конференций и круглых столов, проводимых криминалистическим сообществом в нашей стране и за рубежом, а также в тематику юридических, криминалистических периодических изданий. По «криминалистической» специальности 12.00.09 по темам, связанным с ДНК-идентификацией, защищено несколько кандидатских диссертаций; автору данной статьи было присуждено ученое звание (1995).

Важнейшим является практический аспект реализации генетической идентификации как криминалистического направления. Он состоит в том, что генетическая идентификация уже в течение целого ряда десятилетий используется в практике экспертно-криминалистических служб, став неотъемлемой частью экспертно-криминалистической деятельности правоохранительных органов. Так, с 1970-х годов экспертизы на основе методов генетической идентификации человека, в т.ч. с конца 1980-х годов - с помощью методов ДНК-анализа, проводились в экспертно-криминалистической службе МВД СССР, а затем - МВД России. В настоящее время такие экспертизы выполняются в десятках лабораторий ЭКП органов внутренних дел РФ силами сотен криминалистов. Методы генетической идентификации используются экспертно-криминалистической службой Следственного комитета РФ, входят в криминалистический арсенал Федеральной службы безопасности РФ, уместно их использование в криминалистических исследованиях и других служб, например, Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков РФ.

Не стоит видеть какое-то противоречие в том, что, относясь к криминалистике, генетическая идентификация находится на стыке, а точнее, в области перекрывания, со смежной прикладной дисциплиной - судебной медициной. От этого она не перестает быть также и криминалистическим направлением. И вообще, безальтернативный подход к междисциплинарным научным и экспертным направлениям механистичен, не отвечает их природе и противоречит многогранности современной науки и современной судебной экспертизы. При этом с учетом того, что, как было указано выше, криминалистика является базовой наукой для всех видов идентификации единичного материального объекта, «криминалистический» компонент в генетической идентификации более значителен, чем «судебно-медицинский». Отметим также, что к судебной медицине данное направление относится во многом лишь в силу нашей отечественной традиции относить к данной науке исследование вещественных доказательств. Зарубежные концепции к предмету судебной медицины исследование следов обычно не относят, предпочитая ставить ДНК-идентификацию в один ряд с криминалистической баллистикой, почерковедением, дактилоскопией и т. д.

---

[1] Перепечина И.О. Генетическая идентификация личности / В кн.: Криминалистика: учебник для вузов. Под ред. Н.П. Яблокова. 4-е изд. Глава 16. М.: Норма: Инфра-М, 2010. – С. 371-382.

[2] Перепечина И.О. Генетическая идентификация человека / Криминалистика: Учебник. Том I / под ред. А.И. Бастрыкина. – М.: Экзамен, 2014. С. 453-476.

По поводу междисциплинарных направлений проф. Н.П. Яблоков и проф. А.Ю. Головин справедливо указывали следующее. Обосновывая место в криминалистической классификации ряда направлений (криминалистическое исследование материалов, веществ и изделий, запаховых и звуковых следов), в отношении которых они отмечали, что они «не являются исключительно криминалистическими областями научного знания», они указывали: «Однако практическая необходимость и солидная научно-методическая база такого рода исследований, разработанная именно в криминалистике, определяет их нахождение в криминалистической технике»[1]. Логично распространение подобного воззрения и на генетическую идентификацию.

В указанных выше учебниках криминалистики генетическая идентификация человека обоснованно выделена в качестве отдельной отрасли криминалистической техники. Причины для этого весьма существенны, и начать стоит с ее фундаментальных основ - с того, что концептуально генетическую идентификацию следует рассматривать как частную криминалистическую теорию. Экстраполяция теории криминалистической идентификации на область генетических исследований обусловливает необходимость разработки системы научных положений и методического инструментария для реализации положений данной теории в условиях характерного для генетической идентификации информационного поля. При неизменности в этом контексте принципов и общих положений теории криминалистической идентификации ее частные положения и практическое воплощение в методиках имеют особенности, предопределяемые характером объектов и их исследования. Предмет генетической идентификации как частной криминалистической теории можно определить как изучение закономерностей, определяющих природу идентификационных генетических свойств, их выражение в идентификационных признаках, и разработка специальных криминалистических методик их исследования для решения вопроса о тождестве или генетическом родстве[2] в целях правоприменительной практики.

Предпосылками для выделения в структуре криминалистики генетической идентификации в качестве отдельной отрасли криминалистической техники является также следующее:

- генетическая идентификация базируется на характерном для нее довольно специфическом спектре специальных знаний, которые, ни в коей мере не выводя генетическую идентификацию за рамки криминалистической идентификации концептуально, сообщают ей своеобразие в методическом и технологическом отношениях по сравнению с существующими отраслями криминалистической техники;

- генетическая идентификация - комплексна и объемна, как по объектам, так и по методам; она интегрирует, преобразуя, знания из целого ряда фундаментальных наук, с использованием которых на базисе криминалистики разрабатывается система теоретических положений и принципов данного криминалистического направления, а также арсенал специальных криминалистических методик;

- генетическая идентификация лежит в основе самостоятельного вида криминалистической регистрации – геномной регистрации;

- особая социальная значимость криминалистического идентификационного исследования ДНК делает его во всем мире предметом специального правового регулиро-

---

[1] См.: Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа и система. – М.: Юристъ, 2005. С. 134.

[2] Вопрос о генетическом родстве применительно к конкретному индивидууму также является идентификационным: идентифицируется, отождествляется носитель генетических свойств, обусловленных конкретным, определяемым обстоятельствами дела, характером родства. Например, отождествляется подозреваемый как отец конкретного ребенка. Задача установления родства после ее переформулирования может полностью соответствовать задаче установления тождества.

вания. Эта тенденция нашла отражение и в российском законодательстве - Федеральном законе «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», которым придано особое значение генетической идентификации;

- ДНК-идентификация имеет огромный практический «выход» – благодаря этому криминалистическому направлению сегодня раскрываются сотни тысяч преступлений, включая преступления прошлых лет, которые не удалось раскрыть никакими иными методами;

- генетическая идентификация как криминалистическое направление отличается исключительно высокой степенью разработанности. Признаками этого являются: 1) наличие фундаментальной научной основы; 2) разработка на основе криминалистики и частных методов других наук методик, специально предназначенных для исследования генетических свойств криминалистических объектов применительно к решению криминалистических задач; 3) широкомасштабная валидация методов на экспертном материале; 4) подтвержденная высокая надежность и воспроизводимость результатов экспертного исследования генетических свойств; 5) изученность и систематизация причин, в силу которых, при ненадлежащем применении методов, возможно получение недостоверных результатов исследования; 6) высочайшая чувствительность (до уровня пикограмм ДНК) и специфичность методов; 7) достижение возможности исследования биологических объектов практически любой природы; 8) наличие высокотехнологичного инструментария; 9) достижение полной автоматизации ДНК-технологий; 10) унификация и стандартизация методик, оборудования, реагентов, причем это проведено в европейском, мировом масштабах; 11) разработка системы обеспечения и контроля качества экспертных исследований; 12) создание криминалистических генетических учетов, аккумулировавших в настоящее время в мире миллионы объектов учета; 13) осуществление этапа интерпретации результатов на наиболее объективной основе – с использованием математических методов; 14) разработка системы вероятностных расчетов специально для криминалистических целей и охват математическими алгоритмами большинства актуальных для практики экспертных ситуаций; 15) представленность используемых в математических расчетах референтных данных огромными массивами информации, охватывающими популяции всего мира; 16) беспрецедентеность для криминалистической идентификации уровня дискриминирующей способности имеющихся идентификационных систем, достигающих сегодня порядка 10^{-28}; 17) разработка системы подготовки экспертов и ее использование в практике.

Выделение генетической идентификации в качестве отрасли криминалистической техники не исключает ее присутствия и в системе криминалистического следоведения в качестве одного из его разделов. Если рассматривать следы «в широком» смысле, то они включают в себя следы любой природы. «В свете понимания следов в широком смысле теоретические положения криминалистического учения о следах <…> относятся ко многим разделам криминалистической техники, изучающим различного рода материальные следы»[1]. Неизбежное при таком подходе «пересечение» следоведения с различными отраслями криминалистической техники не таит в себе никаких классификационных противоречий.

Таким образом, генетическую идентификацию следует рассматривать как частную криминалистическую теорию в рамках теории криминалистической идентификации. В настоящее время есть все основания для выделения генетической идентификации в качестве отрасли криминалистической техники и раздела следоведения.

---

[1] См.: Центров Е.Е. Понятие и виды следов в криминалистике / Криминалистика: учебник для вузов. Под ред. Н.П. Яблокова. 4-е изд. - М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 235.

Н.А. Подольный

Криминалистическая классификация преступлений как средство оптимизации предварительного расследования

В статье рассматривается проблема повышения эффективности предварительного расследования. В качестве средства для этого предлагается криминалистическая классификация. В связи с этим рассматриваются некоторые её особенности и её значение для проводимого предварительного расследования.

***Ключевые слова**: криминалистическая классификация преступлений, расследование преступлений, первоначальный этап расследования.*

N.A. Podolnyy

Forensic classification of crimes, as a means of optimization of the preliminary investigation

In the article the problem of increasing the efficiency of preliminary investigation. As a means for this proposed crime classification. In this regard, discusses some of its features and its importance for the ongoing preliminary investigation.

***Keywords**: criminalistic classification of crimes, investigation of crimes, the initial stage of the investigation.*

Эффективность расследования – это одна из основных задач, стоящих перед криминалистикой. Её решение зависит от того, как будет преодолён целый ряд проблем, носящих частный характер, которые встают перед практикой расследования. Одной из таких проблем является ситуация информационной неопределённости, которая складывается на начало расследования основной массы преступлений. Вполне очевидно, что её преодоление возможно только посредством восполнения недостающей информации. Но где её взять, если следственные действия ещё не проведены, о информации, полученной в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий явно недостаточно? Этот вопрос встаёт первым перед следователем. Правильность ответа на него предопределяет всё последующее расследование.

Данная проблема решается с помощью теоретических конструкций, основанных на обобщении знаний практики расследования преступлений. Такими конструкциями являются криминалистическая характеристика, следственная ситуация и ряд других, которые достаточно эффективно в настоящее время используются в практике расследования. Они достаточно широко используются и являются средствами, которые серьёзно повышают эффективность расследования. Характерной особенностью этих конструкций является то, что они восполняют недостаток информации на уровне конкретного факта, обстоятельства, деяния знанием, полученным благодаря обобщению имеющейся практике расследования. То есть, конкретное замещается общим, временно решая тем самым проблему недостатка информации на уровне этого конкретного. Временно, потому что сама эта конструкция выполняет лишь вспомогательную роль, состоящую в правильной, безошибочной организации и проведении поисковой деятельности, направленной на выявление и приобщение к делу недостающих доказательств.

К сожалению далеко не все теоретические конструкции оценены по достоинству и далеко не все они по этой причине достаточно хорошо разработаны и изучены. К одной из таких конструкций относится криминалистическая классификация преступлений. Её значение состоит в том, что она позволяет отнести конкретное преступление к той или иной классификационной группе, что позволяет уже в начале предварительного рассле-

дования на основе знания криминалистических признаков соответствующего преступления правильно выстроить алгоритм действий, направленных на поиск доказательств по конкретному уголовному делу. Н.П. Яблоков пишет: «Криминалистические основания классификации преступлений должны быть соответственно значимыми и методически перспективными»[1]. То есть им подчёркивается то, что такая классификация представляет ценность в силу того, что позволяет следователю так организовать свою деятельность, что результатом будет установление всех обстоятельств совершённого преступления при минимальных затратах энергии и сил.

Наибольшее значение криминалистическая классификация имеет на первоначальном этапе расследования. Определение с её помощью классификационной группы соответствующего преступления позволяет определить обстоятельства и соответствующие доказательства на которые должно быть сосредоточено особое внимание следствия. Это позволяет решить вопрос о первоочередных следственных и иных действиях, которые позволят выявить соответствующие доказательства, предотвратить возможное их уничтожение или фальсификацию со стороны виновных в совершённом преступлении лиц.

Конечно же знание того, какое преступление было совершено имеет значение в первую очередь для квалификации этого преступления. Для этого важной является уголовно-правовая классификация, которая немаловажна и для расследования. Этим объясняется то, что уголовно-правовая квалификация полезна и для поисковой деятельности следователя. Ведь вполне очевидно, что он должен знать наличие каких признаков, характеризующих соответствующее преступление, ему необходимо доказать. В этом очевидная связь между деятельностью по квалификации преступления и поисковой деятельностью следователя.

Однако практику расследования не устраивает только уголовно-правовая классификация преступлений, с характерным для неё выделение классификационных групп в соответствии с объектом преступления, то есть совокупностью уголовно-правовых признаков. Как справедливо отмечает Н.П. Яблоков: «В качестве оснований криминалистической классификации преступлений чаще всего выступают отдельные элементы их криминалистической характеристики»[2]. То есть вполне очевидно, что удовлетворить потребности расследования только уголовно-правовой классификацией преступлений нельзя. Необходима и иная классификация, которая бы учитывала те признаки преступления, которые оказались за пределами внимания квалификации преступлений и, соответственно, никак не оговорены в составе соответствующих преступлений.

Ценным в криминалистической классификации является то, что, определяя вполне конкретные классификационные группы преступлений, она позволяет сосредоточиться на наиболее вероятных связях между различными криминалистически значимыми признаками. Это позволяет на основе знания одного из признаков с высокой степенью вероятности говорить о существовании другого, а потому на основе этого знания выстраивать соответствующую следственную деятельность. При этом сводить криминалистическую классификацию только к признакам криминалистической характеристики нельзя. Как справедливо отмечает Н.П. Яблоков: «Основанием криминалистической классификации преступлений могут быть и некоторые особенности следственных ситуаций, возникающих в момент начала расследования»[3].

Названные свойства криминалистической классификации представляют ценность при работе следователя на начальном этапе расследования. С её помощью имеется возможность разрешить достаточно сложные ситуации информационной неопределённо-

---

[1] Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – С. 27.
[2] Там же.
[3] Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – С. 28.

сти. По этой причине криминалистическую классификацию также следует рассматривать, как особого рода теоретическую конструкцию, использование которой способно повысить эффективность проводимого предварительного расследования. С этой целью она должна рассматриваться, как часть частных методик расследования преступлений наравне с криминалистической характеристикой преступлений и следственной ситуацией расследования преступлений.

При этом, нельзя рассматривать криминалистическую классификацию, как особого рода теоретическую конструкцию, созданную из элементов других уже существующих и используемых теоретических конструкций. Существующая связь между ними не должна рассматриваться, как повод к упрощённому представлению о криминалистической классификации, так как она представляет нечто собирательное. Она представляет собой теоретическую конструкцию, позволяющую соединить воедино минимум, имеющейся на момент начала расследования информации о совершённом преступлении, и знания, полученные в результате обобщения следственной практики по уголовным делам о рассматриваемых преступлениях. Это её свойство представляется ценным для оптимизации предварительного расследования, поскольку разрешает проблему информационного дефицита на начальном этапе предварительного расследования. Благодаря названной теоретической конструкции следователь уже на момент начала предварительного расследования имеет возможность хотя бы в общих чертах составить себе картину совершённого преступления.

О.В. Полстовалов

О личности следователя как объекте криминалистического анализа

В статье обосновывается идея о развитии частного криминалистического учения о личности следователя. Автор анализирует проблему исключения субъекта познания – следователя – из предметной области криминалистики, критически подходит к диалектико-материалистическому подходу в этом вопросе. Предлагается с позиций свободной от догм современной теории познания взглянуть на собственный предмет криминалистической науки.

***Ключевые слова**: личность следователя, криминалистика, частное учение.*

O.V.Polstovalov

On the identity of the investigator as the object of forensic analysis

The article explains the idea of the development of private forensic doctrine of the individual investigator. The author analyzes the problem of exclusion of the subject of knowledge - the investigator - in the domain of criminology, a critical approach to the dialectical materialist approach to this issue. It is proposed from the viewpoint of the free from the dogmas of the modern theory of knowledge, to look at the science of forensic own thing.

***Keywords**: personality investigator, forensics, private teaching.*

Рассуждения о личности следователя в контексте профильных криминалистических исследований закономерно провоцируют известные контраргументы. О личности следователя в том или ином ключе говорится осторожно, с оглядкой, без намека не только на криминалистическую проблематику, но даже на тень ее. Ни в одном определении предмета криминалистики теоретико-доказательственного свойства мы не обнаруживаем в познавательно-поисковой направленности служебной задачи науки главного

актора, которому свои рекомендации адресуем. Вместе с тем нельзя не отметить рост интереса к вопросу о реальном обобщенном портрете следователя, его эмпирической репрезентации. Объективность, в которой мы долгое время видели исключительно знания, не зависящие от чего бы то ни было субъективного, случайного, привнесенного, интерпретационного, на волне диалектического материализма из науковедческой проблематики по существу вычеркивала главное звено – познающего субъекта.

Гегемонии единственно верного марксистско-ленинского учения в теории познания, понимании истины и процесса ее постижения давно уже нет, но ключевые ее сегменты прочно засели в различного рода прикладных науках. «В современной борьбе идей ленинская теория отражения, – писал в 1983 году И.Я. Лойфман, – сталкивается с философским идеализмом и ревизионизмом, которые, как и в начале века, пытаются подорвать и «опровергнуть» принцип объективности истины во имя так называемого плюрализма истин, якобы неотделимого от познавательной активности человека и якобы соответствующего потребностям практики и интересам субъекта»[1]. Вместе с тем, И.Я. Лойфман в воспроизведении действительности в различных формах познания (думается, и в прикладном аспекте тоже) видел сложный процесс отображения, преображения и оценки субъекта сообразно природе и потребностям, «а объективность знания, вычленение в знании содержания, не зависящего ни от человека, ни от человечества – результат творческих усилий субъекта»[2]. Удивительный парадокс, когда результат творческих усилий познающего субъекта не зависит от его создателя. И таким казалось аксиоматичным, отлитым в бронзе, некритически принимавшимся «объективным знаниям» всякий раз по объему и содержанию аргументации отдавался абсолютный приоритет. Как справедливо отмечает Л.А. Микешина, в диалектико-материалистической теории познания индивидуальное сознание всецело обуславливалось общественным во всем многообразии форм последнего, при этом внутренний творческий потенциал, неповторимость видения мира и понимания истины самим субъектом в гносеологии было полностью обесценено, «однако сегодня все более осознается, что там, где человек присутствует, он всегда значим и не может быть элиминирован (исключен) без последствий для видения и понимания самого процесса познания или события»[3]. Мы не находим что возразить: исключение познающего субъекта из прикладных социальных наук утилитарного свойства, ориентированных на познание объектов реальной действительности, событий, явлений и фактов прошлого, – ни чем не оправданная дань диалектико-материалистической теории познания.

Криминалисты занимаются самокопанием, говорят о кризисе науки, невостребованности ее ключевых положений на практике, опираясь преимущественно на внешние причины, нелестно отзываясь о распространенности непрофессионализма и недобросовестности среди следователей. Это все верно, но только в части тех следователей, которые действительно не показывают должного профессионализма и элементарной порядочности. Однако эти объяснения лишь односторонний взгляд на проблему. При этом наши рекомендации парадоксально ориентированы на истинного поборника прав и свобод человека и гражданина, верного слугу закона, ответственного, профессионального и добросовестного государственного служащего. Такой традиционный подход не позволяет нам снять розовые очки, в которых мы взираем на современных следователей с презумпцией их высоких профессиональных и личных качеств в главном – в разработке и

---

[1] Лойфман И.Я. Принцип объективности в ленинской концепции истины // Ленинская теория отражения. Истина как гносеологическая категория. Сборник научных трудов. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1983. С. 3.
[2] Лойфман И.Я. Там же. С. 3.
[3] Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования : учеб. пособие. М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. С. 18, 5.

внедрении конкретных рекомендаций по оптимизации досудебного и судебного производства по уголовному делу, главным образом в части доказывания. Однако всякий раз при удобном случае в объяснении невостребованности криминалистических знаний мы в первую очередь обращаем внимание совершенно на обратную сторону обобщенного портрета современного следователя.

Разумеется, речь не идет о том, чтобы разрабатывать приемы и методы для недобросовестных непрофессионалов, которым они не нужны в любом даже максимально рафинированном виде. Важно осознать те ошибки, которые мы допускаем в преподавании криминалистики как дисциплины и в воспитании будущих следователей, понять, что мы упускаем в криминалистике главное: мы совершенно игнорируем необходимость популяризации у студентов высоких профессиональных и нравственных качеств следователя, при этом продолжая делать упор исключительно на операционно-технологическом и логико-психологическом упрощенчестве, предельном пусть даже в рамках закона рационализме. Но как изменить ситуацию в корне без создания частного криминалистического учения о личности следователя? Думается, иного кроме развития этого сегмента науки криминалистики пути нет.

По вопросу о необходимых для следователя качествах Г.Гросс писал как о всех присущих человеку хороших качествах, особо выделяя «неустанное усердие и рвение, самоотвержение и твердость, остроумие и знание людей, образование, безусловно вежливое отношение ко всем, железное здоровье и сведения по всем отраслям знания …»[1]. Г.Гросс точно указал адресата своей работы не только в названии, но и определил феноменологию профессионального и добросовестного судебного следователя в самом существе науки криминалистики по тексту. Удивительно, что никто не упрекнул его во внепредметных отвлечениях. Более того, спустя более чем столетие в том числе и на основе работы Г.Гросса Н.П. Яблоков разработал наиболее продуктивную в современных условиях концепцию криминалистического мышления, которое по его справедливому утверждению «сформировалось именно в недрах криминалистической деятельности по расследованию преступлений, в которой следователям в поисках следов, вещественных доказательств и информации из личностных источников да еще порой в сложных, проблемных ситуациях приходится включать в работу весь арсенал усвоенных им знаний, мыслительных приемов разных наук, личный и обобщенный следственный опыт их применения …»[2]. Так почему бы развивающейся от момента основания науки до современного ее состояния теории личности следователя не стать плоть от плоти частью криминалистики, а может быть и главной стержневой систематизирующей темой, как у Г.Гросса?

Патриархов отечественной криминалистики Н.И. Порубова и Р.С. Белкина в конце их творческого пути привлекла идея рассмотрения профессии следователя в качестве отдельной комплексной проблемы, о чем каждый написал выдающуюся книгу. И если в своей интерпретации профессиограммы следственной работы Н.И. Порубов выразил надежду на то, что его записки, размышления о прожитом, авось, пригодятся «младшим коллегам, хотя бы для того, чтобы не совершать ошибок, через которые проходит каждый профессионал в своем становлении»[3], то цель своей книги, посвященной профессии следователя, Р.С. Белкин видел в том, чтобы «раскрыть смысл и притягательность про-

---

[1] Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Перевод с немецкого. С 4-го дополненного издания перевели Л.Дудкин и Б.Зиллер. СПб.: Типография М. Меркушева. Невский пр., 8, 1908. С. 35.

[2] Яблоков Н.П. Средства криминалистического мышления в следственной тактике // Актуальные проблемы криминалистической тактики: материалы Международной научно-практической конференции (г. Москва, 28 марта 201 4 г.). М.: Юрлитинформ, 2014. С. 311.

[3] Порубов Н.И. Прфессиограмма следственной деятельности: Монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 6.

фессии следователя, ее светлые и темные стороны и показать, как привлекателен для молодого человека путь … к овладению профессией следователя, одной из благороднейших профессий для юриста, которая ведет, по выражению древних, per aspera ad astra – через тернии к звездам»[1]. Безусловно, не все о чем пишут и писали криминалисты есть криминалистика, но факт того, что двое выдающихся ученых в завершении своей творческой деятельности обратились к схожей тематике, не может остаться без внимания. Удивительно, что криминалисты создавали целостное частное учение о личности обвиняемого (В.А. Жбанков, М.А. Лушечкина, П.П. Цветков и др.), и даже отдельно – о личности несовершеннолетнего обвиняемого (И.А. Макаренко), развивали идеи криминалистической виктимологии (В.В. Вандышев, Е.Е. Центров), но о личности ключевой фигуры досудебного производства, то есть лица, осуществляющего уголовное преследование, как о частном криминалистическом учении не желали говорить, поскольку это проблема якобы юридической психологии. Но кто нас криминалистов заставляет отказываться от этой глобальной темы, кроме нас самих, тем более что всякая система познания не может быть совершенной, если не включает в свое содержание всех необходимых элементов?

Мы упорно отстаиваем идею о чистоте предмета криминалистики, отдавая проблемы дефектов практики правоприменения на откуп процессуалистам, загоняя таким образом себя в лабиринты собственной схоластики, отрываясь от реальной действительности логической безупречностью собственных описательных конструкций. Однако опыт работы в аудитории с сотрудниками органов дознания и следствия на курсах повышения квалификации время от времени наводит на мысль о том, что наши изыскания уже давно малоинтересны правоприменителю: в объеме необходимых знаний в профессиональной деятельности по осуществлению уголовного преследования из наук криминального цикла криминалистика занимает по данным нашего опроса почетное третье место, уступая пальму первенства уголовному процессуальному и материальному праву. На вопрос «Какие знания Вы используете в профессиональной деятельности в соответствующих пропорциях?» сотрудники органов уголовного преследования ответили, что на 60% их профессиональная деятельность опирается на знания в области уголовного процесса, на 28 % - на знаниях уголовного права и только 12% от этого общего объема заняла криминалистика. При кажущейся некорректности поставленного вопроса, предвидя упреки в том, что такое распределение пропорций есть признак непрофессионализма тех, кто был опрошен, отметим, что все-таки необходимо оставаться реалистами. А наши постоянные самокопания и изоляция от правоприменения «чистотой» предмета криминалистики привели к тому, что абстрактные описательные криминалистические формулы для конкретных потребителей нашей продукции стали невостребованными. Одновременно живой интерес у профессионально ориентированной аудитории вызывают данные о том, например, как часто заинтересованные лица прибегают к противодействию посредством использования возможностей преюдиции, обжалованием законности и обоснованности возбуждения уголовного дела в порядке ст. 125 УПК РФ, или о том, как повысить «уровень раскрытия до организованного преступления» посредством заверений потенциального субъекта оперативной заинтересованности в применении в последующим особого порядка производства по делу в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве или согласия с предъявленным обвинением и даже при отсутствии оных простым доказыванием фактов наличия пунктов «и» и «к» ст. 61 УК РФ.

[1] Белкин Р.С. Профессия – следователь (Введение в юридическую специальность). М.: Юристъ, 1998. С. 4.

В обществе победившего цинизма и потребительских инстинктов наши тактические приемы обращения к лучшим качествам личности (например, сострадания жертве) все чаще наталкиваются на отсутствие таковых. В оценках слушателей курсов повышения квалификации по данным опроса такая тактика все больше получает «номинаций на премию неэффективность». Однако крайний эгоизм и выторговывание себе преференций от особого порядка производства по уголовному делу, переквалификации деяния на менее тяжкое становятся весьма продуктивной площадкой для ведения переговоров в целях получения необходимой от подобного тактического воздействия обратной реакции.

Как при этом оставаться нравственно чистым профессионалом, отвечать высоким качествам истинного служителя уголовного правосудия, предотвратить негативные тенденции профессиональных деформаций мы не учим будущих следователей, поскольку не удосужились взглянуть на собственный предмет науки с позиции свободной от догм современной теории познания.

А.В. Сибилькова

Информатизация процесса расследования преступлений

В статье освещаются преимущества информатизации процесса расследования преступлений на современном этапе развития криминалистики. Рассматриваются два направления информатизации: технологии, обеспечивающие работу с типовыми документами и технологии обработки криминалистической информации, делающие ее использование наиболее рациональным и эффективным.

***Ключевые слова**: информатизация, расследование преступления, криминалистическая информация.*

A.V. Sibilkova

Informatization of process of investigation of crimes

The article highlights the benefits of informatization of process of investigation of crimes at the present stage of development of criminalistics. It is considered two directions of informatization technologies, designed to work with standard documents and processing technology forensic information, making it the most efficient and effective.

***Keywords**: informatization, investigation of crimes, forensic information.*

Президент Российской Федерации В.В. Путин на коллегии МВД РФ, прошедшей в 4 марта 2015 года, отметил, что, необходимо, прежде всего, повысить уровень раскрываемости преступлений, в том числе прошлых лет. Необходим кардинальный перелом, новое качество работы и органов МВД РФ, и всей правоохранительной системы[1]. Министр внутренних дел РФ В.А. Колокольцев на заседании этой же коллегии отметил, что к числу приоритетных направлений относится оперативно-розыскная и уголовно-процессуальная деятельность по раскрытию и расследованию преступлений. Ежегодно значительная часть преступных деяний остается нераскрытой, вследствие чего потерпевшие не могут рассчитывать на восстановление

[1] http://www.putin-today.ru/archives/9305 Никитин И.М., Смирнова С.А., Божченко А.П., Толмачев А.П. Установление принадлежности следов нескольких пальцев одному человеку / И.М. Никитин, С.А. Смирнова, А.П. Божченко,

своих нарушенных прав. Помимо этого скрывшиеся от правосудия преступники могут представлять повышенную угрозу для окружающих до момента задержания[1].

Причин низкого уровня раскрываемости преступлений очень много, однако особое место в их ряду занимают проблемы организационного, правового, научно-технического и методического обеспечения деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений. В их решение традиционно вносит свой весомый вклад криминалистика, предлагая следственной практике новые и совершенствуя имеющиеся методы и средства собирания информации о лице, совершившем преступление, ее исследования и использования при установлении и розыске такого лица в процессе раскрытия и расследования противоправного деяния.

В настоящее время имеется возможность использования компьютерной техники для создания алгоритма действий следователя по моделированию личности неизвестного преступника, что, безусловно, может способствовать внедрению достижений криминалистики в работу следователей, поскольку предоставит доступные инструменты для работы без необходимости глубокого изучения специальной научной литературы, усвоения отдельных теоретических положений и самостоятельного применения их на практике.

Следует отметить, что информатизация процесса расследования является наиболее трудной, по сравнению с обеспечением работы других служб правоохранительных органов, в связи с тем, что следователь с самого начала расследования имеет дело с большим массивом разнообразной информации. Он должен вычленить из этого массива криминалистически значимую информацию и не допустить при этом ошибок, связанных с трудностями в ее получении, а также с дефицитом времени и часто невысоким профессиональным уровнем. При этом, несмотря на то, что успех расследования, а именно привлечение виновного в совершении преступления лица к уголовной ответственности, напрямую зависит именно от эффективности работы с криминалистической информацией, весьма значительное время тратится следователем на рутинную работу по составлению различных документов процессуального и непроцессуального характера: протоколов, постановлений, запросов, рапортов, в результате чего у него зачастую не остается времени на полноценный анализ криминалистически значимой информации.

В связи с вышеизложенным видится два направления информатизации процесса расследования. Первое – технологии, способствующие максимальной экономии временных и интеллектуальных затрат следователя на составление различных типовых документов. Для этого нужно, чтобы компьютерная программа предоставляла шаблоны всех необходимых на данном этапе расследования документов, обеспечивала доступ к законодательной базе, рекомендациям по тактике производства определенных следственных действий, методическим рекомендациям расследования определенных видов преступлений. Второе – технологии, обработки криминалистической информации, получаемой в ходе расследования, делающие ее использование наиболее рациональным и эффективным, и облегчающие интеллектуальный труд следователя.

В результате изучения современных разработок, можно отметить, что программы первого направления разработаны на достаточно высоком уровне и постоянно усовершенствуются. Так в помощь следователям разработаны и продолжают разрабатываться автоматизированные системы, объединенные в единый функциональный блок «Автоматизированное рабочее место следователя» («АРМ-

[1] https://pda.mvd.ru/document/3172398/ Никитин И.М., Смирнова С.А., Божченко А.П., Толмачев А.П. Установление принадлежности следов нескольких пальцев одному человеку / И.М. Никитин, С.А. Смирнова, А.П. Божченко, 4.

следователя»). «АРМ-следователя» – это комплексы индивидуальных технических и программных средств, предназначенных для автоматизации информационной поддержки процесса предварительного расследования.

Все эти разработки полезны и способны помочь следователю в его работе, однако недостаточно используются в практических органах. В связи с этим, для максимальной экономии временных и интеллектуальных затрат следователя при расследовании как неочевидных, так и очевидных преступлений, видится необходимость широкого внедрения автоматизированных рабочих мест следователя в практические органы следствия.

При этом, представляется важной разработка специальной программы, обеспечивающей работу по расследованию преступлений, совершенных в условиях неочевидности. Информатизация работы следователя путем создания технологий обработки криминалистической информации, получаемой в ходе расследования, делающих ее использование наиболее рациональным и эффективным, и облегчающих интеллектуальный труд следователя, видится актуальной, и у автора есть предложения по ее созданию.

При работе с данной компьютерной программой следователем вначале вводятся данные о преступлении: дата, время и место совершения, уголовно-правовая квалификация по признакам преступления, имеющимся на момент возбуждения уголовного дела, криминалистические особенности преступления. Далее на мониторе появляются неотложные следственные действия, которые необходимо провести по данному уголовному делу. Далее программа показывает виды источников информации, которые могут быть обнаружены на первоначальном этапе расследования данного преступления (при осмотре места происшествия, опросе очевидцев). Следователем отмечаются имеющиеся следы.

После внесения данных о наличии следов, программа дает рекомендации по работе с ними, предлагается перечень наиболее целесообразных действий с имеющимися следами для получения криминалистически значимой информации: проверка по учетам, назначение экспертиз, рекомендуются вопросы диагностического характера, которые следует задать.

Кроме следов на материальных объектах, в результате совершения преступления могут остаться идеальные следы. Специфичность работы с ними состоит, во-первых, в том, что задача следователя в этом случае не ограничивается правильной постановкой вопросов эксперту (как при назначении экспертизы по горячим следам), роль следователя приобретает первостепенное значение, поскольку он самостоятельно производит допрос человека, обладающего информацией о преступнике. Во-вторых, в этом случае для получения наиболее полной информации необходима, в первую очередь, правильная оценка всех характеристик источника этой информации, то есть человека, который наблюдал преступника.

При работе с идеальными следами на монитор компьютера выводятся следующие характеристики допрашиваемого, из которых следователь должен выбрать соответствующие человеку, с которым ему предстоит работать: по отношению человека к событию преступления; по полу; по возрасту; по национальности; по готовности помогать следствию; по качеству мысленного образа.

После этого программа предлагает следователю перечень тактических приемов, подходящих для работы с конкретным человеком, учитывающих его особенности, и перечень вопросов, которые необходимо задать при допросе.

Далее появляется таблица с источниками информации, которые имеются в распоряжении следователя, и свойствами и признаками преступника, которые можно

получить в результате их изучения, для того, чтобы по мере поступления диагностической информации о преступнике, ее можно было сразу заносить в программу и ничего не забыть.

Далее вся полученная и занесенная вышеуказанным образом информация для удобства работы с ней автоматически представляется программой в системе свойств преступника. За основу этой системы были взяты классификации свойств и признаков человека с точки зрения работы с ними в процессе расследования преступления. Свойства человека подразделяются по распространенности среди лиц, совершающих аналогичные преступления на: очень часто встречаемые (более 85%), часто встречаемые (85%-31%), редко встречаемые (30%-15%) и очень редко встречаемые (менее 15%). Поисковая значимость при этом возрастает от первой группы к последней.

Каждая из этих групп свойств может быть представлена признаками. Признаки разделяются по возможности их маскировки на немаскируемые, частично маскируемые и маскируемые. Поисковая значимость немаскируемых признаков выше, чем у частично маскируемых, а у них, соответственно, выше, чем у маскируемых.

Данный подход является альтернативным по отношению к предложенным ранее структурам криминалистической модели личности неизвестного преступника, включающим в себя, например, биологический (антропологический, антропологический, биохимический, функциональный), социальный (общегражданский, семейно-бытовой, профессиональный, антиобщественный) и психический (психологический, психопатологический) компоненты[1], либо признаки, характеризующие преступника как объект реального мира и как личность (социально-демографические, функциональные, психические и др.); признаки типа связей и отношений (отношений преступника к потерпевшему, похищенному имуществу, к местности, на которой расположено место происшествия и т. д.); признаки преступника как субъекта криминальной активности и объекта, участвующего в процессе следообразования (действия до, в ходе и после совершения преступления, следы на теле, одежде преступника и на взаимодействовавших с ним объектах и т. д.)[2]. Преимущество предложенного подхода, на наш взгляд, состоит в том, что следователю наглядно предоставляются свойства и признаки, наиболее перспективные для поиска преступника, и у него нет необходимости искать их среди малозначительных признаков.

Характеристики свойств и признаков преступника по частоте встречаемости и возможности маскировки присвоены на основании изучения архивных уголовных дел, опроса практических работников органов следствия, собственного практического и экспериментального опыта автора, изучения статистических данных о лицах, совершивших преступления, содержащихся в отчетности органов внутренних дел (статистические карты формы № 2).

Следует отметить, что некоторые ученые ранее уже использовали статистические данные, полученные при изучении аналогичных преступлений, для создания так называемого «среднестатистического вероятностного психологического портрета преступника»[3], то есть в качестве криминалистической модели преступника предлагалось использовать совокупность наиболее часто встречаемых характеристик лиц, совершивших аналогичные преступления. Со справедливой критикой такого подхода выступили многие

---

[1] Мухин Г.Н., Каразей О.Г., Исютин-Федотков Д.В. Криминалистическое моделирование личности неустановленного преступника и его преступного поведения: научно-практическое пособие / под общ. ред. Г.Н. Мухина. – М.: Юрлитинформ, 2012. С. 46.

[2] См.: Протасевич А.А. Поисковый портрет преступника как интегративная система. Иркутск, 1998.

[3] Демидов Н.Н. Изучение личности преступника в процессе расследования: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 176-180.

ученые[1], отмечая, что он игнорирует конкретность и индивидуальность каждого преступления.

Нами используется статистика, но не для создания типовой, усредненной модели преступника, а с противоположной целью. Полагаем, что значимость каждого свойства возрастает настолько, насколько оно реже встречается у лиц, совершающих аналогичные преступления, поскольку позволяет выделить из круга лиц, которые могут быть причастны к совершению этого преступления, одно конкретное лицо.

Автоматически занесенная информация располагается по порядку в соответствии с поисковой значимостью каждого установленного признака.

Поисковая значимость свойств в строках возрастает снизу вверх. То есть наименее значимыми можно считать очень часто встречающиеся свойства, которые выражаются маскируемыми признаками. Наиболее значимыми – очень редко встречающиеся свойства, выражающиеся немаскируемыми признаками. Такое расположение, на наш взгляд удобно для работы с этими признаками, поскольку наглядно показывает, на какие нужно обращать внимание в первую очередь. При этом если информация о наличии определенного признака поступает из нескольких источников, например при исследовании различных видов следов, она становится на первое место в своей группе, поскольку ее достоверность возрастает. Если же информация об одном и том же свойстве преступника, поступающая из различных источников, противоречива, вписываются все полученные сведения, но они выделяются цветом.

При этом следует отметить, что свойства могут выражаться признаками разных категорий и поэтому иметь разную поисковую значимость в зависимости от объекта, на котором оставлены, и метода их исследования. Например, признаки пола человека, если говорить об их восприятии очевидцем, частично маскируемые, поскольку в силу различных обстоятельств, они могут быть восприняты неправильно и очевидец может ошибиться. В тоже время, если на месте происшествия оставлены следы биологического происхождения, их исследование может дать достоверный вывод о поле человека и повлиять на содержание этих признаков преступник не может, поэтому они относятся к немаскируемым. Размер ноги был отнесен к немаскируемым признакам, так как определенную цифру может назвать эксперт после изучения следа обуви на основании измерений или исходя из маркировки на обуви, а идеальные следы, как правило, не содержат данных о размере обуви.

Также нельзя забывать и об отрицательных значениях признака. То есть для того, чтобы исключить человека из круга подозреваемых лиц, у него должен отсутствовать признак, наличие которого установлено у преступника. Значимость таких свойств также возрастает в таблице снизу вверх.

---

[1] Столяренко А.М. Психологические приемы в работе юриста практ. псобие. М.: Юрайт-М, 2001. С. 232; Китаева В.Н. Судебно-психологическая экспертиза при расследовании тяжких преступлений против личности: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2002. С. 165; Исаенко В. Организация расследования серийных убийств // Законность. 1999. № 2 (772). С. 4; Коновалов С.И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики: монография. Ротов-на-Дону: РЮИ МВД РФ, 2001. С. 119; Мухин Г.Н., Каразей О.Г., Исютин-Федотков Д.В. Указ соч. С. 33

Д.А. Степаненко

Криминалистическое познание: уровни и их соотношение, методологическая основа

Статья посвящена проблеме повышения качества и практической ценности криминалистических исследований, «криминалистического научного продукта». Рассматриваются гносеологические основы научно-познавательной деятельности в криминалистике; уровни криминалистического мышления, их роль в формировании криминалистического знания, соотношение; общие методы познания, как основного элемента методологии познавательной деятельности.

***Ключевые слова**: научное знание, уровни научного знания, методология криминалистического познания, методы познания в криминалистике.*

D.A.Stepanenko

Forensic knowledge: levels and their ratio, the methodological framework

The article is devoted to improving the quality and usefulness of forensic investigations, "Forensic Science product." We consider the epistemological foundations of scientific and cognitive activity in criminalistics; Forensic levels of thinking, their role in the formation of forensic expertise, value; general methods of knowledge as the main element of the methodology of cognitive activity.

***Keywords**: scientific knowledge, levels of scientific knowledge, methodology of forensic knowledge, knowledge of methods in criminalistics.*

Обращение к теме гносеологических основ научных исследований в современной криминалистике не является случайным. Криминалистическая наука в очередной раз находится в состоянии самоопределения и самоидентификации. Об этом свидетельствуют не прекращающиеся дискуссии о предмете науки, её структуре, основных парадигмах научных взглядов; появление новых частных криминалистических теорий (учений); а также недостаточная реализация прогностической функции криминалистики (некоторое «запаздывание» науки в борьбе с новыми видами преступлений, ярким примером чего сегодня могут служить преступления в сфере компьютерной информации. Криминалисты, безусловно, откликаются на вызовы времени, но этот отклик носит несистемный характер, «вдогонку» к уже сложившейся ситуации и существующим проблемам). «…Процесс постоянного пересмотра и обновления устаревших понятий, формулировок, исходных теоретических посылок, неизмеримо возросшая роль науки в развитии … общества – всё это обусловливает необходимость детального исследования гносеологических основ научных исследовании, анализа развития научного знания». Отношение знания к реальности, как известно, определяется основными принципами познавательной деятельности: тождеством мышления и бытия (принцип познаваемости мира); диалектикой процесса познания; общественной практикой как основой познаваемости мира. Новая реальность требует переосмысления арсенала познавательных средств, методов, поиска новых подходов к изучению явлений, процессов действительности.

Анализ диссертационных работ, защищенных по научной специальности 12.00.09 (до разделения специальностей) и 12.00.12 с 2011-2015 гг., позволил сделать некоторые выводы. Так, в научных исследованиях предпочтение отдаётся частной криминалистической методике – 60% диссертаций, вопросам криминалистической тактики посвящено 20% диссертаций, чуть меньше показатель по криминалистической технике (в который были включены диссертации по судебно-экспертной проблематике) – 16%, и 5% – пока-

затель количества диссертационных работ по общей теории криминалистики. Эти цифры подтверждают прикладной, практикоориентированный характер криминалистики, создающий научный продукт для обеспечения практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, судебному следствию. Тематика работ детерминирована не только реальными потребностями практики, её выбор связан с принадлежностью к существующей научной школе и научным интересом и исследовательской активностью её руководителя и вдохновителя. Разработки такой школы будут представлять эмпирические теории, сформулированные на основе исследовательских программ с общим для них «ядром». Немалую роль в выборе темы диссертационного исследования имеют противоречия между исследовательскими программами разных научных школ, что свидетельствует о внутренне присущем современной криминалистике духе методологического критицизма. Конкурирующие программы изучают и пытаются объяснить один и тот же эмпирический материал, и побеждает лучшая программа! Правда, никто не делал попыток выработать критерии оценки исследовательской программы как единственно правильной и дающей истинный результат (если такого вообще можно достигнуть).

Как известно, разрабатываемые наукой рекомендации, предлагаемые методики, технологии, «научный продукт» криминалистических изысканий должны быть, прежде всего, научно обоснованы и сформулированы на прочной методологической базе исследований.

Использование соответствующего и адекватного задачам, стоящим перед исследователем, научно-познавательного «инструментария»: методов, способов, приёмов, процедур и технологий, имеет немаловажное значение и детерминирует качество и практическую полезность научных разработок. Нельзя не согласиться с утверждением, что «коэффициент практической отдачи мог бы быть значительно выше, а сами рекомендации эффективней и точней в обстоятельствах их обоснования в соответствии с устоявшейся научной методологией». Методы научного криминалистического исследования должны быть подобраны в соответствии с его основными задачами: выявление и изучение закономерностей преступной деятельности и деятельности криминалистической, разработка соответствующих теорий или учений, формирование на их основе научно-методических рекомендаций для практической деятельности.

Среди частных криминалистических методик, как показывает анализ диссертационных работ, большой удельный вес принадлежит методикам расследования преступлений в сфере экономической деятельности и должностных преступлений, что отображает состояние российского общества и предпринимаемых государственных мер по борьбе с актуальной на сегодняшний день экономической преступностью. Несмотря на интенсивное распространение преступлений в сфере информационной безопасности, диссертационных работ по этой проблематике немного: из 127 диссертаций всего 4 было защищено по этой проблематике за указанный период. Но число публикаций по вопросам квалификации, расследования, доказывания по данному виду преступлений в юридических журналах с каждым годом растет, что вселяет надежду на появление в ближайшее время востребованных уже методик расследования преступлений в сфере компьютерной информации, создание эффективных методических рекомендаций по расследованию преступлений, совершаемых в глобальной сети Интернет.

Разработка частной криминалистической методики расследования того или иного вида преступления и формирование криминалистической теории (учения) требуют разных методологических подходов, являясь конечным результатом познавательной деятельности исследователя, осуществляемой на чувственном, эмпирическом, теоретическом уровнях. Мы опускаем метатеоретический уровень, который принадлежит общенаучному, философскому знанию. Криминалистические научные исследования предпола-

гают три первых уровня (и это закономерно, так как криминалистика – наука прикладная), базирующихся на знании философии.

Необходимо оговориться, что речь пойдёт о методах научного познания, методы практической деятельности являются производными и требуют самостоятельного рассмотрения.

Итак, в методологическом аспекте криминалистика, как и любое научное знание, представлена различными уровнями: чувственное знание, эмпирическое знание, теоретическое знание. Безусловно, эти уровни взаимосвязаны и взаимообусловлены, находятся в диалектическом соотношении. Очевидно, что методы, способы, процедуры, приемы познавательной деятельности трех уровней несколько разнятся, когда речь идёт о создании практически значимого, эффективного алгоритма действий для лица, ведущего расследование, поддерживающего уголовное обвинение, осуществляющего судебное следствие, или, когда целью является системное конструирование общетеоретических положений, принципов, понятий, классификаций, которые впоследствии становятся методологической базой дальнейших теоретических и эмпирических исследований.

Традиционно методы познания в криминалистике подразделяются на: всеобщий метод, которым служит диалектический метод; частные методы, как системы определенных приемов, правил, рекомендаций по изучению конкретных объектов, явлений, предметов, фактов; специальные методы исследования. Для рассмотрения методов научного познания в контекстном поле уровней познания актуально использовать деление их: на методы чувственного познания; методы эмпирического познания; методы теоретического познания. Каждому уровню научного познания соответствует своя система методов, процедур, свой «аппаратный инструментарий», правильное и эффективное использование которых позволит повысить качество и эффективность криминалистических разработок, их полезность для практики. Следует помнить, что научный метод должен соответствовать цели, уровню познания, предмету познания и техническим возможностям исследователя. Характеристикой метода познания также является его изменяемость в условиях научно-технического прогресса. Так, современные методы научного познания, безусловно, должны развиваться, модифицироваться в сторону максимального использования операциональных информационных технологий для быстрой обработки полученных данных, теснейшей связи функционально-операциональной системы мышления исследователя с искусственно генерированной интеллектуальной системой (искусственным интеллектом) машин. Безусловность этого процесса детерминирована быстрым становлением инфоматизированного общества, расширением информационно-коммуникативного пространства, появлением новых возможностей, открывающихся в связи с бурным развитием компьютерных систем и информационных технологий.

Среди юридических наук криминалистика выделяется, прежде всего, своим двойным предметом познания (с одной стороны изучает закономерности преступной деятельности, так или иначе влияющие на формирование доказательственной информации по уголовному делу, с другой – закономерности поисково-познавательной деятельности лиц, ведущих расследование, поддерживающих государственное обвинение, или осуществляющих судебное следствие) и своим мультиинтегративным характером, сохраняя при этом свою юридическую природу. Мультиинтегративность современной криминалистики проявляется в том, что она представляет собой сложную единую систему знания, основывающуюся на различных областях, видах и уровнях современного научного знания. Все достижения иных наук (естественных, технических, гуманитарных), могущих дать серьёзный коэффициент полезного действия, воспринимаются криминалистикой и адаптируются к целям раскрытия и расследования преступлений. К основным тре-

бованиям научного знания, в том числе и криминалистического, относятся: определенность, системность, методологичность, объективность, доказанность, проверяемость, адаптивная полезность (практическая эффективность), рефлексивность, открытость к критике, способность к изменению и улучшению.

Единицами научного знания являются: классификации, факты, законы, закономерности, принципы, исследовательские программы, теории, модели, четко сформулированные исследователем выводы… Со всем этим мы встречаемся и в криминалистике.

Выделение уровней научного знания связано с качественной спецификой их содержания, познавательных методов и обоснования их истинности. Не менее важна проблема их взаимосвязи и поступательного перехода с первого уровня чувственного познания до уровня теоретического создания научной теории. «Задача заключается в том, чтобы, опираясь на методологическое единство все разновидностей процесса познания – как в науке, так и в практической деятельности, выяснить специфику каждой из этих разновидностей; вооружать исследователя – ученого и практика – необходимым арсеналом познавательных приёмов и средств, отражающих особенности конкретного предмета познания». Познание осуществляется постепенно от внешних чувственно-воспринимаемых слоев до невидимых и неощущаемых органами чувств «первокирпичиков» единой материальной субстанции.

Уровень чувственного научного знания образуют данные наблюдения и эксперимента. Чувственное знание зависит от приборов, от интересов исследователя, от интерпретации полученных данных. Критерием объективного чувственного познания является норма восприятия, которая должна быть одинакова для исследователей. Такой уровень познания характерен, прежде всего, для судебного эксперта, специалиста, непосредственно воспринимающего объект исследования.

Научное наблюдение – метод и целенаправленный процесс получения чувственной информации об исследуемом объекте, осуществляемый при помощи различных приборов, измерительной и иной техники, в соответствии с когнитивным и/или практическим интересом. Из большого разнообразия свойств объекта эксперт в соответствии с установкой, целями, намерениями, задачами эксперта, на формулирование которых оказывает влияние и следователь, назначивший судебную экспертизу, акцентирует внимание на тех, что позволяют продолжить распознавание, решить диагностическую, идентификационную, классификационную задачи исследования. Объективность полученной информации будет зависеть от воспроизводимости результатов наблюдения и однозначности получаемой информации.

Вторым методом чувственного познания является научный эксперимент. В отличие от научного наблюдения при эксперименте появляется возможность контролируемого воздействия на отдельный материальный объект или процесс.

Результаты использования этих двух методов дают возможность перейти на следующий уровень познания – эмпирический. «Смысл этой ступени заключается в том, что к содержанию чувственного знания применяется мышление и происходит ее рациональное моделирование и закрепление в определенном научном дискурсе (научном языке)». Эмпирический язык представлен, как правило, графиками, диаграммами, схемами, он символичен. К общенаучным эмпирическим методам можно отнести: анализ и синтез, сравнение, классификацию, абстрагирование, научное описание, обобщение, индукцию, выдвижение гипотез (объяснение и предсказание), дедуктивное выведение из них и проверяемых опытным путем следствий, аналогию, моделирование, экстраполяцию. В результате применения этих методов исследователь получает эмпирическое научное знание. Получив чувственное знание, исследователь продолжает его мыслительную об-

работку, моделирует в мышлении, несколько абстрагируясь от объекта. В результате появляется множество высказываний об исследуемом объекте.

Единицами эмпирического знания являются: научные протоколы – первичные описания результатов наблюдения и экспериментов; научные факты – констатируемые устойчивые, существенные связи между некоторыми свойствами объектов исследования; эмпирические законы – констатация особого вида связей между изучаемыми явлениями или их свойствами (причинно-следственные зависимости, отношения постоянного совместного присутствия свойств, стабильности взаимодействий и взаимосвязи и т. п.); системы эмпирических законов и эмпирических фактов (феноменологические теории). Наивысшим уровнем эмпирического познания в науке является эмпирическая теория. Отличительной чертой теории является степень её общности и логическая форма. Эмпирические теории представляют собой рационально организованную систему законов и принципов (носящих фундаментальный, аксиоматический характер) определенной предметной области. Они изучают отдельные стороны предмета криминалистики и служат научной основой для того или иного раздела и разработки криминалистических средств, приёмов, рекомендаций. Частные криминалистические теории имеют различную степень общности. Так, криминалистическая идентификация носит более общий характер, чем, например, теория судебно-почерковедческой, трасологической, баллистической и т. п. идентификации, которые конкретизируются в процессе экспертной деятельности (судебно-медицинские исследования, проводимые в рамках решения задачи идентификации орудия нанесения травмы по следам на костях и хрящах и др.) В свою очередь, криминалистическая теория распознавания является общей для криминалистической идентификации и диагностики. Степень разработанности частных криминалистических теорий неоднородна. Наиболее разработаны теория криминалистической идентификации, учение о криминалистической версии и планировании расследования, о механизмах следообразования. Есть теории, которые продолжают формироваться: криминалистическая ситуалогия, учение о способах совершения и сокрытия преступлений, о навыках, о криминалистической регистрации, теория криминалистического прогнозирования, теория тактических комбинаций (операций), теория о тактико-криминалистических средствах и приёмах… Появляются новые: учение об информационном следе, учение о криминалистическом распознавании…

Что касается теоретического знания, то оно связано с познавательной деятельностью ученого, направленной на теоретическую научную реальность (фрагмент универсума, составляющий предметную область соответствующей науки). Это идеализированная, абстрактная, субъективная (так как является явлением сознания) реальность, полученная путем создания теоретических объектов исследования, представляющих не что иное как «мысленную сущность, конструированную разумом как его имманентный продукт», их систем с корреляционными связями, зависимостями и т. п.

Можно выделить несколько стадий теоретического познания:

1. Формирование теоретических (идеальных) объектов;
2. Определение свойств, признаков, характеристик объектов познания и их взаимосвязей;
3. Построение логически доказательной модели теоретической реальности (научной теории);
4. Проверка научной теории на соответствие требованиям научности;
5. Демонстрация её эффективности в решении теоретических проблем определенной области знания;
6. Демонстрация возможностей её эмпирической интерпретации и практического применения;

7. Обоснование её преимуществ по сравнению с конкурирующими теориями.

Как мы видим, основными единицами теоретического познания являются идеальные объекты и их системы. Такие объекты могут быть базовые и производные.

Методами теоретического знания являются: идеализация через предельный переход от наблюдаемых свойств эмпирического объекта; мысленное конструирование.

Всё вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что приступая к разработке той или иной криминалистической проблемы, следует четко определиться с целью исследования, понять какой уровень научного мышления станет основой для рассуждений, и правильно определить научно-методологический инструментарий, который позволит создать качественный научный продукт.

Методологическая основа познавательной деятельности в криминалистике формируется исходя из принципа интеллектуально-исторической преемственности и с учетом сложившейся системы философских и научно-мировоззренческих идей, позиций, совокупности научных достижений, научных традиций и, так называемой, методологической культуры познания.

Очевидно, что при научном исследовании должен применяться не один метод, а несколько взаимосвязанных и взаимообусловленных, представляющих собой определенную целостную оригинальную систему, в которой они будут логически объединены. Методы познания должны дополнять друг друга, давать возможность получить точные и всесторонне обоснованные новые знания о сущности изучаемых явлений, объектов, процессов. Они специально подбираются для конкретного исследования и составляют его методологию, включающую и принципы построения, формы и способы научного познания. Методология как совокупность исследовательских процедур, техник и познавательных методов, приемов сбора и обработки данных с одной стороны позволяет объяснить изучаемые факты, с другой – позволяет получить новые знания, значимые с практической точки зрения. Именно методология определяет, в какой мере, собранные фактические данные могут служить реальным и надежным основанием знания. В теоретическом (фундаментальном) познании мы, как правило, говорим о методологии исследования. При рассмотрении эмпирического познания уместнее говорить о «методологической схеме» или «методологических подходах» в научном исследовании. Любая диссертация, итогом которой становится эмпирическая теория, должна иметь свою уникальную «методологическую схему», которую можно определить как систему объединенных общей целью и задачами методов, приёмов и средств производства новых знаний о конкретном предмете исследования, органично связанных с объектом исследования.

Методология («методологическая схема») и организация исследований должна учитывать ряд системных характеристик: потребность исследований, четкое определение целей, предмета исследования, границ исследования. А также выбор адекватных средств (ресурсов) и методов исследования, этапов его проведения, эффективность и результативность исследований. Результат исследования будет неточным, ошибочным, если будут неправильно подобраны методы, составляющие основу познавательной деятельности ученого. Недоступность каких-либо методов для исследователя ставит под вопрос проведение самого исследования.

Нам импонирует предложенная в философской литературе классификация методов, используемых в научном познании: 1. Методы сбора данных, без которых ни одно исследование невозможно – например, изучение документов, наблюдение, опросы, эксперимент, сбор статистических данных и т. п.; 2. Методы научных исследований, результатом применения которых является не появление информации, а появление нового знания – абстрактно-логический, проектный, моделирование, прогнозирование и др.; 3.

Методы познания как методы собственно мыслительной деятельности ученого, в результате применения которых появляется обоснованное, взвешенное, приближенное к истинному знание – анализ и синтез, индукция и дедукция, классификация, обобщение и абстрагирование, сравнение и аналогия, интерпретация данных и т. д. существует логическая последовательность их применения.

Правильные «методологические схемы» позволят избежать так называемых методологических ловушек и, как следствие, неверных выводов, позволят за видимыми, очевидными явлениями распознать глубинные сущностные характеристики изучаемого предмета, закономерности развития и т. п., а не только описывать очевидные формы и проявления изучаемых явлений, процессов.

А.В. Ткачев

Информационные факторы обстановки совершения преступления

В статье рассматривается влияние новых информационных технологий на такой элемент криминалистической характеристики как обстановка совершения преступления. Автор предлагает выделить в качестве самостоятельного элемента обстановки совершения преступления информационные факторы. Рассматриваются некоторые особенности преступной деятельности и деятельности по расследованию преступлений, с учетом влияния на них информационных факторов.

***Ключевые слова**: криминалистическая характеристика преступлений, обстановка места происшествия, новые информационные технологии, преступная деятельность, расследование преступлений.*

A. V. Tkachev

The information factors of the condition of a committed crime.

The article discusses the influence of new information technology on the condition of a committed crime as an element of criminalistic characteristic. The author suggests to mark information factors as an independent element of the committed crime. In the article some peculiarities of criminal behavior and behavior of investigation of crime is shown, including information facts.

***Keywords**: criminalistic characteristic of crime; condition commission of crime; new information technology; criminal behavior; investigation of crime.*

Криминалистическая характеристика преступлений (информационная модель преступления) стала одним из важнейших теоретических положений криминалистики, в значительной степени определяющим направление научных исследований в криминалистике на современном этапе.

Одним из отцов основателей данного научного направления по праву является профессор Н. П. Яблоков. Во многом благодаря трудам Н.П. Яблокова криминалистическая характеристика преступлений превратилась в системообразующий элемент любой методики расследования преступлений. В его работах много внимания уделялось разработке как общих положений криминалистической характеристики преступлений, так и

исследованию ее отдельных элементов, в том числе и обстановки совершения преступлений[1].

Н.П. Яблоков очень подробно рассмотрел понятие и структуру обстановки совершения преступления. Предложенная им концепция структуры обстановки совершения преступления является наиболее полной с точки зрения выделения отдельных факторов (элементов), образующих обстановку совершения преступления. В число факторов обстановки совершения преступлений автором включаются временные факторы, пространственно-конструктивные факторы, природно-климатические факторы, физико-химические факторы, вещественные факторы, производственно- бытовые факторы, поведенческо- психологические факторы, другие факторы объективной реальности[2]. Важно отметить, что список факторов не является законченным, что вполне оправдано, поскольку при совершении конкретных преступных деяний их обстановку могут определять и иные обстоятельства.

Предложенная структура обстановки совершения преступления еще до недавнего времени полностью отвечала потребностям практики правоохранительных органов при расследовании абсолютного большинства преступлений.

В последние годы в связи с повсеместным развитием новых информационных технологий в российском обществе сформировалась устойчивая тенденция превращения информации в самостоятельную производственную силу, создана мощная ИТ индустрия. В отечественной юриспруденции прочно утвердилась понятие «информационных отношений» как самостоятельных общественных отношений.

В данной связи представляется, что структура обстановки места происшествия, концепция которой была создана до вступления нашего общества в состояние постиндустриального (информационного) общества может быть скорректирована за счет выделения в ней самостоятельной составляющей - информационных факторов. Представляется, что информационная составляющая обстановки места происшествия тесно связана, но не совпадает с пространственно-конструктивными и производственно- бытовыми факторами. Так, территориальное расположение (пространственно-конструктивный фактор) технических устройств, фиксирующих обстановку в месте совершения расследуемого деяния (производственно- бытовой фактор), может находиться достаточно далеко от места, где физически хранится информация, полученная с помощью таких устройств.

Присутствие информационных элементов пока характерно не для всех преступлений. В большинстве тех преступных деяний, где информация не может быть отделена от ее материального носителя без изменения либо информации либо материального носителя, где пространственное расположение информации и ее материального носителя совпадает, выделение информационных факторов в качестве самостоятельного элемента обстановки места происшествия вряд ли будет оправданным.

В то же время не стоит связывать наличие в обстановке совершения преступления информационной составляющей только с компьютерными преступлениями или с иными видами преступлений, в которых новые информационные технологии выступают как неотъемлемый элемент способа (механизма) совершения преступления или являются частью предмета посягательства. Представляется, что информационные элементы могут существенно определять обстановку совершения и традиционных преступления, например, краж, грабежей и других корыстно-насильственных преступных деяний.

---

[1] А.Н. Васильев, Н.П. Яблоков. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984, Н.П. Яблоков. Криминалистическая методика расследования. М., 1985, Н.П. Яблоков. Криминалистика. Учебник для вузов. М., 2013 и др.

[2] Н.П. Яблоков. Криминалистическая методика расследования. М., 1985, с. 52-64, Н.П. Яблоков. Криминалистика. Учебник для вузов. М., 2013, с.32-33.

Рассмотрим основные факторы, обуславливающие появление в обстановке места происшествия самостоятельной информационной компоненты. Думается можно выделить следующие группы таких факторов: технологические, экономические, правовые и криминалистические.

Технологические факторы:

- внедрение систем видеонаблюдения, охраны, регистрации, основанных на использовании компьютерной техники и телекоммуникационных систем;

- применение электронных устройств, использующих «облачные» технологии, которые в частности обеспечивают обработку и хранение получаемой с помощью таких устройств информации на пространственно удаленных машинных носителях информации;

- создание электронных устройств для повседневной жизни человека, управляемых дистанционно и имеющих выход в глобальные и локальные информационно-телекоммуникационные сети (в том числе появление «Интернета вещей»).

Экономические факторы:

- осуществление предпринимательской деятельности на основе вышеуказанных технологий (электронные платежи, совершение сделок на электронных площадках, оформление их путем электронного документооборота и т. д.);

- перевод на новые информационные технологии общественных связей в обществе между гражданами и государством, гражданами и коммерческими организациями, гражданами и гражданами и т. п.;

- увеличение числа лиц, которые непосредственно создают товары (работы, услуги) в информационных сетях, а также тех, кто непосредственно потребляет товары (работы, услуги) в таких сетях.

Правовые и криминалистические факторы:

- расширение видов доказательственной информации, источники которой находятся в компьютерных устройствах и информационно-телекоммуникационных сетях;

- отставание в разработке правовых средств, которые бы обеспечили легализацию вышеуказанных видов доказательственной информации и включение их в действующую систему права;

- увеличение числа преступлений, совершаемых с использование новых информационных технологий, или против объектов данных технологий;

- усиление требований по защите частной жизни граждан, при применении новых информационных технологий, включая защиту от государственного контроля;

- появление технических средств и методов, позволяющих оперативно, без использования специальных знаний получать информацию из электронных устройств, автоматизированных банков и баз данных, информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивая при этом высокий уровень ее защиты от несанкционированных изменений.

Поскольку информационная компонента обстановки совершения преступления не совпадает с другими ее элементами, то это оказывает влияние как на действия преступника, так и на действия следователя по собиранию доказательственной информации.

К информационным факторам, препятствующим преступнику в совершении преступлений, а также облегчающих его раскрытие можно отнести:

- появление новых источников доказательственной информации, которые более точно по сравнению со свидетельскими показаниями фиксируют действия преступника непосредственно на месте преступления, при подготовке к нему, сокрытию следов (например, информация, полученная с помощью систем наблюдения, охраны, регистрации, информация, отображающая территориальное положение мобильных устройств связи и т. п.);

- передача, хранение информации, обрабатываемой электронными устройствами преступников, свидетелей, потерпевших, в удаленных «облачных» информационных хранилищах, что позволяет получать доступ к такой информации даже в случаях утраты самих устройств, удаления соответствующих сведений в указанных технических средствах и т. д. ;

- установление данных о различных элементах криминалистической характеристики преступлений, например, способе, механизме, личности жертвы или правонарушителя, по информации, содержащейся в информационно-телекоммуникационных сетях (сведения в социальных сетях, сайтах, посещаемых преступником, чатах и др.).

Преступники все в большей мере начинают осознавать наличие указанных и некоторых других информационных факторов и принимают меры к тому, чтобы нейтрализовать их в ходе совершения преступления и/или его сокрытия. В частности, правонарушители приобретают нелегальные или похищенные мобильные устройства или их элементы (сим-карты), удаляют криминалистически значимую информацию о себе или о преступлении в социальных сетях, принимают меры к маскировке признаков внешности не только непосредственно в момент совершения преступного деяния, но и на маршруте движения к месту преступления и от него, пытаются получить доступ к системам наблюдения, охраны и регистрации с целью их временного (постоянного) блокирования, отключения, перевода их под контроль преступника.

В случае, когда вышеуказанные источники доказательственной информации были обнаружены правоохранительными органами и использовались при раскрытии и расследовании преступлений, правонарушители принимают меры к попытке опорочить их процессуальным путем. В качестве типовых способов дискредитации, применяемых преступниками данном случае можно выделить:

- подчеркивание повышенной уязвимости данных, полученных из компьютеров и информационно-телекоммуникационных сетей по сравнению с традиционной информацией;

- указание на отсутствие технических и программных средств, обеспечивающих защиту такой информации от несанкционированных изменений и /или не позволяющих установить факт внесения несанкционированных изменений в соответствующие данные;

- акцентирование внимания на процессуальных и тактических нарушениях, допущенных правоохранительными органами при обнаружении, фиксации и изъятии новых видов доказательственной информации, в том числе на отсутствие у следователя, оперативного работника технических или программных средств, обеспечивающих неизменность указанной информации при вовлечении ее в уголовное судопроизводство.

В литературе уже обращалось внимание на особенности следственных действий, которые вызваны удаленным расположением информации от места производства соответствующего действия[1].

Однако в новых условиях отдельных рекомендаций по проведению таких действий будет недостаточно. Видимо целесообразно выделить в качестве одной из задач следствия комплексное исследование информационных объектов, основанное на как можно более полном учете информационной компоненты обстановки совершения преступления. Это подразумевает обнаружение всех информационных объектов, являющихся частью обстановки совершения преступления; принятие мер к оперативному ознакомлению с криминалистически значимой информацией и к ее надлежащей процес-

[1] Вехов В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки. Волгоград, 2008, с.264-268; Волеводз А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества. М., 2002, с.204-207; Осипенко А.Л. Сетевая компьютерная преступность. Теория и практика борьбы. Омск., 2009, с.64-67 и др.

суальной фиксации с учетом ее технологических особенностей; обеспечение надлежащей технической и правовой защиты данных как на физическом, так и на логическом уровне.

В.Ю. Толстолуцкий

Методологические аспекты современной криминалистики в работах Н.П. Яблокова, стоящие за понятием «специфическое криминалистическое мышление»

Статья посвящена методологии криминалистики. Анализируются публикации Н.П. Яблокова и Р. С. Белкина и показываются причины излагаемых ими противоположных научных парадигм. Делается вывод о том, что позиция Н.П. Яблокова представляет собой новую научную парадигму.

***Ключевые слова**: методология криминалистики, парадигма, мышление следователя.*

V.Yu. Tolstolutsky

Mothdological aspect of criminalistics in publications of N.P. Yablokov on the issue of the investigators thinking

The article is devoted to the methodology of criminology. Analyzed publications N. P. Yablokov and R.S. Belkin and shows the reason they occupy opposite scientific paradigms. The conclusion is that the position of N.P. Yablokov is a new scientific paradigm.

***Keywords**: criminalistics methodology, paradigm, thinking of the investigator.*

Термин «специфическое криминалистическое мышление» неоднократно употребляется Н. П. Яблоковым для выделения особой области исследований криминалистической науки. Подчеркивая актуальность научной разработки проблем, существующих в этой области, корифей отечественной криминалистики с сожалением констатирует, что отечественная криминалистика не сформировала традиции обучения следователей мыслительной деятельности, несмотря на то, что именно специфическое криминалистическое мышление обеспечивает высокую эффективность профессиональной деятельности. Вот что автор пишет по этому вопросу: «Не сложилось у нас и той школы, о необходимости которой писал Ганс Гросс, считая, что без обучения в ней следователей должной мыслительной деятельности их профессиональная деятельность не может быть высокой»1.

Профессор Н. П. Яблокова совершенно прав в определении двух аспектов, которые необходимо учесть при решении поставленной задачи:

1. Когда он указывает содержание проблемы, которая должна стать предметом исследования, определяя ее содержание как «осмысление и выделение содержания мыслительной деятельности современных следователей»;

2. Когда в качестве начала исследования он очерчивает свою методологическую позицию, тем самым указывая ту единственно правильную точку зрения, которая позволяет раскрыть специфическое содержание мышления следователя.

[1] Яблоков Н.П. Некоторые проблемы криминалистики в свете сегодняшнего дня. Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 141. (С. 137-141).

Объясним причины, по которым следует отнести позицию Н.П. Яблокова к методологической по своему характеру. Анализ следственного мышления, казалось бы, является частной проблемой по отношению ко всей криминалистике. Но в постановке и решении Н. П. Яблоковым этой частной проблемы обнаруживается фундаментальная теоретическая концепция, противоположная концепции Р.С. Белкина.

Отдавая дань уважения Р.С. Белкину, как теоретику криминалистики, отметим, что зачастую его формулировки не проникали «в плоть и кровь» прикладных криминалистических исследований. Взяв за исходную точку исследования научно-технический прогресс и его преобразующее влияние на науку в целом, в работе 2001 года, посвященной злободневным вопросам российской криминалистики, Р.С. Белкин совершенно однозначно формулирует свою методологическую позицию, на которой базируются все его публикации: «Цель нашего исследования диктует необходимость выяснить содержание и формы влияния научно-технического прогресса на науку как социальный феномен…»[1].

На основе представлений Т. Куна о цикличности развития науки, Р.С. Белкин указывает, что период 1960-70 гг. стал для большинства частных наук периодом смены научной парадигмы. В этот период научно-техническая революция изменила научную картину мира в целом, вызывая соответствующую смену представлений об объекте и предмете своего исследования во всех частных науках. Олицетворением указанного процесса стал Р.С. Белкин, который прямо определил свой вклад в развитие криминалистики как реализацию новой научной парадигмы. Раскрывая процесс смены научной парадигмы в криминалистике, обусловленный внешними для криминалистики причинами, вызванными научно-техническим прогрессом, Р.С. Белкин пишет: «Совершенно естественно и то, что он не мог не коснуться и криминалистики, бурно развивавшейся в эти годы. Та исходная парадигма, которая лежала в основе криминалистических исследований в предшествующие указанному моменту годы, и которая выражалась в общепринятом, «традиционном» определении предмета криминалистики как науки о приемах, средствах и рекомендациях в области борьбы с преступностью, изжила себя и нуждалась в замене. Определение предмета криминалистики (как выражение принятой научной парадигмы) требовало принципиального пересмотра … потому, что оно не соответствовало современным представлениям о предмете частной науки как формы отражения человеком действительности, как области знания»[2].

Выделяя законы развития криминалистики, Р. С. Белкин руководствовался следующим правилом: закономерности развития науки в целом, присущи и развитию частных наук, включая криминалистику. Эти представления Р.С. Белкина стали новой научной парадигмой криминалистики, определили на десятилетия вперед способ криминалистического мышления. Использованный метод перехода от общего к частному логически безупречен, но его результат оказался внешней характеристикой криминалистической науки для многих традиционных областей криминалистики. Не случайно автор не продемонстрировал сформулированные им законы развития криминалистики на конкретных примерах. Ему не позволило это сделать отрицание понятия «криминалистическая деятельность». Используя тот же формально-логический подход, Р.С. Белкин построил следующее умозаключение: если нет и не может быть «криминалистических правоотношений», то нет и криминалистической деятельности, а есть деятельность процессуальная, оперативно-розыскная или административно-правовая[3]. Приведенное умоза-

[1] Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М. НОРМА. 2001. С. 13.
[2] Там же. С. 15.
[3] Там же. С. 237.

ключение, верно в первой своей посылке – нет криминалистических правоотношений, но не верно в своем выводе.

Правильное решение вопроса мы находим у Н. П. Яблокова. Не возражая против экспансии новой научной парадигмы, он призывает не терять из вида криминалистику. По этой причине он занимает противоположную позицию и в своих научных изысканиях берет за точку отсчета специфическую криминалистическую деятельность, как фактически существующую реальность. Тем самым вся логика вышеприведенных рассуждений Р. С. Белкина переворачивается с головы на ноги, то есть возвращается в естественное состояние. Такой методологически правильный подход позволяет Н.П. Яблокову раскрыть суть и специфику многих абстрактно сформулированных Р.С. Белкиным закономерностей, включая закономерности развития науки криминалистики. Приведем формулировки, изложенные Р.С. Белкиным: «Трем общим законам развития науки в криминалистике соответствуют такие специфические законы ее развития: во-первых, связь и преемственность между существующими и возникающими криминалистическим концепциями; во-вторых, активное творческое приспособление для целей судопроизводства современных достижений тех наук, чьи положения не могут быть прямо, непосредственно, без специального приспособления использованы в практике борьбы с преступностью; в-третьих, обусловленность криминалистических рекомендаций потребностями практики и совершенствование этой практики на базе положений криминалистической науки; … »1. Отметим, что второй закон был назван законом криминалистической трансформации достижений естественных и технических наук с целью их приспособления к решению задач уголовного судопроизводства. Следует обратить внимание на то, что у Р.С. Белкина этот закон применяется лишь к естественным и техническим наукам, тогда как достижения наук о мышлении оставались у автора за рамками влияния этого закона.

Существенно новым аспектом позиции Н.П. Яблокова стало то, что он одним из первых среди отечественных криминалистов прямо поставил проблему криминалистической трансформации достижений наук о мышлении и формировании на этой основе качественно нового явления - «специфического криминалистического мышления». При этом автор совершенно справедливо переворачивает постановку проблемы, ставя на первое место факт априорного существования специфического мышления следователя, а развитие его за счет достижений иных наук рассматривает как вторичное явление, как дополнительный источник его совершенствования. Уверенно можно утверждать, что Н. П. Яблоков не только раскрывает действие закона криминалистической трансформации на новом объекте криминалистического исследования, но и переосмысливает общие закономерности развития науки криминалистики, выраженные в указанных законах.

Изящное применение Н.П. Яблоковым закона криминалистической трансформации можно увидеть в том, как он сам трансформирует и включает в собственную научную позицию положения оппонента Р.С. Белкина о необходимости усвоения криминалистикой достижений иных наук в виде «использования приемов математической логики, приемов теории игр, теории рефлексивных игр, методов эвристики, информационного моделирования, фактологического анализа и др.». Учитывая изложенное Н. П. Яблоков упрочняет собственную позицию путем переставления акцента в действии законов развития криминалистики: «В настоящее время формирование навыков такого мышления у следователей может зиждиться не только на использовании методов логики, психологии и чувственно-научными методами, которые рекомендовал Ганс Гросс и Э. Анушат, но и на использовании приемов математической логики, приемов теории игр,

[1] Белкин Р.С. Курс криминалистики. Уч. пособие. М. ЮРИТИ-ДАНА. Закон и право. 2001. С. 169. (837 с.)

теории рефлексивных игр, методов эвристики, информационного моделирования, фактологического анализа и др. Однако для того, чтобы следователи действительно стали обладателями, по крайней мере, большинства этих мыслительных приемов и их мышление было в полном смысле специфическим криминалистическим мышлением, необходимо чтобы вопросы осмысления и выделения содержания мыслительной деятельности современных следователей и дидактической практики обучения ими стали одним из важных направлений криминалистических исследований».1 В приведенной цитате ключевым является последнее предложение, поскольку в нем автор нацеливает криминалистов на изучение новой области - «осмысление и выделение содержания мыслительной деятельности современных следователей». Мы согласны с автором, что вначале надо признать наличие криминалистической деятельности и соответствующего ей специфического мышления, а также выделить решаемые в ходе ее производства задачи, поскольку лишь после этого открывается возможность подбора, путем криминалистической трансформации, адекватных средств из иных наук, обеспечивающих эффективное решение следственных задач.

Не следует забывать, что криминалистическая деятельность несоизмеримо старше современной науки, которая возникла не более чем 400 лет назад. В свое время, Г. Гросс и И. Ф. Крылов указывали на достижения касты следопытов – «кхоях», которая занималась розыском преступников по следам. Для обозначения вида их деятельности И. Ф. Крылов использовал понятие «криминалистическое следоведение»2. Он писал: «Свою «родословную» криминалистическое следоведение ведет от практики народных следопытов. Конечно, деятельность их носила чисто эмпирический характер, но тем не менее она явилась истоком, положившим начало развитию криминалистического учения о следах»3.

Разработка научных основ криминалистики за счет включения в нее научных методов и понятий представляет собой закономерный и необходимый этап развития криминалистики. В отечественной криминалистике этот этап, составивший развитие все еще доминирующей научной парадигмы, начался с Е. Ф. Буринского, был продолжен А. И. Винбергом и оформлен Р.С. Белкиным в виде общей теории криминалистики. При всей позитивной работе, которая была выполнена, на сегодняшний день эта позиция становится все менее эффективной и пришло время смены научной парадигмы.

Мы настаиваем на том, что позиция Н.П. Яблокова представляет собой сегодня, в информационном обществе XXI века, новую криминалистическую парадигму, и именно она станет основной повышения эффективности компьютеризации следственной деятельности. Покажем, что вышеприведенная позиция Р.С. Белкина, выражающая парадигму 60-70 годов прошлого века, является причиной недопустимо малой эффективности от внедрения информационных технологий в расследование. Устаревшая парадигма просматривается в самом термине «информационное обеспечение следственной деятельности».

Под термином «информационное обеспечение следственной деятельности» понимается – «специально организуемая и целенаправленно осуществляемая деятельность по созданию, обслуживанию и совершенствованию информационных систем, служащих выполнению задач раскрытия и расследования преступлений»4. Из определения видно,

---

[1] Яблоков Н.П. Некоторые проблемы криминалистики в свете сегодняшнего дня. Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 141-142. (С. 137-141).
[2] Крылов И.Ф. Криминалистическое учение о следах. Ленинград. Изд-во ЛГУ. 1976. С. 4.
[3] Там же. С. 4 - 5.
[4] Ищенко П.П. Информационное обеспечение следственной деятельности. Научно-практич. Пособие. Под ред. Е.П. Ищенко. М. Юрлитинформ. 2011. С. 3. (168 с).

что в центре внимания разработчиков стоят информационные системы, а цели и задачи деятельности по выявлению и раскрытию преступлений остаются априорно заданными. Так оно и получается, поскольку для авторов, вслед за Р.С. Белкиным, нет никакой криминалистической деятельности. Авторы не видят необходимости смены своей методологической позиции, н смотря на то, что сами констатируют негативный характер реального положения дел в отношении эффективности работы всей системы правоохранительных органов, и это при множестве «внешне позитивных изменений в плане обеспечения следователей компьютерной техникой, программными продуктами»1. П.П. Ищенко пишет: «Однако достижения информационных технологий в деятельности следственных аппаратов реализованы лишь в незначительной степени. Ни кардинального увеличения раскрываемости преступлений, ни улучшения качества их расследования, ни увеличения «выхода» уголовных дел у следователей, и сокращения сроков следствия пока не наблюдается. Очевидный прогресс заметен лишь в сфере оформления материалов уголовных дел и делопроизводства в следственных подразделениях. Поэтому современное состояние информатизации деятельности органов предварительного следствия совершенно справедливо оценивается специалистами как находящееся в начальной стадии и «фрагментарное»2.

Парадокс заключается в том, что тот же самый научно-технический прогресс, который привел в 1960-70-х годах к смене научной парадигмы, вновь стал причиной смены парадигмы в криминалистике в начале XXI века. Появление информационных технологий требует разработки новой теоретической концепции, поэтому «фрагментарным» состояние информатизации деятельности органов предварительного следствия останется фактом до тех пор, пока не будет признана устаревшей научная парадигма 1960-70-х годов и принята новая научная парадигма, представленная работами Н. П. Яблокова.

---

[1] Ищенко П.П. Информационное обеспечение следственной деятельности. Научно-практич. Пособие. Под ред. Е.П. Ищенко. М. Юрлитинформ. 2011. С. 3. (168 с).

[2] Ищенко П.П. Информационное обеспечение следственной деятельности. Научно-практич. Пособие. Под ред. Е.П. Ищенко. М. Юрлитинформ. 2011. С. 3. (168 с).

А.В. Холопов

Системный подход как основа формирования профессионального мышления в криминалистике

В статье рассматривается системный подход, позволяющий в криминалистике в процессе познания использовать системный анализ и сформировать системное мышление. Системное мышление является основой формирования профессионального мышления в криминалистике.

***Ключевые слова**: системный подход; познание преступления; системное мышление; системный анализ.*

A.V. Holopov

System approach as the basis of formation of professional thinking in forensic science

The article is devoted to the use of a systematic approach as the basis of cognitive technologies in the application of forensic knowledge in prosecutorial activity. The system approach allows the subject to use the knowledge of systems analysis and systems thinking form.

***Keywords**: system approach; the knowledge of the crime; systems thinking; systemic analysis.*

Практически любая наука или научная дисциплина в ходе своего исторического становления учит исследователя не просто собирать и структурировать факты или совершать последовательность действий, а учит его мыслить. Применительно к криминалистике это выявление особенностей мыслительных операций в процессах познания преступления в деятельности субъектов применения криминалистических знаний. Соответственно описание закономерностей мыслительных операций и формирование профессионального мышления. В этом случае, основа образовательного процесса в юриспруденции и в криминалистике в частности, как учебной дисциплины должна строиться на обучении теоретическим и практическим знаниям и навыкам мыслительной деятельности в процессах познания в области правотворчества, правоприменения, правонарушения и противодействия преступности.

По нашему мнению, основой такого профессионального мышления в криминалистике является системное мышление, позволяющее познавать сложные многоэлементные объекты (явления), к которым и относится преступление и сложную деятельность по противодействию преступности.

Системный подход составляет основу системного мышления, которое в свою очередь, является практически высшей формой развития системного подхода в деятельности человека по познанию сложных объектов и явлений.

«Системный подход не дает непосредственного нового знания, главное в нем – своеобразное видение объекта, своеобразная «технология» исследования, ориентация на такие представления, как целостность, организация, управление»[1].

Приведем мнение В.В. Клочкова: «Недооценка возможностей использования системного подхода в отдельных науках замедляет их развитие, препятствует адекватной оценке совокупности полученных результатов исследований, способствует консервации

[1] Яковлева, Э.В. Системный подход: материалистическая диалектика // Диалектика познания и современная наука / Э.В. Яковлева. – М.: Мысль, 1973. – С. 205.

устаревших представлений о предмете науки, понятий и терминологии»[1].

Практическим воплощением системного подхода в познании различных объектов как систем является системный анализ. Соответственно, на основе знаний теории систем и системного анализа формируется системное мышление субъекта познания. В юриспруденции проводятся научные исследования, посвященные использованию системного мышления[2].

Одним из первых исследователей, предложивших использовать в криминалистике системный подход в виде системного (структурного) анализа был А.И. Винберг, рассматривавший данный вид анализа при определении предмета криминалистики и соотношения ее разделов[3].

В дальнейшем, Р.С. Белкин, описал общие положения системно-структурного подхода[4].

Также, одним из первых в криминалистике системный подход в познании преступления предложил Г.А. Густов, именуя его системно-деятельностным подходом в расследовании преступлений[5].

Познание преступления как системы, а также системная деятельность по противодействию преступности, предполагает совершение сложных мыслительных операций в работе, например, следователя или прокурора.

Изучение особенностей мышления в работе следователя способствовали появлению в криминалистике термина «криминалистическое мышление».

Термин «криминалистическое мышление» учеными-криминалистами был воспринят по-разному. Так, например, концепцию следственного мышления предлагал А.Р. Ратинов, вкладывая в её содержание решение следователем мысленных задач, мысленное моделирование в рассмотрении версий, планирование и т.д[6].

Достаточно негативно данные концепции были восприняты Р.С. Белкиным, который назвал данные разработки увлечением крайностями[7].

Однако, дискуссия о концепции криминалистического мышления и вопросах особенностей мыслительной деятельности в решении криминалистических задач исследуется учеными-криминалистами и настоящее время. Так, Т. С. Волчецкая, П. А. Шамшиев, Е. В. Краснов рассматривают американский и российский подход к феномену «криминалистического мышления» и описывают термин «forensic mindset», в переводе на русский язык означающий «мышление детектива» и «мышление расследования[8].

---

[1] Клочков В.В. Актуальные проблемы теории законности и прокурорского надзора: монография / сост.: А.В. Клочкова, О.В. Пристанская; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации – М., 2012. – С. 250.

[2] См: Капустин А.А Системное мышление для правоведов (вопросы методологии): монография / Капустин А.А. - С.-Пб.: СПбГИЭУ, 2011. – 158 с.

[3] Винберг А. И. К вопросу о методе системного (структурного) анализа при определении предмета криминалистики и соотношения ее разделов. // Вопросы теории криминалистики и судебной экспертизы. - М., 1969, Вып. 1 – С. 15-20.

[4] Курс криминалистики: Общая теория криминалистики. В 3-х томах. Т. 1 / Белкин Р.С. - М.: Юристъ, 1997. - с. 390-391.

[5] Густов Г.А. К определению криминалистического понятия преступления // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - С.-Пб.: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ, 2000, № 2. - с. 79.

[6] См: Ратинов А.Р. Вопросы следственного мышления в свете теории информации // Вопросы кибернетики и право / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1967. С. 180–199.; Гранат Н.Л., Ратинов А.Р. Решение следственных задач. Учебное пособие / Гранат Н.Л., Ратинов А.Р. - Волгоград: НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1978. - 94 с.

[7] Курс криминалистики: Общая теория криминалистики. В 3-х томах. Т. 1 / Белкин Р.С. - М.: Юристъ, 1997. - с. 169.

[8] Волчецкая Т.С., Краснов Е.В., Шамшиев П.А. Российский и американский подходы к изучению феномена "криминалистическое мышление" // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. - Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013, Вып. 9. - С. 93-100.

Полагаем излишним углубляться в рассмотрение дискуссионных вопросов о возможности существования концепции «криминалистического мышления» в криминалистике. Но считаем необходимым отметить, что если данная концепция получит свое научное развитие, то системное мышление должно быть основанием (фундаментом) такого развития.

Рассмотрим некоторые проблемы методологического характера, связанные с использованием и развитием системного мышления как основы формирования профессионального мышления в криминалистике, учитывая то, что «системность научного мышления определяется как раз тем, что в нем есть и вопрос (проблема), и ответ на него (решение проблемы)»[1].

Одной из проблем методологического характера является поиск новых научных знаний в криминалистике. Криминалистика на протяжении всей истории своего развития интегрировала знания гуманитарных и естественно-технических наук для их использования в процессе расследования преступлений. Иными словами, криминалистика является наукой синтетической[2], представляющей собой сплав гуманитарных и естественно-научных знаний, сфокусированных на решении задач поиска, обнаружения, фиксации, изъятия и исследования различного рода объектов-следов преступления.

Возникает вопрос поиска информации, её обработки и адаптации для нужд криминалистики. Закономерен вопрос – как найти необходимое научное знание для развития криминалистики? Тем более, что генерирование новой научной информации и открытий совершается на стыке наук – в рамках междисциплинарных исследований. А в условиях противоречия парадигм гуманитарных и естественных наук ситуация ещё более усложняется.

Эта проблема актуальна для субъектов применения криминалистических знаний (практических работников: экспертов-криминалистов, следователей и прокуроров), поскольку криминалистика накопила настолько большой массив научных знаний, что для его эффективного использования необходимо обладать не фрагментарным (секторным) фактологическим (бессвязным) восприятием, но целостным, системным восприятием. Это может быть достигнуто только с помощью развития системного мышления, как основы профессионального мышления субъектов применения криминалистических знаний.

Логическое следствие вышеописанной проблемы, можно выразить в следующей проблеме - кризис управления системой знаний.

Расследование преступлений, поддержание государственного обвинения, научное исследование, обучение являются процессами управления информацией и знаниями. Для развития криминалистики необходимо интегрировать новые знания. Для этого необходимо осознавать степень сложности развития системы знаний в самой криминалистике и степень сложности развития гуманитарных и естественных наук. Возникает вопрос о наличии осознания степени сложности состояния криминалистики как системы знаний и вектора её развития и, соответственно, какое научное знание необходимо для обеспечения такого развития. Такое развитие может быть обеспечено только целостным осознанием (системное мышление) накопленной научной информации, как в криминалистике, так и в науке в целом.

---

[1] Честнов И. Л. Проблемы и перспективы юридической науки XXI века. // Юриспруденция XXI века: горизонты развития: Очерки / Под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. СПБ.: Санкт- Петербургский университет МВД России, 2006. - С. 76.

[2] Белкин Р. С. Природа науки. Криминалистика в системе научного знания (глава из кн. 200 1 г.) // Белкин Р. С. Избранные труды. − М. : Норма, 2009 – С. 696.

Говоря о развитии системного мышления в криминалистике, возникает парадоксальная кризисная ситуация. Дело в том, что системное мышление основано на знаниях в области кибернетики, системного подхода (общей теории систем, системного анализа) теории информации, теории управления, синергетики, психологии. Эти знания являются фундаментом развития системного мышления в любой науке, включая юриспруденцию и криминалистику в частности. В современной криминалистике данные знания, конечно же, используются, но достаточно фрагментарно, и не оформляются как единый фундаментальный системный методологический подход, результатом которого является формирование системного мышления как основы профессионального мышления в криминалитике.

Ещё одной, на наш взгляд, важной проблемой в формировании профессионального мышления в криминалистике, является отсутствие теоретического описания объекта познания, а именно, отсутствие теории преступления. Философ К. Поппер приводит интересное и удачное определение теории. «Теории — это сети, предназначенные улавливать то, что мы называем «миром», для осознания, объяснения и овладения им. Мы стремимся сделать ячейки сетей все более мелкими»[1].

В процессе познания и изучения структуры объекта (системы) и последующего его моделирования необходимо располагать системой знаний о закономерностях познаваемого объекта и методах его исследования. Результатом такого процесса познания является получение модели преступления, как наиболее удобного объекта для изучения. К таким моделям преступления можно отнести как всё уголовное дело в целом, так и криминалистическую характеристику преступления, содержащуюся в методике расследования в частности. Конкретнее, моделированию предшествует этап изучения системы, а для этого необходимы знания об общих закономерностях устройства системных объектов, а также об особенностях строения преступления как системы.

В этом смысле, в несколько ином свете предстает высказанное ранее Р.С. Белкиным суждение, что криминалистическая характеристика преступления не оправдала возлагавшихся на неё надежд и представляет собой фантом[2].

При отсутствии полноценной криминалистической теории преступления и соответственно методологии познания преступления как системы, криминалистическую характеристику невозможно в полной мере отнести к полной, всесторонней, объективной и адекватной информационной модели преступления.

Одним из первых вопрос о необходимости разработки криминалистической теории преступления поднимал Г.А. Густов[3].

Считаем, что фундаментом построения криминалистической теории преступления является системный подход в виде общей теории систем и системного анализа, а также кибернетика, синергетика, теория информации и теория управления.

Также проблемой является, использование методов познания системных объектов в криминалистике. Для познания системы необходимо применять системный метод, т. е. системный анализ. В криминалистке практически не рассматривается и не используется такой научный метод познания, как системный анализ. Вероятно, это связано с тем, что системный подход, являясь целым направлением в философии и методологии научного познания, описывается в учебниках криминалистики как один из обще-

---

[1] Поппер К. Логика научного исследования. – М.: Прогресс, 1983. – С. 82

[2] См.: Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Белкин Р.С. - М.: Инфра-М-НОРМА, 2001. - С. 219 – 221.

[3] Густов Г.А. К определению криминалистического понятия преступления // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - С.-Пб.: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ, 2000, № 2. - С. 79.

научных методов. Конечно же, мы не стремимся абсолютизировать системный подход как универсальный научный метод познания.

Системный анализ преступления, можно представить как технологию организации мыслительной деятельности, направленную на последовательное проникновение в структуру объекта и познание его элементарных частей с выявлением их свойств, функций и взаимосвязей, позволяющих рассматривать преступление в целом как систему. Далее построить модель преступления – уголовное дело.

Системный анализ как метод познания преступления, как в деятельности следователя, так и государственного обвинителя состоит из следующих основных этапов: 1. Поиск, обнаружение и формулировка возможных проблем (трудностей) в поддержании государственного обвинения; 2. Изучение структуры преступления, отраженного в уголовном деле, как системы, анализ ее компонентов, выявление взаимосвязей между отдельными элементами; 3. Моделирование системы «преступление»; 4. Проверка адекватности, достоверности и объективности полученных моделей системы «преступление»; 5. Исследование и оценка ресурсных возможностей государственного обвинения при реализации модели преступления в судебном следствии; 6. Выработка и принятие решений.

Для успешного и эффективного использования системного анализа как научного метода познания преступления в виде системы событий и фактов, отраженной в уголовном деле, считаем необходимым ввести в курс подготовки следователей и государственных обвинителей учебные занятия, посвященные основам теории систем и системному анализу, а также теории информации и управления с учетом специфики уголовного судопроизводства. Вообще, подобные знания должны быть подробно представлены в курсе криминалистики. Полагаем, что это создаст базу для повышения квалификации и станет организующей (связующей) основой, объединяющей и систематизирующей все профессиональные знания для формирования особого типа аналитического системного мышления у субъектов применения криминалистических знаний.

Естественно, следователя или прокурора необходимо учить системному мышлению ещё на студенческой скамье. Об этом, в рамках концепции криминалистического мышления, пишет Н.П. Яблоков[1].

Таким образом, полагаем, что именно системный подход (системная методология) и организованная на его основе мыслительная деятельность - системное мышление должны являться фундаментом формирования профессионального мышления в криминалистике.

[1] См: Яблоков Н.П. Основные тенденции развития криминалистики как науки и учебной дисциплины в современной России // Вестник криминалистики. - М.: Спарк, 2011, Вып. 4 (40). - С. 9 - 17.

С.В. Шошин

Развитие методологии судебной идентификации в России

Автором исследуются актуальные для современной практики перспективы развития методологии судебной идентификации. В значительной степени на такое развитие оказывает влияние развитие научного и технического прогресса. Приводится иллюстрации с указанием достижений иностранных коллег.

***Ключевые слова**: методология, криминалистика, идентификация, развитие, судебная.*

S.V. Shoshin

The development of the forensic identification methodology in Russia

The author studies the prospects of the development of the forensic identification methodology which are relevant to modern practice. Such a development is largely affected by scientific and technical progress. Illustrations of foreign achievements are done.

***Keywords**: a methodology, criminalistics, an identification, a development, forensic.*

Вопросами прогнозирования развития теории судебной идентификации занимались многие российские и зарубежные авторы[1].

После опубликования (успешной защиты) в 1970 году М.Я. Сегаем диссертации по теме «Методология судебной индентификации» на соискание ученой степени доктора юридических наук, и до сегодняшнего дня учеными также продолжают разрабатываться и перспективные направления ее развития.

К числу подобных перспективных направлений, актуальных для производства дальнейших исследований, можно назвать, в частности, направления, связанные с использованием информационных (телекоммуникационных) технологий. Связано это с тем, что, как справедливо заметил Салтевский М.В., «Украина и Россия позже других технологически высокоразвитых государств дальнего зарубежья … вступили в информационное общество…».[2] В качестве примера можно указать совершенствование исследование коротких сообщений (СМС[3]), передаваемых посредством сотовой связи и (или) направленных с использованием какой-либо из существующих сегодня социальных сетей.

К имеющимся в арсенале экспертов (специалистов) возможностям определения номера телефона сотовой связи и IMEI (International Mobile Equipment Identity) аппарата, с которого было направлено такое сообщение, вполне может быть добавлена возможность весьма точного (до 1,5-2,5 м) определение точки местонахождения отправителя этого сообщения в пространстве в трех системах координат (широта, долгота, время). Имеется и потенциальная возможность увеличения качества автороведческого исследования, применительно к анализируемым коротким сообщениям.

---

[1] См., например: Корухов Ю.Г. Прогнозирование развития теории и практики судебных экспертиз// Роль судебной экспертизы и криминалистики в раскрытии и профилактике преступлений.- Одесса, 1994.- С.с. 23-24; Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: курс общей теории.- М., 2006.- С. 203; Микляева О.В. Общие положения частной теории криминалистической экспертизы следов и обстоятельств выстрела// LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). – 2010. – № 4.- С. 842; и др.

[2] Салтевский М.В. Новый подход в технологии собирания и исследования информационных следов// Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. - С. 377.

[3] См.: Сергеева К.А. SMS-сообщение как объект судебной автороведческой экспертизы// Актуальные проблемы российского права. 2009. - № 3 - С. 635 - 643.- С.с. 635 и др.

Актуальным и перспективным направлением развития методологии судебной идентификации является повышение валидности (надежности) получаемых по результатам его применения информации (выводов и (или заключения) эксперта, специалиста). Потенциал для дальнейшего повышения его значения – огромен. Примером, иллюстрирующим сказанное, является содержание многих заключений дактилоскопических экспертиз, выполненных по уголовным делам экспертами в Саратовской области. Для категорического вывода об обнаруженном сходстве в отпечатках следов пальцев рук здесь используется значительно меньше признаков, чем соответствующими лицами правоохранительных и иных силовых органов США, производящих подобные экспертные исследования. Автору, изучившему более 300 российских экспертных заключений по таким исследованиям, не довелось, к сожалению, обнаружить ни в одном из них своеобразного «веера» из более 20 с лишним указаний, выделенных графически наглядно на таблицах общих и частных признаков, установленных по каждой из таких же экспертных работ в США. Вероятно, в дальнейшем, количество и значение совпадений, обнаруженных при производстве в РФ дактилоскопических экспертиз, будет изменено в сторону повышения. Соответствующие изменения, как предполагается, следует внести и в методологию научной деятельности по идентификации на территории РФ, и в методологию практической деятельности по такой идентификации. В данном аспекте следует поддержать точку зрения А.М. Зинина и И.Н. Подволоцкого, считающих, что принято различать методологию научной и практической деятельности[1]. Аналогичное мнение высказано было и В.Я. Колдиным[2].

Как минимум, такая корректировка методологии судебной идентификационной экспертизы уменьшит число ошибочных случаев осуждения. Как максимум, будет сформирован новый подход к трактовке экспертной этики. Принимая во внимание отсутствие необходимости в значительных по объему инвестициях для реализации такой инновации, станет возможным включение (уже в измененном состоянии) материалов по такой идентификации в учебники, учебные программы и т. п. издания, используемых в сфере российского высшего юридического (как минимум) образования. Вполне можно допустить это как весьма актуальный шаг к интеграции образования, полученного на территории РФ, с результатами деятельности иностранных высших учебных заведений.

Процессы глобализации, происходящие в современном мире, не должны обойти и, как минимум, сравнение методологии судебной идентификации, существующей (разработанной) в России с аналогичными методологиями, имеющимися в иных странах. Перспективной и показательной может оказаться деятельность по сравнению с методологиями экспертной (судебной) идентификации, действующей в современных США. У методологии, используемой экспертами в США, актуальным и интересным для российских коллег является не только отношение к показателю валидности произведенного исследования. Особого внимания в США заслуживает процедура обеспечения безопасности персонала (эксперта и иных лиц) при работе с потенциально опасными объектами. Хотя автором и было опубликовано об этом в печати несколько работ[3], от реализации

---

[1] См., Зинин А.М., Подволоцкий И.Н. Документоведение как самостоятельная отрасль криминалистической техники// Lex Russica (Научные труды МГЮА). №1. 2005. - С. 122 и др.

[2] См.: Криминалистика: Учебник/ Отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. – С. 78-79. Цит. по: Смахтин Е.В. Некоторые аспекты методологии криминалистических научных исследований// "Российский юридический журнал". - Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2010, № 1 (70). - С. 122-125.

[3] См., например: Шошин С.В. Некоторые проблемы обеспечения безопасности персонала (сотрудников правоохранительных и иных органов) и других граждан в процессе осуществления осмотра места происшествия, проводимого в рамках первоначального этапа расследования террористических актов, связанных с применением взрывных устройств// Российская система противодействия терроризму: проблемы, механизмы реализации

предложений в экспертной практике на территории РФ это отделяется значительным пространством. Соответственно, и предложение о внедрении в экспертную практику в РФ израильского опыта, при котором, при возникновении обоснованного подозрения в безопасности персонала, предназначенный (потенциально) для экспертного исследования объект – подлежит принудительному уничтожению. Не принимая даже во внимание место его фактического обнаружения. В основном это касается взрывчатых веществ (взрывных устройств). Даже ставшие известными юридической общественности происшествия с весьма высокопоставленными сотрудниками российских силовых структур по аналогичным обстоятельствам, к сожалению, не повлияли на стабильность существующих в РФ методологий научной и практической деятельности по идентификации (как минимум, в аспекте обеспечения безопасности персонала). Объяснение здесь очень простое: для внедрения таких инноваций требуется изменение мировоззренческих концепций, свойственных прежнему периоду развития отечественной истории, при котором интересы охраны жизни конкретного человека (в данном случае – эксперт, специалиста), должны стать выше любых иных интересов. Статистика количества человеческих жертв среди лиц из числа персонала при ошибках (с чьей-либо стороны) при работе с взрывчатыми веществами (взрывными устройствами) на территории РФ – наглядно иллюстрирует сложившуюся ситуацию, а, потому, - не доступна широкой общественности. Поэтому следует полностью согласиться с мнением З.И. Кирсанова, обоснованно включающего систему мировоззренческих концепций в определение понятия «методологии криминалистики»[1]. Похожая точка зрения была свойственна и Р.С. Белкину[2].

Следует согласиться и с мнением В.Я. Колдина, обоснованно считающего, что одним из типов функций современной методологии является выявление смысла научной деятельности (постановка проблем и выдвижение гипотез)[3].

Одной из таких проблем вполне достойна в российской науке стать проблема необходимости обеспечения безопасности жизни и здоровья персонала экспертных (и иных) подразделений (структур) при работе с потенциально опасными объектами (веществами).

Перспективным направлением совершенствования методологии судебной идентификации можно назвать и увеличение роль выяснения причин и условий виктимности, профилактики. О роли экспертной профилактики писали многие авторы[4]. Как минимум, эти направления деятельности эксперта вполне заслуживают включения в учебные программы российских высших учебных заведений, готовящих юристов и собственно экспертов. В указанном аспекте, применительно к баллистической экспертизе, имеются весьма актуальные и не требующие особых инвестиций разработки саратовских ученых[5].

Возможными становятся достаточно инновационные аспекты развития методологии судебной идентификации. Приоритет в исследовании традиционных статических

и перспективы развития. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Ч. 2. – Челябинск: ЧЮИ МВД России, 2005.- С.с. 169-174, и др.

[1] См.: Кирсанов З.И. Теоретические основы криминалистики: Учебное пособие.- М., 1998.-С. 20. Цит.по: Смахтин Е.В. Некоторые аспекты методологии криминалистических научных исследований//"Российский юридический журнал". - Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2010, № 1 (70). - С. 122-125.

[2] См.: Вытовтова Н.И. История развития методологии криминалистики// Вестник ОГУ №3. 2004.- С. 131.

[3] См.: Аверьянова Т.В., Викарук А.Я., Колдин В.Я. и др. Типовые модели и алгоритмы криминалистического исследования / Под ред. В.Я. Колдина. – М.: МГУ, 1989. – С. 48.

[4] См., Зинин А.М., Подволоцкий И.Н. Документоведение как самостоятельная отрасль криминалистической техники// Lex Russica (Научные труды МГЮА). №1. 2005. - С. 123 и др.

[5] См.: Стальмахов А.В., Сумарока А.М., Егоров А.Г., Сухарев А.Г. Судебная баллистика е судебно-баллистическая экспертиза: Учебник/ Под общ. ред. А.Г. Егорова.- Саратов: СЮИ МВД, 1998.- С.с. 112-113; Кубанов В.В. Проблемные вопросы идентификационных исследований в криминалистической деятельности// Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2010. №1 (1). – С. 180.

следов (полученных в результате различных двигательных (динамических) проявлений человека), долгое время являющийся господствующим в практике правоохранительных органов России, должен будет уступить место исследованию динамических отображений[1]. Интерес для исследователей может представлять и криминалистическая идентификация по мысленному образу[2].

При производстве таких экспертиз (исследований) особое значение приобретает использование средств компьютерной техники. Причем, в этом случае компьютер используется не только (и не столько) как пишущая машинка и блокнот, а как полноценный помощник эксперту в реализации сложного и наукоемкого научно-исследовательского проекта, каким становится каждая такая экспертиза. Одной из проблем при воплощении в реальную практическую деятельность российского эксперта станет потребность в использовании для ее реализации не общедоступных средств компьютерной техники, имеющихся в свободной продаже на территории РФ, а особо мощных и технически совершенных средств компьютерной техники и программного обеспечения имеющихся, в частности, сегодня в США. Соответственно, для реализации указанного проекта либо такая продукция будет закуплена и завезена из США, что сегодня является сомнительным по причине некоторых геополитических противоречий, либо – создана российскими учеными на российской же территории. В практике автора известен довольно курьезный прецедент, когда компьютерная программа, полученная из США, для моделирования внешности человека, не смогла быть технически запущена на далеко не самом плохом (по российским представлениям) компьютере (системном блоке). Такой системный блок, находившийся в Саратовской государственной юридической академии, доступен далеко не каждому эксперту (специалисту) в РФ. Примечательно, что указанная компьютерная программа, не ставшая работать при таких обстоятельствах, предназначена не для моделирования признаков внешности в движении. Она ограничена статическим моделированием признаков внешности. Для моделирования в движении – техническая характеристика компьютерной техники востребованной оказывается с еще заведомо лучшими показателями.

Ситуация, довольно неоднозначно воспринимаемая с точки зрения глобализационных процессов, вполне сможет придать действенный запуск развитию (как минимум) российской науки по созданию соответствующих средств компьютерной техники и программного обеспечения. Соответственно, с появлением столь качественных и технологичных средств компьютерной техники и софта возникнет проблема создания методик экспертного исследования совершенно новых для подавляющего большинства рядовых российских ученых объектов.

Значительных материальных вложений потребует и совершенствование с учетом требований сегодняшнего дня методологии генотипоскопической экспертизы. Вместе с этим, как правильно заметил К.В. Бугаев, это весьма положительно может сказаться на раскрываемости преступлений[3].

На смену так называемом «ольфакторному» исследованию с применением собак – детекторов, о спорности доказательственного значения результатов применения которых

---

[1] См., например: Булгаков В.Г. Методология криминалистического исследования динамических признаков человека// Юристъ-Правоведъ. - Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, 2011, № 4. - С. 13-15.

[2] См., например: Степаненко Д.А. Общие положения учения о криминалистической идентификации по мысленному образу// «Ученые-криминалисты и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства». Ч. 1. Материалы вузовской юбилейной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения профессора Р.С. Белкина и юбилеям его учеников (25-26 октября 2007 г.). - М.: Академия управления МВД России, 2007.-С.с. 248-257.

[3] См.: Бугаев К.В. Судебная экспертиза в России: современное состояние// Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. Раздел 2: Политические и юридические науки. – 2013. №1 (5). – С. 34.

уже который десяток лет идут оживленные дискуссии среди российских ученых, придут инновационные технологии. Средства компьютерной техники, позволяющие выполнить значительные объемы вычислений за ограниченный период времени, в отличие от собаки, не мотивированы качеством и наличием корма.

Аналогичным образом и полиграф, обусловивший появление полиграфологической экспертизы в России, с множеством его иностранных наименований, также вполне сможет стать историей. Вместе с многочисленными программами введения в заблуждение его операторов, активно и регулярно разрабатывавшимися (в том числе и на территории России). Вполне вероятно, что, в аспекте расширяющейся глобализации, станет актуальным развитие правовой экспертизы. Интерес представляет и административная идентификация[1].

Возможно и возникновение иных, довольно неожиданных и оригинальных направлений развития[2]. Например, методология сможет стать самостоятельной наукой. В этом случае такая формулировка будет полностью соответствовать мнению Вытовтовой Н.И. о том, что «наука может считаться самостоятельной только при наличии собственной методологической основы»[3].

В условиях происходящих проявлений глобализации методология судебной идентификации имеет большие перспективы для поступательного развития. Для решения некоторых вопросов такого развития требуется переосмысление концептуальных мировоззренческих категорий. Большое значение в этом движении вперед имеет международное сотрудничество.

Т. В. Шутемова

Создание теории криминалистического мышления — осознанная необходимость

В статье рассмотрено понятие криминалистического мышления, дано обоснование значения криминалистического мышления не только для следователя, поддержана необходимость создания теории криминалистического мышления.

***Ключевые слова**: следователь, прокурор, профессиональное мышление, криминалистическое мышление*

T.V. Shutemova

Creating a forensic mindset theory is the perceived need

The article deals with the concept of forensic mindset, the value of forensic thinking not only for the investigator, the need of the creation of a forensic mindset theory.

***Keywords**: an investigator, a prosecutor, professional thinking, forensic mindset.*

В общей психологии под мышлением понимается психический познавательный процесс отражения существенных связей и отношений предметов и явлений объективного мира, к операциям мышления относят анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, обобщение, конкретизацию, различаются формы мышления (понятие,

---

[1] См.: Попандопуло Д.В. К вопросу о теории административной идентификации// Юристъ-Правоведъ. - Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, 2007, № 5. - С. 27-31.

[2] См., например: 2001.01.024. Материалы конференции международной ассоциации по судебной фонетике.- 2000.- С.с. 101-110; (IAFP-2000 conference abstracts: Intern. assoc. for forensic phonetics.- Rome,2000.-16 p.) (Пер. – Р.К. Потаповой).

[3] Вытовтова Н.И. История развития методологии криминалистики// Вестник ОГУ №3. 2004.- С. 131.

суждение,умозаключение) и способы мышления (индукция и дедукция)[1]. Классификационными основаниями для мышления в общем виде выступают форма (наглядно-действенное,наглядно-образное, абстрактно-логическое мышление), характер решаемых задач (теоретическое и практическое мышление), степень развернутости (дискурсивное и интуитивное мышление), а также степень новизны и оригинальности (репродуктивное(воспроизводящее) и продуктивное(творческое). А.Л. Лурия писал, что мышление позволяет не только упорядочивать, анализировать и синтезировать информацию, относить воспринимаемые факты к известным категориям, но и выходить за пределы непосредственно получаемой информации, делать выводы из воспринимаемых факторов и приходить к известным заключениям, даже не располагая непосредственными фактами и исходя из получаемой словесной информации[2].

Эти общие положения находят свое яркое отражение в профессиональном мышлении, обеспечивающем выполнение специфических задач, стоящих перед той или иной конкретной деятельностью (юриста, педагога, инженера и др.).

Криминалистическое мышление в настоящее время в юридической литературе рассматривается в контексте соотношения с правовым (юридическим) мышлением, следственным мышлением, интуицией, в направлении формирования учения о криминалистическом мышлении. Исследуя профессиональное юридическое мышление, Т.В. Авакян пишет, что оно представляет собой интеллектуальную деятельность профессионального правосознания, выражающуюся в познании юридически значимых явлений общественной жизни, их осмыслении, а также в выборе и проектировании модели реализации правовых норм. Повседневное юридическое мышление предстает исходным, отправным уровнем правопознания, на котором оперирование правовыми понятиями происходит в пределах здравого смысла и интуитивного правопонимания[3]. А.Ю. Мордовцев считает, что ядро юридического (правового) мышления образуют базовые когнитивные готовности, обусловливающие понимание того, что такое право, правопознание, закон, власть, и опреляющие специфику анализа и оценки различных видов правового поведения (противоправного и правомерного), характер аналитических средств и инструментария юридической логики, понимание юридической истины (лжи), а также правила (каноны), по которым в определенной социально-правовой системе принято формировать и развивать правовой язык, строить суждения, рассуждения и теории, фиксировать, хранить и передавать любую юридически значимую информацию[4]. Синтезируя понятие «мышление» и «правовое (юридическое) мышление», А.Б. Соколов под криминалистическим мышлением понимает интеллектуальную деятельность лица, осуществляющего проверку сообщения о преступлении, а также предварительное расследование, которая выражается в познании значимых явлений, событий, фактов объективной действительности с учетом имеющихся знаний, их осмыслении, проектировании модели результата при выборе оптимального решения в организационно-тактическом плане на определенный момент [5]. Отдавая должное стремлению А.Б. Соколова создать понятие криминалистического мышления отметим, что акцент данного им понятия смещен в сторону интеллектуальной деятельности лица, в основном, в следственной ситуации и большей частью, как функционера. Мы согласны

---

[1]Крысько В.Г. Общая психология в схемах и комментариях. СПБ:Питер.2004. С.137-138

[2]Лурия А.Л. Лекции по общей психологии. СПБ: Питер. 2004. С.192

[3]Авакян Т.В. Юридическое мышление в правоприменительном процессе: автореферат дис... канд.юрид.наук. Ростов-на-Дону, 2006. С.8

[4]Мордовцев А.Ю. Юридическое мышление в контексте сравнительного правоведения: культурантропологические проблемы // Правоведение, 2003, № 2(247). С.38

[5]Соколов А.Б. Криминалистическое мышление : понятие и содержание// Психопедагогика в правоохранительных органах, 2013, № 4(55). С.69

с точкой зрения Р. Р. Рахматуллина о том, что у большинства следователей в большей или меньшей мере развито уголовно-правовое и уголовно-процессуальное мышление[1], поскольку выработана определенная система по применению правовых средств (постоянное обращение к УК и УПК РФ, их комментариям, решениям Пленума Верховного Суда РФ и др.), а загруженность следователя, недостаточность криминалистического образования и другие причины приводят к тому, что следователи владеют только азами криминалистического мышления[2].

В психологических исследованиях следственного мышления можно увидеть несколько направлений. А.Р. Ратинов психологию следственного мышления рассматривал с позиции решения следователем мыслительных задач, моделирования в процессе расследования, версии как идеальной информационно-логической модели, следственной интуиции и внутреннего убеждения следователя [3]. В.Л. Васильев, представляя профессиограмму следователя, как наиболее информативную для выявления психологических особенностей, в той или иной мере характерных для юридической деятельности вообще, выделяет в этой профессиограмме такие виды деятельности, как социальная, реконструктивная, организационная, удостоверительная, коммуникативная, поисковая, обозначив для каждой из них преимущественные психические познавательные, эмоциональные, волевые процессы, психические состояния и образования. Мышление, по мнению В.Л. Васильева, свойственно реконструктивной деятельности следователя наряду с памятью, воображением, общим и специальным интеллектом, интуицией, причем этот вид деятельности наиболее связан с поисковой деятельностью, характеризующейся наблюдательностью, любознательностью, объемом внимания, устойчивостью внимания, хорошей ориентацией[4].

П.А. Шамшиев определяет криминалистическое мышление, как форму профессионального мышления, обеспечивающую эффективность решения следственных задач, представляя его [криминалистическое мышление] как процесс мышления, включающий наборы установок, навыков и схем, а также комплексный анализ ситуации[5]. Несколько ранее П.А. Шамшиев писал, что в широком смысле криминалистическое мышление можно определить как комплекс знаний, навыков, умений и личностных качеств, которые ведут к эффективному решению следственных задач, предлагая разделение дефиниций на : а) личное криминалистическое мышление как специфическое мышление субъекта; б) идеальное криминалистическое мышление как некий свод принципов и образец, трансформирующийся после адаптации в личное криминалистическое мышление[6]. Высоко оценивая попытки П.А. Шамшиева дать содержательное понятие криминалистического мышления, отметим, что стоило учесть содержание и соотношение базовых понятий общей психологии, касающихся мышления, знаний, навыков и умений и более корректно соотнести мышление, как процесс, со

---

[1]В.А. Курьянов пишет о процессуально-правовом мышлении следователя в статье «Процессуально-правовое мышление в деятельности следователя»// ЮристЪ-Правовед, 2008, № 5. С. 112-115

[2]Рахматуллин Р. Р. Тактическая операция как оптимальная форма взаимодействия субъектов расследования преступлений в сложных следственных ситуациях//Вестник Казанского юридического института МВД России, 2013, № 2(12). С. 95

[3]Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М. : ООО Издательство «Юрлитинформ», 2001. С. 137, 135-175

[4]Васильев В.Л. Юридическая психология: учебник для вузов. 6-е изд. СПб.: Питер, 2009. С. 138, 140

[5]Шамшиев П.А. Криминалистическое мышление как состояние «открытости ума» при решении следственных задач// Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, 2014, № 3(37). С. 119

[6]Шамшиев П.А. Использование художественных архетипов сыщиков в процессе формирования криминалистического мышления студентов-юристов// Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, 2013, № 4. С. 105

статикой - набором установок, навыков и схем. Мышление, как совершенно верно указывал А.Р. Ратинов, выражается в применении знаний для решения определенных задач. Следователя необходимо не только вооружить положительными знаниями, но и научить ими пользоваться (и в первую очередь оперировать ими в умственном смысле), то есть научить думать[1].

Одновременно мы хотели бы обратить внимание на то, что криминалистическое мышление, как таковое, должно быть свойственно не только следователю. Г. Гросс во Введении к «Руководству для судебных следователей как система криминалистики» писал : « … позволю себе выразить уверенность, что настоящее руководство может быть пригодным не только для судебных следователей, но и почти во всем объеме для чинов прокурорского надзора, судей, разбирающих дело, для чинов полиции, корпуса жандармов и тех правительственных органов, на обязанности коих лежит охрана общественной безопасности.... хотя в руководстве почти исключительно речь идет о следователе, но это сделано лишь для краткости, и под ним можно разуметь всякое должностное лицо, призванное по долгу службы к расследованию преступлений[2]». На эту же тему высказался и Н.П. Яблоков, указав : « В отличие от других видов мыслительного арсенала субъектов поисково-познавательной юридической деятельности криминалистическое мышление хорошо пригодно для решения мыслительных задач при осуществлении не только криминалистической, но и иных видов юридической деятельности[3]». Можно предположить, что криминалистическое мышление выступает общим понятием, охватывающим процесс мышления во время осуществления всей деятельности по раскрытию, расследованию преступления и рассмотрению уголовного дела об этом преступлении в суде, хотя и осуществляемый разными субъектами, причем возможно выделение мышления оперативного работника[4], следственного мышления, экспертного мышления и др. (в литературе указывается на необходимость исследования специфики криминалистического мышления следственной, оперативно-разыскной и экспертной деятельности[5]).

Мы убеждены, что прокурору, осуществляющему надзорные полномочия в отношении предварительного следствия и дознания, а также при поддержании государственного обвинения совершенно необходимо владение основами криминалистического мышления. Так, например, прокурор, при утверждении обвинительного заключения, кроме задач уголовно-правового и уголовно-процессуального характера, должен решать и задачи криминалистического характера, связанные с анализом и оценкой имеющихся в деле доказательств с точки зрения их содержания, всесторонности, полноты и объективности исследования всех обстоятельств дела, выдвижения и проверки следователем всех необходимых версий, включая версии защиты, правильности определения предмета следственных действий и тактики их производства и др.[6], изучая уголовное дело при подготовке к поддержанию государственного обвинения и располагая профессиональными знаниями о структуре и

---

[1]Ратинов А.Р. Указ. соч. С. 137

[2]Г. Гросс Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002. С. 5

[3]Яблоков Н.П. Криминалистическое мышление и его роль в повышении эффективного раскрытия и расследования преступлений // [Интернет-ресурс] www.law.msu.su›file/22808/download/22812

[4]Богданов В.М. Психологические особенности профессионального мышления работника уголовного розыска. Омск, 1984. С. 20-30

[5]Волчецкая Т.С., Шамшиев П.А.,Краснов Е.В. Российский и американский подходы к изучению феномена «криминалистическое мышление»//Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта, 2013. Вып.9. С.100;

[6]Серова Е.Б. Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса и его роль в защите в защите конституционных прав граждан в сфере уголовного судопроизводства//Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию, 2013, № 1(7). С.83

последовательности срабатывания типичного механизма преступлений этой же группы, закономерностях возникновения при этом следовой информации, прокурор, в частности, может компетентно определить наличие дополнительных возможностей получения новых доказательств, если для исследования имеющихся следов предприняты не все действия или следовая картина преступления была восстановлена не полностью[1], в ходе судебного следствия для государственного обвинителя важным является определение так называемых «опорных точек», «маркеров», позволяющих в краткое время сориентироваться в проблемной, но типичной ситуации и сделать правильный выбор, а в дальнейшем использовать эти «опорные точки» как основу для речи в судебных прениях[2]. Знание и владение основами криминалистического мышления позволит прокурору так или иначе компенсировать отсутствие следственного опыта, которого в ближайшем будущем не будет у большинства прокурорских работников. Не всякий юрист, как пишет А.Л. Протопопов, даже с хорошей теоретической подготовкой, станет профессиональным следователем[3.], но после нескольких лет практической следственной деятельности даже начинающий следователь окажется в криминалистическом отношении более профессиональным, чем надзирающий прокурор, а это неизбежно придаст надзору формально-бюрократический характер.

Важным представляется обращение к опыту изучения и обучения криминалистическому мышлению в других странах[4]. Однако стоит иметь в виду, что, как пишет Л.М. Давыдова, для формирования професссионального юридического мышления США и Россия выбрали разные пути. Американская система приходит к достижению поставленной цели индуктивным путем: от частного к общему, от выработки конкретных профессиональных навыков к осознанию обучаемым смысла профессии, усвоению сути профессиональной деятельности. Российская система использует дедуктивную логику: от общего – системного теоретического изучения права, к частному – к вопросам о том, как практически применять полученные теоретические знания [5].

В свете изложенного закономерным является предложение Н.П. Яблокова о разработке цельной теоретической концепции криминалистического мышления как своеобразной криминалистической теории такого мышления[6]. Несомненно, что эта теория с необходимым практико-ориентированным обеспечением будет востребована как в обучении будущих юристов, так и в их последующей работе.

---

[1]Исаенко В.Н. Методика поддержания государственного обвинения(понятие, принципы, содержание):монография. М.: Юрлитинформ, 2011. С.131

[2]Шутемова Т.В. Тактика судебного следствия : задачи современного периода// Судья, 2014, № 5. С. 59

[3]Протопопов А.Л. Прокурорский надзор за расследованием убийств. Спб: Изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс». 2006. С.51

[4]Волчецкая Т.С., Шамшиев П.А.,Краснов Е.В. Указ.соч. С.96-98; Шамшиев П.А. Криминалистическое мышление как состояние «открытости ума» при решении следственных задач»... С.119-120

[5]Давыдова М.Л. Обучение юридической профессии в России и США : к вопросу об универсальных основаниях //Право и современные государства, 2013, № 2. С. 28-35

[6]Яблоков Н.П. Некоторые проблемы криминалистики в свете сегодняшнего дня // Криминалистика — прошлое, настоящее, будущее : достижения и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики (Москва, 16 октября 201 4 года). М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С.119-120

III. Процессуальные аспекты криминалистической деятельности

О.Я. Баев

Место следователя и прокурора в системе досудебного производства по уголовному делу

В статье критически анализируются мнения о следователе как неком «установителе» истины по уголовному делу, о необходимости исключения его и прокурора из числа представителей стороны обвинения в уголовном процессе; обосновывается вывод об обвинительной направленности деятельности этих должностных лиц, отнюдь, не являющейся синонимом их обвинительного уклона.

***Ключевые слова**: процессуальные функции, следователь, прокурор, обвинительный уклон.*

O.Ya. Baev

The role of the investigator and the prosecutor in pre-court stages of criminal procedure

The author critically analyzes the opinions about investigator as a kind of «derterminater» of the truth in a criminal case and regarding the need to exclude him and the Prosecutor from among the representatives of the prosecution in criminal proceedings; the conclusion about an indictment focus of these officials activities is not synonymous with their accusatory bias.

***Keywords**: procedure functions, the investigator, the Prosecutor, accusatory bias.*

Основными «потребителями» криминалистики, в том числе и криминалистики отечественной, одним из отцов – основателей которой по - праву считается Николай Павлович Яблоков, являются лица и органы, осуществляющие уголовное преследование, в первую очередь, следователь и прокурор.

В то же время, издавна, можно сказать «вечно», ведущиеся дискуссии об уголовно - процессуальной функции следователя, направленности его деятельности при раскрытии и расследовании преступлений в последнее время значительно степени актуализировались на фоне широко обсуждаемого законопроекта об установлении объективной истине как принципа и цели уголовного судопроизводства. В сущности эти же вопросы в контексте названного законопроекта возникают и при уяснении места и полномочий прокурора в современном судопроизводстве по уголовным делам (особенно на досудебных его стадиях).

Применительно к поставленной в данной статье проблеме представляется необходимым проанализировать следующие два, по нашему мнению, генетически (может быть, без желания на то авторов) между собой связанных вывода, сформулированные в уголовно – процессуальной литературе последнего времени.

1). А. М. Багмет: «На сегодняшний день в уголовном процессе сложилась логичная, выработанная длительной практикой схема осуществления уголовного судопроизводства, когда есть сторона обвинения, сторона защиты и являющийся между ними независимым арбитром – суд. *Следователь, не поддерживающий ни одну из сторон, явля-*

ется в этой схеме установителем истины по уголовному делу» (здесь и далее выделено нами – авт.)[1].

Интересно, что дало автору основания для столь парадоксального вывода? Как он соотносится с предписаниями действующего УПК РФ? Разве следователь «в сложившейся логичной … схеме осуществления судопроизводства» не отнесен законодателем однозначно к стороне обвинения? Разве уголовно-процессуальный закон наделяет следователя предлагаемой А. М. Багметом загадочной для любой правовой уголовно-процессуальной системы функцией «установителя истины»? …

Мы уже не говорим о том, что, «если мы признаем следователя субъектом, удостоверяющим объективную истину, причем в ходе досудебного производства, то делается ненужным ни адвокат, ни собственно суд»[2]. Действительно, если следователь уже установил по делу объективную истину, то в чем тогда функция суда? Лишь и исключительно в назначении подсудимому наказания?

И, наконец: вывод следователя (прокурора) о доказанности совершения преступления конкретным лицом – это не объективная истина, *это - лишь версия* обвинения, которую должен проверить «на прочность» – поддержать или опровергнуть, суд в состязательном уголовном процессе. Она должна быть равновеликой для суда наравне с версией адвоката-защитника о том, что его подзащитный – воспользуемся словами А.Ф. Кони, не виноват вовсе, либо виноват не так и не в том, в чем его обвиняют представители системы уголовного преследования.

И в этой же связи следует заметить, что обосновываемый А. М. Багметом статус следователя как некого уникального «установителя» истины, в сущности, опровергнут не так давно внесенными в ст. 90 УПК РФ изменениями.

В соответствии с ними, приговоры, постановленные судом в соответствии со статьями 226.9, 316 или 317.7 УПК (а как известно, они постановляются на основе материалов предварительного расследования) лишены преюдиционной значимости, обстоятельства, ими установленные, не могут признаваться по другому делу судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки.

Иными словами, речи об истинности проведенного следователем расследования, результатов такого – без исследования их материалов в условиях состязательного процесса в суде, идти в принципе не может. По сути, эти материалы свидетельствуют лишь об одном – о согласии с ними обвиняемого в виду различных субъективных и/или объективных обстоятельств. ….

По нашему глубокому убеждению, следователь (дознаватель) есть не некий таинственный «установитель истины» по уголовному делу (как почему – то вдруг решил А. М. Багмет). Он - субъект, как правило, лично «запускающий» и всегда непосредственно реализующий механизм самой основы уголовного судопроизводства – уголовного преследования. Нет уголовного преследования, нет необходимости в защите от него и, тем более, нет предмета для какого – либо судебного разбирательства…

Однако:

2). Ю. К. Якимович: «*Глубочайшей ошибкой законодателя явилось то, что он органы предварительного расследования и прокурора отнес к участникам со стороны обвинения.* Ни в одном государстве такого нет. Прокурор не может объективно осуществлять функции надзора за соблюдением законов органами предварительного расследования, если он как участник со стороны обвинения осуществляет уголовное пре-

---

[1] Багмет А.М. Анализ целесообразности введения института следственного судьи в уголовное судопроизводство // Российский следователь. 2005. № 11. С. 6 – 7.

[2] Александров А.С. Состязательность и объективная истина // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. Вып. 3 (4). С.148.

следование. Следователь и дознаватель также теряют объективность в расследовании, собирают лишь обвинительные доказательства. *Поэтому и прокурора, и дознавателя со следователем следует исключить из числа участников со стороны обвинения.* Прокурор должен осуществлять функцию надзора, а дознаватель и следователь - функцию объективного и всестороннего расследования»[1].

Говоря об этом (лично нас – шокирующем) выводе, следует, в первую очередь, напомнить, что в действующей до внесения известных изменений редакции УПК о статусе и полномочиях прокурора, он недвусмысленно признавался не только руководителем, но и самым активным участником уголовного преследования в досудебном производстве, обладающим потому самыми широкими полномочиями.

Однако в тоже время, он был обязан осуществлять и прокурорский надзор за производимым уголовным преследованием, в котором, как сказано, в этой стадии судопроизводства он принимал самое активное участие. И гносеологически, и психологически такое «раздвоение», а скорее, сочетание функциональных обязанностей прокурора – и это наглядно показывала многолетняя практика, *a priori* не могло быть достаточно эффективным.

Вряд ли можно было сколь либо серьезно утверждать (как то некогда сделали С.К. Питерцев и А.А. Степанов), что «Слабые дела» в суд обычно не направляются, а допускаемые процессуальные нарушения исправляются при осуществлении прокурорского надзора за расследованием»[2].

Радикальные изменения, внесенные действующим в настоящее время законом, в процессуальный статус и полномочия прокурора при производстве предварительного следствия, на наш взгляд, с очевидностью свидетельствуют об осознании законодателем неэффективности прокурорского надзора за этой деятельностью в ранее существовавших его формах. О попытке (на наш взгляд, неудачной и непоследовательной) его трансформировать с учетом международного уголовно-процессуального законодательного и правоприменительного опыта.

Позволим себе высказать несколько эпатажное и радикальное (не менее чем высказанное Ю. К. Якимовичем) предположение: *прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве в виде существующего правового института себя в настоящее время изжил.*

Процессуальный контроль – а он, без всяких на то сомнений, необходим, за законностью действий и решений должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное преследование на досудебных стадиях уголовного процесса, надлежит осуществлять суду, может быть – и скорее всего, возложить функции его осуществления на возрождаемый институт следственных судей.

Следует честно, без ханжества признать – и *недвусмысленно закрепить в законе, тот факт, что прокурор является руководителем и организатором всей системы уголовного преследования.* В этом качестве он направляет всю свою деятельность на обеспечение для себя возможности законного и обоснованного возбуждения в отношении изобличаемого следователем в результате этой деятельности лица обвинения от имени государства и поддержания государственного обвинения в суде. И потому совершенно необходимым является наделение его полномочиями на самое активное участие в досудебном производстве по уголовным делам – от возбуждения уголовного дела, решения вопросов о применении мер процессуального принуждения до – не только участия в

---

[1] Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск, 2015, с. 34.

[2] Питерцев С.К., Степанов А.А. Тактика допроса на предварительном следствии и в суде. – СПб, 2001, с.131.

проведении отдельных следственных действий, но и при необходимости – самостоятельного их производства[1].

Эта концепция всецело соответствует следующим Рекомендациям экспертного комитета Министров Совета Европы государствам - членам «О роли прокуратуры в системе уголовного преследования», приятым 6 октября 2000г.

В первую очередь в этом документе Комитет рекомендует, «чтобы Правительства государств-членов основывали свое законодательство и практику в отношении роли прокуратуры в системе уголовного правосудия на следующих принципах:

1. Прокуроры - это представители государственной власти, которые от имени общества и в государственных интересах участвуют в применении права, если правонарушение влечет уголовное наказание, принимая во внимание права человека и необходимость эффективного действия системы уголовного правосудия».

И далее указывается:

«2. *Во всех системах (выделено мной – авт.)* государственные обвинители:

– решают вопрос о возбуждении или продолжении уголовного преследования;
– поддерживают государственное обвинение в судах;
– опротестовывают или поддерживают протест на решения судов;…»[2].

– Иными словами, *во всех* европейских правовых системах (как бы Ю. К. Якимович не утверждал иное) прокуроры возглавляют всю систему уголовного преследования, обеспечивая тем самым для себя возможность возбуждения в отношении лица, уголовное преследование которого осуществлялось при расследовании преступления, государственного обвинения – обвинения от имени государства.

Причины столь искренней озабоченности авторов, чьи позиции выше были подвергнуты критическому анализу, функциями и положением следователя и прокурора в уголовном судопроизводстве нам понятны и близки (но не их по этим проблемам мнения) – исключить или, по крайней мере, снизить вероятность обвинительного уклона в деятельности лиц, осуществляющих уголовное преследование.

Проблема наличия в уголовном преследовании обвинительного уклона признавалась одной из наиболее актуальных за все время существования сколь – либо цивилизованного уголовного судопроизводства. И в наши дни только, видимо, лишь самый безразличный и равнодушный исследователь отечественной уголовно – процессуальной теории и практики с укоризной не отмечает наличие обвинительного уклона в деятельности органов и лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовным делам, и – самое тревожное, при осуществлении по ним правосудия.

Чаще всего же обвинительный уклон понимается как игнорирование сведений, свидетельствующих о невиновности либо о меньшей степени виновности обвиняемого, неадекватная оценка собранных доказательств и т. п. [3]. «Суть его, - пришла к выводу Л. А. Воскобитова, - в стремлении сначала сформулировать, а затем любой ценой подтвердить приговором суда обвинение, которое не отвечает требованию всесторонности, полноты и объективности исследования фактических обстоятельств дела и в силу этого не позволяет суду правильно применить нормы уголовного права и вынести правосудное решение по делу»[4].

---

1 Подробное обоснование этой позиции см.: Баев О. Я. Прокурор как субъект уголовного преследования. – М., 2006.

2 http://docs.cntd.ru/document/90199642. См. об этом также: Ульянов В.Г. Государственное обвинение в российском уголовном судопроизводстве. – М, 2002, с. 343.

[3] См.: Михайловская И.Б. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / И.Б. Михайловская // Российская юстиция. – 2002. – № 7. – С. 4.

[4] Воскобитова Л. А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С. 455–462.

В целом мы с приведенными мнениями согласны. И если понимать обвинительный уклон как деятельность субъектов уголовного преследования, суда, состоящую в отказе формировать доказательства, оправдывающие или смягчающие ответственность обвиняемого, в воспрепятствовании представлению доказательств стороной защиты, и/или игнорировании наличия таких доказательств при обосновании соответствующего итогового решения по уголовному делу, он категорически недопустим. Более того, по нашему убеждению, поступая подобным образом, соответствующее должностное лицо прямо совершает должностное преступление (как минимум, должностной проступок).

Но нацеленность на обвинение, внутреннее убеждение следователя о виновности лица, в отношении которого им осуществляется уголовное преследование, ни есть обвинительной уклон в общепринятом смысле этого понятия. Это есть вполне психологически объяснимая направленность его деятельности при расследовании преступлений, всецело предопределяемая самой его процессуальной функцией в уголовном судопроизводстве.

Как известно, в любом демократическом государстве уголовное судопроизводство осуществляется на основе принципа состязательности; «функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или на одно и тоже должностное лицо» (ч. 2 ст. 15 УПК).

В тоже время, нет никаких сомнений в том, что оправдательный уклон составляет самую сущность деятельности защитника. Однако не должен ли ему в таком случае корреспондироваться уклон обвинительный, реализуемый в деятельности следователя (других лиц, осуществляющих уголовное преследование), не требует ли такого баланса само понимание принципа состязательности?

Можно, конечно - как то делают Ю. П. Гармаев и А. А. Кирилова, вслед за И. Б. Михайловской утверждать, что «реализация функции обвинения и обвинительный уклон – вещи совершенно различные. Что обвинительная позиция – это всегда позиция, основанная на законе, пусть даже использующая его диспозитивность, неопределенность, пробелы, но это - не обвинительный уклон»[1]. Но - позволим себе несколько не политкорректное утверждение, это лишь филологические нюансы в определении сущности и направленности деятельности следователя (других лиц, осуществляющих уголовное преследование), ее конечной цели.

Таковая заключается в установлении факта существования уголовно – правового конфликта и его разрешение в пределах своей уголовно - процессуальной функции, предполагающее законное и обоснованное формулирование обвинительного тезиса в отношении конкретного лица, либо в констатации факта отсутствия для того оснований или необходимости/либо возможности разрешения уголовно – правового конфликта иными законными средствами.

С учетом нашего понимания процессуальной функции прокурора, представляется вполне корректным - экстраполируя на нее выше сказанное о цели деятельности следователя, конечную цель деятельности прокурора определить следующим образом:

Конечная цель деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве состоит в осуществлении руководства уголовным преследованием на досудебных его стадиях (включая непосредственное в нем участие), возбуждении и поддержании государственного обвинения в отношении лица в соответствии с предложенной следователем форму-

---

[1] См.: Михайловская И.Б. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / И.Б. Михайловская // Российская юстиция. – 2002. – № 7. – С. 4; Гармаев Ю.П., Кириллова А.А. Криминалистическая методика судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах (ч. I ст.105 УК РФ): теоретические основы и прикладные рекомендации (монография+практическое пособие). – М., 2014, с. 68.

лировкой его обвинения, либо в констатации факта отсутствия для того достаточных оснований. Это, однако, не исключает приятие прокурором итогового решения о возможности или необходимости разрешения доказанного инкриминированного данному лицу уголовно – правового конфликта посредством использования иных законных правовых мер.

М.В. Горский

Институт следственных судей как угроза для криминалистики

В статье приводится анализ отдельных положений концепции «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе». Автор высказывает мнение о том, что введение данного института приведет к развалу предварительного следствия и уничтожению криминалистической тактики как раздела науки криминалистики.

***Ключевые слова**: следственные судьи, следователь, предварительное следствие, криминалистическая тактика.*

M.V. Gorsky

Institute of investigating judges as a threat to criminalistics

The article provides an analysis of certain provisions of the concept "The revival of the institute of investigating judges in the Russian criminal procedure". The author expresses the view that the introduction of this institute will lead to the collapse of the preliminary investigation and the destruction of criminalistics tactics as a branch of science of criminalistics.

***Keywords**: the investigating judge, the investigator, preliminary investigation, criminalistics tactics.*

В настоящее время российский уголовный процесс стоит на пороге серьезных (радикальных) изменений: различными представителями гражданского общества предлагается ввести институт следственных судей. В марте 2015 года проект Концепции «Возрождение института следственных судей в Российском уголовном процессе» был представлен в Комитете гражданских инициатив А.В. Смирновым.

Данный проект концепции предусматривает введение следственных судей при верховных судах республик, краевых, областных судах, судах городов федерального значения по четыре судьи на субъект РФ. Следственные судьи будут осуществлять свои полномочия по уголовным делам о наиболее тяжких и опасных преступлениях, в том числе таких, рассмотрение которых входит в компетенцию суда с участием присяжных заседателей, а также ряде экономических преступлений[1].

Авторы концепции говорят именно о возрождении института следственных судей, несмотря на то, что в конце XIX века были введены судебные следователи. Относясь к этим понятиям как к синонимам, авторы указывают, что сущность института от этого не меняется – это публичный контроль над предварительным следствием и обеспечение его состязательного характера. Кроме передачи полномочий по осуществлению судебного контроля за предварительным расследованием в концепции предлагается процедура формирования судебных доказательств в судебных заседаниях в ходе предварительного следствия, чтобы уравнять стороны в этом вопросе, а также следственные судьи получат

[1] URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html (дата обращения: 15 октября 201 5 г.).

возможность проводить судейские следственные действия и осуществлять контроль за законностью и обоснованностью уголовного преследования (обвинения) при решении вопроса о передаче уголовного дела в суд для его рассмотрения по существу.

Предлагаемый порядок предварительного следствия полностью ломает традиционное понимание основ уголовного процесса, умоляет независимость следователя, тайну предварительного расследования. Серьезным образом подобные изменения отразятся на науке криминалистика. По сути, она лишится своего важнейшего раздела – криминалистической тактики. Кто теперь будет ее субъектом? Кто будет применять тактические приемы и рекомендации? Как установить контакт и получить первичную информацию от свидетеля, если на него смотрит десяток человек в зале заседаний и у каждого из них своя позиция и свои интересы?

И если в настоящее время УПК РФ всю ответственность за судьбу уголовного дела в ходе досудебного производства возлагает на следователя, то в концепции предлагается противоположный подход: производство *предварительного следствия* включает следственные и иные процессуальные действия, производимые органами предварительного расследования, процессуальные действия, осуществляемые стороной защиты, судейские следственные действия и судебные заседания, проводимые следственным судьей. К судейским следственным действиям авторы концепции относят наиболее важные и сложные в тактическом плане вербальные следственные действия (допросы, очные ставки, проверки показаний на месте, производство судебных экспертиз). То есть теперь, по сути, нет единого субъекта предварительного следствия, нет и единого субъекта в производстве следственного действия. А каждый из участников пытается достичь своих целей. Предлагаемый авторами концепции механизм напоминает известный сюжет из басни И.А. Крылова «Лебедь, рак и щука».

В концепции, правда, делается оговорка, что «следователь, конечно, может попрежнему допрашивать подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и потерпевших и самостоятельно, однако протоколы таких допросов по общему правилу будут допустимы лишь условно, поскольку оглашение и использование их после передачи дела в суд зависит от согласия другой стороны»[1]. Спрашивается, кто же теперь из следователей будет делать такую трудную работу, готовиться несколько дней или недель к допросу, составлять планы, готовить необходимые материалы и т. д., если потом его результаты будут признаны недопустимыми. Подобный порядок негативно отразится на мотивации следователей, на формировании у них криминалистического мышления[2].

Главной группой полномочий следственного судьи является судебный контроль. По действующему законодательству судьи осуществляют контроль за предварительным расследованием, но такой контроль авторы концепции считают неэффективным, поскольку «это возложено на тех же судей, которые в дальнейшем рассматривают уголовное дело, как раз и оказавшись «в обвинительной связке» со следователем и прокурором. Следственные же судьи, выделяемые из корпуса федеральных судей на определенный

---

[1] URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html (дата обращения: 15 октября 201 5 г.).

[2] Подробнее о криминалистическом мышлении как одном из важнейших условий эффективности предварительного следствия см.: Яблоков Н.П. Ситуационный подход как один из методов научного познания в криминалистическом мышлении субъектов криминалистической деятельности // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии / под ред. Т.С. Волчецкой; БФУ им. И. Канта. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 20-25; Яблоков Н.П. Об одной из проблем современной криминалистики // Сучасні проблеми криміналістики // Матеріали міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої 100-річчю з дня народження доктора юридичних наук, професора В.П. Колмакова. Одеса. 27-28 вересня 2013 року. С. 376-379.

срок[1], должны наделяться только полномочиями по контролю за следствием, и в течение этого срока не разрешают дела и не выносят приговоры. «Судьи, чьей основной задачей является рассмотрение дел по существу, большую часть рабочего времени вынуждены посвящать рассмотрению жалоб участников процесса, даче разрешений на заключение под стражу, проведение органами расследования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. В результате судьи просто не успевают подробно вникать в эти вопросы и относятся к принятию решений формально. Загруженность «непрофильными» вопросами неизбежно снижает качество рассмотрения основных уголовных дел. Тем более что «арестные» полномочия плохо совместимы с сохранением беспристрастности судей при вынесении приговора»[2].

По нашему мнению, авторы концепции смешивают вместе совершенно разные проблемы и предлагают достаточно своеобразный выход, который вряд ли решит сложившуюся ситуацию. Вопросы перегруженности судей должны решатся расширением штата сотрудников. Для этого совсем необязательно создавать новые процессуальные фигуры и менять порядок досудебного производства. Следует напомнить, что вопросы введения так называемого судебного контроля за следствием вызывали жесткую критику многих ученых особенно в 90-е годы прошлого столетия, когда разрабатывался проект Уголовно-процессуального кодекса, воспринявший идеи Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г. Так, профессор Л.Д. Кокорев писал, что осуществление судьями судебного контроля отразится на их объективности и беспристрастности. «Если судьи еще в ходе расследования будут влиять на сам ход и результаты следствия, это приведет к судейской необъективности при последующем постановлении приговора. Не помешает этому и то, что одни судьи будут осуществлять контроль за следствием, а другие рассматривать дело по существу. Общие корпоративные интересы возьмут верх. Единая судебная система, несомненно, будет заинтересована в том, чтобы решения судей при вынесении приговора соответствовали решением других судей, которые они принимали на стадии предварительного расследования, санкционируя арест и иные следственные действия, удовлетворяя или отклоняя жалобы на следователей и т. д. Единая судебная система не потерпит внутренних противоречий. Судебный контроль за законностью расследования должен осуществляться лишь в рамках правосудия, при рассмотрении уголовного дела по существу»[3].

Сторонники идеи введения судебного контроля за предварительным расследованием всегда критиковали эффективность прокурорского надзора, ссылаясь на то, что прокурор, как участник стороны обвинения, обладая широкими руководящими полномочиями в ходе предварительного расследования, не может объективно осуществлять надзор. Но в настоящее время УПК РФ существенным образом сократил полномочия прокурора на следствии, оставив за ним фактически надзорные функции, стороной обвинения он остается лишь в судебных стадиях, выступая в качестве государственного обвинителя. Почему же не начать совершенствовать институт прокурорского надзора? Авторы концепции возрождения института следственных судей теперь напротив указывают, что прокурор имеет ограниченный набор полномочий воздействия на орган предварительного следствия, что не позволяет им должным образом реагировать на процес-

---

[1] Следует отметить, что первоначально предлагалось, что следственные судьи будут выделяться из числа федеральных на определенный срок по очередности. Текст же нынешней концепции предусматривает формирование отдельного корпуса следственных судей (М.Г.)

[2] URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html (дата обращения: 15 октября 201 5 г.).

[3] Кокорев Л.Д. Проблемы защиты общества от преступлений и развития гарантий справедливости и правосудия // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. 1, Гуманитарные науки. 1993. Вып. 1. С. 72-82. Цит. по: Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность. Воронеж, 2006. С.285.

суальные нарушения. Не удовлетворяет их и состояния судебного контроля, который осуществляют те же судьи, что и рассматривают уголовные дела по существу. Удивляет то, что при всем этом предлагается не решать сложившиеся проблемы, а вводить новый институт следственных судей.

Хотелось бы отметить, что если основной проблемой (по мнению авторов концепции) является то, что одни и те же судьи выполняют полномочия по судебному контролю в ходе досудебного производства и по делу и полномочия по разрешению дела по существу, то решить ее можно совершенно другим более простым способом: ввести дополнительное основание для отвода судьи в ст. 63 УПК РФ о том, что если судья принимал какие-либо решения в ходе досудебного производства по уголовному делу, то он не может участвовать в рассмотрении того же дела в суде первой, второй или надзорной инстанции.

Дискуссия о введении подобного основания для отвода судьи ведется уже многие годы[1]. Обратим внимание на то, что первоначальная редакция ст. 63 УПК РФ содержала подобные положения. В последствие данные положения были исключены Федеральным закон от 29 мая 2002 № 58-ФЗ.

Конституционный Суд РФ по этому вопросу занимает достаточно осторожную позицию. С одной стороны, в его определение указано: «беспристрастность и независимость суда не нарушаются вследствие того, что в ходе предшествующего производства по данному делу этим же или вышестоящим судом принимались решения по тем или иным процессуальным вопросам, не касающимся существа рассматриваемого дела и не находящимся в прямой связи с подлежащими отражению в приговоре или ином итоговом решении выводами о фактических обстоятельствах дела, оценке достоверности и достаточности доказательств, квалификации деяния, наказании осужденного и т. д. К числу решений, участие в вынесении которых не препятствует судье впоследствии участвовать в рассмотрении уголовного дела по существу, может быть отнесено определение (постановление) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока ее действия, поскольку фактическую основу для такого рода решений составляют материалы, подтверждающие наличие оснований и условий для применения конкретной меры пресечения, но никак не виновность лица в совершении инкриминируемого ему преступления, подлежащая установлению в приговоре суда»[2]. Но с другой стороны, Конституционный Суд РФ не указывает, что делать, если в судебном заседании об избрании меры пресечения все же затрагивались обстоятельства, касающиеся существа дела.

Еще 21 октября 2005 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект № 227525-4 «О внесении изменений в статью 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым предлагается: дополнить статью новой частью первой в следующей редакции:

«1. Судья, принимавший решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу либо о продлении срока содержания под стражей, не может участвовать

---

[1] Эту проблему мы подробно рассматривали в своих работах: см., например, Горский М.В. Предыдущее участие судьи в досудебном и судебном производствах по уголовному делу как основание для его отвода // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 1. С. 249-252; Горский М.В. Механизм правового регулирования отводов участников уголовного судопроизводства (процессуальное и криминалистическое исследование). М., 2011. С. 50-55.

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мозгова Станислава Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ. № 799-О-О. от 1 ноября 2007 г. // СПС «Консультант-плюс» (текст официально опубликован не был).

в рассмотрении того же уголовного дела в суде первой или второй инстанции либо в порядке надзора.»[1]. Но по настоящее время он так и не был принят.

Таким образом, ввиду того, что сторонников точки зрения о том, что один судья не должен совмещать полномочия по участию в досудебном производстве и рассматривать уголовное дело по существу, становится больше, включая сторонников концепции возрождения института следственных судей, считаем, что решить эту проблему целесообразнее внесением дополнительного основания для отвода судьи, а не созданием дополнительных правовых институтов, ломающих все существующие процедуры предварительного расследования.

А.М. Ишин, Н.Н. Лысов, В.М. Мешков

Криминалистика как основной гарант установления истины в уголовном судопроизводстве

В статье проводится анализ позиций ученых и практиков относительно установления истины в уголовном судопроизводстве. На его основе авторы аргументировано доказывают необходимость установления истины при расследовании любого преступления, поскольку любой акт правосудия, не основанный на установленной истине, правосудным не является. Гарантом истинного правосудия является эффективное использование современных криминалистических знаний.

***Ключевые слова**: истина в уголовном судопроизводстве, криминалистика*

A. M. Ishin N. N. Lisov V. M. Meshkov

Criminalistics as the main guarantor of the establishment of the truth in criminal proceedings

The article analyzes the position of scientists and experts on the establishment of the truth in criminal proceedings. On the basis of the authors convincingly demonstrate the need to establish the truth in the investigation of any crime as any act of justice is not based on truth, rightly not. The guarantor of true justice is the effective use of modern criminalistics forensic knowledge.

***Keywords**: the truth in the criminal trial, criminalities*

Проблема установления истины в уголовном судопроизводстве всегда интересовала ученых-юристов. Она была в центре внимания и многих ученых-криминалистов. В числе них можно назвать известного ученого-криминалиста, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста РСФСР, Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова, Почетного работника прокуратуры РФ Николая Павловича Яблокова, 90-летие со дня рождения которого мы отмечаем в декабре 2015 года.

За свою продолжительную и плодотворную научную деятельность Николай Павлович опубликовал более 200 научных работ. Был руководителем авторского коллектива и ответственным редактором учебников и коллективных монографий. Кроме того, он написал несколько авторских учебников по криминалистике для вузов. Монографии, учебники, книги, брошюры и статьи Н.П. Яблокова высоко оценены научной общественностью и широко используются в учебном процессе юридическими вузами страны.

[1] URL: http://www.duma.gov.ru (дата обращения: 15 октября 201 5 г.).

В своих работах Николай Павлович не выделял отдельно проблему истины в уголовном судопроизводстве, но она косвенно присутствует во всех его работах, поскольку её установлению способствует эффективное использование современных криминалистических знаний. А именно этой сфере деятельности посвятил свою творческую жизнь Николай Павлович Яблоков. Занимаясь научно-исследовательской и педагогической работой, Н.П. Яблоков является одним из видных ученых-криминалистов в области теории криминалистики, криминалистической методики расследования преступлений.

Продолжая научную дискуссию относительно истины в судопроизводстве, можно отметить, что научные споры относительно её сущности в последние годы резко активизировались. Причём, отдельные авторы начинают дискуссию как бы с чистого листа, как будто до них не существовало многовековой практики расследования преступлений, пытаясь обосновать принципиальную невозможность установления истины по делу, основываясь на философском понимании истины. Анализ научных источников упрямо свидетельствует о том, что больше всего сторонников точки зрения о невозможности установления истины по уголовному делу сконцентрировалось в адвокатском сообществе. Смеем предположить, что такое отрицание взаимосвязи правосудия и истины в нём, связано не с судопроизводством, а с бизнесом на правосудии, где интересы личного адвокатского бизнеса нередко побеждают интересы государства. Бизнесу истина, как известно, не нужна.

Мы – убежденные сторонники необходимости установления истины при расследовании любого преступления. Иного и быть не может, ибо любой акт правосудия, не основанный на установленной истине, правосудным не является. Гарант истинного правосудия, по нашему мнению, – это эффективное использование современных криминалистических знаний. Попробуем доказать это.

Об установлении истины в уголовном судопроизводстве известно давно. Одно из первых упоминаний об истине по делу для нас сохранили камни, на которых были выбиты Двенадцать римских таблиц. Этот текст правители всех стран старались использовать при формировании своего национального законодательства. Русь также однозначно одобрительно отнеслась к установлению истины в уголовном судопроизводстве, что, в частности, было зафиксировано в Русской правде, которой в этом году исполняется 1000 лет!

Истина не была забыта и при формировании Устава уголовного судопроизводства 1864 года (УУС 1864 г.), признанном во всём цивилизованном мире прогрессивным законом. В УУС 1984 г. обозначена цель российского уголовного судопроизводства - обнаружение материальной истины, а средством её установления – всестороннее, полное и объективное исследование доказательств и обстоятельств дела. Текст УУС 1864 г. позволил известному российскому юристу С.И. Викторскому чётко сформулировать понятие об истине: «То, что признаётся судьёй, должно быть согласно с действительностью, должно быть истиною»[1].

К сожалению, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ 2001 года требований ни об установлении истины, ни о путях её достижения, не содержится. Вероятно, это – одна из причин явной неэффективности уголовной политики в современной России. Нельзя же признать эффективной такую работу правоохранительных органов страны, когда ежегодно не раскрывается примерно половина от всех зарегистрированных преступлений, и соответственно, около миллиона преступников ежегодно избегают заслуженного наказания!

[1] Куцова Э.Ф. Хрестоматия по уголовному процессу России: учебное пособие. – М., 1999. – С. 117.

Ряд современных юристов, рассматривая истину в уголовном судопроизводстве, не всегда оправданно трансформируют её философское понимание в юридическую сферу, порой доходя до абсурда. Так, встречаются утверждения, что абсолютная истина по уголовному делу не может быть установлена никогда[1], или что «на современном этапе недостижимо познание объективной истины в уголовном судопроизводстве»[2]. Что же тогда устанавливается при расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела? На наш взгляд, именно Истина! Та истина, которая, по словам Платона, является соответствием мысли действительности.

Несмотря на весьма длительный разрыв во времени (около двух тысяч лет), взгляды современных философов не претерпели кардинальных отличий от платоновского видения истины. Современное философское понимание истины – это «правильное адекватное отражение предметов и явлений действительности познающим субъектом»[3]. Данное определение предполагает более детальные исследования в части определения, например, соотношения истины и знания, истины и заблуждения; соотношения объективного и субъективного, абсолютного и относительного в развивающемся знании; взаимосвязи односторонности и фрагментарности в познании истины и т. д. Выхватив из огромного разнообразия проявлений истины в действительности лишь тот небольшой сегмент, который касается установления абсолютной истины, ряд специалистов пытается представить всё дело так, будто при расследовании конкретного уголовного дела истина вообще и никогда не может быть установлена. Если говорить об абсолютной истине, то её действительно нельзя установить. Что же касается объективной истины, то представляется верным суждение А.И. Бастрыкина, по мнению которого, истина в уголовном судопроизводстве не только должна быть установлена, но является его целью[4].

Интересно, что сторонники невозможности установления истины при расследовании преступлений лишь в чисто теоретическом плане настаивают на своём видении проблемы. Когда приверженцам этой точки зрения предлагаешь опуститься с теоретических высот до уровня правоприменительной практики и ответить на вопрос: «Готовы ли вы сами понести уголовную ответственность в ситуации, когда суд, не утруждая себя в установлении конкретного лица, виновного в совершении преступления, а ограничившись лишь тем, что преступление совершил высокий и рыжий человек, приговаривает первого попавшегося рыжего и высокого (а именно: тебя) к наказанию?», - они прямо заявляют, что применительно к себе, любимому, они этот тезис не применяют.

Иными словами, в ситуации, когда истина не установлена, то, по их мнению, допустимо, что ответственность должны нести любые заподозренные субъекты, чья причастность к совершенному преступлению не доказана (но не они сами). Подобное отношение вряд ли можно признать истинно научным. Подобный подход «судейских» к истине откровенно высмеял М.Е. Салтыков-Щедрин в своих «Губернских очерках», приведя рассуждения судьи: «Я не схожу в свою совесть, я не советуюсь с моими личными убеждениями; я смотрю на то только, соблюдены ли все формальности … Какое мне дело до того, совершено ли преступление в действительности, или нет! Я хочу знать, доказано ли оно или не доказано – и больше ничего!». Понятно, что подобным образом воспринимать правосудие может только тот субъект, лично которого эти «формально-

---

[1] Конин В.В. профессиональная этика в деятельности адвоката // Федеральное законодательство об адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования: Материалы Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 13 июля 200 4 г. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. – С. 163-164.

[2] Белоносов В.О., Колесников Е.В. Критерии истинности результатов толкования уголовно-процессуальных норм //Журнал российского права. 2003. № 5.

[3] Краткая философская энциклопедия. – М.: АО «изд-кая группа «Прогресс», 1994. – С. 189.

[4] Бастрыкин А.И. Суть суда // Российская газета. 2012. 16 марта.

сти» не коснутся никогда. В современной России так относительно спокойно могут себя чувствовать только те субъекты, которые перечислены в ст. 447 УПК РФ, поскольку уголовное преследование в отношении них существенно затруднено.

Понимая, что абсолютную истину по уголовному делу установить невозможно хотя бы потому, что к моменту расследования преступления обстоятельства времени и места определенным образом изменились, считаем, что истина неразрывно связана с правосудием. Вероятно, истину в уголовном судопроизводстве правильнее было бы назвать материальной или объективной.

Объективная истина, как известно, - не зависит от человека. Она объективна по содержанию, но субъективна по форме, как результат человеческого мышления[1]. Применительно к расследованию преступлений, по нашему мнению, для приближения к материальной истине следователь обязан максимально точно установить обстоятельства расследуемого события, учитывать презумпцию[2], и выносить решение по делу на основании своего внутреннего убеждения.

Понятно, что максимально точное установление всех обстоятельств событий прошлого возможно только при условии приобретения дополнительных эмпирических знаний при исследовании конкретного события прошлого, в том числе путём максимально точного установления временных характеристик совершенного преступления.

Иными словами, при установлении истины по уголовному делу следователь обязан не только доказать фактическую, объективную сторону - наличие всех элементов состава преступления в действиях виновного лица, но и принять верное субъективное решение - правильно оценить их с позиции права, т. е. квалифицировать по определенной статье Уголовного кодекса РФ. Как верно отметил русский философ Н. Бердяев, «истина не объективна, она субъективна…Истина не получается извне, она получается внутри»[3].

Следователь и судья обязаны знать и уметь оперировать понятием объективной истины, осознавая определенную неполноту этого знания. На достоверность истины влияют разные факторы, среди которых временн*о*й нередко является доминирующим. Только истекшее время может способствовать пониманию того – действительно ли следователь установил истину по делу. Так, в последние годы стало известно, что в ряде случаев подсудимые были ошибочно приговорены к наказанию, хотя приговоры по этим делам были вынесены на основании таких доказательств, которые на момент их вынесения считались надежными и казалось бы - вечно истинными. Год назад в СМИ появились сообщения о скандале в США, основой которого стали методологические ошибки криминалистов, приведшие к несправедливым решениям в сотнях уголовных дел, в том числе в 4.1 % касающихся приговоренных к смертной казни[4]. И это при том, что приговоры по этим делам были основаны на заключениях самых точных на тот момент времени - судебно-дактилоскопических экспертиз! Российская статистика такие факты не афиширует, но думается что и в России их тоже немало. Иными словами, при установлении истины по делу необходимо искать такие незыблемые источники доказательств, которые точно не утратят своей достоверности во времени (в настоящее время к таковым можно отнести экспертизы ДНК).

---

[1] Советский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. - С. 516

[2] Презумпция – предположение, принимаемое за истинное, пока не будет доказано обратное. См. Большой словарь иностранных слов. 7-е изд., испр. и доп. / Сост. А.Ю. Москвин. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. - С. 450.

[3] Гончар Л.Ф. Философия: учебное пособие. – М.: изд-во МГИУ, 1996. – С. 144.

[4] Американцы подсчитали частоту ошибок в смертных приговорах. Электронный ресурс. Лента.ру 07.10.2014; ФБР признано серьезные ошибки своих криминалистов в расследовании сотен дел. Электронный ресурс. Лента. Ру. 07.10.2014.

Осознавая ошибочность игнорирования роли истины в уголовном судопроизводстве, криминалисты настойчиво продолжают разрабатывать тактические и стратегические основы раскрытия и расследования преступлений, создавая условия не просто установления группы лиц, возможно причастных к совершению очередного преступления, а идентификации конкретного преступника, причём к такой идентификации, на которую не сможет повлиять даже всесильное время. Такой подход представляется нам единственно верным. По уголовному делу должна быть установлена объективная истина, однозначно свидетельствующая, что конкретное преступление совершил конкретный субъект. Если это не так, если объективная истина в правосудии не нужна, то приверженцы таких взглядов должны признать допустимым осуждение субъекта, не причастного к расследуемому событию. То есть признать разумность норм, существовавших в Киевской Руси, где наказанию подлежали все жители поселения, к которому привели следы вора.

Поэтому с целью максимально точного восстановления прошлого, криминалистами разрабатываются приёмы извлечения информации о расследуемом деянии, в том числе сведений о времени как при исследовании материальных объектов, вовлеченных в преступную деятельность, так и при активировании следов памяти при общении с участниками интересующего следователя события. Максимально точное установление времени и места преступления, как отмечают криминалисты, зачастую способствует, установить истину по уголовному делу и привлечь виновное лицо к ответственности[1].

По нашему мнению, процессуальное решение по уголовному делу, принятое следователем или судьёй, должно быть основано на истинном знании о предмете доказывания, полученном в результате всестороннего, полного и объективного расследования, с соблюдением всех процессуальных норм, предусмотренных УПК РФ. Оценка полученных знаний должна осуществляться по внутреннему убеждению следователя или судьи, что свойственно российскому уголовному процессу с момента принятия УУС 1864 года. Пора возвратить в уголовный процесс доверие к следователю и судье, благодаря которому российское правосудие на протяжении многих веков высоко ценилось во всем мире.

Учитывая существующие реалии, предлагаем использовать национальное правовое наследие, и включить в действующий УПК РФ 2001 г. требование об установлении истины по уголовному делу. Причем, с учетом провозглашенной состязательности уголовного процесса, обязать суд, прокурора, следователя и лицо, производящего дознание, принимать меры по установлению истины путем всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, оставив вне поля деятельности перечисленных субъектов обязанность установления обстоятельств, оправдывающих обвиняемого. Этим должна заниматься сторона защиты.

[1] Мешков В.М. Время в уголовном процессе и криминалистике. – М.: Юрлитинформ, 2012. - 216 с.

Н.С. Карпов

Некоторые полномочия прокурора по надзору за проведением досудебного расследования

В статье рассмотрен круг полномочий прокурора по надзору за проведением досудебного расследования, предусмотренных в Уголовно-процессуальном кодексе Украины и даны предложения по усовершенствованию действующего законодательства в данной сфере.

***Ключевые слова**: прокурор, надзор, полномочия, орган дознания.*

N.S. Karpov

Prosecutor's powers in pre-court stages of criminal procedure

The article covers the powers of the prosecutor in supervision of the pre-court stage by the Criminal Procedure Code of the Ukraine. There are also a number of propositions to improve the modern legal system in this field.

***Keywords**: prosecutor, supervision, powers, body of inquiry*

Согласно п.3 ст.121 Конституции Украины, п.3 н.1 ст.5 Закона Украины "О прокуратуре", на прокуратуру возлагается осуществление такой функции как надзор за соблюдением законов органами, которые проводят дознание и досудебное следствие. Полномочия прокурора по такому надзору определены в ст.100, главе 21 Уголовно-процессуального кодекса Украины (далее - УПК), некоторых иных статьях УПК. Эти полномочия направлены на выявление, устранение и предупреждение нарушений уголовно-процессуального закона.

Согласно ст.227 УПК, осуществляя надзор за исполнением законов органами дознания и досудебного следствия, прокурор в пределах своей компетенции:

- требует от органов дознания и досудебного следствия для проверки уголовные дела, документы, материалы и иные сведения о совершенных преступлениях, ходе дознания, досудебного следствия и установления лиц, совершивших преступления; проверяет не реже одного раза в месяц исполнение требований закона о приеме, регистрации и разрешении заявлений и сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях;
- отменяет незаконные и необоснованные постановления следователей и лиц, производящих дознание;
- дает письменные указания о расследовании преступлений, об избрании, изменении или отмене меры пресечения, квалификации преступления, производстве отдельных следственных действий и розыске лиц, совершивших преступления, в том числе о выдаче лица (экстрадиции);
- проверяет перед направлением вышестоящему прокурору документы органа досудебного следствия о выдаче лица (экстрадиции), возвращает их соответствующему органу с письменными указаниями, если считает их необоснованными или такими, что не соответствуют требованиям международного договора Украины или иного акта законодательства;
- возвращает уголовные дела органам досудебного следствия со своими указаниями о производстве дополнительного расследования;
- утверждает поручение органов дознания и досудебного следствия о международной правовой помощи или по собственной инициативе обращается с такими поручениями в порядке, установленном этим Кодексом;
- поручает органам дознания и досудебного следствия исполнение запроса (поручения) компетентного органа иностранного государства о международной правовой по-

мощи, проверяет полноту и законность проведения следственных и иных процессуальных действий;

- поручает органам дознания исполнение постановлений о задержании, приводе, заключении под стражу, производстве обыска, выемки, розыске лиц, совершивших преступление, выполнение других следственных действий, а также дает указания о принятии необходимых мер для раскрытия преступления и обнаружения лиц, их совершившим, по делам, находящимся в производстве прокурора или следователя прокуратуры;
- поручает органам дознания проведения розыска и задержания лиц, которые совершили преступления за пределами Украины, выполнение отдельных процессуальных действий с целью выдачи лица (экстрадиции) за запросом компетентного органа иностранного государства;
- участвует в производстве дознания и досудебного следствия и в необходимых случаях лично производит отдельные следственные действия или расследование в полном объеме по любому делу;
- санкционирует производство обыска, отстранение обвиняемого от должности и другие действия следователя и органа дознания в случаях, предусмотренных этим Кодексом; продлевает срок расследования в порядке, установленном этим Кодексом;
- дает согласие или подает в суд представление об избрании меры
- пресечения в виде заключения под стражу, а также о продолжении срока содержания под стражей в порядке, установленном этим Кодексом;
- возвращает уголовные дела органам досудебного следствия со своими указаниями о производстве дополнительного расследования;
- возвращает уголовные дела органам досудебного следствия со своими указаниями о производстве дополнительного расследования;

На наш взгляд, необходимо усовершенствовать процессуальную форму реализации некоторых полномочий прокурора по осуществлению надзора. Так, в п.7-1 ч.1 ст.227 УПК указано, что прокурор дает согласие или подает в суд представление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Решение этого вопроса регулируется ч.2 ст. 165-2 УПК. Если орган дознания, следователь считает, что есть основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, он вносит по согласию с прокурором представление в суд. При решении этого вопроса прокурор обязан ознакомиться со всеми материалами, которые дают основания для заключения под стражу, проверить законность получения доказательств, их достаточность для обвинения

Считаем недостатком этой нормы то, что в ней не определено, какое решение должен принять прокурор, если он придет к выводу, что доказательства получены незаконно или их недостаточно для обвинения. Как он должен действовать в такой ситуации сказано не в УПК, а в п.5. 1 приказа Генерального прокурора Украины №4гн от 19 сентября 2005г. "Об организации прокурорского надзора за соблюдением законов органами, которые проводят дознание и досудебное

следствие". В нем указано, что решение об отказе в согласовании представления о взятии под стражу прокурор должен излагать с указанием мотивов на этом документе.

Такое разъяснение вызывает возражения. Отказ прокурора в согласовании представления органа дознания, следователя об избрании меры пресечения - это процессуальное решение. Согласно п.14 ст.32 УПК, формой решения прокурора является постановление. Учитывая изложенное, предлагаем дополнить ч.2 ст. 165-2 УПК положением, что об отказе в утверждении представления о взятии подозреваемого, обвиняемого под стражу прокурор выносит мотивированное постановление, которое приобщается к уголовному делу.

Согласно ч.5 ст.177, ч.ч. 3, 4 ст.178, ч.4 ст.187, ч.4 ст.190 УПК, орган дознания, следователь должен согласовать с прокурором представление о проведении некоторых

следственных действий. Однако ни в этих нормах УПК, ни в указанном приказе Генерального прокурора Украины не определено, какое решение должен принимать прокурор, если для их проведения нет оснований. Поэтому предлагаем дополнить приведенные нормы УПК положением, что об отказе в даче согласия на обращение в суд органа дознания, следователя с представлением о проведении следственных действий прокурор выносит мотивированное постановление, которое приобщается к уголовному делу.

В п.10 ч.1 ст.227 УПК не сказано, при каких нарушениях закона при расследовании дела прокурор обязан отстранить лицо, производящее дознание, следователя от дальнейшего ведения дознания или досудебного следствия. Считаем, что в УПК следует привести исчерпывающий перечень таких нарушений закона. Иначе возможны злоупотребления прокурора при реализации этого полномочия. Также в п.10 ч.1 ст.227 УПК целесообразно определить процессуальную форму отстранения лица, производящего дознание, следователя от расследования.

В п.11 ч.1 ст.227 УПК говорится о том, что прокурор дает согласие на прекращение уголовного дела следователем в тех случаях, когда это предусмотрено настоящим Кодексом. Предлагаем исключить это положение.

УПК не предусматривает случаев, чтобы прокурор давал согласие на прекращение уголовного дела. Решение о прекращении дела по реабилитирующим основаниям следователь принимает самостоятельно. По нереабилитирующим основаниям уголовное дело прекращает суд.

Если буквально толковать п.12 ч.1 ст.227 УПК, можно прийти к выводу, что только прокурор разрешает вопрос о допуске защитника к участию в деле. Однако это не так. В соответствии с ч.5 ст.44 УПК решение о допуске защитника к участию в деле, кроме прокурора, также принимает лицо, производящее дознание, следователь. Поэтому считаем целесообразным исключить п.12 из ч.1 ст.227 УПК.

О.С. Кучин

О необходимости постоянного закрепления в УПК РФ разработок криминалистической науки

Как любая наука, криминалистика имеет теоретическую и прикладную функции. Для того чтобы эффективно бороться с различными преступными проявлениями, сотрудники правоохранительных органов должны обладать широкими знаниями в области криминалистики - науке, которая обеспечивает своими разработками деятельность следователей, дознавателей и оперативных сотрудников в раскрытии преступлений. Криминалистика является одной из основных дисциплин криминального цикла юриспруденции.

Ключевые слова: *криминалистика, уголовный процесс, криминалистическая тактика, юридические науки, механизм совершения преступления, раскрытие и расследование преступлений, средства и методы криминалистики, функции.*

O.S. Kuchin

The nesessity of continued enshrined of criminalistic development in the Criminal Procedure Code

Like any science, criminalistics has theoretical and applied functions. In order to effectively deal with the various manifestations of crime, law enforcement officials should have extensive knowledge in the field of forensic science - the science that provides its development activities of investigators, investigators and operational staff in solving crimes. Forensics is one of the main subjects of the criminal law cycle.

Keywords: *criminalistics, criminal procedure, criminal tactics, jurisprudence, the mechanism of the crime and investigation of crimes, means and methods of criminology, functions.*

В 1908 г. основоположник науки Г. Гросс впервые сформулировал позицию о том, что криминалистика – это наука о том, «каким способом совершаются преступления и как их раскрывать». В дальнейшем один из основоположников российской криминалистики Н.П. Яблоков указал, что считает криминалистику наукой, исследующей закономерности преступных деяний, механизм их отражения в источниках информации, особенности деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению всех видов преступлений и разрабатывающей на этой основе и использовании данных юридических и других наук средства и методы указанной деятельности с целью обеспечения надлежащего применения процессуально - материальных правовых норм. С этими доводами можно и безусловно следует согласиться. Криминалистика является единственной юридической наукой, которая с помощью данных самых разных наук и произведенных на основе этих наук и юридической практики теоретико-прикладных обобщений осуществляет познание отраженных в окружающей среде фактов прошлого для получения оснований принятия обоснованных юридических решений. Основа этих процессов - установленные на философском уровне категории отражения, взаимосвязи и взаимообусловленности явлений и, наконец, познавательности мира.

Вместе с тем, состояние современного развития российского общества в настоящее время характеризуется не только увеличением общего числа преступлений, но и качественным изменением преступности в целом. Для того чтобы эффективно бороться с различными преступными проявлениями, сотрудники правоохранительных органов должны обладать широкими юридическими знаниями, и, в первую очередь, в области

криминалистики - науке, которая обеспечивает своими разработками деятельность следователей, дознавателей и оперативных сотрудников в раскрытии преступлений. Криминалистика является одной из основных дисциплин криминального цикла юриспруденции.

Как специальная юридическая наука прикладного характера криминалистика имеет свои достаточно разработанные научные методы исследования и опирающуюся на них систему частных криминалистических теорий и методов. На этой общей и частной теоретической и методической основе разрабатываются технико-криминалистические средства, тактические приемы и методики выявления, раскрытия и расследования и предупреждения преступлений.

Изучая практику совершения разных видов преступлений, а также исследуя и обобщая следственно-оперативный опыт борьбы с ними, криминалистика разрабатывает на основе использования данных отдельных естественных, технических и гуманитарных наук средства, приемы и методы выявления, раскрытия и расследования любых преступлений. Поэтому она является одной из ведущих научно-учебных дисциплин, обеспечивающих, прежде всего, профессиональную подготовку следственных, экспертно-криминалистических, оперативно-розыскных работников, а также судей. Вместе с тем, знания криминалистики необходимы адвокатам, работникам частной детективной и охранной деятельности, нотариусам, работникам банков и многих других юридических специальностей.

Большое значение науки криминалистики для практической деятельности в сфере предварительного и судебного следствия и других областей юридической деятельности ставит ее в ряд весьма важных юридических наук прикладного характера.

Криминалистика органически связана с уголовным процессом. В прошлом некоторые ученые-процессуалисты называли ее продолжением, или специальным курсом, уголовного процесса. Разрабатываемые криминалистикой технические средства, тактические приемы и методы могут использоваться на практике лишь при условии, что они подчинены задачам уголовного судопроизводства, отвечают принципам и нормам уголовного процесса. Фактические данные, обнаруженные, зафиксированные и исследованные с нарушением этих требований, не могут иметь силы и значения судебных доказательств.

Первоначально отдельные криминалистические знания, приемы, методы и рекомендации формировались в рамках уголовно-процессуальной науки. Постепенно, но мере развития теоретических представлений, накопления специальных сведений, расширения сферы исследований криминалистика выделилась в самостоятельную научную отрасль. На этом взаимодействие уголовно-процессуальной науки и криминалистики не закончилось. Положения науки уголовного процесса широко применяются в криминалистике и в настоящее время. В частности, одними из основных элементов теоретико-доказательственной концепции предмета криминалистики являются понятия собирания, проверки и оценки доказательств. В криминалистических исследованиях учитываются принципы уголовного процесса, творчески используются понятия доказательств и доказывания. Уголовно-процессуальная наука определяет содержание средств доказывания, условия их применения, допустимость и относимость полученных доказательств. Результаты исследований в этом направлении принимаются во внимание при разработке криминалистических приемов, методов и средств. Следует отметить, что развитие криминалистической науки идёт с некоторым опережением развития уголовного процесса. Различные криминалистические приемы, методы, рекомендации в дальнейшем дают развитие отдельным разделам уголовно - процессуальной науки и права. В свое время предъявление для опознания группы объектов рассматривалось как тактический прием

этого следственного действия. В дальнейшем такое проведение опознания было закреплено в законе и перестало быть тактическим приемом. И таких примеров можно привести множество. Учёными была определена объективная закономерность влияния криминалистики на уголовное судопроизводство, выразившаяся в создании, разработке и включении в уголовно-процессуальное законодательство таких следственных действий как: следственный эксперимент, предъявление для опознания, проверка показаний на месте, получение образцов для сравнительного исследования и других, а также основных правил проведения следственных действий.

Отечественная криминалистика прошла большой и трудный путь становления и развития. Начав с накопления достаточно большого объема эмпирических знаний, их систематизации и создания на этой базе частных теорий, криминалистика стала наукой, отвечающей всем требованиям, предъявляемым к подлинной науке:

-изучающей закономерности возникновения, собирания и исследования информации о событии преступления;

-научные положения криминалистики постоянно обогащается новыми знаниями;

-научные знания криминалистики успешно реализуются в деятельности правоохранительных органов и постоянно проверяются и подтверждаются практикой;

Таким образом, налицо почти все основных условия, которым должна отвечать наука криминалистика в соответствии с положениями науковедения и как всякая подлинная наука она находится в сложных взаимосвязях и взаимоотношениях с достаточно большим числом юридических наук и в первую очередь это касается уголовного процесса. Причем уголовного процесса во всех трех значениях этого терминологического сочетания: а) уголовного процесса как науки; б) уголовного процесса как системы норм; в) уголовного процесса как реальной практической деятельности.

Как и любая наука, криминалистика имеет теоретическую и практическую (прикладную) функции. В самом общем виде о прикладной функции сказано выше. Она сводится к созданию таких видов научной продукции, разрабатываемых с учетом потребностей работников органов дознания, предварительного следствия, экспертов-криминалистов, прокуроров и судебных органов, которые поступают на вооружение правоохранительных органов и используются ими в ходе осуществления своей профессиональной деятельности в рамках уголовного процесса. В круг такой продукции входят средства криминалистической техники, методы и методики их применения, правила и приемы подготовки и производства отдельных следственных действий и мероприятий, тех или иных комплексов подобных действий и мероприятий (тактических операций), методики решения различного уровня общих и ситуационных задач на тех или иных стадиях этапах поисково-познавательной деятельности в уголовном процессе. Что касается теоретической функции криминалистики, то ее реализация исходит из двуединой задачи развития науки и создания прочного теоретического фундамента для разработок прикладного характера. В этих целях создаются и непрерывно совершенствуются понятийно-терминологический аппарат криминалистики, методы, подходы, концепции, процедуры, программы и методический инструментарий получения, использования учеными знания об объекте науки, его отдельных сторонах, элементах. В рамках этой функции идет процесс формирования и развития общей и частных криминалистических теорий и учений (теории криминалистической идентификации, кибернетики, виктимологии, моделирования, учений о признаках преступлений, о криминалистической версии, об организации расследования и т. д.), разрабатываются, совершенствуются криминалистические систематики, классификации, типологии, характеристики.

Вместе с тем в настоящее время стала наблюдаться порочная тенденция, когда следователи, дознаватели, оперативные сотрудники и даже судьи стали явно игнориро-

вать положения криминалистики, ссылаясь на то, что эта наука, в общем-то, носит явно не нормативный, а лишь рекомендательный характер. Т. е. по мнению некоторых правоприменителей положения науки криминалистики обязательными для использования не являются и могут быть ими вполне игнорированы. Это негативное явление прослеживается при изучении материалов уголовных дел и приговоров судов.

И вот что интересно в данной ситуации. Нам учёным и возразить по данному вопросу особенно нечего. Ведь действительно, многие положения криминалистики действительно носят в основном рекомендательный характер и не могут быть навязаны такому нерадивому следователю, дознавателю, оперативнику и тем более судье. Ну не предусмотрено в УПК РФ объективно расследовать уголовное дело и всё. Поэтому их и расследуют в большинстве случаев с обвинительным уклоном, игнорируя даже простую человеческую логику, не говоря уже о тех достижениях науки, которые им рекомендуются использовать. То же самое относится и к оценке результатов оперативно-розыскной деятельность, которые в последние годы всё чаще и чаще стали фигурировать в уголовных делах как доказательства. И если криминалистика предлагает свои подходы к оценке этих результатов, то действующий УПК РФ вообще регулирует это абсолютно аморфно, предоставляя следователю и суду по своему трактовать положения ст. 89 УПК РФ, которых явно недостаточно для объективной и верной оценки. Все эти и другие негативные явления систематически освещаются учёными в своих научных трудах. А самое главное, что они действительно имеют место на фоне общего снижения профессионализма следователей, дознавателей и оперативных сотрудников.

Вместе с тем, как уже мной указывалось выше, наука криминалистика в настоящее время наработала огромный потенциал рекомендаций, которые помогли бы решить многие вопросы в правильном понимании сотрудниками правоохранительных органов и судами тех или иных спорных моментов в их деятельности. Для этого необходимо просто перевести многие криминалистические достижения в нормативно – правовое русло и сделать их обязательными для постоянного применения в ходе расследования преступлений и рассмотрения уголовных дел судами. Объём данной статьи не позволяет автору более подробно остановиться на данной проблеме, поэтому им и предлагается начать научную полемику по данному вопросу на страницах криминалистической литературы, чтобы в дальнейшем способствовать усовершенствованию нашего уголовного процесса и самой правоприменительной деятельности.

А.С. Ладошкин

Преступления, связанные с доказыванием в гражданском и арбитражном судопроизводстве, как объект криминалистического исследования

Автор обосновывает, что для построения частной криминалистической методики расследования преступлений, связанных с доказыванием в гражданском и арбитражном судопроизводстве, необходимо определение содержания таких преступлений с позиций криминалистической науки. В статье выделяются характерные признаки преступлений, связанных с доказыванием в гражданском и арбитражном судопроизводстве. На этой основе автор формулирует определение преступлений, связанных с доказыванием в гражданском и арбитражном судопроизводстве, как объекта криминалистического исследования.

***Ключевые слова**: гражданский процесс, арбитражный процесс, доказывание, методика расследования преступлений, криминалистика.*

A.S. Ladoshkin

Civil substantiation related crimes as an object of criminalistics study

The author proves to for the construction of private criminalistic method of investigation crimes with substantiation in civil and arbitration proceedings, it is necessary the definition of such crimes from the standpoint of criminalistic science. In the article enunciated the characteristics of crime with substantiation in civil and arbitration proceedings. On this basis the author formulates the definition of crimes with substantiation in civil and arbitration proceedings as object criminalistics research.

***Keywords**: civil litigation, arbitration process, substantiation, criminalistic method of investigation crimes, criminalistics.*

Нормы ч. 1 ст. 46 Конституции РФ гарантируют каждому право на судебную защиту его прав и свобод. Согласно ст. 2 ГПК РФ, ст. 2 АПК РФ задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений[1]. Вместе с тем, как показывает анализ судебно-следственной практики, довольно часто процесс доказывания по гражданским и арбитражным делам сопровождается различными нарушениями, в том числе и совершением деяний, запрещенных Уголовным кодексом РФ. Преступления, связанные с доказыванием в гражданском и арбитражном судопроизводстве, характеризуются значительной общественной опасностью, поскольку нарушают не только процессуальные права участников гражданского и арбитражного судопроизводства, но и посягают на естественные права человека – право на судебную защиту и право на справедливое судебное разбирательство.

В соответствии с Концепцией федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»[2] основными направлениями дальнейшего раз-

[1] Ершова Н.В. Проверка достоверности заявления о фальсификации доказательства в гражданском судопроизводстве: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 3.

[2] Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2012 N 1735-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013 - 202 0 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 40. Ст. 5474.

вития судебной системы являются «обеспечение доступа граждан к правосудию и обеспечение его максимальной открытости и прозрачности, реализация принципа независимости и объективности при вынесении судебных решений». Сказанное свидетельствует о том, что решение указанных стратегических задач возможно только при соблюдении ряда условий, к числу которых, несомненно, следует отнести обеспечение законности доказывания по всем категориям дел (в том числе гражданским и арбитражным). Таким образом, соблюдение установленного порядка собирания и оформления доказательств является непременным условием объективного и справедливого правосудия, поскольку вынесение законных и обоснованных судебных актов возможно только в условиях добросовестности всех участников судопроизводства при представлении доказательств в суд[1].

Как представляется, одним из направлений противодействия нарушениям в сфере установленного законом порядка осуществления гражданского и арбитражного процесса, может стать создание частной криминалистической методики раскрытия и расследования преступлений, связанных с доказыванием по гражданским и арбитражным делам. Однако разработке частной криминалистической методики исследуемой категории преступлений, должно предшествовать определение содержания понятия «преступления, связанные с доказыванием в гражданском и арбитражном судопроизводстве» с криминалистической точки зрения и выделение их характерных признаков.

Доказывание является центральным институтом гражданского и арбитражного процесса и согласно мнению специалистов в области гражданского и арбитражного процесса представляет собой единство процессуальной и мыслительной деятельности суда и лиц, участвующих в деле, направленной на подтверждение либо опровержение обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. Таким образом, содержание судебного доказывания составляют: 1) процессуальная деятельность, регламентированная нормами гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства; 2) мыслительная деятельность, основное содержание которой регулируется правилами формальной логики[2].

Процесс судебного доказывания в гражданском и арбитражном процессе протекает в определенной последовательности и состоит из нескольких этапов. В науке гражданского и арбитражного процесса существуют различные точки зрения на структуру доказывания[3]. Попытки к определению системы стадий судебного доказывания в гражданском и арбитражном процессе предпринимали и специалисты в области уголовного права при исследовании уголовной ответственности за посягательства на установленный порядок доказывания в данной сфере. Однако по большому счету они лишь повторяют наиболее распространенную в науке гражданского и арбитражного процесса позицию относительно определения перечня и последовательности элементов судебного доказывания. Так, Н.А. Коробейников предлагает в структуре судебного доказывания по гражданским и арбитражным делам выделять следующие стадии:

1) Определение круга фактов, подлежащих доказыванию (определение предмета и пределов доказывания).

---

[1] См. Радионов Г.Г. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 3.

[2] См. например: Треушников М.К. Доказательства и доказывание в гражданском процессе: автореф-т дисс. … канд. юрид. наук. М., 1984. С. 27-28; Рассахатская Н.А. Гражданский процесс: учебное пособие. М.: Ай Пи Эр Медиа, 2010. С. 51 и др.

[3] Калпин А.Г. Письменные доказательства в судебной практике по гражданским делам: автореф-т дисс. … канд. юрид. наук. М., 1966. С. 16; Советский гражданский процесс: учебник / под ред. В.И. Комиссарова, В.М. Семенова. М., 1988. С. 192; Решетникова И.В. Доказательственное право в Российском гражданском судопроизводстве: автореф-т дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1997 и др.

2) Выявление и собирание доказательств по делу. Выявление доказательств - это деятельность лиц, участвующих в деле, суда по установлению того, какие доказательства могут подтвердить или опровергнуть факты, входящие в предмет доказывания. Собирание доказательств - это деятельность суда, участвующих в деле лиц и их представителей, направленная на обеспечение наличия необходимых доказательств к моменту разбирательства дела в судебном заседании. Субъектами деятельности по собиранию доказательств являются лица, участвующие в деле.

3) Исследование доказательств. Это совместная деятельность суда и лиц, участвующих в деле, направленная на установление соответствия доказательств всем предъявляемым к ним требованиям, а также на наиболее полное установление их содержания (какие именно сведения о фактах, подлежащих доказыванию по делу, несет то или иное доказательство).

4) Оценка доказательств. Основным субъектом оценки доказательств является суд. Результаты судебной оценки доказательств должны быть отражены в судебном акте, которым заканчивается производство по делу[1].

Определив понятие и содержание доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве, то есть совокупность условий, в которых протекает исследуемый вид преступной деятельности, полагаем целесообразным перейти анализу самих преступлений, которые могут совершаться в данной сфере. Как показал, анализ судебной практики перечень преступлений, непосредственно посягающих на законный процесс доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве, включает в себя следующие составы преступлений:

- ч. 1 и ч. 3 ст. 294 УК РФ – воспрепятствование осуществлению правосудия;
- ч. 1 и ч. 3 ст. 303 УК РФ – фальсификация доказательств по гражданскому делу лицом, участвующим в деле, или его представителем;
- ч. 1 ст. 307 УК РФ – заведомо ложные показания свидетеля либо заключение или показание эксперта, показание специалиста, а равно заведомо неправильный перевод в суде;
- ст. 308 УК РФ – отказ свидетеля от дачи показаний;
- ч. 1 – 4 ст. 309 УК РФ – подкуп или принуждение свидетеля к даче ложных показаний или уклонению от дачи показаний, либо эксперта, специалиста к даче ложного заключения либо переводчика к осуществлению неправильного перевода.

Исходя из того, что понятие представляет собой целостную совокупность суждений об отличительных признаках исследуемого объекта, ядром которой являются суждения о наиболее общих и в то же время существенных особенностях этого объекта[2], при конструировании определения понятия «преступления, связанные с доказыванием в гражданском и арбитражном судопроизводстве» полагаем необходимым выделить перечень существенных признаков, которые позволили бы сформулировать искомое понятие через призму предмета науки криминалистики. Совершение преступлений, связанных с доказыванием в гражданском и арбитражном процессе, имеет существенные отличия от таких преступлений, совершаемых в сфере уголовного судопроизводства и имеют ряд общих признаков, позволяющих их объединить в рамках одной частной криминалистической методики расследования таких преступлений. Среди таких признаков можем назвать следующие:

---

[1] Коробейников Н.А. Уголовная ответственность за посягательства на установленный порядок доказывания в гражданском и арбитражном процессах: автореф-т дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 15.

[2] Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М., 1976. С. 456.

1) специальный субъект преступления – лицо, участвующее в гражданском или арбитражном деле;

2) прямой умысел на совершение преступления;

3) способ совершения преступления, выраженный в активных или пассивных действиях, направленных на искажение доказательственной информации, подлежащей исследованию в суде;

4) цель – получение выгоды для себя и третьих лиц.

Резюмируя изложенное, можем сделать вывод, что преступления, связанные с доказыванием в гражданском и арбитражном процессе, как объект криминалистического исследования представляют собой умышленную противоправную деятельность участников гражданского или арбитражного судопроизводства, выраженную в форме активных или пассивных действий, направленных на искажение восприятия судом юридически значимых фактов, имеющих значения для принятия судебного решения, в целях достижение выгоды для себя или третьих лиц.

М.Ш. Махтаев

Неотложные следственные действия:
процессуальный и криминалистический аспекты

В статье раскрывается криминалистическое понятие и сущность неотложных следственных действий, обосновывается, что задержание в криминалистике рассматривается одновременно как мера уголовно-процессуального принуждения, так и неотложное следственное действие. Вносятся предложения по уточнению понятия «неотложные следственные действия» в УПК РФ.

***Ключевые слова**: неотложные следственные действия; предварительное расследование, предварительное следствие, дознание, орган дознания, дознаватель, следователь, криминалистика, задержание.*

M. Sh. Mahtaev

Urgent investigative actions: procedural and criminalistics aspects

In the article the criminalistics concept and essence of urgent investigative actions, it is argued that the detention in forensic science is seen both as a measure of criminal procedure compulsion and urgent investigative action. Suggestions for clarification of the notion of "urgent investigative actions" in the code of criminal procedure.

***Keywords**: urgent investigative steps; preliminary investigation, preliminary investigation, inquiry, to body-knowledge, the interrogating officer, the investigator, criminalistics, detention.*

Вопросы производства неотложных следственных действий, какие следственные действия следует отнести к неотложным, остаются в настоящее время остро дискуссионными.

Успех в расследовании преступлений, как справедливо считает А.Б. Соловьев, в решающей мере определяется эффективностью использования органом дознания, дознавателем, следователем отдельных следственных действий и их системы – производством в оптимальной последовательности всех необходимых по конкретному уголовному делу следственных действий, чем обеспечивается всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств каждого преступления, создается необходимая и достаточ-

ная база доказательств для принятия законных и обоснованных процессуальных решений по делу[1].

Институт неотложных следственных действий, предусмотренный ранее действовавшим УПК РСФСР, в результате реформирования уголовного судопроизводства в настоящее время претерпел ряд серьёзных изменений.

Новый уголовно-процессуальный закон воплотил в себе многие передовые идеи по совершенствованию предварительного расследования преступлений. Однако законодатель, уделив значительное внимание предварительному следствию, основаниям и порядку проведения отдельных следственных действий, не вполне логично и последовательно сконструировал институт неотложных следственных действий.

Несовершенство процессуального законодательства позволяет неоднозначно толковать соответствующие правовые нормы об институте неотложных следственных действий. Этот процесс осложняется также дефицитом научных исследований, раскрывающих их понятие и сущность в современных условиях, малым количеством методических рекомендаций по их производству.

На сегодняшний день должным образом не определены процессуальный статус и содержание института неотложных следственных действий, система органов дознания и предварительного следствия, непосредственно осуществляющих неотложные следственные действия; не выделены критерии неотложности следственных действий.

Уголовно-процессуальное законодательство определяет неотложные следственные действия как «действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования[2]».

Данное определение содержит в своей структуре противоречия с другими нормами УПК РФ. Так ст. 144 УПК РФ допускает производство следственных действий, безусловно неотложных, еще до возбуждения уголовного дела, призванных закрепить следы преступления, получить данные о личности преступника и иные данные о преступлении. При этом, такие следственные действия производятся не только органом дознания, но и следователем и дознавателем.

Следственные действия, производимые до возбуждения уголовного дела, дают следователю и дознавателю ту информацию о преступлении, на основании которой планируется дальнейшее расследование преступления. При проведении следственных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела, возможно привлечение для участия в этих действиях специалистов[3].

С точки зрения криминалистики, неотложными являются такие следственные действия, промедление с производством которых может привести к утрате, порче следов преступления, или затруднит их обнаружение и закрепление, или даст возможность лицу, подозреваемому в совершении преступления, уклониться от следствия и суда. Следовательно, неотложные действия - это те следственные действия, которые проводятся незамедлительно, так как промедление в их производстве может привести к отрицательным последствиям, а иногда и исключить возможность раскрытия преступления и изобличения лица, его совершившего.

Место и значение неотложных следственных действий на стадии предварительного расследовании преступлений можно уяснить из анализа их задач: выявление и

---

[1] См.: Соловьев А.Б. Актуальные проблемы досудебных стадий уголовного судопроизводства. –М: Издательство «Юрлитинформ», 2006. – С. 304.
[2] См.: п.19 ст.5 УПК РФ.
[3] См. ст. 144 УПК РФ в редакции Федерального закона Российской Федерации от 4 марта 201 3 г. N 23-ФЗ.

предотвращение готовящихся и пресечение совершаемых преступлений; проверка оснований для возбуждения уголовного дела; обнаружение и закрепление материальных следов преступления; определение подследственности и направления хода дальнейшего расследования; собирание доказательств; выявление причин и условий (обстоятельств), способствующих совершению и сокрытию преступления.

При наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, орган дознания в порядке, установленном ст. 146 УПК РФ, возбуждает уголовное дело и производит неотложные следственные действия (ст. 157 УПК РФ). Здесь же определены органы дознания, производящие неотложные следственные действия.

Согласно ч. 3 ст. 157 УПК РФ, после производства неотложных следственных действий и не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела орган дознания направляет уголовное дело руководителю следственного органа в соответствии с п. 3 ст. 149 УПК РФ, а по уголовным делам, указанным в ч. 3 ст. 150 УПК РФ, производит дознание.

После направления уголовного дела руководителю следственного органа орган дознания может производить по нему следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия только по поручению следователя. В случае направления руководителю следственного органа уголовного дела, по которому не обнаружено лицо, совершившее преступление, орган дознания обязан принимать розыскные и оперативно-розыскные меры для установления лица, совершившего преступление, уведомляя следователя об их результатах.

Пункт 2 ч. 2 ст. 40 УПК РФ, так же как и пункт 19 ст. 5 УПК РФ, возлагает производство неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, на органы дознания. Этот институт является преемником аналогичной разновидности дознания, предусмотренной ст. 119 УПК РСФСР.

Считается, что производство неотложных следственных действий представляет собой начальный этап расследования, на котором орган дознания в неотложной ситуации вместо следователя возбуждает уголовное дело и осуществляет предварительное расследование в форме дознания в целях быстрейшего закрепления следов преступления и установления лиц, совершивших преступление.

Такая деятельность имеет место не по каждому уголовному делу, по которому обязательно проведение предварительного следствия, а только в тех неотложных ситуациях, когда следователь в силу тех или иных причин не может немедленно приступить к исполнению своих обязанностей. Возникает вопрос: «А что, если следователь может немедленно приступить к выполнению своих обязанностей в тех же ситуациях, что и дознаватель, он что не будет производить необходимые следственные действия. Или, если их производит следователь, они перестают быть неотложными»? Мнение о том, что неотложные следственные действия производятся только органом дознания (дознавателем) опровергается ч. 5 ст. 152 УПК РФ, которая устанавливает, что следователь, дознаватель, установив, что уголовное дело ему не подследственно, производит неотложные следственные действия, после чего следователь передает уголовное дело руководителю следственного органа, а дознаватель - прокурору для направления по подследственности.

Нам представляется, что понятие «неотложные следственные действия» скорее криминалистическое, чем процессуальное. Неотложность следственных действий не зависит от того, кто их производит, орган дознания или следователь. Их неотложность зависит от наличия опасности утраты доказательств и других негативных последствий в

случае промедления с производством следственного действия, то есть от неотложности ситуации, под которой следует понимать внезапное возникновение таких обстоятельств, которые явно указывают на признаки преступления и дают основания полагать, что промедление с совершением принудительных процессуальных (следственных) действий может реально повлечь утрату следов преступления, сокрытие лиц, его совершивших, утрату возможности возмещения ущерба, причиненного преступлением и т. д.

При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

В неотложной ситуации указанные органы вправе применить меры уголовно-процессуального принуждения (задержание подозреваемого - ст. 91, 92 УПК РФ); избрать и применить меру пресечения - ст. 100 УПК РФ).

Не являются неотложными процессуальными действиями те, которые связаны с принятием основных решений по делу и могут быть произведены лишь после привлечения лица в качестве обвиняемого.

В случае принятия решения о передаче сообщения по подследственности в соответствии со ст. 151 УПК РФ, а по уголовным делам частного обвинения - в суд в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ, орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа принимает меры по сохранению следов преступления.

Какие меры могут быть приняты по закреплению, сохранению следов преступления, законодатель не определил (очевидно, что такими мерами должны быть, в том числе, неотложные следственные действия), поэтому в УПК РФ необходимо закрепление не только назначения неотложных следственных действий, но и указание их перечня, либо указание на запрет производства тех следственных действий, которые к неотложным не относятся и должны производиться органами, к чьей подследственности относится уголовное дело.

Однако в криминалистике, помимо перечисленных в ст. 144 УПК РФ следственных действий (получение образцов для сравнительного исследования, назначение и производство судебных экспертиз, производство осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование) к неотложным следственным действиям традиционно относились также обыск и выемка, задержание и допрос подозреваемого, допрос потерпевших и свидетелей и другие действия, незамедлительность проведения которых диктуется обстоятельствами совершенного преступления.

Как нам представляется, неотложные следственные действия должны рассматриваться как процессуальные действия, производимые безотлагательно до и после возбуждения уголовного дела, вследствие сложившейся ситуации и тактических соображений. Данный подход воспринят законодателем в ч.1 ст.144 УПК РФ (в редакции Федерального закона Российской Федерации от 04.03.2013 №23-ФЗ), согласно которой, как мы говорили выше, «дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа при проверке сообщений о преступлении вправе получать образцы для сравнительного исследования, назначать судебную экспертизу и принимать участие в ее производстве, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов,

освидетельствование», то есть, проводить следственные действия до возбуждения уголовного дела. Очевидно, что п.19 ст.5 УПК РФ, согласно которому «неотложные следственные действия – это действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому предварительное следствие обязательно …», противоречит ч.1 ст.144 УПК РФ. Представляется целесообразным устранить это противоречие и изложить п.19 ст.5 УПК РФ в следующей редакции: «Неотложные следственные действия – это процессуальные действия, осуществляемые дознавателем, органом дознания, следователем, руководителем следственного органа безотлагательно до и после возбуждения уголовного дела в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования».

Очередность производства тех или иных следственных действий зависит от особенностей и характера преступления и устанавливается следователем, начальником следственного органа, органом дознания и дознавателем, т. е. лицом, осуществляющим расследование. В зависимости от ситуации, сложившейся по делу, в одном случае, к примеру, следует проводить вначале задержание, обыск, а затем осмотр места происшествия. В другом – допрос.

В отдельных случаях проведение следственных действий сопровождается применением принудительных мер, связанных с вторжением в охраняемые законом личные и имущественные права граждан.

Так если необходимо провести эксгумацию и осмотр трупа (ч. 3 ст. 178), обыск (ч. 2 ст. 182), освидетельствование (ч.2 ст. 179), выемку (ст.183), то УПК предусматривает вынесение следователем постановления. Для производства осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, обыска и (или) выемки в жилище, личного обыска, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст.184 УПК, выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную, охраняемую федеральным законом тайну, предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, а также вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард, наложения ареста на корреспонденцию, ее осмотр и выемку в учреждениях связи, контроля и записи телефонных и иных переговоров по ныне действующему уголовно-процессуальному законодательству необходимо наличие судебного решения (ч. 2 ст. 29, ч. 2 ст.164 УПК). Часть 5 статьи 165 УПК закрепляет положение: в исключительных случаях, когда производство осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, а также выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард веще, наложение ареста на имущество, указанное в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, не терпит отлагательства, указанные следственные действия могут быть произведены на основании постановления следователя без получения судебного решения.

Указанные процессуальные действия не подпадают под категорию первоначальных (неотложных) следственных действий, являются последующими следственными действиями и могут производиться только следователем (п. 1 ч. 3 ст.41 УПК РФ).

В процессуальной и криминалистической литературе дискуссионным является вопрос о том, является ли задержание следственным (неотложным следственным) действием или, все-таки, это только мера уголовно-процессуального принуждения. Так, например, профессор Баев О.Я. полагает, что «задержание подозреваемого … имеет целью обеспечение явки лица к следователю и исключение возможности воздействовать на расследование. …. А потому это действие нельзя отнести к числу следственных, как говорится, по определению»[1].

[1] См.: Баев О.Я. Тактика следственных действий: учебное пособие. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 29-30.

С подобным подходом трудно согласиться. Задержание преступника на месте совершения преступления или непосредственно после его совершения позволяет получить неопровержимые данные в виде следов на его одежде и теле, свидетельствующие о совершении преступления именно этим лицом. Подобные данные могут быть использованы дознавателем или следователем при допросе подозреваемого, который под давлением имеющихся улик может дать правдивые показания и признать в последующем себя виновным в совершении преступления.

Уголовно-процессуальное задержание имеет определённые цели - пресечение преступной деятельности, предупреждение побега подозреваемого, установление его личности, обеспечение его участия в процессуальных действиях, воспрепятствование подговору свидетелей и потерпевших и оказания на них давления, недопущение фальсификации доказательств подозреваемым и пресечение других его попыток помешать установлению истины.

Уголовно - процессуальное задержание в системе мер принуждения применяется как превентивная мера органом дознания, дознавателем и следователем[1].

Задержание в криминалистическом смысле – это неотложное следственное действие, заключающееся в непосредственном физическом захвате лица, причастного к совершению преступления, подавлении его возможного сопротивления, фиксации следов преступления на его теле и изъятие уличающих его предметов, при личном обыске, осмотре места сброса и изъятии объектов, и последующем его доставлении в правоохранительный орган.

Ст.119 УПК РСФСР вполне обоснованно относило задержание подозреваемого к неотложным следственным действиям. Как уже нами было отмечено, действующий УПК РФ рассматривает задержание подозреваемого в качестве меры уголовно-процессуального принуждения, исключив его из числа следственных действий. Между тем, задержание подозреваемого лица едва ли отличается от следственного действия. При задержании преступника составляются протоколы задержания и личного обыска, который проводится в присутствии понятых (ст.184 УПК РФ). А это дает основания полагать, что правомерно рассматривать данную меру в системе следственных действий.

Неотложность задержания диктуется возможностью уклонения подозреваемого от следствия и суда и призвана обеспечить своевременное установление и закрепление следов преступления на теле и одежде подозреваемого. Эти следы, как правило, могут быть обнаружены, если подозреваемое лицо будет осмотрено, освидетельствовано и обыскано немедленно.

Иногда необходимые действия по задержанию подозреваемого явно выходят за границы одного следственного действия. В этих случаях задержание целесообразно рассматривать как разновидность тактической (оперативно-тактической) операции, представляющую собой сочетание следственных и розыскных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий поискового и организационно-технического характера, цель которого – решение конкретной задачи расследования (обнаружение, физический захват и доставление подозреваемого в правоохранительный орган, а также кратковременное лишение его свободы в интересах раскрытия и расследования преступления), обусловленное следственной ситуацией[2].

В этих случаях задержание лиц, подозреваемых в совершении преступления, следует тщательно подготовить и спланировать.

---

[1] См.: ч.1 ст.91 УПК РФ, ч.2 ст.22 Конституции РФ.

[2] См.: Криминалистика: Электронный учебник. – Лаборатория мультимедиа, ТюмГУ, 2007.

Главные задачи, которые решаются при этом – предотвращение нападения на оперативный наряд, недопущение уничтожения улик, бегства с места происшествия. В плане задержания должны быть отражены точные сведения о лицах, подлежащих задержанию, их приметах; точное время и место проведения задержания, особенности местности, здания, транспортного средства, пути подхода, последовательность действий; состав и руководство группы захвата, способы действия каждого участника, экипировка участников задержания, вооружение, связь, средства наблюдения, транспорт, специальные меры маскировки и т. д.

Планирование операции зависит от конкретной ситуации и количества времени для тщательной отработки отдельных элементов плана (она может исчисляться и часами, и минутами).

Важная роль должна отводиться инструктажу оперативного наряда. Каждому члену группы захвата и блокирования разъясняются его обязанности, сообщаются сведения о лицах, подлежащих задержанию, их приметах, чертах характера и т. д. Обращают внимание на обнаружение у подозреваемых орудий преступления, следов и документов, их изъятие и процессуальное оформление.

В ходе планирования и в процессе осуществления задержания следует учитывать особенности личности подозреваемого, сложившуюся следственную ситуацию, вероятное поведение лица, чтобы лишить его возможности скрыться, вынудить к добровольной сдаче[1].

О.Ю. Цурлуй

Процессуально-тактические особенности участия защитника в судебном обжаловании постановления о возбуждении уголовного дела

Роль защитника в реализации права на судебное обжалование процессуальных действий (бездействия) и решений в досудебном производстве по уголовному делу обусловливается спецификой предмета обжалования в конкретной ситуации и локальной тактической задачей защиты.

***Ключевые слова**: защитник, обжалование, суд, возбуждение уголовного дела.*

Tsurluy O. Yu.

Procedural and tactical features of an advocate participation in a judicial appeal of the initiation of the criminal proceeding

The role of an advocate in the realization of the right of judicial appeal against procedural actions (inactions) and decisions in pre-trial criminal proceedings is determined by the specifics of the appeal subject in a particular situation and local tactical defence purpose.

***Keywords**: an advocate, an appeal, a court, an initiation of the criminal proceeding.*

Праву обжалования процессуальных действий (бездействий) и решений в уголовном судопроизводстве соответствует обязанность органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда при поступлении жалобы проверять законность и обоснованность обжалуемых действий (бездействий) и решений и принять соответствующие меры реагирования.

---

[1] См.: Чуфаровский Ю.В. Психология оперативно-разыскной и следственной деятельности: учеб. пособие. – М.: Проспект, 2010. – 208 с. С.169.

Правильное и своевременное разрешение жалоб является одной из гарантий возможности восстановления нарушенных прав и свобод граждан при производстве по уголовным делам. В результате рассмотрения жалобы должно быть не только восстановлено нарушенное право, но и приняты меры к выявлению и устранению причин и условий, вызывающих жалобы[1].

С учетом сказанного, осуществление адвокатом-защитником предусмотренного п. 10 ч. 1 ст. 53 УПК РФ права приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора, суда и участвовать в их рассмотрении судом позволяет уже на первоначальном этапе расследования предпринять предусмотренные законом меры по достижению положительного результата для подзащитного. Обжалование защитником процессуальных действий (бездействия) и решений на досудебных стадиях уголовного судопроизводства в случае положительного для стороны защиты разрешения жалоб позволят добиться признания отельных доказательств недопустимыми, а возможно и отмены постановления о возбуждении уголовного дела.

Судебное рассмотрение жалобы на процессуальные действия (бездействия) и решения является одной из наиболее распространенных форм реализации соответствующего процессуального права.

Закрепленные в уголовно-процессуальном законе основания обжалования процессуальных действий (бездействий) и решений, определили границы предмета обжалования. Для стороны защиты перечень действий (бездействия) и решений, подлежащих обжалованию, будет ограничиваться лишь теми, которые ограничивают права и свободы, а также усугубляют положение подзащитного.

Безусловно, понятие «конституционные права и свободы» является слишком объемным и не может служить четким критерием определения пределов осуществления функции судебного контроля[2].

Вместе с тем, нельзя забывать, что любое незаконное и необоснованное действие (бездействие) либо решение органов предварительного расследования не должно оставаться без принятия соответствующих мер реагирования со стороны защитника, тем более, что ограничение перечня обжалуемых в порядке ст. 125 УПК РФ процессуальных действий (бездействия) и решений будет противоречить положениям Конституции РФ.

На наш взгляд, учитывая отсутствие законодательного закрепления исчерпывающего перечня действий (бездействий) и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, целесообразным правовым основанием реализации полномочия защитника по обжалованию в порядке статьи 125 УПК РФ следует считать нарушения (в оценке суда) на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования статей 22, 23, 25 Конституции РФ, что обеспечит и достаточную реализацию положений статьи 46 Основного закона в уголовном судопроизводстве.

В этом ряду первым является вопрос судебного обжалования постановления о возбуждении уголовного дела, о принципиальной возможности такого обжалования. Следует сказать, что на стадии возбуждения уголовного дела обжалование стороной защиты постановления о возбуждении уголовного дела достаточно распространенная практика.

---

[1] Гриненко А.В. Конституционные гарантии прав и законных интересов участников досудебного производства по уголовному делу // Адвокатская практика. 2002. № 1. С. 39-41; Лупинская П.А. Право жалобы в уголовном судопроизводстве в свете Конституции СССР / Труды ВЮЗИ «Актуальные проблемы суда, арбитража и прокурорского надзора в свете Конституции СССР 1977 года». М., 1979. С. 142.

[2] Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Халиулин А.Г. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ. 2000. С. 51; Азаров В.А., Таричко И.Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. Омск: Омский государственный университет, 2004. С. 160.

Однако, прежде чем провести ее соответствующий анализ, обратимся к практике Конституционного Суда РФ по этому вопросу.

Так, еще в 1995 году в Постановлении Конституционного Суда от 3 мая 1995 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна» было определено, что не только реальные ограничения процесса уголовного судопроизводства, но и выявившаяся их опасность нарушают неприкосновенность личности, оказывают психическое воздействие на сознание и поступки человека. Это обстоятельство в полной мере можно отнести и к акту возбуждения уголовного дела, что всегда связанно с опасностью приобретения лицом статуса подозреваемого.

Вместе с тем, в Постановлении от 23 марта 1999 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью “Моноком” Конституционный Суд РФ высказался отрицательно по вопросу возможности судебного обжалования постановления о возбуждении уголовного дела на досудебных стадиях. В жалобе В.К. Борисов указал, что положения статьи 218 УПК РСФСР нарушают его конституционные права, поскольку исключают возможность оспорить в суде постановление о возбуждении уголовного дела. С вынесением этого постановления он связывал нарушение своих прав на свободу и неприкосновенность личности, жилища и частной жизни. Конституционный Суд указал на то, что из жалобы и исследованных материалов не следует, что к ограничению прав заявителя привело само по себе возбуждение уголовного дела, а напротив, данные ограничения были связаны именно с последующими процессуальными действиями, в частности с арестом и обыском, которые, как таковые, в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством могут быть обжалованы в судебном порядке. Жалоба, в соответствии с требованиями статей 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», была признана недопустимой и производство по ней прекращено.

Однако по жалобе В.К. Борисова судьями А.Л. Кононовой, Н.В. Витруком и Т.Г. Морщаковой было высказано особое мнение, в котором отмечено, что факт возбуждения уголовного дела сам по себе отнюдь не является пустой формальностью, не затрагивающей чьи-либо основные права и свободы. В соответствии с нормами процессуального законодательства постановление о возбуждении уголовного дела является правовым основанием расследования, позволяющим совершать все последующие следственные действия и применять меры процессуального принуждения. Акт возбуждения дела служит законным поводом для применения этих мер, что серьезно ограничивает конституционные права граждан и объективно влечет угрозу их применения. Возбуждение уголовного дела порождает ряд процессуальных прав и обязанностей у участников процесса, и, таким образом, уже само по себе существенно затрагивает сферу субъективных прав. Возбуждение же уголовного дела в отношении конкретного лица (как в случае с В.К. Борисовым) не только затрагивает достоинство, честь, репутацию, доброе имя гражданина, но и ставит его в положение подозреваемого, делает реальной угрозу дальнейшего ограничения прав и свобод[1].

В Постановлении от 14 января 2000 г. № 1-П отмечено, что на суд, как орган правосудия, не может возлагаться выполнение не свойственной ему процессуальной функции возбуждения уголовного преследования по уголовному делу публичного и частно-

[1] Справочная правовая система КонсультантПлюс (ИБ Судебная практика).

публичного обвинения. Он вправе лишь осуществлять контроль за законностью и обоснованностью возбуждения уголовного дела или отказа в его возбуждении, который реализуется путем рассмотрения в судебном заседании материалов, предоставленных ему органами государственного обвинения, в том числе по жалобам заинтересованных лиц, чьи конституционные права этими актами были нарушены.

Практика деятельности Конституционного Суда РФ нашла свое отражение в нормах УПК РФ, но споры по вопросу продолжаются до настоящего времени из-за отсутствия четкости в нормативном регулировании данной проблемы.

В диспозиции статьи 125 УПК РФ отсутствует указание на возможность обжалования постановления о возбуждении уголовного дела. Между тем, статья 145 УПК РФ, регламентирующая решения, принимаемые по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, в части 2 определяет право заявителя обжаловать решение о возбуждении уголовного дела (п. 1 ч. 1 ст. 145 УПК РФ) и обязанность органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа разъяснять данное право и порядок обжалования.

Аналогичный порядок определен и в отношении обжалования постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и передаче сообщения по подследственности, а по уголовным делам частного обвинения – в суд в соответствии с частью второй ст. 20 УПК РФ, относительно чего мы намерены высказаться ниже.

На взгляд И.Л. Петрухина, постановление о возбуждении уголовного дела требует немедленного судебного контроля с тем, чтобы не допускать необоснованного выдвижения обвинения (подозрения) против лиц, вина которых еще не установлена, «когда существуют лишь» признаки преступления[1].

По мнению А. Панюкова, постановление о возбуждении уголовного дела можно обжаловать только конкретному лицу, так как, во-первых, фактом возбуждения уголовного дела в отношении этого лица начинается уголовное преследование (на основании п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ оно становится подозреваемым), а во-вторых, это позволяет соблюсти правило, закрепленное в ст. 145 УПК РФ[2].

На наш взгляд, основной аргумент в пользу широкой возможности судебного обжалования постановления о возбуждении уголовного дела определен ст. 123 Конституции РФ. Закрепленный в ней принцип осуществления судопроизводства на началах состязательности и равноправия сторон, в связи с положениями ст. 18, 46, 52 и 118 Основного закона, распространяется на все стадии уголовного судопроизводства. Это как раз тот законодательный механизм, который позволяет своевременно реализовать субъективное право на судебную защиту, что весьма затруднено при последующей (после возбуждения уголовного дела) судебной проверке процессуальных действий и решений.

Здесь вполне уместно привести, уже ранее цитируемое по сути особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Т.Г. Морщаковой и др. о том, что отрицание возможности обжаловать в суд возбуждение уголовного дела связано с псевдоидеями ограждения расследования от вмешательства суда и ограждения суда от каких-либо акций, которые в дальнейшем могут повлиять на его объективность и предрешить его выводы по существу обвинения при рассмотрении дела, с этой точки зрения судебная проверка данного акта имеет не меньше и не больше ограничений, чем прокурорский надзор[3]. Со своей стороны отметим, что рассмотрение такой жалобы судом никоим образом не бу-

---

[1] Петрухин И. Можно ли обжаловать в суд постановление о возбуждении уголовного дела? // Российская юстиция. 2002. № 4. С. 49.

[2] Панюков А. Процессуальная деятельность без возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. 2003. №5

[3] Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Т.Г. Морщаковой // СПС Консультант Плюс (ИБ Судебная практика).

дет препятствовать ходу предварительного расследования и опасение о возможности «двух параллельных процессов» необоснованно. В этой связи уместна аналогия того, что жалобы, подаваемые сторонами в суд второй инстанции на некоторые решения суда первой инстанции, не препятствуют рассмотрению дела судом первой инстанции[1]. Хотя законодательно данный вопрос еще не отрегулирован, Верховный Суд РФ уже занял определенную позицию. Так, в рекомендациях практики применения Уголовно-процессуального кодекса РФ отмечается, что «право подачи жалобы принадлежит подозреваемому, его защитнику, а также иным лицам, чьи конституционные права были нарушены в связи с вынесением постановления о возбуждении уголовного дела»[2].

В этом же разъяснении было отмечено, что «как показывает судебная практика последних лет, по результатам рассмотрения жалобы выносятся постановления либо в отказе в ее удовлетворении, либо о признании постановления о возбуждении дела незаконным (необоснованным)»[3]. Анализ судебной практики выявляет, что гораздо чаще необоснованными и незаконными признаются постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица. В тоже время следует признать тактическую обоснованность подачи защитником жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела в ситуациях, когда доверитель в рамках уголовного дела является свидетелем. Однако такой подход является целесообразным только в случае наличия определенной уверенности в дальнейшем приобретении им (доверителем – авт.) статуса подозреваемого, а впоследствии обвиняемым.

С учетом требований ст. 125 УПК РФ в качестве оснований обжалования адвокатом-защитником постановления о возбуждении уголовного дела можно выделить следующие:

1. Отсутствие надлежащего повода для возбуждения уголовного дела, в том числе ненадлежащее оформление рапорта либо неустановленный источник сообщения о преступлении, в соответствии с требованиями ст. ст. 141-143 УПК РФ;
2. Несоблюдение подследственности, предусмотренной ст. 151 УПК РФ:
3. Ненадлежащее должностное лицо, вынесшее постановление о возбуждении уголовного дела, в том числе вытекающее из предыдущего пункта;
4. Отсутствие оснований для возбуждения уголовного дела, согласно требованиям ч. 2 ст. 140 УПК РФ, с позиции состава преступления, по признакам которого дело возбуждено;
5. Отсутствие обязательных реквизитов, предусмотренных ч. 2 ст. 146 УПК РФ, в том числе ссылки на соответствующие нормы уголовного и уголовно-процессуального закона, либо наличие ненадлежащих ссылок.

Разумеется, в каждом конкретном случае защитник должен действовать исходя из сложившейся процессуальной ситуации, линии защиты и интересов доверителя. Однако, даже в случае отказа в удовлетворении жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела, сторона защиты приобретает возможность хотя бы частично ознакомиться с материалами доследственной проверки и расширить имевшуюся картину следственной ситуации. Вместе с тем, приходится констатировать факт того, что в последнее время судьи при подготовке к судебному заседания в порядке ст.125 УПК РФ, а также в рамках заседания не позволяют стороне защиты ознакомиться с материалами, предоставленными органами расследования в обоснование законности и обоснованности обжалуемого постановления о возбуждении уголовного дела. Судьи ограничиваются перечислением

---

[1] Петрухин И. Указ. соч. С. 50.
[2] Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие / Под ред. В.М. Лебедева. М.: Издательство «Юрайт», 2011. С. 238.
[3] Там же.

названий процессуальных документов, в том числе протоколов следственных действий, в ходе судебного заседания, что естественно является нарушением требований п. 8 ч. 4 ст. 47, п. 6 ч. 1 ст. 53, ст. 125 УПК РФ, положений п. 12 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 1 от 10.02.2009 г. «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и не должно оставаться без внимания стороны защиты в дальнейшем обжаловании решения районного суда в апелляционном порядке.

IV. Криминалистическая техника

О.С. Бочарова

Установление публичных и экспертных защитных признаков в судебно-экспертном исследовании защищенных документов

В статье рассматривается структурное построение системы публичных признаков и экспертных защитных признаков и их значение для судебно-экспертного исследования защищенных документов. Приведены основные криминалистические требования к защищенным документам, нормативные правовые акты, связанные с разработкой, производством и контролем подлинности защищенных документов.

***Ключевые слова**: элементы и средства защиты, система защиты, уровень защиты, защищенные документы, публичные защитные признаки, экспертные защитные признаки, судебно-экспертное исследование.*

O.S. Bocharova

Establishment of public and expert security features in forensic expert study of protected documents

The article discusses the structural construction of a system of public and expert evidence of the security features and their implications for forensic investigation of security documents. The basic requirements for forensic security documents, regulations related to the development, manufacture and control of the genuineness of security documents.

***Keywords**: security components and facilities, elements and anti-counterfeiting protection system, the level of protection, security documents, public security features, expert security features, a forensic expert study*

Под защищенными документами понимаются документы снабженные специальными средствами защиты от подделки: банкноты, ценные бумаги, акцизные и контрольные (специальные) марки, паспорта и визовые марки, документы, удостоверяющие личность, право, правоотношения, знания и иные документы, предоставляющие права или освобождающие от обязанностей. Отличительной особенностью всех видов упомянутых разнородных документов является то, что они изготавливаются на специализированных предприятиях и в процессе изготовления каждому из них придается уникальная совокупность защитных свойств и признаков.

В Республике Беларусь защищенные документы (ценные бумаги и документы с определенной степенью защиты) изготавливаются на предприятиях имеющих соответствующие лицензии Департамента государственных знаков Министерства финансов Республики Беларусь (Гознака Беларуси). В состав Гознака Беларусь входят УП «Бумажная фабрика Гознака» РУП «Минская печатная фабрика», НТУП «Криптотех», РУП «Издательство Белбланкавыд». В республике также имеется и ряд других специализированных производств, имеющих лицензии на производство документов с определенной степенью защиты.

Развитие отрасли и появление новых элементов и средств защиты во многом связано с двумя видами защищенных документов – это банкноты и паспорта. В Республике Беларусь к документам, появление которых также повлияло на развитие и создание новых средств защиты, можно отнести контрольные знаки и акцизные марки.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь в настоящее время термин "фальшивомонетничество" не используется. Вместо него используются следующие понятия: «изготовление… либо сбыт поддельной официальной денежной единицы Республики Беларусь (национальной валюты), государственных или иных ценных бумаг, номинированных в национальной валюте, иностранной валюты или ценных бумаг, номинированных в иностранной валюте…» (ст.221 УК), «изготовление… либо сбыт поддельных банковских пластиковых карточек, чековых книжек, чеков и иных платежных средств, не являющихся ценными бумагами» (ст.222 УК), «изготовление… или сбыт поддельных акцизных марок Республики Беларусь…» (Ст.2611 УК), «подделка удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей… либо сбыт такого документа» (ст.380 УК). Специфика расследования преступлений, связанных с изготовлением или сбытом поддельных защищенных документов, заключается в том, что доказывание невозможно без проведения судебно-технической экспертизы документов, которая предполагает наличие у экспертов специальных познаний из области изготовления защищенных документов, построения системы их защиты, методов и средств защиты документов от подделки.

Способы подделки защищенных документов в целом универсальны и не зависят от страны, где осуществлялась фальсификация; способы же их защиты в настоящее время во многом зависят от научно-технических и производственных возможностей страны-изготовителя защищенного документа, являются уникальными разработками и охраняются патентами.

Современная концепция создания и обращения защищенных документов предполагает наличие в ней уровневой структуры системы защиты документа от подделки, как на стадии изготовления, так и на стадии контроля подлинности. На стадии изготовления защищенного документа это уровни технологической защиты (иначе защиты материалов), полиграфической и физико-химической защиты каждый из которых независим, обособлен и равноправен по отношению к другим. Каждый из этих уровней содержит в себе множество элементов и средств защиты, заменять или добавлять которые при построении системы защиты документа возможно только в рамках конкретного уровня. Однако в настоящее время наблюдается тенденция к комплексному характеру отдельных средств защиты документов, в которых соединяются элементы из двух и более уровней защиты. На стадии контроля подлинности защищенных документов уровни напрямую зависят от знаний лица, осуществляющего такой контроль, оснащения специальным оборудованием и методическими материалами. К этим уровням отнесем уровень пользователя или потребителя (минимум знаний и отсутствие технических средств), уровень эксперта (наличие специальных знаний и оборудования), уровень производителя защищенного документа (полное знание системы защиты и технологий изготовления и наличие технических средств контроля их подлинности). При этом следует выделить отдельно уровень кассира банка или контролера служб погранконтроля, который в данной классификации находится между уровнем пользователя и эксперта. От пользователя его отличает наличие специальных знаний, а от эксперта – отсутствие полного комплекса необходимого оборудования и ограниченность времени проверки (контроля подлинности).

Поэтому среди комплекса средств защиты выделяют публичные защитные признаки (элементы защиты) и экспертные защитные признаки на каждом из уровней изготовления защищенного документа. Одни из них определяется свойствами основы и материалов документа (бумага, полимерные материалы), другие – свойствами печатных красок, третьи – особенностями и возможностями способов полиграфической печати. В свою очередь, каждая группа защитных признаков может быть представлена совокупно-

стью свойств образующих ее материалов (основа, краски, специальные включения и пр.) и полиграфических технологий.

Большинство защищенных документов выполняется на специальной бумаге, защитные свойства которой формируются на этапе ее производства. При этом бумага приобретает ряд позволяющих ее отличать защитных признаков, как публичных, так и экспертных. Кроме того, появляется все больше документов, которые полностью изготавливаются из полимерных материалов (все разновидности пластиковых карт, полимерные банкноты, паспорта (ID-карты), документы на автотранспорт и пр.), или же частично содержат в своей структуре полимерные покрытия или включения (гибридные банкноты, визовые марки, контрольные знаки, акцизные марки и др.). При этом полимерные материалы основы защищенного документа также должны содержать комплекс публичных и экспертных защитных признаков.

К основным публичным защитным признакам или же признакам подлинности бумажной основы отнесем водяные знаки (одно, двух и многотоновые), защитные волокна и планшетки (конфетти), защитные нити (полосы безопасности – сплошные, «ныряющие», Motion, «Мобайл», «Хамелеон», «Скат» и др.). Эти же защитные признаки как элементы защиты относятся и экспертным защитным признакам, только рассматриваются они на экспертном уровне с другой точки зрения и в совокупности и иными защитными признаками бумаги-основы, такими как композиционный состав и оптические свойства, а также дополнительными защитными свойствами волокон и нитей. К публичным признакам полимерной основы можно отнести внедренную в гибридную банкноту полимерную полосу с прозрачным окном (защитный признак Varifeye и защитная нить Optics), прозрачные и полупрозрачные окна и теневые изображения полимерных банкнот, включая защитный признак WinDOE (дифракционный защитный элемент), контролируемые визуально свойства ламинирующих покрытий и пластика, а также лаковое покрытие банкнот Securicoat. Данные защитные признаки также являются экспертными при исследовании их при помощи специального приборного обеспечения. Дополнительным публичным признаком, реализованным в банкнотах, является микроперфорация, а публичными защитными признаками всех разновидностей наклеиваемых документов являются защитная просечка и подрезка (фигурная высечка), защищающие документ от повторного использования.

К публичным защитным признакам на уровне технологической защиты отнесем и все виды голограмм и кинеграмм. При этом данные элементы защиты относятся и категории экспертных защитных признаков, в случае реализации в них собственных защитных элементов (нанопечать, гильоши, скрытые изображения и др.). В Республике Беларусь разработаны и запатентованы специальные средства защиты на уровне материалов – латентограмма и юниграмма, подлинность которых определяется простейшим прибором – идентификатором (поляризатором), который имеется как у заказчика данных средств защиты, так и у контролирующих субъектов. Латентограмма представляет собой многослойный материал, содержащий скрытое изображение, а юниграмма дополнительно сочетает в себе свойства голографического изображения и поляризационные свойства. Это средство защиты вначале было опробовано на таком массовом защищенном документе, как проездной билет на общественный транспорт, а затем стало использоваться во многих защищенных документах республики, начиная от акцизных марок и контрольных знаков, товаросопровождающих документов (ТН-2, ТТН-1) и заканчивая документами на образование.

Защитные признаки, связанные со свойствами печатных красок (УФ и ИК люминесцентными, ИК-метамерными, магнитными и др.), в основном относятся к экспертным защитным признакам, поскольку для установления их наличия либо отсутствия

необходимы специальные приборы (визуализаторы или детекторы). К основным публичным защитным признакам печатных красок отнесем металлизированные, иридисцентные и оптикопеременные (OVI) краски, оптически переменную магнитную краску (SPARK) с динамическим эффектом, защитный элемент STEP, обладающий оптически-переменными и поляризационными свойствами, а в полимерных банкнотах – защитный признак типа G-Switch и др.

В Республике Беларусь в защищенных документах имеются и публичные защитные признаки, связанные со свойствами печатных красок, к которым относятся термохромные краски (обратимая реакция на локальное и кратковременное температурное воздействие), химически нестойкие краски и краски, обратимо меняющие цвет от воздействия ряда химических веществ.

Элементы защиты, связанные с особенностями и возможностями способов печати, которые применяются при изготовлении защищенных документов, также разделяются на публичные и экспертные защитные признаки. К публичным защитным признакам отнесем все признаки, которыми характеризуются способы печати защищенных документов (металлографская, офсетная, ирисовая, Орловская, высокая, трафаретная), поскольку для их достоверного установления не требуется специальное оборудование. К экспертным признакам, связанным со способами печати, отнесем признаки различных печатных форм, которые устанавливаются в процессе экспертизы. К элементам защиты, содержащим публичные и экспертные защитные признаки, также отнесем и множество графических элементов защиты. Публичные защитные признаки на уровне графических элементов это – защитные фоновые сетки различной структуры, включая антисканерные, гильоши, микротексты (микропечать), скрытые изображения (Kipp-effect), совмещающиеся и совмещаемые изображения, бескрасочное тиснение, скрытые муаровые узоры и многоцветные образы (MVC и MVC+, HMC) и др.

Элементы защиты, используемые производителем в качестве публичных защитных признаков, являются наиболее распространенными, они могут быть дополнены и другими, повышающими защищенность документов от подделки. К паспортам и иным удостоверениям личности применяют и некоторые другие защитные признаки, специфические для данной группы документов. Обязательными их реквизитами являются фотоизображение владельца, (отпечаток пальца и скан радужки глаза для биометрических защищенных документов) и различные ламинирующие покрытия с защитными свойствами. Защищенные документы в соответствии со своими функциями призваны регулировать, как правило, наиболее важные сферы общественных отношений, в связи с этим обладание ими становится привлекательным, создаются предпосылки для правонарушений связанных с изготовлением и сбытом поддельных документов. Поскольку в законе предусмотрена уголовная ответственность за такие общественно опасные деяния, возникает необходимость доказывания наличия, наряду с субъективной, объективной стороны состава преступления. Особенность заключается в том, что значительная часть доказательств основывается на результатах судебно-технической экспертизы документов. Следствию необходимо, чтобы эксперт-криминалист установил, «изготовлен ли представленный ему документ по технологии предприятия-изготовителя». При этом не учитывается и реальный уровень компетенции экспертов-криминалистов, и тот факт, что предприятиям, выпускающим защищенные документы, запрещено полностью раскрывать все используемые ими способы защиты.

В данном случае, в Республике Беларусь в связи с проведением предварительной криминалистической экспертизы защищенности от подделки в течение более чем 20-ти лет, в экспертных службах имеются образцы всех видов защищенных документов, изготовленных предприятиями республики за этот срок. Кроме того, в распоряжении экспер-

тов имеются и составленные за это же время полные и подробные описания банкнот, паспортов и сертификатов на транспортные средства практически всех стран мира, которые ООО «Регула» оформила в информационно-справочные системы («Currency», «Passport», «Autodocs», «Frontline Documents system»).

Перспективное направление в области средств экспертного исследования защищенных связано с использованием специализированного оборудования, разработчиком и изготовителем которого также является ООО «Регула».

В.Г. Булгаков

О комплексном подходе в криминалистическом исследовании динамических признаков человека

В статье говориться о значимости исследования динамических признаков человека в раскрытии и расследовании преступлений. Комплексный подход к рассмотрению динамических признаков человека позволяет более эффективно решать криминалистические задачи.

***Ключевые слова**: динамические признаки человека, идентификация человека, комплексный подход.*

V.G. Bulgakov

The comprehensive approach in forensic investigation of dynamic characteristics of a person

The article speaks about the importance of studying the dynamic characteristics of humans in the detection and investigation of crimes. An integrated approach to the consideration of the dynamic characteristics of a person allows to effectively solve forensic problems.

***Keywords**: dynamic characteristics of humans, human identification, integrated approach.*

В ходе раскрытия и расследования преступлений при отождествлении человека все чаще используется информация о его функционально-динамических свойствах (динамических признаках)[1].

Криминалистическому исследованию динамических признаков человека до настоящего времени не уделялось должного внимания, несмотря на то, что они обладают высокой информативностью и характеризуются индивидуальностью, относительной устойчивостью, избирательной изменчивостью, что создает предпосылки для их успешного использования в решении криминалистических задач[2]. При этом существует потребность в привлечении знаний из других смежных с криминалистикой наук, изучающих динамические проявления человека[3].

---

[1] *Булгаков В.Г.* Основы криминалистического исследования динамических признаков человека: монография // под ред. проф. А.М. Зинина. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2009. 176 с.

[2] *Булгаков В.Г., Зинин А.М.* Значение криминалистического исследования динамических признаков человека как источников ориентирующей и доказательственной информации // LEX RUSSICA Научные труды МГЮА. 2007. № 4. С. 729-739.

[3] *Булгаков В.Г.* Методические основы криминалистической идентификации и диагностики человека по его динамическим признакам: монография // под ред. проф. А.М. Зинина. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2014. С. 43-95.

В настоящее время большинство из использующихся в криминалистических исследованиях биологических свойств человека изучаются изолированно от других свойств, относящихся к этой группе, и автономно от социальных, психических и психологических свойств и проявлений человека.

В криминалистике и судебной экспертизе, как, впрочем, и в других областях научного знания, продолжает господствовать дифференцированный подход к изучению различных сторон личности человека, в том числе и в отношении отдельных групп биологических свойств. Следует согласиться с мнением А.М. Зинина о том, что такой подход, безусловно, позволяет проводить глубокие исследования определенных групп свойств человека, составляющих его личность[1]. При очевидной положительной оценке такого подхода в исследованиях вместе с тем он имеет некоторую ограниченность, т.к. не учитывает существующих внутренних системных связей совокупности свойств человека. По нашему мнению, дифференцированный подход должен сочетаться с комплексным и интеграционным подходами в исследованиях.

Высказываясь в поддержку комплексного подхода в судебно-экспертном исследовании свойств человека, В.Е. Корноухов отмечал: « … свойства человека, являющиеся объектом отдельных экспертиз, не существуют изолированно, а находятся во взаимосвязи, взаимообусловленности, что позволяет использовать в процессе расследования не только непосредственную информацию, содержащуюся в следах, но и опосредованную внутренними связями»[2].

Данный тезис определяет необходимость проведения научных изысканий в направлении поиска взаимосвязей между различными криминалистически значимыми свойствами и проявлениями человека. Указанная проблема представляется достаточно сложной, и хотя попытки исследования отдельных ее аспектов уже предпринимаются на протяжении последних двадцати лет, она по-прежнему не изучена в достаточной мере.

Отдельные научные исследования в криминалистике, судебной экспертизе и судебной медицине по выявлению и изучению закономерностей и связей между различными свойствами и проявлениями человека проводились В.Е. Корноуховым[3], Ш.Н. Хазиевым[4], С.С. Самищенко[5], П.В. Пинчук[6], О.А. Соколовой[7] и др.

Наиболее перспективными представляются на сегодняшний день исследования по установлению корреляционных связей между антропометрической, дактилоскопической и генотипоскопической информацией и другими параметрами человека.

В настоящее время возможности компьютерных и программных средств, а также методов статистической обработки информации обеспечивают большие возможности по изучению разнообразной следовой информации о человеке, что создает реальные пред-

---

[1] *Зинин А.М.* Комплексное изучение личности как основа процесса ее установления // Материалы всероссийской межведомственной науч.-практ. конф.: Человек как источник криминалистически значимой информации: В 2 ч. Часть 1. Саратов: СЮИ МВД России, 2002. С. 25.

[2] *Корноухов В.Е.* Комплексное судебно-экспертное исследование свойств человека. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1982. С. 5.

[3] *Корноухов В.Е.* Комплексное судебно-экспертное исследование свойств человека. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1982. С. 13-41.

[4] *Хазиев Ш.Н.* Технико-криминалистические методы установления признаков неизвестного преступника по его следам: Учебное пособие. М.: НИиРИО Академии МВД СССР, 1986. С. 13-36.

[5] *Самищенко С.С.* Современная дактилоскопия: теория, практика и тенденции развития: Дис… док. юрид. наук. М., 2003. С. 264-265.

[6] *Пинчук П.В.* Экспертные возможности решения идентификационных задач на основе взаимосвязи между дактилоскопическими признаками и биологическими характеристиками человека (экспериментальное исследование): Автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 2002. С. 3-4.

[7] *Соколова О.А.* О комплексном подходе при изучении личности человека // Криминалистика. Экспертиза. Розыск: сборник научных статей : в 2 ч. / под ред. В.М. Юрина. – Саратов: СЮИ МВД России, 2010. Ч. 1. С. 4-14.

посылки решения поставленных задач исследования по установлению связей между различными свойствами и проявлениями человека. При этом использование информационных технологий позволит значительно продвинуться вперед в данном направлении.

Как показывает анализ даже современной криминалистической литературы и публикаций в данной области, возможности изучения закономерностей и связей между различными проявлениями человека на сегодняшний день далеко не исчерпаны и представляют собой широкое поле для дальнейших междисциплинарных изысканий.

Отражение в системе криминалистической регистрации существующих связей между различными проявлениями человека открывает новые возможности в получении криминалистически значимой информации о человеке. По мнению Г.А. Яндимирова, это обеспечит «в недалеком будущем возможность в случаях изъятия с места происшествия какого-либо следа и введения его после экспертного исследования в единую систему экспертно-криминалистических учетов воссоздать недостающие звенья информации – осуществить взаимопереход из одной системы следов в другую»[1].

Ценность такого комплексного подхода для решения практических задач по раскрытию и расследованию преступлений заключается в возможностях прогнозирования тех или иных неизвестных свойств человека на основе исходной информации.

Преломляя рассматриваемую проблему через призму теории отражения, В.Я. Колдин пишет: «Человек как объект судебной экспертизы выступает не только в качестве отражающей, но и отражаемой системы, что приводит к возникновению прямых, параллельных, обратных и встречных информационных связей между взаимодействующими объектами. Их всестороннее исследование возможно с позиции данных не одной, а нескольких наук»[2].

Комплексный подход в криминалистических исследованиях может проявляться в исследовании объекта с использованием комплекса методик, в рамках комплексной экспертизы или интеграционной экспертизы[3].

Динамические признаки человека должны анализироваться во взаимосвязи друг с другом и в комплексе с другими доступными признаками человека (например, анатомо-морфологическими и сопутствующими) для увеличения их информационной значимости при решении различных криминалистических задач.

Одним из проявлений комплексного подхода, который активно используется в криминалистических исследованиях, является комплексная экспертиза. Суть комплексной экспертизы состоит во взаимопроникновении научных знаний, привлекаемых для решения задачи исследования одного и того же объекта, при невозможности решения задачи с применением знаний только одной науки[4]. Как правило, такие исследования проводятся специалистами разных экспертных специальностей для решения поставленных перед ними пограничных вопросов, смежных для различных родов (видов) судебной экспертизы.

Проявлением комплексного подхода на более высоком методологическом уровне является проведение интеграционной экспертизы. Интеграционный подход, в контексте криминалистического исследования динамических признаков человека, например, будет

---

[1] *Яндимиров Г.А.* Новое направление совершенствования криминалистических учетов // Вестник криминалистики. Вып. 2 (14). М.: Спарк, 2005. С. 33-35.

[2] *Колдин В.Я.* Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. С. 91-94.

[3] *Аминев Ф.Г.* Интеграционные знания как источник новых родов и видов судебных экспертиз // Сборник статей: Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики. Часть III: Вопросы теории и практики судебной экспертизы. М.: Академия управления МВД России, 2004. С. 17.

[4] *Россинская Е.Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2005. С. 130-131.

использоваться при исследовании видеозаписей, содержащих мимику лица и артикуляцию человека. При исследовании таких видеоматериалов будут привлекаться знания из фоноскопии, габитоскопии, компьютерно-технической экспертизы. Так, например, исследования визуально воспринимаемой артикуляции человека могут проводиться только в комплексе с использованием фоноскопических методов анализа звуковой дорожки видеозаписи и покадрового анализа изображения. При этом будут сопоставляться отдельные звуки речи и зафиксированные отдельными кадрами видимые элементы работы артикуляционного аппарата человека.

По нашему мнению, следует пойти дальше и рассматривать в интегральном единстве все доступные современной криминалистической науке свойства человека. Для этого должна быть разработана интегративная модель распознавания (идентификации) человека, а также диагностики его свойств, на основе всех его доступных для восприятия или фиксации технико-криминалистическими средствами свойств и проявлений. В состав такой интегративной модели распознавания человека должны входить все его значимые свойства, включая биологические, психические и психологические.

Криминалистические исследования динамических признаков человека должны занять свое место в комплексном исследовании признаков человека наравне с анатомо-морфологическими, сопутствующими и другими его внешне проявляющимися признаками[1].

Разрабатываемые на стыке криминалистики и других наук, в том числе и активно развивающейся биометрии, методы и методики исследования ранее не рассматривавшихся свойств и проявлений человека позволят заполнять тот информационный вакуум, который довольно часто возникает при объективной невозможности приложения традиционных методик криминалистического исследования человека.

Обращаясь к достижениям смежной с криминалистикой области знания – биометрии[2], следует отметить, что, анализируя различные показатели биометрических систем, их разработчики уже пришли к выводу о том, что нельзя предложить какой-то один универсальный биометрический параметр для повсеместного использования, который позволял бы надежно идентифицировать человека. Каждый из биометрических параметров не лишен тех или иных недостатков, ограничивающих возможности его использования. Так, например, для людей, имеющих физические недостатки (ампутация руки или пальцев, шрамы на лице, заболевания глаз, использование контактных линз и т. д.), не могут использоваться отдельные биометрические технологии.

При этом выход из сложившейся ситуации видится в применении так называемых мультимодальных биометрических систем[3], т. е. использовании двух и более различных биометрических параметров человека, причем один из них должен относиться к группе статических, а второй к группе динамических параметров. Это позволит на порядок снизить количество людей, биометрическая идентификация которых невозможна, и в значительной мере повысить точность и надежность идентификации.

---

[1] *Булгаков В.Г., Барковская Е.Г.* Отражение концепции биометрии человека в системе криминалистической регистрации // Вестник Волгоградской академии МВД России, № 1 (8), 2009. Волгоград, ВА МВД России. С. 32-37.

[2] *Иванов А.И.* Биометрическая идентификация личности по динамике подсознательных движений: Монография. Пенза: Изд-во Пенз. гос ун-та, 2000. С. 16-17.

[3] *Болл Руд М., Коннел Джонатан Ч., Панканти Шарат и др.* Руководство по биометрии. М.: Техносфера, 2007. С. 348-349.

Е.И. Галяшина

Криминалистическая оценка достоверности фонограмм, получаемых в ходе оперативно-розыскных мероприятий: проблемы и решения

В статье рассматриваются проблемы, возникающие на практике при оценке аудиозаписей, получаемых в ходе оперативно-розыскных мероприятий, на предмет их соответствия требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным законодательством. Автор предлагает ряд рекомендаций, которые позволят устранять в условиях судопроизводства сомнения в аутентичности подобных фонограмм.

***Ключевые слова**: фонограммы, аутентичность, криминалистическая оценка, достоверность доказательств.*

E.I. Galyashina

Criminalistics' estimation of police phonogram's authenticity

The article provides an approach to criminalistics' estimation of police phonograms estimation. The author suggests some recommendations that will permit to avoid doubts in their authenticity in criminal proceedings.

***Keywords**: phonograms, authenticity, criminalistics estimation, evidence.*

Уголовное судопроизводство имеет своим назначением помимо иных правоохранных целей и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод (п.2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Это может быть обеспечено четкой законодательной регламентацией доказывания, неукоснительным соблюдением процессуального режима собирания и оценки доказательств, справедливого разрешения дела судом на основе полного и всестороннего исследования все собранных по делу доказательств.

Особое внимание уделяется результатам применения средств видеосъемки и звукозаписи по признакам приготовления или совершения экономических преступлений, преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, против правосудия и т. д. Это объясняется во многом тем, что этап приготовления к совершению подобных преступлений непременно сопровождается переговорами преступника или членов преступной группы между собой или с потерпевшим, в ходе которых обсуждаются определенные требования, условия, планируемые действия и т. п. Квалификация такого преступного деяния находится в определенной зависимости от речевого поведения участников, зафиксированного при помощи аудио- и видеозвукозаписи (например, одни и те же действия лиц в различных ситуациях могут быть квалифицированы как получение взятки или провокация взятки).

Для законного и обоснованного использования аудио и видеозаписей, полученных в результате ОРД, они должны отвечать взаимосвязанным требованиям статей 87, 88 и 89 УПК РФ, а также содержать данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе. Однако, перечень таких данных законодательными и подзаконными актами не закреплен. Ситуация осложняется тем, что в условиях гласного состязательного уголовного процесса сужаются пределы проверки результатов ОРД, полученных с применением специальных технических средств (СТС). Это объясняется несколькими причинами.

Во-первых, тактико-технические данные о СТС относятся к сведениям, составляющим государственную тайну, что делает проверку и оценку достоверности доказательств, сформированных на основе их применения, в условиях гласного уголовного процесса невозможной. На практике приобщаемые к уголовному делу рассекреченные материалы часто вовсе не содержат необходимого и достаточного информационного содержания для формирования на их основе доказательств, удовлетворяющих требованиям УПК РФ.

Во-вторых, научно-технический прогресс существенно расширил возможности манипуляций с записанной на цифровом носителе аудио и видео- информацией. Современные технологии компьютерной графики и речевого синтеза позволяют создавать видео- и аудиозаписи искусственно созданного события (инсценировки), со следами якобы преступления.

Экспертная практика показывает, что достоверно установить аутентичность фонограммы можно только при условии предоставления на экспертизу оригинала, а также записывающего устройства, а в случае предоставления копии – исчерпывающих данных о технологической цепочке применения СТС, и всех иных действий по записи\перезаписи, воспроизведению, тиражированию исходно полученной информации. Однако, как уже выше было сказано, эти сведения, могут составлять государственную тайну, а потому в условиях гласного уголовного судопроизводства не раскрываются. При этом чаще всего на экспертизу направляются выборки технически модифицированных копий. В лучшем случае эксперты дают заключение об отсутствии признаков монтажа и иных изменений фонограмм и видеофонограмм, а в худшем отказываются от решения данной задачи, мотивируя недостатком предоставленных материалов. Таким образом, экспертным путем опровергнуть сомнения в аутентичности фонограмм, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий, без документирования технологической цепочки их происхождения и перемещения с одного носителя на другой, оказывается невозможным.

При этом даже вывод экспертов о том, что признаков монтажа и иных изменений по представленным копиям не обнаружено, вовсе не исключает возможность фальсификации аудиоданных. Монтаж – это только один из множества способов внесения изменения в содержание записи, существуют и иные методы фальсификации. Кроме того, по копии фонограммы даже при отсутствии следов монтажа нельзя исключить возможность того, что оригинал не был фальсифицирован, если аутентичность копии не была надлежаще установлена путем непосредственного ее сравнения с подлинником. Например, модифицированная технически копия, приобщенная к материалам дела в качестве доказательства, могла быть переписана с промежуточного носителя информации, подвергшегося преобразованию с целью маскировки изменения содержания, а не копирована непосредственно с первоисточника.

При этом необходимо различать оригинал, дубликат и копию. Оригинальными являются материальные носители и такие информационные объекты, которые связаны с этими носителями на момент изъятия (получения). Дубликатом является точная репродукция всех информационных объектов, хранящихся на оригинальном материальном носителе, в то время как копией является точная репродукция информации, содержащейся в информационных объектах, независимо от материального носителя.

Так, оригиналом является аудио- видеофонограмма, записанная на первичном носителе информации, находящемся непосредственно в устройстве записи и иногда неотделимом от него. Дубликатом будет является файл-образ содержимого памяти устройства записи, в то время как копией – аудио- или видеофайл, скопированный на любой другой носитель информации (например, НЖМД компьютера). Иногда под копией, по-

лученной каким-либо цифровым записывающим устройством, понимают файл, содержащий зафиксированную информацию, но записанный в другом формате (т. е. конвертированный). В данном случае необходимо учитывать, что полученный в результате конвертации объект не является дубликатом оригинальной сигналограммы, а, по сути, является новым объектом, находящимся лишь в определенной связи с оригиналом.

В то же время, при обычном копировании файла криминалистически значимая информация может быть утрачена или изменена, например, могут быть внесены изменения в ряд атрибутов фонограммы, в частности, в дату создания файла.

Необходимо сказать, что действующие процедуры представления результатов оперативно-розыскной деятельности в следственные органы или суд, не позволяют в полной мере обеспечить их соответствие требованиям относимости, допустимости и достоверности, предъявляемым к доказательствам по уголовному делу в соответствии со ст. 88 УПК РФ, и нуждаются в совершенствовании.

Рассмотрим существующие для этого предпосылки и предложим некоторые рекомендации.

Поскольку доказательство должно соответствовать критериям допустимости, достоверности и относимости, то источник его происхождения не должен вызывать сомнений. Должна быть обеспечена возможность проверки допустимости и достоверности доказательства, а, кроме того, доказательство должно содержать достоверную и объективную информацию о расследуемом событии.

При предоставлении результатов для их использования в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве приобщения к материалам ОРМ, необходимо представлять не только преобразованную аудио-, видеофонограмму, сохраненную в одном из распространенных форматов, но и дубликат оригинального файла, записанного в памяти устройства в исходном формате. В случае если первичная запись осуществлялась на сменные носители, они должны также должны приобщаться к материалам ОРД.

В документах, фиксирующих результаты ОРД, следует указывать название файла, дату создания и последнего изменения, атрибуты файла, информацию о дате/времени записи файла на компакт-диск и программе, использованной для записи диска. К индивидуальным признакам помимо вышеуказанных также относятся алгоритмы кодирования изображения и звука (кодеки), характеристики цветовых моделей, настройки формата, разрядность, частота дискретизации, длительность с точностью до долей секунды, а также информация об устройстве, использованном для звуко- или видеозвукозаписи (модель, серийный номер).

Подробное указание технических средств и обстоятельств применения средств звуко- видеозаписи способствует устранению сомнений в достоверности получаемых результатов.

На практике в документах, составляемых по результатам ОРД, свойства и технические характеристики применяемых технических средств обычно не указываются на том основании, что это относится к государственной тайне. Однако при этом в актах выдачи и возврата записывающей аппаратуры фиксируется присутствие произвольно отобранных случайным образом граждан – представителей общественности, которым демонстрируется работоспособность устройства, констатируется отсутствие заранее записанной информации в памяти устройства. Факт демонстрации функционирования записывающего устройства и тем более его передача посторонним лицам, указывает на то, что внешний вид, способ переключения режимов работы не относятся к сведениям, составляющим государственную тайну. Если оперативный работник посчитал возможным опробовать правильность функционирования изделия в присутствии посторонних лиц,

то ничто не мешает представить данное изделие по запросу следователя или суда для опробования его работоспособности и демонстрации его возможностей участникам уголовного судопроизводства.

Неизменность содержания фонограммы может быть проконтролирована, путем верификации файла при помощи расчёта контрольных сумм (хэша) до и после каждой операции по его воспроизведению, репродуцированию, передаче и т. п. Следует отметить, что некоторые современные цифровые устройства звукозаписи (например, диктофоны EDIC-mini) позволяют проконтролировать неизменность содержимого фонограмм путем записи непосредственно в тело файла дополнительной служебной информации (цифровой подписи), в том числе, серийного номера устройства. Однако данная возможность практически не используется правоохранительными органами для верификации фонограмм.

Окончательным этапом фиксации результатов негласных ОРМ является запись полученных фонограмм на носитель информации (обычно, оптический). В обязательном порядке в документах, содержащих результаты проведения ОРМ, следует указывать характеристики носителя информации (компакт-диска), на который было произведено копирование, в том числе, его серийный номер. Причем вопреки обоснованным указаниям на недопустимость использования для хранения информации носителей многократной записи[1], на практике продолжается использование перезаписываемых носителей для хранения материалов ОРМ.

На основании изложенного можно сформулировать ряд рекомендаций, соблюдение которых позволит повысить эффективность формирования доказательств по фонограммам, получаемым при фиксации хода и содержания оперативно-розыскного мероприятия.

Во-первых, необходимо предоставлять не только преобразованную аудио-, видеофонограмму, сохраненную в одном из распространенных форматов, но и в обязательном порядке дубликат оригинального (исходного) файла, записанного в памяти устройства, который может быть получен при снятии образа с оригинального носителя.

Во-вторых, для контроля неизменности содержания фонограммы или видеофонограммы следует верифицировать файл путем расчёта контрольных сумм (хэша) до и после каждой операции по его воспроизведению, репродуцированию, передаче. Первый расчет хэша следует производить в тот момент, как только впервые зарегистрирован файл с сигналограммой, поскольку полученное значение является ориентиром при последующих операциях с сигналограммой.

В-третьих, надлежит использовать устройства, обладающие встроенными средствами верификации файлов.

В- четвертых, во избежание невосполнимой утраты криминалистически значимой информации о документируемом событии не допускается удаление каких-либо фрагментов полученных сигналограмм. Подобные манипуляции относятся к неситуационным изменениям сигналограммы.

В-пятых, для записи копий, дубликатов фонограмм следует применять только носители однократной записи и выбирать режим «диск за раз». В противном случае, возможно внесение изменений в записанную информацию, даже в случае, если применяются неперезаписываемые носители.

И последнее. При документировании хода и результатов оперативно-розыскного мероприятия следует указывать название файла, дату создания и последнего изменения,

---

[1] Иванов Н.А. О хранении цифровых доказательств в наблюдательном производстве. Судебная экспертиза №1 (21), 2010. С. 24-29.

атрибуты файла. К индивидуальным признакам файла помимо вышеуказанных также относятся алгоритмы кодирования изображения и звука (кодеки), характеристики цветовых моделей, настройки формата, разрядность, частота дискретизации, длительность с точностью до долей секунды, а также информация об устройстве, использованном для звуко- или видеозвукозаписи (модель, серийный номер, технические характеристики), а также сведения о программе, использованной для записи диска, и режиме записи.

Соблюдение предложенных рекомендаций позволит существенно повысить эффективность криминалистического установления аутентичности фонограмм, предоставляемых по результатам оперативно-розыскной деятельности, поскольку полученные сигналограммы будут соответствовать требованиям, предъявляемым к доказательствам в уголовном судопроизводстве.

А.М. Зинин

Научные и практические проблемы габитоскопии.

В статье кратко рассмотрены проблемы научного и практического плана, существующие в криминалистическом учении о внешнем облике человека – габитоскопии и представлены некоторые пути их решения.

***Ключевые слова**: габитоскопия, внешний облик человека, идентификация.*

A.M. Zinin

Scientific and practical issues of forensic exterior study

The article considers scientific and practical problems, existing in forensic doctrine about appearance of man – gabitoskopii, and presents some solutions.

***Keywords**: forensic exterior study, the appearance of a person, identification*

Габитоскопия – криминалистическое учение о внешнем облике человека. В учебной и научной литературе используется также термин – габитология. Представляется, что, исходя из практической направленности данного учения, термин габитоскопия более соответствует задаче – обозначать содержание данного учения как выявление, анализ и использование наблюдаемых признаков внешнего облика человека.

В связи с этим, введение в данное учение наряду с внешними признаками человека так называемых «внутренних» признаков, не отвечает его сущности и направленности. Тем более, что «внутренние» признаки изучаются другими научными дисциплинами, такими как биология, судебная медицина.

Основными направлениями габитоскопии, с учетом ее прикладного характера как отрасли криминалистической техники являются: технико-криминалистическое обеспечение оперативно-розыскной идентификации человека по признакам его внешнего облика; идентификация человека по признакам его внешности в процессе осуществления следственных действий; судебно-экспертная диагностика и идентификация человека по признакам его внешнего облика.

Спецификой оперативно-розыскной идентификации человека по признакам его внешнего облика является предварительный, ориентирующий характер такой идентификации. Ее результаты требуют подтверждения в условиях процессуальной деятельности. Не вдаваясь в тактические особенности данного вида идентификации, следует отметить, что она использует технико-криминалистические средства оперативно-розыскного уста-

новления личности, предназначенные, в том числе, для актуализации мысленного образа разыскиваемого лица.

Традиционно используемый уже более 100 лет метод словесного портрета, ка известно предложенный А. Бертильоном, нуждается в совершенствовании его информационного обеспечения. Разработанная система описания признаков внешности человека была ориентирована на применение при регистрации человека европеоидного антропологического типа. В современных условиях правоохранительной деятельности необходимо адаптировать эту систему к ситуациям описания лиц монголоидного и негроидного антропологических типов.

На протяжении уже 50 лет информация, необходимая для оперативно-розыскного установления личности собирается и реализуется с помощью такого средства как фотороботы. Эти носители информации о внешнем облике человека позволяют преобразовать вербальную информацию в визуальную. Этот вид информации является материализацией мысленного образа, субъективного по своей природе, и таким образом данный вид носителей информации о внешнем облике человека обоснованно именуется «субъективными портретами».

Однако такая природа фоторобота связана с проблемой достоверности отображаемой в нем информации. Практика изготовления и использования фотороботов показала, что это свойство фоторобота зависит от того, кто его изготавливает и какими техническими средствами для этой цели пользуется.

В ряде стран существует специальность судебного художника или художника-криминалиста и достаточно серьезная система подготовки к ней. Была успешная попытка создания такой системы обучения данной специальности в СССР (на базе Харьковского художественно-промышленного училища). В настоящее время в нашей стране в правоохранительных органах нет четкого представления о том, кому должна быть поручена работа по изготовлению фотороботов. Современные программные средства сняли проблему технического обеспечения в работе над такими портретами разыскиваемых лиц, которая была актуальна в 70-е годы 20 века. Но достоверность фоторобота зависит от системы знаний по оценке мысленного образа – основы такого вида изображений, навыков по работе с очевидцами, профессионализма того, его изготавливает. Эти вопросы не подвергаются изучению теми, кому поручается данная работа – это могут быть сотрудники экспертно-криминалистической службы, информационных центров органов внутренних дел. И в связи с этим эффективность фотороботов невысока, хотя многолетняя практика показала, что их достоверность может быть достаточно надежной для обеспечения розыска с использованием данного средства установления личности.

Предъявление лица для опознания как следственное действие в криминалистике обеспечивается по преимуществу, тактическими рекомендациями его проведения. В тоже время остается без должного внимания проблема оценки достоверности информации о внешнем облике опознаваемого лица на этапе предварительного допроса при подготовке к данному следственному действию.

Вместе с тем имеются в научной литературе рекомендации по актуализации мысленного образа на данной стадии следственного действия. В частности, участие специалиста-криминалиста и применение соответствующих средств оказания содействия очевидцу в актуализации мысленного образа и помощи следователю в подготовке предъявления лица для опознания. Не реализуются возможности использования цифровых технологий для подбора вариантов изображений так называемых статистов при предъявлении для опознания по фотоизображениям.

Анализ копий экспертных заключений показал, что решение вопроса о тождестве во многом зависит от образцов для сравнительного исследования лиц, подлежащих

идентификации. Это связано с тем, что в настоящее время объектами исследования являются кадры видеозаписей, полученных с помощью камер наружного наблюдения, где человек запечатлен в разных ракурсах и положениях головы. Представленные в качестве образцов для сравнительного исследования фотоснимки по типу сигналетических не позволяют осуществлять полноценную реализацию возможностей судебно-портретной экспертизы. Эксперты приходят в лучшем случае к вероятному выводу о тождестве. Проблема может решаться, если получение изображений в качестве образцов для сравнительного исследования поручается экспертам, которые приняли к производству экспертизу.

При производстве судебной портретной экспертизы рекомендуется применять программные средства для работы с изображениями. Эти средства ориентированы на использование так называемых константных или антропометрических точек на изображении лица человека. Обычно на экспертизу поступают фотоснимки, полученные с помощью цифровой аппаратуры, не всегда обеспечивающей качественное воспроизведение внешнего облика фотографируемого лица. В таких случаях местонахождение константных точек определяется условно, что ставит под сомнение результаты использования соответствующего программного средства для решения вопроса о тождестве.

Еще одной проблемой, возникающей при проведении судебных портретных экспертиз, является исследование так называемых преобразованных изображений. Исходное изображение какого-либо лица изменяется с помощью программных средств для коммерческих и тому подобных целей, но с сохранением узнаваемости данного лица. В такой ситуации перед экспертом должен ставиться вопрос не о тождестве изображенных лиц, а об узнаваемости лица, чье исходное изображение послужило оригиналом для получения нового изображения.

Еще одной задачей, требующей методического обеспечения, является анализ признаков функциональных элементов внешности (походка, жестикуляция и др.) по видеоизображениям. В криминалистической литературе разработана система таких признаков. Однако рекомендации предназначены для их включения в словесный портрет. Использование данных признаков возможно при наблюдении человека и в качестве дополнения при отождествлении по признакам строения элементов лица в ходе предъявления лица для опознания.

Экспертная практика сталкивается с необходимостью анализа кадров видеозаписей, где лицо человека скрыто маской или головным убором. В тоже время наблюдаются некоторые признаки функциональных элементов внешности в динамике. Сравнение их с соответствующими признаками проверяемого лица не имеет идентификационного характера, т.к. отсутствуют данные об идентификационной значимости таких признаков. В соответствии с этим, попытки экспертов включать эти признаки в число тех, которые образуют индивидуализирующую совокупность, не могут считаться обоснованными. В связи с этим требуется большая методическая работа не по подбору соответствующих приемов анализа признаков функциональных элементов лица, а по выяснению их идентификационной значимости. Только после ее проведения можно говорить о подготовке соответствующей экспертной методики.

Таким образом, габитоскопия как криминалистическое учение о внешнем облике человека нуждается в дальнейшей проработке научных проблем, обеспечивающих решение практических задач, ряд из которых были охарактеризованы в данном материале.

Е.В. Китаев, П.П. Смольяков

Особенности идентификации рубящего орудия при исследовании повреждений на одежде

Исследования повреждений одежды различного характера являются широко распространенными в общем разнообразии трасологических исследований. Целью нашего исследования являлось установление возможности идентификации орудия по рубленым повреждениям на ткани в зависимости от материала одежды, выступающего в качестве следовоспринимающей поверхности.

Для проведения эксперимента были подобраны наиболее распространенные при изготовлении одежды материалы, а также орудие с заранее искусственно нанесенным комплексом идентификационных признаков. После нанесения повреждений была изучена степень возможности идентификации орудия по рубленым повреждениям на ткани в зависимости от материала одежды.

В ходе исследования удалось доказать, что по данному виду экспертиз возможен вывод не только в вероятной, но и в категорической форме. На формулировку вывода оказывает влияние материал, на котором образовано повреждение, а так же степень индивидуальности исследуемого орудия.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы практическими работниками экспертных подразделений органов внутренних дел при проведении трасологического исследования повреждений одежды.

***Ключевые слова**: повреждения одежды, рубленые повреждения, трасологическая экспертиза, идентификация*

E.V. Kitaev, P.P. Smolyakov

Features identification chopping tools in the study of damage to clothing

Examinations of clothes damages of diverse nature are widely spread among the trace evidence examinations. The aim of the our research is to determine the opportunity for the tool identification judging by cut damages on the textiles in relation to the clothes textiles that serve as the perceptive surface for trace evidence.

The experiment employed the most spread clothes textiles and the tool with the prearranged artificial identification complex. After damaging the textile it was set to study the grade of the tool identification by cut damages in accordance with the textile type of the clothes. The experiment proved that this type of examination is capable to draw the experts to a categorical conclusion rather than to a probable one. The clothes textiles type and the grade of identification complex of the tool influence the final conclusion on the damages.

The results of the research may be used in practice by the police officers of the internal affairs expert units for trace evidence examination of the clothes damages.

***Keywords**: clothes damages, cut damages, trace evidence examination, identification.*

Трасологические исследования являются самыми распространенными в криминалистической практике. От общего количества криминалистических экспертиз трасологические составляют не менее одной трети. Разработаны научные основы современной трасологии, теоретические положения трасологической идентификации и методы обнаружения, изъятия и фиксации следов, производства судебной трасологической эксперти-

зы, классификации следов. Данные положения трасологии стали основой криминалистического учения о следах.

При подготовке к преступлению, в момент его совершения и при попытке скрыть содеянное в материальной среде происходят те или иные изменения. В зависимости от вида преступления, обстоятельств его совершения эти изменения, которые принято называть общим понятием – следы преступления, могут быть самого различного характера. Под следом в трасологии понимается такое материальное изменение в окружающей среде, в результате которого внешнее строение одного предмета получает свое отображение в другом.

На данный момент нередким является проведение трасологических исследований повреждений одежды различного характера: колотые, рубленые, резаные. Анализ экспертной практики показал, что немалый объем в общем количестве исследований занимают экспертизы по рубленым повреждениям. В большинстве случаев эти экспертизы носят диагностический характер, гораздо реже – идентификационный. Именно поэтому изучение возможности идентификации орудия по признакам в повреждении объясняет актуальность исследуемой темы.

Чаще всего следы разруба на одежде – это результат бытовых преступлений, орудием при совершении которого выступают предметы хозяйственно-бытового назначения (топоры). Нередко лезвия данных топоров имеют полученные в ходе эксплуатации частные признаки таких так зазубрины, углубления или рассечки. Отсюда следует, что названные признаки могут иметь свое материально-фиксированное отображение на ткани одежды при нанесении ей повреждения, что может служить основой для последующей идентификации по ним следообразующего объекта.

Таким образом, целью исследования являлось установление возможности идентификации орудия по рубленым повреждениям на ткани в зависимости от материала одежды, выступающего в качестве следовоспринимающей поверхности.

Для решения идентификационной задачи по установлению орудия рубящего действия был проведен ряд экспериментов.

Для получения экспериментальных следов – повреждений на одежде был взят хозяйственный топор массой 1000 гр., длиной лезвия 130 мм, радиусом кривизны лезвия 125 см и шириной заточки 2,5 мм. На участке величиной 40 мм в центральной части лезвия были намеренно нанесены повреждения различной ширины (от 0,5 мм до 3,0 мм) и глубины (от 0,5 мм до 2,5 мм), которые в послужили частными идентификационными признаками в исследуемых экспериментальных следах разруба.

Для проведения эксперимента был произведен отбор порядка двух десятков образцов одежды из материалов, наиболее часто используемых для ее изготовления. При этом выбирался материал (ткань, трикотаж, искусственная кожа) как для верхней одежды, так и для нижнего белья, а также перчаток и декоративных элементов. Еще одним критерием служило разнообразие материала нитей, из которых были изготовлены предметы одежды (хлопок, шелк, шерсть, капрон).

Из рекомендаций практических сотрудников известно, что в качестве материала подложки, наиболее приближенного по степени плотности к телу человека, допустимо использовать бруски непересохшего мыла. Однако нами был применен способ, приведенный в специализированной судебно-медицинской литературе[1]. Подложкой служил брус из мягкой древесины, покрытый слоем пластилина толщиной 1,5-2 см. На них при

[1] Медико-криминалистическая идентификация. Настольная книга судебно-медицинского эксперта / под общ. ред. д.м. н., профессора В. В. Томилина. М., 2000. С. 137-138

помощи гвоздей фиксировался фрагмент искусственной кожи, поверх которого крепили фрагмент одежды для дальнейшего нанесения повреждений.

Разрубы наносились с величиной мускульной силы человека среднего по параметрам веса и роста: 70 кг и 175 см. Для этого топор отводился на 90 градусов от следовоспринимающего объекта и резким движением опускался лезвием на фрагмент одежды. На каждом фрагменте было образовано несколько повреждений, каждое из которых затем исследовалось с целью установления характера восприимчивости признаков рубящего орудия и возможности в дальнейшей по ним идентификации следообразующего объекта.

Далее каждое повреждение было визуально изучено при помощи криминалистической лупы с увеличением до 5х. Установлено, что каждый материал имеет свою степень восприимчивости признаков лезвия топора. Обобщенные данные, полученные при исследовании повреждений, приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Обобщенные данные исследования возможностей идентификации орудия в зависимости от материала одежды

№ п/п	Вид материала	Тип переплетения	Назначение материала	Возможность идентификации орудия
1	Ткань пальтово-костюмная	Ломаная саржа	Костюмы, жакеты, верхняя одежда	Невозможна
2	Ткань пальтовая	Рогожка	Костюмы, жакеты, верхняя одежда	Невозможна
3	Ткань платьевая с подкладкой	Рогожка	Костюмы, жакеты, платья	Затруднена, возможна в вероятной форме
4	Ткань костюмная	Саржа	Костюмы, жакеты, верхняя одежда	Затруднена, возможна в вероятной форме
5	Ткань платьевая	Саржа	Сорочки, блузки, платья, юбки	Затруднена, возможна в вероятной форме
6	Ткань платьево-сорочечная	Полотняное	Платья, юбки, сорочки	Затруднена, возможна в вероятной форме
7	Ткань портьерная	Комбиниро-ванное	Изделия бытового назначения, платья, сорочки	Затруднена, возможна в вероятной форме
8	Ткань платьевая	Полотняное	Платья, юбки, сорочки	Затруднена, возможна в вероятной форме
9	Ткань сорочечная	Полотняное	Сорочки, платья	Возможна в категорической форме
10	Бязь	Полотняное	Сорочки, платья	Возможна в категорической форме
11	Ситец	Полотняное	Сорочки, платья	Возможна в категорической форме
12	Ткань «суровая»	Полотняное	Сарафаны, рубашки, сорочки	Затруднена, возможна в вероятной форме
13	Искусственная кожа	-	Верхняя одежда, головные уборы, перчатки	Возможна в категорической форме
14	Трикотаж синтетический	Ластик	Верхняя и спортивная одежда	Возможна в категорической форме
15	Трикотаж бельевой	Изнаночная гладь	Футболки, кофты, джемперы, предметы спортивного гардероба	Возможна в категорической форме
16	Трикотаж гипюр	Цепочка	Нательное белье, ночные сорочки, декоративная отделка одежды	Возможна в категорической форме
17	Трикотаж бельевой	Гладь	Нательное белье, ночные сорочки, футболки, майки	Возможна в категорической форме

18	Трикотаж шерстяной	Двойное трико	Свитера, джемпера, платья, шарфы, шапки	Невозможна

В ходе исследования установлено, что на степень отображения влияют два фактора: вид переплетения нитей и свойства материала.

Результаты экспериментов показали, что наиболее полно отображают признаки орудия те материалы, которые имеют жесткое переплетение (ластик, бельевой трикотаж, бязь, ситец) с простым узором, или материалы с утолщенными в своей структуре нитями. На данных материалах в высокой степени отображается комплекс признаков, позволяющий в дальнейшем идентифицировать орудие.

Материал одежды, в котором преобладают нити из хлопка, также передает необходимый для идентификации комплекс признаков, так как хлопковые нити состоят из совокупности волокон, обладающих высокой степенью пластической деформации. Преобладание шелковых, шерстяных, капроновых нитей (например, в платьевых и платьево-сорочечных тканях) за счет их значительной прочности и меньшей пластической деформации, напротив, разволокняет края повреждения, не позволяя определить, какие нити попали в полость зазубрин орудия, а какие – на поверхность лезвия, затрудняя тем самым возможность идентификации орудия по повреждению.

Таким образом, в ходе исследования удалось доказать, что по данному виду трасологических экспертиз возможен вывод не только в вероятной форме, но и категорический положительный.

И.М. Комаров, Е.И. Комарова

Микробиологический метод судебной идентификации человека.

В статье обозначена проблема совершенствования микробиологических исследований микробной флоры кожных покровов человека в контексте эффективного правоприменения и борьбы с наиболее социально значимыми преступлениями.

***Ключевые слова**: ольфакторные (обонятельные) рецепторы, одорология, потовыделение, запаховая молекула, экспертиза, летучие метаболиты, микробиология.*

I.M. Komarov, E.I. Komarova

Microbiological methods of forensic human identification

The problems of improving the microbiological studies of the microbial flora of the skin of man in the context of effective law enforcement and the fight against the most socially significant crimes.

***Keywords**: olfactory (smell) receptors odorologiya, perspiration, odor molecule, expertise, volatile metabolites, microbiology.*

Аромат цветущих весной растений, аромат свежего хлеба, «аромат» с мест для хранения твердых бытовых отходов – все это запахи[1], специфическое ощущение присутствия в воздухе летучих пахучих веществ, обнаруживаемых химическими рецепторами обоняния, расположенными в носовой полости животных и людей. Человек способен воспринимать более 10 тысяч различных запахов и идентифицировать их, животные

[1] Запах – непрерывно продуцируемое и выделяемое биологическими организмами или испаряемое физическими телами летучее вещество, обладающее устойчивыми характеристиками, способное воздействовать на обонятельные рецепторы животных, вызывая у них определенные ощущения.

многократно больше. Так обонятельные способности собак превосходят человеческие в 800 тысяч раз.

Носителями запахов являются летучие ароматические вещества, как группа веществ способных вызывать обонятельные ощущения. В эту категорию входят летучие вещества, которые вызывают обонятельные ощущения (ощущение запаха, способность определять запах веществ, рассеянных в воздухе или растворенных в воде – для животных, живущих в ней) воздействуя на ольфакторные (обонятельные) рецепторы млекопитающих. Вместе с тем в природе присутствуют летучие вещества, не имеющие запаха. Их восприятие происходит на основе функционирования вомероназального органа, который в различной степени развит у людей, но более эффективно работает у животных (собак и пр.).

Исследованием запахов занимается одорология[1], а посредством судебно-экспертной деятельности и использования ее результатов для правосудия криминалистическая одорология. К настоящему времени криминалистическая одорология является полноценным разделом криминалистической техники, а основанные на использовании ее рекомендаций ольфакторные исследования активно используются в правоприменительной деятельности в системе уголовного судопроизводства.

Анализ современных научных данных свидетельствует о том, что до настоящего времени весь процесс генерирования пахучего вещества (запаха) живыми существами полностью не исследован, хотя достаточно хорошо известны теории, объясняющие этот процесс в аспекте его восприятия: корпускулярная теория, теория эмпирической классификации, волновая теория, теория структурного подобия, спектроскопическая теория, теория генетического механизма кодирования белков-одорирецепторов.

Безусловным можно считать только тот факт, что одним из окончательных его (процесса) этапов является потовыделение, однако о сущностных механизмах зарождения основ запаха и о пути, который он проходит до момента выделения организмом, приходится только догадываться. Вместе с тем на уровне явления этот процесс известен. Формирование запаховой молекулы происходит на основе клетки, которая отмирает, выполнив свое биологическое предназначение. Она превращается в шлак и выводится из организма различными путями, в том числе посредством выделения потожировых желез. Транспортные функции в этом случае выполняет кровь. Таким образом, выводимый потом «шлак» и содержит основные компоненты индивидуального запаха, который называют летучими метаболитами[2].

Пот в качестве выделения поверхности кожи человека является объектом биологического происхождения и объектом судебно-биологического исследования. Как показывает судебно-следственная практика, этот объект достаточно часто попадает в поле зрения правоохранительных органов особенно при расследовании преступлений против личности.

В основе исследования объектов, содержащих пот, лежит изучение бактерий[3]. Они и являются основными носителями информации о конкретном человеке, они также

---

[1] Одорология – раздел науки, изучающий закономерности процессов образования запаха, его распространение и распознавание в целях выработки приемов, средств и методов использования его свойств в жизнедеятельности людей.

[2] Метаболиты – продукты превращения совокупности внутриклеточных реакций. Обеспечивающих обмен веществ в организме, а также продукты распада клеток, которые выносятся наружу потом.

[3] Бактерии – обширная группа одноклеточных микроорганизмов, характеризующихся отсутствием окруженного оболочкой клеточного ядра. Генетический материал бактерии (дезоксирибонуклеиновая кислота, или ДНК) занимает в клетке вполне определенное место – зону, называемую нуклеотидом. Организмы с таким строением клеток называются прокариотами («доядерными») в отличие от всех остальных – эукариот («истинно ядерных»), ДНК которых находится в окруженном оболочкой ядре. Бактерии, ранее считавшиеся микроскопиче-

могут нести идентификационные признаки способные «привязать» потосодержащие объекты к конкретному субъекту.

К сожалению, данные научных биологических исследований и экспертная практика расследования преступлений свидетельствуют о том, что в криминалистическом аспекте бактериям как биологическому объекту при расследовании преступлений против личности уделяется не достаточное внимание. Вместе с тем очевидна перспективность таких научно-практических криминалистических разработок.

Справедливости ради отметим, что исследование бактерий на основе микробиологических методов ранее проводилось для установления вида и источника повреждения волокнистых материалов, диагностических признаков микробиологических повреждений на текстильных материалах через морфологический анализ и анализ микробных пигментов, микробной диагностики почв, выявления и установления вида нефтепродуктов[1]. Перспективу имеет разработка научно-методических аспектов судебно-экологической экспертизы с целью исследования бактериологического загрязнения окружающей среды.

Однако для эффективного правоприменения в борьбе с преступностью наиболее социально значимыми и перспективными следует признать микробиологические исследования микробной флоры кожных покровов человека.

В этой связи обозначим некоторые векторы развития данного направления, тем самым обозначим научную проблематику.

Начать следует с истории развития криминалистического знания для целей идентификации человека, именно с того момента, когда его следам, в частности, латентным потожировым следам рук, стали придавать криминалистическое значение. Этот факт хорошо известен криминалистам, он относится ко второй половине XIX столетия.

Полагаем тогда и были заложены первые научные основы, связанные с выявлением следов рук человека через использование микробиологических знаний. В средине XX века с развитием научных знаний о бактериях, покрывающих кожу рук человека, и их переходе вместе с потожировым веществом на контактную поверхность следовоспринимающего объекта появились научные публикации о возможности получения «бактериальных отпечатков»[2]. Однако в тот период времени, в связи с уровнем развития соответствующего научного знания «бактериальная» техника считалась не пригодной для практического правоприменения, так как для бактериальной идентификации следа руки она перед контактом со следовоспринимающим объектом должна была находиться в идеальных условиях (в теплой и влажной среде). Весте с тем, эта проблема не была забыта. По данным публикаций зарубежных криминалистов бактериальное выявление потожировых следов они стали исследовать на основе инновационного, для того времени, подхода – потожировое вещество следа рук и других свободных от одежды частей тела человека использовалось ими как питательная среда для специально выделенных бактерий[3]. Для этого подхода было использовано свойство штамма[4] Acinetobacter calcoaceticus (бактерии вида, используемые в качестве индикаторного при биотестировании питьевой

скими растениями, сейчас выделены в самостоятельную группу Monera – одно из пяти в нынешней системе классификации наряду с растениями, животными, грибами и протистами.

[1] Моисеева Т.И. Криминалистическая микробиология: возможности и перспективы / Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика. Часть 1. Вильнюс. Литва. 2013. С. 275.

[2] O'Neill M.E. Bacterial fingerprint // J. Crim. Law, Criminol. Police Sci. 1941.Vol. 32. Olsen R.D. Scott's fingerprint mechanics. Illinois, 1978/

[3] Harper D.R., Clare C.M., Heaps C.D., Brennan J., Hussain J. A bacteriological technique for the development of latent fingerprints // J. For. Sci. Int. 1987. Vol. 33.

[4] Штамм – чистая культура вирусов, бактерий, других микроорганизмов или культура клеток, изолированная в определённое время и в определённом месте.

воды), размножаться, утилизируя вещество потожирового следа. Это означает, что при контакте бактерий указанного вида со следом, оставленным на следовоспринимающим объекте пальцами или ладонью человека, они начинают размножаться и образуют колонии на гребешках папиллярных узоров, а в результате их роста «проявляются» определенные папиллярные рисунки, способные обеспечить идентификацию конкретного субъекта.

Однако не только это свойство бактерий представляет интерес для научных исследований с целью развития и использования в правоприменительной практике микробиологических методов судебной экспертизы. Мы уже обращали внимание на тот факт, что микробиологические исследования микробной флоры кожных покровов человека вполне могут способствовать и более широкому спектру эффективного правоприменения в расследовании преступлений против личности, в особенности, совершенных в условиях неочевидности, когда установление подозреваемого является первой и главной задачей расследования.

Научный факт, что микрофлора кожи представляет собой совокупность микроорганизмов, причем совокупность разнотиповую. Эти микроорганизмы используют кожу человека в качестве среды обитания и являются результатом толерантного существования в процессе взаимодействия с человеком как биологической самоорганизующейся системой. Интересно отметить, что микрофлора кожи человека различается в зависимости от области тела человека, где эта микрофлора локализуется. По своему бактериальному составу она различна в подмышечных впадинах, промежностях, лице, туловище, межпальцевых перепонках рук и ног и т. п. объектах. Характер микрофлоры непосредственно связан с возрастом человека, образом его жизни, пребывания постоянно (временно) в определенных климатических условиях, особенностях его тела (степень оволосения, кожные заболевания и т. п.), особенностями физиологического строения (функциональная активность выделительной системы и пр.) и состояния организма (характер и течение болезни), психического состояния в определенный период времени и определенных ситуациях. Кроме того, указанная микрофлора может приобретать характерные особенности от воздействия объективных (пребывание в местах лишения свободы, исполнение трудовой функции на вредном производстве, длительное пребывание в больничном стационаре) и субъективных факторов (длительное использование дезодорантов, парфюмерии, алкоголя).

Кожа человека абсолютно чистой и стерильной никогда не бывает. Изменить постоянную микрофлору своей кожи человек не может. Он также не может как-либо повлиять на ее состав, так как микрофлора быстро восстанавливается посредством выхода бактерий из потожировых желез. Это происходит даже в тех случаях, когда контактное взаимодействие кожи с другими участками кожи человека или с внешней средой по тем или иным причинам временно прекращается.

Условно микрофлора человека разделена на резидентную – полезные бактерии, которые приспособились и сосуществуют с ним и транзиторную – бактерии, случайно попавшие на кожу человека (их состав определяет бактериальная составляющая внешней среды и наш иммунитет относительно сопротивляемости этим бактериям).

В этой связи, несомненно больший научно-практический интерес представляет изучение резидентной микрофлоры, так как характер и состав бактерий кожных покровов, которые вместе с потожировым веществом остаются на одежде человека и окружающих предметах, вполне может способствовать процессу его микробиологической идентификации. Этот процесс более сложный, но также, по понятным причинам и более важный для целей правоприменения нежели установление тождества лица по колонии бактерий на гребешках папиллярных узоров, что «проявляет» определенные папилляр-

ные рисунки, способные обеспечить лишь дактилоскопическую идентификацию. О чем мы писали выше.

Пути развития этого знания различны. Можно проводить прямое изучение микрофлоры, а можно комплексно изучать микрофлору человека во взаимодействии с другими веществами и объектами, традиционно окружающими его в быту. На сегодня ясно только одно очень существенное обстоятельство – микробиологическая идентификация человека объективно возможна и криминалистическая микробиология имеет хорошие перспективы своего развития для правоприменительных целей. Хотя очевидно, что соответствующие научные исследования потребуют серьезных материальных затрат и продолжительного времени.

Аргументируя этот тезис, относительно и вышеизложенного содержания настоящей статьи, можно привести пример, который является достаточно известным в научных кругах и хорошо иллюстрирует перспективы соответствующих исследований.

Специалисты из Колорадского университета (США) в 2010 году в целях определения перспектив изучения микрофлоры кожных покровов человека организовали и провели научный эксперимент. Для целей эксперимента посредством случайной выборки были выделены девять компьютеров. С клавиш их клавиатуры были собраны бактерии, которые организаторы сравнили с бактериями, с пальцев участников эксперимента (более 200 человек, включая постоянных владельцев компьютеров). Состав бактерий безошибочно указал на владельцев компьютеров, причем каждый из них был «привязан» к своему компьютеру. Данный эксперимент дал еще несколько интересных результатов. Было установлено различие между мужской и женской бактериальными микрофлорами, а также определено примерное время «выживаемости» бактерий, которые оставляет человек на контактных объектах. Оно составило около двух недель[1]. Специалистам в области криминалистики и судебной экспертизы очевидно практическое значение этих, в общем-то, простых фактов для конкретизации обстоятельств расследования преступлений, в особенности в ситуациях, когда подозреваемый в совершении преступлений еще не установлен.

Можно и дальше приводить примеры и аргументировать прикладное значение для целей правоприменения микробиологических следов, оставляемых человеком.

Все равно очевидным остается факт, что вопросы криминалистической микробиологии имеют хорошие перспективы для своего развития.

Можно обозначить только некоторые из них, чье прикладное значение на уровне явления для правоприменительной (следственной и оперативно-розыскной) деятельности очевидно.

1. Установление временного фактора стабильности состава бактерий на коже рук отдельно взятого человека.
2. Идентификационный период данного индивидуализирующего признака.
3. Установление региональной принадлежности микробной микрофлоры для лиц, населяющих определенные территории.
4. Определение временных характеристик события по их изменению на различных объектах, для диагностики свойств и состояний конкретного человека.

Можно продолжать и дальше. Однако хорошо известно устоявшееся диалектическое положение о том, что познание любого объекта на уровне явления возможно только на основе первоначального познания сущности этого объекта, а это обстоятельство требует обоснования и развития соответствующего учения о криминалистической микробиологии, содержание которого должны составлять научный и прикладной понятийный,

[1] <http://www.colorado.edu/news/; http://www.youtube,com/watch?v=K4b7eqZAWuA>

терминологический аппарат, классификации и прочие элементы содержания фундаментального теоретического научного знания. Только на этой основе можно полноценно разработать соответствующие практические способы и средства криминалистического обнаружения, процессуальной фиксации и изъятия микробиологических следов человека и их судебно-биологического экспертного исследования в системе уголовного судопроизводства.

И.А. Семенцова, А.А. Арзуманян

Создание единой системы учета геномной информации как перспектива совершенствовании криминалистических учетов

Авторы в статье рассматривают некоторые перспективные направления совершенствования системы криминалистических учетов. Они полагают, опираясь на успешный опыт некоторых зарубежных стран в сфере борьбы с преступлениями, необходимо создание федеральной базы данных геномной информации. В целях предупреждения преступления, для эффективности раскрытия и расследования совершенных преступлений в качестве объекта геномной регистрации должны выступать как все граждане, прибывающие на территорию РФ, так и лица, попавшие в сферу уголовной юстиции.

***Ключевые слова**: криминалистический учет, профилактика преступлений, эффективное раскрытие преступлений, геномная регистрация, ДНК-анализ, иностранные и иные граждане*

I.A. Sementsova A.A. Arzumanyan

The creation of a unified system of accounting for genomic information as the prospect of the improvement of forensic accounting

The authors of the article consider some promising directions of improving the system of forensic accounting. They believe, based on the successful experience of some foreign countries in the sphere of combating crimes, it is necessary to create a Federal database of genomic information. In order to prevent crimes for the efficiency of disclosure and investigation of crimes as the object of the genome must act as citizens arriving to the territory of the Russian Federation, and the persons involved in the criminal justice system.

Keywords: forensic accounting, crime prevention, effective detection of crime, registration of genomic, DNA-analysis, foreign and other citizens.

Криминалистические учеты являются частью криминалистической регистрации и предназначены для диагностики и идентификации объектов по их индивидуальным приметам. Они включают в себя сведения справочного характера об индивидуальных и родовых признаках субъектов преступления, предметов, веществ, имеющих прямые причинно-следственной связи с событием преступления. Полученная информация может быть использована для планирования расследования преступления, выдвижения следственных версий, способствовать получению доказательств.

Экспертно-криминалистические учеты представляют систему хранения и поиска экспертно-криминалистической информации об объектах учета, которая используется для решения задач оперативно-розыскной деятельности и расследования уголовных дел.

В настоящее время информационная система криминалистических учетов требует постоянного развития и совершенствования.

Одним из достижений использования научно-технических достижений в правоохранительной деятельности является идентификация личности методом ДНК-анализа. Важность такого метода заключается в оказании помощи при решении вопросов розыска лиц, пропавших без вести, установлении по неопознанным трупам личности человека, установлении личности граждан, не способных по состоянию здоровья или возрасту сообщить данные о своей личности, предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений. Следует отметить, что метод ДНК-анализа активно используется в практике экспертно-криминалистических служб развитых зарубежных стран, где создан специальный соответствующий криминалистический учет.

С целью расширения введения и использования криминалистических учетов как справедливо отмечает А.В. Мороз необходимо внести следующие изменения в «Правила ведения экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации»[1]:

«1. По учету данных ДНК биологических объектов:

– пункт 15 – «Данный учет ведется на федеральном и региональном уровнях по преступлениям, предусмотренным статьями 105, 111 и главой 18 УК РФ, а также по трупам, личность которых не установлена по завершении всех других разыскных мероприятий по установлению личности» – изложить без ограничения по составам преступлений, что позволит существенно увеличить возможности данного учета, стимулирует использование биологических следов в процессе расследования любых преступлений;

– из пункта 20.3, определяющего порядок проверки по учету данных «ДНК подозреваемых (обвиняемых) лиц, установленных при производстве экспертизы (при наличии поручения лица, назначившего экспертизу)», исключить указание на наличие поручения лица, назначившего экспертизу, и сделать проверку обязательной во всех случаях;

– пункт 21 – «Проверка данных ДНК подозреваемого (проверяемого) лица осуществляется по региональному учету... » – изложить в редакции: «…по региональным и федеральным учетам... », а пункт 23 – «В случаях, когда имеются обоснованные данные о том, что подозреваемое (проверяемое) лицо могло совершить преступления на территории других регионов, ИКЛ на данное лицо с письменным заданием руководителя органа расследования направляется для проверки по федеральному учету данных ДНК» – в этой связи исключить»[2].

Эффективность раскрытия и расследования преступлений напрямую зависит от качества и своевременности информационного обеспечения органов предварительного следствия, а также от уровня интеграции знаний.

Поэтому, для успешной интеграции криминалистически значимой информации необходимо создание ЕСКР (единой системы криминалистической регистрации), позволяющей автоматизировать процессы накопления, обработки и транспортирования информации.

Совершенствование системы криминалистической регистрации находит свое отражение на законодательном уровне, о чем свидетельствует принятие Федерального закона № 242 от 03.12.2008 «О государственной геномной регистрации в Российской

---

[1] Приказ МВД РФ от 10.02.2006 № 70 (ред. от 21.05.2008) «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации"» (вместе с «Инструкцией по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации», «Правилами ведения экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации») // В данном виде документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Мороз А.В. Виды и перспективы развития криминалистических учетов материальных следов преступления // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 1. С.111-112.

Федерации»[1] (далее – ФЗ №242). Указанный закон нормативно закрепляет возможность получения, хранения и использования геномной информации для идентификации личности отдельных категорий граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих или временно пребывающих на территории РФ.

Геномная информация всех перечисленных выше категорий граждан подлежат типизации, то есть расшифровке молекулы ДНК и внесении информации в электронную базу данных. Опыт использования такой базы данных уже имеется у Великобритании, которая насчитывает более 3 миллионов образцов ДНК, с помощью которой раскрывается порядка 1000 преступлений в неделю [2].

Базы данных ДНК существуют во многих странах Европы, Азии, Америки. В европейских странах (Австрии, Нидерландах, Норвегии, Германии, Бельгии и др.) базы данных ДНК начали создаваться в 1997 - 1998 годах. На конец 2013 года в базе данных ДНК Интерпола было представлено 69 государств[3].

В России первая база данных ДНК была создана в 2006 году в рамках экспертно-криминалистического учета данных ДНК биологических объектов, утвержденного и регламентированного Приказом МВД от 10.02.2006 № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации»[4]. В дальнейшем ведение ДНК-учета было законодательно закреплено ФЗ №242 [5].

С марта 2013 года Федеральная служба исполнения наказаний России приступила к реализации совместного с МВД России масштабного проекта по созданию генетической базы всех российских осужденных.

В соответствии с законодательством, обязательной геномной регистрации подлежат осужденные, отбывающие наказание за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Полагаем, положительным опытом зарубежных стран является регистрация всего населения страны, а учитывая транснациональный характер некоторых преступлений также всех иностранных граждан, прибывающих на территорию РФ.

«В учреждениях ГУФСИН России по Ростовской области порядка 13 тысяч человек подлежат обязательной геномной регистрации, что составляет более 88 процентов от общего количества осужденных. По состоянию на конец июля 2013 года в экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Ростовской области уже направлено 1246 карт с геномным материалом. Сейчас в каждом учреждении уголовно-исправительной системы Ростовской области созданы специальные комиссии по организации обязательной геномной регистрации, в состав которых вошли сотрудники отделов

---

[1] Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ (с изм. от 17.12.2009) «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // СЗ РФ. 08.12.2008. № 49. Ст. 5740.

[2] Обвинения террористам и преступникам будут преъявляться на основании анализа ДНК. - URL: http://www.lenta.ru/russia/2004/11/18/dnk/ (дата обращения: 05.10.2015).

[3] Forensics. - URL: http://www.interpol.int/INTERPOL-expertise/Forensics/DNA (дата обращения: 05.10.2015).

[4] Приказ МВД РФ от 10.02.2006 № 70 (ред. от 21.05.2008) «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации"» (вместе с «Инструкцией по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации», «Правилами ведения экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации») // В данном виде документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ (с изм. от 17.12.2009) «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // СЗ РФ. 08.12.2008. № 49. Ст. 5740.

специального учета, медицинской службы, воспитательной работы с осужденными, - сообщили в пресс-службе ГУФСИН России по Ростовской области»[1].

Однако, в целом на сегодняшний день созданная федеральная база данных геномной информации не получили должной последующей законодательной регламентации, жизненно необходимой для эффективной деятельности судебно-экспертных учреждений Российской Федерации, что породило множество организационных, правовых проблем, в том числе касающихся обеспечения гарантий защиты прав человека[2].

В то время как в Великобритании процент раскрытия преступлений без использования метода ДНК-анализа составлял 13%, с использованием ДНК-анализа - 31%, а с использованием ДНК-анализа и базы данных ДНК уже - 60%[3].

Данное направление имеет перспективы при условии формирования федеральной базы данных ДНК биологических объектов и получении информации посредством комплекса современных информационных технологий: телекоммуникационных, геоинформационных, технологий защиты информации, технологий искусственного интеллекта и других. На сегодняшний день технологии экспресс-анализа биологических следов, изъятых с мест происшествий, находятся только на стадии разработки.

Вместе с тем, современный уровень технического развития общества свидетельствует о наличии всех предпосылок для создания единой системы учета геномной информации.

В целях формирования Федеральной базы данных геномной информации как выше было указано, проводятся масштабные мероприятия с привлечением ФСИН России, специалистов экспертных подразделений органов внутренних дел и судебно-медицинских учреждений, входящих в государственную систему здравоохранения, направленных на получение геномной информации у граждан, а также получение геномной информации следов биологического происхождения, изъятых с мест преступлений. «Эффективность данной работы во многом зависит от конструктивного взаимодействия экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел, ФСИН России и учреждений судебно-медицинской экспертизы»[4].

Е.А. Логвиненко отмечает, что «интеграция и дифференциация методов познания, получение необходимой доказательственной информации с помощью разных потоков информации, с применением единой системы её учета и регистрации, их взаимосвязи в пределах всего расследования, между удаленными субъектами расследования обеспечивают полноту, всесторонность и объективность достижения общих целей и задач по оказанию противодействия, раскрытию и расследованию преступлений»[5].

Возможность использования современных информационно-коммуникационных систем позволяет установить связь между местом преступления, лицами, причастными к их совершению, орудиями преступления, временем совершения преступления и получить документированную информацию на машинном носителе. Авторы надеются, что создание системы учета геномной информации и ее использование послужит эффективному раскрытию и расследованию преступлений.

---

[1] Зеки сдают ДНК. Человек и закон. ЭКСПРЕСС газета online // http://www.eg.ru/print/crime/39423/ (дата обращения: 05.10.2015).

[2] Надоненко О.Н. Особенности реализации федеральной программы геномной регистрации. - URL: http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/9631/ (дата обращения: 05.10.2015).

[3] http://mvdrf.ru/news/21355/ (дата обращения: 05.10.2015).

[4] Сафонов А.А., Курин А.А., Варченко И.А. Закон принят, а нужна ли россии геномная регистрация и каковы перспективы ее использования? // Общество и право. 2009. №5 (27). С.259-262.

[5] Логвиненко Е.А. Совершенствование единой системы криминалистической регистрации // Концепт. 2015. №7. С.106-110.

V. Вопросы судебной экспертизы и иных форм использования специальных знаний

Э.А. Алимова

Проблемы участия специалиста в следственных действиях

В статье рассматриваются проблемы участия специалиста-криминалиста в производстве следственных действий по уголовным делам, которые во многом зависят от процессуальной ситуации. Автор предлагает ряд мер, которые будут способствовать совершенствованию правоохранительной, а также судебной практики, предотвратят путаницу в терминологии, более четко определят компетенцию участников уголовного процесса.

***Ключевые слова**: специалист, следственные действия, следователь, специальные знания, уголовный процесс.*

Alimova E.A.

Problems of participation of a specialist in investigative actions

In this article the order of participation in professional forensic investigative actions in criminal cases, which largely depends on the procedural situation. The author proposes a number of measures that will contribute to the improvement of law enforcement and judicial practice, prevent confusion in terminology, to define more clearly the competence of participants in criminal proceedings.

***Keywords**: specialist, investigations, the investigator, special knowledge, criminal procedure.*

Специалист в уголовном процессе занимает особое положение, входя в группу «иных участников уголовного процесса», в отличие от сторон обвинения и защиты. Фактически результаты работы специалиста как сведущего лица могут быть использованы любыми участниками процесса: сторонами правового конфликта, органами расследования, судом. Вместе с тем, на наш взгляд, правовой статус специалиста наиболее полно раскрывается при участии его в следственных действиях, куда его привлекают в целях установления тех или иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Статус специалиста как участника следственного действия характеризуется теми правами и обязанностями, которые возлагаются на него при этом. По мнению Е.В. Ломакиной, участие в следственном действии означает то, что специалисту, как минимум, должна быть предоставлена возможность присутствовать при каждом осуществленном следователем (дознавателем и др.) действии, которые в своей совокупности и составляют то более крупное процессуальное действие, в котором он принимает участие. Например, если специалист участвует в осмотре, он вправе в процессе этого процессуального действия наблюдать за совершением всех и каждого действия следователя (дознавателя и др.), непосредственно осматривать все изымаемые при осмотре предметы, а также место их обнаружения, требовать дополнения протокола следствен-

ного действия и внесения в него уточнений, удостоверять правильность содержания протокола осмотра[1].

Факты, устанавливаемые специалистом в ходе следственного действия, имеют важное доказательственное значение, однако при этом все полученные данные являются составной частью общих результатов процессуального действия, они фиксируются следователем в тексте соответствующего протокола, а всевозможные сопутствующие оценочные суждения специалиста носят сугубо предварительный характер и излагаются только устно.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан предусматривает возможность проведения множества различных следственных действий. По решению лица, ведущего уголовный процесс, специалист может быть привлечен к проведению любого из предусмотренных законом следственных действий.

Прежде всего, на специалиста могут быть возложены функции по использованию технических средств, позволяющих осуществить фиксацию хода и полученных результатов следственного действия. Специалист может также существенно помочь следователю при решении задач, касающихся механизма совершения преступного деяния: определении способов совершения, возможности использования каких-то средств и орудий, определении предмета преступного посягательства, воссоздании ситуационной обстановки, необходимой, например, для следственного эксперимента или проверки и уточнении показаний на месте совершения преступления. В целом, как справедливо было отмечено Н.П. Яблоковым, тактика взаимодействия следователя и специалиста определяется конкретными следственными ситуациями, существующими на момент проведения следственного действия, а также тем, как часто следователь работал совместно со специалистом при расследовании данного уголовного дела.[2] Продолжительная совместная работа, несомненно, упрощает процедуру и тактику взаимодействия специалиста и лица, ведущего уголовный процесс.

Специалист во время проведения следственного действия остается вспомогательным лицом, работающим под руководством и контролем лица, ведущего уголовный процесс, в четко установленных рамках конкретного данного следователем задания.

Все следственные действия регламентированы отдельными нормами Уголовно-процессуального кодекса. Вместе с тем, можно выделить общие для всех следственных действий принципы участия специалиста в их производстве. Достаточно полно эти принципы изложены Е.Э. Курзинером, который обозначает следующие основные положения:

– законность, т. е. строгое соблюдение специалистом требований законов и иных нормативных правовых актов, регулирующих его деятельность;

– объективность, всесторонность и полнота – применение специалистом современных научно обоснованных, показавших свою эффективность на практике и по возможности официально рекомендованных методов и технических средств;

– соблюдение прав и свобод гражданина, профессиональной этики;

– независимость специалиста;

– своевременность и оперативность привлечения специалиста к производству следственных действий;

– непрерывность в подготовке и производстве следственных действий и др.[3]

---

[1] Ломакина Е.В. Актуальные вопросы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: дис. …канд. юрид. наук. – Оренбург, 2007. – С. 75-76.

[2] Яблоков Н.П. Криминалистика: Учебник для вузов. – М.: Юриспруденция, 2003. – С. 207.

[3] Курзинер Е.Э. Участие специалиста в следственных действиях // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2008. – №. 2. – С. 47.

Участвуя на основе соблюдения данных принципов в следственном действии, специалист становится субъектом, именуемым участником данного действия. В соответствии со ст. 199 УПК Республики Казахстан в ходе производства следственного действия или непосредственно после его окончания составляется протокол следственного действия. Специалист, как и все иные лица, участвовавшие в производстве следственного действия, имеет право делать замечания, подлежащие внесению в протокол. При этом все внесенные в протокол замечания, дополнения, исправления должны быть оговорены и удостоверены подписью специалиста и иных лиц, по чьей инициативе они были сделаны.[1]

Несмотря на то, что специалист может участвовать практически в любом следственном действии, роль специалиста в расследовании и раскрытии преступлений, на наш взгляд, особенно заметна и высока на начальном этапе уголовного процесса. В Казахстане с принятием нового Уголовно-процессуального кодекса, вступившего в силу с 1 января 2015 года, существенно реформирован порядок уголовного судопроизводства. Теперь началом досудебного расследования является не возбуждение уголовного дела, а регистрация заявления, сообщения об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований (ЕРДР) либо первое неотложное следственное действие. Вместе с тем, эта новелла мало что меняет в отношении значения обеспечения качества первоначального этапа уголовного процесса, от которого по-прежнему зависит высокое качество досудебного расследования в целом.

При этом, как правило, именно первоначальный этап досудебного расследования характеризуется наибольшими трудностями для следователя, поскольку ему необходимо в кратчайшие сроки полно и качественно собрать информацию о преступлении.

Привлечение специалиста на данном этапе расследования, в особенности при производстве следственных действий, существенно помогает следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств.

Помощь, оказываемая специалистом в следственных действиях, может быть самого разного рода. По мнению П.П. Ищенко, всю помощь специалистов в следственных действиях, можно разделить на 4 основных вида:

1. криминалистическая помощь (обнаружение, фиксация и изъятие следов и объектов, несущих на себе криминалистически значимую информацию);
2. консультативная помощь (дача общих пояснений, замечаний справочного характера об оптимальных методах и способах изъятия и исследования следов преступления, собирания иной значимой для расследования события информации);
3. техническая помощь (ее могут оказать специалисты, владеющие практическими навыками обнаружения, фиксации и изъятия необходимой материальной информации – инженеры, операторы, спасатели, водолазы и т. п.);
4. методическая помощь (преимущественно, отработка новых приемов и методов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления).[2]

Конкретный вид помощи, оказываемой специалистом, зависит, прежде всего, от вида производимого следственного действия. Как мы уже отмечали, порядок производства каждого следственного действия регламентирован нормами УПК. При этом не всегда законодателю удается избежать неточностей в формулировках, что приводит к определенным затруднениям на практике.

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 201 4 года № 231 // Каз. правда. – 10 июля 201 4 г. – № 133 (27754).

[2] Ищенко П.П. Специалист в следственных действиях (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты). –М.: Юрид. лит., 1990. – 160 с.

Например, в специальной литературе высказывается много предложений о совершенствовании регламентирования такого необходимого следственного действия, как осмотр. Например, В.В. Колиев указывает на недостатки нормативного регулирования осмотра трупа: «В ч.1 ст. 178 УПК РФ законодатель говорит о том, что при невозможности участия судебно- медицинского эксперта следователь производит осмотр трупа с участием врача, забывая о том, что такого участника нет в уголовном процессе. А если не предусмотрен в УПК РФ данный участник, значит, он не обладает надлежащим процессуальным статусом, т. е. не имеет ни прав, ни обязанностей». По мнению исследователя, рассматриваемое предложение ч.1 ст.178 УПК РФ имеет заведомо неправильную конструкцию и требует структурной переработки. Не совсем ясно, что под собой подразумевает и следующее предложение данной части, говорящее, что при необходимости для осмотра трупа могут привлекаться другие специалисты.[1] Учитывая, что норма, касающаяся осмотра трупа, в УПК Казахстана изложена аналогичным образом, можно говорить об общности многих проблем, касающихся качества нормотворчества.

На наш взгляд, ряд норм УПК действительно заслуживает соответствующего редактирования во избежание неточностей нормативных определений и формулировок. В частности, как нам представляется, должна быть изменена норма, касающаяся правового статуса специалиста. В части 5 ст. 80 УПК Республики Казахстан среди закрепленных обязанностей специалиста нашу критику вызывает пункт 2, который гласит: специалист обязан «участвовать в производстве следственных действий и судебном разбирательстве, используя специальные знания, навыки и научно-технические средства для оказания содействия в собирании, исследовании и оценке доказательств».

Такая редакция правовой нормы фактически обязывает специалиста участвовать в каждом следственном действии, производимом по уголовному делу. Но, как мы понимаем, в этом нет необходимости. Возможно, законодатель хотел сделать акцент на обязанности использования специальных знаний специалистом. Или законодатель имел в виду, что специалист не может уклониться от участия в следственном действии, если есть вызов лица, ведущего уголовный процесс? Однако в норме нет указаний на необходимость наличия вызова следователя или иного лица, ведущего уголовный процесс.

Подобные моменты свидетельствуют о том, что нормативное закрепление правового статуса специалиста в уголовном процессе нуждается в дальнейшем совершенствовании. Здесь нельзя не отметить имеющиеся достижения в данной сфере. Сегодня значимость роли специалиста существенно возросла. Так, А. Давлетов, анализируя современные функции специалиста в уголовном процессе, утверждает, что ему отведена, с одной стороны, роль помощника в собирании и исследовании доказательств и иных данных, а с другой – участника судопроизводства, который, подобно эксперту, может своими действиями формировать доказательства, используемые для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу.[2] А.А. Светличный из анализа нормативно-правовой базы делает вывод, что «на сегодняшний день, как заключение специалиста, так и заключение эксперта обладают одинаковым доказательственным значением в уголовном деле». Правда, исследователь отмечает при этом, что вопросы разграничения процессуального порядка получения заключения специалиста и эксперта, требуют своего соответствующего разрешения.[3]

---

[1] Колиев В.В. Участие специалиста-криминалиста в производстве следственных действий // Право и практика. – 2014. – № 2. – С. 13.

[2] Давлетов А. Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы // Российская юстиция. – 2003. – №9. – С 15.

[3] Светличный А.А. Участие специалиста в следственных действиях при расследовании убийств по найму //

Вопросы разграничения процессуальных полномочий специалиста и эксперта представляют особый интерес, требующий отдельного рассмотрения. Мы отметим лишь, что изучение объектов специалистом по сравнению с научно обоснованным исследованием эксперта носит более поверхностный характер. Вместе с тем, помощь специалиста при производстве следственных действий может быть очень существенной и необходимой. Поэтому мы, проанализировав основные ситуации и общие условия привлечения специалиста к производству следственных действий, считаем, что, во-первых, в уголовно-процессуальном законодательстве должны быть расширены критерии обязательного привлечения специалиста к следственным действиям, а, во-вторых, необходимо работать над постоянным повышением квалификации следователя с тем, чтобы он четко осознавал целесообразность обращения к специалисту для оптимизации процесса досудебного расследования.

Ф.Г. Аминев

Место и роль криминалистического мышления в судебно-экспертной деятельности

В статье рассмотрены вопросы интеграции специальных знаний и криминалистического мышления в судебно-экспертную деятельность, произведен анализ экспертных ситуаций и применяемых тактических приемов, показаны возможности применения криминалистического мышления при проведении ситуалогической экспертизы места происшествия, составные элементы технологий судебно-экспертной деятельности.

***Ключевые слова**: судебно-экспертная деятельность, интеграция знаний, криминалистическое мышление, интегративная технология, экспертное исследование, следователь, эксперт, судебная ситуалогическая экспертиза.*

F.G. Aminev

Place and role of criminalistic thinking in judicial and expert activity

In article questions of integration of special knowledge and criminalistic thinking in judicial and expert activity are considered, the analysis of expert situations and the applied policy strokes is made, possibilities of application of criminalistic thinking when carrying out situalogichesky examination of a scene are shown, components of technologies of judicial and expert activity.

***Keywords**: judicial and expert activity, integration of knowledge, criminalistic thinking, integrative technology, expert research, investigator, expert, judicial situalogichesky examination.*

В условиях продолжающей оставаться сложной криминогенной обстановки в Российской Федерации[1] всё большее внимание уделяется современным достижениям

[1] В течение 201 4 года в РФ зарегистрировано 2166,4 тыс. преступлений, не раскрытыми остались 948,6 тыс. преступлений. В результате преступных посягательств погибло 35 тыс. человек, здоровью 52,6 тыс. человек причинен тяжкий вред. Ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 349,34 млрд. руб., что на 9,5% меньше аналогичного показателя прошлого года. // Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 201 4 года // Состояние преступности (архивные данные): Статистика и аналитика [Электронный ресурс]: Официальный сайт Министерства

криминалистики и судебной экспертизы в целях собирания, исследования и использования доказательств в расследовании и раскрытии преступлений. При этом происходит глубокая интеграция (интеграция, лат. integratio – объединение в целое каких-либо частей или элементов[1]) научных знаний в судебно-экспертную деятельность – научно-методическую производственную деятельность государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений, иных экспертов из числа сведущих лиц, состоящая в производстве судебной экспертизы по поручению уполномоченного лица, или органа, ее назначившего[2]. Такая деятельность предполагает использование взаимопроникновения средств и методов различных отраслей специальных знаний: физики, биологии, химии, судебной медицины и т. д.

Одновременно, как отмечают Н.П. Яблоков и А.Ю. Гаврилин, успешное решение многих ответственных задач в любой юридической практике, правоприменительной деятельности, особенно при работе с документами, словесной и иной материальной информацией возможно лишь тогда, когда глубокие знания, полученные при изучении всех отраслей права, будут органично соединены с криминалистическим мышлением[3].

Криминалистическое мышление – это мыслительный процесс, использующий ситуационно-деятельностный, научно-технический и тактико-технологический подходы при подготовке и проведении следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и судебных экспертиз. И очень точно отмечено Н. П. Яблоковым, считающим, что «обладание таким мышлением позволяет исполнителю любого вида юридической деятельности лучше выявлять, анализировать и использовать любые юридические факты, работать с их вещественными, документальными и иными источниками …»[4].

Воплощением криминалистического мышления в судебно-экспертной деятельности на практике является деятельность эксперта в территориальном органе внутренних дел: он и обнаруживает следы и иные объекты, он же – проводит их предварительное, затем – экспертное исследование, результатом которого является заключение эксперта.

По нашему мнению, криминалистическое мышление судебного эксперта – это вид аналитического мышления (процесса отражения объективной действительности), сформированного на основе глубоких криминалистических знаний, умений и навыков, применяемого в судебно-экспертной деятельности.

Особо важную роль криминалистическое мышление играет в судебно-экспертной деятельности потому, что в ней крайне актуально применение методов, созданных криминалистикой: программно-целевых, алгоритмизированных, эвристических методов, методов фактологического анализа, криминалистического моделирования и других.

Произведенный с помощью криминалистического мышления анализ позволяет смоделировать в судебной экспертизе возможные оптимальные варианты решений и тактически грамотно провести экспертное исследование.

Так, владение криминалистическим мышлением позволяет оградить эксперта от ошибочных действий в ситуации с большим количеством задаваемых следователем (судом) интересующих его вопросов при назначении судебной экспертизы. Причем, очень

внутренних дел Российской Федерации, 2014. Режим доступа: https: //mvd.ru/folder/101762/item/1609734/, свободный (дата обращения: 15.02.2015.).

[1] См.: Краткий словарь иностранных слов / Сост. С.М. Локшина. – М.: Рус. яз., 1979. – С. 283.

[2] Аминев Ф.Г. О деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 2. С. 168-171.

[3] Криминалистика: природа, система, методологические основы / Н.П. Яблоков, А.Ю. Гаврилин. М.: Норма, 2009. С. 220-221.

[4] Яблоков Н.П. Криминалистика в структуре правоприменительной деятельности (науковедческие и практические аспекты) // Криминалистика в системе правоприменения: материалы конференции. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 27-28 октября 2008 г. – М.: МАКС Пресс, 2008 – С. 13.

важных для выяснения обстоятельств вопросов (исключая, конечно же, вопросы типа «кто виноват в происшедшем ДТП?» и некоторые другие). И надо признать (35-летний опыт работы в сфере судебной экспертизы позволяет автору это утверждать), что эксперт (руководитель судебно-экспертной организации), не владеющий криминалистическим мышлением, нередко настойчиво предлагает лицу, уполномоченному назначать судебные экспертизы, оставить в постановлении (определении) только те вопросы, на которые эксперт может ответить в категорической форме. В таких случаях эксперту получается проще ответить на более простые вопросы, чаще всего имеющие небольшое значение в расследовании, в ущерб сложным и казалось бы, второстепенным вопросам, решение которых могло оказать решающее влияние на весь ход расследования

При этом вполне обоснованны действия, производимые в соответствии с положением ч. 3 ст. 199 УПК РФ, касающимся возврата руководителем экспертного учреждения постановления о назначении экспертизы и материалов, представленных для ее производства, если в данном учреждении нет эксперта конкретной специальности, либо специальных условий для проведения исследований. Однако, фрагмент части 5 этой же статьи, в котором указано, что эксперт вправе возвратить без исполнения постановление, если «… он считает, что не обладает достаточными знаниями для ее производства» мы предлагаем исключить из текста статьи 199 УПК РФ, так как именно этим положением ст. 199 УПК РФ пользуется эксперты, не владеющие криминалистическим мышлением и не проявляющие экспертную инициативу, стремящиеся к упрощению своей деятельности, когда под угрозой возврата без исполнения по указанной выше причине, добиваются от следователя согласия на исключение из постановления (определения) широкого круга вопросов и постановку только ограниченного круга вопросов. И, наоборот, судебный эксперт, владеющий криминалистическим мышлением, понимает значимость для расследования многих, «лишних» по мнению некоторых специалистов, вопросов, не будет упрощать сложившуюся ситуацию, а мобилизует свои специальные знания, применит все современные методы и средства, освоит новые научно обоснованные методики и технологии, и в результате проведет более глубокие исследования и постарается максимально решить поставленные перед ним вопросы.

Развитое криминалистическое мышление особенно необходимо. например, при проведении ситуалогических судебных экспертиз места происшествия. Ведь место происшествия и его материальная обстановка являются отображением последствий определенного события, это наиболее богатый источник информации. В большинстве случаев раскрытие преступлений целиком зависит от того, в полной ли мере использован этот источник[1]. А ситуалогическая экспертиза места происшествия позволяет установить отдельные элементы события совершенного преступления, отдельные детали ситуации при решении задач, связанных с исследованием материальных отображений в вещной обстановке места происшествия[2].

Для решения вопросов ситуалогических экспертиз многих видов (автотехнических, пожарно-технических и др.) эксперт должен знать и применять не только технико-криминалистические, но и тактико-криминалистические приемы:

1) сопоставление первичных данных расследования и обстановки места происшествия с целью обнаружения следов преступления;

2) раздельный анализ следов на месте происшествия;

3) анализ признаков сокрытия следов;

4) мысленное моделирование элементов события;

---

[1] См.: Шепитько В.Ю. Криминалистика: Курс лекций. Харьков, 2009. С. 162.

[2] См.: Лапшин В.Е. Место происшествия как объект экспертного исследования: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. Нижний Новгород, 2003. С. 10.

5) криминалистическое моделирование всего происшедшего события;

6) сравнение полученной модели события и реальной картины места происшествия.

Так, сравнением первичных данных хода расследования с обстановкой места происшествия удается обнаружить более широкий перечень следов преступлений и вещественных доказательств и их относимость к событию. Анализ отдельных следов в ходе экспертизы места происшествия позволяет установить причинные связи между ними, в результате чего обнаружение одного следа позволяет провести результативный поиск других следов. Мысленное моделирование отдельных элементов события производится после анализа отдельных следов на месте происшествия.

Значение владения экспертом криминалистического мышления можно проиллюстрировать на следующем примере. Так, при осмотре места происшествия по факту обнаружения трупа мужчины в постели своего дома на территории одного из районных центров Зауралья было установлено наличие двух повреждений лобной кости черепа трупа, образованных в результате удара, предположительно, тупым твердым предметом. Эксперт, который был привлечен для проведения ситуалогической экспертизы места происшествия, применил тактический прием сопоставления информации, полученной на месте происшествия, с типовыми аналогами[1]. Необычным при таком характере повреждений на трупе являлось отсутствие следов крови на постели и окружающей мебели. Моделирование механизма образования повреждений указывало на обязательность брызг крови по линии продольной оси тела. Путем исследования аккуратно застеленных слов постельных принадлежностей на рядом стоящей второй кровати на одной из простынь были обнаружены следы вещества бурого цвета, похожего на кровь, механизм образования которых указывал на их образование в результате замаха при втором ударе, нанесенном жертве.

Можно привести множество других примеров, которые показывают, что наличие и навыки криминалистического мышления экспертов, проводящих экспертизу места происшествия, помогают путем анализа множества информационных полей, обнаруженных и исследованных на месте происшествия, собрать и представить органам следствия значимую поисковую и доказательственную информацию. Вместе с тем, следует отметить, что для проведения полноценной судебной ситуалогической экспертизы места происшествия необходимо привлечение к таким экспертизам группы экспертов разных специальностей, которые при исследовании комплекса следов, содержащих криминалистически значимую информацию большого количества информационных полей, могут составить интеграционную информационную модель преступника и механизма совершения преступления; могут выяснить очередность образования следов и на этой основе последовательность действий преступника, восстановить механизм и динамику его действий, словом – определить весь предмет доказывания по расследуемым делам.

Поэтому одним из ключевых направлений интеграции знаний и криминалистического мышления в деятельность по расследованию преступлений является интегративная технология судебно-экспертной деятельности, основу которой составляет обладание судебным экспертом широкого спектра знаний уголовного процесса, криминалистики, теории оперативно-розыскной деятельности и других юридических наук.

---

[1] Практика показывает, что в процессе сопоставления следов, предметов, признаков места происшествия с типовыми аналогами могут быть обнаружены и такие фактические данные (или их отсутствие), которых быть не должно (или должны обязательно иметь место). Такие негативные обстоятельства сигнализируют о ложном отражении события преступления.

Исходя их того, что технологии представляют собой процессы, при которых происходит качественное изменение обрабатываемого объекта[1], целью технологических процессов в судебно-экспертной деятельности является система организационно-методической и производственной судебно-экспертной деятельности, способствующей раскрытию и расследованию преступлений. Такое понимание использования экспертных технологий в обеспечении расследования преступлений соответствует принципиальным положениям системного подхода в криминалистике и судебной экспертизе, значение которого подчеркивает проф. Н. П. Яблоков: «Системность выступает одним из основополагающих условий должного существования, целостности и дальнейшего развития в том числе и системы криминалистики как прикладной юридической науки, ее отдельных частей, разделов и теорий»[2]. Результатом такого подхода и должна являться разработка современных технологий экспертно-криминалистического обеспечения с использованием криминалистического мышления.

А.А. Аубакирова

Законы логики и формирование внутреннего убеждения эксперта

В статье рассматривается формирование внутреннего убеждения эксперта с точки зрения законов логики – закона тождества, закона противоречия, закона исключенного третьего и закона достаточного основания. Реализация этих законов осуществляется с помощью приемов и методов логического мышления. Выделены дедуктивные и индуктивные умозаключения. В итоге эксперт, на основе законов логики, проходя путь от вероятного знания к достоверному, формирует свое внутреннее убеждение, делает единственно правильный вывод, носящий истинный характер.

***Ключевые слова**: внутреннее убеждение, эксперт, законы логики, индуктивное умозаключение, дедуктивное умозаключение, вероятность, достоверность, истина.*

A.A. Aubakirova

Laws of logic and formation of internal belief of the expert

The article deals with the formation of inner conviction of the expert to the laws of logic – the law of identity, the law of contradiction, the law of excluded middle and law of sufficient reason. Realization of these laws is carried out by means of receptions and methods of logic thinking. Deductive and inductive conclusions are allocated. As a result, the expert passes a way from probable knowledge to authentic, forms the internal belief, does only correct conclusion having true character on the basis of laws logicians.

***Keywords**: internal belief, the expert, logic laws, inductive conclusion, deductive conclusion, probability, reliability, true.*

Экспертная деятельность – сложная и многогранная категория, включающая в себя гносеологические, логические, психологические аспекты деятельности эксперта, включая его нравственные начала.

---

[1] См.: Краткий словарь иностранных слов / Сост. С.М. Локшина. – М.: Рус. яз., 1979. – С. 283.

[2] Яблоков Н.П. Системные исследования в криминалистике. Общие вопросы./ Проблемы системных исследований в криминалистике и судебной экспертизе: конференция, 4-5 декабря 200 6 г., М.МГУ им М. В. Ломоносова. Сб. тезисов. – М.: МАКС Пресс, 2006. – С. 8.

В рамках нашей статьи мы рассмотрим деятельность эксперта с точки зрения законов логики. Логический аспект формирования внутреннего убеждения эксперта представляет собой выводное знание, содержанием которого являются суждения и умозаключения, полученные им в результате исследования выявленных свойств и признаков объекта. В мыслительном процессе такого познания сочетаются приемы как формальной, так и диалектической логики.

Убеждение, и, прежде всего, убеждение эксперта, с логической точки зрения должно рассматриваться как некоторый мыслительный процесс, приводящий к определенному заключению, к определенным выводам, вытекающим из данных посылок. Движение от чувственного к логическому преследует цель познания сущности процессов, явлений, характера познаваемого объекта, исходя из достаточно обоснованных логических посылок и опираясь на законы логического мышления. Законы логики, специфические законы мышления, пронизывая весь процесс экспертного исследования, оказывают значительное влияние на формирование внутреннего убеждение эксперта.

Незнание законов логики или их нарушение может отрицательно сказаться на формировании внутреннего убеждения эксперта, что, в конечном счете, приведет к логической ошибке в выводах эксперта.

Рассуждая о значении для экспертного исследования одного из основных законов логического мышления - закона тождества, А.И. Винберг писал: «Уяснение экспертами сущности уже первого закона логического мышления - закона тождества – позволяет правильно понимать процесс криминалистического исследования, в результате которого эксперт должен сделать вывод о наличии тождества или различия. В то же время закон тождества позволяет отличить понятие тождества от понятия полного сходства. Смешение этих понятий приводит к ошибочным заключениям экспертов - криминалистов, особенно часто при производстве графической экспертизы, когда в сравниваемых рукописях находят «тождество» букв или слов»[1]. Другими словами, принцип тождества может рассматриваться как принцип правильного, познающего истину мышления. «Правильное отождествление необходимо присуще человеческому мышлению, в то время как ложное отождествление имеет следствием извращение, искажение действительности»[2].

Немаловажное значение для экспертной деятельности имеют и другие логические законы: закон противоречия, закон исключенного третьего и закон достаточного основания.

Закон противоречия в рамках экспертного исследования играет в процессе познания ограничивающий, исключающий характер. Принцип противоречия устанавливает, что два противоречащих друг другу промежуточных вывода не могут быть истинны в одном и том же отношении. Однако вводя это ограничение, опираясь на материалистическую диалектику, принцип противоречия требует в то же время утвердительного предложения, которое устанавливает, в каком отношении и в какой связи могут быть истины два одно другому противоречащих промежуточных вывода. Соблюдение принципа противоречия есть требование правильного логического мышления.

Смысл закона исключенного третьего, являющегося третьим законом мышления, сводится к следующему: из двух противоречащих друг другу в одном и том же отношении суждений или одно, или другое является истинным, и они исключают в том же самом отношении возможность истинности третьего суждения. Эксперт, по мнению Р.С. Белкина и А.И. Винберга, исходя из данного закона, должен давать свое заключение по формуле «да или нет» («или – или»), а не по формуле «и да, и нет»[3]. Нарушение зако-

---

[1] Винберг А.И. Криминалистика. Раздел 1. Введение в науку / А.И. Винберг – М., 1962. С.15.
[2] Фогараши Б. Логика / Б.Фогараши - М. 1959. 496 с. С. 75.
[3] Белкин Р.С, Винберг А.И. Криминалистика и доказывание / Р.С. Белкин, А.И. Винберг – М., 1969. С. 150.

на исключенного третьего ведет к логическим противоречиям. Противоречия в мышлении являются отражением противоречий в объективной действительности.

Наконец, закон достаточного основания утверждает, что основание логической связи одного с другим образует соответствующие связи объективной действительности, связи явлений с окружающими условиями. Закон достаточного основания является одним из основных условий правильного мышления, условий достижения истины, обеспечивая последовательность, обоснованность, доказательность, мышления. Установив в ходе экспертного исследования наличие того или иного факта, например, факта принадлежности объекта биологического происхождения, изъятого с места происшествия, определенному лицу, свидетельствует о том, что данное лицо пребывало на данном месте. В то же время алиби данного лица дает основание для вывода о его непричастности к совершенному преступлению.

Все вышеперечисленные законы логики не механически переносятся в область судебной экспертизы, а способствуют разработке логических приемов и методов применительно к практике судебной экспертизы. «Законы правильного мышления не могут реализовываться сами по себе. Они определяют лишь подходы к их реализации. Реализация этих законов осуществляется с помощью приемов и методов логического мышления»[1]. К таким приемам и методам относятся: анализ и синтез, абстрагирование, формализация, обобщение, умозаключение (аналогия, индукция, дедукция), экспертная интуиция, вероятность и достоверность суждений эксперта и т. п.

Следует отметить, что оперирование логическими категориями анализа, синтеза, индукции, дедукции, причинности может дать результаты при экспертном исследовании в тех случаях, когда их применение не ограничено рамками формальной логики. Процесс экспертного исследования это не только мыслительная, но и эмпирическая деятельность. Внутреннее убеждение эксперта основывается не только на законах формальной, но диалектической логики. Законы диалектической логики в свою очередь придают законам формальной логики более полное, более конкретное их выражение. Законы и правила традиционной логики представляют собой знание, особым образом участвующее в мыслительных актах. «В формальной логике (традиционной и математической), – писал В.Н. Демин, – как правило, совершается отвлечение не только от генезиса логического знания и его назначения, но и от реальных мыслительных процессов, обусловливающих саму возможность функционирования логических законов. В диалектической логике не только не происходит устранения от исследования хотя бы одной из названных сторон логического процесса, но, напротив, дается их комплексное рассмотрение»[2]. Можно сказать, что диалектическая логика, задавая общее направление процессу познания, вооружая эксперта конкретными приемами творческой обработки знания, позволяющими делать научно обоснованные выводы, принимать правильные решения, в совокупности с основными положениями логики формальной, принципы которой представляют собой законы правильной организации и упорядочения всякого знания, позволяют правильно осмыслить весь процесс экспертного исследования и вытекающие из него оценочные суждения, лежащие в основе формирования внутреннего убеждения эксперта.

Все умозаключения в современной логике делятся на дедуктивные и индуктивные. И те, и другие умозаключения присущи, как процессу исследования вещественных

---

[1] Аверьянова Т.В. Значение законов логики для практической экспертной деятельности / Т.В. Аверьянова // Роль науки в повышении эффективности деятельности правоохранительных органов. – Алматы, 2008. с. 237-252. С. 239.

[2] Демин В.Н. Принципы материалистической диалектики в научном познании. / В.Н. Демин – М., 1979. С. 51-52.

доказательств, так и процессу формирования внутреннего убеждения и формулирования выводов.

Не отдавая предпочтения ни одной из указанных форм, отметим лишь, что индуктивное умозаключение, как правило, используется при решении идентификационных задач либо при установлении причинных связей. Следует отметить, что большинство исследователей логики экспертного мышления считают, что преобладающую роль в экспертном познании играет индуктивная (вероятностная) логика, а логические правила силлогизма используются экспертом лишь на завершающей стадии исследования. При этом эксперт в процессе исследования объектов, опираясь на законы логики, используя индукцию и соответствующие способы рассуждения, получает из суждений, относящихся к отдельным предметам, общие суждения. Например, проводя отождествление стреляной в огнестрельном оружии пули, эксперт выявляет отдельные признаки канала ствола оружия, отобразившиеся на исследуемой пуле, которые лишь с некоторой вероятностью указывают на возможный вывод. Затем, по мере проведения сравнительного исследования с экспериментальным образцом, сопоставления выявленных общих и частных признаков, установления между ними определенных связей, формулируя промежуточные выводы, эксперт в конце концов соединяет эти частные выводы в логически обоснованный, достоверный общий вывод. Однако, как справедливо отмечал А.А. Эйсман, «индукция описывает процесс установления тождества или конкретной причины не непосредственно, а косвенно: индуктивное умозаключение, получаемое в результате сравнения признаков или наблюдения следствий, требует преобразования, интерпретации в описанной форме»[1]. Это означает, что в практике нельзя рассчитывать на совпадение всех деталей двух следов одного и того же орудия, и здесь при формулировании выводов на первый план выступает логика суждения эксперта, основанная, с одной стороны, на уровне его знаний предметных наук и законов логического мышления, а с другой, – на профессиональном опыте. Сделанные им индуктивные умозаключения по аналогии ложатся в основу его оценочных суждений и, в конечном счете, в основу формирования внутреннего убеждения эксперта, на которое он опирается при формулировании выводов. Следует отметить, что в связи с существующей в специальной литературе классификацией индукции на полную и неполную, а последней, в свою очередь, на популярную и научную, в нашем случае речь можно вести лишь о неполной индукции, под которой понимается «такое индуктивное умозаключение, которое дает общий вывод не из всех фактов, охватываемых этим понятием общего, а только части этих фактов»[2].

В качестве примера дедуктивного умозаключения (получение следствия из посылок) при решении экспертных задач, можно привести следующий. На пуле, стрелянной из нарезного оружия, специфическими являются следы от полей нарезов канала ствола. Они представляют собой чередующиеся валики и бороздки, возникающие от неровностей – так называемых полей нарезов, а количество следов полей нарезов и их наклон относительно продольной оси пули соответствует количеству и направлению нарезов канала ствола. Поскольку на исследуемой пуле имеются указанные следы, делается вывод: пуля стреляна из огнестрельного оружия с нарезным каналом ствола. Здесь в основе умозаключение по аналогии лежит аналогия качеств и свойств. Зная признаки нарезного канала ствола того или иного огнестрельного оружия, их количество, направление и взаиморасположение, эксперт, не проводя идентификационного исследования, может сделать вывод по аналогии о виде и марке оружия, из которого была стреляна данная пуля.

---

[1] Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. – М., 1967. С. 68-69.
[2] Фогараши Б. Логика. – М., 1959. С.305.

Умозаключение по аналогии, являющейся разновидностью индуктивного умозаключения, теснейшим образом связано с гипотезой, представляющей собой научно обоснованное предположение, при котором на основе ряда фактов делается вывод о существовании объектов и связях между ними, о причинах их возникновения и закономерностях их развития. Конечно же этот вывод имеет вероятностный характер, тем не менее логической формой этого вывода является гипотетическое умозаключение.

Л.Е. Ароцкер и Б.Н. Ермоленко понимают под достоверным суждением «такое суждение, относительно которого совершенно определенно известно, что отношение, признак или свойство, о котором говорится в суждении, действительно принадлежит к предмету мысли»[1], в то время как под вероятностью они понимают характеристику отношения между случайностью и необходимостью[2].

Т.В. Аверьянова пишет: «Следует отметить, что заключение эксперта, являясь достоверным (обоснованным), в то же время может быть неистинным (ложным) потому, что представленные на экспертизу объекты (либо материалы дела) изначально были получены с нарушением процессуальных или иных требований и в результате не соответствуют действительному положению расследуемого уголовного (либо гражданского) дела. Примером же недостоверного истинного заключения может служить первоначальное заключение эксперта, после которого обоснованно была назначена повторная экспертиза, выводы которой, в свою очередь, совпали с выводами первоначальной экспертизы»[3].

Именно с вероятностью и достоверностью наиболее связана такая психологическая категория, как внутреннее убеждение, когда субъект познания (эксперт), оценивая установленные им в ходе проводимого исследования фактические данные, на основе законов логики, проходя путь от вероятного знания к достоверному, делает единственно правильный вывод, носящий истинный характер.

---

[1] Ароцкер Л.Е., Ермоленко Б.Н. О логической и гносеологической природе выводов судебного эксперта //Правовые и методологические проблемы судебной экспертизы./ Сб. науч. тр. ВНИИСЭ № 10. – М., 1974. С. 60.

[2] Там же. С. 61.

[3] Аверьянова Т.В. Значение законов логики для практической экспертной деятельности // Роль науки в повышении эффективности деятельности правоохранительных органов. – Алматы, 2008. С.249.

В.И. Балко

К вопросу о классификации специалистов

В статье рассмотрено понятие «специальные знания» разных авторов. Дана классификация специалистов. Дано авторское определение «аналитический» специалист-криминалист и «специализированные знания».

***Ключевые слова**: специалист, специалист – «некриминалист» специалист – криминалист, специальные знания, формы специальных знаний и «специализированные знания».*

V.I. Balko

To the question of the classification of specialists

In the article the concepts "special knowledge" of various authors are examined. The classification of experts is given. The author's definitions of the concepts "analytical specialist" and "specialized knowledge" are given.

***Keywords**: specialist, specialist – "non-criminalist", specialist – criminalist, special knowledge, forms of special knowledge and "specialized knowledge".*

В настоящее время нельзя встретить уголовного дела, при расследовании которого в той или иной форме не использовались бы специальные знания. История формирования института специальных знаний достаточно сложна и длительна. На ее становление влиял и влияет процесс совершенствования законодательства и особенности возникновения, и развития наук. Исследование скрытых свойств и взаимодействие между объектами, явлениями требует применения специальных знаний.

В УПК РСФСР 1960 года введена самостоятельную фигура специалист, как участника следственных действий. Общеизвестно, что специалист - это лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке действующего законодательства для участия как специалиста в подготовке и проведении следственных действий и других обязанностей.

В литературе предпринимались попытки конкретизации специальных знаний, которые нужны для раскрытия и расследования преступлений, следующими авторами: А.А. Эйсман, З.М. Соколовский, Ю.Г. Корухов, В.И. Шиканов, Е.И. Зуев, Б.М. Бишманов, Ю.К. Орлов, В.Г. Рубцов, Р.С. Белкин, Е.Р. Россинская, И.Н. Сорокотягин, П.П. Ищенко, П.К. Пошюнас, Т.В. Сахнова, Г.Г. Зуйков, Г.И. Громович, А.Ф. Аубакиров, А.А. Исаев, Ж.Р. Дильбарханова и др.). Рассмотрим более подробно некоторые позиции авторов. По мнению А.А. Эйсмана специальные знания «это знания не общеизвестные, не общедоступные, не имеющие массового распространения, это знания которыми располагает ограниченный круг специалистов, но которыми не располагает адресат доказывания».[1]

З.М. Соколовский считает, что отнесение тех или иных знаний к числу специальных «зависит от того, в границах общего или специального образования изучаются закономерности, решаемые в конкретном случае».[2]

Б.М. Бишманов обращает внимание на то, что «профессиональные знания не всегда являются существенным признаком специальных знаний, как, например, в филателии».[1]

---

[1] Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование.- М.: 1967.С. 89-91.

[2] Соколовский З.М. Проблемы использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний при установлении причинной связи явлений: Автореф. Дис… д-ра юрид. Наук. – Харьков, 1968. С.8.

Ю.К. Орлов пишет, что «специальные знания, выходящие за рамки общеобразовательной подготовки и житейского опыта, которыми обладает более или менее узкий круг людей».[2]

И.Н. Сорокотягин утверждает, что специальные знания – «это достоверные научные знания, отражающие современный уровень развития определенной отрасли науки, техники, исскуства и ремесла, полученные в результате специальной подготовки или профессионального опыта, не являющиеся общедоступными и применяемые с целью установления истины по делу в случаях и в порядке, установленных законом».[3]

А.М. Зинин и Н.П. Майлис под специальными знаниями понимают: «выходящие за рамки общеобразовательной подготовки и простого житейского опыта, приобретенного в процессе профессиональной деятельности в той или иной области науки, техники, исскуства, ремесел, основанных на теоретических, базовых положениях соответствующих областей знаний…».[4] Проведенное исследование Т.Д. Телегиной позволило сформулировать вывод в заключении своей диссертации «О неконструктивности определения состава специальных знаний «традиционным» перечнем - наука, техника, ремесло и искусство, так как он не охватывает всех областей знаний, могущих быть использованными при расследовании преступлений»[5].

На практике следователь чаще всего вызывает (приглашает) специалиста криминалиста при подготовке и проведении следственных действий, а остальных специалистов (педагог, психолог, переводчик, врач и др.) приглашает по мере «производственной» необходимости.

Поэтому приглашенных специалистов условно можно поделить на две группы: группа специалистов-криминалистов и группа специалистов - «некриминалистов». Дадим им расширенные определения.

Специалист – криминалист - это лицо, не заинтересованное в исходе уголовного дела, с определенным стажем работы, лицо, имеющее допуск к участию в следственном действии, а также участие в производстве экспертизы (наличие допуска). Лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве и иных сферах деятельности. Данное лицо, может быть вызвано (приглашено или привлечено) органом, ведущим уголовный процесс для участия и оказания содействия в подготовке и в производстве следственных действий (обнаружения, закрепления и (или) изъятия предметов и иных объектов) и других процессуальных действий с применением научно-технических средств в изучении (обследовании, «исследовании») материалов уголовного дела для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и (или) суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Специалист - «не криминалист» - это лицо, не заинтересованное в исходе уголовного дела, лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве и иных сферах деятельности, не общеизвестных в уголовном процессе для решения задач уголовного судопроизводства. Специальные знания, приобретенные лицом в ходе профессионального обучения либо практической деятельности, как правило, первоначально

---

[1] Бишманов Б.М. Эксперт и специалист в уголовном судопроизводстве. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2003. С.24.

[2] Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам).- М.: ЮристЪ, 1995. С. 6-7.

[3] Сорокотягин И.Н. Криминалистические проблемы использования специальных познаний в расследовании преступлений: Автореф. Дис… д-ра юрид. наук.- Екатеринбург, 1992.С. 4.

[4] Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза: Учебник.- М.: Право и закон; Юрайт – Издат, 2002.- С.63.

[5] Телегина Т.Д. Использования специальных знаний в современной практике расследования преступлений: Автореф. Дис… канд. юрид. наук.- Москва, 2002. URL: http://lawtheses.com/ispolzovanie-spetsialnyh-znaniy-v-sovremennoy-praktike-rassledovaniya-prestupleniy (дата обращения: 2.09.2014).

не связано с уголовным судопроизводством. Например, участие педагога в допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля.

Но на практике следователь также приглашает к участию и других лиц, обладающих специальными знаниями в науке, технике, искусстве и иных сферах деятельности, не общеизвестными в уголовном процессе, приобретенными лицом в ходе профессионального или непрофессионального обучения либо практической деятельности, к поисковой деятельности, в подготовке и проведении следственных действий. Например, «некоторые коллекционеры могут дать гораздо больше информации по отдельным образцам оружия (например, распространенным в Юго-Восточной или Центральной Азии), чем специалист в области оружиеведения».[1]

Рассмотрим деление специалистов – «не криминалистов» и дадим им окончательное определение.

Специалист – «не криминалист» или специалист «сопровождения» группы «А» - это лицо не заинтересованное в исходе уголовного дела и обладающее специальным знанием непрофессионального характера в технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности. Это знание, приобретенное в ходе практической деятельности, увлечения чем-либо, длительным пребыванием в определенной среде и т. д., не общеизвестное в уголовном процессе, первоначально не связанное с уголовным судопроизводством. Лицо, привлекаемое следователем с учетом его компетентности, для оказания помощи процессуального и не процессуального характера при производстве и (или) подготовке к проведению процессуального действия, а равно оказывающее такую помощь в решении задач уголовного судопроизводства. Например, рекомендации плотника или «специалиста по мебели» по нахождению тайника в мебели.

Специалист – «не криминалист» или специалист «сопровождения» группы «В» - это лицо, как правило, обозначенное в уголовно-процессуальном кодексе как не заинтересованное в исходе уголовного дела и обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве и иных сферах деятельности. Эти знания приобретенные лицом в ходе профессионального обучения либо практической деятельности, не общеизвестных в уголовном процессе и первоначально не связанные с решением задач уголовного судопроизводства. Например, участие психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого.

Но на практике ведомственные образовательные учебные заведения на 100% не могут обеспечить уже готовых к работе специалистов-криминалистов, поэтому определенная часть их по производственной необходимости готовится на местах. Рассмотрим деление специалистов – криминалистов и дадим им окончательное определение. Дадим им определение.

«Начинающий» специалист-криминалист - это молодой специалист не заинтересованный в исходе уголовного дела, со стажем до 12 месяцев, имеющим допуск к участию следственных действий. Обладающим специальными знаниями, вызванным органом, ведущим уголовный процесс, для участия и оказания содействия в производстве следственных и других процессуальных действий, с применением научно-технических средств для обнаружения, закрепления и изъятия следов и предметов.

«Узкопрофильный» специалист-криминалист со стажем до 3 лет, имеющий допуск к участию 1-2 традиционным криминалистическим исследованиям (или один допуск к специальным исследованиям), обладающий специальными знаниями в науке, технике, искусстве и иных сферах деятельности, вызванный органом, ведущим уголов-

[1] 19. Рубцов В.Г. Использование специальных знаний непрофессионального характера в уголовном судопроизводстве// Материалы Международной научно-практической конференции 26-27 октября 2012г. Том 2. «Гражданское общество и правовое государство».- г.Барнаул. Издательство ААЭП, 2013 с.128. (111-113)

ный процесс для участия и оказания содействия в производстве следственных и других процессуальных действий с применением научно - технических средств для обнаружения, изучения, закрепления и изъятия следов и предметов.

«Образовательно-ведомственный» специалист-криминалист со стажем до 1 года, имеющий допуск к участию ко всем традиционным криминалистическим исследованиям, который он получает в образовательном учреждении (или (и) один допуск к специальным исследованиям). Обладающий специальными знаниями, в науке, технике, искусстве и иных сферах деятельности, вызванный органом, ведущим уголовный процесс для оказания содействия в собирании, исследовании и оценке доказательств путем разъяснения участникам уголовного процесса вопросов, входящих в его специальную компетенцию, с применением научно-технических средств для обнаружения, изучения, закрепления и изъятия следов и предметов.

«Широкопрофильный» специалист-криминалист со стажем более 3 лет, имеющий допуск к участию 3-4 традиционным криминалистическим исследованиям (или один допуск к специальным исследованиям); обладающий специальными знаниями, необходимыми для оказания содействия в собирании, исследовании и оценке доказательств путем разъяснения участникам уголовного процесса вопросов, входящих в его специальную компетенцию, с применением научно-технических средств для обнаружения, изучения, закрепления и изъятия следов и предметов; решающий ситуационные задачи, анализирующий криминалистическую обстановку места следственного действия или осмотра для принятия решения.

Если обратится к трактовке понятия «специализированный» в Толковом словаре Ефремовой, то здесь мы обнаружим значение этого слова: «Предназначенный для работы или использования в одной специальной области, отрасли».[1] Если обратится к трактовке понятия «специализированный» к словарю Ушакова, то здесь мы обнаружим два значения этого слова: «1. Прич. страд. прош. вр. от специализировать. 2. только полн. формы. Имеющий специальное, особое назначение. Специализированный магазин (в противоп. универсальному)».[2] Если обратится к трактовке понятия «специализированный» к словарю Малого академического словаря русского языка, то здесь мы обнаружим два значения этого слова: «1. *Прич. страд. прош. от* специализировать.2. *в знач. прил.* Предназначенный для работы в одной специальной области или имеющий специальное, особое назначение. *Специализированная бригада. Специализированный магазин. Специализированное предприятие.* [3]. Исходя из трактовки понятия «специализированный», дадим определения: «Аналитический» специалист-криминалист и «специализированные знания».

«Аналитический» специалист-криминалист со стажем более 5 лет, имеющий допуск к участию ко всем традиционным криминалистическим исследованиям (или один допуск к специальным исследованиям и допуск к нескольким традиционным криминалистическим исследованиям); обладающий специализированными знаниями и познаниями, необходимыми для оказания содействия в собирании, исследовании и оценке доказательств путем разъяснения участникам уголовного процесса вопросов, входящих в его специальную компетенцию, с применением научно-технических средств для обнаружения, изучения (простейшего исследования) закрепления и изъятия следов и предметов;

---

[1] Понятие «специализированный» в Толковом словаре Ефремовой. URL: http://tolkslovar.ru/s10638.html. (Дата обращения: 1.08.2015).

[2] Понятие «специализированный» по словарю Ушакова URL: http://tolkslovar.ru/s10638.html. (Дата обращения: 1.08.2015).

[3] Понятие «специализированный» по словарю Малого академического словаря русского языка. URL: http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-synonyms4-term-136089.htm. (Дата обращения: 1.08.2015).

активно решающий ситуационную задачу, а также быстро и оперативно анализирующий криминалистическую обстановку места следственного действия или осмотра и принимающий надлежащее организационное и технологическое решение.

Специализированные знания это комплекс специальных и специально - синтезированных знаний с надлежащим анализом ситуации при следственном осмотре или следственных действиях и изучении (исследовании) материалов уголовного дела, знания, отражающие современный уровень развития определенной отрасли науки, техники, искусства, используемые для решения задач уголовного судопроизводства.

Изучение теории и практики позволило определить, что основное требование дознания, следствия и суда к специальным знаниям это возможность сведущего лица решить поставленную перед ним задачу в уголовном судопроизводстве.

Деление специалистов на уровни поможет более дифференцировано подойти к понятиям специалистов и их взаимодействию. Данная классификация специалистов показывает, что период становления института сведущих лиц не закончил своего формирования, а продолжает развиваться.

А.В. Васильченко, А.А. Сальманов, А.Р. Лонщакова

Актуальные проблемы совершенствования новых методов судебно-медицинской идентификации личности человека

В статье проводится анализ наиболее распространенных методов идентификации личности, приводятся работы по созданию и интеграции новых методов идентификационных исследований, рассматриваются проблемы, затрудняющих их использование.

***Ключевые слова**: идентификации личности, неопознанные трупы, специальные исследования.*

A.V. Vasilchenko A.A. Salmanov A.R. Lonschakova

Actual problems of perfection new methods of forensic human identification

The article analyzes the most common methods of identifi cation-identity, are working on the creation and integration of new Meto-ing identification of research deals with the problems, made difficult-to sculpt their use.

***Keywords**: identification, unidentified bodies, special research.*

Несмотря на тенденцию к снижению количества дел по установлению личности граждан по неопознанным трупам в Российской Федерации (от 110946 в 2008 году до 72311 в 2014 году) идентификация личности остается одной из наиболее актуальных научных проблем[1].

Существуют разные способы установления личности человека (неопознанного трупа). На практике этот вопрос решается тремя способами: 1) в ходе оперативно-розыскных мероприятий с использованием разнообразных учетно-регистрационных и поисковых систем, существующих в МВД России; 2) производством следственных и судебных действий (если возбуждено уголовное дело); 3) путем производства судебной экспертизы или специальных исследований.

[1] Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс] http://www.fedstat.ru/

В настоящее время наиболее распространенными являются следующие методы идентификации личности: дактилоскопический, рентгенологический, судебно-стоматологический, краниофациальный, молекулярно-генетический. Вместе с тем следует отметить, что опознание трупа – это следственное действие (ст. 193 УПК РФ) и в компетенцию судебно-медицинского эксперта не входит. Согласно другой статье (ст. 178 УПК РФ «Осмотр трупа») неопознанные трупы подлежат обязательному фотографированию и дактилоскопированию. На практике, фотографирование неопознанных трупов при осмотре трупа на месте происшествия (или его обнаружения) производится не всегда или некачественно, за фотографиями этих трупов обращаются к судебно-медицинским экспертам (которые имеют диплом и сертификат врача-лечебника, а не фотографа, и не обладают специальными познаниями в области сигналестической фотосъемки), и не учитывается тот факт, что после вскрытия внешний облик трупа может меняться. При направлении трупов в судебно-медицинские морги в постановлении о назначении экспертизы не всегда ставятся вопросы, решение которых способствует дальнейшей идентификации личности (описание внешности по системе словесного портрета, сбор необходимых образцов для исследования, определение группы крови и др.).

В настоящее время ведутся работы по созданию и интеграции новых методов идентификационных исследований[1]:

1. Разработаны теоретические основы идентификации личности, изучены варианты различных биологических признаков человека (особенностей внешности, краниометрических показателей и т. д.).

2. Предложены алгоритмы судебно-стоматологического исследования.

3. Созданы компьютерные технологии, реализующие методы краниофациальной идентификации личности:

- технологии, которые предусматривают количественное исследование и фиксацию координат физиогномических и краниометрических точек с автоматизированным анализом степени их совпадения);

- аппаратно-программный комплекс трехмерного моделирования черепов и компьютерного совмещения моделей черепов и прижизненных снимков;

- способ определения пространственного положения головы и черепа;

4. Разработаны научно-методические принципы и алгоритм судебно-медицинской идентификации личности в случаях массовой гибели людей (с использованием гистологического, планиметрического и денситометрического исследования костной ткани).

5. Разрабатываются судебно-медицинские технологии биологических микрочипов.

При массовой гибели людей, сопровождающейся повреждением трупов с утратой многих идентификационных признаков, особое значение приобретает идентификация личности по костным останкам и зубам, которые наиболее устойчивы к разрушительным факторам окружающей среды. Кости обладают большим числом индивидуальных признаков и, что особенно важно для судебно-следственной практики, сохраняются длительные сроки, исчисляемые годами, в то время как мягкие ткани быстро разрушаются под влиянием процессов гниения. Кроме того, с целью сокрытия следов преступлений убийцы нередко используют изощренные способы уничтожения трупов, затрудняющие их отождествление. Однако, по костям даже через многие годы можно распознать инди-

---

[1] Щербаков В.В., Щербакова Е.В. Идентификация личности по исходам события с массовыми человеческими жертвами / В.В. Щербаков, Е.В. Щербакова// Судебно-медицинская экспертиза. – 2012. – № 1– С. 52–55.; Манин А.И., Тангиева Т.А. Особенности использования рентгенологического метода исследования для идентификации личности / А.И. Манин, Т.А. Тангиева//Dental forum. 2012. – № 5 – С. 94.

видуализирующие признаки, служащие основанием для идентификации: врожденные пороки развития, последствия перенесенных в течение жизни переломов и ранений, их давность, следы заболеваний и профессиональной деятельности. Исследование костей позволяет установить пол, расу, территорию проживания. Даже кремированные останки могут включать в себя фрагменты головки бедренной кости, таза, черепа и зубов, которые могут быть использованы для диагностики прижизненных повреждений и групповых признаков.

Например, у населенного пункта Б. пригорода Уфы группа лиц совершила разбойное нападение на гражданина К., похитила у него крупную сумму денег, векселя, автомашину. Сам гражданин К. был задушен и вывезен за пределы Республики Башкортостан – Ч. область, где был расчленен, голова была облита серной кислотой. Труп был обнаружен в болоте спустя месяц после происшедшего события в состоянии выраженных гнилостных изменений. Личность гражданина К. была установлена после проведения судебно-медицинской экспертизы с применением медико-криминалистического, судебно-биологического и генетического исследований. Преступники были задержаны при попытке обналичивания векселей в банке города Т.

Современные методы идентификации личности высокоэффективны, однако имеют ряд недостатков, затрудняющих их использование, в частности, требуется достаточная сохранность биологического материала, представленного на экспертизу. До сих пор на практике имеют место несвоевременного предоставления органами следствия и дознания объектов биологического происхождения, когда развиваются гнилостные изменения, препятствующие экспертным исследованиям.

Недостаток сравнительного материала является дополнительной трудностью, ограничивающей возможности идентификации. В случаях массовой гибели людей возникает необходимость сравнения больших объемов информации, полученной разными методами, в связи с чем, требуется создание специальных компьютерных технологий.

Самые эффективные методы исследования дают результат только в том случае, если сравнить информацию о пропавших людях и неопознанных трупах, что затрудняется отсутствием в Российской Федерации единого банка идентификационных данных.

Отсутствие строго индивидуальных биологических признаков человека обуславливает необходимость сочетания при судебно-медицинской идентификации личности разных методик, учета сходства или различия по полу, возрасту и другим групповым признакам.

Таким образом, на современном этапе необходимо модернизировать и совершенствовать новые методы судебно-медицинской идентификации личности человека.

В.Ю. Гилева

Проблемные вопросы применения норм о назначении и производстве судебных экспертиз и специальных исследований

В статье разбираются проблемы законодательного закрепления порядка назначения и производства судебных экспертиз и проведения исследований специалистом при расследовании преступлений; указывается на различия соответствующих норм в различных источниках права; формулируются предложения по совершенствованию законодательства, регламентирующего институт судебной экспертизы.

***Ключевые слова**: судебный эксперт, специалист, назначение экспертизы, комплексная экспертиза, заключение эксперта, дополнительная и повторная экспертиза.*

Gileva V.Y.

Controversial issues of application of rules on assignment and proceeding of judicial evaluations and special studies

This article discusses the legislative consolidation of the order of appointment and the production of legal expertise and research specialist in the investigation of the crimes specified in the relevant rules of the differences in the various sources of law, formulated proposals to improve the legislation regulating the Forensic Science Institute.

***Keywords**: forensic expert, specialist, appointment of examination, comprehensive examination, expert opinion, and additional re-examination.*

В продолжение темы о проблемных вопросах судебной экспертизы,[1] в которой рассматриваются особенности закрепления тех или иных положений, относящихся взаимодействия следователя и эксперта, в различных нормативно-правовых актах; сформулированы предложения по улучшению законодательства в этой сфере деятельности, в том числе в отношении с разработкой проекта Закона о судебно-экспертной деятельности в РФ.

Порядок назначения судебной экспертизы и прочие вопросы, зарождающиеся при использовании специальных знаний следователем в ходе расследования преступлений, регулируются нормами главы 27 УПК РФ,[2] нормами Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации",[3] важные положения по регулированию назначения и производства судебных экспертиз содержатся также в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 28 от 21 декабря 2010 г.[4]

Анализ указанных нормативно-правовых актов удостоверяет нас о наличии в них ряда несовпадений, несоответствий при формулировках и нормативном закреплении в целом отдельных положений, касающихся судебно-экспертной деятельности. В некоторых случаях можно сообщать о пробелах в законодательстве, регулирующем вопросы назначения и производства судебных экспертиз. Безусловно, это отрицательно влияет на результативность применения специальных познаний в доказывании, на оценке заключений эксперта и специалиста по критерию допустимости. Следователь выступает как один из основных применителей указанных правовых актов, он заинтересован и в праве

---

[1] Хмелева А.В. Вопросы законодательного урегулирования использования следователем специальных знаний "сведущих лиц" // Российский следователь. 2014. N 11. С. 9 - 14.
[2] СЗ РФ.-2001.-№52.(ч.1).- ст.4921
[3] СЗ РФ.- 2001.- №23.- ст. 2291
[4] Бюллетень Верховного Суда РФ.- №2.- 2010.

уповать на последовательность законодателя, на однообразие в закреплении в нормах различных законов и подзаконных актов, регулирующих сходные отношения, единообразную регламентацию вопросов экспертной деятельности. Некоторые из законодательных упущений подробнее.

Так, с увеличений функций Следственного комитета РФ, действующего в качестве самостоятельного федерального органа государственной власти с 15 января 2011 года, в структуре Главного управления криминалистики СК России и подразделений криминалистики в региональных управлениях является должности экспертов, осуществляющих экспертизы разнообразных видов - финансово-экономические, психофизиологические, фоноскопические, судебно-медицинские, в частности генотипоскопические, компьютерно-технические и иные. Практика показывает, что аспекты экспертных специальностей сотрудников Следственного комитета будет только увеличиваться. Но в статью Закона о государственной судебно-экспертной деятельности, посвященной субъектам, осуществляющим такую деятельность в Российской Федерации, соответствующие дополнения внесены не были (в подготовленном проекте нового Закона "О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" Следственный комитет РФ назван в статье, посвященной субъектам, осуществляющим государственную судебно-экспертную деятельность; в связи выявленными недостатками проект возвращен после первого чтения в Государственной Думе на доработку).

Сейчас под юридическое определение государственных экспертных учреждений (ст. 11 Закона) СК РФ не подпадает. Отмечая это обстоятельство, некоторые ученые делают далеко идущий вывод, что данное положение приводит к тому, что требования, предъявляемые к государственным экспертам, указанные в ст. 13 Закона, не являются обязательными для экспертов СК России.[1] А с другой стороны законодательное закрепление статуса СК в качестве государственного органа, осуществляющего в том числе и судебно-экспертную деятельность, актуально и необходимо.

В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении следователь вправе требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов и привлекать к участию в этих проверках, ревизиях, исследованиях специалистов. Федеральный закон же не предусматривает такую форму взаимодействия следователя с судебными экспертами, как назначение и проведение исследований, на стадии доследственной проверки. И ещё, представляется, что к объектам, которые могут быть исследованы до возбуждения уголовного дела, следует добавить - "следы, вещества", так они не могут быть отнесены к "предметам и документам", а их исследования довольно часто проводятся специалистами в процессе проверки в порядке ст. 144 - 145 УПК РФ.

Статья 144 УПК РФ предусматривает возможность назначения судебной экспертизы на стадии доследственной проверки, то есть до возбуждения уголовного дела. При этом ч. 1 - 2 ст. 144 УПК РФ устанавливает: "... Если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению". Однако, фактически законодатель таким образом установил дополнительные основания для назначения повторной и дополнительной экспертизы, однако в главы 27 - ст. 207 УПК РФ "Дополнительная и повторная экспертизы" дополнение в виде указанного нового основания произведено не было. Представляется, что оно носит

[1] Парфенова М.В., Янчуркин О.В. Реформирование судебно-экспертной деятельности в целях обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства: Мат-лы 5-й Международной науч.-практ. конф. "Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях" (г. Москва, 22 - 23 января 201 5 г.). М., 2015. С. 369.

формальный характер и позволяет удовлетворять соответствующее ходатайство, даже если недостаточно обосновано. К тому же имеются определенные различия в понимании дополнительной и повторной экспертизы в УПК РФ[1] и Законе.[2] Так, в соответствии с ч. 1 ст. 20 Закона дополнительная судебная экспертиза назначается "в случае недостаточной ясности или полноты ранее данного заключения", а в ч. 1 ст. 20 УПК РФ свидетельствуется еще одно основание для назначения дополнительной экспертизы - "возникновение новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела".

В соответствии с ч. 2 ст. 207 УПК РФ повторная экспертиза назначается "в случаях возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов", а ч. 2 ст. 20 Закона предусматривает, что повторная экспертиза проводится "в связи с возникшими сомнениями в правильности или обоснованности ранее данного заключения". Согласно мнению Орлова К.Ю. [3] он считают, что при оценке оснований для проведения повторной экспертизы по тем же вопросам, на которые отвечала первоначальная экспертиза, следует различать правильность и обоснованность выводов. В первом случае имеется в виду их соответствие другим обстоятельствам и доказательствам по делу, а во втором - соответствие выводов проведенному исследованию по конкретной экспертизе его результатам.

В ст. 201 УПК РФ и ст. 21, 23 Закона рассматривается, комплексная экспертиза - это разновидность комиссионной экспертизы, выполняемая экспертами разных специальностей. То есть данные законы не предусматривают производство комплексной экспертизы одним экспертом, обладающим разными экспертными специальностями. Однако п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 28 от 21 декабря 2010 г. "О судебной экспертизе по уголовным делам" предусматривает возможность единоличного производства комплексной экспертизы одним экспертом, если он имеет различные экспертные специальности. В данном случае имеется правовая коллизия, которую надо устранить.

Мало разработан правовой институт законодателем "заключение специалиста"[4] и порядок получения такого доказательства, как "показание специалиста". Представляется, что законодателем специально не указано, что специалист, возможно, будет допрошен только после дачи им заключения и по поводу данного заключения. Если сведущее лицо становится в процессуальном смысле экспертом после вынесения следователем постановления о назначении экспертизы и поручения ее производства, то специалистом как участником уголовного судопроизводства сведущее лицо является уже в силу обладания специальными знаниями и навыками.

УПК РФ не предусмотрена возможность приобретения и применения заключения специалиста как квалифицированного взгляда по поставленным вопросам до возбуждения уголовного дела. Нет достаточной ясности, каким документом обязан быть оформлены исследования, предусмотренные ч. 1 ст. 144 УПК РФ исследования документов, предметов, трупов (на практике данные исследования оформляются и как "Акт исследования" и как "Заключение специалиста"; в последнем случае это вступает в противоречие с положением указанного Постановления Пленума о том, что заключение специали-

---

[1] СЗ РФ.-2001.-№52.(ч.1).- ст.4921

[2] СЗ РФ.- 2001.- №23.- ст. 2291

[3] Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 108; Тарасов А.А. Вопросы уголовного процесса в Федеральном законе "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" // Криминалистические чтения: Сборник научных трудов Воронежского гос. ун-та. Воронеж. - 2008.- Вып.10.- С. 292.

[4] Хмелева А.В. Отдельные проблемные вопросы применения норм УПК РФ на стадии предварительного расследования // Вестник криминалистики. - 2005.- Вып. 4 (16).- С. 104.

ста не включает в себя проведение исследования тех или иных объектов).

При анализе п. 2 ч. 1 ст. 195 УПК РФ, где сообщается, что в постановлении о назначении судебной экспертизы необходимо указывать Ф.И. О. эксперта, и вырабатывающейся практики можно сделать вывод, что это правило действует только в отношении эксперта-вне штатника (то есть лица, владеющего специальными знаниями, но не являющегося государственным судебным экспертом экспертного учреждения) и, в отдельных случаях, когда есть предварительная соглашение со штатным экспертом государственного судебно-экспертного учреждения. По общему правилу, следователь адресует постановление руководителю учреждения, и последний в зависимости от нагрузки, присутствия экспертов на рабочих местах, их специализации и опыта работы возлагает производство экспертизы тому или иному эксперту. Надо заметить, что при назначении экспертизы в органы Следственного комитета постановление оформляется так же, как при назначении экспертизы эксперту-вне штатнику. При этом указывается Ф.И. О. сведущего лица и именно следователь, а не руководитель учреждения разъясняет эксперту права и обязанности и предупреждает его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Необходимо отметить, что имеющиеся в практике ситуации, когда в постановлении о назначении судебной экспертизы следователь не указывает фамилию эксперта, его имя и отчество, фактически, на наш взгляд, не дает подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему реализовать предоставленное п. 2 ч. 1 ст. 195 УПК РФ заявлять отвод эксперту.

Е. В. Елагина, Т.Г. Николаева

Некоторые проблемы привлечения для производства судебных экспертиз сведущих лиц, не являющихся государственными экспертами

В статье проанализирован ряд вопросов, возникающих в случае производства судебной экспертизы вне государственного судебно-экспертного учреждения; акцентировано внимание на законодательной неопределенность субъекта производства экспертизы. Учтена позиция высшей судебной инстанции и Генеральной прокуратуры РФ.

***Ключевые слова**: судебная экспертиза, уголовное судопроизводство, экспертное учреждение, статус эксперта*

E.V. Elagina, T.G. Nikolayeva

Some problems with the help of production of forensic expertise by knowledgeable person who non-state experts

The article analyzes a number of issues arising in the case of conducting a forensic examination outside the state forensic-expert institution; the attention was paid on the legislative ambiguity of the subject of the examination. Take into account the position of the Supreme Court and the General Prosecutor's office of the Russian Federation.

Keywords: forensic expertise, criminal litigation, expert institution, expert status

Судебная экспертиза является важнейшей формой использования специальных знаний при выявлении, расследовании и предупреждении преступлений. Теоретические и прикладные аспекты реализации специальных знаний в форме судебной экспертизы являлись и будут являться предметом исследования многих ученых, сферой интересов которых являются вопросы как криминалистической, так и уголовно-процессуальной направленности.

Правовой основой государственной судебно-экспертной деятельности в сфере уголовного судопроизводства являются Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[1], Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, иные соответствующие федеральные законы, а также нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, регулирующие организацию и производство судебной экспертизы (ст. 3 ФЗ о ГСЭД в РФ). Так же в качестве источника, значимого для сферы судебно-экспертной деятельности следует назвать постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21 декабря 2010 г. № 28[2], вынесенного в связи с вопросами, возникающими у судов при применении норм УПК РФ, регулирующих производство судебной экспертизы по уголовным делам. В данном постановлении выражена позиция высшей судебной инстанции по целому ряду вопросов, в частности, и в отношении субъекта производства судебной экспертизы.

Субъект производства экспертизы является одной из основных категорий понятийного аппарата теории судебной экспертизы. В соответствии с ч. 2 ст. 195 УПК РФ и ст. 41 ФЗ о ГСЭД судебная экспертиза может производиться как в государственных судебно-экспертных учреждениях, так и лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами, в связи с чем возникает целый ряд вопросов у правоприменителей.

Безусловно, большинство экспертиз, назначаемых органами предварительного расследования и судами, производится в государственных судебно-экспертных учреждениях, которые в обязательном порядке производят судебную экспертизу для органов дознания, органов предварительного следствия и судов, расположенных на территории, которая определяется соответствующими федеральными органами исполнительной власти.

Вместе с тем, в настоящее время существуют объективные причины производства судебных экспертиз негосударственными экспертными учреждениями и сведущими лицами, не являющимися государственными экспертами, что вызывает определенные проблемы. Данный факт отражен, в частности, в аналитической справке «О состоянии законности в деятельности государственных экспертных учреждений (подразделений) и негосударственных экспертов», подготовленной по результатам проверки, проведенной в соответствии с поручением Генерального прокурора Российской Федерации от 30.06.2014 и п. 2 плана работы коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации на второе полугодие 2014 г. В данном документе отмечается, что необходимость привлечения негосударственных экспертов вызывается, в первую очередь, отсутствием в государственных экспертных учреждениях специалистов требуемого профиля, а также длительными сроками производства экспертиз. Кроме того, деятельность негосударственных экспертов не подлежит обязательному лицензированию, а их компетентность – сертификации, поэтому перед судебно-следственными органами встает проблема определения критериев их выбора, а также оценки качества судебно-экспертного исследования.

Следует отметить, что до настоящего времени законодательно статус негосударственного судебно-экспертного учреждения не установлен, поэтому юридические лица, как коммерческие, так и некоммерческие, именуют себя «экспертными учреждениями»,

---

[1] Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации"// Собрание законодательства РФ", 04.06.2001, N 23, ст. 2291. Далее – ФЗ о ГСЭД в РФ

[2] Бюллетень Верховного Суда РФ", N 2, февраль, 2011

независимо от их организационно-правовой формы и основного рода деятельности, понимая этот термин максимально расширительно. Верховный Суд Российской Федерации в п.2 постановления «О судебной экспертизе по уголовным делам» определяет негосударственные судебно-экспертные учреждения как «некоммерческие организации (некоммерческие партнерства, частные учреждения или автономные некоммерческие организации), созданные в соответствии с ГК РФ и Федеральным законом «О некоммерческих организациях», осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами».

Определение субъекта производства экспертизы (экспертного учреждения или сведущего лица, обладающего специальными знаниями) является обязательным этапом деятельности по назначению судебной экспертизы. Но ни в ч. 2 ст. 195 УПК РФ, и в ст. 41 ФЗ о ГСЭД в РФ не конкретизируется, в каких случаях привлекаются государственные, а в каких — негосударственные эксперты (наиболее часто негосударственным экспертам поручается производство судебно-бухгалтерских, судебно-экономических экспертиз, решение отдельных вопросов, относящихся к ведению компьютерно-технической экспертизы, а также судебных экспертиз по вопросам, которые выходят за рамки видов экспертиз, проводимых в государственных судебно-экспертных учреждениях).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации, основываясь на содержании ст. 11 ФЗ о ГСЭД в РФ, обратил внимание правоприменителя, что условиями поручения производства судебной экспертизы негосударственному экспертному учреждению или лицу, не работающему в государственном судебно-экспертном учреждении, являются отсутствие в государственном судебно-экспертном учреждении эксперта конкретной специальности, отсутствие надлежащей материально-технической базы либо специальных условий, а также наличие обстоятельств, указанных в ст. 70 УПК РФ. Особо отмечено, что данные условия должны распространяться на все компетентные государственные судебно-экспертные учреждения на данной территории[1]. Кроме того, в постановлении (определении) о назначении экспертизы должны быть указаны мотивы производства экспертизы вне государственного экспертного учреждения.

На основании изложенного представляется допустимым предположить, что поручение производства судебной экспертизы негосударственному судебно-экспертному учреждению, при несоблюдении указанных выше условий, может послужить основанием для признания судом заключения эксперта недопустимым доказательством, поскольку нарушается федеральный закон, регулирующий производство судебной экспертизы.

Одним из вопросов, который неизбежно приходится решать при производстве экспертизы негосударственными экспертными учреждениями или лицами, не являющимися государственными экспертами, является установление компетентности «потенциальных» экспертов.

Уровень квалификации экспертов государственных судебно-экспертных учреждений гарантируется порядком назначения их на должность. Государственным судебным экспертом является аттестованный работник государственного судебно-экспертного учреждения, производящий судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей, имеющий высшее профессиональное образование и прошедший последующую подготовку по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти (ст. 12 ФЗ о ГСЭД в РФ).

---

[1] Там же, п. 5.

Определение уровня профессиональной подготовки экспертов и аттестация их на право самостоятельного производства судебной экспертизы осуществляются экспертно-квалификационными комиссиями в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти и подлежит пересмотру каждые пять лет (ст. 13 ФЗ о ГСЭД в РФ). Сведения о прохождении аттестации на право самостоятельного производства экспертиз не предусмотрены законодателем как обязательные для отражения в соответствующих документах (ч. 1 ст. 195, ч. 1 ст. 204 УПК РФ), тем не менее, если в ходе ознакомления с постановлением о назначении экспертизы подозреваемый (обвиняемый) выражает желание ознакомиться с соответствующими данными, ему должна быть предоставлена необходимая информация[1].

В случае возникновения каких-либо сомнений в допустимости, обоснованности, полноте, мотивированности и достоверности экспертного заключения вследствие недостаточной компетентности и квалификации эксперта как лица, обладающего специальными знаниями, умениями и навыками в той или иной отрасли, эти сомнения разрешаются, в том числе и в вышестоящем органе исполнительной власти, которому подконтрольно (поднадзорно) государственное судебно-экспертное учреждение.

К сожалению, до настоящего времени не определены способ контроля и надзора за деятельностью сведущих лиц, обладающих специальными знаниями и не являющимися государственными экспертами, что в определенной степени детерминирует возникновение затруднений при проверке и оценке заключений с точки зрения компетентности эксперта, используемых методик и соответствующего оборудования, а также реализации отдельных прав участников уголовного судопроизводства. В решении коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 24 октября 2014 г. О практике прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении экспертной деятельности отмечается, что в негосударственной экспертной деятельности распространены факты производства судебных экспертных исследований лицами не имеющими соответствующей квалификации, в условиях лабораторий, не прошедших аккредитации в соответствии с требованиями, установленными Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии; допускается нарушение условий лицензирования в тех случаях, когда оно предусмотрено.

В свете рассмотренных в статье вопросов одной из значимых проблем настоящего времени является отсутствие четкого законодательного урегулирования производства судебных экспертиз экспертами криминалистических подразделений СУ СК РФ. В соответствии с пп. 1 п. 7 Положения о Следственном комитете Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 14.01.2011 № 38, Следственному комитету Российской Федерации предоставлено право судебно-экспертной деятельности, однако существует правовая неопределенность статуса экспертов СК России. Исходя из положений ст. 11 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» субъектом государственной судебно-экспертной деятельности могут являться специализированные учреждения федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, либо экспертные подразделения, созданные федеральными органами исполнительной власти или органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 18.12.2003 N 429-О "По жалобе граждан Березовского Бориса Абрамовича, Дубова Юлия Анатольевича и Патаркацишвили Аркадия Шалвовича на нарушение их конституционных прав положениями статей 47, 53, 162 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"// Вестник Конституционного Суда РФ", N 3, 2004

Следственный комитет Российской Федерации в соответствии с положениями ст. 1 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»[1] не относится к федеральному органу исполнительной власти либо специализированному учреждению федерального органа исполнительной власти, следовательно, при буквальном толковании положений ст. 11, 12 ФЗ о ГСЭД в РФ эксперты СК России не могут являться субъектами государственной судебно-экспертной деятельности и их функционирование может рассматриваться только как экспертная деятельность лиц, обладающих специальными знаниями в соответствующей области. Кроме того, отсутствует правовая база, устанавливающая требования, предъявляемые к экспертам данного ведомства, в том числе порядок обучения, переподготовки, аттестации на право самостоятельного производства судебной экспертизы, как того требует ФЗ о ГСЭД в РФ.

Вместе с тем, в ряде случаев законодатель в определенной степени приравнивает экспертов СК РФ к государственным экспертам. В частности, в соответствии со ст. 35 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах»[2] проведение экспертиз с использованием наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или для их идентификации в экспертных подразделениях Следственного комитета Российской Федерации осуществляется без лицензии, так же, как и в экспертных учреждениях федеральных органов исполнительной власти.

Взаимосвязанный анализ источников, упомянутых в настоящей публикации, позволяет констатировать, что поручение производства судебных экспертиз экспертам криминалистических подразделений следственных управлений СК РФ должно осуществляться с учетом позиции законодателя, сформулированной в ст. 11 Федерального закона о государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, и позиции высшей судебной инстанции, выраженной в п. 5 постановления Пленума ВС РФ № 28 от 21 декабря 2010 года «О судебной экспертизе по уголовным делам».

Не оспаривая компетентности экспертов СК РФ, а также возможности и целесообразности производства ими судебных экспертиз, отметим необходимость скорейшего формирования законодателем правовой базы, регламентирующей их деятельность.

Поскольку ограниченный объем данной публикации не позволяет обстоятельно рассмотреть все вопросы, возникающие в связи с привлечением к производству судебных экспертиз сведущих лиц, не являющихся государственными экспертами, резюмируя, позволим следующее утверждение: привлечение к производству судебной экспертизы негосударственных экспертных учреждений или лиц, не являющихся государственными экспертами, требует тщательного соблюдения всех требований действующего законодательства, регламентирующего порядок назначения и производства судебной экспертизы.

---

[1] Федеральный закон от 28.12.2010 N 403-ФЗ (ред. от 05.10.2015) "О Следственном комитете Российской Федерации"// Собрание законодательства РФ", 03.01.2011, N 1, ст. 15

[2] Федеральный закон от 08.01.1998 N 3-ФЗ (ред. от 03.02.2015) "О наркотических средствах и психотропных веществах" (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.06.2015)// Российская газета", N 7, 15.01.1998

С.П. Жданов

Участие специалиста в расследовании взяточничества

В статье рассматриваются некоторые вопросы участия специалиста в расследовании взяточничества. На их основе, с учетом позиции экспертной практики, предлагается авторский вариант закрепления статуса специалиста на законодательном уровне, т.е. необходимо разработать и принять федеральный закон «О деятельности специалиста в Российской Федерации», учитывающий соответствующие положения действующего уголовно-процессуального и иного отечественного законодательства.

***Ключевые слова**: участие специалиста, взяточничество, федеральный закон «О деятельности специалиста в Российской Федерации».*

S. P. Zhdanov

The participation of a specialist in the investigation of bribery

The article considers some issues of the participation of a specialist in the investigation of bribery. On their basis, taking into account the position of expert practice, the author offers the option of fixing specialist status at the legislative level, i.e. it is necessary to develop and adopt the Federal law "On the activities of a specialist in the Russian Federation" taking into account the relevant provisions of the current criminal procedure and other domestic legislation.

Keywords: specialist, bribery, Federal law "On the activities of a specialist in the Russian Federation".

В современной криминалистической литературе под коррупцией понимается сложное социально-правовое явление, связанное с подкупом лиц, находящихся на государственной службе, с целью извлечения «дельцами», а также преступными формированиями прибылей и сверхприбылей за счет перекачки денежных и материальных средств из федерального и местного бюджетов в рыночные структуры и теневую экономику, получение кредитов и льгот без достаточных оснований, ростовщичество, перевод российских денег в конвертируемую валюту, вывоз ее за рубеж, укрытие доходов и налогов[1].

Соответственно коррупционная преступность включает разные уголовно правовые виды действий. Это, прежде всего взяточничество (ст. 290, 291 УК РФ)[2], а также предусмотренные ст. 141.1, 184, 204 и 289 УК РФ и др.

В России в 2006, 2007, 2008, 2009 г. было зарегистрировано соответственно 11063, 11616, 12512, 13141 фактов взяточничества[3].

Указанные обстоятельства не только свидетельствуют о необходимости самых активных действий со стороны правоохранительных органов при расследовании взяточничества, но и привлечению к участию в процессуальных действиях специалиста[4], напри-

---

[1] Аверьянова Т.В. Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов и др.; под ред. Р.С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2006. С. 868.

[2] Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник / Н.П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. С. 372—379; Бастрыкин А.И. Криминалистика. Техника, тактика и методика расследования преступлений: науч.-прак. пособие. 2-е изд., доп. СПБ.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2010. С. 307—324.

[3] Шурухнов Н.Г. Криминалистика: учебник / Н.Г. Шурухнов. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011. С. 757.

[4] Проверка сообщений о преступлениях. Процессуальные и криминалистические аспекты: учеб.-метод. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [А.М. Багмет и др.]; под ред. А.И. Бастрыкина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 233.

мер, связанных с проверкой финансово-хозяйственной (организационной, управленческой) деятельности организации, где работает взяткополучатель (группа лиц) и т. д.

О значимости данного направления свидетельствуют впечатляющие статистические сведения ЭКЦ МВД России за 2010—2014 гг. об использовании в раскрытии преступлений криминалистических сил и средств, непосредственно связанных с участием специалиста (специалиста-криминалиста) в уголовном деле (ст. 290, 291 УК РФ). Так в целом по России в 2010, 2011, 2012, 2013 и 2014 гг. количество предварительно расследованных преступлений соответственно составило 10693, 9611, 7867, 10919 и 11503, в том числе с использованием криминалистических средств и методов — 6247, 5218, 3918, 5396 и 5395, из них:

— силами экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел — 5622, 4613, 3326, 4216 и 3553, в том числе путем участия в проведении осмотров мест происшествий и других следственных действий — 4193, 3629, 2264, 3032 и 2626 и производства экспертиз — 2620, 2167, 1377, 2104 и 1471, проверок по экспертно-криминалистическим учетам — 1650, 1502, 1054, 816 и 595;

— силами подразделений экспертных учреждений иных министерств и ведомств — 352, 307, 178, 432 и 418, в том числе путем проведения экспертиз — 175, 192, 94, 205 и 205, использования оперативно-справочных учетов ИЦ — 7364, 6388, 4858, 6461 и 6329, сил общественности — 200, 271, 75, 141 и 66, служебно-розыскных собак — 13, 20, 19, 13 и 7 и аппаратно-программных средств и комплексов ЕИТКС — 5154, 4482, 3177, 4885 и 4771[1].

По делам о взяточничестве специалист может участвовать практически во всех уголовно-процессуальных действиях, среди них: осмотр места происшествия, выемка и осмотр, допрос подозреваемых, обвиняемых и свидетелей, следственный эксперимент, проверка показаний на месте, предъявления для опознания, обыск, назначение и производство экспертиз и др.

Как отмечает В.А. Снетков, проблема целесообразности вызова специалиста следователем должна решаться в каждом случае с учетом следующих обстоятельств[2]: категорий доказательств, которые существуют или рассчитывает получить следователь на месте и в ходе данного следственного действия; наличия в экспертно-криминалистическом подразделении специалиста, обладающего профессиональной подготовкой, адекватной задачам применения экспертно-криминалистических методов и средств по получению и использованию этих доказательств на месте и в ходе данного следственного действия; готовности специалиста и имеющихся научных и технических средств к участию в данном следственном действии для получения и использования доказательств.

По мнению А.М. Зинина, специалист может помочь следователю, в определении[3]: оптимального времени проведения процессуального действия; условий, при которых оно будет результативно; круга специальных знаний и соответствующих специалистов, которые могут потребоваться; содержания этапов процессуального действия, в ходе которых будут применяться научно-технические средства; методов и средств, которые потребуются для обнаружения, фиксации, изъятия вещественных доказательств и их предварительного исследования; рода и вида экспертиз, которые могут быть назначены по результатам процессуального действия.

---

[1] Ответ ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» от 24.03.201 5 г. № 34/1-ж-483 на обращение С.П. Жданова.

[2] Снетков В.А. Основы деятельности специалиста экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел / В.А. Снетков. М., 2001. С. 30.

[3] Зинин А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник / А.М. Зинин. М.: Проспект, 2011. С. 55.

Также он может помочь в оценке доказательств[1]: связи доказательств с расследуемым событием; наличия у изъятых вещественных доказательств диагностических и идентификационных признаков, необходимых для их дальнейшего использования в процессе доказывания (допустимость доказательств); соответствия объектов специальным требованиям подлинности происхождения (достоверность доказательств); достаточности полученных доказательств для подтверждения или исключения следственной версии (достаточность доказательств).

Сотрудник экспертно-криминалистического подразделения, вызванный для участия в производстве следственного действия в качестве специалиста, на подготовительной стадии к нему должен осуществить, по мнению А.М. Зинина, следующее[2]: ознакомиться с информацией об обстоятельствах расследуемого преступления в пределах, необходимых для уяснения своих задач в следственном действии; обсудить со следователем условия проведения следственного действия и требования, которые к нему предъявляются в связи с этим; если сотрудник экспертно-криминалистического подразделения выясняет, что у него нет достаточной компетенции, то он должен сообщить об этом следователю и сделать заявление о невозможности своего участия в следственном действии; ходатайствовать с учетом обстоятельств дела о привлечении дополнительно специалистов других профессий (например, биолога, химика, почвоведа и др.); проверить готовность имеющихся в его распоряжении технических средств для их использования при производстве следственного действия.

После применения научно-технических средств, в следственном действии специалист-криминалист оказывает содействие следователю в правильном описании выявленных следов и вещественных доказательств, а также сообщает следователю для включения в протокол следующие сведения[3]: примененные средства для поиска и выявления следов и других предполагаемых вещественных доказательств; способы изъятия следов и других объектов; место обнаружения (нахождения) следов и их видовая характеристика; количество выявленных следов, их вид (поверхностные, объемные, статические и динамические и проч.), индивидуализирующие признаки (форма, размер, особенности); способ дополнительной фиксации следов (фотографирование, видеосъемка, зарисовка).

Мы согласны с А.М. Зининым в оценке экспертной практики. Она свидетельствует, что нередко следователи некорректно ставят вопросы эксперту, не всегда различают идентификационные и диагностические вопросы, слабо ориентированы в возможностях современных видов экспертиз. И хотя в настоящее время выпущены справочники, в которых эти вопросы рассмотрены, дана примерная их редакция[4], тем не менее, конкретный объект и конкретные обстоятельства его происхождения требуют привлечения специалиста для определения вида экспертиз, очередности их проведения и формулирования вопросов экспертам[5].

---

[1] Снетков В.А. Основы деятельности специалиста экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел / В.А. Снетков. М., 2001. С. 56; Зинин А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник / А.М. Зинин. М.: Проспект, 2011. С. 68.

[2] Зинин А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник / А.М. Зинин. М.: Проспект, 2011. С. 57—58.

[3] Астапкина С.М. Участие специалиста-криминалиста в расследовании преступлений / С.М. Астапкина, Л.П. Дубровицкая, Ю.Г. Плесовских. М., 1992. С. 12—13; Зинин А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник / А.М. Зинин. М.: Проспект, 2011. С. 65.

[4] Возможности производства судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России / под ред. Т.П. Москвиной. М.: АНТИДОР, 2004; Жданов С.П., Залысин И.Ю., Скрячев А.М. Производство судебных экспертиз по уголовным делам: учебное пособие / С.П. Жданов, И.Ю. Залысин, А.М. Скрячев; под общ. ред. С.П. Жданова. М.: ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, 2014.

[5] Зинин А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник / А.М. Зинин. М.: Проспект, 2011. С. 67.

Перечисленные уголовно-процессуальные действия и потребности в использовании специальных познаний (знаний) сведущих лиц с непосредственным участием специалиста[1], позволило нам придти к выводу о том, что важность в развитии деятельности специалиста заключается еще и в том, что в некоторых случаях методика экспертного исследования находится в стадии формирования или доработки, а экспертизы проводятся в течение более или менее длительного периода времени, что негативно влияют на расследование преступлений различной категории, в том числе коррупционной направленности.

Развитие деятельности специалиста на современной этапе предполагает принятие законопроекта «О деятельности специалиста в Российской Федерации» определив его статус наравне с экспертом (не подменяя его) с учетом потребности следственной и иной практики[2].

В свою очередь, СУ СК России по Республике Татарстан от 06.03.2015 г. № 207-21-157-15; СУ СК по Архангельской области и Ненецкому автономному округу от 02.03.2015 г. № 207-31-2015; СУ СК России по Республике Ингушетия от 17.02.2015 г. № 213-101-2015; СУ СК России по Республике Карелия от 19.02.2015 г. № 216-24-15; СУ СК России по Кабардино-Балкарской Республике от 16.02.2015 г. № 221/30-599-15; Восточно-Сибирское СУТ СК России от 12.03.2015 г. № 213-1ж-2015; СУ СК России по Ямало-Ненецкому автономному округу от 27.02. 2015 г. № 540-221-975-14; СУ СК России по Республике Марий Эл от 30.06.2015 г. № 03-08-2015; ЭКЦ МВД по Чеченской Республике от 04.08.2014 г. № 15/2917; ЭКЦ МВД по Республике Башкортостан от 01.08.2014 г. № 30/3375; ЭКЦ ГУ МВД России по Новосибирской области от 31.07.2014 г. № 9/ж-1; ЭКЦ ГУ МВД России по Челябинской области от 31.07.2014 г. № 17/ж-1; ЭКЦ МВД по Республике Марий Эл от 29.07.2014 г. № 15/ж-1; ЭКЦ ГУ МВД России по Свердловской области от 17.07.2014 г. № 31/ж-1; ЭКЦ УМВД России по Тверской области от 25.07.2014 г. № 14/ж-1; ЭКЦ МВД по Республике Мордовия от 25.07.2014 г. № 21/ж-1, от 24.02.2015 г. № 21/ж-1; ЭКЦ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербург и Ленинградской области от 22.07.2014 г. № 5/1-ж-1; ЭКЦ УМВД России по Ямало-Ненецкому автономному округу от 21.07.2014 г. № 74/13-ж-7; ЭКЦ УМВД России по Амурской области от 21.07.2014 г. № 13/1-ж-1; ЭКЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю от 17.07.2014 г. № 8/2-ж-1; ГУ МВД России по Иркутской области от 17.07.2014 г. № 32/1-ж-1, от 12.03.2015 г. 5/4-8-110-ж-1; ЭКЦ МВД по Республике Бурятия от 17.07.2014 г. № 9/1921; ЭКЦ МВД по Республике Северная Осетия-Алания от 16.07.2014 г. № 15/40-4865; ЭКЦ УМВД России по Костромской области от 16.07.2014 г. № 21/2210; ЭКЦ УМВД России по Архангельской области от 16.07.2014 г. № 9/5250; ЭКЦ УМВД России по Белгородской области от 15.07.2014 г. № 8/ж-1; ЭКЦ УМВД России по Смоленской области от 14.07.2014 г. № 9/ж-1; УТ МВД России по Приволжскому федеральному округу от 14.07.2014 г. № 16/1-ж-5; ЭКЦ Восточно-Сибирского ЛУ МВД России на транспорте от 11.07.2014 г. № 5/ж-1; ЭКЦ УМВД России по Орловской области от 09.07.2014 г. № 14/1184; ЭКЦ ГУ МВД России по Нижегородской области от 09.07.2014 г. № 17/ж-1; УМВД России по Тамбовской области от 09.07.2014 г. № 16, от 25.02.2015 г. №16/ж-1; ЭКЦ УМВД России по Астраханской области от 08.07.2014 г. № 6/4149; ГУ МВД России по Краснодарскому краю от 07.07.2014 г. № 17/7-ж-2, от 11.03.2015 г. № 2ж-1-210; ЭКЦ УМВД России по Оренбургской области от 04.07.2014 г. № 17/ж-6; ЭКЦ ГУ МВД России по Московской области от 02.07.2014 г. № 3/780; ЭКЦ УМВД России по Омской области от 21.07.2014 г. № 10/ж-1; ЭКЦ УМВД России по Брянской области от

[1] Жданов С.П. Участие специалиста в судопроизводстве и оперативно-разыскной деятельности: постановка проблем: препринт моногр. / С.П. Жданов; предуведомл. А.Ю. Шумилова. М.: ИД Шумиловой И.И., 2014. 250 с.

[2] Жданов С.П. Федеральный закон о специалисте: за и против / С.П. Жданов // Вестник Академии права и управления. 2014. № 37. С. 68—75.

26.02.2015 г. № 23/1-ИП; УТ МВД России по Дальневосточному федеральному округу от 25.02.2015 г. № ж-1; УТ МВД России по Южному федеральному округу от 16.02.2015 г. № ж-2; УМВД России по Приморскому краю от 11.03.2015 г. № 6/ж-11; ГУ МВД России по Ростовской области от 11.03.2015 г. № 38/16-ж-1; МВД по Республике Адыгея от 06.03.2015 г. № ж-3; ФБУ Кемеровская лаборатория судебной экспертизы от 27.09.2013 г.; ФБУ Воронежский региональный центр судебной экспертизы от 02.10.2013 г. № 738; ФБУ Мордовская лаборатория судебной экспертизы от 18.10.2013 г. № 793; ФГБУ «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» Минздрава России от 22.07.2014 г. № 3115, от 12.03.2015 г. №1181; ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский психиатрии и наркологии» Минздрава России (ранее ФГБУ «ГНИЦССП им. В.П. Сербского» Минздрава России) от 10.07.2014 г. № 01-27/1514; ГУЗ «Нижегородское областное БСМЭ» от 04.07.2014 г. № 1114; ГБУЗ Московской области «БСМЭ» от 07.07. 2014 г. № 732; ГКУЗ «БСМЭ Ямало-ненецкого автономного округа» № 476; ГКУ Тверской области «БСМЭ» от 12.03.2015 г. № 645; БУЗ «Воронежское областное БСМЭ» от 04.07.2014 г. № 2805; ГБУЗ «БСМЭ Архангельской области» от 01.07.2014 г.; ФГКУ «111 Главный государственный центр судебно-медицинский и криминалистических экспертиз» Минобороны России от 01.07.2014 г. № 1731; Судебно-медицинская лаборатория (г. Владивосток) филиала № 4 ФГКУ «111 Главный государственный центр судебно-медицинский и криминалистических экспертиз» Минобороны России от 02.07.2014 г. № 25; Управление ФСБ России по городу Москве и Московской области от 25.07.2014 г. на обращение С.П. Жданова высказались о целесообразности принятия федерального закона «О деятельности специалиста в Российской Федерации».

Более того, Департамент по вопросам правовой помощи и взаимодействия с судебной системой Минюста России полагает возможным рассмотреть вопрос о разработке проекта федерального закона «О деятельности специалиста в Российской Федерации» после принятия закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[1].

[1] Ответ от 04.08.201 5 г. № 12-91247 на обращение С.П. Жданова по внесению изменений в Государственную программу «Юстиция».

В.О. Захарова

К вопросу о правовом регулировании экспертной деятельности на досудебной стадии уголовного судопроизводства

В статье рассмотрены правовые основы государственной и негосударственной экспертной деятельности в Российской Федерации. Приведены примеры из практической деятельности следственных органов.

***Ключевые слова**: правовое регулирование; эксперт; судебная экспертиза; уголовное судопроизводство.*

V. O. Zakharova

To the question of the legal regulation of expert activity in the pre-trial stage of criminal proceedings

The article examines the legal framework of state and non-state forensic activity in the Russian Federation. Examples of practical activities of investigative bodies.

***Keywords**: legal regulation; judge; judicial review; criminal proceedings.*

Ни для кого не секрет, что судебно-экспертная деятельность – это:

• организационно-методическая деятельность государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений;

• производственная деятельность государственных судебных экспертов, а также иных экспертов из числа сведущих лиц, которые, в соответствии с действующим процессуальным законодательством, осуществляют судебно-экспертное исследование объектов экспертизы[1].

В Российской Федерации судебная экспертиза может производиться как государственными судебными экспертами (аттестованными работниками государственных судебно-экспертных учреждений, производящих судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей), так и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными познаниями (экспертами негосударственных судебно-экспертных учреждений, а также лицами, не работающими в судебно-экспертных учреждениях). При этом, государственными судебно-экспертными учреждениями являются специализированные учреждения федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, созданные для обеспечения исполнения полномочий судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей посредством организации и производства судебной экспертизы.

Кроме того, организация и производство судебной экспертизы могут осуществляться также экспертными подразделениями, созданными федеральными органами исполнительной власти или органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. В случаях, если производство судебной экспертизы поручается указанным экспертным подразделениям, они осуществляют функции, исполняют обязанности, имеют права и несут ответственность как государственные судебно-экспертные учреждения.

Следует отметить, что в тех случаях, когда в государственном судебно-экспертном учреждении, обслуживающем определенную территорию, невозможно производство судебной экспертизы в связи с отсутствием эксперта конкретной специальности или надлежащей материально-технической базы либо специальных условий для вы-

[1] См., например, об этом: Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. – М., 2014. – С. 36.

полнения исследований, а также при наличии обстоятельств, указанных в ст. 70 УПК РФ, т. е. когда все компетентные государственные судебно-экспертные учреждения на данной территории не могут выступать в этом качестве, ее производство может быть поручено:

1) государственным судебно-экспертным учреждениям, обслуживающим другие территории,

2) негосударственному судебно-экспертному учреждению или лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении, в том числе сотруднику научно-исследовательского учреждения, вуза, иной организации, обладающему специальными знаниями и имеющему в распоряжении необходимое экспертное оборудование[1].

При этом, негосударственные судебно-экспертные учреждения – это некоммерческие организации (некоммерческие партнерства, частные учреждения или автономные некоммерческие организации), созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О некоммерческих организациях», осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами[2].

Вместе с тем, в Федеральном законе от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» не говорится о существовании негосударственных судебно-экспертных учреждений; их деятельность закреплена в ряде иных нормативных правовых актах: ст. 79 ГПК РФ, ст. 82 АПК РФ, ст. 195 УПК РФ, ст. 26.4 КОАП РФ и др. На осуществление юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем судебно-экспертной деятельности лицензии не требуется[3].

Правовой основой государственной судебной экспертной деятельности является:

- Конституция Российской Федерации (например, статьи 2, 22, 37)[4],

- Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[5],

- Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (например, статьи 79-87, 283)[6],

- Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (например, статьи 11, 31, 33, 48, 49, 52, 67, 74, 77-83, 96, 106, 108, 149, 151, 155, 164, 166, 167, 168, 191, 205, 274, 350)[7],

- Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (например, статьи 55, 82, 84, 85, 86, 87)[8],

- Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации[9],

---

[1] Данное положение содержится в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Рос. газета. – 2010. – 30 декабря.

[2] См. п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Рос. газета. – 2010. – 30 декабря.

[3] См. об этом ст. 19 Федерального закона от 08.08.2001 № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Рос. газета. – 2011. – 6 мая.

[4] См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. № 31. – Ст. 4398.

[5] См.: Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Рос. газета. – 2001. – 5 июня.

[6] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 137-ФЗ // Рос. газета. – 2002. – 20 ноября.

[7] См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Рос. газета. – 2015. – 11 марта.

[8] См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Рос. газета. – 2002. – 27 июля.

[9] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Рос. газета. 2001. – 22 дек.

- Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (например, статьи 3.11, 8.4, 14.54, 14.59, 30.4, 30.6)[1],

- законодательство Российской Федерации о таможенном деле (например, статьи 52, 132, 134, 137-144, 198 Таможенного кодекса Таможенного союза[2]),

- Налоговый кодекс Российской Федерации (например, статьи 31, 95)[3],

- законодательство в сфере охраны здоровья[4],

- другие федеральные законы[5], а также нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, регулирующие организацию и производство судебной экспертизы[6].

На наш взгляд, отдельно следует выделить Уголовный кодекс Российской Федерации, где содержатся статьи с описанием деяний и предусмотрена уголовная ответственность за их совершение, а именно: 183 - незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну; 283 - разглашение государственной тайны; 284 - утрата документов, содержащих государственную тайну; 302 - принуждение к даче показаний; 307 - заведомо ложные показание, заключение эксперта или неправильный перевод; 309 - подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу; 310 - разглашение данных предварительного следствия.

Что касается нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, регулирующих организацию и производство судебной экспертизы, то к ним можно отнести:

1) Национальный стандарт Российской Федерации «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий» (руководство по применению ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025)[7];

2) Инструкцию по организации производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации (утверждена приказом Минюста России от 20.12.2002 № 347)[8];

3) Перечень родов (видов) экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечень экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России (утвержден Приказом Минюста России от 27.12.2012 № 237)[9];

---

[1] См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Рос. газета. – 2001. – 31 дек.

[2] См.: Таможенный кодекс Таможенного союза // Собр. закон. РФ. – 2010. - № 50. – Ст. 6615.

[3] См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собр. закон. РФ. – 1998. - № 31. – Ст. 3824.

[4] См., например: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Рос. газета. – 2011. – 23 ноября.

[5] См., например: Федеральный закон от 26.06.2008 № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений» // Рос. газета. – 2008. – 2 июля.

[6] Этот перечень применим ко всей судебно-экспертной деятельности. Закреплен в ст. 3 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Рос. газета. – 2001. - 5 июня.

[7] См.: Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Судебная экспертиза: сборник документов. – М., 2014. – С. 92-107.

[8] См.: Приказ Минюста России от 20.12.2002 № 347 «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации» // Рос. газета. – 2003. – 25 янв.

[9] См.: Приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» // Рос. газета. – 2013. – 6 февр.

4) Инструкцию по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (приложение № 1 к Приказу МВД России от 29.06.2005 № 511)[1];

5) Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (приложение № 2 к Приказу МВД России от 29.06.2005 № 511)[2];

6) Инструкцию по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях Федеральной противопожарной службы (приложение № 1 к Приказу МЧС России от 19.08.2005 № 640)[3];

7) Положение «О порядке проведения аттестации сотрудников и работников судебно-экспертных учреждений и экспертных подразделений Федеральной противопожарной службы на право самостоятельного производства судебных экспертиз (утверждено приказом МЧС России от 09.06.2006 № 351)»[4];

8) Инструкцию об организации производства судебно-психиатрических экспертиз в отделениях судебно-психиатрической экспертизы государственных психиатрических учреждений (утверждена Приказом Минздавсоцразвития России от 30.05.2005 № 370)»[5].

Более подробно рассмотрим регулирование судебной экспертной деятельности в досудебном производстве (до и после возбуждения уголовного дела), а именно перечислим статьи УПК РФ, регламентирующих эту деятельность: 5 п. 49 – судебная экспертиза; 5 п. 60 – экспертное учреждение; 57 – эксперт; 58 – специалист; 61 – обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу; 62 - недопустимость участия в производстве по уголовному делу лиц, подлежащих отводу; 70 – отвод эксперта; 71 – отвод специалиста; 72 - обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу защитника, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика; 74 – доказательства; 75 – недопустимые доказательства; 80 – заключение и показания эксперта и специалиста; 119 – лица, имеющие право заявлять ходатайство; 131 – процессуальные издержки; 144 - порядок рассмотрения сообщения о преступлении; 159 - обязанность рассмотрения ходатайства; 161 - недопустимость разглашения данных предварительного расследования; 168 – участие специалиста; 195 - порядок назначения судебной экспертизы; 196 - обязательное назначение судебной экспертизы; 197 - присутствие следователя при производстве судебной экспертизы; 198 - права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве судебной экспертизы; 199 - порядок направления материалов уголовного дела для производства судебной экспертизы; 200 - комиссионная судебная экспертиза; 201 - комплексная судебная экспертиза; 202 - получение образцов для сравнительного исследова-

---

[1] См.: Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // Рос. газета. – 2005. – 30 авг.

[2] См.: Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // Рос. газета. – 2005. – 30 авг.

[3] См.: Приказ МЧС России от 19.08.2005 № 640 «Об утверждении Инструкции по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях Федеральной противопожарной службы» // Собр. закон. РФ. – 2001. - № 23. – С. 2291; 2002. - № 1 (ч. 1). – Ст. 2.

[4] См.: Приказ МЧС России от 09.06.2006 № 351 «Об утверждении Положения о порядке проведения аттестации сотрудников и работников судебно-экспертных учреждений и экспертных подразделений Федеральной противопожарной службы на право самостоятельного производства судебных экспертиз» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2006. - № 41.

[5] См.: Приказ Минздавсоцразвития России от 30.05.2005 № 370 «Об утверждении Инструкции об организации производства судебно-психиатрических экспертиз в отделениях судебно-психиатрической экспертизы государственных психиатрических учреждений // Рос. газета. – 2005. – 19 июля.

ния; 203 - помещение в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебной экспертизы; 204 – заключение эксперта; 205 – допрос эксперта; 206 - предъявление заключения эксперта; 207 - дополнительная и повторная судебные экспертизы; 226.5 - особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме.

Вместе с тем, несмотря на наличие достаточно подробного регулирования судебной экспертной деятельности на досудебной стадии уголовного судопроизводства, а также действия Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»[1] следователями допускаются ошибки, влияющие на принятие законного и обоснованного решения по уголовному делу. Так, прокурором Фрунзенского района г. Иваново 03.09.2012 в следственный отдел по Фрунзенскому району г. Иваново СУ СК России по Ивановской области возращено уголовное дело по обвинению З. в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 134 ч. 1, 131 ч. 1 УК РФ. Основанием для возращения уголовного дела явилось нарушение требований ст.ст. 191, 280 УПК РФ, так как допрос несовершеннолетней потерпевшей М., у которой в соответствии с выводами комиссионной судебно-психиатрической экспертизы обнаружилось психическое расстройство в форме легкой умственной отсталости, которое лишало ее способности понимать значение совершаемых с нею действий, проведен без участия педагога.

По другому деянию Искитимским районным судом Новосибирской области 12.04.2013 возвращено прокурору уголовное дело по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. Согласно заключению комиссионной судебно-медицинской экспертизы, между причинением В. черепно-мозговой травмы и наступлением ее смерти прошло не менее 17 суток и не более одного месяца. Значит, черепно-мозговая травма В. была причинена в период с 9 по 24 июля 2012 года (суд исходит из того, что труп В. обнаружен 10.08.2012, т.к. утром 09.08.2012 по показаниям свидетеля Л. потерпевшая была еще жива). Однако из обвинения следует, что смерть В. наступила от черепно-мозговой травмы, полученной в результате регулярного нанесения ей К. множественных ударов руками и ногами в период с 16.07.2012 по 07.08.2012, т. е. смерть В. является следствием совокупных действий К. в течение указанного периода. Причем не установлено, какие телесные повреждения причинены В. в каждый из дней указанного периода. Время совершения преступления, указанное в обвинительном заключении, не соответствует времени причинения В. черепно-мозговой травмы, указанному в заключении комиссии экспертов. Поэтому суд не может уточнить время совершения преступления, указав один из дней названного временного периода либо изменив период времени, в течение которого В. наносились телесные повреждения[2].

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Рос. газета. – 2010. – 30 дек.

[2] См., например: Следственные ошибки: учеб.-практ. пособие / авт.-сост. А.М. Багмет, А.Б. Гранкина, В.О. Захарова, Ю.А. Цветков / под ред. А.И. Бастрыкина. – М., 2016. - С. 68, 100-101.

Д.В. Зотов

Заключение эксперта как форма необходимых пределов доказывания

В статье рассматривают проблемы расширения перечня случаев обязательного назначения экспертизы и возможности ее назначения в стадии возбуждения уголовного дела как необходимые источники доказательств (пределы доказывания)

***Ключевые слова**: пределы доказывания, обязательные доказательства, экспертиза, возбуждение уголовного дела*

D.V. Zotov

Expert opinion as a form of proof required limits

The article deals with the problems of expanding the list of cases of mandatory appointment of expertise and the possibility of its destination in a stage of excitation of criminal case as essential sources of evidence (limits proof)

***Keywords**: limits of proof required evidence, examination, criminal proceedings*

Если под пределами доказывания понимать число источников доказательств, требуемых для обоснования их достаточности[1], то закономерен вопрос о размерах этого числа. Возможно ли законодательное определение обязательного количества доказательств? Существуют ли пределы для «пределов» доказывания?

Количественное определение доказательств можно выразить в том числе через понятие необходимых пределов доказывания, то есть тех источников доказательств без которых производство по уголовному делу либо невозможно, либо крайне затруднительно.

Вопрос об отнесении экспертного заключения к числу необходимы пределов доказывания тесно связан с дискуссией 1) об обязательном назначении экспертизы и 2) ее назначении до возбуждения уголовного дела.

I. Регламентация в УПК перечня случаев обязательного назначения экспертизы является безусловным основанием считать соответствующие экспертные заключения необходимыми пределами доказывания без которых производство по уголовному делу невозможно. Ст. 196 УПК РФ к таким случаям относит необходимость установления:

1) причины смерти;

2) характера и степени вреда, причиненного здоровью;

3) психического или физического состояния подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве;

4) психического состояния подозреваемого, обвиняемого в совершении в возрасте старше восемнадцати лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста четырнадцати лет, для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии);

5) психического или физического состояния подозреваемого, обвиняемого, когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией.

[1] См.: Зотов Д.В. Пределы доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2015. №3. С. 197-210.

6) психического или физического состояния потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания;

7) возраста подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение.

Такой перечень является исчерпывающим, что в силу императивности уголовно-процессуальных норм делает невозможным его расширительное толкование. Однако потребности следственной и судебной практики уже давно перешагнули границы законодательства, в обязательном порядке назначая экспертизы и в других случаях. Так, экспертиза, как правило, всегда назначается для решения вопроса об отнесении предмета к оружию, а вещества к числу наркотических, являются ли денежные купюры поддельными, определении причин взрыва или пожара, механизма дорожно-транспортного происшествия и др. Судебная практика признает обязательным проведение экспертизы и в других случаях. Так, Пленум Верховного Суда РФ указал, что обязательно проведение экспертизы для решения вопросов:

- об отнесении объекта к огнестрельному или холодному оружию;
- о пригодности к стрельбе данного экземпляра оружия;
- о характеристике обнаруженных предметов и веществ (не являются ли они боеприпасами, взрывчатыми или радиоактивными веществами, ядами);
- о принадлежности растений к культурам, содержащим наркотические вещества, идентификации, определения количества наркотических средств и психотропных веществ[1].

Недостатки такой законодательной регламентации требуют своего устранения. Р.С. Белкин[2] предложил следующие варианты решения рассматриваемой проблемы:

1) Расширить перечень случаев обязательного назначения судебной экспертизы, включив в него, все имеющиеся сегодня потребности практики. Однако такое решение не содержит в себе прогностической направленности, поскольку не учитывает возможное изменение как характера преступности, так и потребности органов, призванных с ней бороться.

2) Сформулировать в УПК норму, где содержались бы общие условия обязательного назначения экспертизы вместо конкретного перечня таких случаев. Однако очевидны сложности юридической техники по созданию такого правоположения.

3) Третий путь объединяет два предыдущих подхода — конструирование в УПК такой нормы, которая содержала бы перечень случаев обязательного назначения экспертизы, а также формулу, позволяющую расширять этот перечень в зависимости от обстоятельств конкретного дела.

Вместе с тем, возможен и новый, четвертый подход к решению этой проблемы. Он представляет объединение всех вышеизложенных вариантов с некоторыми дополнениями — создание нормы УПК РФ, которая содержала бы неисчерпывающий перечень оснований обязательного назначения экспертизы с указанием на «другие случаи потребности в специальных знаниях дознавателем, следователем, прокурором и судом», а также общие условия, когда назначение экспертизы не может быть признано обязательным. К числу таких «отказных» оснований могут быть отнесены случаи, когда обстоятельства дела могут быть установлены при помощи других процессуальных

---

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 2. С. 14.
[2] Белкин Р.С. Курс криминалистики. М., 1997. Т.3. С. 119-120.

действий, случаи недопустимого дублирования уже имеющихся доказательств за счет искусственного увеличения объема дела, случаи, отнесенные к категориям дел частного обвинения, где характер побоев и легкой степени вреда здоровью может быть определен и помимо экспертного исследования и др.

II. История вопроса о назначении экспертизы до возбуждения уголовного дела с последующим признанием доказательственного значения за экспертным заключением берет начало в 70-е годы прошлого столетия, когда ряд ученых выступил с такой инициативой[1]. Однако эти предложения были оценены критично, как несостоятельные и противоречащие назначению советского уголовного судопроизводства. Так, В.М. Савицкий писал: «Производство следственных действий до возбуждения уголовного дела опасно тем, что в результате уничтожается совершенно необходимый барьер, ограждающий жизнь граждан от вмешательства органов власти, создается атмосфера безконтрольности в применении мер государственного принуждения, ибо в этих случаях оказывается утраченным то единственное основание, которое позволяет правомерно ограничивать свободу и неприкосновенность личности»[2].

Помимо общего опасения о состоянии законности в уголовно процессе в случае легализации практики назначения судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела, имелись и другие аргументы у противников приложенной новации:

«если разрешить назначение экспертизы до возбуждения уголовного дела, по тем же основаниям начнут проводиться и другие следственные действия;

для возбуждения уголовного дела вполне достаточно данных, указывающих на признаки преступления, для установления которых не требуется производства экспертизы;

назначение экспертизы до возбуждения уголовного дела может привести к неоправданному затягиванию в принятии решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в нем, что выгодно правоохранительным органам для улучшения статистических показателей и создания видимости более благополучной ситуации в борьбе с преступностью»[3].

Эти сомнения были убедительно опровергнуты Р.С. Белкиным, полагавшим, что «нет никаких сколько-нибудь серьезных препятствий для принятия законодателем решения о возможности производства экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела. Естественно, что такое решение должно иметь определенные ограничения, прямо предусмотренные законом»[4]. Однако, несмотря на научную обоснованность и практическую потребность в процессуальной регламентации назначения экспертизы до возбуждения уголовного дела, законодатель решился на такой шаг довольно поздно – только при принятии УПК РФ в 2001 году. При этом логику законотворческого процесса сложно назвать последовательной, поскольку 5 июня 2007 года из ч. 4 ст. 146 УПК РФ была изъята возможность назначения экспертиз в этой стадии, а уже 4 марта 2013 года снова возвращено не только ее назначение, но и производство.

---

[1] Белкин Р.С. Методологические основы предварительного следствия // Руководство для следователей. М., 1971; Жогин Н.В. Предварительное следствие в советском уголовном процесс. М., 1965; Нагойный Я.П. О возможности назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев. 1967. Вып.4; Незванов Г.Г. Проверка оснований к возбуждению уголовного дела // Вопросы развития советского государства и права в Узбекистане. Ташкент, 1967; Рооп Х.А. О соотношении судебной экспертизы и возбуждения уголовного дела // Сборник материалов научно-практической конференции по процессуальным и методическим вопросам судебной экспертизы. Таллин, 1971 и др.

[2] Савицкий В.М. Надо ли реформировать стадию возбуждения уголовного дела // Сов. гос. и право. 1974. №8.

[3] Анализ таких замечаний см.: Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005. С. 212-215.

[4] Белкин Р.С. Курс криминалистики. М., 1997. Т.3. С. 106.

Действующая процессуальная регламентация судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела не содержит каких-либо условий и ограничений для ее назначения и производства. Лишь потребность следователя (дознавателя) в исследование на основе специальных знаниях является идейным поводом к старту экспертного процесса.

Вместе с тем, в литературе неоднократно отмечалась необходимость ограничить назначение и производство экспертизы до возбуждения уголовного дела лишь случаями, которые принято называть исключительными и не терпящими отлагательства. Например, прозвучало предложение, что «судебная экспертиза до возбуждения уголовного дела проводится с целью установления причин смерти, определения характера степени причиненного здоровью вреда, исследования свойств предмета преступления, прямо указанных в соответствующих статьях УК РФ (наркотиков, оружия, сильнодействующих ядов, химикатов и др.)[1]. Единственным дополнением к предложенным основаниям назначения экспертизы может служить не только указание в статьях Особенной части УК РФ на предмет преступления, но и на орудия и средства его совершения.

Для Е.А. Зайцевой единственным условием проведения экспертиз в стадии возбуждения уголовного дела выступает недопустимость принуждения в отношении живых лиц[2]. О недопустимости принуждения в том числе и при получении образцов для сравнительного исследования,пишет В.А. Семенцов, уточняя следующие случаи обязательного назначения экспертизы до возбуждения уголовного дела:

«1) для исследования свойств обнаруженного предмета (орудия, средства) преступления, прямо указанного в соответствующей статье особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации;

2) в отношении живых лиц при наличии их письменного на то согласия;

3) для установления причины смерти»[3].

Некоторые дополнения вносит Е.И. Налдина, предлагая такими ситуациями считать:

«1) Выявление обстоятельств, указывающих на совершение преступления против жизни или здоровья человека с целью установления причины смерти или характера и степени тяжести вреда, причиненного здоровью;

2) В случаях, когда есть вероятность уничтожения объектов экспертного исследования, изменения первоначального состояния объекта, потери объектами специфических свойств и при- знаков, с целью своевременного исследования и получения достоверных выводов»[4].

Конечно, регламентация обязательных случаев назначения и проведения судебной экспертизы до возбуждения уголовного выступит предпосылкой для формирования необходимых пределов доказывания — тех заключений эксперта, без которых затруднительно как само возбуждение уголовного дела, так и дальнейшее его движение. При этом вряд ли разумно ограничивать следователя исчерпывающем перечнем ситуаций когда экспертиза должна быть назначена, поскольку потребность практиков в условиях продолжающегося бурного изменения как структуры преступности, так и реформирования уголовного законодательства, будет искусственно заблокирована

---

[1] Сорокотянина Д.А., Сорокотягин И.Н. Теория судебной экспертизы. Ростов-на-Дону, 2009. С. 121.

[2] Зайцева Е.А. Реализация состязательных начал при применении специальных познаний в уголовном судопроизводстве. Волгоград, 2006. С. 123.

[3] Семенцов В.А. Судебная экспертиза в уголовном судопроизводстве: некоторые современные проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 4. С.116.

[4] Налдина Е.И. Назначение и производство судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С 211.

нормами УПК. Перечень оснований для назначения в обязательном порядке экспертизы до возбуждения уголовного дела следует оставить открытым после указания на перечисленные случаи обязательного назначения экспертизы до возбуждения уголовного дела.

И.Е. Козырева

Роль психологии в расследовании преступлений

В статье автор исследует роль психологии в расследовании преступлений. В частности, рассматривается значимость исследования modus operandi. В качестве примера приводится успех систем, разработанных такими выдающимися деятелями юридической психологии, как Джон Дуглас, Роберт Ресслер, Дэвид Кантер. Автором подчеркивается важность Европейской ассоции психологии и права, которая является уникальной площадкой для обмена опытом между специалистами, чья деятельность направлена на расследование преступлений.

***Ключевые слова**: modus operandi, Vi-CAP, Dragnet, Джон Дуглас, Роберт Ресслер, Дэвид Кантер, EAPL*

I. Ye. Kozyreva

Role of psychology in the criminal investigation

In her article the author researches the role of psychology in the criminal investigation. Particular attention is paid to the success of the systems developed by such prominent personalities engaged in criminal psychology as John Douglas, Robert Ressler, David Canter. Author emphasises the role of the European Association of Psychology and Law, which serves as unique ground for exchange of experience between the specialists whose activities are aimed at solving crimes.

***Keywords**: modus operandi, Vi-CAP, Dragnet, John Douglas, Robert Ressler, David Canter, EAPL.*

Большое значение в процессе расследования преступлений играет знание психологии преступника. Эта идея не является новой, но, тем не менее, каждый этап исторического развития человечества вносит свой вклад в решение этой сложной, многоаспектной проблемы. Остановимся на работах нескольких выдающихся исследователей modus operandi преступника, созданных за последние полвека.

Происхождению термина в начале XX века криминалистика обязана Англии. Затем он стал употребляться криминалистами США и других стран. Детективы используют это понятие для обозначения способа действия преступника. По природе своей человек является "рабом привычки" к рутинному, однообразному выполнению одинаковых действий. Преступник в этом плане не составляет исключения. Поскольку поведение человека в сходных условиях обычно носит повторяющийся, стереотипный характер, метод модус операнди быстро получил признание и занял достойное место в арсенале средств расследования преступлений и криминалистической регистрации. Термин классификация преступников" лучше всего отражает суть картотеки модус операнди. Созданная в ФБР программа выявления насильственных преступников (Vi-CAP) является хорошим примером такой классификации. При создании системы регистрации по модус операнди за основу берется тип совершенного преступления – это "точка отсчета". Следующей по значимости характеристикой является тип личности пострадавшего или тип

собственности, ставшей объектом преступного посягательства. От этих "стартовых точек" можно двигаться в любом направлении до тех пор, пока сохраняется "верность" заданному критерию. Независимо от избранного способа регистрации по модус операнди должны учитываться общие характеристики, в частности такие, как день и час совершения нападения, выбор объекта преступного посягательства (преступной "мишени"), способ проникновения в помещение, похищенные или непохищенные вещи[1]. В настоящее время выдающиеся специалисты, обладающие знаниями из области психологии и имеющие большой практический опыт в вопросах, касающихся расследования преступлений, создают новые и более совершенные методы и способы, позволяющие найти преступника и прекратить его криминальную деятельность.

Одной из легендарных фигур, послужившей прототипом киногероя профайлера Д. Кроуфорда в фильме "Молчание ягнят", и специалистом в области криминальной психологии, читавшим этот курс в Академии ФБР, является Джон Дуглас. Проведенные им многочисленные исследования в области криминальной психологии помогали при расследовании преступления точно указывать на тип преступника, описать его поведение после совершенного преступления. Его работы были одними из первых, посвященных разработке и созданию метода анализа психологического профиля личности убийцы. Суть метода заключается в том, что на основании представленных данных (следы на месте преступления, способ убийства, информация о жертве) психолог составляет примерное описание преступника, в котором указывается предполагаемый возраст, раса, пол, семейное положение, служебный статус, сексуальная зрелость, возможное криминальное прошлое, взаимоотношения с жертвой, вероятность совершения преступления в будущем. В частности, в конце 1979 года благодаря первому официальному использованию ноу-хау, получившего название «метод психопрофиля», был задержан серийный убийца Д. Карпентер[2]. В 1984 году он организует при Академии ФБР (Куантико, штат Вирджиния) Национальный центр изучения насильственных преступлений, при котором создаётся единая национальная база данных — ViCAP. В соавторстве с Мюррем С. Майроном разработал метод психолингвистического анализа для распознания и идентификации преступников. Созданные им научно-исследовательские и научно-популярные работы, например, такие как «Охотники за умами», «ФБР против серийных убийц» является уникальным произведением документально-криминального жанра. Среди трудов, к написанию которых приложил руку Дж. Дуглас, стоит отметить следующие: «Sexual Homicide: Patterns and Motives», «Crime Classification Manual: A Standard System for Investigating and Classifying Violent Crimes», «Mindhunter: Inside the FBI's Elite Serial Crime Unit», «Unabomber: On the Trail of America's Most-Wanted Serial Killer», «Journey into Darkness», Obsession: The FBI's Legendary Profiler Probes the Psyches of Killers, Rapists and Stalkers and Their Victims and Tells How to Fight Back», «The Anatomy of Motive: The FBI's Legendary Mindhunter Explores the Key to Understanding and Catching Violent Criminals», «Broken Wings», «The Cases That Haunt Us», «Man Down», «Anyone You Want Me to Be: A True Story of Sex and Death on the Internet», «John Douglas's Guide to Landing a Career in Law Enforcement», «Crime Classification Manual: A Standard System for Investigating and Classifying Violent Crimes», «Inside the Mind of BTK: The True Story Behind the Thirty-Year Hunt for the Notorious Wichita Serial Killer», «Inside the Mind of BTK: A dramatic and compelling true-crime psychological thriller», «Criminal Profiling from Crime Sce-

[1] Богомолова С.Н, Образцов В. А. Криминалистическая психология [электронный ресурс], URL: http://www.e-reading.club/book.php?book=10034 (дата обращения: 01.11.2015).

[2] Юридическая психология в лицах: Дуглас Дж. [электронный ресурс], URL: http://yurpsy.com/files/lica/duglas.htm 10034 (дата обращения: 01.11.2015).

ne Analysis», «Law & Disorder». К сожалению, немногие его работы были официально переведены на русский язык, среди них: «Погружение во мрак», «Охотники за умами».

Еще одной легендарной фигурой, ученым и практиком, рассматривавшим процесс расследования преступлений, как решение сложной мыслительной задачи, человеком, который ввел в научный обиход определение серийного убийцы, является Роберт Ресслер. Р. Ресслером были сформулированы основные элементы, необходимые для составления психологического портрета преступника, т.н. modus operandi.

После окончания колледжа в 1962 г. Ресслер поступил на службу в военную полицию, а затем поступил в Мичиганский университет, который окончил в 1968 г. в степени магистра. После университета работал в должности начальника военной полиции по надзору за уголовным розыском (CID). 2 февраля 1970 г. майор Роберт Ресслер вступил в Федеральное бюро расследований (ФБР) в Отдел по борьбе организованной преступностью в сфере порнографии, а в 1974 г. возглавил Отдел бихевиористики ФБР (Behavioral Science Unit). Основная цель Отдела – анализ улик и составление психологического портрета преступников, совершающих серию убийств с особой жестокостью. Знакомясь с обстоятельствами преступлений, по явным и косвенным уликам, по, казалось бы, отвлечённым деталям он пытался выявить в них закономерность, проникнуть в подсознание убийцы, чтобы понять, что им движет. В результате тщательного анализа вырисовывался облик преступника – его пол, возраст, сексуальная зрелость, психическое здоровье, привычки, семейное и социальное положение, особенности поведения в быту, взаимоотношения с жертвой, возможные следующие шаги. Все эти зацепки в итоге приводили к преступнику. После поимки маньяка, Ресслер проводил с ним длительные допросы, уточняя как обстоятельства его страшных деяний, так и моменты его ранней биографии. Обобщая изученное, он пришёл к выводу, что маньяк начинает формироваться в возрасте 8-10 лет. Как правило, это дети, которых часто избивали или сексуально унижали. В результате такой ребёнок вырастал в монстра, который, начав убивать, уже не может остановиться. Для повышения эффективности следственной работы в 1985 г. Роберт Ресслер сыграл важнейшую роль в создании Vi-CAP (Violent Criminal Apprehension Program) – централизованной электронной базы данных о нераскрытых убийствах со всей территории США, позволяющей отслеживать хронологию преступлений и сопоставлять их характер, что повышает шансы выявления подозреваемого, особенно в случае убийц-гастролёров.

В 1990 году Р. Ресслер открывает свое собственное консалтинговое агентство, которое помогает сотрудникам правоохранительных органов в разных странах мира получать важную и необходимую информацию в области расследования серийных убийств. Р. Ресслер ведет также научно-исследовательскую работу, направленную на анализ причин подобных преступлений, создает свою классификацию серийных убийц, заложив, тем самым, научно-психологический подход к анализу поведения преступника[1].

Им были написаны такие работы, как: «Модели и мотивы убийств на сексуальной почве» (Sexual Homicide: Patterns and Motives, 1988), «Руководство по классификации преступлений» (Crime Classification Manual, 1992), автобиографические «Против чудовищ» (Whoever Fights Monsters, 1992), «На службе правосудия» (Justice is Served, 1994), «Жизнь среди монстров» (I Have Lived In The Monster, 1997). Эти работы представляют интерес, как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

Говоря о применении психологических знаний в процессе расследования преступлений, нельзя не остановиться на работах Дэвида Кантера. Д. Кантер - английский

[1] Ильин М. Знаменитые профайлеры: Роберт Ресслер [электронный ресурс], URL: http://www.serial-killers.ru/materials/ressler.htm (дата обращения: 01.11.2015).

психолог, профессор Ливерпульского университета, директор Международного научно-исследовательского центра психологии расследования преступлений. Член Британского Психологического общества и Американской Психологической ассоциации, академик Академии социальных наук Великобритании. Один из самых известных в мире специалистов по юридической психологии[1]. Он является создателем математической модели географического профилирования, которая позволяет по информации о местах преступления определить вероятный район обитания преступника, так называемой системы Dragnet [2].

Д. Кантором создан международный исследовательский центр психологии расследования в Хаддерсфильде в Англии, где готовят специалистов в области применения психологических знаний в процессе расследования преступлений[3]. Он является автором более 20 книг и 150 публикаций по юридической психологии, основателем "Журнала судебной психологии". Совместно с доктором Донной Янг им написан учебник по психологии расследования преступлений. Также он является создателем новой области прикладной психологии - психология расследования. Отвечая на вопросы о роли психологии в расследовании преступлений, Д. Кантер говорит: "Очень неправильно думать, что психологи когда-нибудь расследуют преступления. Преступления расследуются полицией. А мы разрабатываем новое понимание о преступном поведении, стратегии и стили расследования преступлений"[4]. Среди работ Д. Кантера следует отметить следующие: «Psychology in Practice», «Facet Theory: Approaches to Social Research», «Fires and Human Behaviour», «Criminal shadows», «Psychology in Action», «Criminal detection and the psychology of crime», «Interviewing and deception», «Profiling Rape & Murder», «Assessing Accounts of Crime», «Profiling in policy and practice», «The Social Psychology of Crime», «Profiling Property Crimes», «Mapping Murder», «Becoming an Author», «Geographical Offender Profiling 2 vols», «Criminal Psychology: Topics in Applied Psychology», «The Faces of Terrorism: Multidisciplinary Perspectives: Cross-disciplinary Explorations», «Investigative Psychology: Offender Profiling and the Analysis of Criminal Action», «Forensic Psychology: A Very Short Introduction», «Forensic Psychology For Dummies».

Подводя итог сказанному, необходимо также сказать о том,что одним из важнейших достижений в области объединения ученых разных стран для борьбы с преступностью было создание в 1990 году Европейской ассоциации психологии и права (EAPL), отметившей в этом году в Нюрнберге, где она и была создана, свой 25-летний юбилей. Ассоциацией проводятся ежегодные конференции, издается журнал “Psychology, Crime & Law”, который выходит 8 раз в год.[5] Ассоциация объединяет специалистов в области правовой, криминальной, судебной психологии, психологии расследования преступлений и многих других, чья деятельность направлена на борьбу с преступностью. Деятельность EAPL дает возможность обмена опытом, творческого взаимодействия, укрепления международного сотрудничества, развитию и возникновению новых научных направлений юридической психологии.

---

[1] Юридическая психология в лицах: Кантер Д. [электронный ресурс], URL: http://yurpsy.com/files/lica/canter.htm (дата обращения: 01.11.2015).

[2] Centre for Investigative psychology. Dragnet [электронный ресурс], URL:http://www.i-psy.com/publications/publications_dragnet.php (дата обращения: 01.11.2015).

[3] Без черной магии и фокусов: в Британии готовят "русско-израильского" Шерлока Холмса [электронный ресурс], URL: http://izrus.co.il/obshina/article/2011-02-18/13450.html (дата обращения: 01.11.2015).

[4] Юридическая психология в лицах: Кантер Д. [электронный ресурс], URL: http://yurpsy.com/files/lica/canter.htm (дата обращения: 01.11.2015).

[5] Дозорцева Е.Г. Европейская ассоциация психологии и права (EAPL) [электронный ресурс], URL: http://www.jurpsy.ru/news/25766/ (дата обращения: 01.11.2015).

В. С. Латыпов

Сведущие лица – кто они?

Автор в представленной статье рассматривает актуальные вопросы применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве современности. На основе проведенного сравнительно-правового анализа научных исследований по рассматриваемой тематике, аргументирован авторский подход к определению понятия «сведущее лицо».

***Ключевые слова**: специальные знания, специальные познания, сведущие лица, уголовное судопроизводство, расследование, специалист.*

V. S. Latypov

Competent persons - who are they?

The author of the article considers topical issues of application of special knowledge in criminal proceedings of modernity. Based on comparative legal analysis of scientific research on the subject, argued the author's approach to the definition of "competent person".

***Keywords**: special knowledge, special knowledge, competent persons, criminal proceedings, investigation, specialist.*

Производство расследования уголовных дел на современном этапе развития научно-технического прогресса и изощренности способов совершения преступлений немыслимо без применения специальных знаний.

В целях обеспечения полноты и объективности государственные органы, проводящие расследование вынуждены привлекать сведущих лиц, обладающих специальными знаниями в науке, технике, искусстве или ремесле.

Весомый вклад в разработку вопросов общей теории, методики и тактики применения специальных знаний внесли такие ученые, как Т. В. Аверьянова, Ф. Г. Аминев, Р. С. Белкин, А. М. Зинин, Ю. Г. Корухов, А. В. Кудрявцева, Н. П. Майлис, И. А. Макаренко, В. Н. Махов, Ю. К. Орлов, Е. Р. Россинская, Е. В. Селина, А. А. Тарасов, С. А. Шейфер, Н.П. Яблоков и ряд других.

Труды указанных ученых создали основу для развития теоретических и прикладных проблем применения и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве России.

Однако с учетом вводимых в последнее время процессуальных изменений на законодательном уровне и разработке проекта Федерального закона «О экспертной деятельности в Российской Федерации»[1] теоретические и практические аспекты применения специальных знаний сведущих лиц в уголовном судопроизводстве по-прежнему не теряют своей актуальности. Об этом свидетельствует и обилие современных научных исследований в указанной области[2].

Институт применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве на современном этапе его развития представлен такими «классическими» самостоятельными участниками как эксперт (ст. 57 УПК РФ) и специалист (ст. 58 УПК РФ), однако ими не ограничивается. К сведущим лицам также относят переводчика (ст. 59 УПК РФ), обладающего специальными знаниями в области языка и ряд других субъектов уголовного судопроизводства: педагога, психолога, ревизора и др., которые нередко ошибочно

---

[1] О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: проект Федерального закона № 306504-6.

[2] См., например: Апостолова Н.Н. Специальные знания в современном судопроизводстве // Мировой судья. 2014. № 10. С. 24 – 28; Хмелева А.В. Вопросы законодательного урегулирования использования следователем специальных знаний "сведущих лиц" // Российский следователь. 2014. № 11. С. 9 – 14 и др.

представляются через категорию «специалиста».

Если проанализировать понятие «специалист», данное в ч. 1 ст. 58 УПК РФ, то увидим что законодатель включает в это понятие. Специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое для:

1) содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов (что не входит в задачи ревизора);

2) применения технических средств в исследовании материалов уголовного дела (также не относится к деятельности ревизора);

3) для постановки вопросов эксперту (отчасти можно согласиться, но это не является его основной задачей);

4) для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (т. е. вызванное для дачи показаний по поводу применения своих специальных знаний).

Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что, к примеру, ревизора к специалисту можно с большой натяжкой, если не сказать больше – мы не может ставить знак равенства между ревизором и специалистом в буквальном понимании специфики их процессуальной деятельности.

Для продолжения предметного анализа субъектного состава института лиц, обладающих специальными знаниями в уголовном судопроизводстве целесообразно разобраться в употребляемой законодателем терминологии при характеристике этих лиц. Речь идет о семантике «специальных познаний» и «специальных знаний». Указанные понятия состоят из двух слов, одно из которых одинаково – «специальные».

Специальный [фр. spécial, нем. spezial, лат. speciālis особый, особенный, своеобразный]. Словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведова дает следующее толкование слово специальный: «относящийся к отдельной отрасли чего-нибудь, присущий той или иной специальности»[1].

Этот же словарь слово познание толкует как: «1. Приобретение *знания*, постижение закономерностей объективного мира; 2. Совокупность *знаний* в какой-нибудь области». Если обратимся к значению слова знания, то увидим интересную картину: «Знание – 1. Результаты *познания*, научные сведения; 2. Совокупность сведений в какой-нибудь области»[2].

Становится очевидным, что термины «значение» и «познание» схожи по своему лексическому смыслу и словарь дает пояснение этим словам, употребляя их как синонимы.

Указанное обстоятельство позволяет нам согласиться с мнением А.А. Тарасова, который утверждает, что термины «специальные знания» и «специальные познания» употребляются и в законе как синонимы[3].

Развивая указанную мысль можно констатировать, что в полном соответствии с законами развития языка понятие «познания» в теории уголовного процесса постепенно переходит в категорию архаизмов.

Так, в разрабатываемом проекте Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» ни разу не встречается словосочетания «специальные познания», законодатель полностью отказался от употребления данной терминологии.

---

[1] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковик, 1997. С. 755.

[2] Там же. С. 548, 231.

[3] Тарасов А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России: монография / А.А. Тарасов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 21.

В современной научной литературе можно проследить тенденцию отнесения к специальным знаниям личностные, деловые и профессиональные качества достаточно большого круга участников уголовного судопроизводства, в том числе следователя, дознавателя, судьи, лица совершившего преступление (подозреваемого, обвиняемого), понятых и даже потерпевших[1].

Речь в этих работах идет о невозможности расследования преступлений следователем, к примеру, по делам экономической направленности в случаях, если он не обладает достаточными знаниями в указанной области. Этот же подход распространяется и на лиц, совершающих преступления, попадающих, например, под признаки состава преступления предусмотренного ст. 159[6] мошенничество в сфере компьютерной информации, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Наличие необходимых умений и способностей для совершения указанного преступления, его полноценного расследования и в последующем вынесения справедливого и обоснованного приговора в суде является неоспоримым фактом. Не может человек случайно совершать преступления подобного рода.

Достаточно подробно этот вопрос раскрыт в научном исследовании Е.В. Селиной[2], которая также рассмотрела наличие указанных «специальных познаний» у обвиняемого для определения криминалистической характеристики личности преступника и даже потерпевшего.

Однако подобного рода подход неумышленно может произвести подмену понятий сведущих лиц. Мы априори не можем каждого участника именовать сведущим лицом или специалистом, т. е. обладающим специальными знаниями. Еще более двадцати лет назад профессор В.Н. Махов отметил, что нет единого мнения, как именовать субъектов специальных знаний – специалистами или сведущими лицами[3].

Указанное обстоятельство вызывает сложность в восприятии института применения специальных знаний в теории уголовного процесса и правоприменительной практике. Следует представлять четкую грань между собирательной категорией понятия специалиста, и специалиста как полноценного, самостоятельного участника уголовного судопроизводства, чей процессуальный статус регламентирован действующим уголовно-процессуальным законодательством России.

Именно к первой категории, к собирательному образу, более широкому по своему содержанию и следует относить того же самого ревизора, педагога, психолога, сведущего свидетеля (свидетеля обладающего специальными знаниями в определенной области), переводчика, т. е. тех, кто реализует разнообразные формы применения специальных знаний в процессе уголовного судопроизводства.

Для разграничения категорий участников, которые вовлекаются в уголовное судопроизводство, с целью применения специальных знаний, в теорию уголовного процесса введено понятие «сведущие лица».

Однако в современной научной литературе нет единого мнения в определении

---

[1] Рытькова В.Ю. Правовое регулирование процессуального статуса следователя в уголовном судопроизводстве России: дис. … канд. юрид. наук / В.Ю. Рытькова. Калининград. 2007; Терегулова А.А. Правовое положение подозреваемого в уголовном процессе России: дис. … канд. юрид. наук /А.А. Терегулова. Челябинск. 2008 и др.

[2] Селина Е.В. Применение специальных познаний в российском уголовном процессе: дис. … д-ра. юрид. наук / Е.В. Селина. Краснодар. 2003. С. 152-154.

[3] Махов В.Н. Теория и практика использования знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: дис. … д-ра. юрид. наук / В.Н. Махов. М., 1993. С. 63.

этого понятия. Так, В.Н. Махов рекомендует под сведущими лицами в уголовном судопроизводстве понимать, лиц, обладающих специальными знаниями и навыками их применения, незаинтересованные в исходе дела, призванные следователем, судом, для оказания содействия в установлении истины по делу в случаях, форме и порядке, установленных судом[1]. Указанное определение, на наш взгляд вырисовывает исключительно общий контекст привлечения лиц, обладающих специальными знаниями. Недопустимо исключать возможность привлечения сведущих лиц дознавателем, также проводящем расследование уголовных дел, к том уже возникает вопрос к формулировке «в случаях, форме и порядке, установленных судом». Не исключено наличие опечатки, однако, это только предположение.

В качестве недостатка указанного определения Е.В. Селина указывает об отсутствии упоминания непроцессуальных форм привлечения сведущих лиц[2], с чем нельзя не согласиться.

Также на наш взгляд несколько спорным видится определение сведущих лиц, данное в своем диссертационном исследовании А.М. Радионовой, которая считает, что к сведущим лицам в уголовном процессе России следует отнести лиц, не являющихся субъектами доказывания, обладающих специальными познаниями и особым комплексом прав и обязанностей, установленных законом, способных в силу определенного сочетания интеллектуального, психофизиологического и мотивационного компонентов своей личности способствовать достижению целей уголовного судопроизводства[3]. Возникает вопрос, что автор понимает под психофизиологическими и мотивационными компонентами личности, и как они могут способствовать достижению целей уголовного судопроизводства.

Е.В. Селина под сведущими лицами в уголовном судопроизводстве рекомендует понимать лиц, обладающих специальными познаниями требуемых вида и структуры, призванные следователем, дознавателем, прокурором, судом, а в случаях указанных в законе (п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), – привлеченные защитником – для оказания в соответствующей форме содействия уголовному судопроизводству посредством использования специальных познаний. Это также те лица, результат основанных на применении специальных познаний непроцессуальных действий которых привлечен к уголовному судопроизводству[4]. Безусловно данное определение, является наиболее выигрышным, поскольку отражает практически все аспекты привлечения сведущих лиц с целью применения специальных знаний, которые могут в последующим иметь значения для дела и лечь в основу обвинения. Однако, оно не снимает вопроса о том, можно ли считать сведущими лицами самих следователей, дознавателей, сотрудников оперативных подразделений и прочих.

Мы возьмем на себя смелость, с учетом проведенного анализа, сгенерировать собственное определение сведущего лица в уголовном судопроизводстве, и изложить ее в п. 39[1] ст. 5 УПК РФ в следующей редакции: *«39[1]) сведущее лицо – физическое лицо, обладающее комплексом специальных теоретических знаний, практических умений и навыков в науке, технике, искусстве или ремесле (за исключением юридических профессиональных знаний), привлекаемое к участию в процессуальных и не процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, в целях оказания содействия в достижении целей уголовного судопроизводства;».*

---

[1] Махов В.Н. Указ. сочин. С. 67.
[2] Селина Е.В. Указ. сочин. С. 161.
[3] Радионова А.М. Формы использования знаний сведущих лиц на стадии предварительного расследования: автореферат дис. … канд. юрид. наук / А.М. Радионова. Челябинск. 2010. С. 6.
[4] Селина Е.В. Указ. сочин. С. 164-165.

А.Д. Махова

Теоретико-практические проблемы правового регулирования судебно-искусствоведческой экспертизы в уголовном процессе РФ

В данной статье автором выявляются наиболее концептуальные проблемы правового регулирования судебно-искусствоведческой экспертизы в отечественном уголовном судопроизводстве. На основе исследования данных проблем обоснованно делается вывод о необходимости теоретической доработки, качественного увеличения и систематизации нормативного материала, регламентирующего назначение и проведение судебно-искусствоведческой экспертизы с учётом специфики её объектов, что позволило бы повысить эффективность использования данного процессуального инструмента.

***Ключевые слова**: судебно-искусствоведческая экспертиза, судебная экспертиза, экспертное учреждение, уголовное судопроизводство.*

A.D. Makhova

Theory-applied problems related to legal regulations of forensic art examination in criminal justice process of Russia

In this article the author elicits the most conceptual problems related to legal regulations of forensic art examination in criminal justice process of Russia. Based on the analysis of these problems a justified conclusion is made about a need for further theoretical development, qualitative increase and systematization of the regulatory standards regulating appointment and carrying out of forensic art examination with regard to specifics of its subjects, that would allow to make the use of this procedural tool more efficient.

***Keywords**: forensic examination, forensic art examination, expert appointment, criminal legal proceedings.*

Отсутствие правовой определённости по вопросу регулирования судебно-искусствоведческой экспертизы во многом обусловлено спецификой её объектов, а также её метадисциплинарностью, что предполагает достижение баланса между формальными требованиями права и исключительным субъективизмом, характерным для сферы искусства.

Анализируя теоретические и практические проблемы судебно-искусствоведческой экспертизы в уголовном процессе, хотелось бы остановиться на наиболее существенных из них:

- Отсутствие легального определения судебно-искусствоведческой экспертизы и расхождения номинального характера в сфере нормативного регулирования, науки и практики;
- Отсутствие единообразия подходов к определению видовых объектов судебно-искусствоведческой экспертизы[1];
- Проблема отсутствия единой сети специализированных учреждений по производству судебно-искусствоведческих экспертиз и единых методик их проведения, в том числе в системе экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации (ФБСЭУ);
- Проблема профессиональной ответственности эксперта.

[1] Здесь и далее говоря об объекте судебной экспертизы, мы отталкиваемся от общей концепции, исходя из которой, объектами судебной экспертизы могут быть материальные объекты и процессы.

Выделяя в науке уголовно-процессуального права институт судебной экспертизы «по своему формальному обособлению в структуре Уголовно-процессуального кодекса РФ»[1], следует говорить о судебно-искусствоведческой экспертизе как о правовом субинституте. Но прежде, чем перейти к комплексному исследованию данного правового явления, хотелось бы определиться с точным наименованием судебной экспертизы, которая представляет собой объект нашего научного интереса.

В Федеральном законе от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ»[2] мы не встречаем упоминания о судебно-искусствоведческой экспертизе, так же как не встречаем его в проекте Федерального закона о судебно-экспертной деятельности в РФ[3].

Ряд исследователей настаивают на наименовании данной экспертизы «историко-искусствоведческой», т. к. «термин «историко-искусствоведческая экспертиза» является более точным, чем изредка употребляющийся термин «искусствоведческая экспертиза», поскольку помимо произведений искусства на данное экспертное исследование нередко поступают предметы нехудожественного назначения, которые ценятся исключительно за счет своего солидного возраста и раритетности»[4].

В то же время некоторые исследователи ставят знак равенства между искусствоведческой и историко-искусствоведческой экспертизой[5]. Отдельные нормативные правовые акты вносят ещё большую путаницу, используя понятия «историко-культурной» и «искусствоведческой» экспертизы[6].

Помимо прочего, исследователями судебно-искусствоведческой экспертизы в рамках уголовного процесса нередко опускается понятие «судебная», что, на наш взгляд, является не совсем оправданным, так как приводит к размыванию границ между искусствоведческой экспертизой, проводимой в условиях обычного гражданского оборота и судебно-искусствоведческой экспертизой в рамках уголовного судопроизводства.

Разногласия в вопросе точного наименования порождают ещё большую дискуссию вокруг возможных объектов данной экспертизы, потому как, взяв за основу термин «искусствоведческий», мы говорим о предметах искусства, в том время как «историко-культурный» представляет собой более обширный круг объектов (само понятие культуры шире понятия искусства и помимо искусства включает в себя ещё и науку, образование и пр.[7]). В частности, при выборе в пользу наименования «судебно-искусствоведческая экспертиза», становится некорректным использование категории «культурная ценность», а, следовательно, и ссылка на Закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-I «О вывозе и ввозе культурных ценностей». Кроме того, говоря об объектах куль-

---

[1] Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: Монография. М.: Юрлитинформ, 2010.

[2] О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ: Федеральный закон №73-ФЗ от 31. 05. 2001г. (ред. от 8.03.2015) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

[3] О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Проект Федерального закона № 306504-6 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 20.11.2013) // СПС Консультант плюс. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=112611;fld=134;from=107690-16;rnd=176509.25028408179059625;;ts=0176509515866893110796 8

[4] Москвина Т.П., Смирнов А.А., Хазиев Ш.Н. Судебная историко-искусствоведческая экспертиза // Бюллетень Министерства юстиции РФ. 2004. № 9. С.59.

[5] См., напр.: Злотникова И.В., Богатырев С.Е. Особенности проведения искусствоведческой экспертизы в рамках административного и уголовного делопроизводства // Юридическая библиотека Юристлиб. 2010. URL: http://www.juristlib.ru/book_7742.html

[6] О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации: Постановления Правительства РФ №814 от 21.07.1998 г. (ред. от 06.05.2015) // Собрание законодательства РФ. 1998. №32. Ст. 3878.

[7] Сам термин «культура» - от лат. *cultura*, от глагола *colo, colere* – возделывание; позднее - воспитание, образование, развитие, почитание.

турного наследия со ссылкой на ст. 15 указанного закона, законодатель уточняет, что под ними понимаются памятники истории и культуры, что предопределяет необходимость также ввода судебной «историко-культурологической» экспертизы как комплексной экспертизы либо как отдельного класса экспертизы, родом которой могла бы стать судебно-искусствоведческая экспертиза, включающая в себя отдельные виды судебных экспертиз сообразно их видовым объектам.

Если проблема отсутствия точного наименования судебно-искусствоведческой экспертизы отсылает нас к теоретическим разработкам, то для восполнения дефинитивного пробела представляется возможным отталкиваться от положений ст. 9 Федерального закона от 31.05. 2001 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ». Таким образом, можно было бы дать следующее определение: «Судебно-искусствоведческая экспертиза - процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области истории, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления авторства, подлинности произведения искусства, а также причисления к тому или иному виду материальных и / или культурных ценностей художественных произведений, предметов старины, а также других произведений и предметов, представляющих художественную ценность».

К отдельным родам (либо видам если рассматривать судебно-искусствоведческую экспертизы в составе класса судебной историко-культурологической экспертизы) судебно-искусствоведческой экспертизы видится возможным относить: экспертизу произведений живописи, произведений графики, произведений скульптуры, художественных фотоснимков, кинофильмов и видеозаписей, художественных произведений народных промыслов, антикварных изделий, особо ценных музыкальных инструментов, литературных и музыкальных произведений и т. д.

Е.В. Пискунова в свете общепринятом делении судебных экспертиз на 12 классов выделяет в классе судебно-искусствоведческих экспертиз следующие роды: экспертиза произведений изобразительного искусства; экспертиза литературных произведений и экспертиза музыкальных произведений[1].

Принимая предложенную дифференциацию родов судебно-искусствоведческой экспертизы, необходимо её дополнить также экспертизой наградного и трофейного оружия, предметов прикладного искусства. Поэтому Ш.Н. Хазиев справедливо к родам судебно-искусствоведческой экспертизы относит также: экспертизу произведений живописи; произведений графики; произведений скульптуры; художественных фотоснимков; кинофильмов и видеозаписей; художественных произведений народных промыслов; антикварных изделий; особо ценных музыкальных инструментов; литературных произведений; музыкальных произведений[2].

Под вопросом остаётся отнесение к объектам судебно-искусствоведческой экспертизы музыкальных и литературных произведений. Так, Е.В. Пискунова обосновывает целесообразность отнесения произведений музыки и литературы к объектам исследуемому нами класса судебной экспертизы, так как и музыкальные, и литературные произ-

---

[1] Пискунова Е.В. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в сфере искусства: судебно-искусствоведческая экспертиза. Москва, 2013. С.72.

[2]Хазиев Ш.Н. Процессуальные и криминалистические основы судебно-искусствоведческой экспертизы // Актуальные проблемы теории и практики судебной экспертизы. Доклады и сообщения на международной конференции «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе». М.; Н. Новгород: РФЦСЭ и Приволжский РЦСЭ МЮ РФ, 2004. с. 335 – 337.

ведения нередко становятся объектами различных посягательств, среди которых самые распространённые - плагиат и мошенничество.

Однако рассматривая музыкальные и литературные произведения как объект судебно-искусствоведческой экспертизы, не стоит забывать и о том, что помимо объекта посягательства, данные произведения могут также быть и источником общественной опасности (например, ст. 282 УК РФ), что можно подтвердить, лишь проведя соответствующую комплексную экспертизу, имеющую элементы судебно-искусствоведческой экспертизы. В настоящее время в Федеральном списке экстремистских материалов содержится значительное количество литературных и музыкальных (в части текста песен) произведений, что также обуславливает целесообразность отнесения произведений литературы и музыки к объектам судебно-искусствоведческой экспертизы.

Правовая неопределённость сопровождает не только точное название, понятие и возможные объекты судебно-искусствоведческой экспертизы, но и вопрос об учреждениях, уполномоченных на проведение данной судебной экспертизы. Очевидна необходимость создания подразделений судебно-искусствоведческих экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях. Данная проблема неоднократно затрагивалась в исследованиях, посвящённых судебно-искусствоведческой экспертизе, однако до сих пор не нашла своего разрешения на законодательном уровне. Наиболее соответствующие данным целям, на наш взгляд, являются судебно-экспертные учреждения Министерства юстиции Российской Федерации (ФБСЭУ). В таких подразделениях могли бы работать специалисты, прошедшие соответствующую подготовку и способные выполнять роль экспертов-организаторов при проведении сложных судебно-искусствоведческих экспертиз.

В рамках деятельности данных учреждений в сфере Минюста было бы возможным создание единой базы данных, содержащей исчерпывающую информацию о проведённых исследованиях и использованных методиках. Не лишним было бы введение единых стандартов для правильного и единообразного проведения судебно-искусствоведческих экспертиз в создаваемых судебно-искусствоведческих подразделениях Минюста.

Наряду с этим, как справедливо отмечает ряд исследователей, в таких подразделениях должна проводиться работа по подготовке методик проведения судебно-искусствоведческих экспертиз именно как многоаспектных комплексных исследований, по разработке программ подготовки и повышения квалификации экспертов-организаторов и участвующих в проведении экспертных исследований искусствоведов[1].

Кроме того, специфика данного вида экспертной деятельности заключается в том, профессиональных экспертов-искусствоведов практически нет. Глубокие познания в истории искусства предполагают узкую специализацию, поэтому наличие соответствующей специальности не является залогом компетентной оценки и достоверных выводов в заключении эксперта. В то же время, создание единой сети учреждений искусствоведческих экспертиз и единых методик их проведения, в зависимости от класса и рода конкретной судебной экспертизы, позволило бы ввести учёт и картотеку компетентных специалистов в отдельных областях истории искусства, а также обеспечить их взаимодействие.

Говоря о работе судебно-экспертных учреждений нельзя не затронуть и проблему ответственности эксперта, производящего судебно-искусствоведческую экспертизу. Как мы знаем, уголовная ответственность эксперта наступает лишь при даче заведомо ложного заключения, что на практике является сложно доказуемым, и открывает значитель-

[1] Москвина Т.П., Смирнов А.А., Хазиев Ш.Н. Судебная историко-искусствоведческая экспертиза // Бюллетень Министерства юстиции РФ. 2004. № 9. С.62.

ные возможности для злоупотреблений, якобы носящих характер «искреннего заблуждения.

Указанная проблема была положительно решена во Франции, что активно обсуждалось на Круглом столе «Будущее аукционных торгов в России. Часть первая: опыт Франции» в Российском аукционном доме (РАД)[1] в Москве 26 сентября 2011 года. Речь шла о тотальной финансовой ответственности экспертов за свои заключения, исключающей вариант «заблуждения».

Дополнительную ответственность, в том числе негосударственных судебно-экспертных учреждений, предусматривает и проект Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», подготовленный Минюстом России: приостановление, прекращение действия и лишения сертификата компетентности судебного эксперта (что не предусмотрено действующим ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ»).

В заключение хотелось бы отметить, что судебно-искусствоведческая экспертиза в рамках уголовного судопроизводства является динамично развивающимся субинститутом, требующим своевременной правовой регламентации и внимания со стороны исполнительных органов государственной власти, в частности Министерства Юстиции РФ. Качественное увеличение и систематизация нормативного материала, регламентирующего назначение и проведение судебно-искусствоведческой экспертизы с учётом специфики её объектов, позволило бы повысить эффективность использования данного правового инструмента.

Н.С. Неретина

Участие специалиста в оценке результатов экспертиз по новым родам и видам

В статье рассматривается порядок оценки результатов судебных экспертиз по новым родам и видам. Автором исследуются особенности и сложности, с которыми сталкивается правоприменитель при исследовании и оценке подобных заключений.

***Ключевые слова**: оценка заключения эксперта, новые рода и виды судебных экспертиз, специалист, консультация специалиста.*

N.S. Neretina

The participation of the expert in evaluating the results of examinations for new genera and species

The article explains how to evaluate the results of forensic examinations of new genera and species. The author explores the features and complexity faced by law enforcers in the study and evaluation of these expert opinions.

***Keywords**: evaluation of an expert opinion, new genera and species of judicial examinations, specialist, expert advice.*

Заключение эксперта – одно из доказательств по делу (ст. 74 УПК РФ, ст.55 ГПК РФ, ст.64 АПК РФ, ч.2 ст.59 КАС РФ, ст.26.2 КоАП РФ) и, как любое доказательство, не имеет заранее установленной силы и подвергается всестороннему, объективному, пол-

[1] Российский аукционный дом создан Постановлением Российского Правительства в августе 2009 года специально для создания и продвижения в России института продажи предметов искусства.

ному и непосредственному исследованию и оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности (ст.88 УПК РФ, ст.67 ГПК РФ, ст.71 АПК РФ, ст.82 КАС РФ, ст.26.11 КоАП РФ).

Оценка заключения эксперта в полном объёме, вызывает определённые сложности у следователя и суда ввиду того, что экспертом при исследовании используются специальные знания, которыми ни следователь, ни суд не обладают. В литературе неоднократно отмечалось, что на практике следователь и суды подходят формально к оценке заключения эксперта, обращая основное внимание на выводы эксперта и оценивая преимущественно полноту заключения, «проверяя, на все ли поставленные вопросы ответил эксперт и каков характер этих ответов – категорический или вероятный»[1].

Однако для полной, всесторонней и объективной оценки заключения эксперта необходимо учитывать не только его формальную сторону, но и его содержание (суть), которое вызывает у следователей и суда наибольшие сложности. При этом объективные трудности вызывает анализ проведённых исследований по традиционным родам и видам судебных экспертиз, тогда как при оценке заключений по новым родам и видам судебных экспертиз, сложности возрастают в разы.

Вопросов оценки заключения эксперта в своих работах касались многие ведущие учёные-криминалисты и теоретики судебных экспертиз[2]. Многими из них предлагается порядок подобной оценки, указаны критерии, на которые необходимо обращать внимание.

1. Оценка относимости заключения эксперта по новым родам и видам судебных экспертиз.

Указанное свойство заключения эксперта обычно не вызывает затруднений у правоприменителя. Заключение эксперта по новым родам и видам судебных экспертиз, устанавливающее обстоятельства, входящие в предмет доказывания по делу, а также иные, имеющие значение для дела обстоятельства, обладает свойством относимости.

2. Оценка допустимости заключения эксперта по новым родам и видам судебных экспертиз.

Допустимость доказательства в процессуальной доктрине – это пригодность доказательства по форме. Проблем с всесторонней оценкой процессуального порядка назначения экспертизы обычно у судов и следователей не возникает. Вопросы, касающиеся соблюдения прав участников процесса при назначении и производстве экспертизы, выяснения степени заинтересованности эксперта в исходе дела, процессуального порядка производства экспертизы, надлежащего процессуального оформления хода и результатов экспертного исследования тщательно проверяются и оцениваются, у правоприменителей есть чёткие указания законодателя на этот счёт.

Тогда как определить компетенцию эксперта при проведении экспертиз новых родов и видов, особенно на начальных этапах её формирования, пока не утверждены и не закреплены в соответствующих перечнях экспертные специальности и специализации, и в случае проведения исследований на стыке нескольких наук, довольно трудно.

Подходить с формальных позиций к оценке компетенции эксперта по новым родам и видам судебных экспертиз, недопустимо. Существует опасность неверно оценить компетенцию эксперта, необоснованно сузить или расширить её. Для корректной оценки этого обстоятельства следует обращаться к специалистам, обладающим специальным знанием.

---

[1] Энциклопедия судебной экспертизы. – М.: Юристъ, 1999. – с.283.

[2] См.: Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам): учебное пособие. – М.: Юрист, 1995. – 64 с.; Петрухина А.Н. Оценка заключения эксперта в уголовном судопроизводстве. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 200 с. и др.

3. Оценка достоверности заключения эксперта новых родов и видов судебных экспертиз.

Оценка достоверности заключения эксперта по новым родам и видам экспертиз, ввиду того, что она предполагает детальное изучение его содержания, вызывает наибольшие сложности у правоприменителя.

Если в законодательстве имеются правила признания доказательств допустимыми (ст.75, ч.ч. 2-4 ст.88 УПК РФ, ст.60 ГПК РФ, ст.68 АПК РФ, ст.61 КАС РФ) и относимыми (ст.59 ГПК РФ, ст.67 АПК РФ, ст.60 КАС РФ), то подобных правил в отношении признания доказательств достоверными не содержится.

В теории судебных экспертиз разработаны рекомендации для правоприменителей[1], которые разъясняют возможности судебных экспертиз, указывают на особенности их назначения и производства, оценку и использование экспертных заключений на стадии предварительного следствия и в суде. Это позволяет в значительной степени сориентировать лиц, назначивших экспертизу, в этой области и переключить их внимание с формальной стороны оценки заключения эксперта на его сущностные характеристики.

С большими проблемами сталкиваются следователь и суд при попытке оценить экспертные заключения новых родов и видов экспертиз, которым пока ещё не присущи ни устойчивый круг задач, ни стандартизированные методики экспертного исследования.

Определение достоверности заключения экспертизы требует наличия у следователя и суда такого же, а то и большего объёма специальных знаний, каковым обладает эксперт.

По мнению Т.В. Сахновой «суд не обязан и не компетентен оценивать научную достоверность примененных экспертом методик с точки зрения их содержания (это сфера специальных знаний). Представляется важным выработать формализованные критерии (принципы) оценки допустимости примененных экспертом методов, которые помогут суду в целом оценить обоснованность заключения»[2].

Тщательная проверка заключения эксперта, включающая правильность применения экспертных методик и достоверности полученных результатов, научную обоснованность экспертных выводов по новым родам и видам судебных экспертиз, может быть осуществлена только специалистом, обладающим специальными знаниями. Эффективность его помощи в оценке научной обоснованности заключения эксперта обусловлена тем, что он, как обладатель специальных знаний, находится в курсе разработок и новейших методик в области судебных экспертиз.

Помощь специалиста в оценке достоверности заключения эксперта по новым родам и видам судебных экспертиз позволяет правоприменителю выявить соответствие и логическую связь выводов эксперта с проведённым исследованием, которое нередко выполняется с применением сложного комплекса методов. Самостоятельно суду и следователю сделать это затруднительно.

Также, необходимо отметить тот существенный факт, что алгоритм оценки заключения эксперта имеется в методической, учебной литературе, в то время как на законодательном уровне никаких рекомендаций по этому вопросу не существует.

---

[1] См.: Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. – М.: Проспект, 2013. – 464 с.; Возможности производства судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России. Научное издание. – М.: Интидор, 2004. – 512 с.; Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М.: Норма, 2009. – 688 с. и др.

[2] Сахнова Т.В. Экспертиза в гражданском процессе (теоретическое исследование): автореф. дис.... докт. юрид. наук: 12.00.03 / Сахнова Татьяна Владимировна. – Красноярск, 1998.– С.18.

Более того, возможность использовать помощь специалиста при оценке заключения эксперта прямо закрепляется только в уголовном процессе: п. 19 ч. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21 декабря 2010 г. №28 обращает внимание судов, что «для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда может привлекаться специалист. Разъяснения специалист дает в форме устных показаний или письменного заключения»[1].

В существующем Постановлении Пленума по арбитражным делам таких указаний не содержится, а Постановлений Пленума по применению законодательства об экспертизе по административным и гражданским делам в настоящий момент не существует.

В отсутствии стандартизированных методик и иного методического обеспечения новых родов и видов судебных экспертиз у органов предварительного следствия и суда осложняется возможность объективно оценить научную обоснованность, достоверность и полноту экспертного исследования.

Трудности для правоприменителя в оценке достоверности и научной обоснованности экспертных исследований по новым родам и видам судебных экспертиз, основанных на современных технологиях и сложной технике, в дальнейшем будут только расти.

На наш взгляд необходимо закрепить наметившуюся положительную тенденцию расширения возможностей участия специалиста в судопроизводстве и унификации его правового положения во всех видах процесса.

Как отмечалось выше, в специализированной литературе неоднократно определялись критерии, которыми субъекты, назначившие судебную экспертизу, могут руководствоваться при оценке заключений эксперта[2]. Однако на законодательном уровне этот вопрос пока не решён. Между тем очевидно, что определение чётких условий и признаков, которым надлежит следовать правоприменителю при оценке заключения эксперта, значительно облегчили бы эту оценку и позволили бы активнее использовать достижения науки в судопроизводстве.

В настоящий момент привлечение специалиста к оценке результатов экспертиз по новым родам (видам) судебных экспертиз позволит органам предварительного следствия и суду объективно и полно оценивать заключения экспертов, проводящих исследования в рамках новых родов и видов экспертиз.

Таким образом, для решения проблем назначения и оценки новых родов и видов судебных экспертиз, необходим целый комплекс мер.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 N 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Российская газета. – 2010. – 30 декабря – №296.

[2] Напр.: Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза; Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе и др.

И.А. Никифорова

Возможность постановки правовых вопросов при назначении судебных экспертиз. Правовые экспертизы (на примере расследования нецелевого расходования бюджетных средств)

В данной статье проводится анализ позиций ученых по двум дискуссионным вопросам науки судебной экспертизы: возможность постановки перед экспертом так называемых «правовых» вопросов, а также назначения правовых экспертиз в рамках расследования уголовных дел. Вышеуказанные вопросы рассмотрены на примере расследования нецелевого расходования бюджетных средств, в рамках осуществления которого требуется использование знаний как в экономической (финансово-бюджетной) сфере, так и в юриспруденции. По результатам научного исследования вопросов автором формулируются выводы по каждому из них.

***Ключевые слова**: судебная экспертиза, нецелевое расходование бюджетных средств, правовые вопросы, правовая экспертиза, специальные знания.*

I.A. Nikiforova

General Legal Questions in Forensic Examination. Legal Examination (on the Example of Investigation of Budget Funds Misappropriation)

The article analyzes the existing approaches to two controversial issues of forensic examination: the possibility of an expert to be asked so-called «legal» questions, as well as the necessity of legal examination in the investigation of criminal cases. These issues are discussed with relation to investigation of budget funds misappropriation because which requires both specific economic knowledge and general legal knowledge. A conclusion is drawn for each of the above issues based on the scientific research.

***Keywords**: forensic examination, the budget funds misappropriation, general legal questions, legal examination, specific knowledge.*

Проблемы постановки перед экспертом правовых вопросов, а также возможности отнесения юридических знаний к специальным по смыслу, который вкладывает в понятие «специальных» знаний уголовно-процессуальное законодательство, вряд ли можно отнести к новым. Как правило, в связи с данной дискуссией ученые цитируют слова одного из самых известных российских криминалистов середины XIX – начала XX вв. И.Я. Фойницкого, писавшего о том, что «решение посредством экспертизы правовых вопросов является «коренным извращением судебной экспертизы»[1]. Вышеуказанную точку зрения по вопросу можно было считать основной вплоть до 90-х годов XX века: аналогичная по сути позиция высказывалась в работах профессора Л.Е. Владимирова, М.С. Строговича, А. Эйсмана и многих других известных ученых своего времени[2].

К числу ключевых документов, определивших правоприменительную практику назначения судебных экспертиз, стало постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.03.1971 № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам», в соответствии с пунктом 11 которого «судам надлежит учитывать, что вопросы, поставленные перед экспертом, и его заключение по ним не могут выходить за пределы специальных познаний лица, которому поручено проведение экспертизы (ст. 78 УПК РСФСР и соответствующие

[1] И.А. Фойницкий. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 2. СПб., 1996. С. 338

[2] См.: Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 235, М.С. Строгович. Материальная истина и судебные доказательства в уголовном судопроизводстве. М., 1955. С. 327, А.А. Эйсман. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М., 1967. С. 89 и др.

статьи УПК других союзных республик). Суды не должны допускать постановку перед экспертом правовых вопросов, как не входящих в его компетенцию (например, имело ли место хищение либо недостача, убийство или самоубийство и т. п.).».

Начиная с 90-х годов XX столетия до настоящего времени наблюдается всплеск интереса в данной проблематике и, как следует отметить, все больше ученых склоняется к возможности постановки перед экспертом правовых вопросов. Данная точка зрения нашла отражение в работах Н. Громова, В. Балакшина, Л. Гаухмана, А. Кудрявцевой и др[1]. По нашему мнению, изменение позиции по данному вопросу в ученых кругах – своего рода уникальное явление, требующее уделить ему особое внимание, так как законодательных предпосылок к нему фактически не наблюдается: нормы УПК РФ в этом вопросе по содержанию практически повторяют положения ранее действовавшего УПК РСФСР, Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 также формулирует суждение о том, что постановка перед экспертом правовых вопросов не допускается, вместе с тем, с оговоркой «если эти вопросы связаны с оценкой деяния и относятся к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, что имело место - убийство или самоубийство).».

Отправной точкой для наших рассуждений по вопросу о возможности (невозможности) постановки перед экспертом правовых вопросов является точка зрения В. Балакшина, согласно которой если при расследовании и рассмотрении дела возникает необходимость исследования пограничных вопросов, например, таких, которые находятся на стыке права и экономики, правовых и экологических, правовых и кредитно-финансовых отношений, то назначение и производство соответствующей экспертизы не должно вызывать сомнений[2]. Раскроем содержание данной точки зрения на примере назначения экспертизы по делам о нецелевом расходовании бюджетных средств (статья 285.1 УК РФ).

Судебная экспертиза при расследовании нецелевого расходования бюджетных средств наиболее часто назначается, когда:

- имеются противоречия между выводами ревизии и материалами дела;
- имеются противоречия между выводами первоначальной и повторной ревизий;
- ревизор не принял к учету предъявленные должностными и материально ответственными лицами документы;
- отсутствует документальное подтверждение выводов ревизора о недостаче, которая не дифференцирована по материально ответственным лицам;
- ревизия проведена без участия должностных и материально ответственных лиц или в неполном объеме: без освещения отдельных эпизодов преступной деятельности, без использования черновых записей, изъятых у должностных лиц;
- возникло сомнение в правильности исчисления размера ущерба или когда применяемые ревизором методы определения ущерба вызывают сомнения;
- имеются обоснованные ходатайства подозреваемого (обвиняемого), оспаривающего выводы ревизии;
- такая необходимость вытекает из заключения эксперта другой специальности[3].

---

[1] См.: Громов Н., Смородинова А., Соловьев В. Заключения эксперта: от мнения правоведа до выводов медика (обзор практики). // Российская юстиция, 1998, № 8, Балакшин В. Заключение эксперта как средство доказывания по уголовному делу. // Законность, 1999, № 1, Гаухман Л. Нужна правовая экспертиза по уголовным делам. // Законность, 2000, № 4, Кудрявцева А. Доказательственное значение «правовых» экспертиз в уголовном процесс. // Российская юстиция, 2003, № 1. С. 36 и др.

[2] Балакшин В. Указ. соч. С. 38.

[3] Зырянова Т.В., Полухина А.Л. Бухгалтерская экспертиза как вид экономических экспертиз // Международный бухгалтерский учет, 2011, № 48. С. 26.

В рамках назначения судебных экспертиз по данной категории дел актуальной является проблема отнесения тех или иных вопросов к категории «правовых», так как законодательно данный институт не урегулирован.

При назначении экспертизы по делам о нецелевом расходовании бюджетных средств, следователем перед экспертом могут быть поставлены следующие вопросы диагностического характера:

- Имеются ли расхождения между первичными документами, регистрами бюджетного учета, данными бюджетной отчетности в отношении одной и той же финансово-хозяйственной операции? В случае наличия расхождений, в чем они выражаются и каковы их последствия?

- Корректно ли произведено документальное оформление расчетно-платежной операции?

- Надлежащим ли образом осуществлялось ведение бюджетного (бухгалтерского) учета в организации и обеспечивает ли действующий порядок (учетная политика организации) возможность осуществления контроля над поступлением и движением денежных средств и материальных ценностей?

Применительно к сфере экономики следует отметить, что наиболее значимые экономические отношения урегулированы соответствующими правовыми нормами: законодательными и подзаконными актами. В частности, анализ деятельности организации-бюджетополучателя в сфере исполнения бюджета по расходам нельзя признать исключительно экономическим, так как в целом соответствующая деятельность урегулирована нормами права. Констатируя факт совершения расчетно-платежной операции, сопоставляя цели финансирования и фактическое направление расходования бюджетных средств, эксперт наряду с экономической, неизбежно дает и правовую оценку соответствующим фактам: осуществляется анализ положений закона (решения) о бюджете, бухгалтерского учета, указаний о порядке применения бюджетной классификации и т. д. Исключительно экономическая оценка соответствующих фактов лишена практической ценности для расследования нецелевого расходования бюджетных средств.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что к числу правовых вопросов, постановка которых перед экспертом незаконна, следует относить вопросы, которые непосредственно касаются квалификации деяния в качестве преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена статьей 285.1 УК РФ, наличия всех элементов его состава, достоверности, допустимости, относимости, а также достаточности доказательств, имеющихся в уголовном деле и т. д.

В настоящее время, в развитие темы о возможности постановки перед экспертом правовых вопросов, как правило, ученые склоняются к выводу о необходимости появления нового вида судебных экспертиз – правовых. По нашему мнению, данная точка зрения является весьма спорной. Как представляется, приведенный пример по вопросу назначения судебных экспертиз в рамках расследования уголовных дел о нецелевом расходовании бюджетных средств не подтверждает данную точку зрения. Если следовать умозаключению о том, что к виду правовых экспертиз следует относить экспертизы, в рамках которых ставятся вопросы правового характера, то в данный вид экспертиз с большой долей вероятности будут включены все виды экономических экспертиз, отдельные виды технических, медицинских экспертиз и т. д. Данное обстоятельство обусловливает необходимость пересмотра всей системы судебных экспертиз, что, как нам представляется, в данной конкретной ситуации необоснованно. К примеру, говоря об экономической деятельности, можно сказать, что «экономическая деятельность представляет собой один из видов деятельности общества, урегулированной правовыми нор-

мами…». Таким образом, мы подчеркиваем то, что содержание деятельности первично по отношению к ее регулированию. Таким образом, в настоящее время, классификация видов судебных экспертиз так же основана в целом на первичных по отношению к правовому регулированию основаниях.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что в настоящее время отсутствует полный запрет на постановку правовых вопросов перед экспертом, как следствие, грамотно формулировать данные вопросы возможно и в рамках существующих видов экспертиз, без глобального и, как представляется, необоснованного пересмотра основных институтов данной правовой сферы.

Л.Ф. Парамонова

Статус экспертизы, проводимой по запросу адвоката (по УПК РК): постановка проблемы

В статье проанализированы термины и определения, которые используются в научной литературе и законодательных актах для определения экспертизы, проводимой по запросу адвоката. Сделан вывод о необходимости проведения комплексного исследования данной проблемы.

***Ключевые слова**: судебная экспертиза, заключение эксперта, адвокатский запрос о даче экспертного заключения.*

L.F. Paramonova

Status examination held for lawyer (under the criminal procedure code of the republic of Kazakhstan): problem

The article analyzes the terms and determining used in the scientific literature and legislation to determine the examination carried out at the request of a lawyer. The conclusion about the need for a comprehensive study of the issue.

***Keywords**: forensics, expert opinion, attorney's request for giving an expert opinion.*

В судебной экспертологии, как и в любой отрасли знания, одним из краеугольных камней является терминологический аппарат, поэтому упорядочение терминологии, ее систематизация и унификация – одна из задач общей теории судебной экспертизы[1]. Следует согласиться с мнением Н.П. Яблокова и А.Ю. Головина о том, что «любой вновь появляющийся термин требует серьезного научного анализа и обсуждения»[2], в том числе, на предмет его соотносимости, согласованности с уже используемыми понятиями как в нормативных правовых актах, регламентирующих судебно-экспертную деятельность (далее – СЭД), так и в научной литературе. С другой стороны, реалии нового времени требуют внесения дополнений, изменений в теорию судебной экспертизы и расширения понятийного аппарата.

С появлением в Уголовно-процессуальном кодексе РК блока норм, регламентирующих порядок производства экспертиз на договорной основе по адвокатскому запросу, возник вопрос о статусе проводимой экспертизы: является ли она судебной; если не является, то как называется такое исследование? В кодексе нет однозначного ответа на

---

[1] Теория судебной экспертизы: учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. С. 56.

[2] Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа и система. М.: Юристъ, 2005. С. 134.

эти вопросы, так как в одних нормах указано, что эксперт на основании адвокатского запроса дает заключение эксперта (п.5 ч.3 ст.70, ч.8 ст.272 УПК РК), в то же время в норме, регламентирующей содержание заключения эксперта, адвокатский запрос как основание для проведения экспертизы вообще не упоминается (ч.2 ст. 283 УПК РК).

В казахстанском законодательстве под судебной экспертизой понимается «исследование материалов уголовного, гражданского дела или дела об административном правонарушении, проводимое на основе специальных научных знаний в целях установления обстоятельств, имеющих значение для его разрешения» (п.7 ст.1 Закона РК о СЭД)[1].

Определение этого термина встречается во многих научных и учебных изданиях, большинство авторов сходится во мнении, что судебную экспертизу можно определить как процессуальное действие, основное содержание которого составляет производимое по заданию суда, судьи, органа дознания, дознавателя, следователя или прокурора специально назначенным лицом – экспертом – и в определенном законом порядке исследование с использованием специальных знаний в целях установления обстоятельств (фактов), имеющих значение для дела, ход и результаты которого фиксируются в особом документе – заключении эксперта, являющимся самостоятельным видом доказательств[2]. Данное определение практически полностью совпадает с определением в действующем отраслевом законе Российской Федерации (ст. 9)[3] и новом законопроекте[4].

В Законе РК о СЭД не регламентирован порядок производства и оплаты экспертных исследований для физических и юридических лиц. В ст.37 ФЗ о СЭД указано, что «государственные судебно-экспертные учреждения вправе проводить на договорной основе экспертные исследования для граждан и юридических лиц, требующие использования специальных знаний», в статье 30 нового законопроекта имеется аналогичная норма как для государственных, так и негосударственных судебно-экспертных учреждений.

В Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации №23 от 4 апреля 2014 г. «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» в п.13 указано, что «заключение эксперта, полученное по результатам проведения внесудебной экспертизы, не может признаваться экспертным заключением по рассматриваемому делу. Такое заключение может быть признано судом иным документом, допускаемым в качестве доказательства в соответствии со статьей 89 АПК РФ»[5]. Таким образом, российский законодатель для определения исследования, проведенного экспертом по инициативе участника процесса на договорной основе, использует такие термины как «экспертное исследование», «внесудебная экспертиза» и определяет их процессуальный статус – «иной документ».

В научной литературе, на сайтах, посвященных организации и производству экспертиз, назначаемых на договорной основе участниками процесса, используются такие

---

[1] Закон РК от 20 января 201 0 года № 240-IV «О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан» (по состоянию на 01.01.2015г.) // Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000240 (дата обращения - 09 октября 2015г.)

[2] Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. Научное издание. М., 2005. С. 12; Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 29.

[3] Федеральный закон от 31 мая 200 1 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Режим доступа: http://base.garant.ru/12123142/1/#friends#ixzz3nkvVMYam (дата обращения - 09 октября 2015г.)

[4] О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Проект Федерального закона (подготовлен Минюстом России) // Режим доступа: www.consultant.ru (дата обращения - 09 октября 2015г.)

[5] Постановление Пленума ВАС Российской Федерации №23 от 4 апреля 201 4 г. «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Режим доступа: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/107383.html (дата обращения - 09 октября 2015г.)

термины как «досудебные», «несудебные», «независимые», «альтернативные», «частные» экспертизы, «контрэкспертизы»[1], «внесудебные исследования», а также всевозможные комбинации из этих терминов.

Г.Т. Алаева, анализируя процесс реформирования судебно-экспертной системы в Республике Казахстан, использует термин «альтернативная (негосударственная) судебная экспертиза»[2]. Как следует из контекста, речь идет о возможностях производства судебных экспертиз, выполняемых лицензиатами в рамках уголовного, гражданского и административного процесса.

Во многих научных работах, в Интернет-пространстве можно найти ссылки на авторитетное мнение Е.Р. Россинской, согласно которым для таких экспертиз указанным автором был предложен термин «альтернативные экспертизы». Обращение к первоисточнику (статье, написанной в 2006 году в соавторстве с Е.И. Галяшиной), а также к другим совместным работам[3], позволяет сделать предположение, что авторы подразумевали совсем иное, да и использован был другой термин. Считаем необходимым привести цитату из раздела данной статьи, в котором обсуждаются гарантии обеспечения независимости судебного эксперта от органа или лица, назначившего экспертизу, а также от других лиц, заинтересованных в исходе дела: «Думается, что некорректно называть судебные экспертизы, проводимые в негосударственных экспертных учреждениях независимыми, а частных экспертов независимыми экспертами, поскольку отсюда следует, что в государственных экспертных учреждениях выполняют «зависимые» экспертизы. Как нам представляется, выход не в обеспечении полной независимости эксперта, которая, как и любая абстракция, в условиях реального социума недостижима, хотя к ней, конечно, надо стремиться, а в возможности проведения альтернативных судебных экспертиз, в конкуренции государственных и негосударственных экспертных учреждений»[4]. Полагаем, что в данном контексте речь идет о возможности проведения по ходатайству стороны на договорной основе в рамках уголовного, гражданского, арбитражного процесса повторных, дополнительных экспертиз судебными экспертами других экспертных учреждений, частными экспертами, на что указывает используемый термин «альтернативная судебная экспертиза».

Ю.К. Орлов, рассматривая проблему соотношения судебной экспертизы с другими формами использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, использует термин «частная несудебная экспертиза» и указывает, что такая экспертиза проводится на договорной основе, как правило в каком-либо судебно-экспертном учреждении по запросу физических или юридических лиц[5]. Результаты могут быть оформлены как заключение, акт экспертизы и пр.

А.Н. Петрухина предлагает другой термин: «частная (альтернативная) экспертиза – разновидность несудебной экспертизы, проводимой на договорной основе, которую можно провести как в государственном, так и в негосударственном учреждении. В уста-

---

[1] Вопрос о необходимости предоставления стороне защиты права на контрэкспертизу обсуждался участниками Круглого стола «Состязательность при назначении и производстве экспертиз в уголовном судопроизводстве» (г. Екатеринбург, 2 февраля 2007 г.) // Российский юридический журнал. 2007. №3. С. 118-120.

[2] Алаева Г.Т. Вопросы организации альтернативной (негосударственной) судебной экспертизы в Республике Казахстан // Мат-лы V Межд. науч.-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». М., 2015. С. 28.

[3] См., например: Теория судебной экспертизы: учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. С. 154.

[4] Галяшина Е.И., Россинская Е.Р. Законодательство о судебной экспертизе и пути его совершенствования / Lex Russica (Научные труды МГЮА). 2006. № 6. С. 1046.

[5] Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. Научное издание. М., 2005. С. 39-43.

вах последних предусматривается производство экспертных исследований по обращениям частных лиц»[1].

В.И. Внуков и Е.А. Зайцева в монографии, посвященной особенностям назначения, производства и использования результатов независимых экспертиз при расследовании преступлений, обосновывают тезис о предпочтительности употребления термина «альтернативная экспертиза» вместо термина «независимая экспертиза» как более емкого и логичного понятия (в нем содержится указание на возможность выбора, при этом отсутствует скрытое обвинение иных экспертов в какой-либо зависимости)[2]. К условиями признания судебной экспертизы независимой в уголовном судопроизводстве авторы относят: наличие ходатайства сторон о проведении независимой экспертизы вне структуры органа, производящего расследование; удовлетворение этого ходатайства органом расследования или судом и назначение ими экспертизы другому государственному ведомству, либо специалистам, работающим в других ведомствах, в функции которых не входит осуществление государственной судебно-экспертной деятельности, либо негосударственным специализированным экспертным учреждениям; либо частному эксперту, имеющему лицензию (или сертификат установленного образца) на право производства соответствующего исследования[3].

В монографии, выпущенной два года спустя и посвященной вопросам развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства, Е.А. Зайцева неоднократно обращается к вопросам процессуальной регламентации, организации и производства таких экспертиз, при этом автором используются следующие термины: «несудебная экспертиза», «альтернативная экспертиза», «независимая экспертиза»[4]. Несудебная экспертиза, по мнению Е.А. Зайцевой, - это проводимое без соблюдения установленных процессуальных правил исследование экспертом на основе специальных познаний и научно-обоснованной методики материальных объектов, явлений, процессов, содержащих информацию об обстоятельствах, имеющих значение для объективного установления тех или иных событий или фактов, осуществляемое на договорной основе с участниками судопроизводства либо в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами, в случаях, установленных законодательством РФ или решениями Правительства РФ[5].

Анализируя возможные формы применения специальных знаний в непроцессуальной форме, Е.А. Зайцева указывает на возможность «проведения несудебных (в том числе, альтернативных или независимых) экспертиз»[6]. При этом возникает ряд вопросов, а именно: если такие экспертизы являются непроцессуальной формой применения специальных знаний, то как это соотносится с прежней позицией автора о том, что независимая экспертиза назначается органом, ведущим уголовный процесс, по ходатайству стороны защиты в иное экспертное учреждение и пр.; являются ли перечисленные в скобках термины обозначением типов, видов несудебных экспертиз; можно ли считать

---

[1] Петрухина А.Н. Оценка заключения эксперта в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 39-40.

[2] Внуков В.И., Зайцева Е.А. Независимая экспертиза в уголовном судопроизводстве России: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2008. С. 27.

[3] Внуков В.И., Зайцева Е.А. Указ. соч. С.32.

[4] Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: монография. М., 2010. С. 140, 157, 175, 225, 357-358, 372-373, 393, 405.

[5] Зайцева Е.А. Указ. соч. С. 372, 393.

[6] Зайцева Е.А. Указ. соч. С. 175. Согласно ч.1 ст. 23 Концептуальной модели Закона «О судебной экспертизе в РФ», предложенной автором, участники имеют право «ходатайствовать о производстве альтернативной экспертизы с приглашением собственного эксперта» и «обращаться в экспертные учреждения и к частным экспертам с просьбой о проведении несудебной экспертизы на договорной основе». С. 405.

термины «альтернативная» и «независимая» синонимами, если они перечислены через союз «или»?

Неоднократно обращаясь к вопросу о формах использования специальных знаний в судопроизводстве, О.Г. Дьяконова формулирует авторское определение понятия «несудебные экспертизы»[1] (близкое по смыслу определению Е.А. Зайцевой), используя наравне с этим термин «несудебная (альтернативная) экспертиза»[2]. В более поздней работе, классифицируя экспертизы в зависимости от субъекта, поручающего проведение экспертного исследования, полученного результата исследования и сферы его применения, О.Г. Дьяконова предлагает разделить экспертизы на следующие виды: судебные (в рамках судопроизводства), внесудебные (государственные, ведомственные и др.) и альтернативные (вид экспертизы, который может применяться как альтернатива экспертизе, назначаемый органами следствия и суда, государственными органами как в судопроизводстве, так и в иных сферах государственной или общественной деятельности)[3]. В этой же работе дано определение понятия «альтернативная экспертиза» – форма использования специальных знаний в судопроизводстве и иной юрисдикционной деятельности, состоящая в проведении исследования экспертом, применяющим специальные знания, и даче заключения по вопросам, поставленным перед ним лицами, имеющими юридическую заинтересованность в исходе дела, а также их представителями[4]. Неясно, какой из новых терминов («внесудебные экспертизы» либо «альтернативные экспертизы») заменил предложенный ранее термин «несудебные экспертизы», и каковы основания для такой замены?

Определенный интерес представлял анонсированный в начале 2015 года проект «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации», подготовленный нижегородской школой процессуалистов[5], в частности, нормы, регламентирующие проведение адвокатского расследования по собиранию оправдательных доказательств и опровержению доказательств обвинения. Однако, как признались сами авторы, обобщение передового правового опыта соседей было сведено к использованию «расковычинных цитат» из УПК различных государств, в том числе, Казахстана и Украины[6]. В итоге проект документа не согласован как в части используемой терминологии, так и в части регламентации отдельных процессуальных действий, отсутствует в проекте и ответ на вопрос о статусе экспертизы, проводимой по адвокатскому запросу.

Вышеприведенные примеры наглядно демонстрируют отсутствие на сегодняшний день четкой позиции ученых и законодателей о статусе экспертизы, проводимой на основании адвокатского запроса, поэтому необходимо найти термин и сформулировать определение, которое кратко, точно и ясно будет описывать данное понятие, однозначно

---

[1] Дьяконова О.Г. Процессуальная регламентация несудебной экспертизы // Режим доступа: http://www.juristlib.ru/book_10467.html (дата обращения - 09 октября 2015г.); Дьяконова О.Г. Актуальные вопросы использования экспертных знаний в уголовном судопроизводстве // В сб.: Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 414-419.

[2] Дьяконова О.Г. Актуальные вопросы использования экспертных знаний в уголовном судопроизводстве. С. 416, 418.

[3] Дьяконова О.Г. Регламентация альтернативной экспертизы в судопроизводстве // Мат-лы межд. науч.-прак. конф. «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе. Актуальные вопросы теории и практики судебной экспертизы» (г.Алматы, 15 окт. 2015г.). Астана, 2015. С. 119.

[4] Дьяконова О.Г. Указ. соч. С. 122.

[5] Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, С.А. Грачев, В.В. Терехин и др. // Режим доступа: http://www.iuaj.net/node/1766 (дата обращения - 09 октября 2015г.).

[6] Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А.С. Александрова. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 12-13.

характеризовать его в пределах общей теории судебной экспертизы и уголовного процесса[1]. Решение данной проблемы невозможно без доктринальных исследований природы экспертного исследования, проводимого в рамках уголовного процесса на основании запроса адвоката экспертом органа судебной экспертизы: является ли такое исследование результатом процессуального действия, т. е. судебной экспертизой, либо это иная экспертиза, которая относится к категории «иных документов»?

Е.Р. Россинская

Экспертиза в судопроизводстве – новая дисциплина юридического образования

В статье рассматриваются дидактические проблемы подготовки юристов, связанные с формированием в процессе обучения компетенций по использованию специальных знаний в гражданском, административном, уголовном судопроизводстве, производстве по делам об административных правонарушениях, для чего предлагается преподавание бакалаврам и магистрам курса «экспертиза в судопроизводстве».

***Ключевые слова**: специальные знания, судопроизводство, судебная экспертиза, компетенции юристов.*

E.R. Rossinskaya

Forensic expertise in the proceedings – a new discipline legal education

The article is about the didactic problems of the lawyers training related to the formation of competencies in use of special knowledge in civil, administrative, criminal proceedings, proceedings in cases of administrative offenses. Proposed teaching bachelors and masters courses «forensic expertise in the legal proceedings».

***Keywords**: special knowledge, legal proceedings, forensic expertise, competence of lawyers*

Дифференциация научного знания как один из атрибутов научно-технического прогресса привела в 90-е года XX века новой междисциплинарной теории – общей теории судебной экспертизы[2], являющейся комплексным научным отражением судебно-экспертной деятельности на основе представления о единстве интегрированной природы всех родов и видов судебных экспертиз.

Возрастание роли специальных знаний в судопроизводстве, развитие теории и практики судебной экспертизы обусловило необходимость переосмысления концепции общей теории судебной экспертизы как междисциплинарной теории и подняло ее до уровня полноценной науки _ судебной экспертологии, в рамках которой разрабатываются теоретические основы правового, организационного и методического обеспечения судебно-экспертной деятельности, в то время как процессуальные аспекты остаются в ведении наук процессуального права.

Предметом судебной экспертологии являются теоретические, правовые и организационные закономерности осуществления судебно-экспертной деятельности в

[1] Логика: учебник для юридических вузов / под ред. проф. В. И. Кириллова. М.: ТК Велби, Проспект, 2008. С. 34.

[2] Алиев И.А., Аверьянова Т.В. Концептуальные основы общей теории судебной экспертизы. Баку, 1992; Основы судебной экспертизы. Ч. 1. Общая теория. М., 1997; Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: Курс общей теории. М., 2006.

целом; закономерности возникновения, формирования и развития классов, родов и видов судебных экспертиз и их частных теорий на основе единой методологии, унифицированного понятийного аппарата и с учетом постоянного обновления и видоизменения судебно-экспертных знаний, и разрабатываемое на основе познания этих закономерностей единое правовое и организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности, единые для всех видов судопроизводства унифицированные экспертные технологии, стандарты экспертных компетенций и сертифицированных экспертных лабораторий[1].

Судебная экспертология, будучи наукой синтетической природы, возникла на основе закономерного процесса интеграции знаний различных наук. Ее междисциплинарный характер обусловлен тесной связью с естественными, техническими, юридическими и иными гуманитарными науками. Наиболее тесно судебная экспертология связана с криминалистикой.

Как известно, криминалистика – наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, о закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познаниях этих закономерностей средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений[2]. Объектами криминалистики является преступность, с одной стороны, предварительное расследование, судебное разбирательство и профилактика преступлений — с другой[3]. В свою очередь, судебная экспертология была определена нами выше через систему теоретических, правовых и организационных закономерностей осуществления судебно-экспертной деятельности в целом т. е. как комплексное научное отражение судебно-экспертной деятельности.

Анализ этих определений показывает, что основанием разграничения двух родственных, но самостоятельных наук является различие их целей и функций. Предмет судебной экспертологии — закономерности судебно-экспертной деятельности как единого целого. Предметом же криминалистики, исходя из приведенного выше определения, служат в том числе закономерности деятельности по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств. Вместе с тем частично предметы двух этих наук перекрываются, поскольку очевидно, что исследование доказательств происходит в том числе в ходе производства судебных экспертиз.

Вспомним, что прообразом судебной экспертологии была теория криминалистической экспертизы, которая в настоящее время может рассматриваться как составная часть этой науки. Однако судебной экспертизе давно уже тесно в рамках криминалистической науки. В то же время судебная экспертология представляет собой фундамент для формирования теоретических основ различных родов и видов экспертиз и основывается на единстве интегрированной природы всех родов и видов судебных экспертиз.

В современной криминалистике нет места общетеоретическим проблемам судебной экспертизы, о чем писал еще Р. С. Белкин[4]. Более того, отрывочное изложение начал судебной экспертизы, которое сегодня имеет место в некоторых учебниках по криминалистике, во-первых, не раскрывает всех возможностей судебных экспертиз, во-вторых, тормозит развитие самой судебной экспертизы[5].

---

[1] Россинская Е.Р. Современные представления о предмете и системе судебной экспертологии //Lex Russica, №4, 2013. С.421-428.
[2]См.: Криминалистика: Учебник для вузов. 4-е изд. М., 2015. С. 56.
[3]См.: Криминалистика: Учебник для вузов. 4-е изд. С. 47.
[4]См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. М., 2001. С. 152.
[5]См.: Курс криминалистики. Общая часть / Отв. ред. В. Е. Корноухов. М., 2000. С 18.

К сожалению, судебная экспертология – это «terra incognita» для следователей, судей, адвокатов и других юристов-практиков, хотя ее изучение напрямую обусловливает формирование профессиональных компетенций юристов, связанных с возможностями специальных знаний при собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств в судопроизводстве.

Многие годы возможности судебных экспертиз и особенности их назначения и использования результатов в доказывании изучались в курсе криминалистики. Однако внимание уделялось в основном криминалистическим экспертизам в уголовном судопроизводстве. Но в современных социально-экономических условиях роль специальных знаний существенно возрастает именно в гражданском и арбитражном, а с вступлением в силу Кодекса административного судопроизводства РФ (КАС) и в административном процессе. Это связано с необходимостью объективизации процесса доказывания, обеспечения защиты имущественных и неимущественных прав и законных интересов личности, а также с возможностью использования в доказывании все новых и новых достижений современной науки.

Основной процессуальной формой использования специальных знаний в судопроизводстве является судебная экспертиза, но бакалавры - выпускники юридических вузов часто не имеют никакого представления о современных возможностях таких весьма актуальных классов и родов судебных экспертиз как: судебно-экономические, компьютерно-технические, экологические, инженерно-технические, лингвистические и другие; не знают, как оценить компетенцию эксперта, не могут правильно сформулировать вопросы на его разрешение, не говоря уже о вдумчивой и квалифицированной оценке экспертного заключения.

Другой процессуальной формой использования специальных знаний в судопроизводстве является консультация специалиста (показания, заключение). При преподавании процессуальных дисциплин вопросы, связанные с процессуальным статусом специалиста, затрагиваются, но содержательно-информативная сторона этих консультаций (показаний, заключений), особенности следственных и судебных ситуаций, когда помощь специалиста необходима следователю, сторонам и суду, не получают достаточного освещения.

Как следует из п.4. 1 Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»)[1], область профессиональной деятельности бакалавров включает, в том числе, обеспечение законности и правопорядка. Бакалавр по направлению подготовки 40.03.01 готовится к правоприменительной и правоохранительной профессиональной деятельности.

Формирование ряда профессиональных компетенций юриста (реализация в своей профессиональной деятельности норм материального и процессуального права; владение навыками подготовки юридических документов; выполнение должностных обязанностей по обеспечению законности и правопорядка, безопасности личности, общества, государства; способности выявлять, пресекать, раскрывать и расследовать преступления и иные правонарушения, а также выявлять и давать оценку коррупциогенным факторам в нормативных актах и иной документации) невозможно без изучения современных возможностей использования специальных знаний.

Если более детально рассмотреть структуру базовой части профессионального цикла бакалавра юриспруденции, можно заключить, что обучающийся должен:

---

[1] Утв. Приказом Минобрнауки РФ от 4 мая 2010 г. № 464) с изм. и доп. и Приказом Минобрнауки России от 12.09.2013 № 1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования».

Иметь представление:

о правовых статусах субъектов, использующих специальные знания в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессах, производстве по делам об административных правонарушениях;

о задачах применения специальных знаний по различным категориям гражданских, административных и уголовных дел, дел об административных правонарушениях

Уметь:

правильно ставить вопросы, подлежащие разрешению, при назначении судебных экспертиз;

анализировать и правильно оценивать содержание заключений и показаний эксперта;

использовать результаты судебных экспертиз в процессе доказывания по делам различных категорий;

пользоваться помощью специалиста в процессуальной и непроцессуальной форме в различных видах судопроизводства.

В связи с вышеизложенным в вариативную часть основной образовательной программы подготовки бакалавров по направлению «юриспруденция» в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) по нашему предложению введена дисциплина «Экспертиза в судопроизводстве». Кроме того, в ряде вузов студентам читаются учебные курсы, связанные с использованием специальных знаний в судопроизводстве, например, на Юридическом факультете Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, в Уральской государственной юридической академии, Саратовской государственной юридической академии и др.

Рекомендация вузам о необходимости введения подобных курсов была принята в 2014 г. Учебно-методическим объединением по юридическому образованию вузов Российской Федерации после доклада Учебно-методической Комиссии по подготовке юридических кадров в области судебной экспертизы УМО, которая провела мониторинг объема и содержания учебных курсов, связанных с использованием специальных знаний в правоприменительной и правоохранительной деятельности и указала на необходимость выработки унифицированных научных и методических подходов к преподаванию данных учебных дисциплин. По результатам работы Комиссии было определено ***целевое значение курса*** «Экспертиза в судопроизводстве», которое состоит в формировании у студентов-юристов целостного представления:

об особенностях использования специальных знаний в различных видах судопроизводства;

о современных возможностях судебных экспертиз в решении разнообразных вопросов, возникающих при расследовании и судебном разбирательстве;

об особенностях назначения экспертиз и критериях оценки заключений экспертов;

об особенностях использования специальных знаний специалиста при расследовании преступлений, судебном рассмотрении уголовных и гражданских дел, как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах.

Задачами курса являются:

формирование у студентов системы знаний о предмете, задачах и объектах судебной экспертизы;

изучение классификации судебных экспертиз и решаемых задач; основ экспертных технологий; заключения эксперта и особенностей его оценки;

изучение возможностей основных классов судебных экспертиз;

формирование у студентов навыков постановки вопросов перед экспертами разных специальностей и умений в определении направлений использования заключения эксперта;

формирование навыков использования помощи специалиста в уголовном, гражданском и арбитражном процессе.

Лекционные занятия по курсу проводятся в интерактивной форме с демонстрацией презентаций и фрагментов видеороликов о современных возможностях судебных экспертиз, новых экспертных технологиях и методиках экспертного исследования.

Однако основу обучения составляют практические занятия, при проведении которых активно используется кейсовый метод.

Примером такого практического занятия может быть кейс по назначению судебной экспертизы в гражданском процессе, оглашение заключения, дача экспертом показаний по заключению и оценка заключения с выявлением допущенных ошибок. Материалы кейса составляют судебные ситуации, разрешение которых требует назначения экспертизы, и заранее подготовленные заключения судебных экспертиз, соответствующие этим ситуациям. Студенты разбиваются на малые группы, в которые входят судья, истец и ответчик, эксперт и специалист. Судья в группе является модератором и выбирается группой. Все малые группы работают одновременно над одним и тем же разделом кейса, конкурируя между собой в поиске наиболее оптимального решения. В результате первой части занятия должны быть созданы определения суда о назначении экспертиз. Во второй части происходит оценка заранее подготовленного заключения эксперта, получение показаний экспертов, консультаций специалистов и выявление экспертных ошибок. Итогом занятия является обсуждение вопроса о признании или непризнании данного заключения допустимым доказательством.

Отработка описанных выше профессиональных навыков и умений может также происходить в юридической клинике при консультировании населения по вопросам использования различных специальных знаний.

По рекомендации комиссии Е.Р. Россинской и А.М. Зининым подготовлен учебник по курсу «Экспертиза в судопроизводстве»[1], с грифом УМО по юридическому образованию вузов Российской Федерации.

Другое направление формирования профессиональных компетенций юриста по использованию специальных знаний в судопроизводстве – это магистерские программы, целью которых является фундаментальная подготовка магистрантов права, обладающих углубленной комплексной компетенцией в области юриспруденции и какого-то отдельного вида специальных знаний. Освоение подобных магистерских программ позволяет магистрантам сформировать экспертно-ориентированное мышление юриста (правоведа), что необходимо как в законодательной, так и правоприменительной или правозащитной деятельности. Контроль качества обучения предполагает проведение тестирований, коллоквиумов, подготовка рефератов и компьютерных презентаций.

В ходе обучения применяются современных практически ориентированных методики с использованием деловых игр и мастер-классов ведущих специалистов и экспертов в области теории и практики судебной экспертизы, а также с применением кейс-метода на базе автоматизированных рабочих мест судебного эксперта, имеющихся в Университете имени О. Е. Кутафина.

[1] Россинская Е.Р., Зинин А. М. Экспертиза в судопроизводстве: учебник для бакалавров / под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Проспект, 2016, 336 с.

Е.В. Селина

Заключение специалиста по уголовному делу: вопросы применения современной криминалистики

В статье рассмотрен новейший вид доказательств – заключение и показания специалиста – применительно к возможностям современной криминалистики. Методологически, заключение эксперта, основанное на содержании документов (материалов дела), равнозначно заключению специалиста, основанному на копиях материалов уголовного дела. Специалист, приглашенный защитником для изучения материалов уголовного дела, может провести краткое исследование при помощи переносного оборудования, если это не повредит изучаемым материалам.

***Ключевые слова**: специалист, заключение, обследование, исследование, адвокат, суд, следователь*

E.V. Selina

Conclusion of specialist in criminal business: questions of application of actual criminalistics

In the article the newest type of proofs is considered is a conclusion and testimonies of specialist - as it applies to possibilities of modern criminalistics. Methodologically, conclusion of expert, based on maintenance of documents (business materials), interchangebly to the conclusion of specialist, based on the copies of materials of criminal case. The specialist invited by a defender for the study of materials of criminal case can undertake a short study through a portable equipment, if it will not injure to the studied materials.

***Keywords**: specialist, conclusion, inspection, research, advocate, court, investigator*

Заключение и показания специалиста по уголовному делу – новейший вид доказательств, дополнивший их традиционно консервативный перечень в 2003 году. Цель дополнения закона данным доказательством никогда не вызывала дискуссий: необходимо расширение возможностей стороны защиты в состязательном процессе, и особенно – предоставление ей права на поисковые действия, альтернативные проведению судебной экспертизы. Но, строго говоря, экспертиза защитнику не доступна. Методологически сферы получения заключений экспертов и специалистов совпадают лишь отчасти, причем – в небольшой части. В случае такого совпадения на первый план выходит неполнота возможностей, которыми обладает специалист по сравнению с экспертом.

Понятие «экспертное исследование»[1] включает в себя предметную деятельность, в ходе которой можно, так сказать, «потрогать вещь руками, разобрать ее, проникнуть в недоступное глазу», исследовать объекты с применением оборудования или, например, реактивов. Специалист отвечает на поставленные перед ним вопросы, то есть мысленно анализирует фактические положения, включенные в вопрос, и подводит их под известные в своей области специальных знаний закономерности и научные положения. Однако ничто не мешает специалисту, приглашенному защитником, отталкиваясь от вопроса, анализировать данные, которые стали широко известными, например, опубликованными

[1] В этом смысле о понятии «экспертное исследование» см.: Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М., 1966, с. 52. За экспертизой в законе был закреплен термин «исследование», но в новой процедуре дознания в сокращенной форме этот термин используется и для обозначения результатов деятельности специалиста, составившего свое заключение. Закон тем самым соединил теоретическое понятие «предварительное исследование», предваряющее экспертизу (ранее считалось, что оно завершается «справкой об исследовании»), и термин «заключение специалиста». Однако первоначальное значение понятия «заключение специалиста» было тем самым размыто.

в сети Интернет (для авторoведческой экспертизы). Специалисту, приглашенному защитником, могут быть доступны и другие объекты обследования. Это может быть, так сказать, «открытое место» – фасад здания, проезжая часть, поле, лес (почва, растения) и т. п.

Цель введения в закон нового вида доказательств – максимально наделить защитника полномочиями, по возможности равными централизованному назначению судебной экспертизы. Защитнику доступны копии материалов уголовного дела, которые он вправе снимать при ознакомлении с этими материалами. Поэтому, в первую очередь, заключение специалиста – это заключение по копиям материалов дела, методологически равнозначное заключению эксперта, составленному также исключительно по содержанию материалов уголовного дела (которые согласно требованиям закона представляются для экспертного исследования в виде копий или выписок). Но, к примеру, следующий случай из апелляционной практики Верховного Суда РФ показывает недостаточность названного критерия.

«В суде защитник привел доводы о том, что фамилия следователя Л-ва была допечатана в постановление о расследовании данного дела следственной группой намного позже, чем это постановление было вынесено и о признании на этом основании недопустимыми доказательствами всех доказательств, полученных с участием следователя Л-ва.

Судом исследовалось представленное адвокатом, составленное по его заказу заключение специалиста, допрошены в качестве свидетелей следователь Л-в и следователь Ш-в, являвшийся руководителем следственной группы, об обстоятельствах создания следственной группы и участия в ней следователя Л-ва. Исследовано оспариваемое постановление, в котором следователь Л-в указан как входящий в следственную группу, аналогичное постановление, содержавшееся в надзорном производстве и представленное государственным обвинителем для сравнения, допрашивался следователь С-в, пояснивший, что указанное постановление находилось в деле в том виде, в каком оно и подшито в нем в настоящее время, а также о том, что копии материалов дела при ознакомлении с ним, защитники снимали на своём оборудовании без его участия.

Помимо этого, судом, по ходатайству адвоката с соблюдением требований закона была назначена судебно-техническая экспертиза указанного постановления. Согласно выводам эксперта, который допрошен в судебном заседании, им не установлено элементов допечатки в тексте постановления.

Убедительным признано судом мнение эксперта о том, что для ответа на вопрос имела ли место допечатка, выполненная в иное, чем остальной текст, время, светокопий документа недостаточно. Необходимо наличие оригинала этого документа. Ответ на вопрос о времени изготовления документов может быть дан в относительно короткий период времени после изготовления оригинала документа.

Выводы же специалиста, содержащиеся в соответствующем заключении, представленном стороной защиты, сделаны по светокопиям постановления, представленным специалисту стороной защиты, без исследования его подлинника. При этом с достоверностью не представляется судить об условиях и обстоятельствах изготовления указанных светокопий»[1].

В данном случае до назначения судебно-технической экспертизы интересующее адвоката постановление не являлось ни объектом сравнительного криминалистического исследования, ни вещественным доказательством, а значит – не подлежало особой упа-

[1] Апелляционное определение Верховного Суда РФ по уголовному дело№58-АПУ14-13 от 27 марта 201 4 г.

ковке и хранению в особом режиме, закрывающем доступ к нему сторонам, в том числе – защитнику. Защитник изучил его в ходе ознакомления с материалами дела.

«Дописка – это вид изменения первоначального содержания документа путем внесения в текст новых записей или отдельных письменных знаков, а иногда – отдельных штрихов, изменяющих смысл и значение написанного ранее. … В некоторых случаях дописка может быть установлена путем применения методики определения давности выполнения сравниваемых записей. Существует несколько методик определения времени выполнения записей пастами шариковых ручек, целесообразность применения каждой из которых зависит от типа пасты (состава по красителям и смолам), а также проверяемого периода»[1].

Допустим, защитник пригласил бы специалиста в суд для участия в ознакомлении с материалами уголовного дела, специалист мог бы составить свое мнение о возможностях судебной экспертизы, поскольку рассматривал бы не светокопии, а подлинник документа. Предоставляет ли современная криминалистика возможности для проведения экспресс-исследований? Средства современной криминалистической техники представлены высокотехничным, малогабаритным эффективным инновационным оборудованием, примером чему может служить переносной источник экспертного света («Projectina CSL-700 LED»).

Мысль об экспресс-исследовании как таковом была заложена в прежнем уголовно-процессуальном законе. Считалось, что в определенный момент судебного заседания эксперт выходит в соседнюю комнату, проводит исследование и возвращается в зал судебного заседания, где его ожидают участники этого заседания. С тех пор закон не содержит правил приостановления производства по уголовному делу в суде не период проведения экспертизы. Но такое приостановление производится в практике, поскольку в подавляющем большинстве экспертизы очень продолжительны. Однако действующий закон не учитывает (хотя бы в качестве исключения) возможностей экспресс-исследования.

В связи с этим следует отметить, что заключение специалиста отличается от экспертного заключения не ограничением сферы деятельности сведущего лица лишь копиями материалов дела (хотя это практически преимущественный, но не всеобъемлющий признак), а доступностью для защитника постановки задания (включая передачу исходных материалов) перед сведущим лицом.

Иными словами, по вопросам и материалам, по которым может быть дано заключение специалиста, всегда может быть дано заключение эксперта. Но далеко не по всем вопросам и материалам, по которым может быть дано заключение эксперта, может быть дано заключение специалиста. В отношении заключения специалиста как преимущественно интерпретирующего источника знаний менее вероятно, что оно будет отражать овеществленную информацию, но оно при этом также является самостоятельным источником доказательств. Виды доказательств отличаются между собой не по качеству достоверности информационного канала (которая не имеет степеней, а всегда должна быть абсолютной), а по отнесению к определенной сфере получения информации. В данном случае, заключение специалиста отличается лишь признаком доступности для собирания стороной защиты. И, следует признать, это единственный случай выделения вида доказательства по признаку, не имеющему гносеологического содержания: заключение специалиста введено в уголовный процесс с целью расширения возможностей стороны защиты по доказыванию в состязательном уголовном процессе. Отсюда все сложности, связанные с заключением специалиста.

---

[1] Яблоков Н. П. Криминалистика/отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. – М. Юрист, 2007. С. 331

Информационные сферы, которым соответствует получение заключений экспертов и специалистов, совпадают в малой части – в части так называемых экспертиз «по материалам дела», при этом материалы должны быть представлены копиями или выдержками из них, поскольку важно именно их текстовое содержание. Доступ к вещественным доказательствам для специалиста, приглашенного защитником, закрыт, поэтому в этом сегменте заключения экспертов и специалистов не сопоставимы. Защитник, как и следователь (дознаватель) в случаях необходимости в специальных познаниях, не требующих назначения судебной экспертизы, вправе:

1) пригласить специалиста;

2) проконсультироваться у сведущих лиц вне процессуальных действий и самостоятельно сослаться на обстоятельства, общеизвестные специалистам.

Думается, нет принципиальных ограничений для реализации еще одной возможности защитника, приглашающего специалиста, – приглашение его к ознакомлению с материалами дела в соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 53 УПК РФ с разрешения судьи. Как представляется, проведение экспресс-исследования на компактном оборудовании возможно с разрешения судьи в случаях, когда

а) возможно обойтись переносным компактным оборудованием, органолептическими методами, иными способами, не связанными с доставлением объекта обследования в лабораторию;

б) нет риска повреждения или уничтожения объектов исследования;

в) нет необходимости изъятия документа из подшивки в уголовном деле (в последнем случае возможны варианты получения разрешения в особо регламентированном порядке).

На предмет выполнения указанных пунктов суду может потребоваться консультация с другим сведущим лицом.

Л.Г. Шапиро

Актуальные проблемы использования показаний специалиста при расследовании преступлений и судебном разбирательстве уголовных дел

Статья посвящена проблемным вопросам использования показаний специалиста при расследовании преступлений и судебном разбирательстве уголовных дел. Автором выявлена специфика показаний специалиста, сформулирован ряд предложений по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства.

***Ключевые слова**: расследование преступлений, судебное разбирательство уголовных дел, показания специалиста, специальные знания, показания эксперта.*

L.G. Shapiro

Actual problems of the specialist testimony using in investigation of crimes and trial of criminal cases

Article is devoted to discussion questions of the specialist testimony using in the investigation of crimes and trial of criminal cases. The author reveals specific of specialist testimony, formulates proposals how to improve the Criminal Procedure Law.

***Keywords**: investigation of crimes, trial of criminal cases, specialist testimony, special knowledge, expert testimony.*

При расследовании преступлений показания специалиста являются эффективным средством получения криминалистически значимой информации (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Их использование объективно обеспечивает оперативное введение в уголовное судопроизводство научных данных, способствует получению этих данных различными участниками процессуальной деятельности, что служит одним из направлений реального обеспечения принципа состязательности.

Прежде всего, результаты допроса специалиста имеют познавательное значение для следователя, который, опираясь на полученную информацию в определенной области специальных знаний, может грамотно оценивать ситуации расследования и принимать по ним обоснованные решения.

Одно из безусловных достоинств допроса специалиста состоит в том, что он способствует экономии процессуальных средств, в ряде случаев позволяя существенно сократить время на поиск сведений о фактах, их материальных и идеальных носителях, избрать оптимальные приемы, методы и средства получения интересующей информации.

К сожалению, уже более 12 лет перед практическими работниками возникают проблемы практической реализации получения показаний специалиста. Эти проблемы обусловлены рядом факторов. Во-первых, законодатель, указав в ч. 4 ст. 80 УПК на то, что показаниями специалиста являются сообщенные им на допросе сведения, не урегулировал механизм такого допроса. Нами и другими авторами неоднократно высказывались предложения о необходимости закрепить в УПК РФ нормы, регламентирующие допрос специалиста на стадии предварительного расследования и судебного следствия, поскольку без соответствующего законодательного урегулирования данного института его производство неправомерно. Тем не менее, эта проблема до сих пор остается нерешенной на законодательном уровне.

Неудачную попытку ее разрешения предпринял Пленум Верховного Суда РФ, указав в п. 21 Постановления от 21 декабря 2010 г. №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», что специалист, участвовавший в производстве какого-либо следствен-

ного действия, при необходимости может быть допрошен в судебном заседании об обстоятельствах его производства в качестве свидетеля; показания специалиста, приглашенного сторонами, даются им по правилам, предусмотренным для допроса лица в качестве свидетеля. С такой позицией трудно согласиться, ибо очевидно различие процессуального статуса свидетеля и специалиста, что обусловливает различную сущность их показаний. Свидетель дает показания об известных ему обстоятельствах, имеющих значение для расследования и разрешения уголовного дела с учетом особенностей восприятия им информации, а показания специалиста, в первую очередь, основаны на имеющихся у него специальных знаниях и сформированном мнении по поставленным перед ним вопросам.

Другая проблема связана с тем, что носителями специальных знаний в уголовном судопроизводстве являются специалист и эксперт, поэтому важно четко представлять различие их показаний, что имеет не только теоретическое, но и практическое значение. При некотором сходстве показания специалиста и эксперта имеют существенные различия, обусловленные процессуальным положением допрашиваемых, предметом допроса и объемом сообщаемой информации.

Прежде всего, различно процессуальное положение эксперта и специалиста. Показания эксперта – это сведения, сообщаемые им на допросе, проведенном после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения (дополнения) данного заключения в соответствии с требованиями статей 205 и 282 УПК (согласно ч. 2 ст. 80 УПК РФ). Показания специалиста представляют собой сообщенные им на допросе сведения об обстоятельствах, требующих специальных знаний, а также разъяснения своего мнения в соответствии с требованиями статей 53, 168 и 271 УПК (ч. 4 ст. 80 УПК). Таким образом, специалист может быть допрошен по неопределенному кругу вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, в то время как эксперт допрашивается только по поводу сведений, содержащихся в его заключении.

Принципиальное отличие специалиста от эксперта состоит и в том, что специалист может быть привлечен для оказания помощи при отсутствии ранее данного заключения. Однако это не означает, что специалист не может быть допрошен по данному им заключению.

Особенность показаний специалиста состоит и в том, что он, в отличие от эксперта, предварительно с обстоятельствами преступления зачастую не знаком. При необходимости они могут быть доведены до него как до допроса, так и в процессе его производства. Такая необходимость, в частности, возникает, когда следователь вызывает на допрос специалиста-бухгалтера для выяснения вопросов о том, в каких бухгалтерских документах конкретной организации могут быть обнаружены следы преступного уклонения от уплаты какого-либо налога (НДС, налога на доходы физических лиц и пр.), совершенного определенным способом. Необходимость ознакомления специалиста с материалами уголовного дела обусловливается предметом его допроса и спецификой механизма совершенного преступления.

В связи с разъяснением Пленума Верховного Суда РФ о том, что специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами (п. 20 Постановления № 28), обострилась проблема разграничения показаний специалиста и его заключения. До появления этого не совсем удачного разъяснения, несмотря на острые дискуссии ученых, правоприменительная практика в принципе допускала возможность считать заключение специалиста результатом проведенного им исследования, если таковое проводилось. С учетом обозначенной позиции Пленума Верховного Суда РФ заключение специалиста, по существу, превратилось в показания специалиста, записанные им

собственноручно (письменную консультацию), однако следует учитывать, что письменное изложение каких-либо сведений - это средство их фиксации, которое суждением, как результатом мыслительной деятельности, не является.

В заключении специалиста, содержание которого составляет суждение, могут найти свое отражение результаты проведенного им исследования, определенной предварительной подготовки, необходимой для выработки какого-либо суждения. По определенным вопросам суждение может быть высказано на основе профессиональных знаний специалиста о закономерностях явлений, процессов и т. д., установленных соответствующей наукой. Очевидно, что в любом случае суждение является результатом мыслительной (познавательной) деятельности специалиста. Объекты, представленные специалисту для исследования при даче заключения, не должны требовать производства длительных и сложных лабораторных исследований.

Основное отличие заключения специалиста от его показаний как раз и состоит в том, что на допросе специалист может сообщить какие-либо сведения об обстоятельствах, требующих специальных знаний, и разъяснить свое мнение без предварительной мыслительной деятельности, анализа соответствующих источников, производства необходимых расчетов и т. д.

Можно выделить следующие поводы для допроса специалиста: возникновение у следователя (дознавателя или суда) необходимости в получении информации по специальным вопросам; ходатайство участников уголовно-процессуальной деятельности, наделенных полномочиями собирания доказательств (ст. 86 УПК РФ): защитника (п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК), подозреваемого (п. 5 ч. 4 ст. 46 УПК), обвиняемого (п. 5 ч. 4 ст. 47 УПК), потерпевшего (п. 5 ч. 2 ст. 42 УПК), гражданского истца (п. 4 ч. 4 ст. 44 УПК), их представителей (ч. 3 ст. 45 УПК), гражданского ответчика и его представителей (п. 8 ч. 2 ст. 54, ч. 2 ст. 55 УПК).

Суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон (ч. 4 ст. 271 УПК). Согласно п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 28 специалист может привлекаться для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда.

При поступлении жалоб на действия следователя, специалиста и других участников уголовного судопроизводства и соответствующих ходатайств возникает потребность в допросе специалиста, принимавшего участие в процессуальных действиях. Для допроса специалиста, участвовавшего в процессуальных действиях, характерно, что допрашиваемый располагает определенными сведениями, объем которых обусловливается информационной сущностью конкретного процессуального действия. Однако круг этих сведений всегда ограничен.

Предмет допроса этой группы специалистов обусловлен лишь деятельностью, связанной с содействием в обнаружении, закреплении, изъятии и сохранении следов и других объектов (предметов, документов), использованием технических средств в исследовании материалов уголовного дела, главным образом, путем осуществления предварительных исследований. Реже допрос направлен на выяснение обстоятельств, связанных с участием в таких процессуальных действиях, в ходе которых определялось экспертное задание и формулировались вопросы эксперту, а также с разъяснением сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Своеобразная ситуация возникает в тех случаях, когда в качестве специалиста для участия в процессуальных действиях привлекалось лицо, занимающее должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях и проводившее по делу экспертизу (п. 1 ч. 2 ст. 70 УПК РФ). В этих случаях определение правового статуса допра-

шиваемого осуществляется с учетом предмета допроса: связан ли допрос с участием в процессуальном действии или проведением экспертизы.

При возникновении необходимости допроса в связи с той или другой деятельностью должны быть проведены два допроса: специалиста и эксперта, предметом которых будет соответственно деятельность в качестве специалиста или эксперта. Одновременный допрос в качестве специалиста и эксперта недопустим, так как такой комбинированный вид допроса УПК не предусмотрен.

Несмотря на то, что согласно ч. 2 ст. 17 УПК никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, и в уголовном процессе недопустимо противопоставление доказательств по их значимости, тем не менее, полагаем, что недостатки заключения эксперта не могут быть устранены в результате получения сведений, сообщенных специалистом на допросе. В противном случае это неизбежно вызовет возражения у одной из сторон и заявление ходатайства о назначении соответствующей экспертизы (дополнительной, повторной и т. д.). В то же время сведения, сообщенные специалистом, могут явиться основанием для назначения судебной экспертизы.

По различным причинам допрашиваемый специалист может нуждаться в использовании различных информационных ресурсов, например, в ознакомлении с соответствующими документами, литературой (справочной, научной и т. д.), в производстве определенных расчетов, осмыслении интересующей расследование ситуации с позиций научных данных. В этих случаях по его ходатайству допрос может быть отложен, прерван либо прекращен. В двух последних случаях в протоколе допроса должны быть указаны причины принятого решения. Если допрос был прекращен, то в последующем проводится дополнительный допрос.

К сожалению, в практической деятельности органов предварительного расследования и суда, направленной на получение показаний специалиста, встречаются недостатки, обусловленные различными факторами. Зачастую на допросах специалисты излагают содержание ранее составленных им заключений, актов ревизий и иных проверок (соблюдения трудового законодательства, налоговых и т. п.) вместо того, чтобы изложить какие-либо новые сведения по вопросам, входящим в их профессиональную компетенцию, либо разъясняющие, уточняющие или дополняющие ранее данное заключение. При получении показаний у специалиста выясняются сведения, которые не связаны с его специальными знаниями, например, кто предоставлял специалисту копии необходимых бухгалтерских документов, были ли копии заверены и т. п.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 21 декабря 2010 г. №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» указал, что показания специалиста, как и его заключение, подлежат проверке и оценке по общим правилам, т. е., оценивается компетентность специалиста и его незаинтересованность в исходе дела, обоснованность суждений и др. (п. 20).

В заключение хотелось бы отметить, что в целях повышения качества расследования и судебного разбирательства уголовных дел законодателю необходимо как можно скорее обратить пристальное внимание на пробелы уголовно-процессуального законодательства в части правового регулирования института показаний специалиста и внести в него соответствующие коррективы.

VI. Криминалистическая тактика

Г.З. Адигамова, Л.Э. Адигамова

Технология следственного осмотра с использованием методов аналитической геометрии в современной криминалистике

В статье приведен анализ специальных криминалистических методов фиксации и описания расположения объекта – метода прямоугольных координат, метода засечек, метода создания искусственных координат. Владение навыками применения указанных методов требуется профессиональным стандартом «Следователь-криминалист», утвержденным Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ №183н от 23.03.2015 г.

***Ключевые слова**: профессиональный стандарт, метод прямоугольных координат, метод угловой и линейной засечки, метод создания искусственных координат*

G.Z. Adigamova L.E. Adigamova

Technology investigative examination using methods analytic geometry in modern criminology

The article analyzes the special forensic methods capture and describe the location of the object - the method of rectangular coordinates, serif method, a method of creating artificial origin. Possession of skills required to use these methods of professional standard "forensic investigator" approved Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation on 03.23.2015, the №183n

***Keywords**: professional standard method of rectangular coordinates, the method of angular and linear serifs, a method of creating artificial origin*

Актуальным направлением научных исследований в криминалистике, имеющих прикладное значение, является адаптация современных научно-технических достижений естественных и гуманитарных наук к насущным проблемам теории и практики раскрытия и расследования преступлений.

Способствует этому повышение требований, предъявляемых к профессиональной компетентности должностных лиц, осуществляющих расследование преступлений. 22 января 2013 года Постановлением Правительства РФ №23 утверждены «Правила разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов», в соответствии с которыми на Министерство труда и социальной защиты РФ возложена обязанность по координации разработки профессиональных стандартов.

22 марта 2015 года Приказом №183н Министерства труда и социальной защиты РФ утвержден первый в сфере уголовного судопроизводства профессиональный стандарт «Следователь-криминалист». Стандарт предусматривает: трудовые функции (функциональная карта профессиональной деятельности), требования к образованию, трудовые действия и значительный объем необходимых умений. Очевидно, что в ближайшей перспективе, аналогичные стандарты будут разработаны и введены в действие для следователей и дознавателей всех правоохранительных органов.

Среди необходимых умений, которыми должен владеть выпускник учебного заведения высшего образования по направлению подготовки «специалитет» и «магистратура», предусмотрено использование различных технико-криминалистических средств и

тактических приемов при производстве следственных действий. Особое внимание обратим на умения, указанные в Стандарте, которыми должен обладать следователь-криминалист, использовать методы фиксации и описания расположения объекта:

1) методом прямоугольных координат,

2) методом засечек,

3) методом создания искусственных координат.

Указанные методы прямоугольных координат, засечек широко распространены в топографической и геодезической подготовке объектов, в машиностроении. «Теодолитная съемка» или «съемка ситуации» - термины, широко используемые в инженерной геодезии, стали актуальными и для криминалистики. Результатом теодолитной съемки является контурный план местности. Данный вид съемки используется для фиксации четких контуров местности, например углов зданий, сооружений. В криминалистике метод теодолитной съемки актуален для точного описания местоположения объектов в протоколе и прилагаемом масштабном плане местности.

Предлагаем следующее определение «Теодолитный метод – это оптимальный способ фиксации и описания расположения объекта, основанный на методах аналитической геометрии, наиболее эффективный при производстве следственных действий:

- осмотра места происшествия,
- проверки показаний на месте,
- следственного эксперимента,
- обыска на открытой местности».

Теодолитный метод рекомендуется при производстве осмотра участков открытой местности, вне помещений и составления плана-схемы осмотра с использованием различных способов фиксации и описания расположения объекта. В аналитической геометрии точный план-схема с выверенными координатами объектов называется «абрис». Предлагаем, использовать данный термин «абрис» при обозначении точного плана-схемы с использованием теодолитного метода в криминалистике.

Выбор метода фиксации и описания объектов и окружающей обстановки зависит от особенностей участка местности, на котором производится следственное действие, наличия или отсутствия зданий, сооружений, масштаба.

Теодолитный метод предусматривает фиксацию и описание расположения объекта следующими способами:

1) способ прямоугольных координат;

2) метод засечек;

3) метод создания искусственных координат;

4) метод искусственных координат.

Впервые прямоугольную систему координат, как метод аналитической геометрии, разработал Рене Декарт и опубликовал в 1637 году в своей работе под псевдонимом Картезий (*Cartesius*) - «Рассуждение о методе». С тех пор, прямоугольную систему координат называют Декартова система координат либо Картезианова система координат[1].

Прямоугольная система координат - это прямолинейная система координат с взаимно перпендикулярными осями на плоскости или в пространстве. Каждая прямая обладает выбранным направлением и единицей длины. Прямоугольная система координат на плоскости образуется двумя взаимно перпендикулярными осями координат $X'X$ и $Y'Y$. Оси координат пересекаются в точке O, которая называется началом координат, на каждой оси выбрано положительное направление (см. рис. 1).

[1] Энциклопедия по машиностроению XXL // http://mash-xxl.info.

Положение точки A на плоскости определяется двумя координатами x и y Координата x равна длине отрезка OB, координата y — длине отрезка OC в выбранных единицах измерения. Отрезки OB и OC определяются линиями, проведёнными из точки A параллельно осям $Y'Y$ и $X'X$ соответственно.

Рисунок 1

При этом координате x приписывается знак минус, если точка B лежит на луче OX'. Координате y приписывается знак минус, если точка C лежит на луче OY'. Ось x называется осью абсцисс, а ось y - осью ординат. Координата x называется абсциссой точки A, координата y - ординатой точки A. Четыре угла (I, II, III, IV), образованные осями координат $X'X$ и $Y'Y$, называются координатными углами (четвертями или квадрантами).

Прямоугольная система координат в пространстве образуется тремя взаимно перпендикулярными осями координат OX (ось абсцисс), OY (ось ординат) и OZ (ось аппликат).

В криминалистике способ прямоугольных координат (метод перпендикуляров) применяется при описании и фиксации обнаруженного объекта рядом с сооружениями, имеющими вытянутую в длину форму (дорога, многоподъездные дома, крупные торговые центры), расположенными вдоль и вблизи границы следственного действия. Относительно оси координат выбранного за основу сооружения под углом 90° определяется положение фиксируемого объекта.

Рисунок 2

Например, от обнаруженного предмета вещественного доказательства (орудие преступления, предметы, которые сохранили следы преступления, предмет преступного посягательства), измеряется прямая линия (перпендикуляр) к оси направления дороги. Измеряется расстояние от предмета и расстояние от начала оси направления дороги до основания перпендикуляра.

Рисунок 3

Способы засечек и промеров подробно описаны в учебнике криминалистики под редакцией профессора Н.П. Яблокова. По мнению автора главы «Тактика осмотра происшествия» профессора Е.Е. Центрова, проведение засечек и промеров приводит к положительному результату при использовании планшета с миллиметровой бумагой, компаса и визирной линейки[1]

Способ угловой засечки применяется для описания и фотофиксации удаленных или труднодоступных объектов. Способ засечек (биполярных координат) позволяет определить положение фиксируемого объекта на местности относительно выбранной оси координат, точки обзора лица, осуществляющего описание местности в протоколе (следователя, следователя-криминалиста, дознавателя). Без измерения расстояний, только путем измерения угла между осью координат и отрезком до фиксируемого объекта – метод называется угловая засечка, или с измерением расстояний – линейная засечка. При этом необходимо чтобы угол, который получают между направлениями при засечке был не менее 30° и не более 150°.

Способ створов (промеров) используется при измерении от точки расположения неподвижного исходного объекта (дерева, столба, дорожного указателя) к обнаруженным объектам. Метод применим при видимости крайних точек линии.

Метод искусственных координат, по мнению В. В. Мозякова В. В., О. Л. Баева и др., заключается в оставлении на месте осмотра справок об имевшемся расположении обнаруженных объектов. В ходе производства следственного действия в месте обнаружения трупа, вещественного доказательства следователь оставляет, составленную в 2 экземплярах справку, содержащую информации об объекте и обстоятельствах его обнаружения. Первый экземпляр справки, подписанной предварительно следователем, ес-

[1] Яблоков Н. П. Криминалистика: учебник / под ред. Н. П. Яблокова. - 4-е изд., перераб. и доп. – М., Норма: ИНФРА-М, 2013. - С.459.

ли принимают участие - понятыми, плотно упаковывается в непромокаемый пакет и закапывается в месте обнаружения объекта. Факт составления справок, количество справок, упаковки и помещения в определенных местах (например, в местах нахождения частей тела трупа) отражается в протоколе. Второй экземпляр справки, заверенный следователем (понятыми) приобщается к протоколу. В последующем оставленные на месте проведенного осмотра могут служить средством проверки достоверности показаний подозреваемого на месте преступления или результатов следственного эксперимента, проведенного на этом же месте[1].

Использование специальных научных методов, приспособленных для решения криминалистических задач, в тактике и технологии производства следственных действий способствует эффективному их осуществлению в оптимальные сроки, с максимальной точностью фиксации объектов, имеющих доказательственное значение.

И.В. Иванов

Проблемы криминалистического изучения личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе производства следственных действий

Статья посвящена тактико-криминалистическому направлению изучения личности подозреваемого (обвиняемого). Автор делает вывод о высоком познавательном потенциале сведений о личности подозреваемого (обвиняемого), получаемых непосредственно в ходе следственного действия. Аргументируется необходимость разработки базовых основ применения таких сведений на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

***Ключевые слова**: криминалистическая тактика, криминалистическое изучение личности, подозреваемый, обвиняемый, следственные действия*

Ivanov I.V.

Problems of criminalistical research of a suspect' identity (defendant' identity) during investigatory actions

This article is devoted to tactical and criminalistical direction of research of a suspect' identity (defendant' identity). The author concludes that information about the identity of a suspect (defendant), gathered during investigatory action, has high potential. The author gives reasons for necessity to elaborate basic grounds for applying this information during pre-trial steps of criminal proceeding.

***Keywords**: criminalistical techniques, criminalistical research of the identity, suspect, defendant, investigatory actions.*

Вопросы изучения личности подозреваемого (обвиняемого) при расследовании преступлений получили широкое освещение в отечественной криминалистической литературе. В их раскрытии сложились определенные традиции, которые, впрочем, периодически подвергаются критическому переосмыслению. Как отмечает Н.П. Яблоков, в криминалистике разработано немало средств и технологий изучения личностей, попавших в орбиту уголовного судопроизводства и особенно расследования преступлений, многие

[1] Руководство для следователей / под общ. ред. В. В. Мозякова. - М.: Издательство «Экзамен», 2005. - С.302

из которых активно используются[1]. В наибольшей мере разработанными можно считать следующие аспекты изучения личности подозреваемого (обвиняемого):

- предмет и объект изучения (с учетом многозначности термина «личность», многообразия позиций ученых относительно структуры личности и значимости ее отдельных элементов для решения криминалистических задач)[2];
- пределы изучения личности в криминалистике[3];
- методы изучения личности, их система и степень эффективности[4].

Для отечественной криминалистики продолжает оставаться актуальной дифференциация предметов научных исследований в соответствии с традиционным выделением четырех разделов: общая теория криминалистики, криминалистическая техника, криминалистическая тактика, криминалистическая методика. На этом основании в качестве самостоятельного предмета исследования может быть выделено тактико-криминалистическое направление изучения личности[5]. Безусловно, оно существует наряду с иными направлениями, поскольку сведения о личности подозреваемого (обвиняемого) не менее значимы для развития остальных разделов криминалистической науки.

Тактико-криминалистическое направление изучения личности подозреваемого (обвиняемого), как, впрочем, и остальные, сориентировано на развитие в двух неразрывно связанных, но все же несколько разнонаправленных «плоскостях»: научно-теоретической и теоретико-прикладной. Это, с одной стороны, позволяет отграничить продукты новых, не всегда завершенных, научных исследований и разработок от давно оправдавших себя на практике приемов; применение первых объективно создает угрозу тактического риска. С другой стороны, актуализируются противоречия, связанные с различиями в языке науки и практики, что может быть проиллюстрировано кардинально разными подходами к обозначению всего, что связано с понятиями «личность», «тактическое воздействие» и т. п. Это подтверждается данными, полученными М.А. Лушечкиной: только 41% следователей при характеристике личности обвиняемых выходят за пределы социально-демографических сведений, и лишь 12% могут оперировать собственными знаниями об особенностях психических процессов (главным образом, восприятия, памяти), необходимых при выборе тактических приемов коммуникативных следственных действий[6]. Приведенный пример наглядно демонстрирует наличие некоторой дистанции между научно-теоретическим и практико-прикладным подходами, каждый из которых характеризуется собственными тенденциями развития.

В настоящее время, по нашему мнению, в теоретическом аспекте является актуальной задача как можно более ясно обозначить ключевые направления научных иссле-

---

[1] См.: Яблоков Н.П. Теоретические и прикладные аспекты применения данных криминалистики в правоприменительной и иной юридической деятельности // Вестн. криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М., 2009. Вып. 3 (31). С. 20.

[2] См., например: Ахмедшин Р.Л. Изучение личности преступника в методике расследования преступлений. Томск, 2000; Демидов Н.Н. Изучение личности преступника в процессе расследования: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2003; Милюков С.В. Современные возможности использования свойств человека при установлении личности в раскрытии и расследовании преступлений: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011; Откидач А.О. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии (по материалам уголовных дел о налоговых преступлениях). дис. … канд. юрид. наук. М., 2008 и др.

[3] Ведерников Н.Т. О проблеме предела изучения личности преступника в криминалистике // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 385. С. 135-138.

[4] См., например: Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого. Томск, 1978; Глазырин Ф.В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск, 1973; Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника. Томск, 2005.

[5] См.: Лушечкина М.А. Криминалистическое изучение личности в тактике расследования: дис. … канд. юрид. наук. М., 2002.

[6] См. там же. С. 4.

дований. Так, действуя в тактико-криминалистической парадигме, исследователь может поставить перед собой задачу максимально подробного изучения междисциплинарных связей, либо направить усилия в сторону анализа природы тактики следственных действий для обнаружения в ней не выявленных ранее сущностных характеристик. Определиться с выбором такого исследовательского направления поможет понимание основных идей, лежащих в основе криминалистического учения о личности. Методология исследования человека отличается от методологии естественных наук, поскольку изучение личности по характеру закономерностей с неизбежностью влечет присутствие некоторого «человеческого измерения»[1]. В данном контексте представляется важным установление криминалистически значимой информации о подозреваемом (обвиняемом), включающей в себя сведения о присущих ему анатомических, биологических, психологических и социальных свойствах, которые необходимы для идентификации личности, решения тактических задач и установления фактической картины события преступления в процессе его раскрытия и расследования, а также использования в целях осуществления криминалистической профилактики[2].

В теоретико-прикладном аспекте одним из перспективных направлений является определение степени достоверности сведений, полученных о подозреваемом (обвиняемом) в ходе следственных действий, анализ их познавательного потенциала. Такое исследование возможно только при обязательном соблюдении методологических правил, касающихся предельных возможностей тех или иных методов изучения личности, в частности, ситуационного подхода, метода этапности[3] и др.

Названные аспекты изучения личности подозреваемого (обвиняемого) позволяют решить разноуровневые задачи, отличающиеся по познавательной нагруженности и содержанию. За основу можно взять названные отдельными авторами задачи:

- дальнейшее познание и обнаружение новых объективных закономерностей, входящих в предмет криминалистики;

- создание новых и совершенствование существующих тактических средств выявления и актуализации соответствующей информации на основе обобщения практики субъектов деятельности по выявлению и раскрытию преступлений[4].

Перечисленные задачи могут быть конкретизированы с учетом условий, в которых происходит изучение личности, и характера получаемой информации.

В настоящий момент нельзя четко оценить значимость той или иной информации о личности подозреваемого (обвиняемого), получаемой в ходе следственных действий, сформулировать критерии такой оценки, а также выдать конкретные рекомендации, сориентированные на их прямое и непосредственное применение. Этому могут препятствовать довольно много факторов, среди которых:

- принципиальная невозможность однозначной интерпретации информации (сигналов), исходящей от другого человека (бесконечное многообразие идеальных следов и мысленных образов, осознанное или неосознанное стремление участника следственного действия противостоять усилиям следователя в установлении обстоятельств произошедшего события и т. п.);

- объективно неустранимые сомнения в достоверности информации о личности подозреваемого (обвиняемого), поступившей в распоряжение следователя перед следственным действием (при подготовке к нему, предшествуя рабочей стадии);

---

[1] См.: Микешина Л.А. Философия науки: учеб. пособие. М., 2005. С. 394.
[2] См.: Криминалистика / отв. ред. Н.П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 74.
[3] См.: Яблоков Н.П., Князьков А.С. Этапность как метод структурирования предварительного следствия и повышения уровня его организации // Вестник Мос. ун-та. Сер. 11. Право. 2012. № 1. С. 3-18.
[4] См.: Игошин В.В. О задачах науки криминалистики // Вестн. Удмурт. ун-та. 2005. Сер. 6. Вып. 2. С. 254.

- отсутствие, неполнота или неактуальность в условиях данной следственной ситуации конкретных сведений о личности подозреваемого (обвиняемого), требующихся для незамедлительного осуществления тактического воздействия.

Полагаем, что степень однозначности оценки тех или иных сведений будет отличаться в зависимости от того, какую сторону личности они характеризуют.

Особое значение информации, получаемой в ходе следственного действия, состоит в том, что она может дать следователю возможность адекватного реагирования на меняющиеся условия следственной ситуации в ходе следственного действия. Кроме того, она может быть учтена при подготовке и проведении тактических операций и тактических комбинаций. Этому свойству актуальной информации, поступающей о личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственного действия, корреспондирует такое свойство тактического приема, как избирательный характер воздействия[1]. Воздействие окажется эффективным, если оно будет основываться на данных, соответствующих условиям времени и места производства соответствующего следственного действия с учетом изменяющихся объективных и субъективных факторов конкретной следственной ситуации.

Как показывают результаты интервьюирования следователей МВД, большинство из них (64%) высказываются о том, что отдают приоритет в ходе собственной профессиональной деятельности созданию условий, оптимальных для оказания необходимого тактического воздействия, которое может ускорить процесс расследования, сделать его более экономичным и рациональным. Респонденты указывают на необходимость индивидуализированного подхода к изучению личности подозреваемого (обвиняемого) и согласны с тем, что успех тактического воздействия во многом зависит от взаимного настроя участников следственного действия на конструктивное взаимодействие, а также от возможностей следователя по прогнозированию развития следственной ситуации на краткосрочную и среднесрочную перспективу. Исходным материалом для прогнозирования выступают сведения, получаемые при изучении личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственного действия.

Принимая решение об использовании данных сведений, следователь производит их оценку и сопоставляет их с ранее полученной информацией и иными компонентами сложившейся следственной ситуации. Поэтому изучение личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственного действия:

- позволяет проверить имеющиеся в его распоряжении сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ);

- обеспечивает возможность получения новых сведений (для выдвижения и проверки следственных версий, в частности, о ранее неизвестных преступных эпизодах).

В условиях конкретного следственного действия сведения о личности подозреваемого (обвиняемого) позволят решить частные задачи: склонить лицо к даче правдивых и полных показаний, изобличить соучастников, преодолеть заблуждение и т. п.

Приведенные примеры в большей мере сориентированы на производство коммуникативных следственных действий. При этом, однако, не исключается возможность применения информации о личности, получаемой в ходе производства следственного действия иной направленности, когда вербальный способ коммуникации не доминирует, не составляет основного содержания.

Важность таких сведений о подозреваемом (обвиняемом) нами усматривается также в том, что в данной ситуации, как отмечают отдельные авторы, «…познание осуществляется путем разделения целого на составляющие, последовательное изучение их

---

[1] См.: Князьков А.С. Концептуальные положения тактического приема. Томск, 2012. С. 30, 39.

частей, их взаимосвязей, а затем синтезирования полученных знаний информации) в целостную интегративную систему – картину, образ объекта»[1].

Для полного и объективного исследования познавательного потенциала сведений о личности подозреваемого (обвиняемого), получаемых в ходе следственного действия, и разработки базовых основ их применения необходимо рассмотрение таких сведений как в контексте всей стадии его досудебного поведения[2], так и в ходе конкретных следственных действий и тактических приемов.

И.М. Комаров, Н.Ю. Пономаренко

Тактические и оперативно-тактические операции как средство собирания доказательств преступления

В статье рассматриваются теоретические и прикладные вопросы использования тактических и оперативно-тактических операций следователем в процессе расследования преступлений, объясняется преимущество этих средств перед отдельными следственными действиями.

***Ключевые слова**: тактические операции, оперативно-тактические операции, средства доказывания.*

I.M. Komarov, N.Y. Ponomarenko

The tactical and operational-tactical operations as a means of gathering evidence of a crime

The article deals with theoretical and practical issues of using tactical and operational-tactical operations by the investigator in the investigation of crimes, explained the benefits of these funds to individual investigations.

***Keywords**: tactical operations, operational-tactical operations, means of evidence.*

Современная практика расследования преступлений, данные ее анализа и статистика состояния законности и правопорядка свидетельствуют о том, что правоохранительные органы государства делают достаточно для того чтобы обеспечить в стране устойчивую систему внутренней стабильности – важного условия эволюционного развития российского общества. Вместе с тем, существуют проблемы, разрешение которых создаст благоприятные условия для улучшения социального климата в государстве, что в свою очередь может обеспечить его дальнейшее благоприятное экономическое развитие в направлении формирования цивилизованных рыночных отношений и развитого гражданского общества.

Процессы становления гражданского общества в Российской Федерации, в первую очередь, в значительной степени связаны с соблюдением в государстве основополагающих принципов уголовного судопроизводства. Системный анализ современного уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о том, что оно в своей основе базируется на международно-признанных принципах предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу. На этой основе расследование

[1] См.: Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. М., 1997. С. 9.
[2] См.: Лаврухин С.В. Механизм поведения подозреваемого и обвиняемого // Вестн. криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М., 2010. Вып. 1 (33). С. 24.

преступлений должно осуществляться способами и средствами, которые могли бы исключать неправомерное воздействие на участников уголовного процесса.

Практика деятельности правоохранительных органов свидетельствует, что определенные законом следственные, процессуальные и непроцессуальные действия по собиранию, исследованию и оценке следователями доказательств не всегда в полной мере позволяет достичь поставленной цели – полного раскрытия преступления посредствам изобличения виновного, привлечения его к уголовной ответственности и назначению справедливого наказания. Преступность постоянно видоизменяется, преступники совершенствуют способы и формы своих противоправных действий. Это закономерно оказывает негативное воздействие на предварительное расследование.

В свою очередь динамика криминальной ситуации закономерно требует совершенствования способов и средств деятельности органов предварительного расследования. Объективно они нуждаются в современных криминалистических способах доказывания, а их применение будет способствовать оптимизации процессов досудебного производства по уголовному делу. Особое место в этом ряду занимают тактические и оперативно-тактические операции, как способы решения сложных задач добывания уголовно-значимой информации о преступлении.

Указанные операции учеными-криминалистами исследуется, а практиками-правоприменителями используются в процессе расследования преступлений достаточно давно. На это указывает анализ тематических публикаций в учебных, периодических и монографических научных изданиях, в кандидатских и докторских диссертациях, а также указывают и данные изученных материалов уголовных дел. Накопленный материал свидетельствует о научной ценности и практической значимости проведенных исследований.

Однако современный анализ состояния научно-практического уровня исследований тактических и оперативно-тактических операций указывает на заметное снижение качества соответствующих работ, вызывает беспокойство отсутствие практической направленности многих из них.

Главную причину такого состояния исследований данного вида мы видим в угасающих тенденциях развития научной концепции криминалистических операций (данный термин является собирательным и включает в свое содержание операции всех криминалистических видов) досудебного производства по уголовному делу, а также прикладных исследованиях по данной тематике. Этот факт тормозит исследования в данной области, что не обеспечивает эффективной реализации криминалистических операций в практике предварительного расследования.

Рассмотрение криминалистических операций на основе общетеоретических подходов, обоснование фундаментальных положений их частной теории, создает определяющие предпосылки разрешения данной проблемы.

Разработка моделей отдельных видов криминалистических операций связана с обоснованием на теоретическом уровне закономерностей их функционирования в процессе досудебного производства. «Привязке» к криминалистической характеристике преступлений как информационной базе предварительного расследования обеспечивает следователя рекомендациями по планированию, организации и проведению криминалистических операций. Прикладное значение имеет и определение их связи с элементами криминалистической характеристики расследования.

Это основные крупные проблемы, разрешение которых возможно только на основе научно-практических исследований, так сказать целевой направленности. Накопление такого прикладного материала позволит создать «банк» типовых криминалистических

рекомендаций, чье содержание правоприменители смогут использовать в практике расследования преступлений различных видов.

С сожалением приходится констатировать тот факт, что современные следователи не всегда ясно представляют себе, что, собственно, представляют собой тактические операции (основной вид криминалистических операций), то же можно сказать и об оперативных сотрудниках правоохранительных органов, чье видение оперативно-тактических операций зачастую сводится к примитивному задержанию преступника, заподозренного в совершении преступлений.

В этой связи весьма полезными могут быть научно-прикладные исследования, где рассматриваются не только научные проблемы теории тактических операций, но и обосновываются практические понятия, связанные в этим средством собирания доказательств преступлений.

Кроме того, особое значение для целей расследования преступлений имеют сведения, содержание которых можно характеризовать как криминалистические рекомендации, а фактически тактические операции способные обеспечить комфортное расследование не только на определенном его этапе, а так сказать на всем протяжении хода расследования преступления от возбуждения уголовного дела до его направления в суд. На это рассчитаны, например, такие тактические операции как «Собирание косвенных доказательств преступления» или «Обеспечение следственной тайны».

Особое тактическое назначение имеют, так называемые, факультативные тактические операции. В отличие от основных они определены на разрешение промежуточных задач предварительного расследования, когда отдельные следственные действия не могут (либо их производство не всегда позволяет) дать запланированный следователем результат. И это не всегда получение доказательства или криминалистически значимой (ориентирующей) информации, в отдельных случаях целью тактической операции может быть изменение следственной ситуации, вывод ее из состояния конфликта в благоприятное для расследования состояние. На этой основе криминалистическому исследованию должны быть подвергнуты проблемы ситуационного подхода в оценке факторов, обеспечивающих организацию и проведение тактических операций. В связи с этим в обосновании нуждаются ситуационно обусловленные алгоритмы следственной деятельности.

Выше нами уже обращалось внимание на те обстоятельства, что тактические операции следователя, как средство решения задач уголовного судопроизводства тесно связаны с такими категориями криминалистики как криминалистическая характеристика преступлений и криминалистическая характеристика его расследования, то есть элементами методики расследования отдельных видов преступлений.

Эта связь является методологической, однако с учетом особенностей исследования тактических операций относительно уточненного предмета она приобретает частности, что выражается в конкретных криминалистических рекомендациях относительно организации, планирования и проведения типовых тактических операций в конкретных обстоятельствах расследования преступлений. В этой связи является весьма важным рассмотрение вопросов криминалистической характеристики преступлений с позиции определенного материальным законом механизма преступления, соответствующего предмета преступного посягательства и типичной характеристики личности преступника, в отдельных случаях имеет значение и виктимный аспект вопроса.

По причине взаимообразной связи криминалистической характеристики преступления с криминалистической характеристикой его расследования, средства последней (следственные ситуации, этапность расследования, система следственных действий и т. п.), в соответствии с которыми протекает процесс доказывания представляют

собой определенную систему, где тактические операции занимают определенное место. В конкретном расследовании это место определяется обстоятельствами процесса доказывания, что в соответствии с ситуацией расследования «диктует» возможность проведения следователем той или иной тактической операции.

Практика расследования преступлений свидетельствует, что их значительная часть, в особенности преступлений, совершенных в условиях неочевидности, с трудом может быть раскрыто и расследовано без взаимодействия с оперативными службами правоохранительных органов, а, следовательно, с использованием оперативно-тактических операций.

Современный анализ криминалистической литературы и соответствующих научных исследований последних лет свидетельствует о том, что разработке оперативно-тактических операций в открытых источниках уделяется мало внимания. Это вполне понятно, однако есть категории оперативно-тактических операций, которые по своему содержанию не несут секретной информации, а основаны исключительно на открытых правовых источниках и наполнены криминалистическим содержанием, правда их соответствующая реализация протекает на основе принципа конспирации, но это прикладной аспект связанный, так сказать с конкретной реализацией по конкретному событию преступления.

Значение соответствующих криминалистических разработок определяется необходимостью расширения перечня специальных рекомендаций, основанных на необходимости избирательной реализации следователем возможностей взаимодействия с оперативными службами при раскрытии и расследовании конкретных преступлений.

Аргументы относительно актуальности разработки проблем тактических и оперативно-тактических операций в раскрытии и расследовании преступлений криминалистическими способами и средствами можно продолжать приводить и дальше. Однако, на наш взгляд и приведенных выше вполне достаточно для того чтобы отразить значение указанной проблематики для решения задач уголовного судопроизводства и необходимости ее последующего системного исследования.

С.В. Кузьмин

Тактические приемы: проблемы выбора

Статья посвящена проблемам выбора тактических приемов в ходе планирования следственных действий. Автор считает данную процедуру не эффективной и показывает основные причины этого явления. По его мнению, выбор тактического приема является частью более сложной процедуры определения конкретного тактического приема.

***Ключевые слова**: планирование расследования, планирование следственных действий, тактический прием, выбор тактического приема, определение тактического приема, тактическая ситуация*

S.V. Kuzmin

The tactical methods: the problems of choosing

The problems of choosing the tactical techniques in planning the investigation are considered in paper. The author finds the existing procedure ineffective and describes the major reasons of this phenomenon. In his opinion, the choice of the correct tactic is part of a complex procedure determining a specific tactical technique.

***Keywords**: The investigation planning, planning of investigation actions, tactical techniques, choice of tactical techniques, tactical technique determination, tactical situation.*

Определение тактических приемов и комбинаций является одним из важнейших элементов планирования отдельных следственных действий[1]. Современная криминалистическая теория не дает ответы на множество вопросов, связанных с данной проблематикой, в частности, сводится ли определение тактических приемов только к их выбору, какова значимость факторов, влияющих на выбор, какова его наиболее эффективная процедура. Попытки разобраться с проблемами выбора тактических приемов оказались не удачны, потому что криминалисты сразу приступили к решению частных методических задач, не ответив предварительно на более общие теоретические вопросы: не уяснив сути тактического приема, не произведя ревизию существующих в этой области представлений и не сформулировав перечни тактических приемов. Допущенная методологическая ошибка не позволила им продвинуться в понимании процессов, связанных с планированием следственных действий.

Указанные попытки свелись в основном к перечислению факторов, которые влияют на выбор тактических приемов допроса. Для уяснения проблематики перечислим несколько типичных на этот счет представлений. Так, Л.М. Карнеева к числу условий выбора тактического приема, наряду со сложившейся в ходе допроса ситуацией (конфликтной или бесконфликтной), особенностями личности допрашиваемого, относила процессуальное положение обвиняемого или подозреваемого, а также объем и характер имеющихся в распоряжении следователя к моменту допроса доказательств[2]. С позиции А.А. Закатова, определение тактики допроса обусловлено особенностями расследуемого дела, процессуальным положением допрашиваемого, избранной им позицией содействия или противодействия установлению истины, объемом доказательств, которыми располагает следователь, другими условиями производства

[1] В связи со сложностью проблематики оставим за рамками рассмотрения тактические комбинации и сделаем в основном акцент на тактических приемах допроса.

[2] Карнеева Л.М., Соловьев А.Б., Чувилев А.А. Допрос подозреваемого и обвиняемого. М. 1969. 12-15, 37.

следственного действия[3]. К числу указанных критериев Ф.В. Глазырин добавляет психологическое состояние, свойства и качества допрашиваемых[4]. По мнению А.Б. Соловьева, на тактику допроса влияет совокупность обстоятельств, в их числе: объем и характер имеющихся у следователя доказательств, тактическая ситуации по делу, индивидуально-психологические особенности допрашиваемого и мотивы сокрытия истины[5]. А.Н. Васильев, рассуждая в целом о тактических приемах, высказал мнение, что выбор наиболее подходящего тактического приема из нескольких рекомендаций зависит от следственной ситуации и ее оценки следователем[6].

Невооруженным глазом видно, что некоторые из вышеуказанных рекомендаций страдают значительной неопределенностью. В ряде случаев не понятно, какие именно особенности личности и почему необходимо учитывать при выборе тактических приемов. В большинстве работ, когда авторы все-таки перечисляют свойства личности, речь заканчивается общей декларацией о значении названных особенностей на выбор тактических приемов, без указания на какие именно[7]. Не секрет, что одна и та же информация по-разному действует на людей. Особенности восприятия информации и принятия на ее основе решения зависят от многих факторов: типа нервной системы, убеждений, социальных и иных фильтров, через которые проходит информация, ведущей системы восприятия (визуальная, аудиальная, кинестетическая) и др.

Однако в настоящее время в общедоступной криминалистической литературе можно найти лишь отдельные указания на связь между конкретными особенностями личности и тактическими приемами, которую необходимо учитывать при выборе. Например, Л.Б. Филонов и В.И. Давыдов[8] указывали, что в отношении людей с развитым интеллектом может быть использован психологический прием «вызов» (предложение принять вызов на «дуэль» по следствием»[9]. Интересно, что именно эти авторы и попытались весьма неожиданным образом обойти проблему связи между свойствами допрашиваемого и психологическими (тактическими) приемами, сформулировав использование положительных свойств личности и «слабых мест» в психике обвиняемого в виде психологических приемов допроса.[10] В результате получились два психологических приема с непонятным содержанием, которые в дальнейшем в таком же виде перекочевали в криминалистику.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что при всей правильности постановки вопроса о необходимости учета индивидуальных качеств допрашиваемого при выборе тактических приемов указанная рекомендация в таком виде является во многом бесполезной. Более перспективным в настоящее время, на наш взгляд, был бы поиск связи не между отдельными личностными особенностями и тактическими приемами[11], а между основными сферами личности (интеллектуальной, волевой и эмоциональной) и тактическими приемами, тем более что такие исследования уже были частично

---

[3] Следственные действия (процессуальная характеристика, тактические и психологические особенности): Учебное пособие для вузов МВД СССР.- Волгоград. 1984. С. 120.
[4] Указ. соч. С. 161.
[5] Соловьев А.Б. Использование доказательств при допросе. М., 1981. С. 16.
[6] Васильев А.Н. Следственная тактика. М., 1976. С. 37.
[7] Например, Советская криминалистика. М., 1958. С. 316-317; Криминалистика. М., 1966. С. 364
[8] Они были фактически в числе зачинателей научной дискуссии о тактических приемах в криминалистике, хотя вели речь только о психологических приемах допроса обвиняемого.
[9] Филонов Л.Б., Давыдов В.И. Психологические приемы допроса обвиняемого // Вопросы психологии. 1966, № 6. С. 118.
[10] Филонов Л.Б., Давыдов В.И. Психологические приемы допроса обвиняемого // Вопросы психологии. 1966, № 6. С. 115-116.
[11] Однако это не означает, что вообще не нужно искать связь между личностными свойствами допрашиваемых лиц и конкретными тактическими приемами.

проведены[12]. Классификация тактических приемов по этим сферами личности значительно облегчает их последующий выбор с учетом биоритмов конкретного человека. Результативность допросов в период снижения интеллектуального и эмоционального биоритмов подтверждена следственной практикой[13]. Можно предположить, что использование тактических приемов логического и эмоционального воздействия в указанные периоды, если это конечно позволяет ситуация расследования, будет способствовать эффективности допроса. Причем это касается не только противодействующих следствию лиц, но и добросовестных участников уголовного процесса, которые в силу разных причин не могут вспомнить определенные события. Находясь в ресурсном состоянии (на подъеме соответствующих биоритмов), у них больше шансов вспомнить и точно воспроизвести то, чему они были очевидцами.

Попытки связать выбор тактического приема с тактической и следственной ситуациями абсолютно правомерны, но они будут эффективными лишь в том случае, если криминалисты четко определят, что включают в себя эти ситуации. На сегодняшний день данные понятия страдают явной неопределенностью. Иногда тактическую ситуацию рассматривают как часть следственной ситуации, что представляется неправильным. Проведенное нами ранее исследование позволяет утверждать, что следственная ситуация и тактическая ситуация – это две тесно связанные между собой, но в то же время абсолютно самостоятельные категории. Следственная ситуация изучается на первом этапе общего планирования, когда выясняется место нахождение следователя в информационном пространстве по отношению к цели расследования, с точки зрения имеющихся и отсутствующих доказательств. Изучение тактического аспекта, существующего в виде определенных условий, способствующих или препятствующих расследованию, проводится на четвертом и пятом этапах общего планирования: при планировании очередности проведения следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий и планировании конкретных следственных действий и тактических операций[14].

Очень часто тактическая ситуация сводится только к проблемам конфликтности или бесконфликтности следствия, к отдельным элементам противодействия или содействия следствию или их совокупности, что, на наш взгляд, не отражает всего содержания тактической ситуации. Помимо названных аспектов она включает в себя целый ряд других элементов обстановки расследования, которые в разной степени, но тоже влияют на выбор тактического приема[15]. За неимением возможности подробно рассматривать каждую из четырех составляющих тактической ситуации сошлемся на аналогию из военной сферы, где тактическая ситуация (в немного упрощенном нами виде) отражает информацию о своем подразделении, соседе, противнике и местности. Примерно те же разделы включает в себя и тактическая ситуация в ходе расследования. Уясняя ее, следователь должен адекватно оценить каждый из этих элементов.

Правильное понимание содержания следственной и тактической ситуации открывает больше возможностей для обоснованного выбора. Поясним на примере тактического приема «вызов». Совершенно очевидно, что выбор этого приема зависит не только от наличия у подозреваемого или обвиняемого развитого интеллекта. Помимо

---

[12] Например, о тактических приемах эмоционального и логического воздействия писали Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. См. подробнее: Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика. М., 2000. С. 614-615.

[13] См. напр., Китаев Н.Н., Тельцов А.П. Проблемы расследования отдельных видов умышленных убийств. Иркутск, 1992.

[14] См. подробнее: Кузьмин С.В. О понятии и содержании тактической ситуации // Вестник криминалистики. Вып. 1 (33)/2010. С. 11-15.

[15] О содержании тактической ситуации см. подр: Кузьмин С.В. Указ. соч. С. 11-15.

этого у него должны быть и другие качества: неадекватная (завышенная) оценка собственной личности, самоуверенность, неспособность правильно оценить перспективу по делу, азартность и т. п. Кроме того, выбор во многом обусловлен личностью самого следователя (наличием у него свойств, навыков, умений, позволяющих выиграть «дуэль»), знанием им других тактических приемов, которые он собирается применять, выстраивая тактические комбинации после того, как вызов будет принят, и другими факторами тактической ситуации, а также наличием достаточного количества доказательств. Иначе говоря, только учет всех аспектов следственной и тактической ситуации и создает основу для правильного выбора тактического приема.

Трудно согласиться и с доводом, что выбор тактического приема зависит от процессуального положения допрашиваемого лица. За таким утверждением, по всей видимости, кроется упрощенное представление, согласно которому, если допрашиваемым является подозреваемый или обвиняемый, то они, скорее, будут отрицать свою вину, а если потерпевший, то он даст достоверные показания. В действительности все не так однозначно. Например, в силу процессуального положения обвиняемого, ситуацию между ним и следователем объективно можно отнести к числу конфликтных со строгим соперничеством. Однако в силу ряда субъективных причин в реальности данное лицо не может оказывать противодействие следствию, поэтому представляется более правильным вести речь не о его процессуальном положении, а занимаемой им тактической позиции.

Попытки формализовать различные линии защиты позволяют выделить шесть типичных тактических позиций, выбираемых допрашиваемым: отказ от дачи показаний, дача полностью или частично ложных показаний, дача правдивых показаний, добросовестное заблуждение относительно важных для расследования обстоятельств, естественное запамятование каких-либо фактов, событий[16]. По нашему мнению, перечисленные позиции можно совершенно правомерно положить в основу одной из классификаций тактических приемов. Это позволит не только сгруппировать данные приемы применительно к указанным позициям, но, и, в конечном счете, упростить работу по их предварительному отбору.

К вышеуказанной критике следует добавить, что современная криминалистика, как правило, не идет дальше перечисления названных факторов, не указывает на их значения при выборе тактических приемов, не содержит рекомендаций по использованию названных условий для выбора необходимых приемов. В то же время, совершенно очевидно, что, действуя совокупно, они имеют разное значение, и в силу особенностей человеческого мышления не могут в процессе выбора применяться одновременно. Следовательно, для ответа на вопрос «как осуществляется выбор тактических приемов» недостаточно перечислить вышеуказанные факторы. Необходимо отказаться от идеи «черного ящика», в который поступает некая информация, каким-то загадочным образом там преобразуется и выходит из него в виде готового решения. Нужно разработать метод – систему правил, описывающих мыслительную работу следователя по использованию названных условий для выбора необходимых приемов.

На сегодняшний день эта проблема остается практически нерешенной. Более того, немногочисленные рекомендации на этот счет мало способствуют ее решению. Так, Г.А. Зорин указывает, что выбор необходимого метода или приема может происходить путем сплошного перебора, отбора наиболее оптимальных форм, эвристическим выбором эффективного приема, метода, подхода применительно к личности

[16] В случае добросовестного заблуждения и запамятования говорить о выборе тактической позиции можно весьма условно, потому что занимаемая позиция формируется во многом бессознательно.

процессуального партнера[17]. По нашему мнению, предложенный подход, основанный на механическом переборе тактических приемов, может быть оправдан лишь при очень ограниченном объеме информации. Например, если речь идет о тактических приемах осмотра места происшествия, число которых относительно невелико. При этом, на практике следователь и данном случае производит отбор тактических приемов не на основе метода «проб и ошибок», а с учетом конкретных тактических условий и обстоятельств. В сложных же случаях (когда существует множество тактических приемов, как, например, при допросе) концепция механического перебора вариантов практически неосуществима[18].

Рекомендации об эвристическом подходе к выбору тактических приемов на деле означают, что криминалисты в настоящее время не могут решить указанную проблему. Не отрицая в целом роль такого подхода в любом исследовании, в том числе и при расследовании уголовного дела, нужно честно признать, что эвристические решения получаются далеко не всегда. Для того, чтобы повысить вероятность их появления, нужно проделать большую работу по упорядочиванию и осмыслению материала, а сделать это можно только при наличии у следователя надежных методов познания и средств решения соответствующих задач.

К числу таких средств можно отнести различные системы классификации[19], позволяющие сокращать работу по предварительному отбору тактических приемов. В настоящее время таких систем не так и много. В первую очередь это система группировки приемов в зависимости от занимаемой допрашиваемым лицом тактической позиции, и вторая - применительно к двум его основным личностным сферам (эмоциональной и интеллектуальной). Используя их, следователь поочередно (сначала с помощью первой, затем второй системы) производит первичный отбор тактических приемов. Вполне возможно, в дальнейшем, когда будут разработаны и другие системы классификации, он сможет использовать и их. Однако в любом случае, рано или поздно, наступит стадия, ставящая предел использованию типичных рекомендаций, и на последующих этапах определения тактического приема следователь вынужден будет перейти к индивидуальному подходу. Применительно к любому прошедшему предварительный отбор тактическому приему нужно получить ответы, как минимум, на два вопроса. Сначала ответ на вопрос о том, при каких условиях он может быть использован. Затем (на основе анализа тактической и следственной ситуации) ответить на вопрос: имеются ли в реальности такие условия.

Опросы следователей показывают, что каких-то хорошо осознаваемых мыслительных стратегий выбора тактических приемов, как правило, нет[20]. Обычно следователь не обращается ко всему множеству накопленных криминалисткой тактических приемов и не осуществляет их сплошной перебор[21] с целью отыскать наилучший, а оперирует только некоторыми апробированными из них. Сделав на основе уже сложившихся личных предпочтений и имеющихся в деле доказательств (их

---

[17] Зорин Г.А. Многовариантные программы допросов: Технологии построения и применения. М., 2005. С. 225.

[18] Критика концепции механического перебора вариантов применительно к мыслительной работе следователя достаточно убедительно изложена А.Р. Ратиновым. См. Ратинов А.Р. Вопросы следственного мышления в свете теории информации // Вопросы кибернетики и право. М., 1967. С. 186.

[19] Важно, чтобы системы классификации тактических приемов были сориентированы на решение проблем следственной практики и не представляли собой «искусство ради искусства».

[20] Несмотря на то, что данные опросы проводились еще в 80-90-х годах прошлого века в Институте повышения квалификации прокурорско-следственных работников Генеральной Прокуратуры СССР, а позднее Российской Федерации, их актуальность не утрачена, потому что, вряд ли, в настоящее время что-то существенно изменилось в мыслительных подходах следователей при выборе тактических приемов.

[21] Сделать это практически невозможно, поскольку единое понимание тактического приема отсутствует, криминалистические рекомендации страдают неполнотой и разбросанностью по разным источникам.

количества и качества) первоначальный отбор, он начинает «примерять» ранее опробованный тактический прием к конкретному лицу. Учитывая его свойства, следователь прогнозирует вероятную реакцию (например, на внезапно поставленный вопрос или предъявленное доказательств, систему доказательств, другие действия допрашивающего), и соотносит ее с возможностями достичь цели допроса. Иными словами, речь идет в действительности не совсем о выборе наилучшего тактического приема из числа возможных, а скорее о более сложной процедуре принятия тактического решения на основе прогнозирования.

Поскольку тактические приемы в криминалистике сформулированы чаще всего в виде самых общих типичных рекомендаций о действиях следователя, работа последнего при планировании следственных действий не заканчивается на выборе конкретных приемов. За этим начинается сложная и плохо формализуемая работа по наполнению общей рекомендации конкретным содержанием и приспособлению ее к уникальным обстоятельствам дела. Задача данного этапа мыслительной деятельности следователя состоит в том, чтобы «вписать» тактический прием в предстоящую практическую деятельность. В процессе решения названной проблемы следователь использует самые различные методы и типы деятельности, чаще всего это программирование, алгоритмизация, моделирование, сценирование, прогнозирование. В результате указанной работы входящие в тактический прием действия упорядочиваются и превращаются в большинстве случаев в своеобразную программу, иногда в алгоритм,[22] которые предусматривают постановку в какой-то очередности определенных вопросов, предъявление в какой-то последовательности различных доказательств, не процессуальную демонстрацию вещественных доказательств или их аналогов и др. В некоторых сложных случаях указанная работа завершается составлением сценария, предусматривающего «наиболее критические моменты допроса, характер мизансцен и диалогов, детали их исполнения вплоть до времени постановки вопросов, подачи реплик, их формы и тона».[23] Следует констатировать, что в настоящее время сценирование как процедура, позволяющая не только предусмотреть различные варианты развития допроса, но и собрать воедино, усилить весь арсенал средств воздействия на интеллектуальную и эмоциональную сферу допрашиваемого, практически не разработана.

Таким образом, выбор тактического приема из какого-то их научно обоснованного множества является всего лишь одной из процедур по его определению.[24] В то же время процедура выбора является достаточно важной, от исследования и разработки которой нельзя отказаться. Не сложно понять, что такое исследование лежит не только в методической плоскости, но прежде все требует теоретического осмысления сути и видов тактических приемов, ревизии всего накопленного материала.

---

[22] Одно из важнейших отличий алгоритма от программы состоит в жесткой последовательности действий. Такая очередность действий при допросе встречается достаточно редко. Программа предполагает вариативность действий следователя в зависимости от развития тактической и следственной ситуации в процессе допроса.

[23] Ратинов А.Р., Ефимова Н.И. Психология допроса обвиняемого. Методическое пособие. М. 1988. С. 50.

[24] То, что проблема определения тактического приема не сводится только к его выбору, хорошо видно на примере следственного эксперимента. В ходе планирования данного следственного действия определение тактического приема осуществляется благодаря совершенно другим процедурам: реконструкции условий и проектированию предстоящих экспериментальных действий.

Н.Ю. Лебедев

Криминалистика на службе у судьи для преодоления конфликтов, возникающих при рассмотрении уголовного дела

В статье рассматриваются виды конфликтов, возникающих при рассмотрении уголовного дела, с учётом специфики уголовно-процессуальных отношений, формирующихся в суде первой инстанции, их структура и динамика развития. А также раскрывается значение использования судьёй, разработанных криминалистикой рекомендаций по их прогнозированию, предупреждению и разрешению.

***Ключевые слова**: суд первой инстанции, судебные ситуации, структура конфликта, преодоление конфликтов.*

N.Yu. Lebedev

Forensics for the judges to overcome conflicts arising in criminal proceedings

This article discusses the types of conflicts that can occur in a criminal case, taking into account the specificity of the criminal-procedural relations, emerging in the Court of first instance, its structure and dynamics. As well as the significance of the use of the judge, forensic science developed recommendations for their forecasting, prevention and resolution.

***Keywords**: the Court of first instance, Court of the situation, the structure of conflict, to overcome the conflict.*

Рассматривая проблемы формирования и разрешения различных судебных ситуаций, мы обращаем внимание, что: «сторона обвинения, и сторона защиты формируют перед судьей информационную модель рассматриваемого события. Судье необходимо детально изучить материалы не только с позиции соблюдения уголовно-процессуального законодательства, но и с позиции сложившейся психологической обстановки судебного разбирательства, конфликтности интересов участвующих сторон, а также с точки зрения достаточности информации для разрешения сложившейся судебной ситуации, разработки алгоритма проведения судебного следствия, выбора тактики судебных действий, которые способствовали бы установлению недостающих элементов в логически построенной цепочке доказательств»[1].

«Как и на стадии предварительного расследования, в ходе судебного разбирательства не только возникает большое многообразие судебных ситуаций, но и возможно возникновение разнообразных конфликтов. Естественно, предусмотреть и разработать рекомендации по их разрешению на каждый случай просто невозможно. Однако выделить и систематизировать наиболее типичные судебные ситуации и конфликты, разработать алгоритмы, позволяющие их разрешить, – одна из основных задач, стоящих как перед учёными, так и перед практиками в области криминалистики»[2].

Справедливо будет добавить, что среди учёных в области криминалистики и уголовного процесса нет единой позиции в вопросе классификации судебных ситуаций, возникающих при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции. Выдвигаются многообразные основания для их разделения: например, в зависимости от наличия или отсутствия предварительного слушания; рассмотрения уголовного дела в обычном или особом порядке; рассмотрения уголовного дела в открытом или закрытом порядке. На наш взгляд, назрела необходимость рассмотрения классификации судебных

---

[1] Лебедев Н.Ю. Теоретические проблемы и практика расследования незаконного производства спиртосодержащей алкогольной продукции: дис. … канд. юрид. наук. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2004. С. 119.
[2] Там же С. 165.

ситуаций с позиции конфликтов, возникающих в ходе рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции.

Одно из последних монографических исследований в данной области было проведено Д. В. Кимом, который первоначально в своей кандидатской диссертации (1999 г.), а в дальнейшем и в докторской диссертации (2009 г.), предлагает классифицировать судебные ситуации в зависимости от этапов судебного разбирательства:

«1. Ситуация первоначального этапа судебного рассмотрения уголовных дел (охватывает подготовительную часть судебного разбирательства). 2. Ситуация дальнейшего этапа судебного рассмотрения уголовных дел (охватывает судебное следствие, судебные прения, последнее слово подсудимого). 3. Ситуация заключительного этапа судебного рассмотрения уголовных дел (охватывает постановление и провозглашение приговора)»[1].

Несколько иную классификацию ситуаций, возникающих в суде, предлагают С. Л. Кисленко и В. И. Комиссаров, они производят «деление:

1. В зависимости от состава участвующих в разбирательстве дела лиц – простые и сложные. 2. По времени возникновения – начальные и последующие. 3. По отношению к возможности достижения задач, стоящих перед каждой из сторон, – благоприятные и неблагоприятные. 4. С точки зрения содержания отношений, складывающихся между участниками судебного разбирательства, – конфликтные и бесконфликтные»[2].

Для рассмотрения конфликтов, возникающих в процессе судебного разбирательства, предлагаем взять за основу и уточнить с точки зрения содержания классификацию, предложенную В. К. Гавло и С. Э. Ворониным, которая рассматривает судебные ситуации «в зависимости от процесса использования доказательств:

1) связанные с сохранением в суде доказательств, добытых предварительным следствием; 2) связанные с восполнением пробелов в материалах предварительного следствия; 3) связанные с оценкой доказательств в суде; 4) связанные с принятием решения по существу дела»[3].

Конфликты, «связанные с сохранением в суде доказательств, собранных предварительным следствием», – это ситуация тактического риска, например, утраты в суде свидетельских показаний. Проблема сохранения свидетельских показаний в суде, тесно связана с вопросами, касающихся создания такой обстановки, которая позволит гарантировать лицам свидельствующим против подсудимого полную безопасность как для них лично, так и для их родственников и близких лиц. Одной из эффективных мер является избрание заключения под стражу к лицам, обвиняемым в совершении преступлений. Конфликтность ситуации заключается в том, что само избрание в отношении подсудимого меры пресечения заключение под стражу, порождает конфликт между другими участниками. При этом нет гарантий, что после применения заключения под стражу будет разрешен конфликт ради преодоления, которого была избрана мера пресечения.

Вступивший в силу в 2002 г. Уголовно-процессуальный кодекс РФ предусмотрел ещё одну возможность для преодоления таких конфликтов – «зашифровывать данные о потерпевшем, свидетеле или ином участнике уголовного судопроизводства, если им или их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством,

---

[1] Ким Д. В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений: Дисс.... канд. юрид. наук. – Томск, 1999. – С. 133.

[2] Кисленко С. Л., Комиссаров В. И. Судебное следствие: состояние и перспективы развития. – М.: Юрлитинформ, 2003. – С. 123–137.

[3] Гавло В. К., Воронин С. Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде: Учебное пособие. – Барнаул: БЮИ МВД РФ, 2000. – С. 18–37.

применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями»[1].

Преодоление конфликтов, «связанных с восполнением пробелов в материалах предварительного следствия», заслуживает особого внимания, в связи с изменениями, вносимыми в УПК РФ. В ходе анализа уголовных дел, было выявлено, что каждый следователь хотя бы раз допускал ненадлежащее отношение к выполнению требований, установленных УПК РФ, к правилам производства следственного или иного процессуального действия, либо к правилам оформления его результатов. Данное обстоятельство влечет утрату доказательственной информации, судьи вынуждены признавать недопустимыми доказательства, полученные с нарушением закона. Возникают конфликты «прокурор – судья», «прокурор – потерпевший», «потерпевший – судья», «потерпевший – подсудимый», «прокурор – защитник».

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что в суде при проведении судебного следствия возникают конфликты, которые устранить имеющимися правовыми у судьи средствами затруднительно.

Разрешение конфликтов, «связанных с оценкой доказательств и принятием решения по существу дела», представляет собой также достаточно серьёзную и актуальную проблему. Это связано с тем, что именно на внутренней субъективной оценке, представленной сторонами доказательственной информации, судья в конечном итоге должен принять решение о виновности или невиновности подсудимого.

Факт вынесения приговора (независимо от того, оправдательный он или обвинительный) порождает конфликт. Приговором всегда недовольна одна из сторон судебного разбирательства: потерпевший – мягкостью назначенного наказания, а осужденный – наоборот, строгостью принятого решения.

Анализ уголовных дел показал целесообразность разделения исходных судебных ситуаций и конфликты, возникающие в суде первой инстанции, с учётом отношения (позиции) стороной защиты в конкретных сложившихся обстоятельствах:

«1. Сторона защиты соглашается с обвинением, выдвинутым в отношении подсудимого, – бесконфликтная судебная следственная ситуация.

В данной ситуации перед судьей стоит задача исследовать и проанализировать все имеющиеся доказательства в целях установления фактических обстоятельств преступления. Судебное следствие по своему содержанию представляет собой деятельность судьи по оценке представленных доказательств и активной деятельности сторон обвинения и защиты по предоставлению информации, подтверждающей правильность их позиции. В случае согласия с представленным обвинением и признания своей виновности подсудимым разрешение ситуации происходит бесконфликтно и не предполагает проведения таких следственных действий, как осмотры вещественных доказательств, осмотры местности и помещений, назначение и производство экспертиз, вызов и допрос дополнительных свидетелей.

Представленная ситуация является идеальной в плане её разрешения и не требует разработки специальных тактических операций в целях преодоления противодействия со стороны защиты.

2. Сторона защиты не соглашается с обвинением, выдвинутым в отношении подсудимого, – налицо конфликт интересов. Защитник и подсудимый заявляют ходатайства об исключении доказательств.

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.200 1 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 33.

Перед судьёй возникает ситуация, связанная с необходимостью назначения проведения предварительного слушания. Уголовно-процессуальный кодекс гласит, что бремя опровержения доводов о том, что доказательства, которые представлены стороной обвинения, были получены с нарушением требований закона, лежит на прокуроре, судья не имеет права вмешиваться в состязательный процесс между сторонами. Задача судьи – выступить в роли конфликтолога, оценить представленные доводы и принять решение о том, имеет рассматриваемое доказательство юридическую силу или нет»[1].

Соответственно ошибка следователя в процессе досудебного собирания, проверки или оценки доказательств повлекшее нарушение норм УПК РФ, или невнимательность прокурора в ходе утверждения обвинительного заключения в дальнейшем может привести к невыполнению главного назначения уголовного судопроизводства – защита лиц, потерпевших от преступления.

Для предупреждения конфликтов, в ходе проведения судебного следствия, особое значение имеет правильная организация порядка исследования доказательств, проведения допросов и других судебных действий. «Перед началом судебного разбирательства, предполагая возможность возникновения конфликта, судья должен выработать алгоритмы возможного выхода из него, разработать порядок проведения допросов участников судебного заседания, эффективно проводить перекрёстный допрос одного человека несколькими участниками судебного следствия по поводу одного и того же обстоятельства. Данный метод позволяет путём постановки вопросов, поступающих из разных источников, ввести в замешательство допрашиваемого в случае дачи им ложных показаний, что приводит его к необходимости начать излагать правдивую информацию»[2]. «Также эффективно проводить допрос «шахматным способом», при таком допросе попутно ставятся вопросы другим участникам по одним и тем же фактам, и обстоятельствам, исследуемым в данный момент в основном допросе. Такой допрос позволяет подтвердить или опровергнуть показания допрашиваемого показаниями других лиц»[3].

«Кроме проведения допросов, необходимо продумать тактику предъявления и исследования вещественных доказательств, оглашения заключений экспертов, особенно в случае, если к делу приобщены в качестве вещественных доказательств аудио- и видеозаписи преступной деятельности, которые были сделаны при проведении оперативно-розыскных мероприятий»[4].

«По результатам проведения судебного следствия также возникают две типичные судебные ситуации, характер и содержание которых зависят от того, признаёт подсудимый себя виновным в совершении преступления или нет:

1. Подсудимый признаёт себя виновным и не будет обжаловать решение принятое судом – бесконфликтная судебная ситуация.

2. Подсудимый не признаёт себя виновным в совершении преступления и будет обжаловать решение суда в апелляционном порядке – возникновение конфликта неизбежно»[5].

---

[1] Лебедев Н. Ю. Конфликтные судебно-следственные ситуации. Содержание и пути их разрешения в ходе судебного разбирательства по уголовным делам // Журнал «Закон и право». – 2008. – № 12. – С. 93–96.

[2] Лебедев Н. Ю. Там же.

[3] Гавло В. К. Воронин С. Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде: Учебное пособие. – Барнаул: БЮИ МВД РФ, 2000. – С. 23.

[4] Лебедев Н. Ю. Конфликтные судебно-следственные ситуации. Содержание и пути их разрешения в ходе судебного разбирательства по уголовным делам // Журнал «Закон и право». – 2008. – № 12.Там же.

[5] Лебедев Н. Ю. Теоретические основы конфликтов, возникающих в процессе досудебного и судебного производства по уголовному делу, и пути их разрешения: монография / Н. Ю. Лебедев; под ред. В. К. Гавло. - Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012. – 323 с.

«Учитывая, что большое количество преступлений совершается группой лиц, возможность разрешения конкретно сложившейся конфликтной судебной ситуации необходимо рассматривать индивидуально в отношении отдельно взятого подсудимого, потому что достижение изменения позиции одного из обвиняемых при правильно построенных допросах может повлиять на изменение показаний если не всех подсудимых, отрицающих свою причастность, то тех из них, которые выполняли преступные действия, за которые Уголовный кодекс РФ не предусматривает строгого наказания»[1].

Анализ уголовных дел показал, что судья должен не только в совершенстве знать и соблюдать требования уголовного и уголовно-процессуального законодательств, но и владеть тактическими приёмами наиболее эффективного проведения судебных действий, А. Ю. Корчагин справедливо приходит к выводу, что «судья должен обладать практически теми же знаниями криминалистики, что и следователь, знать и понимать методику расследования различных видов уголовных дел, методику доказывания»[2].

Нельзя не согласится Т. С. Волчецкой в том, что: «Для того, чтобы создать эффективные методики по ведению судебного следствия, необходимо разрабатывать учение о судебных ситуациях»[3], в которое на наш взгляд, должны войти теоретические и практические положения преодоления конфликтов.

И безусловно поддерживаем В. В. Конина в том, что: «накопленный массив как теоретических, так и эмпирических данных позволяет прийти к выводу о том, что проблема конфликтов в судебном разбирательстве имеет свои специфические черты и должна занимать самостоятельное место в структуре юридической конфликтологии»[4].

Подводя итог отметим, что проблемами уточнения и дополнения приёмов преодоления конфликтов, возникающих в суде первой инстанции, занимались многие учёные, и безусловно, данное направление является необходимым и перспективным для развития науки криминалистики.

---

[1] Лебедев Н. Ю. Конфликтные судебно-следственные ситуации. Содержание и пути их разрешения в ходе судебного разбирательства по уголовным делам // Журнал «Закон и право». – 2008. – № 12. – С. 93–96.

[2] Корчагин А. Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: Автореф. дисс. … д-ра юрид. наук. – М., 2007. – С. 36.

[3] Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия. – М., Калининград, 1997. – С. 113.

[4] Конин В. В. Суд присяжных: конфликт в судебном следствии // Вестник ОГУ. – 2006. – № 3. – С. 99–101.

А.Ю. Самойлов

Особенности допроса подозреваемых и обвиняемых в конфликтной ситуации

В статье рассматриваются вопросы организации допроса, установления психологического контакта с обвиняемыми (подозреваемыми), тактики производства допроса применительно к процессуальному положению лица, проблемы тактического риска, особенностью тактики предъявления уже имеющихся доказательств с целью изобличения допрашиваемого во лжи, достижение цели – получение наиболее развернутых показаний.

***Ключевые слова**: допрос, обвиняемый, подозреваемый, доказательства, тактический риск.*

Samoylov A. U.

Peculiarities of interrogation of suspects and accused persons in a conflict situation

The questions of organization of interrogation, establishment of psychological contact with defendants (suspected), tactic of production of interrogation as it applies to judicial position of person, problem of tactical risk are examined in the article, by the feature of tactic of producing of already present proofs with the purpose of exposing interrogated in a lie, gaining end is a receipt of the most unfolded testimonies, related to the circumstances of the investigated criminal case about the robbery attacking collectors.

***Keywords**: interrogation, defendant, suspected, proofs, tactical risk.*

В общем смысле под конфликтом следует понимать «осознаваемое людьми столкновение противоположных интересов, стремлений, взглядов, проявляющееся в их поведении».[1] По сути дела, речь идёт о процессе, в котором два индивида активно ищут возможности помешать друг другу, достичь определённой цели, предотвратить удовлетворение интересов соперника.

В исследовании конфликтов, свойственных процессу расследования, принято различать две стороны – внешнюю и внутреннюю. «С внешней стороны конфликт представляет собой реальное соперничество и противодействие друг другу участников расследуемого дела. С внутренней стороны он предстаёт перед нами, во-первых, как определённая взаимосвязь субъектов, принимающих сообщающих и использующих информацию друг о друге, и во-вторых, как двустороннее решение взаимосвязанных и взаимоопределяющих мыслительных задач, лежащих в основе поведения участников конфликта и направляющих ход реальной борьбы».[2]

В ходе расследования конфликтные отношения чаще всего складываются между следователем, с одной стороны, и недобросовестным, заинтересованным в исходе дела обвиняемым, который может быть и виновным, и невиновным, с другой. Для конфликта типично такое положение, когда стороны объективно стремятся к противоположным целям и при планировании своих действий учитывают возможные действия противной стороны, взаимно создают трудности и помехи, чтобы обеспечить себе выигрыш. «Наличие конфликтов и противоречий, в производстве по уголовным делам, неоспоримо… Задача следователя и состоит в том, чтобы разобраться в этих противоречиях, вы-

[1] Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. Учеб. пособие. – М.: Издательская группа ФОРУМ – ИНФРА М – 1998 С. 68.

[2] Руководство для следователей. / Изд. второе, перераб. Часть 1. Отв. ред. Найдёнов В.В. и Олейник П.А. – М.: «Юридическая литература» – 1981 С. 77.

яснить их причины, и по возможности их устранить».[1]

Конфликтные ситуации бывают двух видов: со строгим соперничеством, когда интересы диаметрально противоположны и выигрыш одной стороны означает поражение другой; и с нестрогим соперничеством, когда скрещиваются не столь противоположные интересы. Большинство конфликтных ситуаций, возникающих в процессе расследования, относится ко второму виду, и чаще всего являются результатом неправильно понятых интересов. Например, обвиняемый, желая уклониться от ответственности за совершённое преступление, даёт ложные показания или следователь добивается признания от невиновного. Поэтому, осознание участниками процесса общих интересов нередко устраняет такое соперничество, «снимает» конфликт.[2]

Исходя из особенностей конфликтной ситуации, анализа уголовной, судебной практики, а также рекомендаций, приводимых в специальной литературе, рекомендуются к применению следующие тактические приемы:

1. Тщательное изучение биологических, социальных, психологических, биографических особенностей личности подозреваемых с целью определения последовательности допросов.

2. Использование конфликтных ситуаций в группе. Но необходимо отметить, что это тактический риск, которым следует воспользоваться с учетом всех особенностей, которые могут возникнуть впоследствии. Под тактическим риском понимается такая ситуация процесса расследования, в которой следователем допускаются отрицательные последствия при реализации тактического решения[3].

В процессе расследования зачастую решаются две противоположные, но взаимосвязанные и взаимодополняющие задачи. Лицо, совершившее преступление, учитывая возможность использования следователем тех или иных способов и приёмов, старается затруднить их применение, уклониться от ответственности. В свою очередь следователь, учитывая возможные способы совершения и сокрытия преступления, старается установить скрываемые факты, нейтрализовать сопротивление заинтересованных лиц, обеспечить наказание виновного. Таким образом, участник каждой стороны стремиться мыслить за другого. При этом успех зависит от полноты и точности осведомлённости одного о другом.

В психологическом анализе конфликтных ситуаций расследования на первый план выдвигается вопрос о том, как рассуждают, и принимают решение соперничающие стороны. В психологии такая мыслительная работа обозначается термином «рефлексия». «Технология метода рефлексии состоит в том, что следователь как бы встаёт на позицию участника следственного действия и с этих позиций рассматривает самого себя, весь процесс общения, анализирует прошлое и прогнозирует перспективу развития следственного действия. Это мышление о мышлении по поводу расследуемого дела.… Так, следователь отражает в динамической модели конфликтной ситуации и себя самого, и подследственного, имитирует ход его мыслей и его поведение и, оперируя этой моделью, принимает решение. При этом он должен представить не только самого себя с точки зрения подследственного, но и представления самого подследственного о себе в понимании следователя». [4]

Преимущество в рефлексивных рассуждениях позволяет следователю не только предвидеть поведение своего соперника, регулируя тем самым и собственное поведение, но и активно влиять на его рассуждения, формировать у него основания для принятия

---

[1] Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. М.: БЕК – 2006 С. 103
[2] Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. 2001 –С. 188
[3] Коновалова В.Е. Допрос: тактика и психология. – Харьков: Консум, 1999. – С. 54
[4] Зорин Г.А. Руководство по тактике допроса. Учебно- практическое пособие. – 2007. – С. 159 – 160

желательного следователю решения. В данной сложившейся обстановке выигрывает тот, кто правильнее отражает реальную обстановку, глубже изучил своего соперника, лучше улавливает ход и результаты его рассуждений.

Противодействие, оказываемое обвиняемым, с целью добиться выигрыша или не дать победить следователю, может быть пассивным, выражающимся в отказе от даче показаний, либо активным, выражающимся в даче ложных показаний. Для преодоления противодействия следователю необходимо в совершенстве владеть техникой психологической борьбы, чтобы, применяя лишь те методы, которыми допустимо пользоваться в процессе расследования, успешно противостоять уловкам заинтересованных лиц.[1]

В.И. Саньков

Допрос и проверка показаний подозреваемого (обвиняемого) – проблемы криминалистической тактики и пути их решения

В статье рассмотрены вопросы, связанные с типичными тактическими ошибками, допускаемыми следователями при допросе подозреваемого (обвиняемого) и проверке их показаний на месте, являющимися отражением более общих проблем современного состояния криминалистической тактики, представлен алгоритм их решения.

***Ключевые слова**: криминалистическая тактика, тактические ошибки, допрос подозреваемого, обвиняемого, проверка показаний на месте.*

V.I. San'kov

The interrogation and verification of indications of the suspect (accused) – problems of criminalistic tactics and the ways of their solution

The article considers the issues associated with a typical tactical mistakes made by investigators during the interrogation of suspect (accused) and verification of their testimony on the spot, which is a reflection of more General problems of the modern state of criminalistic tactics and an algorithm for their solution.

***Keywords**: criminalistic tactics, tactical errors, the interrogation of the suspect, accused, verification of testimonies at the scene.*

Одной из важных задач криминалистики является разработка тактических приёмов, направленных на получение, проверку и оценку показаний подозреваемого (обвиняемого). Такое внимание к признанию вины вполне естественно и соответствует закрепленной УПК РФ функции уголовного преследования, осуществляемой от имени государства прокурором, а также следователем и дознавателем.

Достоверные «признательные» показания подозреваемого (обвиняемого), имеют *комплексный* характер, то есть, содержат сведения о многих интересующих следствие фактах, в отличие от иных доказательств, устанавливающих, чаще всего, лишь отдельные элементы состава преступления.

Проверка показаний лица, признающего себя виновным, осуществляется посредством производства тактической комбинации (операции), одним из наиболее распространенных и в то же время сложных элементов которой является проверка показаний на месте, предусмотренная ст. 194 УПК РФ, активно применявшаяся следователями задолго до ее официальной процессуальной регламентации.

---

[1] Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. 2001 С. 194

Анализ правоприменительной практики на протяжении последних двух десятилетий позволяет выделить ряд типичных, повторяющихся тактических ошибок при производстве этих двух важнейших следственных действий, являющихся отражением более общих проблем криминалистической тактики, требующих своего разрешения.

Так, одним из существенных недостатков при допросе подозреваемых (обвиняемых), признающих себя виновными, является неиспользование или поверхностное использование следователями такого тактического приема, как *детализация показаний*, неоспоримая важность которого для формирования и объективной оценки доказательств подтверждена учеными и практиками в разных государствах на протяжении уже не одного столетия. Так же актуально, как и две сотни лет назад, звучат для нас рассуждения известного английского философа, юриста Иеремии Бентама, изложенные в трактате о судебных доказательствах: «Чем более обстоятельств, тем более исходных точек, по которым, в случае ложности показания в некоторых пунктах, его ложность будет открыта. От того, чем обстоятельнее показание, тем более оно даёт обеспечений против ошибки»[1].

На необходимость использования этого тактического приема указывается и в современной отечественной юридической литературе[2].

В то же время рядом авторов в разных регионах отмечается наличие тактических упущений, связанных с недостаточной детализацией показаний[3].

Изучение уголовных дел об особо тяжких преступлениях против личности позволило выделить следующие тактические ошибки, допускаемые при производстве проверки показаний подозреваемого (обвиняемого) на месте:

- не проведение или несвоевременное проведение этого следственного действия;
- «наводящий характер» поведения или высказываний участников следственного действия, осведомлённых о тех обстоятельствах, на которые должно указать лицо, чьи показания проверяются;
- наличие «наводящих» объектов в месте, где производится проверка, например, явных следов, оставшихся после осмотра места происшествия, по которым лицо, чьи показания проверяются, может сориентироваться в окружающей обстановке;
- не использование метода «искусственных координат»;
- отсутствие достаточной детализации в установлении обстоятельств, имеющих значение для дела;
- не применение в необходимых случаях метода реконструкции;
- несоблюдение тактических рекомендаций, касающихся осмотра и изъятия обнаруженных в ходе проверки показаний на месте предметов;
- недостатки фиксации проверки показаний с помощью видеозаписи или фотосъемки;
- недостатки при отражении хода и результатов проверки показаний в протоколе;
- недостатки в оформлении графических приложений (планов, схем, рисунков), либо их отсутствие.

---

[1] Цит. по книге: Карнеева Л.М. Тактические основы организации и производства допроса в стадии расследования. – Волгоград, 1976. С. 67-68.

[2] Криминалистика. Учебник. Том II / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – М.: Издательство «Экзамен», 2014. С. 141; Паршиков В.И. Тактический прием «детализация показаний» и его научные основы//Актуальные проблемы криминалистической тактики: материалы Международной науч.-практич. конференции (г.Москва, 28 марта 201 4 г.). – М.: Юрлитинформ, 2014. С.214-223.

[3] См., напр.: Саньков В.И. Тактические ошибки следователя при получении и проверке признания в убийстве (причины, предупреждение, нейтрализация последствий): дисс. … канд. юрид. наук. – Воронеж, 2003; Осипова Е.В., Маковеева А.Е., Краснов Е.В. Преодоление следственных ошибок, возникающих при допросе женщин//Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 9. С. 125-126.

Причинами допускаемых тактических ошибок являются непрофессионализм следователей, особенно не имеющих достаточного опыта работы, просчеты ведомственного контроля и прокурорского надзора, недостаточная эффективность криминалистических методик. По мнению В.И. Комиссарова, «весьма актуальна разработка не только общетеоретических (методологических), но и частнонаучных положений, которые позволили бы поднять на качественно более высокий уровень производство отдельных следственных действий»[1].

Проблемам современного состояния криминалистической тактики посвящено немало работ известных отечественных ученых, практических работников правоохранительных органов. Их обобщение, а также анализ следственной практики дают возможность выделить следующие основные положения, реализация которых позволит повысить качество следственных действий, в том числе допроса подозреваемого (обвиняемого) и проверки полученных показаний на месте.

1. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства за счет регламентации некоторых существенных, апробированных тактических приемов, с целью придания им обязательного для исполнения характера. На наш взгляд, детализация показаний и является таким приемом, имеющим универсальный характер, эффективным для допросов подозреваемых (обвиняемых), как признающих вину, так и отрицающих ее, а также свидетелей и потерпевших.
Очевидно, что при проверке показаний на месте недопустимы не только наводящие вопросы, как это закреплено в действующей редакции ст. 194 УПК РФ, но и подобное поведение участников следственного действия, в связи с чем справедливо отмечена необходимость внесения соответствующих дополнений в указанную норму закона[2]. Продолжая эту мысль, отметим, что также недопустимы и высказывания участников проверки показаний, имеющие наводящий характер. В настоящее время такой запрет носит лишь характер тактических рекомендаций.

2. До тех пор, пока вопрос о законодательном закреплении наиболее важных и показавших свою эффективность тактических приемов не будет решен, необходимо придать им обязательный характер путем издания ведомственных организационно-распорядительных документов. По классификации профессора Е.Е. Центрова, подобные рекомендации относятся к тактическим предписаниям[3].

3. В тактическом обеспечении допроса подозреваемого (обвиняемого) все большее значение приобретают знания психологии. Учеными-криминалистами обращается внимание на важность индивидуального подхода к допрашиваемому, учета психологических факторов и закономерностей, влияющих на полноту и достоверность показаний[4]. В связи с этим необходимо как овладение следователями соответствующими знаниями, так и более активное привлечение к допросам специалистов-психологов.
При допросе подозреваемого (обвиняемого), признающегося в совершении преступления, в целях вспоминания деталей описываемых событий может быть полезным применение используемого при допросе свидетелей и потерпевших метода когнитивного ин-

---

[1] Комиссаров В.И. Об актуальных направлениях развития криминалистической тактики//Российский следователь. – 2014. №6. С.8-11.

[2] Меркулова М.В. Тактика проверки показаний на месте события: Автореф. дис…. канд. юрид. наук. – М., 2008. URL: http://lawtheses.com/taktika-proverki-pokazaniy-na-meste-sobytiya (дата обращения 08.10.2015).

[3] Е.Е. Центров. Сущность и основные понятия криминалистической тактики // Вестник криминалистики. №2 (54). – 2015. С. 14-28.

[4] Яблоков Н.П. Криминалистика в вопросах и ответах: учеб. пособие. – 3-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С.184-189; Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология: Учебное пособие. – Проспект, 2011/СПС КонсультантПлюс.

тервью[1]. Данный метод с успехом применяется специалистами Главного управления криминалистики СК России[2]. Однако в силу их малочисленности и большого объема выполняемой работы, целесообразно овладение такой методикой следователями на местах, сотрудниками отделов криминалистики региональных следственных управлений.

4. Использование при подготовке и проведении проверки показаний на месте новых тактических приемов, соответствующих современному уровню развития науки и техники, например, установление точных координат определенного места с помощью GPS-навигатора (наряду или в сочетании с традиционным методом искусственных координат), географических карт, полученных с помощью средств спутниковой связи, компьютерных программ, создающих трехмерное изображение, применение метода 3D-сканирования.

5. Максимальное приближение научных изысканий в области криминалистической тактики к практическим потребностям раскрытия и расследования преступлений. «Практика ждет от современной науки не просто «советов и рекомендаций», а информационно-технологического обеспечения решения профессиональных задач криминалистов»[3].

При этом основной упор следует сделать на разработку рекомендаций, учебно-методических пособий по *применению* тех или иных тактических приемов. «Современные учебники не раскрывают главный вопрос криминалистической тактики: КАК? Например, «установить психологический контакт с допрашиваемым лицом», применить тот или иной прием во время обыска, следственного осмотра, опознания»[4]. В этом отношении представляется эффективным дальнейшая алгоритмизация процесса расследования, разработка и внедрение, как в следственную практику, так и в обучение следователей и студентов юридических вузов компьютерных программ допроса, проверки показаний на месте, иных следственных действий в различных типовых ситуациях расследования.

6. Отдельным и важным направлением криминалистической тактики должно стать изучение тактических ошибок следователя, которые не так заметны и оцениваемы подразделениями ведомственного контроля, прокурорами, судами, как процессуальные и уголовно-правовые, но по своим негативным последствиям для раскрытия преступления и установления истины по делу имеют не менее, а иногда и более важное значение. Этим объясняется внимание, уделяемое в юридической литературе проблемам именно тактических следственных ошибок[5].

Задача криминалистики в этой области четко сформулирована профессором С.И. Цветковым: «Целью научных исследований в криминалистике должно быть не только формирование позитивной базы знаний о наиболее рациональных средствах и методах, но и выявление наиболее распространенных тактических ошибок следователей, оперативных работников, методических ошибок специалистов и экспертов… Наша задача как исследователей в сфере криминалистических знаний, разобраться в причинах

---

[8] Подробнее об этом см.: Образцов В.А., Богомолова Н.Н. Криминалистическая психология. – М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2002.

[9] Зерин С.Н. Психологические методы активизации памяти свидетелей и потерпевших: Методическое пособие. – М. 2013.

[10] Колдин В.Я. Криминалистика: вчера, сегодня, завтра //Российская юстиция, 2011. № 3. С. 21-24.

[11] Дегтярев С.В. О роли, месте и значении криминалистики, или Проблемы, тенденции и перспективы ее развития в постбелкинский период//Российский следователь. 2014. №5. С.8-10.

[12] См., напр.: Якушин С.Ю. Тактические ошибки следователя // Российский следователь. 2009. № 9. С. 4 – 6; он же: Преодоление тактических ошибок при расследовании преступлений // Российский следователь. 2009. № 10. С. 5 – 6; Саньков В.И. Указ соч.

их недостаточной эффективности, накопить информацию о тактических ошибках и систематизировать их. Включать информацию о типичных ошибках в лекции, учебники, пособия»[1].

7. Характерной особенностью современного развития криминалистической тактики является использование ее приемов и методов не только следователем, но и другими участниками уголовного судопроизводства, как со стороны обвинения, так и защиты. Практически все следственные действия с участием подозреваемого (обвиняемого), в том числе их допрос, проверка показаний на месте, производятся с участием защитника, тактической стороне деятельности которого современными учеными-юристами уделяется большое внимание[2]. В связи с этим, справедливо отмечено, что «актуальным направлением в научных исследованиях является разработка вопросов, относящихся к тактике следственных действий, производимых с участием защитника»[3].

Прокурору, надзирающему за исполнением законов органами предварительного расследования, также необходимо знание общих и частных криминалистических методик[4]. Важное значение имеет владение приемами криминалистической тактики и государственным обвинителем, от профессионализма которого во многом зависит результат рассмотрения уголовного дела в суде.

---

[13] Цветков С.И. Тактические решения и тактические ошибки//Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе: материалы всероссийской научно-практической конференции, г.Краснодар, 23-24 мая 200 2 г. – Краснодар, 2002. С. 85 – 91.

[14] См., напр.: Баев М.О. Тактические особенности участия адвоката-защитника в производстве следственных действий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. №2. С. 78 – 84.

[15] Садыков А.У. Противодействие расследованию: ошибки следователя как способствующий фактор//Общество и право. 2011. №2. С. 239-244.

[16] Исаенко В.Н. Криминалистические аспекты деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве // Криминалистъ. 2011. № 2(9). С. 18; он же: Критерии комплексной оценки прокурором материалов предварительного расследования//Законность. 2013. №9. С. 15 – 20.

О.А. Славгородская

Реализация криминалистического мышления при получении информации от свидетелей преступления.

В статье через призму сформулированного Н.П. Яблоковым подхода к следственной деятельности, реализуемого на основе криминалистического мышления, рассматриваются вопросы повышения качества расследования преступлений. Акцентируется внимание на допросе свидетелей как способе получения криминалистически значимой информации. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования теоретических разработок криминалистики.

***Ключевые слова**: криминалистически значимая информация, преступление, свидетель, следователь, следственная деятельность.*

O.A. Slavgorodskaya

Implementation of forensic thinking in obtaining information from witnesses to the crime.

This article through the prism formulated NP Yablokov approach to investigative activities implemented on the basis of forensic thinking, deals with improving the quality of crime investigation. The attention is focused on the examination of witnesses as a means of obtaining forensically relevant information. The conclusion about the need to further improve the theoretical development of criminalistics.

***Keywords**: forensically relevant information, the crime, the witness, the investigator, investigative activity.*

Среди ученых Н.П. Яблоков дано и прочно занял свое почетное место в числе корифеев отечественной криминалистики. В его работах можно найти ответы на многие вопросы как теоретического, так и прикладного характера. И среди всех работ красной нитью проходит мысль о том, что криминалистические знания составляют неотъемлемый компонент профессиональной юридической деятельности. Но особое значение они имеют в деятельности следователя, обеспечивая эффективное раскрытие, расследование и предупреждение преступлений. Анализируя качества, которыми должен обладать современный следователь, Н.П. Яблоков использовал в качестве ориентира подход, к следственной деятельности сформулированный в работах основоположников криминалистики. Ганс Гросс в свое время характеризуя требования, предъявляемые к настоящему следователю сконцентрировал внимание на многогранности его личности. Совокупность необходимых качеств и умение использовать их в расследовании позволяет следователю «целеустремленно и планово осуществлять расследование, избежать в своей деятельности мысленных и иных ошибок, контролировать свои выводы и действия, беспрерывно проверять и отбрасывать все то, что хотя бы самым отдаленным образом имело характер преувеличения»[1].

Формирование всех необходимых для следователя качеств позволяет достигнуть ему высокого уровня осуществления деятельности по расследованию преступлений. Очевидно, что качественно осуществлять расследование невозможно без соответствующего обеспечения, которое реализуется со стороны науки. Акцентируя внимание на возможностях современной криминалистики, Н.П. Яблоков подчеркивает, что имеющийся

[1] Яблоков Н.П. Средства криминалистического мышления в криминалистической тактике. // Актуальные проблемы криминалистической тактики: матер. междун. науч.- практ. конф. – М.:Юрлитинформ, 2014. – С.309.

потенциал позволяет раскрывать практически любое преступление. Однако существует расхождение имеющихся возможностей с реалиями действительности. «Фактически же уровень раскрытия преступлений на практике, к сожалению, не соответствует указанным возможностям криминалистики. Происходит это либо в силу криминалистической безграмотности лиц, осуществляющих расследование, или в результате пренебрежения принципами и рекомендациями науки криминалистики. Пренебрежение же наукой всегда оборачивается уродливым деформированием практики»[1].

Полноценное использование достижений науки в практической деятельности всегда составляло основу высокого профессионализма. К сожалению, определенный нигилизм в отношении к криминалистическим рекомендациям становится признаком сегодняшнего следствия. Написано и сказано об этом немало. В связи, с чем возникает необходимость в переориентировании системы подготовки следователей на выработку совокупности знаний и навыков, позволяющих решать задачи любого уровня сложности в процессе осуществления профессиональной деятельности.

Н.П. Яблоков видит выход из сложившейся ситуации в разработке теоретической концепции криминалистического мышления, раскрывающей информационную сущность значение и научные основы для решения не только криминалистических, но и иных юридических задач. Создание подобной концепции потребует деятельности большого коллектива ученых-криминалистов, философов, психологов, математиков и других. Далее, считает ученый, на основе выработанной концепции необходимо подготовить дидактические приемы доведения до студентов содержания, и значения криминалистического мышления и научить пользоваться его приемами в объеме необходимом для следственной деятельности[2].

Формирование мышления позволяющего решать разнообразные задачи в процессе осуществления поисково-познавательной деятельности требует в первую очередь получения устойчивых навыков работы с различными источниками информации. Основой успешной работы следователя является умение эффективно получать и использовать уже имеющуюся информацию в процессе расследования.

При совершении преступления все его последствия подвластны основным законам диалектики. «Событие преступления как одно из материальных явлений действительности, исходя из основополагающих положений теории познания, обладает свойством отражения своих характерных черт в окружающей его среде в виде различного рода следов-последствий. Поскольку окружающая преступление среда структурно весьма разнообразна из-за наличия в ней различных объектов неживой и живой природы (людей), то данное криминальное событие оставляет изменения (отражается) в ней в виде материальных или нематериальных, или идеальных (в памяти и сознании людей), следов-последствий. В результате чего возникает информация о всех обстоятельствах и особенностях данного деяния»[3]. Криминалистически значимая информация, возникая в процессе совершения преступления, приобретает соответствующий статус после совершения действия, направленных на ее выявление и использование. Работа с информацией требует осуществления со стороны лица, производящего расследования активных действий реализуемых в направлении выявления возможных источников информации о преступлении, их закреплении и дальнейшего использования.

---

[1]Криминалистика. Учебник для вузов. отв. редактор проф. Н.П. Яблоков. - М.: Издательство БЕК, 1995. – С. 1-2.

[2]Яблоков Н.П. Задачи криминалистики в свете сегодняшнего дня. // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства в современных условиях. Сборник научных статей. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – С. 9-10.

[3]Криминалистика: Учебник/Отв. ред. Н.П. Яблоков. М.: Юристъ, 2005. – С. 53.

Источником информации, без которого не расследуется практически не одно преступление, выступают свидетели. Получение свидетельских показаний, полных и объективных традиционно составляло неотъемлемую часть профессионального мастерства следователя. Однако игнорирование криминалистическими рекомендациями при работе со свидетелями и снижение значения свидетельских показаний для расследования приводят к тому, что данный источник информации не используется в полном объеме.

Получение максимально полных показаний в процессе допроса свидетелей возможно посредством использования положений и рекомендаций, разработанных применительно к тактике допроса этой процессуальной категории участников расследования. В целях обеспечения эффективного производства допроса следует ориентироваться на традиционные рекомендации тактики и учитывать, что производство допроса свидетелей, не оказывающих противодействие расследованию может происходить в обстановке когда лицо добровольно сообщило о своей осведомленности в отношении расследуемого преступления либо осведомленное лицо было установлено в процессе действий по выявлению свидетелей. Потребность в совместной деятельности со стороны лица, вызванного на допрос в подобной ситуации в качестве свидетеля, может быть обусловлена его активной жизненной позицией, необходимостью сообщить информацию, имеющую значение для расследования.

Причем показания незаинтересованных очевидцев преступления подчас являются более ценными с точки зрения их полноты, конкретики и достоверности, чем показания потерпевших, особенно в тех ситуациях, когда последние подверглись физическому насилию[1].

Поскольку очевидец – это тот, кто наблюдал какое-либо событие, явление, то свидетели-очевидцы, являются, по сути, первоисточниками информации[2]. Среди очевидцев выделяются активные свидетели-очевидцы и пассивные. К активным свидетелям относятся те, кто определенным образом принимал участие в предотвращении преступления, оказании помощи, в задержании преступника и т. д. Специфика восприятия данными лицами происшедшего события связана с тем, что они оказываются, непосредственно включены в сам процесс, что нередко приводит к довольно сильному психическому напряжению, которое может помешать восприятию каких-либо фрагментов происшедшего.

Пассивные очевидцы подразделяются на две группы. Первую составляют очевидцы, которые имели возможность действовать активно, предотвращая совершение преступления или же оказывая помощь по преодолению его последствий, но под влиянием внутреннего состояния испуга или иных обстоятельств не пожелавшие каким – либо образом это осуществить. И вторая группа пассивных очевидцев – это те, кто не сумел принять участие в названных действиях в силу объективных причин[3].

Пассивные свидетели очевидцы, не проявившие никакого участия в событии преступления, могут дополнительно активизировать все свои усилия в направления сокрытия информационной осведомленности. На создание такой ситуации оказывает влияние страх, нежелание вмешиваться, и просто то, что лицо предпочитает занимать пассивную позицию по отношению к событиям и явлениям окружающего мира.

Кроме, психологически пассивного отношения к жизни и окружающим этому может способствовать и запоздалое раскаяние и угрызения совести и чувство стыда, за то, что они будут выглядеть в глазах окружающих не в самом позитивном свете.

---

[1]Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е Следственные действия: психология, тактика, технология: Учебное пособие//СПС КонсультантПлюс 2015.//Дата обращения 26.10.2015.

[2]Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. - С. 486.

[3] Криминалистика: Учебник/ Отв. ред. Н.П. Яблоков. - М.: Юрист, 1999. - С. 454-455.

В отдельных случаях при работе с подобными очевидцами требуется принятие мер, направленных на их выявление. При производстве розыска очевидцев совершенного преступления следует учитывать, что свидетели зачастую являются единственными источниками информации обо всех обстоятельствах совершенного преступления, и полученные от них в отношении расследуемого события сведения позволяют выявить идеальные следы преступления.

Соответственно поиск указанных лиц, требует разработки дополнительных рекомендаций, с точки его организации и последующего получения согласия по оказанию содействию в расследовании преступлений от этих лиц. При выявлении круга лиц, возможно располагающих информацией в отношении расследуемого преступления следует ориентироваться на разработанные способы получения подобных сведений.

Одним из важных, теоретически обоснованных и имеющих практическое значение источников получения криминалистически значимой информации традиционно является криминалистическая характеристика. «Этот источник, основанный на научно-обобщенных данных… позволяет установить, что из типовых криминалистически значимых особенностей выявлено, что в них своеобразного, какие типовые черты еще не установлены и, зная характер их возможностей типовой взаимосвязи с выделенными особенностями, можно определить направления и средства их поиска»[1].

Криминалистическая характеристика используется в целях построения версий, с учетом выявленных закономерностей. Одним из элементов криминалистической характеристики обладающим устойчивой корреляцией выступают типичные следы. Данные о типичных идеальных следах преступления, могут быть использованы не только в целях установления лица, совершившего преступление, но и для определения зоны поиска свидетелей. Выявленная путем обобщения следственной практики взаимосвязь основных элементов криминалистической характеристики «в сложных следственных ситуациях расследования при большом дефиците полезной для дела информации позволяет выдвигать наиболее важные и обоснованные версии о лицах, совершивших преступление, и других важных обстоятельствах дела»[2].

Кроме выявления всех возможных носителей информации о событии преступления и получения от них показаний необходимо реализовывать механизм по закреплению и сохранению полученной криминалистически значимой информации. Это связано с тем, тем, что даже успешное выявление очевидцев и вовлечение лица в процесс уголовного судопроизводства не гарантирует в последующем защиты от возможности отказа свидетеля от данных ранее им показаний[3]. Наиболее распространенной причиной изменения свидетелем своих показаний является внешнее воздействие. И.А. Макаренко отмечая наметившуюся тенденцию снижения востребованности идеальных следов, указывает на возможность изменения сообщаемой информации со стороны свидетелей и потерпевших под воздействием подкупа, шантажа и иных незаконных действий[4]. Оказание неправомерного воздействия на свидетелей относится к элементам противодействия

---

[1] Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений – важный элемент криминалистической теории и практики. //Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар 23-24.05.2002. Краснодар: Северская типография. ГУП «Печатный двор Кубани», 2002. – С. 26-27.

[2]Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 118.

[3]Корнуков В.М. Правосудие с позиции взаимоотношений сторон и суда в уголовном судопроизводстве//Российская юстиция.2010.№6 // СПС КонсультантПлюс2015 // Дата обращения 10.09.2015.

[4]Макаренко И.А. Тактические особенности получения информации о личности преступника при производстве осмотра места происшествия // Актуальные проблемы криминалистической тактики: Матер. междун. науч.-практ. конф. - М.:Юрлитинформ, 2014. – С.185.

расследованию и наиболее ярко проявляется при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами[1].

Все вышеизложенное свидетельствует, что существующие рекомендации в области получения и закрепления свидетельских показаний требуют дальнейшего совершенствования не только через развитие теоретических положений криминалистики, но и посредством активного внедрения их в практическую деятельность. Способствовать этому будет овладение правоприменителями основами криминалистического мышления.

А.В. Хмелева

Процессуальные и тактические ошибки, допускаемые следователями при осмотре места происшествия (на основе обобщения следственной практики)

В статье приводится анализ обобщения следственной практики по проведению осмотра места происшествия и оформления протокола осмотра места происшествия по особо тяжким преступлениям против личности. При этом внимание акцентируется на ошибках процессуального и тактического характера, допускаемых следователями, обучающихся на факультете повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации.

***Ключевые слова**: следователь, осмотр места происшествия, труп, процессуальные ошибки, тактические ошибки, протокол.*

A.V. Khmeleva

Remedial and tactical mistakes made by investigators when viewed from the scene (based on the generalization of investigative practices)

The article provides an analysis summarizing investigative practices for the inspection of the scene and design protocol inspection of the scene of very serious crimes against the person. This focuses on the procedural errors and tactical allowed investigators enrolled at the Faculty of Advanced Training Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

***Keywords**: investigator inspected the scene, the corpse, procedural errors, tactical errors, protocol.*

Ошибки, допускаемые следователями, особенно не имеющими достаточного опыта работы, при осмотре места происшествия отрицательно сказываются на эффективности, сроках и результатах следствия в целом. К тому же повторный или дополнительный осмотры не всегда могут восполнить те упущения, какие имели место при первоначальном указанном следственном действии, из-за изменившейся обстановки на месте, утрате объектов, следов или их изменения. Длительное время именно это следственное действие оставалось единственным, которое можно было проводить до возбуждения уголовного дела, что также подчеркивает его значение. Поэтому в Академии Следственного комитета Российской Федерации при повышении квалификации следователей в обязательном порядке рассматриваются вопросы закрепленных в законе процессуальных правил проведения осмотра места происшествия, тактических особенностей его проведения; способы и правила фиксации хода и результатов данного следственного действия; ошибки, допускаемые следователями и пути их исправления. В этом плане существен-

[1]Яблоков Н.П. Расследование организованной преступной деятельности. М: Юрист, 2002. – С. 154.

ную роль играет криминалистический практикум – проведение имитационных деловых игр, «кейсов» на полигонах с учетом различных следственных ситуаций (осмотр места происшествия по уголовному делу о взятке, об убийстве, изнасиловании, разбойном нападении и убийстве), а также на открытой местности (убийство, сопряженное с инсценировкой самоубийства и др.). При этом одним из заданий, которое должны выполнить слушатели, является составление протокола осмотра места происшествия. Обобщение этих протоколов и их анализ, изучение протоколов, имеющихся в материалах уголовных дел, представленных в Академию, а также изучение специальной литературы позволили выявить типичные ошибки и недостатки следователей при проведении осмотра места происшествия.

Ошибки, допускаемые следователями, можно подразделить на: процессуальные (нарушение правил проведения осмотра, закрепленных в УПК РФ), тактические (связанные с последовательностью, методами, приемами осмотра) и технические (недостатки, допускаемые при использовании технических средств и криминалистической техники).

Ряд процессуальных недостатков связан с участниками следственного действия: не во всех необходимых случаях в осмотре при обнаружении трупа участвует судебно-медицинский эксперт или врач (ст.178 УПК РФ). Иногда осмотр трупа проводится на месте происшествия или самим следователем, или дежурным врачом районной больницы, не имеющим специальной подготовки, и его помощь порой формальна и минимальна. Описание трупа в таких случаях, повреждений, имеющихся на нем, фиксация и описание посмертных явлений (трупное окоченение, трупные пятна, температура трупа и окружающей среды) не информативны и зачастую не позволяют в дальнейшем конкретизировать время наступления смерти.

Не всегда разъясняется понятым их права и обязанности, предусмотренные ст. 60 УПК РФ. Личность понятых в ряде случаев не устанавливается по предъявляемым документам (в следственной практике имеют место случаи, когда сообщенные понятыми данные не совпадают с действительностью).

Не во всех случаях указываются иные участники следственных действий – кинолог, родственники убитого, собственники домовладений, принимающие участие в осмотре. Не уточняются, какие средства видеозаписывающей или фототехники использовались при проведении следственного действия; довольно часто не указывается применение измерительной техники – дальномеров, рулеток, линеек.

К тактическим недочетам можно отнести следующее.

В протоколе часто не указывается, каким образом была установлена личность убитого (по имеющимся документам, указали родственники, соседи).

При описании трупа не всегда выдерживается рекомендуемая последовательность осмотра: местонахождение трупа, его внешние особенности, поза, одежда и ее состояние, ложе; имеющиеся телесные повреждения (вид, расположение, размеры), характер посмертных явлений. Не всегда местонахождение трупа фиксируется с привязкой к недвижимым ориентирам, сторонам света (последнее особенно важно при осмотре трупа на открытой местности). При осмотре трупа в жилище или другом помещение не уточняется, что положение трупа фиксировалось методом прямоугольных координат, или же этот метод не применялся. Не достаточно полно описывается одежда: не уделяется внимание ее состоянию, загрязнениям, содержимым карманов. Описание обстановки на месте происшествия очень скупое, что в дальнейшем, особенно при отсутствии качественной фото- или видеосъемки, затрудняет проведение следственного эксперимента или проверки показаний. При фиксации посмертных явлений, в частности, признаков трупного окоченения, не выполняется требование неоднократных измерений с указанием в

протоколе их времени, чтобы в дальнейшем судебно-медицинский эксперт мог проанализировать динамику снижения показателей.

Необходимо отметить, что при описании трупа неустановленного лица (в соответствии с заданной ситуацией) в протоколе не акцентируются те обстоятельства, на которые должно быть обращено внимание: не указывается наличие татуировок (или их отсутствие), шрамов, родимых пятен. Не делается отметка о том, что труп был дактилоскопирован. Нередко у молодых следователей вызывает затруднение исполнение такого требования, как фотографирование трупа неустановленного лица по правилам опознавательной съемки. Следователи часто затрудняются объяснить свои конкретные действия по исполнению закрепленного в ч.2 ст. 178 УПК РФ требования при осмотре трупа неустановленного лица – принять меры к осуществлению его обязательной государственной геномной регистрации. (На практике это означает постановку перед судебно-медицинском экспертом вопроса о ДНК-профиле неустановленного лица, проверке выявленного генотипа по имеющимся базам данных и постановке его на соответствующий учет в соответствии с Федеральным законом РФ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации).

При описании хода осмотра (его динамической стадии) не уточняется, что следователем предпринимались попытки отыскания следов, других объектов, позволяющих выявить поисковые признаки преступника, смоделировать событие преступления: то есть не указываются, что поверхность тех или иных предметов осматривалась и обрабатывалась специальными порошками, что применялись источники экспертного света, косопадающее освещение (например, для обнаружение следов обуви), специальные тесты, раствор люминола и другие специальные средства для выявления следов биологической природы (кровь, слюна, сперма и др.). Не указывается применение поисковой техники - металлоискателя, магнитоподъемника, магнитных граблей; измерительной техники.

При изъятии смывов следов крови или соскобов не всегда следователи принимают меры к получению контрольных образцов смывов или соскобов со следовосприимающей поверхности и материала, используемого для смывов. Получение слепков с объемных следов обуви, а также следов-наслоений показывает, что следователи обладают навыками этих действий в недостаточной степени. Испытывают они затруднения и при необходимости изъятия следов, обнаруженных на снегу, песке, на траве, листьях растений, при изъятии образцов почвы для назначения почвоведческой экспертизы. Серьезные затруднения вызывает правильное изъятие запаховых следов, особенно с предметов, которые по тем или иным причинам нельзя упаковать, или вообще - изъять.

Сами следы крови описываются не полно, не уточняется их вид (пятна, помарки, потеки), размеры, расположение. Изъятые объекты, например, нож, описываются неподробно, без указания индивидуализирующих признаков (например, не указываются длина, ширина клинка и рукоятки, толщина обушка, наличие и размеры дол).

При осмотре помещения не уделяется внимание наличию и состоянию запирающих устройств на дверях, окнах (эти признаки позволяют выдвинуть версии о путях и способах прихода и ухода лица, совершившего преступление). Если убийство совершено в многоквартирном доме, в протоколе целесообразно отмечать, имеются на входной двери подъезда кодовой замок или домофон, в рабочем ли они состоянии, что делается лишь в редких случаях.

В нарушение ст. 180 УПК РФ не заполняется графа протокола об изъятых объектах, лишь делается пометка – «см. описательную часть протокола», не указывается вид упаковки, удостоверительные надписи и содержание оттиска штампа, (печати).

Имеет место неправильная упаковка объектов – одежда с трупа со следами крови помещается в полиэтиленовые пакеты, бутылки упаковываются в бумагу. Часто в полиэтиленовые пакеты упаковываются объекты, направляемые на исследование запаховых следов. Иногда несколько изъятых предметов упаковываются вместе, в один сверток или пакет.

При оформлении протокола используются неправильные термины («дырка», «штаны», «капли крови»), а также формулировки – «недалеко», «около» и т. д. При рукописном протоколе нередко наблюдается небрежность в его оформлении, наблюдаются не оговоренные исправления и добавления.

В ряде случаев в протоколах наблюдается несоответствие между описательной и результативной его частями при описании обнаруженных и изъятых объектов. Так, в одном из протоколов в описательной части указывается, что обнаруженный нож упакован в полиэтиленовый пакет, а в результативной – в бумажный, в другом протоколе в описательной части говорится о двух изымаемых бутылках, а в результативной – о трех и др.

К недостаткам оформления осмотра можно отнести то обстоятельство, что к протоколу не прикладывается флэш-карта или оптический диск с фотографиями осмотра места происшествия.

К техническим ошибкам обычно относят недостатки в работе следователя или специалиста, связанные с использованием технических средств и криминалистической техники, например, неисправность фотоаппарата, видеокамеры, препятствующая проведению фото- видеофиксации, использование биотестов с просроченным сроком годности и т. д.

По нашему мнению, больше к техническим, чем к тактическим относятся ошибки, допускаемые при осмотре сотового телефона, когда допущенные «неграмотные» нажатия на кнопки приводит к стиранию имеющихся SMS-сообщений, другой информации, находившейся в его памяти.

Как показывает практика, в ряде следственных управлений организационно-распорядительными документами руководства установлено требование: одновременно со спецдонесениями о совершении убийства, преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, изнасилования представлять в подразделение криминалистики копию протокола осмотра места происшествия. Изучение протоколов позволяет выявить недостатки, допущенные следователем при осмотре и его оформлении, а также выявить признаки серийности преступлений, что, в свою очередь, нередко позволяет раскрыть преступления прошлых лет. Поэтому такая практика заслуживает положительной оценки и распространения.

В целом проведение деловых игр, имитационных занятий со слушателями, способствует закреплению сформированному у них в ходе специального образования и профессиональной деятельности криминалистических кругозора и стиля мышления; криминалистического анализа исходной ситуации применительно к работе следователя на месте происшествия. Комплексность обучения, применение междисциплинарных технологий обеспечиваются при этом участием в проведении практических занятий преподавателей различных специальностей (учебных дисциплин), например, кафедр криминалистики и уголовного процесса в соответствии с планами занятий, разработанных совместно.

Е.Е. Центров

Парадигма криминалистической тактики и её основные понятия.

В статье обосновывается предложение о смене парадигмы криминалистической тактики, поскольку она содержит в основных положениях не рекомендательный, а обязательный характер.

***Ключевые слова**: тактика, парадигма, знания, рекомендации, приём, правило, технология, стандарт, модуль, предписание, линия поведения.*

E.E. Tsentrov

The paradigm of criminalistic tactic and basic concepts

The article explains the proposal of criminalistic tactics paradigm shift. It's necessary, because basic of criminalistic tactics form obligatory provisions.

***Keywords**: tactic, paradigm, knowledge, recommendations, technique, rule, technology, standard, module, prescription, line of conduct.*

В криминалистической литературе пока ещё не сложилось общепризнаного определения криминалистической тактики и продолжаются дискуссии по поводу понятий тактического приёма, тактической рекомендации и соотношения этих понятий. Преобладающее значение занимает мнение о том, что криминалистическая тактика — это система рекомендаций о наиболее целесообразных, рациональных приёмах производства следственных действий и процесса расследования. Всё же следует признать, что содержащееся в этих определениях суждение о том, что в криминалистической тактике в основном содержатся рекомендации о способах действий в тех или иных ситуациях не вполне точна. Чтобы разобраться в этом, стоит еще раз взглянуть на истории становления положений криминалистики и её связи с уголовным процессом. Становление и развитие тактико-криминалистических положений происходило не в полном смысле параллельно формам уголовно-процессуального права, а во взаимосвязи, определенном их единстве. Разграничение положений уголовного процесса и криминалистики осуществлялось за счет включения в формальное право (уголовно-процессуальный закон) тех способов следственных действий, которые в силу их рациональности, оптимальности являли необходимость следования им в обязательном порядке во всех основных ситуациях расследования. Разумеется, не все из них вошли в уголовно-процессуальное право, поскольку развитие процессуальных норм определяется ещё и своими внутренними закономерностями - в закон включается лишь то самое характерное, что определяет содержание процессуальной нормы применительно к каждому конкретному следственному действию. Включение в процессуальный закон разработанных криминалистикой приёмов проведения отдельных следственных действий, привело к появлению точки зрения о том, что эти приёмы не утратили своего тактико-криминалистического характера и их необходимо считать криминалистическими. Как отмечали авторы этого мнения, «обязательность или необязательность тактического приёма не определяет его сущности. Обязательность есть выражение оценки тактического приёма законодателем как наиболее эффективного средства расследования в данном случае»[1]. Однако обязательность содержащегося в законе определенного способа производства следственного действия, и обязательность

[1]Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика.Общетеоретические проблемы. М.: 1973. - С.92; Криминалистика: учебник / Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма, 2008. - С.445.

выполнения некоторых тактических приёмов, не вошедших в уголовно-процессуальный закон, совершенно разные категории. Бесспорно, несоблюдение последних в процессе расследования не влечёт за собой непосредственно каких-либо негативных в процессуальном плане последствий[1]. Однако вряд ли стоит считать принадлежащими криминалистике те приемы, методы и средства, которые вошли в процессуальный закон. Они не могут принадлежать криминалистике, поскольку являются частью закона. Претензии на этот счёт могут внести лишь путаницу в разграничение теоретических и иных положений уголовно-процессуальной и криминалистической наук. Как вполне резонно заметил в своё время профессор А.Н. Васильев, в криминалистике и без этих, вошедших в уголовно-процессуальный закон приёмов, методов и средств достаточно других тактико-криминалистических положений. Разумеется, сам факт включения в уголовно-процессуальный закон тех или иных тактических предложений является важным свидетельством результативности криминалистических разработок. Однако ошибочно считать, что фактор обязательности или необязательности тактического приёма не определяет его сущности. Именно подобное мнение и обусловило сложившееся в криминалистической тактике суждение о том, что все её приёмы имеют рекомендательный характер. А это далеко не так.

Многие приёмы, разработанные криминалистической тактикой, приобрели в силу своей рациональности, целесообразности и оптимальности по отношению к типовым ситуациям, складывающимся в процессе расследования и производства отдельных следственных действий, характер необходимости их обязательного выполнения. Такие обязательные для выполнения в ходе следствия тактические положения давно известны. Они могут относиться к самым общим положениям тактики либо к тактике проведения конкретных следственных действий. Так, например, выдвинутые по делу следственные версии должны обязательно проверяться одновременно, а не последовательно одна за другой. Здесь отсутствует какой-либо выбор для следователя. Единственное возможное допущение при этом заключается в следующем. Из всех выдвинутых при данных обтоятельствах версий следователь может отдать предпочтение какой-либо одной из них, но при условии, что он сможет либо будет иметь возможность проверить одновременно, параллельно с ней и все остальные версии. Одновременная проверка всех версий возможно лишь тогда, когда по каждой из них на самом первоначальном этапе расследования намечены и будут проведены все неотложные следственные действия. В подобной ситуации у следователя нет никакого иного выбора кроме как выполнить данное тактическое положение (тактическое установление). Невыполнение его приведёт к тому, что если следователь увлечётся проверкой какой-либо одной версии и далее, если она не подтвердится, будет проверять их одну за другой, то в результате упущенного времени скорее всего не сможет раскрыть преступление либо в полной мере установить истину по делу.

Здесь уместен пример, когда не очень опытный и молодой следователь, осматривая место совершения убийства, развязал узлы, образовавшиеся при связывании простынями рук и ног убитого, не обеспечив сохранность важных деталей происшедшего события.

Выделяемый в криминалистической литературе такой признак тактического приёма как избирательность, под которым в последнее время стала пониматься свобода выбора приёма, имеет ограниченный характер и может иметь отношение только к

[1]Всё же и в подобных случаях стоит говорить, что если следователь не использовал тактические рекомендации, тактическое установление, правило в ситуации, где это было необходимо, и не получил должного результата, допустим, не сумел раскрыть преступление, то опосредствованно он не выполнил в силу своего непрофессионализма задач, установленных ст. 6 УПК РФ.

определенному кругу следственных действий и складывающимся в процессе расследования ситуациям[1]. Например, в ситуациях допроса подозреваемых (обвиняемых) тактикой принято выделять три типовые ситуации: первая — когда недостаточно доказательств, изобличающих то или иное лицо в совершении преступления; вторая — когда в доказательствах имеются существенные пробелы; третья — когда доказательств достаточно для изобличения лица в совершенном преступлении. С учётом этих ситуаций тактикой разработны и предложены следственной практике системы различных приёмов. На их основе следователь с учетом складывающейся ситуации, личных особенностей допрашиваемого, характера и объема имеющихся доказательств осуществляет при допросе выбор тех приёмов, которые на его взгляд представляют имеющиеся доказательства наиболее весомыми и убедительными. И здесь результативность его действий будет зависеть ещё и от профессионального знания и умелого использования совокупности тех приёмов, которые разработаны и рекомендуются тактикой допроса. В подобных ситуациях, что верно подмечено А.Н. Васильевым, приём действительно предстаёт как «научная рекомендация, к применению которой следователь подходит творчески, имея возможность выбора, руководствуясь оценкой следственной ситуации и соображениями целесообразности»[2].

Однако даже при производстве допроса имеются ситуации, когда следователю необходимо действовать только так, как это предписывает криминалистическая тактика. Если следователь пренебрежет конкретным тактическим положением, не выполнит содержащегося в нём предписания о том, как наиболее целесообразно действовать в той или иной ситуации, он может потерять доказательство и возможность установления истины по делу.

Например, криминалистической тактикой предписывается в начале самого первого допроса подозреваемого обязательно спросить его об алиби, чтобы помешать ему позднее с помощью адвоката либо других лиц придумать более правдоподобное объяснение о том, где он находился в момент совершения преступления. А подозреваемого в совершении сексуального посягательства, кроме того, необходимо ещё обязательно на первом допросе спросить о его сексуальных контактах, обстоятельствах его интимной, половой жизни, чтобы он потом не заявил ложно о своей импотенции. Получение таких сведений позволит избежать в последующем необходимости назначения медико-сексологической экспертизы для выяснения вопроса, а действительно ли он страдает импотенцией. Обязательность выполнения этого тактического правила обусловлена ещё и тем, что такая экспертиза обычно даёт не категорическое, а вероятное заключение.

Тактикой также разработан набор конкретных действий и приёмов, позволяющих проверить нет ли в показаниях подозреваемого, обвиняемого самооговора или же оговора других лиц в криминальном деянии, к которому они не причастны. В систему этих приёмов включаются: 1) детализация показаний допрашиваемого об обстоятельствах расследуемого события применительно к определенному месту, где произошло преступное событие; 2) проверка его алиби и алиби тех лиц, которых он

---

[1]Признак *избирательность* был в свое время предложен А.Р. Ратиновым совсем в ином понимании - для обозначения наряду с такими условиями как законность и этичность пределов допустимости средств психического воздействия. По мнению А.Р. Ратинова, избирательность средств психического воздействия заключается в том, «чтобы они давали положительный эффект только в отношении лица, скрывающего правду, препятствующего установлению истины, и были бы нейтральны в отношении незаинтересованных лиц». См. его работу: Судебная психология для следователей / Учебное пособие. М.: 1967. - С.168.

[2]Криминалистика. М.: 1971. - С.255.

изобличает в своих показаниях[1]; 3) тщательный детализированный допрос указанных им свидетелей, которые, как он заявляет, могут подтвердить его ссылку на алиби; 4) проведение при необходимости проверки показаний на месте как подозреваемого, так и тех лиц, на которых он ссылается; 5) сопоставление полученных данных с другими имеющимися доказательствами и т. п. Использование перечисленных приёмов является не только желательным, но и крайне необходимым. Тактические положения об этом уже не будут носить характер рекомендации. Это уже надо рассматривать как *тактические* установления — тактические правила, поскольку невыполнение их чревато неустановлением истины по делу и вполне возможным привлечением к уголовной ответственности невиновных. К тактическим правилам следует отнести и содержащееся в рассмотренных выше «Основных формах уголовных следствий» следующее положение, относящиеся к допросу: «При спросе по одному делу нескольких человек, преступников или подозреваемых в преступлении, следователь не должен допускать сношений между спрошенными с неспрошенными ещё; в противном случае первые могут условно направить ответы последних и тем уничтожат средства к раскрытию истины» (стр.101).

Примерно такое же правило было выведено в криминалистической тактике по поводу допроса свидетелей. И здесь сложилась очень интересная ситуация, которая подтверждает то обстоятельство, что нередко разработанные криминалистами наиболее целесообразные процедуры, порядок, последовательность, алгоритм проведения тех или иных следственных действий воспринимаются законодателем, как носящие обязательный характер, и включаются в качестве нормативного правила в уголовно-процессуальный закон, как дополнение к тем нормативного характера способам действий, которые были включены ранее. Так, предложенное криминалистами правило о том, что свидетели по одному и тому же делу должны допрашиваться порознь и в отсутствие других свидетелей в своё время вошло в уголовно-процессуальный закон — в ст.158 УПК РСФСР. Там же было записано, что при этом следователь принимает меры к тому, чтобы свидетели, вызванные по одному и тому же делу, не могли общаться между собой. В нынешнем УПК РФ такая норма отсутствует. Поэтому содержавшиеся в ст. 158 УПК РСФСР положения приобретают ныне характер не нормативного, а всего лишь того тактико-криминалистического правила, несоблюдение которого хотя теперь не имеет процессуальных последствий, но однако по-прежнему чревато серьёзным ослаблением доказательственной ценности полученных по делу свидетельских показаний, поскольку не исключено, что свидетели, общаясь друг с другом перед допросом, могут потом в своих показаниях невольно для себя воспринять и передать сведения, услышанные от других лиц.

В процессе расследования необходимо учесть некоторые обязательного характера тактические процедуры, предписания, установления, относящиеся и к другим следственным действиям. Так, результативность предъявления для опознания во многом зависит от объективных и субъективных факторов, сопровождавших восприятие внешних признаков каких-либо лиц и предметов. Учитывая данное обстоятельство, следователь должен подготовить опознающего психологически к некоторым стрессовым элементам ситуации предъявления для опознания. Это как раз и есть то самое предписание, которому надо следовать почти всегда, чтобы эмоционально значимая чаще всего для потерпевшего либо свидетеля-очевидца обстановка не помешала результативности проводимого следственного действия. В число обязательных условий,

[1]Об особенностях проверки алиби см.: Питерцев С.К., Степанов А.А. Тактические приёмы допроса: Учебное пособие, Изд-е 3-е, стереотипное. Спб.,1998.С. 28-30.

которые следователю при этом необходимо учесть, входит и возможность производства так называемого «встречного опознания», когда оба лица готовы и могут опознать друг друга. В качестве уже не правил, а лишь рекомендаций здесь могут выступать предлагаемые тактикой различные способы проведения встречного опознания, что действительно выбирается следователем с учётом различных обстоятельств, условий, складывающихся по делу.

В тактико-криминалистической литературе уже давно подробно описываются процедуры проведения отдельных следственных действий. По существу, это своеобразная программа, алгоритм, включающий в себя не один какой-либо тактический приём, а их целую систему, в которой излагаются приёмы, используемые при подготовке, проведении и фиксации конкретного следственного действия. Их достаточная отработанность на практике, детальное описание в тактико-криминалистической литературе дают основание утверждать, что это уже не рекомендации, а определенная технология следственного действия, которой надо следовать, чтобы не утратить должных оснований для успеха расследования. На современном этапе важное значение для следственной практики приобретает разработка определенных тактических стандартов, в которых бы четко описывались технологии исследования и проведения тех или иных элементов, модулей (составных частей) следственных действий. К таким тактико-криминалистическим стандартам относится, например, определенная совокупность уже разработанных правил, которым необходимо следовать, при осмотре угнанного, брошенного после криминального события транспортного средства (обязательное участие специалистов для выявления дактилоскопических, биологических следов на ручках с внешней и внутренней стороны, рулевом управлении, тормозной системе и других поверхностях салона автомобиля, фиксация одорологических и микроследов на обшивках сидений и т. д.). Алгоритмическая программа технологии включает описание цели следственного действия, задач, решаемых на определенном его этапе, конкретных средств, приёмов, порядка, последовательности их проведения и всего процесса их реализации.[1].

Например, при осмотре места происшествия выделяются четыре стадии его проведения: подготовительная, обзорная (ориентирующая), детального исследования, стадия фиксации. На каждой из этих стадий решаются свои задачи, которые направлены на достижение основной цели — выявить, зафиксировать имеющиеся следы, особенности и основные элементы обстановки места происшествия. В рамках алгоритмической программы предусматриваются и некоторые основания для следственного маневра — возможность выбора при определении границ осмотра, точки начала движения, выбора методов пространственноого охвата обследуемой территории. Однако этот маневр всё же в определенной степени ограничен. Так, следователь на стадии детального исследования и фиксации его результатов должен вначале использовать статический метод, т. е. не изменять положения отдельных объектов, а уже потом динамический. К тому же при производстве осмотра надо обязательно учитывать

[1] Термин «технология» предложен профессором В.А. Образцовым. В определяемом им понятии криминалистики технология рассматривается как один из основных её элементов: «Криминалистика — это наука о технологии и средствах практического следоведения (поисково-познавательной деятельности) в уголовном судопроизводстве». См :Криминалистика / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.А. Образцова. - М.:ЮристЪ, 1997. - С.5; Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология. М., 2007; Корма В.Д., Образцов В.А. О криминалистической трактовке понятия технологии.// Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию (МАСП). 2013. № 1 (7). - С.58-62. Термин «технология» используется, правда, без соответствующего подробного разъяснения, и в известном учебнике «Криминалистика», подготовленном Т.В. Аверьяновой, Р.А. Белкиным, Ю.Г. Коруховым, Е.Р. Россинской. См. издание: М.: Норма, 2008. - С.528, 549, 637, 642-645.

возможность инсценировок, к которым может прибегнуть преступник с целью уйти от ответственности. Своеобразным правилом является крайняя нежелательность по делам об убийствах, разбоях и других тяжких и менее тяжких насильственных преступлениях, а также кражах производить первоначальный осмотр места происшествия с участием подозреваемого, обвиняемого. Нарушение данного предписания чревато потерей в дальнейшем возможности проведения такого важного с точки зрения проверки виновности конкретного лица следственного действия, как проверка показаний на месте[1].

Тактика проведения обыска также предполагает обязательное следование некоторым правилам его проведения. Как уже отмечалось, надо обеспечить скрытность начала обыска и внезапность его производства. Разработаны специальные приёмы тактики проникновения в помещение, его начала. В процессе обыска необходимо обеспечить наблюдение за обыскиваемым, учитывать изменения его психического состояния, использовать приём под названием «словесная разведка», при поиске тайников использовать новейшие технические средства и при этом обращать внимание на некоторые характерные признаки тайников, и т. п. [2]

Изложенные позиции убеждают в том, что в основе понимания сущности следственной тактики лежат не только тактические рекомендации либо тактические приёмы. И это отнюдь не просто система тактических приёмов либо тактических рекомендаций. Структурное содержание тактики гораздо сложнее, и она основывается не только на рекомендациях. Сущность следственной тактики определяет сложное сочетание приёмов, рекомендаций, предписаний, носящих характер подлежащих обязательному следованию тактических правил, установлений, технологий, процедур, тактико-криминалистических знаний, которые ради успешности следствия надо в определенных ситуациях непременно учитывать и выполнять.

На современном этапе своеобразной парадигмой является не рекомендательный характер тактических положений, а необходимость следования тактическим установлениям как определенному обязательному условию, обеспечивающему результативность следственной деятельности. Сведение сущности тактики к рекомендациям ослабляет важность её научно-практических положений, поскольку создаёт впечатление о необязательности использования разработанных ею самых рациональных, целесообразных, эффективных приёмов, средств, способов деятельности. Если всё изложенное попытаться представить в виде понятия, то тогда определение криминалистической тактики будет выглядеть следующим образом.

Криминалистическая тактика — это система наиболее общих научных положений, опирающихся на результаты изучения закономерностей преступной деятельности, обобщение следственной практики, данные юридических и иных специальных наук, на основе которых разрабатываются и аккумулируются специальные знания, организационно-плановые начала, наиболее рациональные и целесообразные приёмы, правила, установления, технологии, предписания и рекомендации по определению наиболее эффективной линии поведения и способам осуществления конкретных следственных и судебных действий в специфических ситуациях, возникающих в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

При изложенном выше, исходном понимании криминалистической тактики значительно теряет смысл дискуссия о соотношении тактического приёма и тактической рекомендации, тем более, как верно отмечается В.Ю. Шепитько, в этимологическом

---

[1]См.: Криминалистика: учебник / под.ред. Н.П. Яблокова. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма:ИНФРА-М, 2010. - С.444.

[2]См.: Криминалистика: учебник / под.ред. Н.П. Яблокова... - С. 472-485.

понимании это разные понятия[1]. Каждая рекомендация, которая по существу есть совет, включает в себя определенный приём либо приёмы — способы действий, целесообразные для использования в каких-либо конкретных ситуациях. Различия и тонкости в понимании этих двух терминов ограничены даже в теоретических рассуждениях, поскольку порой опираются лишь на некоторые стилистичесские неточности в определениях, даваемых разными авторами[2]. С точки зрения следователя тактическая рекомендация это всё же прежде всего тот способ действий, который следует учитывать и применять в конкретных ситуациях расследования. Кроме того, в процессе расследования, как это и не покажется парадоксальным, нередко не следователь выбирает тот или иной тактический приём и принимает в связи с этим своё решение, а наличная ситуация по существу диктует, подталкивает его на применение того или иного способа действий в соответствии с разработанными криминалистической тактикой положениями (приёмами, правилами, установлениями, технологиями, предписаниями).

Тактический приём — это разработанный криминалистической тактикой наиболее рациональный, целесообразный способ действий, порядок, процедура, последовательность, алгоритм проведения следственных действий, обеспечивающий оптимальные возможности раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Тактическое правило (тактическое установление) — это разработанное криминалистической тактикой предписание о том, как надо наиболее целесообразно и рационально действовать в той или иной ситуации, несоблюдение которого чревато потерей доказательственной информации и возможностей установления истины по делу.

Тактическая рекомендация — это содержащийся в криминалистической тактике совет по определению наиболее эффективной линии поведения и наиболее рациональным, целесообразным способам действий в специфических ситуациях, возникающих в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Тактическое предписание - это те способы действий, которые в соответствии с тактическими положениями, в частности, рекомендациями и установлениями являются настолько рациональными, целесообразными и эффективными, что обязательность их использования в следственной деятельности признаётся и подкрепляется соответствующими служебными распоряжениями, приказами, наставлениями, инструкциями, ведомственными и межведомственными соглашениями.

---

[1]Шепитько В.Ю. Проблемные лекции по криминалистике: Учеб. Пособие. - Х.: Видавнича агенція «Апостіль», 2012. С.- 25-26.

[2]См об этом, например: Князьков А.С. Проблемы разграничения тактического приёма и тактической рекомендации. // Вестник криминалистики. / Отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып.2 (38). М.: Спарк, 2011.- 50-57.

А.А. Чебурёнков

Фактор времени как структурный элемент следственной ситуации и его тактическое значение

Статья содержит общую характеристику временного фактора как одного из важнейших элементов структуры следственной ситуации и раскрывает особенности его действия в механизме следственной ситуации применительно к тактике производства следственных действий. Также автором предлагаются конкретные тактические рекомендации, основанные на учете фактора времени и позволяющие оптимизировать практическую деятельность следователя.

***Ключевые слова**: временной фактор, следственная ситуация, элемент следственной ситуации, тактическая рекомендация, следственное действие, неотложность, своевременность.*

A.A. Cheburenkov

The time factor as a structural element of the investigative situation and its tactical value

This article contains a general description of the time factor as one of the most important elements of the investigative situation structure and reveals the features of its action in the investigative situation mechanism in relation to the tactics of investigative actions. Specific tactical recommendations based on the account of the time factor which allow to optimize the investigator's practical activity are proposed by the author.

***Keywords**: a time factor, an investigative situation, an investigative situation element, a tactical recommendation, an investigative action, an urgency, a timeliness.*

Следственная ситуация в реальной действительности предстает как сложное, многокомпонентное образование, содержание которого составляют разнообразные условия, обстоятельства, факторы, имеющие значение для раскрытия и расследования преступлений. Учитывая это, полный перечень всех образующих следственную ситуацию элементов вряд ли может быть составлен, поэтому в криминалистической литературе указывается лишь на целые группы элементов (компонентов) в структуре следственной ситуации. Так, Р.С. Белкин предложил выделять в составе ситуации следующие отдельные компоненты 1) психологического, 2) информационного, 3) процессуального и тактического, 4) материального и организационно-технического характера.[1]

В группе процессуально-тактических элементов следственной ситуации объективно существующим и активно себя проявляющим выступает фактор времени. При расследовании многих уголовных дел ему отводится ключевая роль, поскольку весь процесс расследования в целом и отдельные образующие его действия носят последовательный и срочный характер и осуществляются, как правило, в условиях дефицита времени.

В криминалистической теории и практике время рассматривается, главным образом, как структурно-функциональный элемент события преступления (в плане установления времени совершения преступления, анализа временных отношений факторов, связанных с происшествием, использования различных форм и способов материального отражения времени для решения задач расследования и т. д.). Вместе с тем временной

[1] Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. – С. 631.

фактор может и должен рассматриваться и как элемент следственной ситуации. Таким образом, время выступает и как объект познания в криминалистической деятельности, требующий установления и оценки, и в качестве условия познания следователем события преступления, определяющего возможности и результаты расследования.

Постоянный учет следователем в рамках анализа и использования следственной ситуации временного фактора, быстрота и оперативность расследования, строгое соблюдение установленных законом процессуальных сроков объясняется, прежде всего, важностью эффективного пресечения и предупреждения преступлений. Не меньшее значение имеет успешное решение следователем задачи своевременного и полного раскрытия преступления на основе оставленных преступником различных следов содеянного. Объективный ход времени закономерно видоизменяет или уничтожает последствия преступных деяний и здесь время оказывается своеобразным противником следователя. С течением времени необратимые изменения следов преступления могут произойти и в результате деятельности преступника и иных заинтересованных лиц, направленной на сокрытие преступления, уничтожение улик, фальсификацию следов и т. п.

Также быстрота расследования является одной из гарантий соблюдения прав и интересов обвиняемого и других участников расследования, не допуская необоснованного затягивания решения жизненно важных для них вопросов. Поэтому-то следователь и поставлен в условия строгой ограниченности сроками, а ситуация расследования предъявляет к нему еще более жесткие требования. Вместе с тем время становится одним из критериев успешности следственной работы.[2]

Действие фактора времени в механизме следственной ситуации многообразно и применительно к тактике производства следственных действий может проявляться:

А) В требованиях ряда норм Уголовно-процессуального кодекса, устанавливающих общие процессуальные сроки расследования (ст.ст. 162, 223 УПК РФ) или предписывающих производство следственных и иных процессуальных действий в определенные сроки (например, допрос подозреваемого, задержанного в установленном законом порядке, проводится не позднее 24 часов с момента его фактического задержания – ч. 2 ст. 46, ч. 4 ст. 92 УПК РФ; допрос обвиняемого проводится немедленно после предъявления ему обвинения – ч. 1 ст.173 УПК).

Подобного рода законодательные требования существенным образом влияют на тактику ведения расследования, поскольку обязывают следователя избирать определенное содержание отдельных тактических элементов и их связь между собой. Так, правило о времени производства допроса подозреваемого обусловливает ряд тактических особенностей данного следственного действия: с одной стороны, сокращается продолжительность подготовительного этапа допроса, у следователя имеется возможность использовать лишь ограниченный объем информации, а с другой стороны, следователь может в тактических целях использовать состояние возбуждения и растерянности подозреваемого, вызванное внезапностью своего задержания, учитывать, что подозреваемый мог не успеть продумать линию своего поведения, подобрать подходящее объяснение возникшим подозрениям и т. п.[3]

Б) Во временном интервале (периоде) процесса расследования, в рамках которого осуществляется производство того или иного следственного действия.

Так, одни следственные действия должны проводиться в самом начале расследования, другие – на завершающем его этапе. Производство отдельных следственных действий по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего

---

[2] Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей (переиздание). – М.: Юрлитинформ, 2001. – С. 77-78.
[3] Порубов Н. И., Порубов А. Н. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 172-173.

(осмотр места происшествия, документов и предметов, освидетельствование, назначение и производство судебной экспертизы), допускается до возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 176, ч. 1 ст. 179, ч. 4 ст. 195 УПК РФ), остальные следственные действия проводятся только после возбуждения уголовного дела.

В зависимости от периода (этапа) процесса расследования может определяться последовательность отдельных следственных действий в рамках планирования и проведения тактических операций; возможность использования результатов предшествовавших следственных действий при производстве последующих; необходимость повторения определенных действий и т. д.

В) В определенной стадии (этапе) производства следственного действия, на которой применяется тот или иной тактический прием или сочетание приемов (тактическая комбинация).

В криминалистической тактике принята определенная последовательность производства следственного действия, включающая подготовку к проведению следственного действия, непосредственно его проведение, фиксацию хода и результатов действия и оценку полученных результатов. На каждой из указанных стадий следователь применяет такие тактические приемы (их сочетания), которые в наибольшей мере обеспечивают решение стоящих перед ними задач с учетом особенностей, присущих соответствующей стадии.

Г) В определенном моменте производства того или иного следственного действия, применения тактического приема либо сочетания приемов.

Производство любого следственного действия должно быть своевременным, то есть осуществляться в нужный по условиям сложившейся следственной ситуации момент, определяемый следователем. Отдельные следственные действия в конкретной ситуации требуют безотлагательного проведения, поскольку промедление с ними связано с наступлением различных нежелательных последствий: утратой доказательств, продолжением преступных действий, укрытием преступника и др. Такие действия являются неотложными в криминалистическом смысле (следственный осмотр трупа после получения сообщения о его обнаружении; обыск у обвиняемого в ночное время при поступлении сведений о том, что обвиняемый принимает меры к уничтожению следов преступления; допрос подозреваемого по делу о получении взятки сразу же после задержания его с поличным и т. д.).

В ходе производства какого-либо следственного действия также может возникнуть необходимость в срочном проведении другого следственного действия (например, когда при допросе обвиняемого получена информация, дающая основания для проведения обыска по месту жительства или работы обвиняемого). В этом случае первое действие должно быть либо завершено производством, либо прервано и затем с соблюдением процессуального режима (включая оформление специальным протоколом) проводится неотложное следственное действие, потребность в котором неожиданно возникла. После этого следователь завершает прерванное следственное действие.

Момент производства следственного действия может быть выбран следователем с учетом его намерения использовать в сложившейся ситуации фактор внезапности, то есть когда соответствующие участники расследования не предполагают или не ожидают этого (внезапное повторное проведение обыска, на которое не рассчитывал обвиняемый, доставший из необнаруженных тайников изобличающие его предметы или возвративший к себе вещи и ценности, находящиеся ранее в других местах).

Тактические приемы также требуют для своей эффективной реализации правильно выбранного момента в процессе осуществления следственного действия. Этот момент может обусловливаться спецификой цели применяемого приема; появлением у следова-

теля необходимой информации, используемой в тактическом приеме; временем предшествующего или последующего применения других тактических приемов в их сочетании; наступлением благоприятного для максимального воздействия приема психического состояния конкретного субъекта; возможностью для следователя использовать фактор внезапности и другими обстоятельствами.

Так, в криминалистике обращается внимание на важность выбора следователем наиболее благоприятного момента для применения такого тактического приема, как предъявление доказательств на допросе. Допрашивая недобросовестных участников процесса, дающих ложные показания, следует учитывать, что всякое преждевременное предъявление им доказательств или сообщение о наличии таких доказательств у следователя в принципе нежелательно. Оно ведет к разглашению собранных следователем данных, в связи с чем тактически обезоруживает его и, напротив, помогает подозреваемому (обвиняемому) определить степень доказанности его вины. Поэтому предъявлять доказательства на допросе таких лиц имеет смысл только тогда, когда следователь имеет основания надеяться, что названный тактический прием приведет к получению правдивых показаний, или когда были использованы и оказались безрезультатными иные методы установления истины. [4]

Д) В установлении объема времени, отводимого на подготовку и проведение конкретного следственного действия, осуществление тактического приема (сочетания приемов), и фактической продолжительности реализации соответствующего тактического средства расследования.

Подготовительный этап является обязательным условием результативности любого следственного действия, поэтому на реализацию требуемых подготовительных мероприятий должен быть отведен необходимый объем времени. Однако в условиях безотлагательного проведения конкретного следственного действия время подготовки к данному действию обычно существенно сокращается. Это, в свою очередь, может значительно осложнить дальнейшую работу следователя по получению необходимых доказательств. Недостаток времени часто имеет место при подготовке такого следственного действия, как обыск, во многих случаях отрицательно сказываясь на его эффективности. Поэтому в рассматриваемой ситуации рекомендуется, если позволяет обстановка, отложить проведение обыска на короткий срок и провести необходимые мероприятия по собиранию недостающей информации, преимущественно оперативным путем (предварительное негласное ознакомление с обыскиваемым объектом, наблюдение за лицами, у которых должен производиться обыск, и т. д.). [5]

Продолжительность следственного действия в рамках срока предварительного расследования уголовно-процессуальный закон не ограничивает. Она устанавливается следователем при планировании своей работы с учетом характера следственного действия, его сложности, условий, в которых оно осуществляется, порядка и сроков проведения иных мероприятий по делу и т. д.

Следует учитывать, что в некоторых ситуациях превышение намеченной продолжительности выполнения следственного действия может привести к нарушению процессуальных сроков расследования, срыву намеченных последующих мероприятий по уголовному делу, тактическим ошибкам в расследовании.

По указанным причинам, например, следственные и иные действия, которые обычно связаны с длительными затратами времени (назначение экспертиз, ревизий) ре-

---

[4] Соловьев А. Б. Использование доказательств при допросе на предварительном следствии: метод. пособие. – М.: Юрлитинформ, 2001. – С. 34-35.

[5] Сидоров В. Е. Начальный этап расследования: организация, взаимодействие, тактика. – М.: Рос. право, 1992. – С. 134.

комендуется проводить в начале расследования.[6]

Следственная практика показывает, что недооценка временного фактора в условиях конкретной ситуации (прогнозируемой или фактически сложившейся) отрицательно влияет на результаты расследования. В равной степени как медлительность, растерянность, дезорганизация, так и поспешность, торопливость в работе следователя могут привести к непродуманным решениям и действиям, нарушению процессуальных норм, а в итоге – к невозможности раскрыть преступление или необоснованному обвинению непричастных лиц.

З.А. Шагимуратова

К вопросу об использовании обмана в тактических целях

Проблема использования обмана в тактических целях, исключительно законных и нравственно оправданных средств в целях наиболее полной реализации назначения уголовного судопроизводства в целом, а также для решения частных задач расследования и раскрытия преступлений вызывает оживленные дискуссии.

***Ключевые слова**: обман, тактическая цель, тактический прием, закон, обыск, допрос, следователь.*

Z.A. Shagimuratova

About the use of the deception for tactical purposes

The problem of using trips for tactical purposes, legitimate and morally justified means only for the fullest realization of the purpose of criminal proceedings on the whole as well as for the solving specific tasks of the investigation and disclosure of crimes, causes lively debate.

***Keywords**: a deception, a tactical target, a tactical method, a law, a search, an interrogation, an investigator.*

Криминалисты дискутируют по поводу вопроса о возможности или, напротив, недопустимости использования обмана в тактических целях. Тем не менее, важно остановиться на решении вопроса в плоскости нормативных предписаний: подпадает ли обман прямо или косвенно хоть под один из запретов, оговоренных в уголовно-процессуальном законодательстве? В конечном итоге, принципиально важно именно с процессуальных позиций определиться с тем, будут ли допустимыми доказательства, полученные в ходе следственных действий, проводимых с использованием обмана. Например, вопрос о необходимости дезинформации о причинах появления на месте производства обыска (скажем, при появлении следственной группы перед дверью в квартиру, где предполагается произвести обыск) всегда решался однозначно положительно и особых дискуссий не вызывал. Современное уголовно-процессуальное законодательство по сфере реализации процессуальных гарантий в контексте ч.4 ст. 164 УПК РФ существенно отличается от ранее действовавшего, на что обратил внимание О.В. Полстовалов: «УПК РСФСР запрещал домогаться показаний путем насилия, угроз и иных незаконных мер (ч. 3 ст. 20 УПК РСФСР), но в ч. 4 ст. 164 УПК РФ 2001 г. закреплено более общее правило, распространяющееся на все производимые следственные

[6] Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М.: Юрлитинформ, 2001. – С. 99.

действия …»[1]. Но и в новом законе не было упоминания о недопустимости обмана, поскольку законодатель эту излишне абстрактную категорию обоснованно обошел вниманием, однозначно дав понять, что применение обмана – вопрос факта. Если, скажем, речь идет о нередко вольно интерпретируемом в практике методе косвенного допроса, когда, например, от допрашиваемого подозреваемого не только скрывается информация о том, в чем он подозревается, но и делаются заверения о подозрении в совершении им другого нередко вымышленного преступления, с тем, чтобы получить информацию о соучастниках, то это грубое нарушение п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ. Иными словами, обман недопустим, когда он выступает формой грубого нарушения уголовно-процессуального закона. Однако и здесь не все просто. Например, обман при допросе, скажем, в качестве подозреваемых таких психических девиантов, как дебилы, отличающихся повышенной внушаемостью, может спровоцировать самооговор. В этом контексте нельзя полностью отрицать этической составляющей, отдав все дискретные сегменты в оценке допустимости обмана на усмотрение толкователя буквы и духа закона. В.Е. Коновалова отметила, что «нравственные требования судопроизводства означают не только провозглашение высоких этических начал, но и соблюдение их во всех сферах уголовно-процессуальной деятельности, связанной с расследованием преступлений» [2].

В российском уголовном процессуальном законодательстве обман напрямую не запрещен. В соответствии с ч. 2 ст. 9 УПК РФ «никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению». Согласно ч.4 ст. 164 УПК РФ, недопустимо при производстве следственных действий применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц. Как мы видим, редакция ч.4 ст. 164 УПК РФ требует расширительного толкования в контексте оборота «иные незаконные меры», но в самом уголовном процессуальном законодательстве такие запреты встречаются не часто. В частности, в ч. 2 ст. 189 УПК РФ говорится применительно к общим правилам проведения допроса: «Задавать наводящие вопросы запрещается. В остальном следователь свободен при выборе тактики допроса». Означает ли это, что обман, если он не является формой реализации угроз, либо своего рода психическим насилием (если вообще можно согласиться с подобным допущением), либо сам по себе имеет форму наводящих вопросов, законом не запрещен?

В самом широком смысле обман представляет собой преднамеренное, умышленное введение в заблуждение собеседника. Таким образом, обман – это активная форма лжи, которая в руках недобросовестного следователя, манипулирующего таким образом законом, эксплуатирующим правовую неосведомленность участников уголовного судопроизводства, становится серьезной проблемой, создающей реальную угрозу самой возможности надлежащей реализации прав и свобод не только подозреваемых и обвиняемых, но нередко – свидетелей и потерпевших. Л.Л. Каневский в этой связи писал, что «правомерное психологическое воздействие не допускает ни обмана, ни недобросовестности в отношениях с допрашиваемыми» [3].

Совершенно иной точки зрения придерживался Р.С. Белкина, который в связи с отсутствием прямого запрета обмана в законе настаивал на его допустимости, однако приводил перечень случаев, когда он никоим образом не мог быть оправдан. Обман, по

---

[1] Полстовалов О.В. О проблеме допустимости обмана в следственной тактике // Воронежские криминалистические чтения: Сб. науч. трудов. Вып. 4 / Под ред. О.Я. Баева. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2003. – С. 245.

[2] Коновалова В.Е. Нравственные начала судопроизводства: состояние и тенденции // Роль и значение деятельности профессора Р.С. Белкина в становлении и развитии современной криминалистики. – М., 2002. – С. 62.

[3] Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. – Красноярск, 1991. – С. 123.

мнению Р.С. Белкина, недопустим, когда он основан на правовой неосведомленности противодействующего следствию лица, на заведомо невыполнимых обещаниях этому лицу, на фальсифицированных доказательствах, на дефектах психики и мистико-религиозных предрассудках[1].

М.И. Еникеев считает, что «правомерен любой тактический прием психического воздействия, если он не направлен на вымогательство признания, не связан с нарушением норм нравственности, прямой ложью, подавлением воли подследственного лица»[2]. В этой связи важно отметить, что обман в целом напрямую законом не запрещен, но расширительное толкование отдельных норм позволяет сделать вывод о косвенном недопущении сознательного введения в заблуждение, если таковое сопряжено с другими формами нарушений требований нормативных предписаний. В частности, обман не может быть построен на дезинформации допрашиваемого подозреваемого о том, в чем он действительно подозревается, поскольку в этом случае мы будем иметь дело с прямым нарушением закона.

Тактика допроса подозреваемого, обвиняемого призвана обеспечить максимальную эффективность данного следственного действия при строжайшем соблюдении требований закона. К тактическим действиям со стороны следователя при допросе подозреваемого (обвиняемого) предъявляются гораздо большие требования, нежели при допросе иных участников уголовного судопроизводства.

При производстве следственных действий как бы ни складывалась ситуация расследования, следователь может применить обман лишь как исключительное средство, помимо которого у него имеется целый ряд однозначно правомерных приемов, которые он может эффективно использовать.

---

[1] Белкин Р.С. Криминалистика: Проблемы сегодняшнего дня: Злободневные вопросы российской криминалистики. – М., 2001. – С. 111.

[2] Еникеев М.И. Юридическая психология. Учебник. – М.: Изд-во НОРМА, 2001. – С. 244.

VII. Методика расследования отдельных видов преступлений

Г.К. Авдеева, С.М. Бобрицкий

Инновации в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий

В статье проводится анализ наиболее распространенных способов совершения преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий. Особое внимание уделено преступлениям с использованием телекоммуникационных сетей. В зависимости от способов совершения таких преступлений систематизированы их следы. Указан оптимальный набор инновационных средств и методов борьбы с ними.

***Ключевые слова**: инновация, информационная технология, компьютер-ная преступность.*

G.K. Avdeeva S.M. Bobrytckiy

Innovations in the fight against crimes committed using information technology

In the article the analysis of the most common ways of committing crimes using information technologies. Special attention is paid to crimes using telecommunications networks. Depending on the methods of committing such crimes systematized their tracks. Specified optimal set of innovative means and methods of combating them.

***Keywords**: innovation, information technology, computer crime.*

Глобальная компьютеризация общества, развитие современных информационных технологий и телекоммуникационных систем привели к появлению новых средств и методов преступной деятельности. Это, в свою очередь, требует использования адекватных средств противодействия преступлениям, интенсивного внедрения инноваций в работу правоохранительных органов для своевременного выявления, квалифицированного расследования и профилактики преступлений в сфере использования информационных технологий. Однако, инновационными принято считать не любые нововведения, а лишь такие средства и методы, использование которых существенно повышают эффективность определенной деятельности.

Одним из способов совершения преступления в сфере компьютерных технологий является использование вредоносных программных продуктов. Зараженные «компьютеры-жертвы» помимо воли их владельцев становятся участниками botnet-сетей[1]. Кража личных персональных и коммерческих авторизационных данных пользователей, конфиденциальной информации, содержания ключей защиты, использование аппаратного ресурса «компьютера-жертвы» с последующей возможностью проведения DDoS-атак[2],

---

[1] Botnet – это компьютерная сеть, состоящая из некоторого количества компьютеров или устройств, поддерживающих сервис «клиент-сервер», с запущенными ботами – программным обеспечением, работающим автономно. Скрытно установленный бот на компьютере жертвы позволяет правонарушителю выполнять определенные действия с использованием ресурсов заражённого компьютера.

[2] DDoS-атака (атака типа «отказ в обслуживании», от англ.. Distributed Denial of Service) - атака одновременно с большого числа компьютеров на вычислительную систему с целью довести её до отказа, то есть, создание таких условий, при которых легальные пользователи системы не могут получить доступ к предоставляемым системным ресурсам (серверам), либо этот доступ затруднён. – См.: Дремлюга Р.И. Интернет-преступность: моногр. / Р.И. Дремлюга. – Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 2008. – С. 23.

несанкционированной рассылки сообщений и выполнения ложных транзакций[1] – вот далеко не полный перечень правонарушений, зафиксированных в банковской сфере Украины. Сегодня во всем мире количество преступлений с использованием телекоммуникационных сетей и сетевых технологий (киберпреступность) составляет 30-40% от общего количества преступлений, и их количество с каждым годом растет.[2] Сегодня в сети Интернет размещены предложения хакеров[3] по осуществлению DDoS-атак с указанием стоимости этого вида «услуг». В 2014 г. в г. Киеве задержан хакер, который совершал такие атаки на сайты украинских и зарубежных коммерческих структур по заказу конкурентов. В целях конспирации хакер общался с заказчиками через анонимные интернет-пейджеры, а денежные средства получал с помощью виртуальных платежных систем, зарегистрированных на подставных лиц.

Термин «преступления, совершаемые с использованием компьютерных технологий» охватывает все преступные действия, совершаемые с использованием этих технологий и те, которые посягают на компьютерную информацию. В криминалистическом аспекте такое определение позволило разработать инновационные типовые приемы, средства и методы обнаружения, фиксации и исследования компьютерной информации.

Одним из важнейших определяющих факторов в борьбе с данными преступлениями является область их совершения - киберпространство.[4] Компьютерная информация в зависимости от характера преступных деяний выступает как предмет посягательства и как область возможного сохранения следов преступной деятельности.

Специфическими свойствами компьютерной информации являются такие: отсутствие неразрывной связи с материальным носителем; динамичность, возможность мгновенного переноса в пространстве (в том числе из одной части земного шара в другую); возможность изменения и уничтожения информации любого объема за короткие промежутки времени (в т.ч. - при помощи удаленного доступа)[5]. Кроме того, все копии компьютерной информации (не зависимо от вида носителя) идентичны оригиналу. Такая специфика вызвала значительные сложности в расследовании киберпреступлений традиционными методами.

Следы с преступлений в сфере использования информационных технологий образуются в результате воздействия на компьютерную информацию путем внешнего доступа к ней и представляют собой любые изменения компьютерной информации, связанные с событием преступления. Такими изменениями могут быть следы уничтожения, модификации, копирования информации, блокирования информационной системы. Следы изменений остаются на машинных носителях информации и отражают изменения в информации, которая в них хранится (по сравнению с исходным состоянием). Часто преступниками осуществляются модификации баз данных, программ, текстовых файлов, находящихся на стационарных и сменных носителях информации, предназначенных для

---

[1] Транзакция - банковская операция, состоящая в переводе денежных средств с одного счета на другой. – См.: Финансовый словарь. http://finance.sci-lib.com/

[2] «Русский» рынок компьютерных преступлений в 201 0 году: состояние и тенденции» Аналитический отчет. http://www.group-ib.ru

[3] Хакер [англ. hacker < to hack - рубить, прорубить] - компьютерный взломщик - тот, кто с помощью своего компьютера проникает в информационные сети банков, финансовых, промышленных и других организаций с целью получения необходимой информации, заражения этих сетей вирусом и др. – См.: Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с.

[4] Киберпространством называют сферу существования компьютерной информации, которая образована совокупностью средств компьютерной техники. - См: Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования / В.А. Мещеряков. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2002. – С. 41.

[5] Криминалистика: Учебник / Под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. – СПб.: Издательство «Лань», 2001. – С. 370.

многократной её перезаписи. Информация может сохранить следы ее частичного уничтожения или модификации (удаления из каталогов имен файлов, удаления или добавления отдельных записей, физического разрушения или размагничивания носителей). Информационными следами являются также результаты работы антивирусных и тестовых программ. Данные следы могут быть обнаружены при экспертном исследовании компьютерного оборудования, протоколов работы операционных систем, приложений, антивирусных программ, программного кода и др.

Следы неправомерного доступа к информации можно обнаружить в сети Интернет, а затем, исходя из их признаков - установить исходное подключение и техническое средство, с которого совершалось данное правонарушение. Наименование и адрес интернет-провайдера[1], при помощи которого правонарушитель подключен к сети Интернет, можно получить через специальную службу Whois (в сети Интернет). В общедоступном сервисе по адресу www.ripe.net указан электронный адрес (IP) атакующего компьютера. Время работы пользователя в сети можно установить по специальному log-файлу (журналу). Дополнительные сведения о виде, порядке и времени подключений пользователя к сети Интернет и совпадение этих данных с log-файлом провайдера может служить весомым доказательством несанкционированного доступа в определенную компьютерную систему.

Определенную информационную ценность имеют SMS[2]-сообщения, которые автоматически фиксируются и накапливаются на сервере мобильного оператора. Изучение и анализ SMS-сообщений позволили в 2012 г. обезвредить организованную преступную группу, которая в Харькове, Киеве, Запорожье и др. городах Украины при помощи различных мошеннических действий и «театральных» представлений шантажировала состоятельных людей и в течение нескольких лет получала огромные суммы денежных средств. Данная преступная группа имитировала дорожно-транспортные происшествия, убийства по неосторожности, тяжкие телесные повреждения и др. Одни члены группы исполняли роль «трупов», другие – сотрудников правоохранительных органов. Организация каждого нового преступления сопровождалась сменой номеров мобильных телефонов каждого члена преступной группы. Членам данной группы было разрешено звонить с «рабочего» телефона только жертве преступления или друг другу и запрещено звонить родным и близким, однако однажды один из таких «артистов» позвонил своей супруге. Этот звонок, информацию о котором сотрудники правоохранительных органов получили от оператора мобильной связи, послужил отправной точкой к расследованию серии преступлений, совершенных по всей территории Украины.

Важную информацию можно получить при изучении данных электронной переписки и сервисов обмена мгновенными сообщениями. Во многих случаях именно эти следы позволяют установить организационные схемы преступлений. Так, анализ электронных сообщений и переписки в 2010 году на территории г. Харькова и других городов Украины позволил установить каналы поставки сырья для изготовления курительных смесей и энергетиков, основой которых служило синтетическое вещество «JWH» (при употреблении вызывает эффект, сравнимый с действием марихуаны), рекомендации по их производству, упаковке, особенностям реализации. Правоохранительными органами Украины пресечена преступная деятельность широкой сети реализации данной

---

[1] Интернет-провайдер (иногда просто провайдер; от англ. internet service provider, сокр. ISP - поставщик интернет-услуги) - организация, предоставляющая услуги доступа к сети Интернет и иные связанные с ней услуги.

[2] SMS [англ. Short Messaging Service - «служба коротких сообщений»] - технология, осуществлять прием и передачу коротких текстовых сообщений с помощью мобильного телефона. – См.: Англо-русский словарь по вычислительной технике и программированию (The English-Russian Dictionary of Computer Science): около 55 тыс. статей. – 8-е изд., испр. и доп. © ABBYY, 2008; © Масловский Е.К., 2008. [Электронная версия].

продукции. Лишь в г. Харькове сотрудниками правоохранительных органов выявлялось по 50-60 торговых точек в месяц, наибольшее количество которых находилось вблизи начальных школ.

Следы несанкционированного доступа к компьютерной информации содержатся в журналах операционных систем и отдельных приложений, которые могут создавать резервные копии файлов и файлы-отчеты, хранят информацию о последних проведенных операциях и выполненных программах, а также содержат иную информацию, имеющую значение для расследования. Следами, указывающими на посторонний доступ к информации, могут быть такие: переименование каталогов и файлов, изменение размеров и содержимого файлов, их атрибутов, появление новых каталогов, файлов, изменение времени последнего доступа к информации, её модификация и др.

В последние 2–3 года наблюдается рост правонарушений в системах дистанционного банковского обслуживания (ДБО). ДБО - это комплекс сервисов удаленного доступа клиентов к банковским услугам. При этом клиент удаленно (без визита в банк) передает необходимые распоряжения, используя информационные технологии.

Системы ДБО в Украине разделяются на такие виды: систему «Клиент Банк» (PC-banking, remote banking, direct banking, home banking); интернет-банкинг; мобильный банкинг. Мошенническая схема хищения денежных средств состоит из трех основных этапов: получение конфиденциальной информации для осуществления неправомерного доступа в систему ДБО, проведение мошеннической операции от имени пользователя с использованием его авторизационных данных и содержания ключей электронных средств защиты, «обналичивание» денежных средств. Для хищения персональных (авторизационных) данных пользователя системы ДБО (логина, пароля и ключей подписи) правонарушители используют специальное вредоносное программное обеспечение. Чаще всего это - модификации хорошо известных троянских программ с дополнительными функциями[1], позволяющими в последствии безвозвратно удалить троянскую программу без возможности её восстановления.

Условиями, способствующими хищению персональных (авторизационных) данных является не соблюдение субъектами предпринимательской деятельности, государственными учреждениями требований к нераспространению конфиденциальных данных (авторизационных данных пользователей Интернет-банкинга, содержания ключей электронных средств защиты), доступ посторонних лиц к конфиденциальной информации предприятия и недостаточная защита компьютерно-технических средств, которые работают в системах ДБО от внешней Интернет-среды локальной сети учреждения. Это дает возможность правонарушителям получать контроль над информацией и соединениями на интернет-ресурсах финансовых учреждений, манипулировать аппаратными возможностями компьютерно-технических средств с целью объединения их в botnet-сети для распространения спама[2] или организации DDoS-атак. Так в ряде случаев из анализа журналов операционной системы, журналов программ защиты операционной системы компьютера, фактического наличия вирусных и троянских кодов и программ становится понятным, что при подготовке преступления (например, ошибочной транзакции) преступники изучают время и технические возможности работы компьютерной системы потенциальной жертвы, блокируют ее работу в сети и «заражают» информацию пользователя с целью получения дистанционного контроля над определенными технологическими процессами. Самостоятельно пользователь (как правило, сотрудник бухгалтерии)

---

[1] Комплексное расследование мошенничества в системах интернет-банкинга. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.group-ib.ru/images/media/Group-IB_AntiFraud.pdf.

[2] Спам (англ. spam) — рассылка коммерческой и иной рекламы или иных видов сообщений лицам, не выражавшим желания их получать.

не в состоянии оценить опасность неожиданных задержек в работе компьютера и телекоммуникационных средств и не замечает загрузки не оригинальной web-страницы[1] ресурса банковского учреждения.

Для решения проблем борьбы с компьютерными преступлениями криминалистами исследуется технический характер их осуществления. Особое внимание уделено разработке новейших технических средств и приемов обнаружения, изъятия, фиксации и исследования следов преступлений с использованием компьютерных технологий. На сегодня разработано значительное количество эффективных современных средств поиска (восстановления) уничтоженной электронной информации. Судебными экспертами Украины используются такие программные продукты, как X-Ways Forensics, EnCase Forensics, FTK, AccessData Forensic Toolkit, Forensic Disk Decryptor, MailPro, FileLister и др.

Борьба с компьютерной преступностью не ограничивается установлением уголовной ответственности за конкретное совершенное преступление. Сегодня активно осуществляется построение международной системы борьбы с данными видами преступлений, объединяются необходимые кадры, разрабатываются методики, уточняются процедуры взаимодействия с международными структурами и правоохранительными органами других стран (в т.ч. – при помощи телекоммуникационных средств и систем).

А.В. Акчурин

О степени теоретической разработанности проблем расследования пенитенциарных преступлений*

В статье, предпринята попытка обобщения и систематизации разноаспектных разработок в области расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях. На основе данного анализа формулируется мнение автора об актуальных направлениях дальнейшего научного осмысления проблем расследования пенитенциарных преступлений.

***Ключевые слова**: расследование преступлений, осужденный, пенитенциарные преступления, исправительные учреждения.*

A. V. Akchurin

About degree of a theoretical readiness of problems investigations penitentiary crimes

In article, an attempt of generalization and systematization the various of development in the field of investigation of the crimes committed condemned in correctional facilities is made. Based on this analysis the opinion of the author on the actual directions of further scientific judgment of problems of investigation of penitentiary crimes is formulated.

***Keywords**: investigation of crimes, condemned, penitentiary crimes, correctional facilities.*

Начиная с 2000 года заметно повысился интерес к вопросам расследования преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы. Проводятся диссер-

[1] Веб-страница (англ. Web page) — документ или информационный ресурс сети Интернет.

* Под пенитенциарными преступлениями в настоящей статье понимаются преступления, совершаемые осужденными в период отбывания наказания в местах лишения свободы.

тационные исследования, публикуются статьи, готовятся учебные и практические пособия.

Однако анализ данных работ показывает, что большинство исследователей не затрагивают вопрос степени разработанности проблем расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях. Справедливости ради, следует отметить, что вопросу степени разработанности отдельных аспектов уделялось внимание в диссертациях по данной проблематике, однако связано это было, прежде всего, с предметом конкретного исследования. Вместе с тем, помимо разработок последних 15 лет существует достаточно большой объем знаний по проблемам расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях, которые активно формировались во второй половине XX столетия.

Попыток обобщения и систематизации всех разработок в рассматриваемой области научного познания в открытой печати на сегодняшний день не встречается.

Предпосылки изучения вопросов расследования преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы в отечественной науке формировались по двум направлениям: разработка общих основ криминалистики в целом и методики расследования преступлений в частности, а также изучение проблем, связанных с исполнением наказаний в местах лишения свободы. По времени этот период можно охватить следующими ориентировочными рамками: конец XIX – середина XX столетия. При этом следует отметить, что примерно с середины 30-х гг. и до 1956 г. изучение проблем пенитенциарной отрасли велось строго в системе НКВД – МВД и было засекречено для посторонних. Со второй половины 30-х гг. держалась в секрете вся статистика по исправительно-трудовым учреждениям; на научных работах, посвященных изучению этих проблем, тоже был поставлен соответствующий гриф[1].

Новый этап в развитии научных исследований в области пенитенциарной системы России определился со второй половины 50-х гг. Важным стимулом к разработке проблем исполнения наказаний стали решения руководства страны, направленные на развитие демократии и социалистической законности. В 1956 году было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению работы Министерства внутренних дел СССР», а в 1961 году – Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению деятельности исправительно-трудовых учреждений МВД СССР»[2]. В целях реализации указаний партии и правительства по коренной перестройке организации и деятельности исправительно-трудовых учреждений страны, а также по созданию твердых основ порядка исполнения наказаний в виде лишения свободы начинается активная научно-исследовательская работа, в том числе и по проблемам, разработки уголовно-процессуальных, тактико-криминалистических и организационных аспектов расследования преступлений, совершенных осужденными в исправительно-трудовых учреждениях.

Как отмечает М.А. Петуховский[3], впервые такая работа начала проводиться в середине 60-х годов кафедрой криминалистики Высшей школы МВД СССР, руководителями которой являлись профессор Р.С. Белкин и доцент Г.Г. Зуйков.

---

[1] Смыкалин А. С. Пенитенциарная система советской России 1917 - начала 60-х гг. (Историко-юридическое исследование) : Дис.... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1998.

[2] Реент Ю.А. История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции России : учебник под общ. Ред. Г.К. Корниенко; науч. ред. А.А. Крымова. Рязань : Академия ФСИН России, 2013. С.270.

[3] См.: Петуховский М.А. Дознание и предварительное следствие в исправительно-трудовых учреждениях (уголовно-процессуальные и тактико-криминалистические проблемы) : учебное пособие. М., 1979. С.5.

Работа велась в двух аспектах: по линии диссертационных исследований и по линии подготовки методических и учебных пособий для следователей, дознавателей и сотрудников исправительно-трудовых учреждений.

В 70-е годы фактически закладывается фундамент всех последующих разработок в области проблем расследования преступлений, совершаемых осужденными. В этот период М.А. Петуховским[1], А.М. Лантухом[2] на диссертационном уровне исследуются вопросы тактики проведения отдельных следственных действий при расследовании преступлений в исправительно-трудовых учреждениях, методику расследования преступлений, совершаемых осужденными исследовали В.К. Коломеец[3], Бронников А.Г. [4] и В.И. Соколовский[5], организационным и процессуальным вопросам дознания в системе исправительно-трудовых учреждений была посвящена диссертация З.Д. Смитиенко[6].

Постепенно вопросы расследования преступлений, совершаемых в местах лишения свободы стали представлять интерес для большего количества исследователей.

В 1971 г. в системе МВД СССР создается Рязанская высшая школа МВД СССР – первое высшее учебное заведение, в котором приоритетным направлением подготовки сотрудников органов внутренних дел является подготовка специалистов для исправительно-трудовых учреждений[7]. В 70-е годы в Рязанской высшей школе МВД СССР готовится целый ряд учебных и учебно-практических пособий: М.А. Петуховский, А.Г. Самарин «Осмотр колюще-режущих орудий (оружия), изымаемых у осужденных в ИТУ» (1974), М.А. Петуховский, А.М. Лантух «Расследование насильственных преступлений, совершаемых осужденными в ИТУ» (1975), А.М. Лантух «Первоначальный этап расследования преступлений, совершаемых осужденными в ИТУ» (1976), М.А. Петуховский «Тактические особенности предъявления для опознания при расследовании преступлений, совершенных осужденными в ИТУ» (1976), М.А. Петуховский «Возбуждение уголовных дел о преступлениях, совершенных осужденными в ИТУ» (1977), А.П. Халявин «Использование криминалистической техники в профилактике преступлений, совершаемых в ИТУ» (1977), А.П. Халявин «Задержание подозреваемого в совершении преступления и особенности его применения в ИТУ» (1978), А.П. Халявин «Расследование преступлений в ИТУ с использованием оперативно-розыскных данных» (1979).

Кроме названных научно-методических центров разработке проблем расследования преступлений, совершенных осужденными уделяли внимание ученые других учебных заведений и научных организаций. Так, в Свердловском отделении Высшей школы МВД СССР В.К. Коломейцем подготовлено своеобразное наставление «Практическому работнику о дознании в исправительно-трудовых колониях» (1973), в Волгоградской следственной школе МВД СССР под авторством Н.И. Кулагина издано учебное пособие «Организация и тактика предварительного следствия в местах лишения свободы» (1977).

---

[1] См.: Петуховский М.А. Тактика допроса свидетелей и обвиняемых из числа заключенных при расследовании преступлений, совершаемых в исправительно-трудовых учреждениях : дис....канд. юрид. наук. М., 1968.

[2] См.: Лантух А.М. Тактические особенности производства первоначальных следственных действий в лесных ИТУ : : дис....канд. юрид. наук. М., 1973.

[3] См.: Коломеец В.К. Особенности расследования преступлений в исправительно-трудовых колониях : дис....канд. юрид. наук. М., 1972.

[4] См.: Бронников А.Г. Расследование и предупреждение незаконного изготовления, приобретения, хранения и сбыта наркотических веществ в исправительно-трудовых учреждениях : дис....канд. юрид. наук. М., 1972.

[5] См.: Соколовский В.И. Особенности расследования и предотвращения побегов осужденных из исправительно-трудовых учреждений : дис....канд. юрид. наук. М., 1979.

[6] См.: Смитиенко З.Д. Организационные и процессуальные вопросы дознания в системе исправительно-трудовых учреждений : дис....канд. юрид. наук. М., 1974.

[7] Этапы большого пути / под общ. ред. А.Я. Гришко. Рязань : Академия ФСИН России, 2009. С. 25.

Однако, для 70-х годов это, пожалуй, самые заметные работы по рассматриваемой проблематике.

В 80-х годах исследования были продолжены. В этот период Л.Г. Горшениным[1] и М.К. Самалдыковым[2] разрабатываются вопросы методики отдельных видов преступлений, совершаемых осужденными, а Ю.Г. Карпухин[3] исследует организационные основы расследования преступлений в исправительно-трудовых учреждениях.

На базе различных учебных и научных организаций в этот период активно готовятся учебные и методические разработки среди которых следует отметить работы М.А. Петуховского «Расследование действий дезорганизующих работу ИТУ» (1980), А.Г. Бронникова «Татуировки осужденных и их криминалистическое значение» (1980), В.В. Кулькова «Расследование незаконного изготовления, приобретения, хранения, перевозки или сбыта наркотических веществ в ИТУ» (1981), А.Я. Маркова «Расследование преступлений против здоровья в ИТУ» (1981) и «Расследование преступлений, совершаемых в ВТК» (1983), З.Д. Смитиенко «Организационные и правовые вопросы дознания в исправительно-трудовых учреждениях» (1982), С.И. Медведева «Расследование убийств и причинения телесных повреждений в ИТУ» (1987), Н.Г. Шурухнова «Расследование злостного неповиновения и иного противодействия осужденных администрацией ИТУ» (1988).

Характеризуя научную разработку проблем расследования преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы в 90-е годы прошлого столетия следует отметить, что очевидно наступал новый этап этого процесса.

К этому моменту и криминалистическая наука, и пенитенциарная практика уже успели сформировать значительный объем знаний об особенностях преступлений, совершаемых осужденными и специфике процесса расследования таких преступлений. Возникла необходимость системного осмысления и обобщения разрозненных сведений в данной области научного познания. Этой работой долгое и последовательное время занимался Н.Г. Шурухнов, который в 1992 году защищает первую докторскую диссертацию по рассматриваемой проблематике: «Расследование и предупреждение преступлений, совершаемых осужденными в ИТУ»[4].

Разработанная Н.Г. Шурухновым общая методика стала базой для формирования частных криминалистических методик для расследования отдельных видов преступлений.

Помимо данного диссертационного исследования в этот период в рамках рассматриваемой проблемы заслуживают внимание диссертационные исследования В.А. Машнина[5] и Э.В. Рейтенбаха[6].

Начиная с 2000 года по проблемам, связанным с производством расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях, подготовлено и защищено более 20 диссертаций.

---

[1] Горшенин Л.Г. Криминалистическая характеристика и особенности расследования преступлений в ИТУ (нанесение умышленных телесных повреждений и хулиганство) : дис....канд. юрид. наук. М., 1983.

[2] Самалдыков М.К. Расследование и предупреждение действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений : дис....канд. юрид. наук. М., 1985.

[3] Карпухин Ю.Г. Организация расследования преступлений в исправительно-трудовых учреждениях : дис....канд. юрид. наук. М., 1984.

[4] Шурухнов Н.Г. Расследование и предупреждение преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях: Дисс.. д-ра юрид.наук. М., 1992. - 475 с.

[5] Машнин В.А. Способы побегов из охраняемых ИТК и криминалистические методы их разоблачения : автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 1994. 23 с.

[6] Рейтенбах Э.В. Уголовно-процессуальные и организационные проблемы производства дознания начальником ИТУ: дис....канд. юрид. наук. М., 1995.

А.В. Беляков[1], Н.В. Грязева[2], С.Б. Ларин[3], Р.М. Морозов[4], А.А. Нуждин[5], Б.Л. Прокопенко[6], Е.В. Чернышенко[7], А.С. Ямашкин[8], исследовали частные криминалистические методики расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях.

Тактические, процессуальные и психологические особенности производства отдельных следственных действий рассматривали в своих работах О.П. Александрова[9], А.Т. Валеев[10], Л.В. Казаринова[11], Р.П. Кузьмин[12], А.М. Лютынский[13].

С. Д. Аверкин проанализировал процессуальные и организационно-тактические аспекты использования результатов досмотра и обыска – режимных мероприятий – в расследовании преступлений, совершенных осужденными в исправительных учреждениях[14].

Вопросы противодействия предварительному расследованию в местах лишения свободы разработаны В.А. Ищенко[15].

Отдельные уголовно-процессуальные аспекты рассматриваемой проблемы затронуты в работах Ф.Г. Абдуллаева[16], С.А. Бирмамитовой[17], В.А. Гнатенко[18], Е.Р. Пудакова[19], К.А. Синкина[1], Е.В. Сопневой[2].

---

[1] Беляков А.В. Методика расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: дис.... канд. юрид. наук. Псков, 2010. 215 с.

[2] Грязева Н. В. Методика расследования побегов из мест лишения свободы: дис.... канд. юрид. наук. М., 2014. 234 с.

[3] Ларин С.Б. Особенности первоначального этапа расследования преступлений, совершаемых лидерами и членами организованных преступных групп в местах лишения свободы: дис.... канд. юрид. наук. М., 2014. 195 с.

[4] Морозов Р.М. Особенности первоначального этапа расследования побегов из исправительных учреждений: дис.... канд. юрид. наук. Владимир, 2012. 223 с.

[5] Нуждин А. А. Расследование мошенничества, совершенного осужденными в учреждениях УИС с использованием средств сотовых систем подвижной связи: дис.... канд. юрид. наук. М., 2013.

[6] Прокопенко Б.Л. Особенности расследования убийств, совершенных осужденными в местах лишения свободы: дис.... канд. юр. наук. Воронеж, 2009. 248 с.

[7] Чернышенко Е. В. Расследование незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях ФСИН России: дис.... канд. юрид. наук. М., 2015.

[8] Ямашкиин А.С. Методика расследования побегов из мест лишения свободы: дис. …канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 256 с.

[9] Александрова О.П. Производство органами дознания уголовно-исполнительной системы неотложных следственных действий: дис. канд. юрид. наук. М., 2006. 212 с.

[10] Валеев А. Т. Тактика обыска и выемки при производстве расследования преступлений, совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы : научные и организационно-правовые основы : дис.... канд. юрид. наук. М., 2006 228 с.

[11] Казаринова Л.В. Производство неотложных следственных действий сотрудниками оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы : дис.... канд. юрид. наук. М, 2007. 210 с.

[12] Кузьмин Р.П. Психология предварительного расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях : дис. …канд. псих. наук. СПб., 2003. 240 с.

[13] Лютынский А.М. Тактика допроса участников уголовного судопроизводства из числа лиц, осужденных к лишению свободы: дис.. канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 198 с.

[14] Аверкин С.Д. Использование результатов режимных мероприятий (досмотра и обыска), проводимых в исправительных учреждениях, в расследовании преступлений: дис.. канд. юрид. наук. Люберцы, 2009. 231 с.

[15] Ищенко В.А. Противодействие предварительному расследованию в местах лишения свободы и основные направления его нейтрализации: дис....канд. юрид. наук. М., 2007. 176 с.

[16] Абдуллаев Ф.Г. Совершенствование уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой начальниками исправительных учреждений: по материалам Республики Дагестан: дис. канд. юрид. наук. Махачкала, 2003. 188 с.

[17] Бирмамитова С.А. Доказывание на досудебных стадиях уголовного процесса по делам о преступлениях, совершенных осужденными в исправительных колониях: дис. канд. юрид. наук. М., 2007. 201 с.

[18] Гнатенко В.А. Дознание по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в воспитательных колониях федеральной службы исполнения наказаний: дис. канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 197 с.

[19] Пудаков Е.Р. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России: дис. канд. юрид. наук. М., 2008. 191 с.

Кроме этого, после 2000 года В.С. Ишигеевым[3] и В.В. Николайченко[4] были подготовлены и успешно защищены докторские диссертации по расследованию и предупреждению пенитенциарных преступлений, которые, безусловно, заслуживают особого внимания.

Помимо диссертационных исследований в последние годы активно готовятся публикации по рассматриваемой проблеме, а также по различным аспектам деятельности исправительных учреждений, имеющим непосредственное отношение к рассматриваемой теме. За последние 15 лет в периодических изданиях, сборниках научных трудов, материалах конференций опубликовано более 200 статей. В рамках проводимых диссертационных исследований или по итогам таковых готовились учебные пособия и монографии.

Подводя итог, следует отметить, что проблемы расследования пенитенциарных преступлений, ранее носившие закрытый характер в последние годы стали объектом активного научного исследования. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на имеющиеся разработки, следует признать недостаточным уровень научного осмысления проблем использования современных информационных технологий при расследовании преступлений, совершаемых осужденными (в т.ч. в сфере мошенничества с использованием средств мобильной связи и интернета). В виду ведомственной разобщенности правоохранительных органов актуальным остаются вопросы организации взаимодействия органов предварительного расследования с администрацией исправительных учреждений при расследовании пенитенциарных преступлений. Не теряют свою актуальность и проблемы расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершаемых осужденными; а также проблемы расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами, с участием осужденных.

---

[1] Синкин К.А. Особенности судопроизводства по делам о преступлениях, совершаемых осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы: по материалам уголовных дел, подсудных мировому судье: дис. …канд. юрид. наук. Барнаул, 2004. 196 с.

[2] Сопнева Е.В. Актуальные проблемы прокурорского надзора и расследования преступлений в местах лишения свободы: дис....канд. юрид. наук. М., 2000. 186 с.

[3] Ишигеев В.С. Пенитенциарные преступления: характеристика, предупреждение, ответственность : дис. …д-ра. юрид. наук. Иркутск, 2004, 331 с.

[4] Николайченко В.В. Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления :криминалистическая теория и практика : : дис. …д-ра. юрид. наук. Саратов, 2006, 453 с.

Е.А. Ануфриева

Возможности использования аудио/видеозаписей в доказывании по делам о коррупционных преступлениях

В статье автор анализирует значение аудио/видеозаписей в доказывании по делам о коррупционных преступлениях. Рассматривается порядок приобщения к материалам уголовного дела аудио/видеозаписей в зависимости от источника происхождения таких записей. Также исследуются особенности выбора устройств для проведения аудио/видеозаписей в целях их последующего использования в процессе доказывания по делам о коррупционных преступлениях.

***Ключевые слова**: коррупция, тактика расследования, фоно/видеоскопическая экспертиза, аудио/видеозаписи.*

E.A. Anufrieva

The possibility of using audio/video in substantiation in criminal cases of corruption crimes

The author analyzes the significance of the audio/video in substantiation in criminal cases of corruption crimes. Considers the order of introduction in materials of the criminal case of audio/video depending on the source of origin of such records. Also analyzes features choice of devices for records with a view to their subsequent use in substantiation in criminal cases of corruption crimes.

***Keywords**: corruption, the tactics of the investigation, phone/video examination, audio / video records.*

Коррупционные преступления, как известно характеризуются высочайшим уровнем латентности. Коррупционные сделки практически всегда совершаются в условиях полной конспирации, в отсутствие возможных свидетелей и оставляют минимальное количество следов. Все это, разумеется, значительно осложняет раскрытие и расследование таких преступлений.

В тоже время нельзя не отметить, что современный уровень научно-технического развития общества привел к появлению расширенных функций в аппаратах сотовых телефонов, использованию для коммуникаций программ видео, аудиообщения (типа Skype, What`s upp, Viber), повсеместному распространению систем видеонаблюдения, видеорегистраторов и прочих технических средств, позволяющих с легкостью фиксировать звуковые следы и обстановку совершаемых преступлений. В результате, сегодня по подавляющему количеству уголовных дел о коррупционных преступлениях, появляется необходимость в назначении фоноскопической и портретной экспертизы в целях идентификации голосов и акустической обстановки, зафиксированных на аудио, видеозаписях различного происхождения, а также идентификации личности по признакам внешности, зафиксированным на видеозаписях. При этом, как показывает анализ судебно-следственной практики нередко возникают определенные трудности, обусловленные переходом от аналоговых форм записи к цифровым, незнанием и неумением многих практических сотрудников работать с аудио и видеозаписями на цифровых носителях[1]. Предоставляемые аудио/видеозаписи не всегда имеют надлежащее качество. Кроме того,

[1] Оленин Г.В. Экспертиза цифровой аудио- и видеозаписи. Применение в следственной практике устройств цифровой фиксации аудио- и видеоинформации// Эксперт-криминалист. 2009. №2. С. 21.

нередко возникают проблемы с приобщением аудиозаписи к материалам уголовного дела, исходя из источника ее происхождения.

Анализ особенностей приобщения аудио/видеозаписи к материалам уголовного дела о коррупционном преступлении полагаем целесообразным начать с определения возможных источников получения аудио/видеозаписей. Так, в зависимости от происхождения можно выделить следующие виды аудио/видеозаписей:

- аудио/видео запись, полученная в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий;
- аудио/видео запись, записанная одним из участников коррупционных отношений самостоятельно (с помощью мобильного телефона, диктофона, компьютера и пр.);
- аудио/видео запись, записанная вне связи с совершенным преступлением (записи с камер наблюдения, расположенных на улицах, в помещениях государственных и коммерческих организаций, в ресторанах, банкоматах и пр.).

Источник происхождения аудио/видеозаписи обуславливает порядок признания ее вещественным доказательством и приобщения к материалам уголовного дела. Так, *аудио/видеозаписи, полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий* подлежат передаче следователю согласно требованиям Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд[1]. Настоящая Инструкция определяет, что к документам, которыми оформляются результаты ОРД, прилагаются (при наличии) полученные (выполненные) при проведении ОРМ материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, а также материальные объекты, которые в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством могут быть признаны вещественными доказательствами. При этом информация о времени, месте и обстоятельствах получения прилагаемых материалов, документов и иных объектов, полученных при проведении ОРМ, должна быть отражена в сообщении (рапорте) об обнаружении признаков преступления. В случае необходимости описание индивидуальных признаков указанных материалов, документов и иных объектов может быть изложено в отдельном приложении к указанному сообщению (рапорту).

Органом, осуществляющим ОРД, при подготовке и оформлении для передачи уполномоченным должностным лицам (органам) материалов, документов и иных объектов, полученных при проведении ОРМ, должны быть приняты необходимые меры по их сохранности и целостности (защита от деформации, размагничивания, обесцвечивания, стирания и другие). При представлении фонограммы к ней прилагается бумажный носитель записи переговоров. Допускается представление материалов, документов и иных объектов, полученных при проведении ОРМ, в копиях (выписках), в том числе с переносом наиболее важных частей (разговоров, сюжетов) на единый носитель, о чем обязательно указывается в сообщении (рапорте), и на бумажном носителе записи переговоров. В этом случае оригиналы материалов, документов и иных объектов, полученных при проведении ОРМ, если они не были в дальнейшем истребованы уполномоченным должностным лицом (органом), хранятся в органе, осуществившем ОРМ, до завершения судебного разбирательства и вступления приговора в законную силу либо до прекращения уголовного дела (уголовного преследования). После передачи аудио/видеозаписи следователю вместе с остальными материалами ОРД указанная аудио/видеозапись должна быть осмотрена и приобщена к материалам уголовного дела в качестве веще-

[1] Приказ МВД России N 776, Минобороны России N 703, ФСБ России N 509, ФСО России N 507, ФТС России N 1820, СВР России N 42, ФСИН России N 535, ФСКН России N 398, СК России N 68 от 27.09.2013 "Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд" // "Российская газета", N 282, 13.12.2013.

ственного доказательства.

В ситуации, когда *аудио/видеозапись была сделана специально одним из участников коррупционных отношений или была записана случайно камерами наблюдения, принадлежащими различным организациям или ведомствам и при прочих обстоятельствах*, указанная запись подлежит изъятию в рамках проведения следственного действия «Выемка», в рамках которого аудио/видеозапись должна быть осмотрена и с соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства приобщена к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства.

Аудио/видеозаписи, отражающие событие коррупционного преступления, могут быть зафиксированы путем использования диктофона, мобильного телефона, компьютера, отражена на CD-дисках, флеш-картах и др. Необходимо отметить, что одновременно с выемкой аудио-видеозаписи целесообразно изымать и устройство (аппаратуру) посредством которой она была зафиксирована. Соблюдение такой рекомендации позволит минимизировать возможное искажение аудио-видеозаписи, а также позволит наиболее полно устанавливать аутентичность таких записей.

Если такую запись только предстоит сделать, необходимо крайне серьезно подойти к выбору аудио/видеозаписывающей аппаратуры. При выборе такого устройства рекомендуется обратить внимание на его технические характеристики, в числе которых необходимо назвать следующие:

- исправность, что позволит избежать возможных «проколов», если вдруг в момент самой коррупционной сделки или переговоров и ее совершении устройство не позволит зафиксировать запись надлежащего качества;

- скрытность работы, т. е. устройство должно работать в беззвучном режиме, иметь небольшие размеры, не привлекать внимание коррупционера. В противном случае коррупционер может заподозрить, что встреча проходит под контролем правоохранительных органов или что его собеседник собирается обратиться в правоохранительные органы. При проведении ОРМ целесообразно использовать специальную аппаратуру, имеющуюся в распоряжении оперативно-розыскных подразделений;

- возможность работы в непрерывном режиме в течении 3 и более часов. Совершение коррупционных сделок и переговоры о них, нередко, могут быть весьма продолжительными. Часто коррупционер, проверяя нет ли контроля со стороны правоохранительных органов, может просить подождать лицо, которое должно передать ему незаконное денежное вознаграждение, проехать совместно на автомобиле для проведения переговоров в другое место и пр.;

- формат записи аудио/видео, позволяющий осуществлять кодирование записи без потерь (например, FLAC (.flac), Lossless Audio (.la), Apple Lossless (.m4a), WavPack (.wv), Windows Media Audio 9 Lossless (.wma) и др.).

Следует принимать во внимание, что каждое цифровое устройство в момент записи аудио/видеозаписи осуществляет определенное кодирование цифровой информации. При этом в большинстве случаев речь идет о так называемом кодировании данных с потерями, которое имеет целью любыми способами добиться схожести звучания и изображения восстановленного сигнала с оригиналом при как можно меньшем объеме упакованных данных (MPEG-1 Layer I, II, III (последним является всем известный MP3), MPEG-2 AAC (advanced audio coding), Ogg Vorbis, Windows Media Audio (WMA), TwinVQ (VQF), MPEGPlus, TAC и пр.). Это достигается путем использования различных алгоритмов «упрощающих» оригинальный сигнал (выкидывая из него «ненужные» слабослышимые детали), что приводит к тому, что декодированный сигнал фактически пе-

рестает быть идентичным оригиналу, а лишь похоже звучит[1]. В этой связи для проведения фоновидеоскопической экспертизы эксперту необходимо учитывать конкретное устройство, с помощью запись была произведена. В ряде случаев установление аутентичности аудио/видеозаписи может стать невозможным.

Таким образом, можем сделать вывод, что использование аудио/видеозаписей в раскрытии и расследовании коррупционных преступлений имеет значительные перспективы в связи с постоянным увеличением числа пользователей современной аудио/видеозаписывающей техникой, тенденцией к повсеместному оснащению общественных мест видеокамерами, развитие социальных сетей, в которых практически все пользователи оставляют в открытом доступе свои фотоснимки, аудио/видеозаписи. Представляется необходимой разработка специальных памяток, проведение семинаров и тренингов с сотрудниками правоохранительных органов в целях повышение их технической и процессуальной грамотности при работе с электронно-цифровыми следами, в том числе углубленное изучение ими специфики использования с аудио/видеозаписей различного происхождения и особенностей ввода их в уголовный процесс в качестве вещественных доказательств. Повышение качества использования аудио/видеозаписей в доказывании по делам о коррупционных преступлениях безусловно обеспечит высокие результаты расследования таких преступлений, что покажет неизбежность и неотвратимость привлечения к уголовной ответственности каждого, кто совершил преступление коррупционной направленности.

А.Ю. Афанасьев, Ю.А. Гончан, А.Ф. Лубин

Цель криминалистической методики расследования преступлений – система доказательств для принятия уголовно-процессуальных решений

В предлагаемой статье авторы делают попытку обосновать органическую связь цели криминалистической методики расследования преступлений с основаниями принятия уголовно-процессуальных решений – доказательствами.

***Ключевые слова**: криминалистическая методика расследования преступлений, система доказательств, принятие уголовно-процессуальных решений*

A.Yu. Afanasyev, A.F. Lubin, Yu.A. Gonchan

The purpose of a criminalistic technique of investigation of crimes – system of proofs for adoption of criminal procedure decisions

In the offered article authors do attempt to prove organic communication of the purpose of a criminalistic technique of investigation of crimes with the bases of adoption of criminal procedure decisions – proofs.

***Keywords**: criminalistic technique of investigation of crimes, system of proofs, adoption of criminal procedure decisions*

Парадигмы сильнейшим образом и закономерно воздействуют на структуру научного сообщества в криминалистике. Но, все же, одни криминалисты еще остались на традиционных позициях, а другие ушли вперед или в сторону от общепринятых взглядов. Тогда есть резон понять, *что* есть «общепринятые взгляды» на криминалистиче-

[1] Радзишевский А., Чижов А. Цифровой звук – обо всем по порядку [Электронный ресурс]: http://websound.ru/articles/theory/digitalsound.htm

скую методику расследования преступлений?

По-видимому, речь может идти о каких-то усредненных (точнее – об огрубленных) представлениях, выраженных в «стандартных» учебных курсах криминалистики. В этих публикациях заметно уменьшается противостояние авторских концепций, и совсем пропадает эмоциональная окраска суждений. За счет утраты некоторых деталей, твердое ядро выглядит более рельефно и однозначно.

Забегая вперед, отметим, что в большинстве случаев лишь редакционные особенности отличают определения различных авторов. Нет принципиальных расхождений по поводу того, что: «методика расследования отдельных видов преступлений представляет собой часть науки криминалистики, которая разрабатывает наиболее эффективные, основанные на строжайшем соблюдении законности, методы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений»[1].

Для сравнения возьмем определение И.М. Лузгина: «Методика расследования отдельных видов преступлений представляет собой раздел криминалистики, содержанием которого является система теоретических положений и практических рекомендаций относительно наиболее целесообразного порядка расследования краж, хищений, убийств, изнасилований и других преступлений»[2].

При всех редакционных отличиях, формулировка Н.П. Яблокова также является отражением неких общих подходов: «Методика расследования отдельных видов преступлений представляет собой целостную часть криминалистики, изучающую криминальный опыт совершения преступлений и следственную практику их расследования, разрабатывающая на основе познания криминальных закономерностей систему наиболее эффективных методов расследования и предупреждения разных видов преступлений»[3].

Р.С. Белкин понимал под криминалистической методикой «систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения отдельных видов преступлений»[4].

Вряд ли стоить продолжать этот перечень определений: если и есть отклонения от «нормы», то это в большинстве своем «стандартные отклонения». Наших усилий оказалось недостаточно, чтобы понять, в чем состоят «различия по сути» в приведенных дефинициях. Все авторы единодушны по трем позициям:

1) криминалистическая методика – это раздел (часть) криминалистики;

2) задачей этого раздела является подготовка методических рекомендаций;

3) адресатом методических рекомендаций выступает практика расследования и предупреждения преступлений.

На наш взгляд, существенным «отклонением» от парадигмы, можно признать точку зрения Н.А. Селиванова. Н.А. Селиванов рассматривает криминалистическую методику в виде «обусловленной предметом доказывания системы взаимосвязанных и взаимообусловленных следственных действий, осуществляемых в наилучшей последовательности, в целях установления всех необходимых обстоятельств дела и доказывания, на основе планирования и следственных версий, с учетом типичных способов совершения преступления данного вида, следственных ситуаций и характерных для их расследования особенностей применения тактических приемов и научно-технических средств»[5].

---

[1] *Шаламов М.П.* Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений // Криминалистика: Учебник. Отв. ред. С.П. Митричев, М.П. Шаламов. – М., 1963. – С. 383.

[2] *Лузгин И.М.* Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений // Криминалистика: Учебник. Под ред. Б.А. Викторова, Р.С. Белкина. – М., 1976. – С. 374.

[3] *Яблоков Н.П.* Криминалистика: Учебник для вузов. – М., 2000. – С. 271.

[4] *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. В 3 т. – М., 1997. – Т. 3. – С. 299.

[5] *Селиванов Н.А.* Советская криминалистика: система понятий. – М., 1982. – С. 112. Ранее автор был лаконичней: «Методика расследования преступлений в основе своей представляет обусловленную предметом доказы-

Новация существенная, поскольку вряд ли содействует эффективности конкретной криминалистической методики расследования преступлений ее тавтологическое определение цели. В качестве таковой Р.С. Белкин называл «раскрытие и расследование преступления»[1]. В общем, это не кажется логически безупречным.

Н.А. Селиванов делает упор на доказывании по уголовному делу, как цели оптимальной программы следственных действий. Иначе говоря, цель – доказывание по уголовному делу, по Н.А. Селиванову, предпочтительней цели – раскрытие, расследование и предупреждение преступлений.

Составляя фундаментальный раздел науки уголовного процесса, теория доказательств всегда находилась в центре научной полемики. Однако на протяжении многих лет не только не утвердились единообразные представления об основных положениях этой теории, но, напротив, возникло множество противоречивых толкований основных категорий и разнообразных проявлений правоприменительной практики[2]. Безусловно, такая познавательная ситуация в уголовно-процессуальной теории доказательств не может не отражаться на коренных положениях криминалистической методики расследования отдельных видов и групп преступлений. Во всяком случае, «плавающее» целеполагание уголовного процесса не содействует его криминалистическому обеспечению. Получается, что криминалистические средства не имеют цели использования.

Л.Б. Алексеева в этой связи пишет: «С точки зрения системы важно в первую очередь не то, каков субстрат элемента, а то, что делает, чему служит элемент в рамках целого»[3]. «Модель совершенного уголовного процесса, утверждает М.П. Поляков, – не может быть разработана без четкого уяснения его цели и расстановки приоритетов путем выявления и градации задач…»[4]. «Уголовный процесс, – замечает Г.А. Печников, – в котором отсутствует общая цель, претерпевает метаморфозу – средства становятся целью»[5].

Если криминалистическую методику расследования преступлений понимать, как средство содействия достижению цели уголовного процесса, то эта цель должна быть понятной и достаточно прагматичной для тех, кто формирует (разрабатывает, создает) конкретную методику расследования преступлений и для тех, кто ее практически использует. Если цель уголовного процесса недостаточно четко определена, то для криминалистической методики расследования преступлений оказывается невозможным вычленить главные (системообразующие) условия, оказывающих влияние на результативность работы субъектов оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной форм деятельности. Тогда закономерен принципиальный вопрос: что является действительной

вания систему следственных действий, осуществляемых в оптимальной последовательности для полного и точного установления всех необходимых обстоятельств дела». См.: *Селиванов Н.* Сущность методики расследования и ее принципы // Социалистическая законность. – 1976. – № 2. – С. 61; его же: Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Социалистическая законность. – 1977. – № 2. – С. 55.

[1] *Белкин Р.С.* Курс советской криминалистики. В 3-х т. – М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1979. – Т. 3. – С. 247.

[2] См. некоторые работы монографического характера: Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания: Монография. – Екатеринбург: ООО «Изд-во УМЦ УПИ», 2004; Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005; Белкин А.Р. Теория доказывания: Науч.-методич. пособие. – М.: Норма, 1999; и др.

[3] *Алексеева Л.Б.* Понятие процессуальной функции // Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. – М.: «Юрид. лит., 1989. – С. 421, 423.

[4] *Поляков М.П.* Национальные интересы как приоритет отечественного уголовного процесса // Проблемные ситуации применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Материалы науч.-практ. конф. – Саранск, 2004. – С. 22.

[5] *Печников Г.А.* О значении цели в судопроизводстве в свете диалектического взгляда Сократа о презумпциях, фикциях в уголовном процессе // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2004. – №3. – С. 346.

целью уголовного процесса как практической деятельности?

С нашей точки зрения, цель, в которую верит правоприменитель, всегда относится к будущему. Однако она сильнейшим образом влияет на его действия в настоящем. Цель предопределяет всю технологию уголовного процесса. Нам представляется до сих пор актуальной так называемая «немецкая теория процесса как юридического отношения»[1]. Эта теория в свое время нашла многих сторонников в России. Например, Н.Н. Розин часто подчеркивал огромное значение этой прогрессивной теории в деле разрушения остатков старого розыскного процесса. И далее утверждал: «Под процессом или судопроизводством в его широкой теоретической обрисовке, разумеется взаимоотношение прав и обязанностей определенных субъектов, именно сторон и суда, имеющее своей задачей разрешение правового спора»[2]. П.И. Люблинский отмечал, что «процесс проникнут началом стремления к определенному конечному решению, началом целесообразности[3].

Поскольку эти положения исторически не оказались «вне спора», то имеются вполне достаточные основания считать целью и современного уголовного процесса – *законное, обоснованное и справедливое разрешение уголовно-правового юридического спора уполномоченными органами, наделенными процессуальными возможностями применения принуждения.*

Исходя из этого определения логично утверждать, что основной целью конкретной методики расследования преступлений является формирование минимальной совокупности (системы) доказательств, необходимых для оправдания уголовно-процессуальных решений в ходе и по результатам доказывания. Именно для случая конкретного доказывания, пожалуй, применима радикальная мера: изгнать понятие «объективная истина» и заменить его иным понятием цели доказывания – «обоснованное решение»[4]. При таком подходе доказательство только тогда имеет смысл, когда оно выступает средством, а не целью уголовно-процессуальной деятельности. Отсюда правомерно ставить вопрос о функции доказывания в криминалистической методике расследования преступлений.

Термин «доказывание» – это представление, с соблюдением процедур уголовно-процессуального закона, аргументации познанной сущности, заключенной в следах преступления. Но не может быть никакого доказывания без расследования («следования по следам») и без раскрытия (понимания сути этих следов). Расследование, раскрытие и доказывание – это «технологические шаги» одной и той же человеческой деятельности – в нашем случае – функции доказывания. Подчеркнем, названные «шаги» выделяются в методологическом ключе. В реальной же действительности (в онтологии) они недостаточно ясно различимы: расследование, раскрытие и доказывание, как правило, происходит (или должно происходить) слитно (синкретично), одновременно – именно как функция. В противном случае: «Не могу идти по следам, ибо не понимаю их смысла. Нет смысла – нечего и доказывать».

Таким образом, в настоящий методологический сценарий заложена гипотеза о

---

[1] *Rosshirt.* Geschihte und System des deuchen Strafrehts. – Stutgart, 1838. Заметим, что в уголовно-процессуальной литературе ФРГ цели уголовного процесса определяются по господствующей доктрине. Она гласит: «Целью уголовного процесса является достижение решения относительно уголовной ответственности (наказуемости) обвиняемого, соответствующего уголовному закону, обеспечиваемого процессуально правомерным путем, восстанавливающего правовой мир (правопорядок)». При этом подчеркивается, что «в уголовном процессе существует конфликт целей». См.: *Roxin C.* Strafverfharensrecht. 24 Aufl. – Munchen: C.H. Beck, 1995. – S. 4.

[2] *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство. – СПб., 1916. – С. 18.

[3] *Люблинский П.И.* Новая теория уголовного процесса. – Петроград, 1916. – С. 37.

[4] Как известно, в УПК РСФСР термин «истина» использовался неоднократно (ст. 89 ч.1; 243 ч.2; 246; 280 ч. 3 и др.). В действующем УПК РФ этот термин не употребляется.

том, что именно в модели механизма преступления имеются такие свойства и их отношения, следствия которых позволят изучить функцию доказывания в криминалистической методике. Механизм преступления и функция доказывания соотносятся как «отражение» и «отражение отражения». Динамика структурных превращений следов преступления в доказательства, а последних – в доказательственные факты – это и есть то, что можно именовать функцией доказывания в криминалистической методике.

С.В. Баринов

Обстановка совершения преступных нарушений неприкосновенности частной жизни

В статье рассматривается обстановка совершения преступления как важный элемент криминалистической характеристики преступных нарушений неприкосновенности частной жизни. Выявлены и проанализированы такие элементы обстановки, как место и время совершения преступлений, а также условия, оказывающие непосредственное влияние на способ их совершения.

***Ключевые слова**: обстановка совершения преступления, неприкосновенность частной жизни, место совершения преступления, время совершения преступления, расследование преступлений.*

S.V. Barinov

The situation of committing criminal violations of privacy

The article discusses the situation of the crime as an important element of the criminalistic characteristics of criminal violations of privacy. Dentifies and analyzes such elements of environment as the place and the time of the crimes, as well as conditions that have a direct impact on the way in which they occurred.

***Keywords**: situation of crime, privacy, place of the crime, time of the crimes, investigation of crimes.*

К группе преступных нарушений неприкосновенности частной жизни относятся запрещенные Уголовным законом под угрозой наказания общественно опасные виновно совершенные деяния, посягающие на гарантированные Конституцией Российской Федерации права на личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений, а также на неприкосновенность жилища, составляющие содержание права на неприкосновенность частной жизни. Таковыми деяниями являются преступления, наказуемые в ст.ст. 137, 138 и 139 УК. Сведения об обстановке совершения преступлений выделяются нами как структурный элемент криминалистической характеристики рассматриваемой группы уголовно-наказуемых деяний[1].

Значение обстановки преступления подчеркивали многие исследователи. Так, И.Н. Якимов отмечал, что «внимательное, вдумчивое изучение обстановки как бы вводит в атмосферу преступления, заканчивающуюся на окружающем, и не только видимую, сколько чувствуемую и угадываемую. Проникновение в обстановку и обстоятельства преступления ведут к отчетливому пониманию совершившегося, постижению внут-

[1] См.: Баринов С.В., Юрин В.М., Расследование преступных нарушений неприкосновенности частной жизни: Учебное пособие. М.: А-Приор, 2009. С. 23.

ренней связи между действиями, совершенными преступной волей, и отражение их вовне»[1].

Несмотря на то, что вопросам изучения обстановки совершения преступления уделялось внимание в исследованиях Р.С. Белкина, В.Е. Корноухова, В.А. Образцова, Н.П. Яблокова и др. криминалистов, единого определения понятия обстановки преступления и ее элементов до настоящего времени не выработано.

Так, Н.П. Яблоков под обстановкой совершения преступления понимает место и время, вещественные, природно-климатические, производственно-бытовые и иные условия окружающей среды, особенности поведения непрямых участников противоправного события, психологические связи между ними и другие обстоятельства объективной реальности, сложившиеся (независимо или по воле участников) в момент преступления, влияющие на способ его совершения и механизм и проявляющиеся в различного рода следах, позволяющих судить об особенностях этой системы и содержания преступления[2].

По нашему мнению обстановку совершения преступных нарушений неприкосновенности частной жизни составляют сведения о месте, времени и других условиях, оказывающих влияние на их совершение.

Местом преступления является часть пространства, на котором непосредственно совершено преступное деяние. Криминалистическое значение правильного определения места преступления заключается в возможности обнаружения в данном месте следов преступной деятельности.

Выделяемой нами особенностью преступных посягательств на неприкосновенность частной жизни является то, что место непосредственного вторжения в сферу частной жизни (собирания сведений), хранения (а также обработки, анализа) полученной информации и место наступления вредных последствий зачастую не совпадают. Более того, они могут располагаться на значительном расстоянии друг от друга. Необходимо также учесть, что само вторжение в сферу частной жизни может происходить как при непосредственном доступе к носителям информации, содержащей сведения, касающиеся личной или семейной тайны лица, так и опосредованно (удаленный доступ).

По результатам проведенного анализа следственно-судебной практики установлено, что в 96% уголовных дел рассматриваемой группы преступных деяний местом совершения преступления являлось помещение.

Уголовный закон в примечании 3 к ст. 158 УК применительно к статьям главы 21 понимает под помещениями строения и сооружения независимо от форм собственности, предназначенные для временного нахождения людей или размещения материальных ценностей в производственных или иных служебных целях.

Именно помещение является удобным местом для размещения орудий совершения рассматриваемой группы преступлений, большая часть из которых представляет из себя технически сложные устройства, не предназначенные для постоянной переноски. Относительно высокая стоимость таких устройств требует принятия мер обеспечения их сохранности путем ограничения доступа посторонних лиц, что также способствует повышению степени скрытности действий преступников. Помещения, кроме того, являются удобным местом получения необходимого для длительной работы технических устройств энергоснабжения.

---

[1] Якимов Н.И. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М.: ЛексЭст, 2003. С. 76.
[2] См.: Яблоков Н.П. Криминалистика. 2-е изд. М.: Норма, 2012. С. 24.

Среди помещений, являющихся местом совершения преступных нарушений неприкосновенности частной жизни, можно выделить две основные категории: жилые и служебные.

Жилое помещение как место совершения преступных нарушений неприкосновенности частной жизни используется в основном лицами, непосредственно в них проживающими, либо имеющими в них доступ с разрешения проживающих лиц. Отметим также, что незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица, само по себе образует состав уголовно наказуемого в соответствии со ст. 139 УК деяния. Местом совершения преступления могут являться также помещения, используемые для временного проживания, например, гостиницы. Такие помещения характеризуются большей степенью доступности как для других временных жильцов, так и для обслуживающего персонала.

Служебные помещения, характеризующиеся специальным режимом доступа, используются для совершения преступлений лицами, наделенными правом соответствующего доступа в силу их профессиональной деятельности. Служебными помещениями, где выявлялись преступления, нарушающие неприкосновенность частной жизни, часто являются офисы предприятий, предоставляющих услуги связи и рабочие кабинеты сотрудников правоохранительных органов, должностных лиц иных государственных органов и муниципальных образований и т. д.

В 4% уголовных дел установлены иные места совершения преступлений: улица, салон автомобиля и т. д.

По мере компьютеризации населения, роста доступности средств массовых коммуникаций, отмечается, что в качестве места преступлений против конституционных прав человека все чаще выступает киберпространство[1].

Как место совершения преступления киберпространство характеризуется возможностью содержания в нем уникальных в своем роде виртуальных следов, под которыми понимаются следы совершения любых действий (включения, создания, открывания, активации, внесения изменений, удаления) в информационном пространстве компьютерных и иных цифровых устройств, их систем и сетей[2].

Одной из специфических особенностей киберпространства, которую необходимо отметить, является то, что оно представляет из себя не только место, но и средство совершения преступлений. Исследователями отмечается, что при совершении самого общественно опасного деяния посредством Интернета изменяются его характеристики. За счет того что глобальная сеть обладает уникальными возможностями, изменяется качество преступления, что не может не отразиться на степени его общественной опасности[3]. Применительно к преступным деяниям рассматриваемой группы киберпространство как средство совершения преступления позволяет значительно расширить круг лиц, имеющих доступ к конфиденциальной информации, составляющей личную или семейную тайну жертвы.

На практике в ходе проведения отдельных следственных действий по уголовным делам, возбужденным по фактам совершения преступлений в киберпространстве возникают трудности, связанные с собиранием доказательств. Отмечается, что традиционные способы осмотра места происшествия уже не подходят, необходимы разработка и про-

---

[1] См.: Амрахов Н.И. Преступления против конституционных прав человека: обстановка, способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. 2013. № 9 (152). Выпуск 24. С. 183.

[2] См.: Смушкин А.Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. 2012. N 8. С. 47.

[3] Дремлюга Р.И. Интернет как способ и средство совершения преступления // Информационное право. 2008. N 4. С. 30.

работка совершенно новой методики расследования и раскрытия киберпреступлений в соответствии со свойствами и характерными особенностями интернет-пространства[1].

Важнейшим элементом обстановки является также время совершения преступления, которое законодатель в ч. 2 ст. 9 УК определил как время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий. Требование точного установления времени совершения преступления вытекает из положений ст. 73 УПК РФ, т.к. включает его в перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Однако, на практике установить точное время совершения нарушений неприкосновенности частной жизни не всегда представляется возможным. Так, по факту незаконного распространения сведений о частной жизни потерпевшей, составляющих ее личную тайну, без ее согласия, гражданином М., было установлено только то, что преступление совершено в декабре 2013г.[2] По уголовному делу, возбужденному в отношении гражданки К. по факту размещения информации, составляющей тайну частной жизни на сайте в сети «Интернет», было установлено, что преступление совершено в период с мая по июнь 2010 г.3 Следует, однако, отметить, что на вынесение обвинительных приговоров невозможность установления точного времени совершения преступлений в приведенных примерах не повлияла.

Частота и продолжительность преступных действий индивидуальна в каждом случае и зависит от целей преступников. Установлено, что в 32% дел преступник совершал свои действия только один раз и они занимали непродолжительный (до двух часов) период времени. Именно столько времени в среднем затрачивал злоумышленник на осуществление всех действий, связанных с размещением конфиденциальной информации о частной жизни потерпевшего в социальных сетях. Более продолжительный период времени преступные действия совершались в 68% дел (10% - в срок до 1 месяца, 11% - до 3 месяцев и 21 % - до шести месяцев, 17% - до 1 года, 10% - более 1 года). В некоторых из этих случаев преступная деятельность имела признаки организованности, криминальная направленность носила ярко выраженный характер и реализовывалась путем совершения целого ряда корыстных преступлений.

Так, следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу проводилось расследование уголовного дела в отношении 9 членов банды Сергея Зарипова по ч. 1 ст. 209 УК (бандитизм). Следствием было установлено, что члены банды в период с 1998 по 2006 год на территории Санкт-Петербурга, Ленинградской, Псковской и Новгородской областей совершили 11 убийств, покушение на убийство, приготовление к убийству, 2 разбойных нападения и другие преступления. Банду отличали устойчивость, стабильность состава, жесткая дисциплина. При подготовке каждого преступления ее члены длительное время готовились к нападению, производили наблюдение за потерпевшими, в том числе с использованием оптических средств и скрытых систем видеонаблюдения, прослушивали их телефонные разговоры4.

Среди примеров преступлений, продолжавшихся на протяжении длительного периода времени, можно отметить также деяния, совершенные должностными лицами правоохранительных органов. В таких случаях криминальная деятельность тщательно маскировалась под законную.

Так, следственными органами Следственного комитета по Курской области расследовалось уголовное дело в отношении сотрудников управления по борьбе с экономи-

---

[1] См.: Протасевич А.А, Зверянская Л.П. Криминалистическая характеристика компьютерных преступлений // Российский следователь. 2013. №11. С. 47.

[2] Архив Котовского районного суда Волгоградской области. Дело №1-26-11/2015.

[3] Архив Миасского городского суда Челябинской области. Дело №10-39/2011.

[4] Официальный сайт Следственного комитета при прокуратуре РФ. URL: http://www.sledcomproc.ru. (Дата обращения: 10.10.2015).

ческими преступлениями УВД по Курской области, которые с февраля по сентябрь 2009 г. в нарушение требований ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» с использованием своего служебного положения и специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, организовали незаконное прослушивание мобильных и домашних телефонных переговоров адвоката региональной адвокатской палаты[1].

В ходе проведенного нами исследования также установлено, что временем совершения преступных нарушений неприкосновенности частной жизни лицом с использованием служебного положения является рабочее время, определенное Трудовым кодексом и правилами внутреннего трудового распорядка, либо незначительный промежуток времени вне его (технический или обеденный перерыв, время непосредственно до или после окончания работы и т. д.).

Важнейшим фактором, влияющим на выбор времени осуществления действий, нарушающих неприкосновенность частной жизни, является вероятность отсутствия в этот момент посторонних лиц. Именно в данном обстоятельстве проявляется характерная зависимость между местом и временем совершения рассматриваемой группы преступлений.

Результаты исследования позволяют утверждать, что природно-климатические, производственно-бытовые и иные условия окружающей среды не имеют существенного значения для совершения и расследования преступных нарушений неприкосновенности частной жизни. Среди условий, оказывающих непосредственное влияние на способ и механизм их совершения можно отметить возникновение доверительных отношений между потерпевшим и преступником, которые дают последнему возможность получить беспрепятственный доступ к конфиденциальной информации, наличие и надежность средств защиты информации от постороннего доступа, состояние контроля за деятельностью должностных лиц, имеющих доступ к сведениям, касающимся частной жизни лица, возможность использования в преступных целях специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации.

[1] Официальный сайт Следственного комитета при прокуратуре РФ. URL: http://www.sledcomproc.ru. (Дата обращения: 10.10.2015).

Т.П. Бирюкова, Д.В. Бирюков

Особенности производства личного обыска лица, задержанного при совершении действий с поддельными деньгами

В статье рассматриваются отличительные особенности тактики личного обыска лица, задержанного при совершении действий с поддельными деньгами. Обращается внимание на поиск тайников и изъятие предметов в зависимости от способа изготовления поддельных денег и следственной ситуации.

***Ключевые слова**: личный обыск, тактика личного обыска, следственный осмотр, способ изготовления поддельных денег.*

T. P. Biryukova D. V. Biriukov

Specifics of personal search of a detainee in the commission of acts c counterfeit money

In this article discusses the peculiarities of tactics of personal inspections of detained person connected with counterfeiting money. The attention is paying on search of hiding places and objects withdrawal depending on the method of manufacturing of counterfeit money and the investigation situation.

***Keywords**: personal search, personal search tactics, investigative inspection, a method of manufacturing counterfeit money.*

Изготовление в целях сбыта поддельных денег или ценных бумаг, а также иные противоправные действия виновных лиц, связанные с введением в денежный оборот государства указанных предметов преступного посягательства (ст. 186 УК РФ), на протяжении многих веков признавались тяжкими преступлениями, предусматривающими суровые наказания.

В структуре посягательств на финансово-кредитную сферу государства указанный вид преступлений стабильно имеет значительный удельный вес, причем, в современных условиях весьма ощутима активизация не только количественных, но и качественных показателей данного деяния, чему значительно способствует развитие научно-технического прогресса общества.

Несмотря на то, что в последнее время ученые уделяют достаточно большое внимание совершенствованию методики расследования различных видов преступлений, однако отдельным вопросам тактики производства следственных действий внимания уделяется недостаточно, а значит проблема раскрытия и расследования преступлений остается актуальной до сих пор.

Эффективность расследования всегда зависела от умелой организации и тактики проведения следственных действий. Не будем говорить об исключительности таких следственных действий, как личный обыск лица, задержанного при совершении действий с поддельными деньгами, потому что наряду с другими следственными действиями он вносит свой особый вклад в поиск доказательств совершения преступления конкретным лицом.

Задачи проведения личного обыска охватываются общими задачами обыска, как следственного действия вообще: “ … имеющее своей целью обнаружение и изъятие в определенном месте или у определенного лица объектов, важных для раскрытия преступления и изобличения виновного»[1].

[1] Криминалистика. М., 1950. С. 254.

По своим информационно-познавательным целям обыск близок к следственному осмотру. Цели и следственного осмотра, и обыска близки между собой. Оба они направлены на обнаружение следов преступления и иных предметов, имеющих значение по делу. В то же время между обыском и следственным осмотром имеются принципиальные различия - как с точки зрения процессуальных требований, так и в тактике производства этих действий.

«Обыск есть следственное действие, производимое путем принудительного обследования помещения или иного места, либо лица с целью отыскания и изъятия орудий преступления, предметов и ценностей, добытых преступным путем, а также других предметов и документов, могущих иметь значение для дела»[1]. И именно фактор принудительности является отличительной особенностью обыска.

Таким образом, личный обыск представляет собой принудительное обследование тела, одежды, обуви и предметов, носимых человеком[2]. Ст. 184 УПК РФ предусматривает, что он может производиться без постановления следователя при задержании лица или заключении его под стражу, а также при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором проводится обыск, скрывает при себе определенные предметы, которые имеют доказательственное значение для расследуемого преступления[3].

Сразу обратим внимание на то, что наиболее распространенными ситуациями по рассматриваемой категории преступлений, являются ситуации, когда лицо задерживается при сбыте поддельных денег, потому что именно посредством сбыта реализуется преступный замысел лиц получить свою материальную выгоду, заложенный изначально при изготовлении поддельных денег. И еще важный момент – как правило, эффективность такого задержания может являться результатом заранее совместно спланированных следственных и оперативно-розыскных мероприятий.

Наиболее редки случаи задержания лица при совершении иных действий, таких как изготовление, хранение, перевозка.

Как правило, при задержании лица при сбыте поддельных денег, существует большая вероятность того, что у задержанного, кроме обнаруженной купюры не окажется других доказательств его причастности к совершенному преступлению, а сам он выскажет версию о своём «неведении» по поводу поддельности купюры и о том, что, видимо, сам стал жертвой преступления, получив данную купюру от других лиц при совершении различных действий с деньгами, например, купли-продажи.

Поэтому следует тщательно проводить личный обыск такого лица, не упуская из вида также тот момент, что в случае задержания преступник постарается как можно быстрее и незаметнее избавиться от любых компрометирующих его вещей, которые могут в дальнейшем выступать как доказательства по делу и при необходимости осмотреть место задержания преступника или путь его прохождения.

Целью такого обыска являются выявление и изъятие орудий преступления, объектов преступного посягательства - поддельных денежных знаков, а также орудий и средств их изготовления и других предметов, которые имеют значение для объективного расследования дела. Это могут быть краски, разнообразные носители информации (дискеты, флеш накопители), бумага, картриджи и др., как правило, это небольшие объекты, которые могут разместиться в карманах, под одеждой подозреваемого и имеющихся при

---

[1] Криминалистика. М., 1963. С. 293.

[2] Драпкин Л.Я., Долинин В.Н. Тактика следственных действий: Учебно-практическое пособие. Издание третье, дополненное. – Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета. 2015. С. 47

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. — Москва: Проспект, КноРус, 2015. С. 103

нем сопутствующих вещах - папках, сумках и др. Значительно облегчить проведение личного обыска и сконцентрировать внимание на поиске более конкретных предметов поможет определение способа изготовления поддельных денег.

Не нарушая традиционно установленные процессуальные требования, перед проведением личного обыска целесообразно предложить лицу выложить на стол (лавку или стул), избранный для размещения объектов, которые изымаются, все предметы, имеющиеся у него в карманах и других местах, независимо от их назначения. После этого непосредственно начинается личный обыск задержанного путем осмотра его одежды, головного убора, обуви. На них могут сохраниться частицы материалов или сырья, которые использовались для изготовления поддельных денег. Наиболее возможные места нахождения следов – рукава, отвороты штанов, карманы[1]. Кроме того, потайные карманы, воротники, клапаны, подгибы, пустотелые места обуви и другие элементы кроя одежды и обуви, могут быть местом расположения тайников, в которых хранятся поддельные денежные знаки.

Потом приступают к обыску других находящихся при нем предметов. С этой целью осматриваются все вещи, находящиеся у задержанного, например, сумка, портфель, трость, футляр для очков, телефона, кошелек, фотоаппарат, записная книжка, пачка сигарет и др.

Необходимо обратить особое внимание на наличие выявленных предметов и их назначение – документов, билетов для проезда на любом виде транспорта, билетов на посещение разных выставок, кинотеатров, квитанций об оплате счетов в отелях, расписаний движений междугородного транспорта и т. д., по которым можно определить - в каких населенных пунктах находился задержанный и когда именно, в связи с этим проверить - не выявлялись ли в этот период там поддельные деньги, изготовленные аналогичным способом, или не задерживался он там, или не изымались у него там при личных обысках вещи и предметы, которые могут иметь значение для расследования дела. Это необходимо для проверки версии о возможной причастности задержанного к сбыту поддельных денег в указанных городах или населенных пунктах или о проживании там соучастников преступления.

В случае выявления при обыске поддельных денег, в протоколе также как и при осмотре места происшествия следует обязательно указать - где они находились, хранились они вместе с настоящими деньгами или раздельно. Раздельное хранение настоящих и поддельных денег опровергает версию задержанного о том, что он получил поддельные деньги при покупке каких-нибудь товаров и не распознал подделку. Изъятые деньги - и поддельные, и настоящие пересчитываются, о чем в протоколе обыска об этом делается пометка. Кроме того, указывается их количество, стоимость, серии и номера, а также какому государству они принадлежат. Если признаки подделки видны невооруженным глазом и не требуют специальных знаний для установления подделки, то в протоколе об этом делается запись, т. е. техника описания поддельных денег аналогична описанию их в протоколе осмотра места происшествия. Объяснение обыскиваемого лица о том, каким образом у него появились поддельные деньги, подробно фиксируются в протоколе допроса, а не в протоколе обыска, как иногда встречается на практике.

Целесообразно также провести освидетельствование задержанного с целью выявления на его теле следов взаимодействия с краской, частиц материалов, использовавшихся при изготовлении подделок и др.

---

[1] Болотский Б.С. и др. Фальшивые деньги (фальшивомонетничество) / Под ред. проф. В.Д. Ларичева – М.: Экзамен, 2002. – С. 324-325.

В случаях, если преступник использовал транспорт для того, чтобы скрыться от органов следствия, после его задержания необходимо подвергнуть осмотру данное транспортное средство с той же целью - выявление вещественных доказательств. При этом следует руководствоваться общими тактическими приёмами обыска и помнить, что вещественные доказательства могут находиться где угодно: в бензобаке, шинах, за обшивкой, под половым покрытием и в других местах.

В зависимости от полученной информации намечается проведение других следственных действий - обыски по месту проживания, работы, допросы других лиц и т. д.

Необходимо учитывать фактор внезапности задержания – у подозреваемого отсутствует возможность проанализировать линию своего поведения, придумать наиболее выгодную в сложившейся ситуации легенду.

Не следует забывать, что лицо при задержании в целях избежания ответственности может прибегнуть к оказанию вооруженного сопротивления.

Все обнаруженные при обыске предметы должны быть предъявлены понятым, сфотографированы, зафиксированы в протоколе обыска с указанием их наименования, количества, размерных характеристик и индивидуальных признаков.

При необходимости, изъятые при обыске предметы могут быть осмотрены в лабораторных условиях, о чем составляется отдельный протокол осмотра.

Положительные результаты обыска являются основанием для производства последующих следственных действий.

Таким образом, преступления, связанные с изготовлением и сбытом поддельных денег, именуемым в большинство случаев как «фальшивомонетничество» (хотя авторы считают, что употребление такого термина в настоящее время нецелесообразно и даже некорректно с правовой точки зрения), как правило, совершаются организованными группами с четким распределением ролей участников, системой конспирации. И хотя в статье рассмотрена тактика проведения личного обыска, как одного из первоначальных и неотложных следственных действий, но все же необходимо учитывать тот факт, что быстрое задержание сбытчика не всегда оправдано. Больших результатов можно добиться, установив за ним оперативное наблюдение. Следователь, отталкиваясь от исходной информации, должен постепенно установить всю совокупность преступных связей, круг субъектов, так как основная цель – установление изготовителя поддельных денег, в противном случае не будет выполнена основная задача объективного расследования – установление всех виновных и привлечение их к ответственности.

Р.Н. Боровских

Базовые и сопутствующие преступления в сфере страхования: криминалистическая типология

В статье рассматриваются вопросы криминалистической типологии преступлений в сфере страхования. Автор предлагает выделять базовые и сопутствующие преступления в сфере страхования. Базовые преступления предлагается типологизировать по субъектам их совершения. Сопутствующими преступлениями в сфере страхования автор считает преступления-способы приготовления, совершения и сокрытия базовых страховых преступлений.

***Ключевые слова**: преступления в сфере страхования, мошенничество в сфере страхования, криминалистическая типология, базовые преступления в сфере страхования, сопутствующие преступления в сфере страхования.*

R.N. Borovskikh

Basic and related insurance crimes: criminalistics typology

The article issues the question of criminalistics typology of insurance crimes. The author offers to devote the basic and related insurance crimes. Basic offense is offered typology of the subjects of their commission. Relate d crimes in insurance author considers crimes-methods of preparation, fulfillment and concealment of basic insurance crimes.

***Keywords**: insurance crimes, insurance fraud, criminalistics typology, basic insurance crimes, related insurance crimes.*

Преступлением в сфере страхования, полагаем, следует считать совершенное субъектом страховой деятельности и (или) иным участником отношений страхования, в рамках страховой деятельности либо путем ее имитации, корыстное имущественное преступление, посягающее на общественные отношения по поводу формирования и расходования по целевому назначению страхового фонда страховой организации, выражающееся в хищении либо ином противоправном завладении денежными средствами данного фонда, причинившее имущественный ущерб гражданам, организациям, муниципальным образованиям или государству, как участникам отношений страхования.

Не погружаясь в вопрос о понятии и признаках преступления рассматриваемого вида (этот вопрос требует отдельного рассмотрения), попытаемся с криминалистических позиций типологизировать виды данного преступления.

На основе обобщения имеющихся теоретических разработок[1] и собранной судебно-следственной практики по уголовным делам о преступлениях, тем или иным образом со-

[1] Агрененко В.Н. Предупреждение преступлений, совершаемых в сфере страхования: автореф. дис. … к.ю н. – М., 2003; Балян А.В. Противодействие преступлениям, совершаемым на рынке страхования: криминологический и уголовно-правовой аспекты : дис. … к.ю. н. – М., 2006; Беляков Д.Ю. Противодействие мошенничествам, совершаемым в сфере автострахования: автореф. дис. … к.ю. н. – М., 2007; Быкова Н.В. Выявление и расследование мошенничества в сфере страхования: автореф. дис. … к.ю. н. – М., 2009; Елисеев В.В. Предупреждение преступлений, посягающих на собственность страховых организаций при обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: автореф. дис. … к.ю. н. – М., 2006; Жилкина М.С. Страховое мошенничество: правовая оценка, практика выявления и методы пресечения. – М., 2005; Лубин С.А. Расследование преступлений в сфере страхования // Криминалистическое обеспечение экономической безопасности и борьбы с коррупцией: Учебно-практическое пособие / Под ред. А. Ф. Лубина и С. Ю. Журавлева. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2012; Митрохин В.К. Внимание! Страховое мошенничество. – М., 1995; Потапова Н.Н. Выявление и расследование мошенничества, совершенного в сфере страхового бизнеса: автореф. дис. … к.ю. н. – Н. Новгород, 2006; Расследование экономических преступлений: Учебно-методическое пособие / Под ред. С.Ю. Журавлева, В.И. Каныгина. М.: ЦОКР МВД России, 2006. С. 126-127 и др.

пряженных со сферой страхования, считаем, что массив данных преступлений может быть с известной долей условности разделен на две группы.

К первой группе следует отнести преступления, которые отвечают вышеопределенным критериям отнесения к числу преступлений в сфере страхования. Назовем их базовые преступления, совершенные в сфере страхования, – это корыстные имущественные преступления (прежде всего, хищения), совершаемые в сфере страхования, а также ряд корыстных преступлений экономической направленности: 1) мошенничество в сфере страхования (ст. ст. 159, 159.5 УК РФ); 2) мошенничество при получении выплат в сфере страхования (ст. 159.2 УК РФ); 3) присвоение или растрата в сфере страхования (ст. 160 УК РФ); 4) причинение имущественного ущерб путем обмана или злоупотребления доверием в сфере страхования (ст. 165 УК РФ); 6) криминальные банкротства в сфере страхования (ст. ст. 195, 196 УК РФ); 6) налоговые преступления в сфере страхования (ст. ст. 198, 199 УК РФ).

Перечисленные преступления в сфере страхования могут быть совершены различными способами. Данные способы неправомерного завладения средствами страхового фонда страховой организации определяются теми фактическими возможностями, которыми обладает совершающий преступление участник отношений страхования. В этой связи, указанные преступления в сфере страхования можно разделить на четыре подгруппы:

а) преступления страхователей (застрахованных, выгодоприобретателей);

б) преступления страховых агентов, иных посредников в сфере страхования;

в) преступления штатных работников, иных сотрудников страховых организаций;

г) преступления руководителей и топ-менеджеров страховых организаций.

Вторую группу преступлений составляют иные преступления, которые непосредственно не имеют отношения к сфере страхования, но служащие способами приготовления, совершения и (или) сокрытия базовых преступлений в сфере страхования. Их можно именовать сопутствующими преступлениями.

К числу сопутствующих преступлений в сфере страхования относятся:

1) коррупционные преступления в сфере страхования:

а) злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ);

б) коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ);

в) злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ);

г) превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ);

д) получение взятки (ст. 290 УК РФ);

е) дача взятки (ст. 291 УК РФ);

ж) служебный подлог (ст. 292 УК РФ).

2) легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, в сфере страхования (ст. ст. 174, 174.1 УК РФ);

3) иные сопутствующие преступления в сфере страхования:

а) убийство (ст. 105 УК РФ);

б) заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ)

в) заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307 УК РФ);

г) похищение или повреждение документов, штампов, печатей либо похищение акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия (ст. 325 УК РФ);

д) подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков (ст. 327 УК РФ).

При рассмотрении типологии преступлений в сфере страхования следует отметить, что отечественной практике известны случаи, когда определенные деяния недобросовест-

ных участников отношений страхования обоснованно расценивались как общественно опасные, но квалификация которых по признакам конкретного состава преступления оказывалась крайне сложной либо вообще невозможной. Такие деяния следует именовать неочевидными преступлениями в сфере страхования. Приведем наиболее характерные примеры.

1. Финансовые пирамиды в сфере страхования.

С 1993 г. в России функционировала фирма «Фортуна», которая властями Словакии, Чехии, Польши, Венгрии и Словении была признана «пирамидой». В течение 2 лет работы данная организация заключила около 25000 договоров страхования и с их помощью вывозила из России деньги в иностранной валюте[1]. Однако после того, как ее деятельность привлекла внимание правоохранителей, «Фортуна» прекратила продажу полисов и на несколько лет исчезла из поля зрения. В конце 1995 г. «Фортуна» вновь заявила о себе путем использования посреднических компаний – страховых консультантов. Их назначением было распространение полисов иностранных страховщиков и вывоз капиталов за рубеж. Подобной деятельностью в России занимались около 20 компаний, наиболее заметной в числе которых была фирма «Si Save Invest». «Si Save Invest» занималась рекламой и продажей полисов накопительного страхования жизни иностранных страховых организаций, таких как «Фортуна» (Швейцария), «Граве» (Австрия), «Медлайф» (Кипр), «Клерикал медикл интернэшнл» (Великобритания), «Алико» (США) и «Американ секьюрити лайф» (Лихтенштейн). Потенциальных страхователей прельщали возможностью накапливать средства в надежных иностранных банках (преимущественно швейцарских) или на счетах иностранных страховщиков, зарегистрированных, как правило, в офшорах. Однако договоры страхования были сконструированы так, что при наступлении страхового случая добиться исполнения обязательств от страховщика было невозможно (например, по условиям одного из контрактов для получения страховой выплаты страхователь должен был представить по месту нахождения иностранного страховщика оригиналы уголовно-процессуальных документов). Продажа полисов осуществлялась «Si Save Invest» как самостоятельно, так и при помощи системы сетевого маркетинга[2].

В криминалистической литературе деятельности «Si Save Invest» описывается как одна из возможных схем мошенничества и легализации денежных средств. Как отмечают Л.Я. Драпкин и Я.М. Злоченко, суть криминальной схемы состояла в том, что сотрудники «Si Save Invest», не имея лицензии, распространяли на территории ряда регионов РФ страховые полисы зарубежных фирм, что запрещено законодательством РФ. Вступительный взнос для физических лиц составлял, в среднем, 1 000 долларов США. Но основная часть денежных средств поступала от крупных предприятий, коллективы которых страховались руководителями этих организаций. Так, были «застрахованы» многие сотрудники Тольяттинского ВАЗ, почти на 6 млн. долларов. Еще большую сумму страховщики «собрали» на Магнитогорском металлургическом комбинате, а также фирме «Внешторгобмен» (Москва) – 50 000 долл., «Московском почтамте» - более 756 млн. рублей, АО «Семикаракорскнефтепродукт» (г. Ростов) – 140 000 долл., «МИГ-связь» (г. Уренгой), Оптиковолоконном заводе (г. Вологда) и многих других предприятиях, в том числе режимных. Для сокрытия хищений бюджетных средств коррумпированное чиновничество заключало фиктивные договоры с коммерческими структурами на производство подрядных ремонтно-строительных работ. У подавляющего большинства застраховавшихся физических лиц суммы страховых взносов присваивались под предлогом нарушения договорных обязательств или по другим надуманным поводам. В 1996-1997 гг. собранные мошенниками

[1] Мазур С.Ф. Уголовно-правовая охрана экономической деятельности. – М., 1998. – С. 54-55..

[2] Знаменский, А. Б. Стоит ли иметь дело с Save-Invest [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.znay.ry/faq/q0034.shtml (Дата обращения: 10.10.2015).

деньги вывозились за рубеж контрабандой сотрудниками компании «SI Save-Invest». Каждый раз вывозилось 300 000, 400 000 долларов. Более того, часть денег вывозилось с помощью дипломатической почты, и даже через фельдъегерскую связь. После перемещения валюты за рубеж, она вносилась различными суммами в банки Венгрии, Австрии и оффшорных зон, маскируя таким способом ее криминальное происхождение. В 1998-2000 гг. сотрудники «SI Save-Invest» стали использовать банковский способ перевода денежных средств за границу под другим предлогом – страховые договоры они якобы подписывают и окончательно оформляют в Австрии. После перечисления денег в Австрию, в банк «Sparkasse Hartberg-Vorau», деньги могли быть переведены либо в «Budapest Bank» (Венгрия), либо в «Hansabank-Latvia» (г. Рига). По оперативным данным для маскировки незаконного происхождения «страховых» денег использовались банки, расположенные в офшорных зонах. По ориентировочным подсчетам в 1996-2000 гг. из России было вывезено не менее 3 млрд. долларов[1].

2. Уклонение от уплаты налогов при помощи лжестраховых операций.

Начиная с 1995 г. в целях уклонения от уплаты налогов широко применялась страховая схема выплаты заработной платы. В рамках данной схемы, руководитель компании, действуя в сговоре с сотрудниками, банком и страховщиком, «выдает» заработную плату, избегая уплаты единого социального налога с фонда оплаты труда. Это достигается благодаря тому, что деньги работники получают в виде страховых выплат – аннуитетов, которые представляют собой периодические выплаты страхователю по договору страхования жизни. Именно эту схему имеют в виду Л.Китрар и А.Цыганов, утверждая, что все договоры страхования жизни, заключенные российскими страховщиками с физическими лицами в период с 1995 по 2002 г., служили прикрытием схем по оптимизации налоговой нагрузки[2]. В настоящее время, лжестраховые операции продолжают активно использоваться для целей незаконного возмещения НДС[3].

3. Демпинг в страховании.

Демпинг в страховании означает продажу полисов страхования по цене, при которой страховщик заведомо для себя будет не способен сформировать страховые резервы и потому не сможет в дальнейшем компенсировать имущественные потери страхователей при возникновении страховых случаев. Это, фактически, означает продажу «воздуха» вместо реального страхования[4]. Понятно, что далека от реального страхования ситуация, когда страховщик продает полис по цене от 225 до 3200 рублей, если средняя цена такого полиса по рынку сложилась на уровне порядка 40 тыс. рублей. Страховое бизнес-сообщество однозначно осуждает и рассматривает такие весьма распространенные проявления как бесчестные. По словам экспертов, это нельзя назвать иначе как «отчаянный демпинг», поскольку «резервов с премии 1,7 тыс. рублей, понятно, сформировать невоз-

---

[1] Драпкин Л.Я., Злоченко Я.М. Способы преступной легализации криминальных доходов // Организованная преступность и коррупция. Спецвыпуск № 1. – Екатеринбург: Изд-во «Защита-Урал», 2001.

[2] Китрар Л., Цыганов А. О введении новых видов обязательного страхования в России // Страховое ревю. – 2004. – № 2. – С. 3–4.

[3] См.: Багмет А.М., Перов В.А. Расследование преступлений о хищении бюджетных денежных средств и злоупотреблении должностными полномочиями в сфере налогообложения: учеб.-прак. пособие. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 107-108.

[4] См.: Боровских Р.Н. Некоторые проблемы уголовно-правовой оценки общественно опасных проявлений в сфере отечественного страхования / «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» // Актуальные проблемы юридической науки. Часть 3: материалы VIII Международной научно-практической конференции. Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2011. – С. 77-81.

можно»[1]. Однако как преступные действия таких недобросовестных страховщиков практикой не расцениваются.

4. Вывоз капитала за рубеж под прикрытием лжестраховых операций.

В 2010 году органом страхового надзора в России, по итогам анализа данных рынка перестрахования установлено, что четверть всей премии, переданной в перестрахование за рубеж в прошлом году, пришлось на два государства – Киргизию и Уругвай[2]. Этот факт стал очень неожиданным, поскольку подлинно перестраховочные операции имеют целью передачу части рисков от одного страховщика другому – более крупному и потому более надежному. По этой причине, вызывает сомнения целесообразность передачи рисков в перестрахование в страны с крайне слабой страховой индустрией. Зачастую, такие операции выступают формой вывода денег за рубеж.

5. Неправомерное завладение средствами государственных субсидий, выделяемых для компенсации части затрат на страхование сельскохозяйственных культур (агрострахование).

Сложившаяся ситуация с мошенничеством в агростраховании в Сибирском федеральном округе и других регионах России является очень острой и ставит многих агропроизводителей на грань разорения[3]. Речь идет о хищениях средств господдержки, выделяемых на поддержку аграриев при осуществлении ими страхования от неурожая, при этом мошенничество может проистекать как от страховщиков, так и от недобросовестных страхователях-аграриях, нередко действующих в сговоре с первыми. Следует отметить, что данная проблема далеко не нова[4]. Несмотря на отдельные прецеденты привлечения к уголовной ответственности виновных[5], должное уголовно-правовое реагирование в отношении криминальных деяний в сфере агрострахования в адекватной степени не осуществляется.

Таким образом, сфера отечественного страхования была и остаётся чрезвычайно инфицированной различного рода общественно опасными деяния, многие из которых далеко не всегда могут быть квалифицированы как конкретное преступление. Их необходимо учитывать, при построении криминалистической типологии преступлений в сфере страхования.

В рамках криминалистической типологии преступлений в сфере страхования следует выделять базовые и сопутствующие преступления. К числу первых следует относить имущественные преступления корыстной направленности и ряд экономических преступлений, совершаемых в сфере страхования. В основу их типологии должен быть положен критерий субъекта совершения преступления.

---

[1] Восемь страховщиков продавали полисы автокаско в 23 раза дешевле средней стоимости по рынку в январе-сентябре [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.insur-info.ru/news/4308 (дата обращения: 03.12.2014).

[2] ФССН заинтересовалась киргизским и уругвайским бизнесом [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.asn-news.ru/news/20232 (дата обращения: 02.05.2013).

[3] Афера со страхованием аграриев с подачи чиновников // Информационный портал «Сибкрай.ru» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sibkray.ru/news/2/877219/?sphrase_id=594510 (Дата обращения - 02.09.15)

[4] Боровских Р.Н. Криминальные лжестраховые операции в сфере агрострахования / Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции «Перспективные инновации в науке, образовании, производстве и транспорте ‘2011». Том 15. Юридические и политические науки, Искусствоведение, архитектура и строительство. – Одесса: Черноморье, 2011. – С. 8-11; Боровских Р.Н., Чумаков А.В. К вопросу о предмете преступлений, предусмотренных ст. 159.2 и 159.5 УК РФ, и их разграничении // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 233-237.

[5] Приговор Новичихинского районного суда Алтайского края от 14.11.2011г. в отношении С. // Картотека судебных решений «РосПравосудие». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rospravosudie.com/court-novichixinskij-rajonnyj-sud-altajskij-kraj-s/act-456358798 (Дата обращения - 05.01.15)

Сопутствующими следует считать преступления, выступающими способами приготовления, совершения и сокрытия базовых преступлений. Полагаем, что данный подход к типологии преступлений в сфере страхования должен быть положен в основу разработки криминалистических методик расследования данных преступлений.

А.Х. Валеев

Личность преступника как элемент криминалистической характеристика преступлений экстремистской направленности

В статье дается анализ личности преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности, знание которых необходимо для определения перечня обстоятельств, подлежащих установлению, выдвижения обоснованных следственных версий и определения основных направлений расследования в целях обеспечения наиболее быстрого и полного раскрытия и расследования преступлений данной категории.

***Ключевые слова**: экстремизм, преступления экстремистской направленности, криминалистическая характеристика.*

A.H. Valeev

Personality of the offender as an element of forensic characterization of crimes of an extremist

The article analyzes the identity of the offender as an element of forensic characteristics of crimes of an extremist nature, knowledge of which is necessary for determining the list of circumstances to be established, the nomination of sound investigative leads and identify the main areas of investigation in order to ensure the most rapid and complete disclosure and investigation of crimes in this category.

***Keywords**: extremism, extremist crimes, forensic characterization.*

В основе криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений лежат результаты изучения материальных и идеальных следов преступления, указывающие на криминалистически значимые признаки преступления, преступника, различные обстоятельства, в том числе и косвенно связанные с данным деянием, возможно, и не существенные для его квалификации, но важные для расследования преступления.

Среди выделяемых в криминалистической литературе элементов криминалистической характеристики существенное значение для расследования преступлений, связанных с преступлениями экстремистской направленности имеет личность преступника.

Как показывает судебно-следственная практика экстремистские преступления в большей степени совершаются мужчинами (97 % от числа осужденных по изученным преступлениям экстремистской направленности – мужчины). Преступные деяния, совершенные в одиночку, составили 14,9 % от общего массива преступных деяний, а преступления в составе группы лиц – 85,1 %. 91,2 % от числа групповых преступных деяний были совершены в составе группы лиц одной национальности. Лица моложе 30 лет составляют 85,4 % от общего числа участников таких преступных групп. По численно-

сти доминируют малочисленные (от 2 до 5 человек – 55,8 %) и средние по численности (от 5 до 10 человек – 39,2%) преступные группы[1].

Проведя анализ деятельности экстремистских организаций и группировок, действующих на территории России, следует отметить, как показывают наши исследования[2], что преступления в 42 % случая совершается членами неформальных молодежных организаций экстремистской направленности в возрасте 14 – 17 лет, 71 % лицами до 29 – 30 лет, т. е. возраст колеблется от 14 до 30 лет.

Анализ судебной и следственной практики показывает, что большинство лиц ранее не привлекались к уголовной ответственности.

Образование у лиц данной категории, как правило, среднее, хотя присутствует наличие средне специального и высшего образования. Наличие образования позволяет данным лицам склонять других к участию в экстремистской организации (сообществе) осуществлять публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждать ненависть, вражду. Безусловно, такая активная экстремистская деятельность будет занимать все свободное от учебы или работы время, не оставляя времени на личную, семейную жизнь.

Анализ связи личности преступника с местами совершения преступлений, позволяет сделать вывод о том, что преступления экстремистской направленности совершаются в пределах населенного пункта в больше степени в крупных городах. Все материалы экстремистского толка (книги, брошюры, листовки и т. п.) изготавливались в условиях офиса или дома. Наличие в городе сети «Интернет» дает возможность распространения среди большого круга пользователей материалов экстремистского содержания.

Характер деятельности во многом определяется различными объективными, а больше субъективными факторами. К числу таких субъективных факторов, прежде всего, относится количество преступников и степень их организованности.

В случае совершения преступления одиночкой более вероятно, что его (националистические или расистские) идеи найдут выражение либо в устных высказываниях, либо в записках, плакатах, изготовленных самостоятельно (чаще без использования какой-либо техники).

В целях доведения до широких масс экстремистских идей преступники используют различные печатные издания: листовки, газеты, брошюры, плакаты, сеть Интернет и иные средства информации. Необходимость доведения такого рода идей до общественности может быть обусловлена различными факторами. Прежде всего, это стремление привлечь на свою сторону как можно больше людей, в том числе и непосредственно для участия в совершении подготовленных и планируемых преступлений, а также желание придать своим преступным действиям видимость защиты Отечества, борьбы за равноправие того или иного народа (в том числе и русского) и т. д.

Одним из важных представляется вопрос о том, действительно ли высказываемые мысли, пропагандируемые идеи являются специфической составляющей способа совершения преступления (в этом случае речь идет, несомненно, о преступлениях, связанных с экстремизмом) или националистические идеи и высказывания используются преступниками только для вуалирования истинных мотивов и целей их деятельности.

---

[1] Авыдов В.О. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием компьютерных сетей. Автореф. дис. канд. наук. Ростов-на-Дону. 2013. С.15.

[2] Анализ изученных уголовных дел Республике Башкортостан, Республике Татарстан, Челябинской области, по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 280, 282, 282^1 и 282^2 УК РФ в период с 2011 по 201 5 г.г.

Неотъемлемой частью криминалистической характеристики выступает мотив, оказывающий побудительное воздействие на поведение лица, совершающего экстремистские преступления.

Проведенное исследование показывает, что самыми распространенными мотивами рассматриваемых преступлений являются религиозные и националистические 45 % от числа изученных уголовных дел, политические составляют около 40 %, остальные 15 % занимают другие мотивы.

Существует большое количество способов совершения преступлений рассматриваемой категории. Прежде всего, способы, которыми совершаются преступления, посягающие на жизнь или здоровье лица, должны быть выделены в одну самостоятельную группу, а способы совершения преступлений, не связанных с такого рода посягательствами, – в другую.

Для осуществления данных преступлений, связанных с посягательством на жизнь или здоровье граждан, могут быть использованы те же способы, с помощью которых традиционно совершаются преступления, преследующие и иные цели. Это могут быть способы лишения жизни или причинения различной тяжести вреда здоровью потерпевшего с использованием оружия (огнестрельного, холодного и т. п.) или без него (путем причинения телесных повреждений, удушения и т. п.).

Непременной составляющей способа должны быть действия, отражающие наличие именно мотива по политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Это может выразиться в определенных высказываниях националистического толка, надписях и т. п. При этом важно иметь в виду, что такого рода действия могут иметь место как до или во время, так и непосредственно после причинения вреда жизни или здоровью потерпевшего.

При расследовании преступлений данной категории важно знать и учитывать особенности процесса отображения в сознании человека (в его памяти) той информации, которая была им воспринята при интересующих следствие обстоятельствах.

Следует отметить, что пропаганда экстремистского характера выражается не только в текстах, но и в соответствующей символике, которая может сопровождать их. Благодаря этому информационная составляющая усиливается, поскольку оказывается дополнительное воздействие на личность, происходит подчинение индивидуального сознания коллективному.

Таким образом, личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности следует определить как составную часть систематизированного описания комплекса обобщенных фактических данных и основанных на таком описании научных выводов, знание которых необходимо для определения перечня обстоятельств, подлежащих установлению, выдвижения обоснованных следственных версий и определения основных направлений расследования в целях обеспечения наиболее быстрого и полного раскрытия и расследования преступлений данной категории.

В.К. Гавло, А.В. Польгерт

Понятие незаконного сбыта наркотических средств, совершенного бесконтактным способом

Статья посвящена исследованию совершения преступлений бесконтактным способом с использованием сети Интернет и новых информационных технологий. Показано, что под незаконным сбытом наркотических средств и психотропных веществ, совершенных бесконтактным способом следует понимать возмездную передачу потребителю наркотических средств другим лицам без непосредственного физического контакта при использовании глобальных сетей или телекоммуникационных технологий с широким применением электронных платежных систем.

***Ключевые слова**: наркотические средства, незаконный сбыт, бесконтактный способ.*

V.K. Gavlo A.V. Polgert

The concept of the drugs illegal sale which was committed by non-contact method

The article is devoted to the study of crimes which were committed by non-contact manner using the Internet and new information technologies.

It is shown that under the illegal drug-traffic and psycotropic materials made without man-contected method should be understood some uncompensated transfer of drugs to a customer by other persons without direct physical contact by means of global net and telecommunicative technologies with wide use of electronic pay systems.

***Keywords**: drugs, illegal sale, non-contact method.*

Необходимость принятия Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года (далее — Стратегия) обусловлена динамикой изменений, происходящих в России и в мире, возникновением новых вызовов и угроз, связанных прежде всего с активизацией деятельности транснациональной преступности, усилением терроризма, экстремизма, появлением новых видов наркотических средств и психотропных веществ (далее – наркотики), усилением негативных тенденций, таких как устойчивое сокращение численности населения России, в том числе уменьшение численности молодого трудоспособного населения вследствие расширения масштабов незаконного распространения наркотиков[1].

Несмотря на действие Стратегии, следует отметить, что цифры официальной статистики свидетельствуют о достаточно высоком уровне преступлений о незаконном обороте наркотических средств, так, в январе - июне 2015 года выявлено 124,7 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 0,6% больше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом сотрудниками органов наркоконтроля выявлено 41,9 тыс. преступлений (-3,2%), сотрудниками органов внутренних дел — 79,7 тыс. преступлений (+2,9%). По сравнению с январем-июнем 2014 года на 3,1% возросло число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а их удельный вес в числе преступлений, свя-

[1] Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 202 0 года: Указ Президента РФ от 09.06.2010 № 690 // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 24. — Ст. 3015.

занных с незаконным оборотом наркотиков, возросло с 50,0% в январе-июне 2014 года до 51,2%.[1]

Развитие современных информационно-телекоммуникационных технологий привело к существенному изменению характера современной профессиональной российской преступности, в том числе связанных с незаконным оборотом наркотиков. Совершение таких преступлений представляет наибольшую общественную опасность и наносит наибольший ущерб по сравнению с общеуголовной преступностью в сферах национальной, информационной безопасности, экономики, финансов и прав личности. Использование преступниками информационных технологий позволило подготавливать, совершать и скрывать преступления бесконтактным способом и таким же образом противодействовать расследованию. Это означает, что им уже незачем встречаться, обговаривать и планировать свое преступление. В процессе непосредственного совершения преступления преступники могут выполнять свои распределенные преступные роли, находясь вдали друг от друга, при этом поддерживая связь в режиме онлайн. Другая часть их сообщников будет уничтожать информационные следы преступлений. Поэтому процесс совершения преступления стал еще более скрытый, недоступный для традиционного способа собирания доказательств. Об этом свидетельствуют оценки сотрудников отдела информационных технологий, согласно которым в настоящее время 90% информации циркулирует в компьютерных сетях.

Учитывая изменившийся характер современной преступности, Уголовный кодекс РФ вводит новые составы преступлений или по-новому формулирует объективную сторону деяний[2]. Так, например, за последнее время в УК наряду с имеющимися «техническими» составами (ст. 146, 183, 187, 242, 242.1, 272 - 274 УК) появились ст. 159.6, 185.3, 228.1, где указывается использование для совершения преступления электронных, информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

Изменения в законодательстве, касающиеся уголовной ответственности за участие в незаконном обороте наркотиков, потребовали соответствующих изменений и в практике рассмотрения таких дел в судах. В связи с этим на днях специальным постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 года внесены изменения в постановление 2006 года «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»[3]. Изменения коснулись, в том числе, различных относительно недавних «изобретений» наркоиндустрии. В частности, таких как бесконтактный сбыт наркотиков. Так под незаконным сбытом наркотических средств следует понимать незаконную деятельность лица, направленную на их возмездную либо безвозмездную реализацию (продажа, дарение, обмен, уплата долга, дача взаймы и т. д.) другому лицу. При этом сама передача лицом реализуемых средств, веществ, растений приобретателю может быть осуществлена любыми способами, в том числе непосредственно, путем сообщения о месте их хранения приобретателю, проведения закладки в обусловленном с ним месте, введения инъекции.

---

[1] Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. — URL: https://mvd.ru/reports/item/6167280/ (Дата обращения 12.07.2015).

[2] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 01.03.2012 № 18-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2012. — № 10. — Ст. 1166,

[3] О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 200 6 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 201 5 г. № 30 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.garant.ru/hotlaw/federal/634129/#review (дата обращения 22.07.2015).

Понятие информационно-телекоммуникационной сети определено в п. 4 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[1] а также в п. 2 раздела 1 Правил оказания телематических услуг связи, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 10.09.2007 N 575[2]: это технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники. Кроме того, в указанных Правилах содержится определение телематического электронного сообщения, под которым понимается одно или несколько сообщений электросвязи, содержащих информацию, структурированную в соответствии с протоколом обмена, поддерживаемым взаимодействующими информационной системой и абонентским терминалом. То есть, электронная или информационно-телекоммуникационная сеть – это сеть, предназначенная для передачи и получения информации посредством проводных и сотовых телефонов, компьютеров и электронных терминалов перевода денежных средств.

Терминологическое значение использования терминов и понятий, связанных с регулированием использования интернета, содержание применяемых терминов и понятий свидетельствуют о различии существующих подходов. Модельный закон «Об основах регулирования интернета»[3] государств - членов СНГ использует термин «интернет», содержательно это понятие означает «глобальную информационно-телекоммуникационную сеть, связывающую информационные системы и сети электросвязи различных стран посредством глобального адресного пространства, основанную на использовании комплексов интернет-протоколов (Internet Protocol, IP) и протокола передачи данных (Transmission Control Protocol, TCP) и предоставляющую возможность реализации различных форм коммуникации, в том числе размещения информации для неограниченного круга лиц». В таком документе, как Таллинское руководство по международному праву, применимому в случае кибервойны (Tallinn Manual on The International Law Applicable to Cyber Warfare)[4], под интернетом понимается «глобальная компьютерная сеть, в свою очередь, состоящая из множества компьютерных сетей, в которой данные передаются с помощью единого набора протоколов». В российском законодательстве слово «интернет», употребляется в различном контексте и сочетаниях, но предпочтение отдается использованию его эвфемизмов - «сеть интернет», «информационно-коммуникационная сеть» (последний пишется через дефис).

---

[1] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3448.

[2] Об утверждении Правил оказания телематических услуг связи: Постановление Правительства РФ от 10.09.2007 N 575 // Собрание законодательства РФ. — 2007. — N 38. — Ст. 4552.

[3] Модельный закон об основах регулирования Интернета (Принят в г. Санкт-Петербурге 16.05.2011 Постановлением 36-9 на 36-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. - 2011. - № 51. - С. 191-198.

[4] Таллинское руководство по международному праву, применимому в случае кибервойны, принято в 201 3 г. и является итогом трехлетней работы международной группы экспертов, приглашенных Центром передового опыта НАТО по совместной защите от киберугроз (The NATO Cooperative Cyber Defence Center of Excellence), г. Таллин (Эстония). Центр передового опыта НАТО по совместной защите от киберугроз (The NATO Cooperative Cyber Defence Center of Excellence, CCDCOE), называемый иногда «Объединенный центр передового опыта в сфере кибернетической защиты», создан в 2008 году в г. Таллине (Эстония) в целях повышения эффективности взаимодействия стран НАТО и расширения их возможностей в сфере кибербезопасности, аккредитован при НАТО и имеет статус международной военной организации. В его компетенцию входит предоставление экспертных заключений по вопросам совместной кибернетической и информационной безопасности для НАТО и стран - членов НАТО. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.Cambridge.org/9781107024434 (дата обращения 22.07.2015).

Совершение преступлений бесконтактным способом с использованием сети Интернет и новых информационных технологий получает все большее распространение. Изначально данный способ незаконной реализации наркотиков стал внедряться для сбыта синтетических каннабиноидов — это курительные смеси, миксы, спайсы, различные соли, а также амфетаминов — это «скорость», «радиация» и т. п., в настоящее время используют и для сбыта героина[1].

Традиционно для преступных групп связанных с незаконным сбытом наркотических средств было характерно иерархическое построение, которое обеспечивало способность концентрировать усилия многих участников на достижении единой цели[2]. Однако по результатам исследования, проведенного Комитетом ООН по наркотикам и преступности, было выявлено изменения в структуре современных криминальных образований, разработана новая типология основных структур преступных формирований[3]. Отмечается, что все чаще правоохранительным органам приходится иметь дело с сетевыми структурами организованной наркопреступности, обладающими в современных условиях наиболее высокой гибкостью и адаптивностью к изменениям окружающей обстановки.

Контакт может происходить в двух формах: 1) непосредственно другим человеком (схема «человек — человек»); 2) опосредованно, через различные носители информации («человек — носитель информации — человек»). Представляется, что обе эти формы воздействия можно рассматривать в качестве информационных. Тем не менее применительно к обеим формам контакта возникает проблема их отграничения от физического. Для решения этой задачи считаем целесообразным использовать одну из классификаций восприятия информации, в основе которой лежит критерий типа используемой сенсорной системы. В современной психологии выделяют семь таких систем: кожные ощущения, вестибулярная система, кинестетическая система, вкус, обоняние, слух, зрение[4]. Следовательно, можно определить соответствующие виды контакта: 1) тактильный; 2) вестибулярная; 3) кинестетический; 4) вкусовой; 5) обонятельный; 6) аудиальный; 7) визуальный. Принципиальное отличие тактильной, вкусовой, вестибулярной и кинестетической информации от визуальной и аудиальной состоит в наличии физического контакта объектов[5]. Что касается обонятельной информации, то она занимает промежуточное положение, так как, хотя и не предполагает прямого физического контакта между человеком и источником запаха, реализуется при попадании частиц вещества на поверхности специализированных рецепторов — клеток обонятельного эпителия.

Сущность бесконтактного способа сбыта наркотических средств заключается в том, что между продавцом и покупателем наркотических средств исключен какой-либо физический контакт и в некоторых случаях (при невыполнении сбытчиком лично) характеризуется техническим разделением ролей и функций соучастников, согласованностью действий и направленностью на совместную реализацию наркотических средств. Часто организатор находится за рубежом. «Закладчиков» он вербует по всей России через Интернет, общаясь с ними через социальные сети, с помощью «аськи», скайпа и им

---

[1] Ривхат Нурисламов. Синтетика вместо героина [Электронный ресурс]. — URL: http://belovo.bezformata.ru/listnews/sintetika-vmesto-geroina/12385394/ (дата обращения 29.06.2015).

[2] Осипенко А.Л., Миненко П.В. Оперативно-розыскное противодействие незаконному обороту наркотических средств, совершаемому с использованием телекоммуникационных устройств // Вестник Воронежского института МВД России. — 2014. — № 1. — С. 151-155.

[3] Руководство для правительств по предупреждению незаконной торговли через Интернет веществами, находящимися под международным контролем. — Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 2009. — С. 1-2.

[4] Психология: Учебник / В.В. Нуркова, Н.Б. Березанская. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2011. — С. 297.

[5] Психология : учебник / В. В. Нуркова, Н. Б. Березанская. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт ; ИД Юрайт, 2011.— С. 297.

подобных программ[1] (легального определения понятия «социальные сети» российское законодательство на данный момент не содержит. Википедия определяет социальную сеть (от англ. social networking service) как платформу, онлайн-сервис или веб-сайт, предназначенные для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений). Работают обычно организованные группировки минимум по 5 человек. У каждого своя роль. В Интернете создаются целые сети магазинов, продающих различные виды наркотиков, в том числе, и курительные смеси. Таким образом, используемый способ также позволяет говорить о признаках сбыта наркотических средств, совершенного группой лиц по предварительному сговору.

В своей статье Земцовой С.И. на основе анализа судебно-следственной практики исследуются отдельные элементы криминалистической характеристики преступлений, связанных со сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаемым с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), акцентируя внимание на таком элементе, как способ совершения данной группы преступлений, отмечает, что его специфика заключается в использовании указанных сетей для: 1) рекламы наркотиков (посредством создания специализированной страницы, группы в социальных сетях, а также «Интернет-магазина курительных смесей»); 2) общения с потенциальным покупателем; 3) получения сведений об оплате; 4) информирования о месте нахождения закладки[2].

Анализ судебно-следственной практики по делам связанным с сбытом наркотических средств совершаемого с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), что данное деяние носит всегда возмездный характер. Так как только после поступления денег покупатель узнает адрес закладки с наркотиками или получает их по почте.

Отсутствие прямого физического контакта продавца и покупателя как при передаче денежных средств за наркотики, так и при передаче наркотиков обеспечивает большую безопасность лицам, совершающим преступление. Как правило, прайс-лист с наименованиями запрещенных товаров размещают на сайтах-однодневках. Связь с продавцом покупатель поддерживает через СМС-сообщения, Skype, форумы или чаты, которые не требуют регистрации. Оплата производится через электронные платежные системы WEBMoney, QIWI и «Яндекс.Деньги». После поступления денег покупатель узнает адрес закладки с наркотиками или получает их по почте. Некоторые интернет-магазины предлагают еще и сим-карты, оформленные на подставное лицо. Они необходимы для регистрации QIWI-кошелька и его обязательной привязки к телефонному номеру.

В Федеральном законе от 27.06.2011 N 161-ФЗ «О национальной платежной системе» впервые дается понятие платежной системы (ПС) как совокупности организаций, взаимодействующих по правилам платежной системы в целях осуществления перевода денежных средств, включающей оператора платежной системы, операторов услуг платежной инфраструктуры и участников платежной системы, из которых как минимум три организации являются операторами по переводу денежных средств. В настоящее время большинство платежных систем предполагают использование потребителями электрон-

---

[1] Интервью заместителя начальника Управления ФСКН России по Костромской области, полковник полиции Ковалева О. [Электронный ресурс]. — URL: http://44kv.ru/reklamodatelyam/9-rubriki/temy-nedeli/753-smertelnaya-zakladka (дата обращения 29.06.2015.)

[2] Земцова С. И. О некоторых элементах криминалистической характеристики сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаемого с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») / С. И. Земцова. //Библиотека криминалиста. — 2015. — № 1. — С. 245 — 252.

ных средств платежа. Именно необходимость использования потребителем в платежных системах электронных средств платежа позволяет квалифицировать эту платежную систему как электронную платежную систему.

Использование приема «бесконтактного» способа сбыта, при котором один из соучастников договаривается с наркопотребителем, второй помещает наркотик в определенное место, третий забирает деньги (и иные способы «бесконтактного» сбыта). По такой схеме в 2011 г. на территории г. Саранска (Республика Мордовия) работала целая семья из трех человек. Потребитель (наркоман) посылал сбытчикам СМС-сообщение со специальными кодовыми словами, затем, получив аналогичный «зашифрованный» ответ, шел к терминалу оплаты и по системе электронного кошелька перечислял денежные средства на указанный наркопродавцами номер. После подтверждения о зачислении средств покупателю отправлялось СМС-сообщение с указанием места, где находится тайник с наркотическим средством. Электронные деньги впоследствии переводились на банковский счет и снимались через банкоматы. При этом с целью конспирации и номера сотовых телефонов, и номер банковского счета заводились на посторонних лиц. Преступная деятельность данной группы была пресечена в результате целого комплекса оперативно-розыскных мероприятий[1].

Приведенный пример сбыта наркотических средств, совершенный бесконтактный способом наглядно демонстрирует необходимость комплексных научных исследований, результатом которых должны стать обоснованные методические рекомендации при расследовании подобных преступлений.

Таким образом, под незаконным сбытом наркотических средств и психотропных веществ, совершенным бесконтактным способом, понимается возмездная передача потребителю наркотических средств другим лицам, без непосредственного физического контакта, при использовании глобальных сетей или телекоммуникационных технологий, с широким применением электронных платежных систем.

[1] Наркоторговцам, занимавшимся сбытом наркотических средств бесконтактным способом, вынесен обвинительный приговор (новости от 07.06.2012) // Официальный сайт Октябрьского районного суд г. Саранска Республики Мордовия [Электронный ресурс]. — URL: http://oktyabrsky.mor.sudrf.ru/ (дата обращения 29.06.2015.)

Ю.П. Гармаев

Принцип наступательности в криминалистической методике расследования

В статье анализируется негативная закономерность, часто проявляющаяся в деятельности правоохранительных органов. Речь идет о пассивности, безынициативности в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений. Для ее преодоления предлагается принцип наступательности криминалистической методики расследования, формулируется его понятие и элементы. Внедрение этого принципа рассматривается как одно из важных направлений дальнейшего развития заключительного раздела криминалистики.

***Ключевые слова**: принцип криминалистической методики, наступательность, инициативность расследования, раскрытие преступлений, организованные преступные формирования, коррупционные преступления.*

Y.P. Garmaev

The principle of offensiveness in forensic investigation techniques

The article analyzes the negative pattern, often manifested in the activities of law enforcement agencies. This is the passivity, lack of initiative in the identification, disclosure and investigation of crimes. To overcome it proposed the principle of offensiveness forensic investigation techniques, formulated his concept and elements. The implementation of this principle is seen as one of the important directions of further development of the final section of criminology.

***Keywords**: principle of forensic techniques, aggressiveness, initiative investigation, detection of crime, organized criminal groups, corruption offenses.*

Хотелось бы начать со слов поздравлений, глубокого уважения и искренней признательности в адрес одного из своих Учителей – профессора Николая Павловича Яблокова! В 2003 году он по просьбе научного консультанта по моей докторской диссертации, профессора Александра Федоровича Лубина, дал свое согласие выступить в качестве первого оппонента на защите. С этого момента имею честь многократно навещать Николая Павловича, бывать у него на работе и дома, пользоваться гостеприимством его замечательной семьи!

Еще за несколько месяцев до защиты, с мужеством преодолевая проблемы со здоровьем, Николай Павлович, угощая меня чаем в своем доме, мягко, но принципиально разъяснил мне, почему не согласен со значительной частью положений, выносимых на защиту. Будучи последовательным во всем, на официальной процедуре защиты он был действительно настоящим Оппонентом по диссертации, высказал свое несогласие с ее концепцией, но дал положительный отзыв, искреннее, по-отечески поздравив молодого ученого по окончанию защиты. В последствии еще несколько лет в своих публикациях он неоднократно возвращался к той принципиальной научной дискуссии о теоретических основах формирования криминалистических методик расследования преступлений. Всегда поражает и восхищает его отношение к Любимому Делу и к людям. В делах – разумная принципиальность и строгость, в отношениях с людьми – Великодушие, Мудрость и Доброжелательность! Всегда ставил и буду ставить его в пример себе, ученикам и коллегам!

Переходя к теме статьи, отмечу, что в 2004 году прочитал один из, уж и не помню какой по счету, его научных трудов - «Расследование организованной преступной деятельности». В частности, авторский тезис о том, что к целям расследования следует от-

носить и разгром, развал организованного преступного формирования (ОПГ или ОПС)[1] после нескольких лет раздумий привел к мысли о принципе наступательности в расследовании.

Изучение следственной практики последних лет демонстрирует одну из негативных закономерностей, часто проявляющуюся в деятельности правоохранительных органов. Речь идет о пассивности, безынициативности в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, допускаемых не просто «отдельными следователями и оперуполномоченными и в ряде случаев». Налицо опасная по своей сущности и масштабам закономерность.

Проведенный нами опрос 86 прокуроров районов и их заместителей по надзору за следствием и дознанием, оперативно-розыскной деятельностью показал, что работники надзорного органа в большинстве своем (87% опрошенных) отмечают эту негативную закономерность: «Следствию не хватает целеустремленности и наступательности»[2]. У соответствующей негативной тенденции много сторон-проявлений. Это и выявляемые прокурорами факты систематического укрывательства преступлений от учета, заведомо незаконные, а порой и многократные отказы в возбуждении уголовных дел по заявлениям о неочевидных преступлениях, затягивание доследственной проверки и сроков предварительного расследования, и т. д.

Не имея целью встеронне проиллюстрировать типовые примеры проявления пассивности и безынициативности некоторых представителей правоохранительных органов, приведем результаты исследований Б.Я. Гаврилова: «… Сокращение показателя регистрируемой преступности обусловлено, главным образом, многократным увеличением сообщений о преступлениях, по которым принято процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела при одновременном сокращении доли возбужденных уголовных дел»[3]. Автор верно отмечает, что решения органов расследования об отказе возбуждения уголовного дела не только ограничивают конституционное право граждан на доступ к правосудию. Они зачастую нарушают закон, ибо от 20 % до 40 % таких решений ежегодно признаются незаконными или необоснованными и отменяются.

Результаты повсеместно распространенной практики пассивности, безынициативности в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений очевидны и притом чрезвычайно вредны, социально опасны. Глубоко убежден, что большинство следователей, дознавателей, оперативных сотрудников работают на совесть и не допускают в своей работе упомянутых нарушений закона, волокиты и безынициативности, однако закономерность, увы, на лицо. Так, в 2014 г. допущено более 540 000 нарушений учетно-регистрационной дисциплины и статистической работы, привлечено к дисциплинарной ответственности 46 400 сотрудников правоохранительных органов. Ежегодно (до 2014 года) до 3000-3500 сотрудников ОВД привлекались к уголовной ответственности только за указанные нарушения[4].

Противовесом, «противоядием» (как говорят в подобном контексте буддисты) от пассивности и безынициативности является принцип и практика наступательности, ак-

---

[1] Яблоков Н.П. Расследование организованной преступной деятельности. – М., 2002. – С. 106-107.

[2] См., например: Прокуратура Забайкальского края: Следствию не хватает наступательности в розыске и изъятии похищенного имущества в результате коррупционных преступлений: Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. Лента новостей региональных прокуратур от 22.04.2015. Режим доступа: http://genproc.gov.ru/smi/news/regionalnews/news-714749/. Дата обращения 12.10.2015.

[3] Подробнее см.: Гаврилов Б.Я. О роли уголовно-процессуального законодательства в раскрытии и расследовании преступлений // Криминалистические чтения на Байкале - 2015: Матер. междунар. науч.-практ. конф. / Вост.-Сиб. фил. ФГБОУВО "РГУП"; отв. ред. Д.А. Степаненко. - Иркутск, 2015. С.39-44.

[4] Из мультимедийной презентации к докладу: Гаврилов Б.Я. Уголовно-процессуальные проблемы досудебного производства и меры по его деформализации. Краснодар, КубГАУ, 18.09.2015.

тивности правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Если мы – научное юридическое сообщество, обеспечиваем наступательность сначала на уровне доктрины, затем – через обучение в юридическом вузе, и далее – на уровне практических пособий и занятий с правоприменителями, то тем самым создается необходимая основа для реализации этого принципа на практике. Так что же делается наукой в этом направлении?

Принцип (как и термин) наступательности в законодательстве отсутствует. С позиции науки уголовного процесса этот принцип прямо вытекает из принципа публичности. В соответствии с ч. 1 и 2 ст. 21 УПК РФ на прокурора, следователя, орган дознания и дознавателя возлагается обязанность осуществления уголовного преследования. В каждом случае обнаружения признаков преступления эти участники процесса принимают предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Как верно отмечает И. С. Дикарев: «Поскольку в случае обнаружения признаков преступления возникновение опасности для общества и всех его граждан презюмируется, деятельность уполномоченных государственных органов в сфере уголовной юстиции носит инициативный, наступательный характер»[1].

В науке оперативно-розыскной деятельности (ОРД) принцип наступательности – один из основополагающих. «Принцип наступательности ОРД состоит в направленности оперативно - розыскных мероприятий на поиск сведений о признаках преступной деятельности и выявление не известных ранее лиц, намеревающихся совершить преступление»[2].

На фоне этих положений несколько удивляет отношение к проблеме со стороны научного криминалистического сообщества. В публикациях по криминалистике мы не нашли тезиса о наступательности как о принципе ни с онтологической, ни с гносеологической точек зрения. Казалось бы, в работах, как минимум, по криминалистической методике анализируемый принцип по определению должен был бы быть провозглашенным и реализованным на уровне системы принципов построения и/или реализации методик расследования преступлений[3]. Лишь в отдельных работах, посвященных тактическим целям, выделяется: «... использование фактора внезапности, особенно на начальном этапе расследования; обеспечение методичности и наступательности расследования»[4]. Иногда в прикладных разработках упоминается (не более) «принципиальное положение о необходимости наступательности в борьбе с преступностью»[5], в том числе, со стороны государственного обвинителя[6], особенно по уголовным делам об организованной преступной деятельности, например, о бандитизме[7], без подробного анализа понятия и сути этого положения. Таким образом, авторы-разработчики прикладных криминалистических рекомендаций интуитивно понимают необходимость реализации данного принципа, но в

---

[1] Дикарев И.С. Частно-публичное обвинение // Российская юстиция. - 2008. - № 7. – С. 27-31.

[2] Статья 3. «Принципы оперативно - розыскной деятельности», Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности": Научно-практический комментарий (постатейный) / под ред. И.Н. Зубова, В.В. Николюка: Изд-во "Спарк". - 1999. - С. 19.

[3] Такие системы предложены и проанализированы в работах Р.С. Белкина, И. А. Возгрина, Ю. П. Гармаева, А.Ф. Лубина, С.Ю. Косарева, С. Н. Чурилова, А. В. Шмонина, Н.П. Яблокова и других ученых. Подробный анализ см.: Шмонин А.В. Методология криминалистической методики. Монография: Юрлитинформ. – 2010. – С. 70-80 (416 с.).

[4] См., например: Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы – М., 1988. - С. 111.

[5] См., например: Замылин Е. И. Средства массовой информации и их роль в обеспечении безопасности участников уголовного процесса (позитивные и негативные моменты) // Общество и право. – 2009. - № 1.1 (23). - С. 250-258.

[6] Короленко И.И. К вопросу о принципах и структуре поддержания государственного обвинения в судебном производстве по уголовным делам // Российский судья. - 2015. - № 4. - С. 23 - 26.

[7] Коровин С. В. Взаимодействие сотрудников оперативных аппаратов и органов предварительного следствия в расследовании и раскрытии бандитизма (методические рекомендации). – Тюмень – 2007. – С. 25 (29 с.)

теории криминалистики для этого нет научной основы.

Обобщая изложенное, хотелось бы предложить важное для криминалистики как науки (равно как и для науки ОРД) положение о необходимости активного внедрения в научные теоретические, учебные и прикладные разработки принципа наступательности, инициативности в выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и поддержании государственного обвинения (кратко – наступательность в расследовании).

Принцип наступательности в расследовании состоит в специфической ментальной установке правоприменителей и направленности их усилий (следственных действий, оперативно - розыскных мероприятий и их комплексов), на активный, инициативный поиск и выявление признаков преступной деятельности, выявление не известных ранее лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправные деяния[1].

Как видно из определения, соответствующая деятельность правоприменителей состоит из: ментальных установок и практических действий. Криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение этой деятельности должно включать следующие элементы:

- Область применения принципа: прежде всего, расследование организованной (включая экономическую и коррупционную) преступной деятельности;

- Необходимо работать над изменением, а вернее над уточнением самой парадигмы мышления юриста – представителя стороны обвинения. Прежде всего, необходимо четко определять типы правовых позиций, существующих в уголовном процессе и главное – содержание одной из них – позиции стороны обвинения[2], атрибут которой – наступательность и инициативность расследования.

- В криминалистических методиках и иных прикладных разработках необходимо уточнять содержание целей расследования. К таковым относятся не только установление истины, но и, как уже отмечалось, разгром, развал организованного преступного формирования (ОПГ или ОПС)[3], декриминализация (очистка) сферы деятельности (организации и т. п.) на районном, региональном, федеральном уровне. Все это невозможно без наступательного характера криминалистического мышления и криминалистической же деятельности.

- Одним из важнейших и универсальным направлением расследования по большинству уголовных дел о коррупционной, экономической, экстремистской и иной организованной преступной деятельности, является направление выявления возможной совокупности преступлений и вероятной серийности их совершения.

- Предыдущее положение определяет необходимость выдвижения типовых версий о совокупности и серийности совершения соответствующих преступлений, даже если на момент возбуждения дела выявлен всего один эпизод / состав общественно опасного посягательства.

- Оперативно-розыскные мероприятия (особенно такие как оперативный эксперимент, проверочная закупка, оперативное внедрение), следственные действия и их комплексы (тактические операции) могут и должны проводиться их субъектами инициативно, но без провокационной и подстрекательской составляющей[4].

- В решении проблемы преодоления противодействия расследованию (уголовно-

---

[1] Здесь дано понятие принципа деятельности. Наступательность как принцип формирования криминалистических методик и иных рекомендаций – тема отдельной научной разработки.

[2] Гармаев Ю.П., Раднаев В. С. Четыре позиции в мыслительной деятельности правоприменителя // Уголовное право. – 2009. - № 5. - С. 130-133.

[3] Яблоков Н.П. Расследование организованной преступной деятельности. – М., 2002. – С. 106-107.

[4] Гармаев Ю.П., Шашин Д. Г. Особенности криминалистической методики расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о незаконном сбыте наркотиков. – М.: Изд-во «Юрлитинформ». 2009. – С. 56-65 (234 с.)

му преследованию) акцент должен быть смещен на прогнозирование и предупреждение такого противодействия, равно как и на предупреждение совершения преступлений.

- В плане взаимодействия между субъектами стороны обвинения особую важность приобретает согласование предъявляемого обвинения с надзирающими прокурорами, государственными обвинителями.

- На стадии судебного разбирательства, когда государственный обвинитель зачастую остается «один на один» с несколькими представителями стороны защиты, необходимо усиление взаимодействия между субъектами-обвинителями, в том числе, в рамках реализации тактических операций по типу: «Защита доказательств обвинения»[1];

- Принцип наступательности не исключает, а наоборот – актуализирует необходимость активного использования компромиссов со стороной защиты, например: заключение и криминалистическое обеспечение досудебных соглашений о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ)[2], реализации особого порядка, предусмотренного гл. 40 УПК РФ[3] и др.

Здесь лишь тезисно обозначены только некоторые положения, относящиеся к содержанию принципа наступательности. Надлежащее применение принципа в научно-теоретических и прикладных исследованиях, внедрение его сначала в массовое сознание субъектов стороны обвинения, а затем – в их правоприменительную практику, рассматривается нами как одно из важных направлений дальнейшего развития заключительного раздела криминалистики.

---

[1] Гармаев Ю. П. Устранение сомнений в допустимости доказательств // Законность. – 2011. - № 5. - С. 29-33.

[2] См., например: Прыткова Е. В. Обеспечение безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, на стадии предварительного расследования: уголовно-процессуальные и тактико-криминалистические аспекты: автореф. дис…. канд. юрид. наук. – СПб. – 2015. – 25 с.

[3] Попова Е.И. Криминалистическое обеспечение применения следователем норм об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением по уголовным делам о хищениях: Дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013.

В.А. Грушихина

К вопросу о первоначальных следственных действиях при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков

В работе представлена актуальная на сегодняшний день проблема – борьбы с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков. Приведены причины существования наркотизации общества, проанализирован средний возраст употребления алкоголя и наркотиков, выделен ряд основных факторов, определяющих негативную динамику проблемы. Автором приведены статистические данные динамики указанных преступлений как на территории России, так и в Иркутской области, а также рассмотрены следственные действия, которые необходимо проводить на первоначальном этапе расследования преступлений.

***Ключевые слова**: следственные действия; незаконный оборот наркотиков; преступления.*

V. A. Grushikhina

To the question of initial investigative actions in the investigation of crimes in sphere of illegal circulation of drugs

The paper presents a topical issue – the struggle against crimes in sphere of illegal circulation of drugs. The reasons given for the existence of the anesthesia society, analyzed the average age of alcohol and drugs, highlighted a number of key factors that determine the negative dynamics of the problem. The author provides statistical data of the dynamics of these crimes on the territory of Russia and in Irkutsk region, and also reviewed investigative actions to be carried out at the initial stage of investigation of crimes.

***Keywords**: investigation; drug trafficking; crimes.*

В настоящее время, наркомания приобрела слишком широкий размах.

Несмотря на то, что за последнее время благодаря показательной работе правоохранительных органов преступность в сфере незаконного оборота наркотиков в Иркутской области значительно снизилась, а лиц, потребляющих наркотики на первый взгляд стало меньше, проблему наркомании отодвигать на второй план не стоит. Современная криминальная ситуация, связанная с незаконным оборотом наркотиков, не только реально угрожает нормальному развитию социальных отношений, она способна вообще перечеркнуть будущее любого общества. Поэтому борьба с этим негативным явлением должна осуществляться комплексом взаимосвязанных мер политического, экономического, правового, общесоциального и медицинского характера и

Нестабильность в обществе, снижение уровня жизни, потеря частью общества нравственных ориентиров являются условиями для дальнейшего продолжения процесса наркотизации общества. Важно отметить, что происходит неуклонное «омоложение» наркомании. В России средний возраст начала употребления алкоголя среди мальчиков снизился до 12,5 лет, среди девочек до 12,9 лет; возраст приобщения к наркотическим средствам снизился соответственно до 14,2 лет среди мальчиков и 14,6 лет среди девочек. Все это неоспоримые детерминанты наркопреступности[1].

Дифференцированный анализ отечественной и мировой наркотической ситуации позволяет выделить ряд основных факторов, определяющих негативную динамику про-

[1] Очковский, Е. А. О новом повороте антинаркотической политики. Научно-практическая конференция / Е. А. Очковский // Государство и право. – 2010. – № 11. С. 24.

блемы. Условно выделяются социально-экономические, социально-идеалогические и биомедицинские факторы, а по масштабу их действия - глобальные, геополитические, региональные, присущие отдельным слоям общества, микрогруппам населения, семьям, личностям.

Поэтому без жестких мер противодействия незаконному обороту наркотиков и силового противостояния наркогруппировкам добиться реального повышения эффективности антинаркотической работы не представляется возможным[1].

В 2013 году ситуация, связанная с распространением и потреблением наркотических средств, психотропных веществ на территории Иркутской области начала приобретать эпидемиологический характер. На протяжении последних лет область относилась к наиболее нарконеблагополучным регионам России, наркотизация населения области почти в два раза превышала среднероссийский уровень.

Обуславливают такое положение рядом факторов, таких как: геополитический, доступность и большое количество собственного сырья для изготовления наркотиков каннабисной и опиойдной группы, большой миграционный поток из наркоопасных государств, экономическая нестабильность в регионе и ее влияние на социальные процессы, активное распространение новых видов наркотических средств, налаженная пересылка международных почтовых отправлений, распространенная организация сбыта наркотиков через сеть «Интернет», посредством номеров телефона сотовой связи, возможность изготовление наркотических средств из препаратов, находящихся легальном обороте, высокий уровень общей заболеваемости наркомании и низкий уровень обращаемости лиц, употребляющих наркотики, за наркологической помощью.

В настоящее время 70% потребителей наркотиков составляют подростки молодого возраста. По официальным данным, на территории Российской Федерации совершено преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков: за 2011 год – 215,2 тысяч преступлений, за 2012 г. – 219 тыс. преступлений, за 2013 г. – 231,5 тыс. преступлений, за 2014 г. – 254, 7 тыс. преступлений. С каждым годом, в нашей стране наблюдается активный рост преступлений, связанных с оборотом наркотических средств.

Как мы уже отметили выше, одним из наиболее неблагоприятных регионов страны в части наркомании является Иркутская область, которая чаще всего используется для транзита крупных партий наркотиков. По данным межведомственной статистической отчетности правоохранительными органами Иркутской области (за исключение органов внутренних дел на транспорте и таможенных органов) за 2012 год зарегистрировано 3817 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (что выше показателя 2011 года на 4,5%), из которых 78,9% составляют тяжкие и особо тяжкие преступления (2933 преступления), в том числе органами внутренних дел – 2223 преступления (58,2%), управлением ФСКН – 1556 преступлений (40,8%), следственным комитетом, органами ФСБ – 38 преступлений (1%). В 2013 году зарегистрировано 3697 преступлений, что ниже показателя 2012 года на 0,5%, из которых 76,8% составляют тяжкие и особо тяжкие преступления. В 2014 году зарегистрировано 3664 преступлений, из которых 79,7 составляют тяжкие и особо тяжкие преступления. В структуре зарегистрированных преступлений на органы внутренних дел приходится 59,7%, управление ФСКН – 38,9%, органы ФСБ – 0,2%, органы ФСИН – 0,2%, органы ФТС – 0,03%[2].

Анализ специальной литературы показывает, что большое количество преступлений совершается лицами мужского пола (87%); лицами возрастом до 30 лет, имеющими

---

[1] Николаева, З.А. Алкоголизм. Наркомания. Токсикомания [Текст] / З. А. Николаева. – М., 2004. –С.72

[2] Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФ. Портал правовой статистики. Показатели преступности в России и регионах за 2011, 2012,2013,2014гг. [Электронный ресурс]// [сайт]. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total/

российское гражданство (около 97%); лицами, не имеющими постоянную занятость – 66,5%.

На протяжении долгих лет, наркопреступность является одним из доходных и основных видов организованной преступной деятельности. На настоящее время, прибыль от данного вида преступной деятельности измеряется астрономическими цифрами, что привлекает большое внимание транснациональных преступных организаций и этнических формирований, которые заинтересованы в получении максимальной прибыли[1].

Так, для эффективного расследования указанной группы преступлений важное значение имеют первоначальные действия следователя – следственные, а в некоторых случаях действия организационно-технического характера (сохранность вещественных доказательств и документов, подлежащих осмотру и исследованию и др.).

Комплекс первоначальных следственных действий определяется отдельным случаем. Период проведения следственных действий должен исчисляться днями, а не неделями. По нашему мнению в комплекс первоначальных следственных действий входит:

1. Действия, направленные на обеспечение возможности проверки поступившее информации, к которым относится – осмотр места происшествия. В ходе проведения осмотра могут быть обнаружены материальные следы преступления, которые в дальнейшем изымаются и направляются на экспертное исследование.
2. Действия, направленные на получение необходимой для расследования информации о событии преступления. К таковым относится, к примеру, допрос лиц, обладающих сведениями о совершенном противоправном деянии и т. д.
3. Действия, вытекающие из основного направления расследования: назначение судебной экспертизы в целях установления вида и массы наркотических средств и др.
4. Иные действия (например мероприятия, направленные на предупреждение и пресечение новых преступлений, если такая опасность имеется).

Рассмотрим наиболее важные следственные действия, проводимые на первоначальном этапе расследования указанной категории преступлений. К ним относятся: личный обыск и осмотр одежды подозреваемого; освидетельствование; изъятие образцов для сравнительного исследования и др.

Основанием для производства личного обыска является наличие достаточных данных полагать, что у лица находятся наркотические средства или психотропные вещества либо иные предметы, которые имеют значение для уголовного дела. По общему правилу для производства обыска выносится постановление следователя. Личный обыск производится на основании судебного решения (п.6 ч.1 ст.29 УПК РФ), принимаемого в порядке ст. 165 УПК РФ.

Если подозреваемый задержан при перевозке или сбыте наркотиков, то личный обыск необходимо проводить сразу на месте задержания для изъятия «товара», оружия, денег и других предметов.

Лица, связанные с незаконным оборотом наркотиков опасаются задержания и изъятия у них улик при личном обыске. При малейшей оплошности задерживающих они постараются избавиться от них, чем осложнят весь процесс доказывания причастности лица к преступлению. Чтобы избежать сброса наркотических средств, целесообразно сразу же после задержания надеть ему наручники.

При личном обыске следует учитывать те уловки, к которым прибегают преступники для сокрытия наркотиков. Пряча наркотики, сбытчики прибегают к различным

---

[1] Кирсанов А.И. Противодействие наркобизнесу и наркомании в системе национальной безопасности России: Политологический анализ. Автореф. дисс.канд.юрид.наук. Москва, 2010. С. 5.

ухищрениям, знать которые следует всем сотрудникам, занимающимся раскрытием и расследованием преступлений, связанным с незаконным оборотом наркотиков. При задержании необходимо тщательно обследовать тело и личные вещи задержанного.

Освидетельствованием признается разновидность следственного осмотра, целью которого является осмотр тела живого человека для обнаружения: особых примет - татуировок, шрамов, родинок, родимых пятен, бородавок, дефектов тела; признаков, свидетельствующих о его профессиональной принадлежности, следов преступления и т. д.

Освидетельствование позволяет установить:

а) нахождение в руках у подозреваемого наркотиков, помеченных маркирующими средствами денег и предметов, иных предметов;

б) употребление задержанным наркотиков;

в) нахождение его в состоянии наркотического опьянения;

г) наличие особых примет и др.

В ходе освидетельствования составляются протокол. В протоколах описываются все действия следователя, а также все обнаруженное при освидетельствовании в той последовательности, в какой производилось освидетельствование, и в том виде, в каком обнаруженное наблюдалось в момент освидетельствования.

Для доказывания, что задержанное лицо производило операции с наркотическим средством или другими веществами важное значение имеет изъятие образцов для исследования:

– смывов с рук (производятся спиртом или водноспиртовой смесью);

– срезы ногтевых пластин для доказывания контакта задержанного с наркотическим средством или иным веществом;

– смывы с губ и рта, образцы биологических жидкостей (крови, мочи, слюны) для установления факта употребления наркотика.

– Образцы как правило получают с целью проведения в дальнейшем сравнительной экспертизы.

Последовательность первоначальных следственных действий будет зависеть от следственной ситуации. По мере выяснения неотложного характера какого-либо действия, оно немедленно должно быть проведено, так как замедление может привести к потере возможности получения иных доказательств и др.

Мы рассмотрели не все следственные действия, проводимые на первоначальном этапе расследования преступлений. Кроме перечисленного производится также осмотр; допрос подозреваемых (обвиняемых) и свидетелей и т. д.

В проведения первоначальных следственных действий важное значение имеет организация осуществления иных мероприятий: обследование местности, преследование преступника по «горячим следам», установление наблюдений за определенными лицами либо объектами, выявление свидетелей и др.

Таким образом, проведение первоначальных следственных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий являются наиболее эффективными средствами доказывания вины лица, совершившего противоправное деяние в сфере незаконного оборота наркотиков.

В.О. Давыдов

Организованные преступные формирования, совершающие транснациональные преступления экстремистского характера, как объект криминалистического исследования

В статье представлен авторский взгляд на сущность и проблемы, связанные с пониманием предмета и основных направлений криминалистического исследования организованных преступных формирований, совершающих транснациональные преступления экстремистского характера. Обосновывается тезис о том, что подобные организованные формы транснационального экстремизма должны становиться самостоятельным объектом криминалистического изучения и, соответственно, одним из элементов криминалистической характеристики преступлений рассматриваемого вида. Приводится авторское определение дефиниции «транснациональное преступное формирование экстремистского характера».

***Ключевые слова**: транснациональное преступное формирование, экстремизм, криминалистическая характеристика, системно-структурный анализ, функциональные связи, криминалистически значимая информация.*

V.O. Davydov

Organized criminal formations, the committing transnational crimes extremist character, as object of criminalistic research.

The author's view of essence and the problems connected with understanding of a subject and the main directions of criminalistic research of the organized criminal formations committing transnational crimes of extremist character is presented in article. The thesis that similar organized forms of transnational extremism have to become independent object of criminalistic studying and, respectively, one of elements of the criminalistic characteristic of crimes of the considered look locates. Author's definition of a definition «transnational criminal formation of extremist character» is given.

***Keywords**: transnational criminal formation, extremism, criminalistic characteristic, system and structural analysis, functional communications, criminalistic significant information.*

Результаты преступной деятельности любого уровня сложности в подавляющем большинстве случаев содержат следы субъекта ее осуществившего. А именно - информацию о его личных социально-психологических свойствах и качествах, преступном опыте, специальных знаниях, поле, возрасте, особенностях взаимоотношений с жертвой преступления и т. п.

Выявление подобной криминалистически значимой субъектной информации, как в первичных данных о событии преступления, так и в процессе расследования позволяют составить представление об общих, а затем и частных личностных особенностях преступников. Дальнейшее изучение взаимосвязей такой информации со сведениями о способе, механизме и обстановке совершения преступного деяния создает новую криминалистически информацию, позволяющую правильно определить направление и способы розыска, задержания и последующего изобличения преступников, т. е. избрать с учетом других сведений по делу оптимальные методы расследования. Следовательно, данные о субъекте преступления должны являться самостоятельным объектом криминалистического исследования и, как следствие, значимым элементом криминалистической характеристики отдельного вида (группы) преступлений.

В подтверждение данного тезиса приведем мнение известного российского криминалиста Н.П. Яблокова[1], полагающего, что «основой криминалистической характеристики являются данные о способе совершения преступления и личности преступника», а также точки зрения В.Е. Старостина и В.В. Яровенко[2], считающих, что «криминалистическую характеристику отдельного вида (группы) преступлений целесообразно определить следующим образом – это система сведений о характерных проявлениях способа совершения преступления и особенностях личности преступника».

Аналогичную позицию занимают и практические работники, непосредственно осуществлявшие противодействие экстремистской угрозе. Так, например, В.В. Устинов (Генеральный прокурор России (2000-2006гг.), Министр юстиции России (2006-2008гг.)) подчеркивает, что «от четкого субъектного определения зависит во многом стратегия борьбы с экстремизмом и терроризмом – не только национальная, но и прежде всего глобальная»[3].

Проведенный анализ следственной практики позволяет, на наш взгляд, выделить два характерных направления в криминалистическом изучении субъектов транснациональных преступлений экстремистского характера:

первое - получение криминалистически значимых данных путем изучения следовой информации, изъятой на месте происшествия, показаний свидетелей и других источников информации с учетом вида, места и времени совершения преступного деяния, объекта и предмета посягательства. В большинстве случаев подобные сведения дают представление об общих свойствах определенной группы лиц экстремистской наклонности, среди которых мог находиться преступник, реже – об отдельных качествах конкретной личности. Подчеркнем, что такая информация в обязательном порядке должна сопоставляться с криминалистическими данными о том, кто чаще всего совершает преступления экстремистского характера расследуемого вида установленным способом и в сложившейся типовой обстановке;

второе – изучение личности задержанного (подозреваемого либо обвиняемого) лица. В этом случае целесообразно обеспечить сбор сведений не только о мотивационных установках и особенностях экстремистских взглядов последнего, но и о том, какая криминалистически значимая информация о личности субъекта преступления, его связях (особенно до и во время совершения преступления) поможет установить необходимый психологический контакт, выбрать наиболее эффективную тактику проведения следственных действий (например, допроса, обыска, проверки показаний на месте и т. п.) с целью получения правдивых показаний, определить наиболее действенные способы профилактического воздействия. Подобные данные с учетом информации о преступниках, учитываемой в других элементах криминалистической характеристики, должны быть положены в основу типизации преступников.

Очевидно и то, что в тех случаях, когда транснациональная преступная деятельность экстремистского характера осуществляется организованным преступным формированием, последнее, как указывал Н.П. Яблоков «должно становиться самостоятельным объектом криминалистического изучения и соответственно одним из элементов криминалистической характеристики преступлений рассматриваемого вида (группы)»[4]. При

---

[1] Яблоков, Н.П. Криминалистическая характеристика преступления и типичные следственные ситуации как важные факторы разработки методики расследований преступлений / Н.П. Яблоков // Вопросы борьбы с преступностью. Выпуск. 30. - 1979. - С.112.

[2] Старостин, В.Е., Яровенко, В.В. Криминалистическая характеристика и следственная ситуация :соотношение понятий / В.Е. Старостин, В.В. Яровенко // Криминалистические методы расследования преступлений :научное издание (научное исследование). – Тюмень: Тюменская высшая школа МВД РФ, 1994. - С.48.

[3] Устинов, В.В. Россия: 10 лет борьбы с терроризмом. / В.В. Устинов. – М.: ОЛМА, 2008. – С.25.

[4] Криминалистика: Учебник. / Под ред. Н.П. Яблокова. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Юристъ, 2005. – С.87.

этом в обязательном порядке должны всесторонне исследоваться особенности его организационной структуры, степень сплоченности внутренних и внешних элементов, их функциональные взаимосвязи и другие криминалистически значимые аспекты, уяснение которых позволит субъекту расследования определить перспективные направлениях поиска фактических данных, необходимых для выявления всех звеньев и эпизодов преступной деятельности членов формирования.

На наш взгляд, применительно к транснациональному экстремизму системообразующими элементами криминалистической характеристики выступают транснациональное преступное формирование экстремистского характера и способы его деятельности, причем первый элемент, на наш взгляд, следует рассматривать, как единый субъект преступной деятельности, готовящий и (или) осуществляющий экстремистские акции:

более чем в одном государстве;

в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства и контроля имели место в другом государстве;

в одном государстве, но при участии организованного преступного формирования (группы, сообщества и т. п.), которое осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве;

в одном государстве, но его существенные последствия имели место в другом государстве.

Следовательно, криминалистическая характеристика преступлений рассматриваемого вида, на наш взгляд, должна состоять из следующих взаимосвязанных частей:

во-первых, из криминалистической характеристики, отражающей криминалистически значимые признаки транснационального преступного формирования, выступающего как единое целое при осуществлении преступной деятельности экстремистского характера;

а, во-вторых, из криминалистической характеристики отдельных преступлений транснационального характера, совершаемых подобным преступным формированием по экстремистским мотивам[1].

Полагаем, что нельзя не упомянуть и о том обстоятельстве, что возрастание роли подобной деструктивной деятельности в решении геополитических задач на современной международной арене и достижении локальных интересов во внутриполитической сфере привело к вовлечению в политически и экономически мотивированную насильственную деятельность следующих типовых групп субъектов:

во-первых, отдельных государств и их специальных (разведывательных) служб, достаточно часто инспирирующих либо различным образом поддерживающих те или иные экстремистские формирования в целях решения задач геополитического, военного и экономического характера (наглядный пример – события последних лет, имевшие место в Египте, Грузии, Украине, Сирии и др. географических регионах);

во-вторых, политических партий и движений, религиозных, национальных объединений, использующих экстремизм в собственных интересах;

в-третьих, крупных корпораций и консорциумов, преследующих финансовые или экономические цели в той или иной отрасли мировой экономики (например, передел сфер влияния на нефтяном рынке);

в-четвертых, преступных организаций транснационального и национального уровня (итальянские «Камора» и «Ндрагета», японская «Якудза» и др.).

---

[1] Давыдов, В.О. Методика расследования экстремистских преступлений, совершенных в компьютерных сетях: Монография / В.О. Давыдов // Под науч. Ред. А.Ю. Головина – М.: Юрлитинформ, 2014. - С.54.

в-пятых, непосредственно экстремистских формирований транснационального характера, являющихся для вышеназванных субъектов своеобразным «рабочим инструментом».

Продолжая разговор о криминалистических аспектах дефиниции «транснациональное преступное формирование экстремистского характера», полагаем необходимым учитывать и общие особенности криминалистической классификации транснациональных преступлений исследуемого вида, и, прежде всего, их двуединую природу. Полагаем, что такие преступные деяния, с одной стороны, являются национальными в силу характера уголовно-правового запрета, а с другой - международными, как по характеристике преступной деятельности, так и участвующих в ней субъектов. Как следствие, именно в силу этого они подпадают под юрисдикцию более чем одного государства.

Более того, помимо «базовых» экстремистских преступлений подобные транснациональные формирования совершают и так называемые «сопутствующие» преступные посягательства, в числе которых, например, хищения финансовых, материальных и культурных ценностей, коррупционные преступления, незаконный оборот оружия и наркотических средств, похищения людей с целью получения выкупа и т. п. Однако, именно «базовые» составы экстремистской направленности, по нашему мнению, обуславливают специфику построения того или иного вида структурных моделей транснационального преступного формирования экстремистского характера, особенности его деструктивной деятельности, степень общественной опасности его членов.

Таким образом, полагаем возможным, с точки зрения криминалистической науки предложить следующее определение дефиниции «транснациональное преступное формирование экстремистского характера» - это созданная с целью планирования и осуществления преступной деятельности экстремистского характера трансграничная система взаимосвязанных организационно-структурных элементов, подчиненных общим идейным принципам, традициям и нормам поведения, основанным на приверженности крайним взглядам, и объединенных единым преступным умыслом достижения цели идеологической, религиозной, национальной, политической либо иной гегемонии.

Предлагаемый научный подход к пониманию сущности транснационального экстремизма, на наш взгляд, должен способствовать приданию целенаправленного характера деятельности правоприменителей в сфере поиска, выявления, фиксации и закрепления доказательственной криминалистической значимой информации об этапах создания транснационального преступного формирования рассматриваемого вида, его организаторах и руководителях, формах подыскания и вербовки новых членов, системе всестороннего обеспечения противоправной деятельности, фактах конкретных преступных деяний и т. п.

Н.А. Данилова

О некоторых проблемах, возникающих в ходе проверки сообщения о преступлении экономической направленности

В статье рассматриваются криминалистически значимые проблемы, негативно влияющие на эффективность проверки сообщения о преступлении экономической направленности.

***Ключевые слова**: возбуждение уголовного дела, преступления экономической направленности*

N. A. Danilova

About some problems, arising up during verification of report about the crime of economic orientation

In the article kriminalisticheski is examined meaningful problems, negatively influencing on efficiency of verification reports about the crime of economic orientation.

***Keywords**: laying an action, crimes of economic orientation*

Результаты анализа судебно-следственной практики дают основание для вывода о том, что правоприменители нередко сталкиваются с серьезными затруднениями при проверке сообщения о преступлении экономической направленности, что приводит к необоснованному возбуждению уголовного дела либо отказу в таковом.

В этой связи вполне закономерен вопрос – каковы причины возникновения этих затруднений?

Пожалуй, наиболее типичная из их числа – это недостаточное знание следователями (дознавателями) специфики и правовой регламентации экономической деятельности, в ходе осуществления которой, возможно, совершено противоправное деяние. В результате весьма велика вероятность, что указанные лица придут к ошибочному умозаключению (относительно наличия либо отсутствия признаков преступления, служащих основанием для возбуждения уголовного дела), порождающему принятие неверного, а в ряде случаев, необоснованного и незаконного решения (например, возбуждение уголовного дела при отсутствии достаточных оснований либо, что встречается гораздо чаще – отказ в возбуждении уголовного дела при наличии к тому оснований).

Основная проблема, на наш взгляд, имеет двойственный характер. Во-первых, чем выше степень убежденности следователя (дознавателя) в возможности совершения (подготовки к совершению) общественно опасного деяния, тем вероятней ситуация, при которой все его последующие действия будут направлены на подтверждение (а не на проверку) ошибочного умозаключения и последовавшего за ним неверного (необоснованного или незаконного) процессуального решения. Вследствие этого достаточно проблематично прийти к истинному окончательному внутреннему убеждению (например, относительно доказанности события преступления), процесс формирования которого был ненадлежащим (дефектным). Во-вторых, правоприменительные ошибки следователя (дознавателя) влияют на формирование внутреннего убеждения и последующее правоприменение как самого следователя (дознавателя), так и иных профессиональных участников уголовного судопроизводства и, как следствие, предопределяют содержание принимаемых ими процессуальных решений и достигаемых результатов.

Вышеизложенное можно проиллюстрировать примером из практики проведения проверок сообщения о незаконной банковской деятельности.

Следует отметить, что как на стадии возбуждения уголовного дела, так и в ходе расследования указанного деяния крайне важно учитывать особенности законодательного регулирования банковской деятельности. Без понимания механизма функционирования банковской системы в целом и составляющих ее элементов в частности, особенностей осуществления банковских операций и сопровождающего их документооборота, процесса передачи и переработки банковской компьютерной информации невозможно высказать суждения о виде и местонахождении следов преступления, об обладании виновным определенными профессиональными навыками, определить характер и способы подготовки, совершения и сокрытия деяния и, как следствие, собрать доказательства. Можно утверждать, что без учета названных обстоятельств в большинстве ситуаций невозможно принять правильное решение по результатам проверки сообщения о преступлении либо расследования, да и сам процесс проведения проверки (расследования) может осуществляться не в нужном направлении.

Игнорируя эти особенности правоприменители нередко произвольно толкуют сущность отдельных видов банковских операций, искажая их содержание. В частности, фактически выполняемые банком операции по перечислению денежных средств на расчетный счет юридического лица «А» (являющегося клиентом этого банка), дальнейшему их перечислению по поручению «А» на счета других юридических лиц и последующему получению этих денежных средств в наличной форме истолковываются как незаконное совершение «А» следующих банковских операций: «привлечение денежных средств юридических лиц во вклады; размещение привлеченных средств от своего имени и за свой счет; открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц; осуществление расчетов по поручению физических и юридических лиц; инкассация денежных средств и ведение кассового обслуживания физических и юридических лиц».

Для наглядности приведем перечень указанных банковских операций в том виде, как он сформулирован в ст. 5 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»: 1) привлечение денежных средств физических и юридических лиц во вклады (до востребования и на определенный срок); 2) размещение указанных в пункте 1 части первой настоящей статьи привлеченных средств от своего имени и за свой счет; 3) открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц; 4) осуществление переводов денежных средств по поручению физических и юридических лиц, в том числе банков-корреспондентов, по их банковским счетам; 5) инкассация денежных средств, векселей, платежных и расчетных документов и кассовое обслуживание физических и юридических лиц.

Думается, нет нужды объяснять ряд принципиально важных моментов. Во-первых, недопустимость искажения легальной формулировки банковской операции, поскольку это может повлечь неверное понимание ее сущности. Во-вторых, перечисление денежных средств на расчетный счет юридического лица «А» не может трактоваться как «привлечение денежных средств физических и юридических лиц во вклады (до востребования и на определенный срок)», а их последующее перечисление со счета – размещением привлеченных во вклады денежных средств. Более того, клиент банка (юридическое лицо «А») не сам перечисляет, поступившие на его расчетный счет денежные средства, а дает поручение банку. Аналогичным образом, банку дается поручение об их перечислении со счета. И, наконец, в соответствии с п. 1.5. Положения Центрального банка Российской Федерации от 24.04.2008 №318-П «О порядке ведения кассовых операций и правилах хранения, перевозки и инкассации банкнот и монеты Банка России в кредитных организациях на территории РФ» инкассация наличных денег – сбор, доставка наличных денег клиентов в кредитную организацию для зачисления их сумм на банковские счета. Однако, по мнению значительного числа правоприменителей, получе-

ние наличных денежных средств, снятых с банковского счета, есть ни что иное как инкассация наличных денег. В результате (как показывает анализ судебно-следственной практики) вышеописанные действия квалифицируются как незаконная банковская деятельность с последующим возбуждением уголовного дела и вынесением обвинительного приговора.

Принимая во внимание вышеизложенное, полагаем, что в ходе проверки сообщения о незаконной банковской деятельности должны быть установлены три ключевых обстоятельства:

1. Факт осуществления субъектом (юридическим или физическим лицом) банковской деятельности:

- выполнялись ли указанным субъектом банковские операции. Если да, то, какие конкретно виды банковских операций, чем подтверждается, что фактически совершаемые действия могут быть расценены как осуществление конкретного вида банковской операции (операций);

- свидетельствует ли продолжительность и интенсивность осуществления этих банковских операций о том, что они выполнялись на постоянной основе, с целью систематического извлечения дохода.

2. Кем осуществлялась незаконная банковская деятельность:

- зарегистрированной в установленном порядке кредитной организацией (банком, небанковской кредитной организацией), ее филиалом, представительством или внутренним структурным подразделением;

- юридическим лицом, зарегистрированным в установленном законом порядке (не в качестве банка или небанковской кредитной организации) и фактически функционирующим (важно подчеркнуть, что подобного рода организациями банковские операции выполняются наряду или под прикрытием иных видов экономической деятельности);

- организацией, зарегистрированной в качестве юридического лица через подставных лиц либо по подложным, найденным или похищенным документам;

- незарегистрированным в соответствии с действующим законодательством хозяйствующим субъектом (т. е. фиктивной организацией, выступающей в гражданском обороте от имени юридического лица);

- физическим лицом, в том числе гражданином, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица (индивидуальным предпринимателем).

3. Факт осуществления незаконной банковской деятельности, т. е. в чем конкретно заключается противоправность фактически выполняемых банковских операций:

- в осуществлении банковских операций при отсутствии факта государственной регистрации лица в качестве банка или небанковской кредитной организации (т. е. ненадлежащим субъектом банковской деятельности – юридическим лицом, не являющимся кредитной организацией, индивидуальным предпринимателем, гражданином);

- в осуществлении банковских операций хозяйствующим субъектом (кредитной организацией либо иной организацией, не являющейся кредитной) при отсутствии у него лицензии, предусматривающей выполнение этих операций;

- в осуществлении кредитной организацией, филиалом указанной кредитной организации и (или) внутренним структурным подразделением этой кредитной организации (филиала данной кредитной организации) конкретных видов банковских операций в период действия санкции Центрального Банка России, связанной с запретом на их выполнение;

- в осуществлении филиалом кредитной организации банковских операций, не предусмотренных лицензией, выданной данной кредитной организации;

- в осуществлении любых видов банковских операций представительством кредитной организации;

- в осуществлении внутренним структурным подразделением кредитной организации (филиала кредитной организации) банковских операций, не предусмотренных нормативными актами Центрального Банка России, а равно лицензией, выданной данной кредитной организации.

Вполне понятно, что установление этих обстоятельств предполагает не только тщательное изучение следователем (дознавателем, сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а впоследствии и прокурором) Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и нормативных правовых актов Центрального банка Российской Федерации, регламентирующих осуществление конкретных видов банковских операций, но и обращение за консультацией к лицу, сведущему в вопросах банковского права и практики осуществления банковской деятельности.

Однако было бы весьма ошибочно полагать, что все проблемы, с которыми сталкиваются правоприменители на стадии возбуждения уголовного дела о преступлении экономической направленности, связаны с недостаточно высоким уровнем их профессионализма**. К сожалению, равным образом это относится и к несовершенству уголовного закона, что** можно проиллюстрировать на примере применения ст.145[1] УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за невыплату заработной платы и иных установленных законом выплат.

В первую очередь необходимо отметить, что субъект указанного преступления специальный, им наряду с работодателем — физическим лицом, руководителем организации, руководителем филиала и представительства организации является руководитель иного обособленного структурного подразделения организации. Между тем, понятие «иное обособленное структурное подразделение организации» отсутствует в гражданском законодательстве. В Гражданском кодексе РФ, используется понятие «обособленное подразделение юридического лица», в Налоговом кодексе РФ – «обособленное подразделение организации» (ст. 11 НК РФ), а в соответствии с разъяснениями высшей судебной инстанции филиалы и представительства, а также отделы, цеха, участки и т. д. отнесены к структурным подразделениям организации[1]. Понятие «иное обособленное структурное подразделение организации» упоминается лишь в Трудовом кодексе РФ[2], при этом его законодательное определение отсутствует[3].

Принимая во внимание указанные обстоятельства, правоприменителю весьма затруднительно определить правовое положение иного обособленного структурного подразделения организации и, как следствие, правильно и точно установить признаки руководителя такого подразделения как специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 145[1] УК РФ. Между тем вполне очевидно, что ошибочная оценка содержания понятия «руководитель иного обособленного структурного подразделения» может повлечь за собой не только необоснованное возбуждение уголовного дела или отказ в таковом, но и необоснованное привлечение к уголовной ответственности.

---

[1] О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 200 4 г. № 2 в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 сентября 201 0 г. № 22. Бюллетень Верховного Суда РФ, № 3, март, 2007.

[2] Понятие обособленное структурное подразделение упоминается в ст.ст. 40, 43, 57, 70, 73, 81, 399, 400, 410, 412, 413 ТК РФ.

[3] Осипова Е.П. Методика расследования невыплаты заработной платы. Дисс. …. канд. юрид. наук. Псков. 2011. С.39-40.

Вполне понятно, что рассмотренные выше ошибки как законодателя, так и правоприменителя не единичны, но даже они предопределяют высокую вероятность нарушения прав, свобод и законных интересов граждан, а в конечном итоге отрицательно влияют на способность норм права выступать эффективным регулятором общественных отношений.

О.Б. Дронова

Проблемные вопросы легитимности производства и реализации ряда потребительских товаров

В статье проанализированы виды и свойства ряда потребительских товаров, не относящихся к категориям запрещенных для производства и реализации на территории страны, однако их использование влечет применение в отношении потребителя мер административной ответственности и снижает эффективность деятельности правоохранительных органов.

***Ключевые слова**: потребительские товары, правоохранительные органы, производство, реализация.*

O.B. Dronova

The problematic questions of legitimacy of productionand sales of a number of consumer products

The article analyzes the types and properties of a number of consumer products of categories banned for production and sale on the territory of the country, but their use involves application to consumer measures of administrative responsibility and reduces the effectiveness of law enforcement.

***Keywords**: consumer goods, law enforcement agencies, production, sales*

Потребительские товары как объекты криминалистических исследований рассматриваются как многокомпонентные продукты производственной деятельности, имеющие внутреннюю структуру и внешнее выражение, обладающие совокупностью свойств полученных в ходе прохождения жизненного цикла и содержащие информацию, позволяющую оценить ее соответствие установленным требованиям.

Многочисленные межотраслевые комплексные исследования позволяют оценить качественные и количественные составляющие товара, их соответствие оригинальным образцам продукции, изучить сопроводительную документацию, определить ущерб, причиненный незаконной реализацией товара. Оценка результатов исследования позволяет либо отнести товар к легитимным, которые соответствуют необходимым критериям, либо к иным юридическим категориям, таким как контрафактные, фальсифицированные, недоброкачественные, не соответствующие установленным требованиям (ГОСТам, ТУ и т. д.), в отдельную группу можно выделить продукты, которые в настоящий момент отнесены к санкционному перечню. Помимо вышеперечисленных существует еще одна категория товаров, которая не относится к числу запрещенных государством, и следовательно, имеющая право на реализацию. Однако их установка и использование в ряде случаев предусматривает административную ответственность для владельца. Речь идет о технических приборах, предназначенных для умышленного искажения или сокрытия метрических показателей. К ним относятся устройства, предназначенные для воспрепятствования фиксации номеров автотранспортных средств видеокамерами

ГИБДД, приспособления для искажения показаний счетчиков ресурсов, таких как электроэнергия, вода, газ, биологически активных добавок типа «Антиполицай», которые предназначены для сокрытия признаков алкогольного опьянения, 3-D маски, изготавливающиеся на современных принтерах и копирующих внешний облик лица.

Активная реклама указанных товаров идет путем размещения в социальных сетях, телевизионных каналах, через объявления и листовки. Формально отсутствующий запрет на реализацию данных товаров посредством реальных и виртуальных торговых площадок приводит к тому, что их покупатели подпадают под действие закона о защите прав потребителей в случае установления в них ненадлежащих свойств. Ряд претензий может быть отнесено к результату недобросовестной рекламы, но остальные предусматривают проведение комплекса проверочных действий, в том числе исследований и экспертиз для установления причин несоответствия товара функциональным свойствам и предназначениям.

Анализ предложений устройств, скрывающих автомобильные номера, позволяет выделить наиболее часто востребованные виды:

- специальные электрохромные пленки, наклеивающиеся на отдельные части знака и позволяющие визуально распознавать буквенно-цифровые значения, но отражающие инфракрасное излучения камер автоматической фиксации, в результате чего должно идти считывание только незаклееной части государственного номера;

- механические устройства, которые полностью закрывают номер «шторкой» или изменяющие угол наклона рамки, которые приводятся в действие посредством нажатия водителем кнопки;

- магнитные устройства, позволяющие разместить поверх номерного знака посторонние предметы, как правило, из числа часто встречающихся на городских улицах (листья деревьев, обрывки газет, оберточной бумаги и т. д.), крепящиеся сверху магнитом. При необходимости водитель размыкает цепь, посредством нажатия кнопки, расположенной в салоне, и знак приобретает первоначальный вид.

Обнаружение таких устройств на автотранспортных средствах обычно автоматически влечет за собой наложение административного штрафа, за установление факта использования устройств или материалов, препятствующих идентификации государственных регистрационных знаков либо позволяющих их видоизменить или скрыть.

Противоречие, возникающее вследствие запрета установки и использования, но не ограничивающее производство и реализацию, порождает правовой вакуум и дает возможность недобросовестным производителям получить прибыль, одновременно снижая эффективность деятельности правоохранительных органов. При этом причиняется ущерб не только отдельным потребителям товаров данной группы, которые приобретают товар, преимущественно не отвечающий функциональным требованиям, но и государству. Согласно сведениям статистики ГИБДД за 2014 год парк автомобилей, зарегистрированных на территории России, составил 43,3 миллиона автомобилей, при этом нарушений, связанных с использованием устройств, препятствующих идентификации государственных номеров выявлено менее 50 тысяч. Это косвенно свидетельствует о том, что в ряде случаев использование вышеописанных устройств позволяет избежать административной ответственности за нарушение правил дорожного движения.

Использование приспособлений для искажения показаний счетчиков потребления ресурсов, таких как электроэнергия, вода, газ, тепло также наносит весьма серьезный ущерб как поставщикам услуг, так и жителям многоквартирных домов, на которых жилищно-коммунальные компании распределяют разницу между показателями общедомовых счетчиков и индивидуальных приборов учета. В единичных случаях встречаются информационные сообщения о мониторинге, проводимом правоохранительными орга-

нами, рекламной информации, размещенной в сети Интернет. Данные мероприятия направлены на выявления сайтов предлагающих «магниты для остановки счетчиков», а также советов «умельцев» и составление по данным фактам исковых заявлений в суд о признании сообщений о способах хищения энергоресурсов информацией, распространение которой на территории Российской Федерации запрещено. Однако, выявлением и пресечением реализации данных устройств через реальные и виртуальные торговые точки, посредством проведения проверочных закупок правоохранительные органы не занимается, в силу отсутствия запрета на их продажу.

Разрешение к реализации биологически активной добавки типа «Антиполицай», предназначенной для устранения запахов, в том числе алкоголя, является весьма спорным вопросом. Реклама таких препаратов как «Антипохмелин», «Бизон», «Вытрезвин», «Алкогал», «Коррда-К» и т. д. преимущественно направлена формирование убеждения в полном устранении эффекта алкогольного опьянения, в том числе невозможности определения доли промилле алкотестерами, используемыми правоохранительными органами. В ряде случаев такая недобросовестная реклама, реализуемая посредством размещения на телевизионных каналах и в сети Интернет, к созданию которой привлекаются известные медийные лица, способствует созданию ложного представления о возможностях препарата и как следствие провоцирует дорожно-транспортные происшествия.

Относительно новым видом товаров, которые предлагаются потребителям являются 3-D маски, копирующие внешний облик человека. В зависимости от качества сканирования и печати принтера можно получить маску лишь с общими признаками сходства, которую можно распознать на расстоянии нескольких метров, или высококачественную продукцию, передающую особенности признаков внешности, копирующую даже структуру кожи и мелкие детали. Японцы называют свою технологию - 3DPF - "3 Dimension Photo Forms" - "3-размерные фото-формы", или "3D фото формы". Для изготовления маски производится сканирование лица с нескольких позиций, а затем печатают на полихлорвиниловой резине, натянутой на шаблон. Последние виды изображений весьма дороги в производстве и пока еще не получили широкого распространения, однако быстрые темпы развития технологического оборудования сделают их более доступными в течение нескольких лет. Однако, уже сейчас необходимо спрогнозировать возможное использование данных товаров в криминальных целях, в частности в ходе совершения преступлений, участия в массовых беспорядках. Кроме того использование масок - точных копий лиц, исключит возможность отождествления личности их обладателей системой видеофиксации на транспортных узлах, режимных объектах и т. д., в этой связи целесообразно уже сейчас ограничить возможности их свободной реализации.

Представленный в настоящей статье перечень товаров, которые не относятся к категории запрещенных на территории страны, является далеко не полным. Отсутствие обязательных государственных требований, регламентирующих их производство и оборот, государственных гарантий защиты прав потребителей таких товаров, в связи с наличием мер административной ответственности за их использование, позволяют недобросовестным предпринимателям получать высокие прибыли, скрываемые от налогообложения. Необходимо выделить в отдельную группу нелегитимной продукции товары, использование которых может повлечь административную или уголовную ответственность, что позволит правоохранительным органам, а также службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека эффективно противодействовать нарушениям на потребительском рынке.

В.В. Ефимов

Особенности криминалистических характеристик экономических преступлений в аграрных комплексах России, Белоруссии и Украины.

В статье проводится анализ позиций ученых и практиков относительно особенностей криминалистических характеристик экономических преступлений в агропромышленном комплексе России, Белоруссии и Украины.

***Ключевые слова**: криминалистическая характеристика, преступления в сфере агропромышленного комплекса, способы совершения преступлений в аграрной сфере, классификация преступлений в аграрной сфере.*

V.V.Efimov

Features of criminalistics descriptions of economic crimes are in the agrarian complexes of Russia, Belorussia and Ukraine.

In the article the analysis of positions of scientists and practical workers is conducted in relation to the features of criminalistics descriptions of економических crimes in the agroindustrial complex of Russia, Belorussia and Ukraine.

***Keywords**: criminalistics description, crimes in the field of agroindustrial complex, methods of committing crime in an agrarian sphere, classification of crimes in an agrarian sphere.*

«Одно только уголовное право с характерними ему карательными, репрессивными методами никогда не сможет решить проблему преступности.»[1]

В словаре С.И. Ожегова, термин «характеристика» рассматриваеться как описание какого-нибудь предмета, явления, его особенностей, признаков и т. д. [2]В научной юридической литературе, чаще всего, ее определяют как совокупность заранее определенных параметров юридических объектов или явлений в количественных и качественных выражениях. Она имеет очень важное значение в иследовании объекта, потому что помогает сформировать комплекс знаний и основные положения описания объекта.

Преступления в своей совокупности составляют такое социальное явление как преступность, которая в с вою очередь является предметом исследования многих юридических наук. Существуют разносторонние характеристики отдельных видов преступлений и в разных сферах, зачастую в деятельности правоохранительных органов определены приоритетные направления. Среди них сфера агропромышленного комплекса относится именно к таким как в Росси так и в Белоруссии, и Украине. Среди ученых идет жаркая дискуссия, какая именно характеристика имеет доминирующее значение. Специалисты в оперативно-розыскной деятельности считают самой главной оперативно-розыскную характеристику, потому что она влияет на раскрытие преступлений, для криминологов естественно криминологическая, для криминалистов криминалистическая. Тянуть одеяло на себя бесполезное дело и зачастую хочется напомнить всем, что делаем одно дело, а именно стоим на страже правопорядка.

В рамках нашего исследования и научной работы рассмотрим сферу агропромышленного комплекса и одну из самых важных характеристик для борьбы с преступностью – криминалистическую, определяющую в первую очередь способ совершения

---

[1] Стратегія і тактика протидії злочинності: монографія / О.М. Бандурка, О.М. Литвинов. – Х.: Ніка Нова, 2012. – С. 50

[2] Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. – М., 1994. – 960 с.

преступления. К сожалению рассмотреть все аспекты относящиеся к указанным выше положениям невозможно из за ограничения объема публикации, поэтому целью нашего исследования будет акцентирования внимания на проблемах связанных с преступлениями, которые совершаются в аграрной сфере економики наших государств, что, возможно, позволит получить больше знаний о способах совершения преступлений в указанной сфере.

Агропромышленный комплекс Российской Федерации, как показывает анализ правоохранительной деятельности, остается одним из наиболее криминальных в отраслях экономики. Основная причина кроется в том, что криминальные структуры пытаются активно участвовать в освоении, так называемом распиле, выделяемых бюджетных средств на развитие АПК. Так, в рамках господдержки сельхозпроизводителей и социального развития села только из федерального центра в 2013 г. было предусмотрено финансирование в размере 121 327 млн руб. Оперативными подразделениями ЭБиПК территориальных органов МВД России в процессе осуществления оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление и раскрытие преступлений, связанных с использованием денежных средств, выделяемых на развитие АПК, выявляется значительное количество преступлений. Органами внутренних дел они квалифицируются по следующим статьям УК РФ: 159 – «Мошенничество», 160 – «Присвоение или растрата», 171 – «Незаконное предпринимательство»,199 – «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организаций», 176 – «Незаконное получение кредита». Зачастую действия виновных квалифицируются по таким статьям УК РФ, как 201 – «Злоупотребление полномочиями», 285 – «Злоупотребление должностными полномочиями», 286 – «Превышение должностных полномочий».

В качестве субъектов преступлений, совершаемых в сфере АПК, могут выступать должностные лица государственных органов, осуществляющих функции по выработке государственной политики в сфере АПК; руководители сельскохозяйственных предприятий; физические лица статусе индивидуальных предпринимателей (фермеры), иные физические лица, являющиеся получателями социальной помощи.

1. Способы совершения преступлений должностными лицами госорганов, осуществляющими функции по выработке государственной политики в сфере АПК и ответственными за распределение бюджетных средств, выделяемых на поддержку сельского хозяйства. Должностные лица государственных органов и контролирующих организаций, вступая в сговор с получателями господдержки, подписывают, утверждают и принимают заведомо подложные документы либо необходимые справки, акты, заключения с искаженными данными, что влечет за собой необоснованное выделение денежных средств из бюджета на поддержку сельского хозяйства.

2. Способы совершения преступлений руководителями сельскохозяйственных предприятий. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Руководители и специалисты животноводческих хозяйств составляют недостоверные отчеты в подразделения Минсельхоза России по численности поголовья племенного скота и расходам на его содержание, на приобретение дополнительных голов, молодняка и семян по импорту, на основании которых им незаконно выделяются субсидии. Мошенничество. С целью незаконного получения субсидий руководителями сельхозпредприятий фальсифицируются документы, подтверждающие реализацию ими мяса, молока или иной сельхозпродукции.

3. Способы совершения преступлений физическими лицами в статусе индивидуальных предпринимателей (фермерами) и иными физическими лицами – пользователями программ социальной защиты. Как показывает практика выявления преступлений в сфере АПК, данная категория предпринимателей чаще всего совершает мошеннические

действия путем различных фальсификаций документов, в том числе с целью получения и последующего присвоения субсидий на погашение кредитов на нужды, предусмотренные законодательством. Например, на ремонт, реконструкцию и строительство животноводческих ферм, приобретение племенной продукции (материала), горючесмазочных материалов и др. Нередко субсидии незаконно получают те должностные лица, которые по своим служебным обязанностям должны бороться с подобными преступлениями. С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что для обеспечения эффективности противодействия экономической преступности, а также сохранности бюджетных денежных средств, выделяемых на развитие АПК, необходим должный уровень взаимодействия с подведомственными организациями Минсельхоза России, исполнительными органами субъектов Федерации, реализующими государственную социально-экономическую политику в сфере сельского хозяйства. Активная работа подразделений ЭБиПК МВД России по приобретению оперативных позиций во всех контролирующих организациях и госорганах, задействованных в сфере реализации государственной программы развития АПК, позволит своевременно получать оперативно значимую информацию для выявления и пресечения экономических преступлений в АПК.[1]

Сфера сельского хозяйства Белоруссии характеризуется приписками. Приписки в сельском хозяйстве существуют практически повсеместно. Это происходит по причине некомпетентности, непрофессионализма и лени руководителей на местах. Если руководитель компетентен, он справляется даже при отсутствии оборотных средств и при проблемах с техникой. А там, где руководитель не справляется, хозяйство деградирует. Чтобы скрыть некомпетентность и создаются приписки. Несколько уголовных дел по этому направлению уже возбуждены, некоторые материалы находятся в стадии оперативной разработки. Сотрудники службы борьбы с экономическими преступлениями, которые непосредственно занимаются выявлением таких нарушений, ориентированы на повсеместное выявление фактов приписок и реагирование на них в рамках законодательства. Особенно это актуально в период уборочной кампании. Речь идет, прежде всего, о приписках молока, урожайности, заготовки кормов. Тем не менее, правоохранители обнаруживают и другие проблемы в сельском хозяйстве. За первое полугодие 2013 года в этой сфере выявлено 93 коррупционных преступления. Более половины из них – хищения путем злоупотребления служебными полномочиями. Раскрыто 26 фактов взяточничества, 16 фактов злоупотребления властью либо служебными полномочиями.

К примеру, в апреле текущего года Следственный комитет Беларуси по материалам управления по борьбе с экономическими преступлениями УВД Могилевского облисполкома возбудил уголовное дело по ч.3 ст.430 Уголовного кодекса Беларуси в отношении бывшего первого заместителя председателя Шкловского райисполкома - начальника управления сельского хозяйства и продовольствия. Он подозревается в том, что в октябре 2010 года за организацию заключения сельскохозяйственными предприятиями района контрактов на поставку племенного крупного скота на общую сумму Br16,8 млрд. требовал от директора коммерческой структуры взятку в 1,5 млрд. и получил 700 тыс. российских рублей. Коррупция, как и преступность, не имеет границ. Поэтому журналистов интересовал вопрос взаимодействия служб на международном и межгосударственном уровнях. Игорь Шуневич дал высокую оценку сотрудничеству между правоохранительными ведомствами многих стран, особенно в рамках Союзного государства и СНГ. Устанавливаются контакты и налаживаются связи с полицией Евросоюза. «Даже в отсутствие нормативной и правовой базы мы активно взаимодействуем, что и позволя-

[1] Мельников К.Н. Особенности выявления и раскрытия преступлений в сфере агропромышленного комплекса Вестник Нижегородской академии МВД России, 2012, № 19, С. 75-80.

ет реализовывать материалы оперативных разработок», – отметил Министр. Показательными примерами взаимодействия служб по борьбе с организованной преступностью стали задержания «воров в законе» из Беларуси на территории России. Также налажен тесный и эффективный обмен информацией по изобличению лиц, причастных к коррупционным преступлениям. Тем не менее, Министр внутренних дел пожелал большего понимания и помощи в решении соответствующих задач со стороны стран Евросоюза. По его мнению, в отдельных государствах чиновники весьма политизировано относятся к работе правоохранительных органов, в том числе и своих. Это негативно сказывается на эффективности взаимодействия. В свою очередь, МВД Беларуси всегда открыто к конструктивному диалогу и сотрудничеству с правоохранительными структурами любых стран.[1]

Агропромышленный комплекс Украины характеризуется слабым развитием сельскохозяйственных предприятий, изготовлением национальной продукции и нерациональным использованием земельных ресурсов. Данная ситуация вызвала необходимость создания и внедрения государственных целевых программ в отношении развития украинского села, усовершенствования сельскохозяйственной техники и др.. Указанные программы направлены на проведение поддержки фермерских и других агропромышленных хозяйств, обеспечение соответствующего функционирования аграрного ринка за счет бюджетных денежных средств.[2]

Следственной практике известно значительное количество преступлений, которые совершаются служебными лицами государственных органов, предприятий АПК Украины, суть которых состоит в завладении бюджетными средствами или государственным имуществом путем обмана или злоупотребления доверием, а также в присвоении государственного имущества, в завладении бюджетными денежными средствами путем злоупотребления служебным положением, в мошенничестве с финансовыми ресурсами, что диктует необходимость создания действенных научно обоснованных теоретических положений и практических рекомендаций в отношении расследования такого рода уголовных правонарушений.[3]

В криминалистическую классификацию преступлений, связаных с использованием бюджетних средств в АПК следует включить уголовные правонарушения, которые можно классифицировать на группы:

1. По сфере: а) преступления, которые совершаются в пределах фнсово-хозяйственной деятельности Аграрного фонда Украины; б) преступления, которые совершаются в ходе реализации государственной политики за финансированием поддержки сельскохозяйственных предриятий за счет средств Государственого бюджета Украины; в) преступления, направленные на присвоение бюджетных средств во время участия в деятельности Украинского государственного фонда поддержки фермерских хозяйств; г) преступления, связанные с закупкой сельскохозяйственной продукции в государственный резерв; д) преступления, направленные на завладение бюджетными средствами в ходе выполнения договорных обязательств, где одной из сторон есть граждане-

---

[1] Пресс-конференция в Министерстве внутренних дел Белоруссии [Электронный ресурс] Режим доступа: http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=150533

[2] Степанюк Р. Л. Криміналістичне забезпечення розслідування злочинів, вчинених у бюджетній сфері України : монографія / Р. Л. Степанюк ; за заг. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. Ф. Волобуєва. – Харків : Вид-во ХНУВС, 2012. – 436 с.206, с. 278

[3] Кікінчук В. В. Щодо методики розслідування злочинів, пов'язаних з використанням бюджетних коштів в агропромисловому комплексі / В. В. Кікінчук // Впровадження нового Кримінального процесуального кодексу України в правоохоронну діяльність та навчальний процес: досвід та шляхи удосконалення : матеріали наук.-практ. конф. (м. Харків, 5 квіт. 2013 р.) / МВС України, Харк. нац. ун-т внутр. справ. – Харків : ХНУВС, 2013. – С. 345–347.78, с. 345

предприниматели.

2. По времени: а) краткосрочные преступления; б) долгосрочные преступления.

3. По субъекту: а) преступления, которые совершаются служебными лицами; б) преступления, которые совершаются материально ответственными лицами; в) преступления, которые совершаются гражданами-предпринимателями.

4. По количеству учасников: а) преступления, которые совершаются одним лицом (как правило, служебным); б) злочини, що вчиняються двома і більше особами.

5. По степени организации преступной деятельности: а) организованные; б) неорганизованные.

6. По значительности в структуре преступной технологии: а) основные преступления; б) подчиненные преступления.

В свою очередь, технологии преступной деятельности следует делить на: а) простые преступные технологии обагащения (два взаимносвязанных преступления); б) сложные преступные технологии обагащения (три и больше взаимносвязанных преступления в цепи преступного поведения).[1]

Как высновок к выше обозначеным положениям необходимо подчеркнуть, что криминалистическая характеристика преступлений, связаных с использованием бюджетных денежных средств в АПК Украины, представляет собой сложную информационную модель, которая содержит типовые сведения об их обязательних составляющих элементах, а именно: 1) способы и следы преступления (комплекса преступлений), которые рассматриваются; 2) предмет и обстановку указаных противоправных действий. Способы совершения вышеуказаных преступлений следует классифицировать по полноте структуры, субъективным составом, формой вины, взависимости от инструментов реализации преступного замысла, масштаба преступной деятельности, положения, полномочий и места профессиональной деятельности соучастников преступления. В соотвествии к разработанной криминалистической классификации субъектов указаних преступлений выдиляют такие их информационные группы, как: дирекция фондов; начальники (руководители) структурних підодразделений на местах; начальники региональных отделений; начальники отделов бухгалтерского и финансового учета, финансово-экономических отделов; начальники управлений; руководители научно-исследовательскаих учереждений и государственных инспекций и др.

И определяя общий подход к исследованиям в данном направлении, необходимо поддержать идею правоохранителей республики Беларусь, в том что в свою очередь, МВД Беларуси всегда открыто к конструктивному диалогу и сотрудничеству с правоохранительными структурами любых стран.

---

[1] Кікінчук В. В. Криміналістична класифікація злочинів, пов'язаних з використанням бюджетних коштів в агропромисловому комплексі / В. В. Кікінчук // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Юридические науки. – 2013. – Том 26 (65). – № 1. С. 379

Я.М. Злоченко, Р.Р. Вафин, А.Е. Рыспаев

Организационно-управленческие оперативно-следственные ситуации: принятие решений в условиях неопределенности, конфликта и риска при расследовании транснациональных (трансграничных) религиозных преступлений террористической направленности

В статье дан научный анализ школ криминалистики разных континентов мира, участвующих в разработке инновационных модернизированных направлений ситуационного подхода по противодействию новым видам угроз международной безопасности в двадцать первом веке: транснационального религиозного терроризма, международной коррупции, трансграничного наркотрафика, компьютерных преступлений, совершенных в глобальной информационной сети и др.

***Ключевые слова**: следственные ситуации, оперативный риск, религиозная организованная преступность, межэтническая организованная преступность, поиск в киберпространстве международных террористов.*

Ya.M. Zlochenko R.R. Vafin A.E. Ryspaev

Organizational and managerial operational investigative situation: decision-making under uncertainty, conflict and risk investigation of transnational (cross-border) religious terrorist crimes

The article provides a scientific analysis of the schools of criminology different continents of the world, involved in the development of innovative modernized areas situational approach to counter new types of threats to international security in the twenty-first century: the transnational religious terrorism, international corruption, cross-border drug trafficking, computer crimes committed in the global information network al.

***Keywords**: investigating the situation, operational risk, religious organized crime, inter-ethnic organized crime, search for in cyberspace international terrorists.*

Ученые научных школ криминалистики разных континентов мира участвуют в разработке инновационных модернизированных направлений ситуационного подхода по противодействию новым видам угроз международной безопасности в двадцать первом веке: транснационального терроризма[1], коррупции[2], трансграничного наркотрафика, компьютерных преступлений, совершенных в глобальной информационной сети и др.

В современных реалиях международной криминалистике в **комплексном** развитии ситуационного подхода необходимо найти адекватные криминальной оперативно-следственной ситуации в национальных государствах и странах континентов мира инновационные средства, приемы, методы, модернизированные нанотехнологии (космиче-

---

[1] Злоченко Я.М., Вафин Р.Р. Международное взаимодействие национального Антитеррористического комитета РФ и спецслужб Уральского федерального округа по противодействию транснациональным (трансграничным) преступлениям террористической и экстремистской направленности. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции «Преступность в Западной Сибири: актуальные проблемы профилактики и расследования преступлений». Тюменский государственный университет и прокуратура Тюменской области. 28 февраля 2013г.

[2] Злоченко Я.М., Вафин Р.Р. Организационно-управленческие оперативно-следственные ситуации и основные методы их разрешения при расследовании транснациональных преступлений террористической и коррупционной направленности, совершенных организованными преступными сообществами. Сборник материалов шестой Международной научно-практической конференции «Деятельность органов государственной власти по противодействию организованной преступности и коррупции». Академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ. 26 марта 2014г. Москва.

ская криминалистика), позволяющие обуздать «взбесившуюся» транснациональную (трансграничную) организованную преступность.

При принятии следственных и оперативно-розыскных решений в условиях неопределенности, конфликта и риска при расследовании преступлений террористического характера - заключение экспертов позволяет получить важные процессуальные данные (п.3 ч.2 ст.74 УПК РФ), которые включаются в **информационно-доказательственную систему** по уголовным делам. В ряде оперативно-следственных ситуаций оперативные сотрудники спецслужб обращаются к помощи соответствующих специалистов, заключения которых согласно п.3. 1 ч.2 ст.74 УПК РФ также являются доказательствами[1].

В современных реалиях развития ситуационного подхода международной оперативно-следственной практики, где главным оружием транснациональной, трансграничной организованной преступности (**особенно религиозной организованной преступности, межэтнической организованной преступности**) являются современные компьютерные технологии. Для противодействия транснациональной киберпреступности на разных континентах мира созданы международные центры киберзащиты.

Осуществляя в киберпространстве поиск террористов или организованных транснациональных (трансграничных) террористических преступных групп, эксперты ФБР США применяют комплексные ситуационные аналитические методы, космическую технику и модернизированные инновационные приемы, которые позволяют выявлять «персональные данные конкретного террориста».

В современной международной криминалистике **среди научных школ** идет острая конкуренция за инновационное лидерство внедрения в оперативно-следственную практику комплексного **ситуационного подхода** криминалистически значимой информации в раскрытии и расследовании транснациональных (трансграничных) преступлений террористической направленности в области технологий шестого технологического уклада, именуемых в английской транскрипции (NBIC) НБИК-технологиями, в соответствии с первыми буквами инновационных интрузивных технологических комплексов нано-био-инфо-когнитивных технологий. В плане обеспечения лидерства является стратегическое определение и тактическая реализация наиболее эффективных направлений конвергенции и интеграции в **междисциплинарном** цикле криминалистических технологий шестого технологического уклада (NBIC) НБИК-технологий в оперативно-следственную российскую и международную практику. В модернизированных условиях следственной практики ситуационного подхода объемы потоков криминалистически значимой информации удваиваются менее, чем за пять лет, то стратегически важным становится уже не столько владение криминалистической информацией, сколько умение следователем быстрее

других ее обработать, систематизировать и получить из нее **информационно- доказательственную систему** для уголовного дела, и правильного принятия **организационно-управленческих** решений в конфликтных оперативно-следственных ситуациях[2].

---

[1] Драпкин Л.Я. Злоченко Я.М. Международные стандарты по методическому обеспечению судебно-экспертной деятельности по уголовным делам террористической направленности. Материалы третьей Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». Московская государственная юридическая академия. 25 января 2011г. Москва.

[2] Злоченко Я.М. Вафин Р.Р. Инновационное внедрение космической криминалистики, компьютерного моделирования, нейролингвистического программирования и других новых видов нао-био-инфо-когнитивных технологий криминалистически значимой информации в международном раскрытии и расследовании транснациональных преступлений террористической направленности. Материалы круглого стола «Использование новых видов информации в правоприменительной деятельности». МГУ имени М.В. Ломоносова 28 июня 2012г. Москва.

При проведении тактической операции по многоэпизодным резонансным уголовным делам организационно-управленческие решения являются первичными по отношению к решениям тактическим, но в процессе противодействия и расследования транснациональных и трансграничных террористических преступлений, решение тактических задач является **приоритетным**, и в этом смысле организация и управление являются инструментарием для достижения тактических целей при расследовании международных преступлений террористического характера[1].

Важнейшей характеристикой ситуации тактического риска является отсутствие решений, гарантирующих обязательный (стопроцентный) успех. Какой бы детальной ни была подготовительная работа сотрудника спецслужб, как бы тщательно не взвешивались шансы при выборе одного решения из множества вариантов, тем не менее, в ситуации тактического риска, которой присуща не только вероятностная, но даже и случайная структура, всегда остается пусть небольшая или даже совершенно незначительная, но, тем не менее, реальная возможность недостижения цели и наступления нежелательных последствий. В ситуациях тактического (оперативного) риска самый высокий профессионализм и выдающиеся личностные качества позволяют разработать лишь наиболее оптимальное в данных условиях решение и принять меры к его осуществлению, снизить степень риска до минимума, но не дают полной гарантии от неудачи[2]. Тем самым объективное существование ситуации тактического риска не устраняется само по себе, без успешной реализации оптимального, но, тем не менее, не гарантированного решения.

В практике расследования преступлений террористического характера выбор оптимального способа действий существенно затруднен невозможностью строгого исчисления вероятности ожидания того или иного исхода деятельности, учитывая существование сложных оперативно-следственных ситуаций, главным образом, конфликтных или **тактического риска**, комбинированных ситуаций смешанного конфликтно - рискованного типа, возникающих в процессе расследования преступлений террористического характера[3].

Процесс разрешения (устранения, преодоления) ситуаций тактического (оперативного) риска всегда связан с возможностью ошибки при выборе наилучшего способа действий, но даже и в случае правильного выбора решения, не всегда гарантируется успех и полное достижение поставленной цели, поскольку в данной ситуации значительную роль играет случай, негативные последствия которого исключить, устранить или исправить далеко не всегда возможно. Однако непринятие и нереализация решений в условиях риска - выбор тактики пассивного ожидания, также может привести, хотя и не всегда, к наступлению еще более тяжких последствий. И при этом варианте - выбор тактики выжидания, требуется глубокий и всесторонний анализ возможного, далеко не всегда благоприятного исхода и наступления самых разнообразных последствий[4].

Выбор наиболее оптимальной тактики (стратегии) зависит от всестороннего анализа и оценки всех не только реально действующих, но и возможных, а также еще не выявленных факторов. Разумеется, во всех сложных оперативно-следственных ситуаци-

---

[1] Драпкин Л.Я., Злоченко Я.М. Организационно-управленческие оперативно-следственные ситуации при расследовании преступлений террористической направленности. Материалы конференции «Роль кафедры криминалистики юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в развитии криминалистической науки и практики», посвященной 60-летию кафедры криминалистики. 18 октября 2010г. Москва.

[2] Первая совместная международная операция спецслужб России, США и Великобритании по противодействию транснациональной организованной преступной группы. Архив Федерального суда штата Нью-Джерси. 2009г. Вашингтон, США.

[3] Материалы уголовного дела осужденного террориста Тимоти Маквея: …одним из эпизодов оперативной игры разведсообщества США с транснациональным террористом. Архив Верховного суда США. 2010г. Вашингтон.

[4] Третья антитеррористическая операция «Ла-Уньон». Архив Федерального суда Испании Мадрид. 2007г.

ях действуют и оказывают различное влияние случайные (венчурные) факторы, как негативной, так и позитивной направленности. При этом, с чисто психологических позиций, воздействие позитивных случайных факторов фактически включается в избранный субъектами деятельности способ действий, хотя ранее они не учитывались, а позднее, после наступления ожидаемого результата, рассматривались ими как структурные элементы реализуемой тактики. В то же время воздействие негативных факторов, когда поставленная цель не была достигнута, рассматривается как типично случайные обстоятельства, отрицательно повлиявшие на непредсказуемый исход действий и неудачное решение поставленной задачи.

Анализ сложных следственных и оперативно-розыскных ситуаций позволяет прийти к выводу о том, что рассмотренные ранее разновидности информационной неопределенности создают комплексы, так называемых, случайных помех, воздействующих на деятельность сотрудников спецслужб разных континентов мира, противодействующих международному террористическому интернационалу. Эти помехи в силу своей стохастической (случайной) природы носят непредсказуемый (непредвиденный) характер. В отличие от ситуации тактического (оперативного) риска, в проблемных, конфликтных и организационно-неупорядоченных ситуациях случайные факторы действуют не так часто, а главное, их негативные последствия, как правило, не так значительны[1].

Однако «еще сложней обстоит дело в конфликтных оперативно-следственных ситуациях, где помимо естественного недостатка информации возникает еще возможность дезинформации»[2].

Сложность успешного разрешения конфликта значительно усиливается, если данная ситуация маскируется террористами и внешне представляется как простая бесконфликтная оперативно-следственная ситуация. В результате подобной маскировки следователи СКР РФ и оперативные сотрудники ФСБ РФ ошибочно полагают, что они действуют в бесконфликтной оперативно-следственной ситуации, в которой обвиняемые (подозреваемые) и некоторые другие участники уголовного судопроизводства занимают позицию добросовестного контакта сотрудничества. **Подобная ошибка** в оценке оперативно-следственной ситуации, как правило, приводит к поражению сотрудников спецслужб, поскольку противодействующая сторона в этой мнимо-бесконфликтной ситуации владеет информацией о **тактической позиции следователя** (оперативного работника ФСБ РФ) и в то же время умело маскирует свою подлинную позицию[3].

Что касается проблемных оперативно-следственных ситуаций, то «зона неопределенности распространяется в этой группе ситуаций на наиболее существенные обстоятельства, имеющие решающее доказательственное значение по уголовному делу и не менее важное значение для дел оперативного учета (ДОУ). Именно поэтому разновидность информационной неопределенности - симантическую неопределенность, которая и лежит в основе проблемных оперативно-следственных ситуаций, называют «настоящей неопределенностью», поскольку она связана с одной из основных категорий гно-

---

[1] Материалы уголовного дела в отношении Пола Уильяма Хэмпела. Архив Монреальского суда. 28.11.2006г. Канада.

[2] В российской следственной практике первая в отечественной криминалистике уголовное дело, возбужденное по факту совершения террористического убийства на Ближнем Востоке пяти российских дипломатов на территории иностранного государства (Ирак). Архив Генеральной прокуратуры РФ. 2009г. Москва.

[3] Материалы уголовного дела по терактам в г.Пятигорске, г.Симферополе. Архивные материалы надзорного производства Генеральной прокуратуры РФ. Москва. 2010г.

См.: Материалы уголовного дела по теракту на рынке г.Владикавказа. Архивные материалы надзорного производства Генеральной прокуратуры РФ. Москва. 2010г.

сеологии - понятием истинности, в связи с чем, их успешное разрешение почти всегда представляет повышенную сложность».

В ситуациях тактического и оперативного рисков субъекты спецслужб стремятся разработать **наиболее оптимальную программу своих действий**, а затем эффективно ее реализовать. Разработка, принятие и осуществление даже самых перспективных и надежных следственных и оперативно-розыскных решений в ситуациях риска не может, как подчеркивалось ранее, полностью исключить возможность неудачи, но существенно сокращает вероятность ее наступления.

Оптимальность действий следователя и сотрудника оперативно-розыскных подразделений должна обеспечить реализацию принимаемых тактических (оперативных) решений с тем, чтобы не допустить наступления негативных последствий и случайных помех, характерных для ситуаций тактического (оперативного) риска, либо если это окажется невозможным минимизировать эти последствия при расследовании преступлений террористического характера.

Для других разновидностей сложных следственных и оперативно-розыскных ситуаций (проблемных, конфликтных, организационно-неупорядоченных) вполне приемлемо названное выше теоретическое положение о единстве цели, присущей каждой отдельной операции, что приводит к значительному усилению ее **«ударных»** возможностей. Разумеется, если следователь или оперативный сотрудник стремится к достижению нескольких целей (в данном случае - промежуточных задач), то целесообразно разработать и реализовать несколько тактических (оперативно-розыскных) операций. Подобный комплексный подход к решению сложных задач будет наиболее эффективен, хотя с позиции экономии сил и средств, он может быть и не самым оптимальным. Но иерархия целей (задач) в процессах пресечения, раскрытия и расследования преступлений террористического характера, особенно тяжких и особо тяжких, обусловила приоритет именно комплексного подхода.

В ситуациях тактического и оперативного рисков субъекты правоохранительной деятельности, правильно оценивая состояние раскрытия и расследования преступлений террористического характера, стремятся использовать все возможные в данной обстановке благоприятные обстоятельства, позволяющие свести к минимуму факторы риска.

К этим наиболее существенным факторам относятся следующие: -надежные источники и каналы достоверной или же высоковероятной информации (сокращенно НИКИ - надежные источники, каналы информации);

- профессиональный анализ информации (сокращенно ПАИ);
- разработка оптимальных вариантов решения (сокращенно РОВР);
- выбор наиболее оптимального решения (сокращенно ВНОР);
- эффективная реализация решения (сокращенно ЭРР);

Разумеется, кроме перечисленных основных факторов, способствующих сокращению зоны тактического (оперативного) риска в их число входят и разработка плана конкретных действий и недопущение возможных вредных последствий и некоторые другие (обозначим все эти позитивные факторы следующим сокращением - ИПФ (иные позитивные факторы).

Если предположить, что максимум тактического (оперативного) риска равняется «1» (единице), то при подобном допущении **на снижение** степени (уровня) риска будут влиять все перечисленные выше факторы. Если обозначить степень риска сокращением - СТ, то можно обозначить (вывести) следующую формулу:

СТ = 1 - (НИКИ + ПАИ + РОВР + ВНОР + ЭРР + ИПФ)

В соответствии с предложенной краткой, и далеко не полной формуле, степень тактического и оперативного риска уменьшается, что закономерно приводит к сокращению зоны (поля) риска.

В то же время прямо противоположные - негативные факторы, увеличивают даже самую минимальную степень риска, что может привести (и часто приводит) к так называемому необоснованному (нерациональному,

неразумному) риску, идти на который (все равно, что «идти на скалу»!) **недопустимо.** Риск признается недопустимым, если он заведомо был сопряжен с реальными угрозами и для жизни сотрудников спецслужб, а также политическими, социальными катастрофами, общественными и иными тяжкими последствиям[1].

Более того, в реальных ситуациях оперативно-розыскной деятельности тактико-оперативные аспекты преобладают (доминируют) в этом структурно-информационном взаимодействии. Тактико-информационное взаимодействие в процессе международного расследования можно отразить в **комплексной (объединенной) схеме** основных (обязательных) структурных элементов управленческой и оперативно-тактической систем.

Схема 3

Сложная система управления

А - канал прямой (командной) связи (для руководства подразделениями);

Б - канал обратной (осведомительной) связи (для непосредственных исполнителей);

$С_1$,$С_2$ - воздействия внешней среды (учитываемой управляемой и управляющей подсистемами);

$Д_1$, $Д_2$, $Д_3$ - оперативно-розыскная деятельность (в основном негласная);

$К_1$, $К_2$, $К_3$ - организованные транснациональные террористические формирования, разрабатываемые оперативными подразделениями спецслужб);

- негативные кадровые, информационные и другие виды воздействий на управляющую подсистему (террористическая разведка, коррупционные связи и т. п.) организованных транснациональных террористических формирований;

- противодействие транснациональных террористических формирований оперативно-розыскным мероприятиям спецслужб (воздействие на управляемую

[1] Злоченко Я.М. Международная оперативно-розыскная и следственная деятельность Европейских спецслужб по раскрытию механизмов легализации доходов, полученных преступным путем по преступлениям террористического характера. Сборник материалов научно-практической конференции «Вопросы борьбы с преступностью: междисциплинарный подход». С-Петербургский государственный университет (юридический факультет). 29 июня 2011г.

подсистему, на исполнителей, вплоть до вооруженного террористического сопротивления);

- дополнительный канал обратной (осведомительной) связи для гласной и негласной информации, поступающей от оперативных работников и взаимодействующих (сотрудничающих) с ними лиц;

- внешняя среда (воздействие которой также должно учитываться).

Система управления и оперативно-тактическая система фактически являются структурными подсистемами сложной системы. При этом следует учесть, что традиционные, управленческие прямая (командная) и обратная (осведомительная) формы связи не выходят за границы системы управления, действуя в ее ограничительных рамках. Структурные элементы оперативно-тактической системы выполняют свои основные функции, в основном за пределами этой системы и испытывают негативное воздействие со стороны противодействующих криминальных террористических формирований. При этом негласная и гласная информация спецслужб поступает в управляющую систему по дополнительным каналам, проходящими за пределами подсистемы управления и расположенными в большой (объединенной) более сложной системе.

Разумеется, анализ поступающей оперативно-розыскной и иной информации осуществляется обоими подразделениями. При этом, принимаемые решения можно условно разделить, с учетом их масштабности и значимости для достижения конечной цели международного расследования, на **стратегические**, разрабатываемые управляющей подсистемой и **тактические**, разрабатываемые обеими подсистемами, в зависимости от развития оперативно-следственных ситуаций. Обе группы решений осуществляет управляемая подсистема (исполнители)[1].

[1] Драпкин Л.Я., Злоченко Я.М. «Оперативная игра – комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленных на достижения стратегической цели – эффективный инструмент расследования преступлений террористического характера». Журнал «Российский следователь» №19. 2009 г.Москва.
См.: Материалы международной конференции, состоявшейся по инициативе ФБР США в Центре изучения проблем безопасности им. Дж. Маршалла в Гармиш-Партенкирхене (Бавария, ФРГ). Архив материалов конференции Бавария, ФРГ, 2010г

Я.С. Карпов

Типичные способы совершения и сокрытия незаконного оборота прекурсоров наркотических средств

В статье рассматриваются особенности способов совершения и сокрытия незаконного оборота прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ , т.е. тех объектов материального мира, которые часто используются в незаконном изготовлении (производстве) наркотиков.

***Ключевые слова**: наркотические средства и психотропные вещества, прекурсоры, незаконный оборот, способ совершения (сокрытия) преступления, расследование.*

Y.S. Karpov

Typical modus operandi in drug precursors' traffic

The article considers peculiarities of modus operandi in traffic of drug precursors – the objects of material world which are frequently used in manufacture of narcotic means and psychotropic substances.

***Keywords**: narcotic means and psychotropic substances, precursors, traffic, modus operandi of crimes, investigation.*

В мировой практике борьбы с незаконным оборотом наркотиков, а также профильных международных[1] и российских[2] нормативных правовых актах прекурсорами (от англ. precursor – предшественник) называются контролируемые государствами вещества, которые часто используются в незаконном изготовлении, производстве и переработке наркотиков. Для этих целей прекурсоры могут использоваться в качестве: а) исходных веществ, формирующих основную часть молекулы наркотиков (1-фенил-2-пропанон, эфедрин и др.); б) реагентов, участвующих в химических реакциях и трансформации исходных веществ в наркотики (ангидрид уксусной кислоты, перманганат калия и др.); в) растворителей, которые используются для экстракции исходных веществ и реагентов, а также для ускорения реакций синтеза и очистки конечного продукта (ацетон, метилэтилкетон, толуол, этиловый эфир и др.).

Прекурсоры являются сырьевой базой, как полусинтетических (героин, кокаин и др.) так и чисто синтетических (амфетамины и др.), наркотиков.

В этой связи следует отметить особое значение прекурсоров для т.н. «дизайнерских» наркотиков – новых психоактивных веществ, которые создаются без участия растительных компонентов и полностью синтезируются из определенных комбинаций синтетических элементов[3].

Важно подчеркнуть, что в отличие от наркотиков абсолютное большинство прекурсоров имеют двойное назначение: с одной стороны, они легально используются в промышленности и быту, научной и учебной деятельности, а с другой – эксплуатируются незаконным наркобизнесом[4]. Поэтому, несмотря на тесную взаимосвязь прекурсоров и наркотиков, способы их незаконного оборота различаются.

---

[1] Конвенция от 20 декабря 1988 г. «О противодействии незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ» (по состоянию на 1 ноября 201 5 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (по состоянию на 1 ноября 201 5 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Карпов Я.С. Дизайнерские наркотики и новые прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ: вопросы правового статуса // Наркоконтроль. 2013. № 1. С. 35-37.

[4] Карпов Я.С. Криминалистические аспекты противодействия незаконному обороту прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ // Эксперт-криминалист. 2014. № 2. С. 22 - 24.

Мы солидарны с Н.П. Яблоковым, что для криминалистов в способе совершения преступления как объективно и субъективно обусловленной системе поведения субъекта до, в момент и после совершения преступления на первый план выступают материальные и идеальные следы[1]. Анализ следов приводит к осознанию специфики способов совершения преступлений определенной группы (вида), их типизации и индивидуализации, помогает разобраться в механизме, как отдельных преступлений, так и преступной деятельности в целом, сформулировать версии о субъектах преступлений, выделить их из множества предполагаемых лиц и организовать эффективный поиск и розыск, определить средства доказывания.

В рамках настоящей статьи предметно рассмотреть всё многообразие способов незаконного оборота прекурсоров, включая «полноструктурные» (трехзвенные), «усеченные» (двухзвенные в разных комбинациях трехзвенной) и «упрощенные» (однозвенные, характеризующие поведение субъекта лишь во время самого преступного деяния) варианты в их взаимосвязи со следовой картиной и личностью преступника вряд ли возможно. Поэтому мы выделим основные факторы, определяющие особенности способов преступной деятельности в этой сфере, и приведем некоторые обобщения нашего исследования по данной тематике, в ходе которого изучено 640 материалов уголовных дел и проведён опрос 234 сотрудников следственных и оперативных подразделений органов наркоконтроля с использованием метода анкетирования.

Вышеупомянутый фактор двойного назначения прекурсоров оказывает существенное влияние на структуру и содержание способов незаконного оборота прекурсоров на разных этапах движения этих веществ во времени, в пространстве и по кругу лиц. Такие этапы обусловлены тремя уровнями незаконного оборота прекурсоров, среди которых мы выделяем:

1) утечку прекурсоров из законных каналов оборота (ст. 228.2 УК РФ);

2) их перемещение по незаконным каналам (ст.ст. 228.3, 228.4 УК РФ), включая контрабандные (ст. 229.1 УК РФ), вплоть до нарколабораторий (притонов);

3) непосредственное использование прекурсоров в процессе незаконного изготовления (ст. 228 УК РФ) и производства (ст. 228.1 УК РФ) наркотиков.

В некоторых случаях вместо утечки прекурсоров возможно их незаконное производство (ст. 228.3 УК РФ), как непосредственно в нарколабораториях (притонах), так и удалённо от них.

В практической деятельности на первом уровне незаконного оборота прекурсоров прямая связь с незаконным изготовлением (производством) наркотиков выявляется редко, а способы совершения таких преступлений характеризуются, в основном, как «упрощённые» и «усечённые». «Полноструктурные» способы совершения преступлений наблюдаются в деятельности трафиков, которые могут начинаться с хорошо подготовленных (замаскированных) утечки либо незаконного производства прекурсоров и заканчиваются в нарколаборатории (притоне), где они синтезируются в наркотики и продукты химических отходов.

На легальных объектах (промышленные производственные предприятия, лечебные и оздоровительные организации, научные и учебные учреждения, транспортные и логистические компании, организации оптовой и розничной торговли) нарушения правил оборота прекурсоров, повлекших их утрату, могут совершаться, как по неосторожности, вследствие незнания работниками и руководителями норм закона либо халатного отношения к исполнению своих должностных обязанностей, так и умышленно – для по-

[1] Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник. М., 2012. С. 34-35.

следующего целенаправленного вывода прекурсоров в структуру нелегальной деятельности.

Из общего количества изученных уголовных дел 218 являлись об утрате прекурсоров на объектах легального оборота, среди них 83 % составили преступления, способ которых главным образом выражен в бездействии, когда ответственными работниками либо руководством предприятий просто не соблюдался установленный законом порядок оборота, в первую очередь, хранения прекурсоров и (или) ведения отчётной документации. При этом никаких мер по сокрытию преступления не предпринималось, а лица, совершавшие преступления, не осознавали, хотя и должны были, преступный характер своих действий (бездействий) и при выявлении таких преступлений признавали свою вину, сотрудничали с правоохранительными органами.

Анализ других 17 % уголовных дел показал, что ответственные должностные лица намеренно создавали условия, при которых надлежащий контроль за оборотом прекурсоров на предприятии отсутствовал, и в последующем использовали такие условия для вывода прекурсоров в структуру нелегальной деятельности. В способ совершения таких преступлений могут включаться следующие подготовительные действия: а) выяснение спроса на определенные прекурсоры на планируемой территории сбыта; б) заблаговременное приобретение прекурсоров у легальных продавцов от имени и за счет предприятия, сотрудником которого является преступник; в) вступление в контакт с потенциальными покупателями предполагаемого к сбыту прекурсора; г) детальное изучение технологических процессов на предприятии, использующем прекурсоры; д) необоснованное служебной необходимостью приобретение новых журналов, бланков и форм отчётности об обороте прекурсоров. Далее совершаются непосредственные преступные деяния, влекущие необоснованную экономию прекурсоров и возникновение их неучтённых количеств на предприятии, а именно: е) несоблюдение технологических процессов и процедур; ж) нарушение правил оборота и учёта прекурсоров; з) их хищение и сбыт. На стадии подготовки, в момент или после совершения преступлений возможны такие действия по их сокрытию: и) подчистка, подделка или уничтожение специальных журналов и иных документов, отражающих предметно-количественный учёт прекурсоров; к) избавление от маркировки и тары (упаковки) прекурсоров либо изменение их внешнего вида, затрудняющего возможность «связать» между собой конкретные ёмкости и вещества; л) изменение агрегатного состояния и химического состава прекурсоров. Указанные действия по сокрытию преступления включаются в структуру его способа, если совершаются одновременно либо с незначительным временным интервалом. Аналогичные действия по сокрытию преступления, совершенные другими лицами, либо тем же лицом, но в отрыве от действий по подготовке и совершению преступления, следует рассматривать как самостоятельный комплекс действий в системе противодействия расследованию[1] и уклонения от уголовной ответственности[2].

В то же время, доказанная связь таких действий лица, чьи обязанности предусматривают принятие мер по учёту и сохранности прекурсоров, с утратой их конкретного количества может указывать на новые эпизоды преступной деятельности, ответственность за которую предусмотрена ст. 228.2 УК РФ.

Непосредственно после утечки либо незаконного производства (изготовления) прекурсоров их перемещение по незаконным каналам (ст.ст. 228.3, 228.4, 229.1 УК РФ)

---

[1] Карагодин В.Н. Соотношение сокрытия и способа совершения преступления // Государство и право в системе социального управления. Свердловск, 1981. С. 109-112.

[2] Зуйков Г.Г. Исследование способов совершения преступлений и уклонения от ответственности как предпосылка повышения эффективности планирования расследования // Версии и планирование расследования. Свердловск, 1985. С. 103.

осуществляется умышленно, часто под видом легальной деятельности с применением комплекса способов совершения и сокрытия преступлений. Ниже графиком показана

частота их встречаемости, выявленная нашим исследованием.

Способы незаконного оборота прекурсоров могут обладать некоторым сходством с описанными в специальной литературе способами незаконного оборота наркотиков[1] и взрывчатых веществ. Главным образом оно заключается в тайном характере совершаемых действий и объясняется тем, что в отдельных случаях прекурсоры обладают свойствами этих объектов преступной деятельности. С одной стороны, как и наркотики, прекурсоры могут в определенных условиях оказывать психоактивное (эфедрин) и лечебное (перманганат калия) воздействие на организм человека, а с другой – это зачастую взрыво-пожаро-и химически опасные вещества (ангидрид уксусной кислоты, ацетон, толу-

[1] Жбанков В.А., Табаков А.В. Криминалистическая характеристика контрабанды наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, совершаемой членами организованных преступных формирований: монография. М., 2014. С. 137-165.

ол и др.), имеющие соответствующий правовой статус. Специфику способов совершения и сокрытия рассматриваемых нами преступлений определяют: 1) значительно больший в сравнении с наркотиками и взрывчатыми веществами спектр легальных целей использования прекурсоров; 2) широкое разнообразие правовых режимов их оборота; 3) колоссальные объёмы оборота; 4) выраженные свойства большинства прекурсоров как высокотоксичных, горючих и легковоспламеняющихся веществ; 5) иная в сравнении с незаконным оборотом наркотиков и взрывчатых веществ характеристика личности преступника.

В этой связи утечка прекурсоров и их перемещение по незаконным каналам практически не осуществляется характерными для наркотиков способами, связанными с внутриполостным сокрытием (заглатывание в желудок, помещение в ректальные и вагинальные полости, подкожное и внутримышечное пространство), но, согласно материалам нашего исследования, часто предполагает обманное использование и уничтожение (отсутствие) документов, нейтральную (без маркировки) либо намеренно изменённую тару (упаковку), формирование иными способами ложного представления о природе, фактическом химическом составе и назначении веществ, истинный статус которых как прекурсоров скрывается.

Как и в ситуациях с наркотиками, взрывчатыми веществами незаконный оборот прекурсоров может осуществляться способами, предполагающими их физическое сопровождение преступниками (непосредственное нахождение прекурсоров в одежде, обуви, личных вещах, содержание веществ при себе, управление транспортным средством, в котором хранятся или перевозятся прекурсоры, либо нахождение в нём, неподалеку от него), и без такого сопровождения, когда контроль за прекурсорами осуществляется преступником удалённо (международные и внутренние перевозки посредством логистических организаций различными видами транспорта, почтовые пересылки, специальные «закладки»).

Практика показывает, что конкретные виды прекурсоров, объемы их единичных партий и выбор конкретного способа, а точнее – комплекса способов совершения преступления во многом определяются: 1) мощностью и этапами трафика, обслуживающего заинтересованных субъектов; 2) величиной и значимостью нарколабораторий (притонов), в которые поступают прекурсоры; 3) видом изготавливаемых (производимых) наркотиков; 4) характерной для типичных случаев (предприятие легального оборота прекурсоров, нейтральные объекты либо нарколаборатории (притоны)) обстановкой; 5) местом (промышленная зона, зона таможенного контроля, жилые кварталы, сельская местность) и временем (рабочее / нерабочее, дневное / ночное).

К.Ю. Комбаров

Особенности раскрытия и расследования коррупционных преступлений, совершаемых медицинскими работниками.

В статье рассматриваются основные особенности раскрытия и расследования коррупционных преступлений, совершаемых медицинскими работниками, обозначена актуальность проблемы коррупции в сфере здравоохранения. Выявлены общие закономерности в подготовке, совершении и сокрытии коррупционных преступлений, совершаемых медицинскими работниками. На основании изложенного автором сделан аргументированный вывод о необходимости создания частной криминалистической методики расследования указанных преступлений.

***Ключевые слова**: коррупция, здравоохранение, медицинские работники, частная криминалистическая методика, расследование.*

K.Y. Kombarov

Special aspects of detection and investigation of corruption-related crimes, committed by medical personnel

The article deals with the issues, arising by the detection and investigation of corruption-related crimes, committed by medical personnel and the relevance of the issue of corruption is defined. General relations are disclosed in the preparation, committing and non-disclosure of corruption-related crimes, being committed by the medical personnel, as well as the functioning of the law enforcement agencies in the field of detection and investigation of such crimes. On the ground of the facts, stated by the author, there is a conclusion about necessity to create special forensic method of investigation of the given kinds of crime.

***Keywords**: corruption, health care, medical personnel, particular forensic method, investigation.*

Коррупционные преступления, совершаемые непосредственно медицинскими работниками, занимают особое место в структуре коррупционной преступности в сфере здравоохранения. Такие преступления обладают более высоким уровнем общественной опасности, в связи с тем, что деятельность медицинских работников напрямую связана с жизнью и здоровьем людей, и от качества выполнения ими своих служебных обязанностей зависит благополучие и развитие современного общества и страны в целом. Так, ст. 4 ФЗ от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» среди основных принципов охрана здоровья называет: соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий; приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи; ответственность органов государственной власти и органов местного самоуправления, должностных лиц организаций за обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья; доступность и качество медицинской помощи; недопустимость отказа в оказании медицинской помощи и др[1]. Именно с нарушением этих основополагающих принципов в большинстве случаев связаны коррупционные преступления, совершаемые медицинскими работниками.

Проведенный анализ судебно-следственной практики позволяет заметить, что среди коррупционных преступлений медицинскими работниками чаще совершаются

[1] Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 30.09.2015) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // «Российская газета». № 263. 23.11.201 1 г.

деяния, предусмотренные ст. 159, 285, 286, 290, 292 УК РФ. При этом подготовка, совершения, сокрытия таких преступлений, а также процесс их последующего выявления, раскрытия и расследования характеризуется общими криминалистически значимыми признаками, которые отличают их от коррупционных преступлений, совершаемых иными субъектами. Среди основных таких признаков можно назвать следующие:

1. Для коррупционных преступлений, совершенных медицинскими работниками, характерен особый уровень латентности, а также противодействия выявлению, раскрытию и расследованию таких преступлений со стороны граждан, вступивших в коррупционные отношения с неблагочестивым медицинским работником. Это связано с тем, что коррупционные преступления в данной сфере нередко совершаются в целях сокрытия или подготовки иных проступков, правонарушений и преступлений (получение фиктивного больничного для сокрытия прогула, получение фиктивной справки о полученной травме для получения страховой выплаты и пр.). Таким образом, для взяткодателя разоблачение коррупционной деятельности медицинского работника чревато не только привлечением к уголовной ответственности по ст. 291 УК РФ, но и возможностью увольнения, привлечения к административной и уголовной ответственностям по другим составам преступлений и необходимостью возмещения причиненного ущерба.

2. Обстановка совершения коррупционных преступлений медицинскими работниками является системообразующим элементом криминалистической характеристики преступлений данного вида и отличается особым установленным нормативно-правовыми актами и реально сложившимся порядком выполнения медицинскими работниками своих должностных полномочий. Принимая к производству дело такой категории, следователь должен в первую очередь провести обширный мониторинг федеральных и ведомственных нормативно-правовых актов, регламентирующих конкретную сферу деятельности учреждений системы здравоохранения, в которой медицинским работником было совершено коррупционное преступление. Причем каждая из этих сфер имеет свою существенную специфику и регулируется объемным перечнем специальных нормативно-правовых актов (сфера медицинской помощи, медицинских экспертиз, фармацевтической деятельности, санитарно-эпидемиологического благополучия населения и пр.)[1].

3. Личность коррумпированных медицинских работников имеет значительные особенности, которые, прежде всего, состоят в наличии у них профессиональных знаний в области медицины, что зачастую делает совершенные ими коррупционные преступления невыявляемыми или труднодоказуемыми (например, выдача фиктивного листка временной нетрудоспособности с указанием диагноза, который может быть установлен на основании субъективных жалоб больного, диагностика которого проблематична (межреберная невралгия), либо симптомы, которого скоротечны и по прошествии времени также не могут быть проверены клинически (ОРВИ)). По тем же причинам проведение отдельных следственных действий в отношении таких преступников в большинстве случаев представляет немало трудностей для следователя и часто порождает необходимость в привлечении специалистов, обладающих специальными медицинскими познаниями. Кроме того, практически каждое дело данной категории сопровождается назначением судебно-медицинских экспертиз.

4. Механизм следообразования при совершении преступлений исследуемой категории будет совершенно отличным от иных коррупционных преступлений. В ходе раскрытия и расследования коррупционных преступлений, совершенных медицинскими

[1] См. Постановление Правительства РФ от 19.06.201 2 г. № 608 (ред. от 03.06.201 5 г.) «Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 25.06.2012. № 26. Ст. 3526.

работниками, деятельность правоохранительных органов должна быть направлена на поиск, фиксацию и исследование не только таких традиционных следов как материальные (медицинские документы, следы пальцев рук, люминесцентного вещества и пр.), идеальные (показания коррумпированного медицинского работника; его коллег; лица, передавшего взятку и пр.), электронно-цифровые (данные в компьютере медицинского работника, в его телефоне, в базах данных медицинского учреждения, аудио-видеозаписи и пр.), но и такой разновидности материальных следов как изменения в организме человека, связанные с совершением коррупционного преступления (например, наличие импортного кардиостимулятора и следы оперативного вмешательства, которое было сделано за незаконное денежное вознаграждение, и др.).

В соответствии с изложенным, полагаем, что, учитывая потребности правоприменительной практики и затронутые выше специфические особенности раскрытия и расследования коррупционных преступлений, совершаемых медицинскими работниками, перед наукой криминалистикой сегодня стоит задача создания частной криминалистической методики расследования таких преступлений. Использование такой методики позволит повысить эффективность органов предварительного следствия и суда по решению задач уголовного судопроизводства в области противодействия преступности данного вида.

А.А. Корчагин

К вопросу о криминалистическом обеспечении предварительного следствия по уголовным делам об убийствах

В статье рассматриваются вопросы о понятии значении криминалистической характеристике расследования по делам об убийствах. На основании изучения следственно-судебной практики по делам об убийствах, указываются недостатки и трудности, с которыми сталкиваются следователи при расследовании дел об убийствах. Обосновывается необходимость повсеместного внедрения в следственную практику методов программирования, и активного использования современных возможностей науки-генетики.

***Ключевые слова**: расследование, убийство, программирование, криминалистическая характеристика расследования*

A.A.Korchagin

To the question of criminalistic ensuring of preliminary investigation on criminal cases about murders

The article discusses the concept of the meaning of criminalistic characteristics in the investigation in cases of homicide. Based on the study of investigative-judicial practice in cases of murder, described the shortcomings and difficulties faced by investigators in the investigation of murder cases. The necessity of widespread implementation in a pre-practice programming techniques, and active use of modern possibilities of science-genetics.

***Keywords**: investigation, murder, programming, criminalistics characteristic of investigation.*

Последние годы в России характеризуются серьезными изменениями в политической, экономической и социальной жизни страны. Возникали различного рода конфликты, в том числе террористической направленности. Наблюдается экономическая неста-

бильность, происходит дальнейшее расслоение общества на высокооплачиваемых и малооплачиваемых лиц. В этих условиях происходит рост преступности. В 2009 году в РФ было зарегистрировано 118266 преступлений против личности, из них убийств и покушений на убийство – 17681, в 2010 году в РФ было зарегистрировано 107220 преступлений против личности, из них убийств и покушений на убийство – 15563. В 2011 году в РФ было зарегистрировано 102324 преступлений против личности, из них убийств и покушений на убийство – 14305[1], в 2012 году в РФ было зарегистрировано уже 396733 преступлений против личности, из них убийств и покушений на убийство – 13265[2], в 2013 году в РФ было зарегистрировано 392759 преступлений против личности, из них убийств и покушений на убийство – 12361[3], в 2014 году в РФ было зарегистрировано 393009 преступлений против личности, из них убийств и покушений на убийство – 11933[4]. За январь-сентябрь 2015 года в РФ было зарегистрировано 313282 преступлений против личности, из них убийств и покушений на убийство – 8730[5]. Для сравнения в январе-сентябре 2014 года было зарегистрировано 301238 преступлений против личности, из них убийств и покушений на убийство – 9199[6]. Как видно из приведенных данных, имеет место рост преступлений против личности, в то же время происходит снижение количества убийств. Несмотря на положительную в целом динамику, количество убийств остается высоким. Тревогу вызывает снижение раскрываемости убийств. В 2009 году из 17681 убийств было раскрыто 15373, что на 10,0% меньше по сравнению с 2008 годом. В 2010 году из 15563 убийств, было раскрыто 13219 убийств, что на 14,0% меньше, чем в 2009 году. В 2011 году из 14305 убийств, было раскрыто 11525 убийств, что на 12,8% меньше по сравнению с 2010 годом. В 2012 году из 13265 убийств было раскрыто 10856 убийств, что на 5,8% меньше, чем в 2011 году. В 2013 году из 12361 убийств было раскрыто 10740, что на 1,1% меньше по сравнению с 2012 годом. Из 11933 убийств, зарегистрированных в 2014 году было раскрыто 10154, что на 5,5 % меньше по сравнению с 2013 годом. За январь-сентябрь 2015 года из 8730 убийств было раскрыто 7284, что на 4.9% меньше, чем за это же период 2014 года. Как представляется, одной из причин снижения уровня раскрываемости убийств является недостаточное знание и использование следователями криминалистической характеристики расследования убийств в целом, и составляющих её элементов в частности. Вопросы криминалистической характеристики предварительного расследования преступлений рассматривались в работах таких ученых-криминалистов, как В.К. Гавло[7], Г.А. Густова[8],

---

[1] Преступность и правонарушения (2003-2011) статистические сборники. – М.: МВД РФ, Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств, Департамент надзорной деятельности Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2008–201 2 г.г.

[2]Общие сведения о состоянии преступности в РФ по данным ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ за январь-декабрь 201 2 г. – М., 2012.

[3]Общие сведения о состоянии преступности в РФ по данным ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ за январь-декабрь 2013г. – М., 2013.

[4]Общие сведения о состоянии преступности в РФ по данным ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ за январь-декабрь 2014г. – М., 2014.

[5]Состояние преступности январь-сентябрь 201 5 года. Сайт МВД России [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://mvd.ru – Загл. с экрана (дата обращения 25.10.2015).

[6]Состояние преступности январь-сентябрь 201 4 года. Сайт МВД России [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://mvd.ru – Загл. с экрана (дата обращения 25.10.2015).

[7] Гавло, В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений / В.К. Гавло. – Томск,1985. – С.212

[8]Курс криминалистики: В 3 т. Т.1 Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистикческая тактика / Под. Ред. О.Н. Коршуновой и А.А. Степанова. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс»,2004. – С.124

В.И. Куклина[1] и др. До настоящего времени данное понятие остается не достаточно разработанным. Тем не менее, многие авторы при рассмотрении теоретических проблем и практики применения методики расследования отдельных видов преступлений так или иначе затрагивают и описывают закономерности, проявляющиеся в деятельности по расследованию и раскрытию преступлений, которые по своему содержанию составляют криминалистическую характеристику расследования преступлений. Криминалистическую характеристику предварительного расследования убийств можно определить, как систему сведений о следственных ситуациях, способах собирания, исследования и использования доказательств, применительно к данным криминалистической характеристики убийств, следственным ситуациям, версиям расследования в целях осуществления задач уголовного судопроизводства. Основными элементами криминалистической характеристики расследования убийств являются следственные ситуации, следственные версии и направления расследования, складывающиеся на первоначальном и последующем этапах, система следственных, оперативно-розыскных и иных организационно-технических действий и тактических операций, обеспечивающих достижение целей расследования[2]. Все элементы криминалистической характеристики расследования преступлений взаимосвязаны и взаимозависимы. С момента появления данных о том, что совершено преступление, до полного его раскрытия лицо, производящее расследование, движется от одной следственной ситуации к другой, своей активной деятельностью видоизменяя её и насыщая её необходимой информацией, преодолевая противодействие, управляя возникающими ситуациями и разрешая их. Познавательная деятельность следователя по делам об убийствах имеет свои особенности, связанные с необходимостью преодоления большого количества информационных барьеров на пути установления истины. На вопрос, с какими трудностями вы чаще всего сталкиваетесь при расследовании уголовных дел об убийствах 9% опрошенных следователей назвали трудности, связанные с обнаружением материально-фиксированных следов, 22,7% следователей (20% оперативных работников) - трудности в формировании свидетельской базы, 4,5% следователей (35% оперативных работников) - трудности, связанные с отсутствием необходимых технических средств, 12,7% следователей (5% оперативных работников) трудности, связанные с отсутствием достаточного опыта расследования дел об убийствах, 22,7% следователей (20% оперативных работников) - ненадлежащий уровень взаимодействия с органами дознания, 28,4% следователей - сроки проведения экспертиз. 5% оперативных работников заявили, что трудностей нет. На снижение эффективности раскрытия и расследования убийств, как показали проведенные опросы следователей, влияют, по их мнению, недостатки действующего уголовно-процессуального законодательства. Так, на вопрос, какие, по-вашему мнению, недостатки уголовного и уголовно-процессуального законодательства препятствуют расследованию убийств, были получены следующие ответы: само понятие «срок следствия», ограниченные сроки расследования, формализованность уголовно-процессуального законодательства, наличие понятых, участие которых должно быть альтернативным: либо они, либо фото - видеофиксация следственных действий, утверждение обвинительного заключения прокурором, а не руководителем следственного органа, отсутствие четкого критерия для понятия «особая жестокость» или «беспомощное состояние», отсутствие судебной практики по отдельным категориям дел. Процесс познания события убийства состоит во-первых, в уяснении уже имеющихся криминалистических и иных знаний об этом преступлении, во-вторых, конструировании на основе этого новых знаний о совершенном убийстве в це-

[1] Куклин, В.И. Криминалистическая методика / В.И. Куклин, В.В. Куклин. – Тверь, 1992. – 84 с.
[2] Гавло, В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступдений/В.К. Гавло. – Томск,1985. – С.214

лом, и отдельных его обстоятельствах. К сожалению, как показало проведенное исследование уголовных дел об убийствах, следователи не всегда в должной мере умеют организовать познавательный процесс события убийства, что приводит к возвращению дел прокурорами для дополнительного расследования. Проведенный опрос прокуроров показал, что чаще всего причиной возвращения дел для дополнительного расследования являются: неполнота следствия – 33,3 %; нарушения норм УПК РФ – 24,7%; неправильная квалификация – 8,6%; нарушения при составлении постановления о привлечении в качестве обвиняемого – 10,1%; нарушения при составлении обвинительного заключения – 15,6%; утверждение обвинительного заключения ненадлежащим лицом, противоречия в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого – 5,1%; 2,6% опрошенных ответили, что не сталкивались с возвращением дел для дополнительного расследования. На вопрос, какие нарушения чаще всего являются основанием для возврата дела судом прокурору для устранения имеющихся нарушений 10,6% опрошенных судей ответили, что не возвращали дела об убийствах; 40,5% назвали нарушения норм УПК РФ; 5,2% назвали недостатки в описании деяния, ошибки в указании места, времени совершения убийства; 32,8% назвали нарушения права на защиту; 5,1% назвали нарушения в составлении обвинительного заключения; 5,8% назвали нарушения требований ст. 73 УПК РФ. На вопрос, что является наиболее распространенным основанием вынесения оправдательного приговора по делам об убийствах, 72% судей назвали недоказанность причастности подсудимого к преступлению, 5,1 % судей назвали отсутствие в действиях подсудимого состава преступления, 2,5% назвали нарушения норм УПК РФ, 5,1% назвали вынесение присяжными оправдательного вердикта, 2,5% назвали нарушение требования ст. 252 УПК РФ, 12,8% судей ответили, что оправдательных приговоров по делам об убийствах не выносили. На вопрос, как вы оцениваете общий профессиональный уровень следователей, работников органов дознания, только 5,1 % ответили высокий, 69,3% - средний, 25,6% - низкий. 15,3% опрошенных судей оценили профессиональный уровень государственных обвинителей, как высокий, 38,4%, как средний, 46,3%, как низкий. Изучение следственно-судебной практики по делам об убийствах показывает, что актуальным для расследования дел об убийствах является **использование математических, кибернетических методов**. В частности речь должна идти о разработке и внедрении в следственную практику компьютерных программ, позволяющих обеспечить алгоритмизацию процесса расследования, сократить сроки расследования, обеспечить эффективную, целенаправленную работу по делу, оптимизировать процесс расследования по делам об убийствах. На необходимость применения данных естественных наук в криминалистике и возможное решение с их помощью задач следствия указывается в трудах М.Б. Вандера, В.К. Гавло, В.И. Гончаренко, Г.А. Густова, В.Н. Кудрявцева, А.А. Леви, В.А. Образцова, Н.С. Полевого, Н.А. Селиванова, А.А. Эйсмана и др. Так, В.Н. Кудрявцев и А.А. Эйсман еще в 1964 году писали о возможности и необходимости применения кибернетических знаний в криминалистике[1].

Целью компьютеризации процесса расследования дел об убийствах является **обеспечение следователя криминалистической информацией высокого качества в максимально короткое время и возможность оперативного пополнения этой информации в ходе расследования**. Уже на этапе протоколирования, фиксации результатов и хода начавшегося расследования возможно активное вовлечение информационных технологий. Так В.И. Гончаренко отмечает, что «Внедрение кибернетических методов в практику расследования является неотложной задачей. Весьма полезным

[1] Кудрявцев, В.Н. Кибернетика в борьбе с преступностью / В.Н. Кудрявцев, А.А. Эйсман. – М.: «Знание», 1964. – С.10

для следствия могут быть эвристическое программирование, а также сетевое планирование, метод графов».[1] На основании изучения материалов уголовных дел об убийствах, опросов, анкетирований следователей, оперативных работников, экспертов, специалистов, судей должны разрабатываться компьютерные программы, которые бы позволяли следователям правильно определять направление расследования. Актуальным является разработка компьютерных алгоритмов действий по делам об убийствах. О практической необходимости таких программ говорили В.К. Гавло (1989 г.), В.Е. Корноухов (1989 г.), Н.С. Полевой (1989 г.). На вопрос имеется ли в настоящее время компьютерные программы, обеспечивающие раскрытие и расследование преступлений, в том числе убийств, 4,5% следователей назвали программы, позволяющие моделировать событие преступления, 9% назвали программы, дающие рекомендации по проведению следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий на основании имеющихся в распоряжении следователя данных о преступлении, 82% опрошенных ответили, что компьютерное обеспечение (специализированные компьютерные программы) отсутствуют, 4,5% ответили, что имеется только сам компьютер. Под алгоритмом понимается точное предписание о выполнении в определенном порядке некоторой системы операций для решения всех задач некоторого типа[2]. Решая проблему оптимизации криминалистической деятельности на базе алгоритмизации автоматизации информационных процессов, Н.С. Полевой верно отметил, что необходимо «ориентироваться на использование не одного какого-либо универсального алгоритма, а на серию различных алгоритмов»[3]. Алгоритмы могут использоваться при квалификации убийств, при выдвижении следственных версий, определения перечня необходимых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, вытекающих из конкретно сложившейся по делу следственной ситуации. Для этого необходимо на основании изучения следственно-судебной практики выделить наиболее типичные ситуации возникающие на предварительном следствии и в суде по делам об убийствах и для каждой из них разработать комплекс следственно-оперативных мероприятий по её разрешению. Успешное раскрытие, расследование и судебное рассмотрение уголовных дел об убийствах, как показывает изучение следственной и судебной практики, невозможно без использования в процессе расследования специальных знаний и проведения различного рода судебных экспертиз. Каким бы грамотным, владеющим криминалистическими знаниями не был следователь, он не может обойтись в своей деятельности без использования специальных знаний специалистов и экспертов. Одним из направлений увеличения раскрываемости убийств, в том числе таких разновидностей, как неочевидные убийства, детоубийств, убийств, сопряженных с расчленением трупов, является, на наш взгляд, создание в РФ единой базы ДНК всех жителей РФ. В случае обнаружения трупа потерпевшего, либо фрагментов трупа, ДНК погибшего можно было бы сравнить с имеющейся базой данных ДНК и, в случае совпадения, идентифицировать личность погибшего. Также в случае обнаружения образцов ДНК возможного убийцы, их также можно было бы сравнить с имеющейся базой данных, в результате чего установить личность предполагаемого убийцы и принять необходимые меры по его розыску и задержанию.

---

[1] Гончаренко, В.И. Использование данных естественных и технических наук в уголовном судопроизводстве / В.И. Гончаренко. – Киев: Вища школа, 1980. – С.84

[2] Кудрявцев, В.Н. Кибернетика в борьбе с преступностью / В.Н. Кудрявцев, А.А. Эйсман. – М.: «Знание»,1964. – С.57

[3] Полевой, Н.С. Криминалистическая кибернетика / Н.С. Полевой. - М.: Изд-во МГУ, 1989. – С.199

А.В. Кофанов

Некоторые аспекты оборота огнестрельного оружия в Украине

В статье анонсирована точка зрения автора на современную проблематику законного и незаконного оборота огнестрельного оружия на территории Украины в условиях отсутствия Закона Украины «Об оружии». Проанализировано состояние незаконного и законного оборота огнестрельного оружия: контрабанда, переделка, изготовление, незаконные раскопки, потеря и растрата. Предложены пути и направления деятельности ОВД Украины с целью предупреждения и борьбы с вышеуказанными противоправными проявлениями.

***Ключевые слова**: огнестрельное оружие, оборот, центральная пулегильзотека, автоматизированная баллистическая информационная система.*

A.V. Kofanov

Some aspects of the problems of trafficking in firearms in Ukraine

The article announced the author's perspective on modern problems of legal and illegal firearms in the territory of Ukraine in the absence of the Law of Ukraine "About the weapon". The state of illegal and legal firearms including smuggling, alteration, production, illicit excavation, loss and embezzlement. Announced path and future directions, the Ukrainian Interior Ministry carried out with the aim of preventing and combating illegal manifestations of the above.

***Keywords**: firearm trafficking, central pulegilzoteka, automated ballistic information system*

Анализ изъятия работниками ОВД огнестрельного оружия у преступников и незаконных собственников свидетельствует об остроте и актуальности вопроса борьбы с его незаконным оборотом на территории Украины. За последние пять лет наблюдается значительный и стойкий ежегодный рост, в среднем на 30,5%, количества оружия (боевого, самодельного и переделанного) из числа изъятого, найденного и добровольно выданного. Это указывает, с одной стороны, на повышение роли правоохранительных органов в борьбе с незаконным оборотом оружия, эффективности проведения целевых операций «Оружие» и др., а с другой стороны, на увеличение его количества в незаконном владении у граждан.

С целью решения проблемы борьбы с незаконным оборотом огнестрельного оружия на территории Украины, прежде всего необходимо четко определить источники и каналы его распространения, отработать методы и пути их устранения.

Все многообразие огнестрельного оружия, которое находилось в незаконном обороте и было изъято, можно условно разделить на такие основные категории:

- стрелковое огнестрельное оружие заводского изготовления СССР в период с 1945 по 1991 г. и современное оружие стран СНГ;
- стрелковое огнестрельное оружие зарубежного производства в период с 1945 по настоящее время;
- стрелковое оружие заводского производства, изготовленное в СССР и зарубежных странах в довоенный период (1939 – 1945 годы);
- переделанное огнестрельное оружие из других видов (охотничьего, газового, «несмертельного» действия и др.);
- оружие, изготовленное самодельным способом из бытовых предметов, специальных устройств либо полностью самодельное.

Среди всего многообразия изъятого из незаконного оборота огнестрельного оружия значительно возросли показатели по следующим его видам: современное боевое оружие, обрезы охотничьих ружей, самодельное и переделанное оружие, что составляет по 29,8%, 24,8% и 20,1%, соответственно, от общего количества из числа изъятого. Стабильными, без снижения и возрастания, остались показатели изъятия оружия времен Второй мировой войны, что может быть объяснено уменьшением источников его поступления.

Основными наиболее распространенными источниками поступления огнестрельного оружия являются следующие:

- кражи со складов воинских частей и объектов разрешительной системы, вывоз из мест локальных вооруженных конфликтов;
- утрата или похищение оружия у служащих, законных его владельцев среди населения;
- контрабанда оружия, неразрешенного к обороту в Украине;
- раскопки на местах боевых действий во время ВМВ,[1] обнаружение заброшенных войсковых складов и хранилищ, незаконное хранение «трофейного» оружия участниками ВМВ и их родственниками;
- переделка охотничьего, газового и пневматического оружия, которое не зарегистрировано в законном порядке, а также из числа зарегистрированного;
- кражи различных частей и механизмов огнестрельного оружия на заводах-изготовителях, металлургических комбинатах, переделка и приспособление для стрельбы различных бытовых предметов, самодельное и кустарное изготовление оружия.

В последнее время особую остроту приобрела проблема учащения случаев переделки для стрельбы боевыми патронами газового (травматического) оружия, о чем свидетельствует факт постоянного возрастания количества изъятий его из незаконного оборота. Так, уже на протяжении 1997-2001 годов было изъято, соответственно, по 17, 25, 41, 66 и 95 единиц такого оружия, а в 2014 году – 637. Само по себе газовое и травматическое оружие (пистолеты и револьверы), как отечественного, так и иностранного производства, несмотря на внешнее сходство с боевыми образцами, а иногда и являющиеся точной копией последних, не относится к огнестрельному и предназначено для активной защиты и обороны человека от нападения. Переделка таких пистолетов и револьверов для применения боеприпасов носит криминальный характер и приводит к полному изменению их назначения. Такие образцы из оружия самозащиты превращаются в боевое оружие, предназначенное для преступных целей.

Одной из серьезных проблем является неполное правовое урегулирование вопросов оборота оружия на территории Украины, в результате чего в 90-х годах был осуществлен ввоз из-за границы большого количества газовых пистолетов и револьверов, которые по своим конструктивным особенностям не отвечают требованиям такой категории оружия, могут быть легко переделаны под боевой патрон, а некоторые его виды, включая и образцы отечественного производства, позволяют производить стрельбу боеприпасами без какой-либо переделки.

Так, переделанное газовое оружие применялось при совершении таких резонансных преступлений, как убийство 11.08.1997 г. в г. Одессе редактора газеты «Вечерняя Одесса» Б. Деревьянка, совершение нескольких убийств с применением одно и того же экземпляра переделанного газового пистолета модели 6П37 калибра 5,45 мм на территории Днепропетровской, Запорожской и Полтавской областей, серий убийств в г. Мариуполе Донецкой области и много других.

---

[1] ВМВ – Вторая Мировая Война.

Наиболее часто изымаются переделанные газовые пистолеты моделей 6П37 (ИЖ-78) и 6П42 (ИЖ-79), а также револьверы «Гран» и «Страж» производства РФ. Немало оружия переделывается преступниками из таких распространенных моделей газовых пистолетов и револьверов иностранного производства, как ВАЛЬТРО, МЕ-38 и др. Принцип работы ударно-спускового механизма, а также основные конструктивные характеристики частей (за исключением стволов) пистолетов ИЖ-78 и ИЖ-79 практически не отличаются от конструкции пистолетов ПСМ (пистолет самозарядный малогабаритный) и Макарова (ПМ), соответственно. Это дает возможность легкой их переделки для стрельбы патронами калибров 5,45 мм и 9 мм (ПМ). Из оружия самозащиты газовые пистолеты и револьверы превращаются в орудия убийства, поэтому информация о преступлениях с применением такого оружия занимает все больше места в статистических данных МВД Украины. Во время регистрации или перерегистрации газового оружия не всегда обнаруживаются факты переделки отдельных его образцов, что, возможно установить только специалистам в области оружия или судебной баллистики.

Среди самодельного оружия из числа изъятого несомненными лидерами являются однозарядные пистолеты упрощенной конструкции, так называемые пистолеты-ручки калибра 5,6 мм. Количество поступающего на исследование такого оружия, а также типичность конструкции позволяют с уверенностью утверждать, что из разряда атипичного оружия давно сформировался самостоятельный тип огнестрельного оружия упрощенной конструкции. Кроме пистолетов-ручек значительное распространение получили самодельные пистолеты, револьверы, пистолеты-пулеметы и др. Наиболее распространенные калибры – 5,6 мм под патроны кольцевого воспламенения и 9 мм пистолетные патроны к пистолету «ПМ» Макарова.

Значительное распространение самодельного оружия на территории Украины, а также его применение при совершении тяжких преступлений привело к необходимости централизации и обобщения данных о такой категории оружия. С этой целью в 2002 году в отделе баллистических, трассологических экспертиз и учетов совместно с организационно-методическим управлением (программное обеспечение) создана автоматизированная база данных «Самодельное оружие». В базу вносится подробная информация, в т.ч. изображение внешнего вида оружия и его деталей, о наиболее совершенных образцах самодельного оружия, включая такие данные как размерные характеристики, конструктивные особенности, принцип действия автоматики, используемый патрон и др. База данных находится еще в стадии формирования и накопления массива, но уже доказала необходимость ее создания и результативность применения. Так, используя данные о конструкции оружия, которое применялось при совершении одного тяжкого преступления в Ивано-Франковской области, было установлено, что однотипные образцы пистолетов-пулеметов применялись и изымались и в других областях Украины, что свидетельствует о едином происхождении данных экземпляров оружия и позволяет получить дополнительные данные для раскрытия и расследования этих преступлений.

Определение источников и каналов распространения огнестрельного оружия позволяет органам внутренних дел эффективнее отработать способы и методы борьбы с его незаконным оборотом, среди которых можно выделить такие основные направления:

- укрепление нормативно-правовой и методической базы, упорядочивающей порядок оборота огнестрельного оружия и его классификацию на боевое, охотничье и так называемое «несмертельного действия»;

- усиление контроля над ввозом товара из-за границы, как частными лицами, так и фирмами субъектами предпринимательской деятельности в сфере производства и реализации оружия;

- принятие мер по усилению контроля над учетом и хранением оружия на военных

складах, объектах разрешительной системы и находящегося в пользовании у служащих;

- повышение эффективности проводимых операций «Оружие» и месячников добровольной сдачи оружия, включая увеличение вознаграждения гражданам за выдачу оружия;

- выявление и изъятие у граждан переделанного газового и оружия травматического действия, которое находится в их пользовании на законных основаниях. С этой целью, при прохождении регистрации и перерегистрации такого оружия, проводить обязательное исследование экспертами-баллистами с выдачей соответствующей справки на каждый образец оружия;

- выявление подпольных мастерских и мастеров-кустарей, которые занимаются изготовлением и переделкой огнестрельного оружия;

- недопущение расхищения огнестрельного оружия и его деталей на заводах-изготовителях, в пунктах приема и уничтожения оружия на металлургических комбинатах и др.[1]

Исходя из выше изложенного, МВД Украины в последние годы осуществлен ряд организационных и методических мероприятий по организации профилактики, расследования и раскрытия преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия, с помощью криминалистических учетов, ведение которых возложено на Экспертную службу МВД Украины.

Количество проверок огнестрельного оружия ЦПГТ ГНИЭКЦ[2] в настоящее время (2005-2015 г.г.) составляет 34 903, в среднем, это 3 173 в год.

Количество преступлений, поставленных на учет ЦПГТ ГНИЭКЦ в настоящее время (2005-2015 г.г.) составляет 3 773, в среднем, это 343 в год.

В рамках повышения эффективности экспертного сопровождения раскрытия и расследования таких преступлений, во исполнение п. 6.3 Программы противодействия нелегальному обороту огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатки и радиоактивных материалов на 2004-2007 годы, в августе 2005 года в ГНИЭКЦ МВД Украины введена в эксплуатацию автоматизированная баллистическая идентификационная система (АБИС) «ТАИС», благодаря внедрению которой повысилась оперативность выполнения проверок, появилась возможность проверки по большим массивам в автоматизированном режиме, обмена проверками с автоматизированным учетом других стран (РФ, РБ, Армении, Латвии и Литвы) в рамках создания единой сети автоматизированных пулегильзотек, что разрабатывается согласно плану работы Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений стран-участниц СНГ (п. V протокола совещания руководства МВД Украины от 17.09.2007 № 56).

В настоящее время массив автоматизированного баллистического учета ГНИЭКЦ МВД Украины составляет 20740 объектов, осуществлено 14599 проверок на причастность к совершению преступлений с использованием изъятого из незаконного оборота огнестрельного оружия, установлено 144 положительных результата. Кроме текущих проверок в базу электронных изображений внесены отстрелы 10290 единиц табельного оружия сотрудников ОВД (5790 пистолетов АПС, ТТ, Форт и ПМ, 4500 автоматов АК-74, АКМС-74 У, АК-109 серии), продолжается занесение в массив оружия работников природоохранных организаций (в настоящее время введено 1735 еди-

---

[1] Кофанов А.В. Проблематика оборота огнестрельного оружия в условиях отсутствия Закона Украины «Об оружии» / А.В. Кофанов // Проблемні аспекти експертної практики; матеріали круглого столу (Київ 04.12.2014). – К., – С. 123-127.

[2] ЦПГТ ГНИЭКЦ – Центральная пулегильзатека Государственного научно-исследовательского экспертно-криминалистического центра МВД Украины.

ниц) с целью проверки на причастность к совершению преступлений.

Объем ЦПГТ ГНИЭКЦ МВД Украины в настоящее время (2005-2015 г.г.) составляет 68 354, в среднем, это 6 214 в год.[1]

Учитывая, что на территории Украины зарегистрировано более 120 000 единиц нарезного огнестрельного оружия граждан, 85 000 единиц пистолетов и револьверов «несмертельного действия», больше 400 000 единиц оружия правоохранительных органов, по решению руководства МВД Украины (протокол оперативного совещания от 19.09.2005 № 42), с целью поэтапного укомплектования региональных экспертно-криминалистических подразделений АБИС «ТАИС» Министром внутренних дел принято решение о первоочередном приобретении семи полнопрофильных АБИС и шести автоматизированных рабочих мест (АРМ) «ТАИС» (п. 4 раздела I протокола совещания руководства МВД Украины от 09.10.2006 № 44). Однако, на сегодняшний день приобретено всего три полнопрофильных идентификационных системы (НИЭКЦ при ГУМВД Украины в Винницкой, Донецкой и Харьковской областях), которые введены в эксплуатацию в августе 2009 года. Для окончания первоочередного оснащения подразделений Экспертной службы МВД Украины АБИС по состоянию на 2015 г. необходимо приблизительно 1 млрд. 86 млн. 200 тыс. грн.

П.В. Малышкин

Противодействие расследованию преступлений: законное и незаконное противодействие

В статье обосновывается то, что противодействие расследованию преступлений может быть законным. Таковым являются отдельные виды деятельности стороны зашиты по отстаиванию своих прав и законных интересов. Знание особенностей законного противодействия и способов его преодоления предлагается использовать при создании частных методик расследования преступлений.

***Ключевые слова**: противодействие расследованию, состязательность, расследование преступлений, следователь, адвокат-защитник, законное противодействие расследованию.*

P.V. Malishkin

Opposition to the investigation of crimes: legal and illegal opposition

The article proves that the opposition to the investigation of crimes may be legitimate. Such are certain activities side protection to defend their rights and legitimate interests. Knowledge of the legal ways to counteract and overcome it are encouraged use to create private methods of crime investigation.

***Keywords**: fight against the investigation, competitiveness, crime investigation, the investigator, the defense attorney, the legal opposition to the investigation*

Противодействие расследованию преступлений - это не всегда противоправные действия, противодействие расследованию преступлений может оказываться и в рамках действующего УПК РФ. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 15 УПК РФ провозглашается

[1] Кофанов А.В. Сучасній стан та перспективи розвитку (непроцесуальних) судово-балістичних досліджень / А.В. Кофанов, О.С. Павленко // Актуальні питання техніко-криміналістичного забезпечення кримінальних проваджень; матеріали круглого столу (Київ 21.11.2013). – К., – С. 178-180.

принцип состязательности сторон, в соответствии с которым: «Уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон»[1]. Данный принцип, по существу, является нормативной основой противодействия расследованию преступлений, которое, естественно, ограничено вполне определёнными рамками УПК РФ. Суть принципа состязательности сторон предполагает то, что сторона обвинения действует (например, предъявляет обвинение), а сторона защиты ей противодействует (к примеру, обвиняемый приводит в своих показаниях аргументы, опровергающие обвинение). Следовательно, противодействие расследованию преступлений можно также рассматривать, как элемент реализации принципа состязательности.

Причём особенностью такого противодействия расследованию преступлений является то, что государство и общество вполне сознательно его усиливает, предоставляя обвиняемому право на помощь адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 16 УПК РФ: «Подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя»[2]. То есть, в данном праве реализуется положение, закреплённое в ст. 48 Конституции РФ, а именно - право на квалифицированную юридическую помощь, в соответствии с которым: «Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи» (ч. 1 ст. 48 Конституции РФ). Логическим следствием данного положения является то, что «каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения» (ч. 2 ст. 48 Конституции РФ). Из этого следует, что законодатель, понимая определённую ущербность процессуального положения обвиняемого (подозреваемого), связанную с отсутствием у него необходимой правовой квалификации, предпринимают меры по его усилению, предоставляя возможность привлекать лиц, обладающих достаточной квалификацией, то есть адвокатов. Тем самым, положение обвиняемого (подозреваемого) усиливается настолько, что он достаточно эффективно имеет возможность отстаивать свои законные права и интересы. Что, собственно, также обозначает и то, что усиливается и противодействие расследованию преступлению, которое становится более квалифицированным.

Конечно же, законодатель вводит определённые ограничения в деятельность адвоката-защитника по защите обвиняемого (подозреваемого) и, тем самым, устанавливает вполне определённые рамки для оказываемого со стороны защиты противодействия расследованию. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 31 мая 2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»: «Адвокат обязан: 1) честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами»[3]. То есть, устанавливаются критерии, которым должно соответствовать дозволенное противодействие расследованию, к которому допускается прибегать стороне защиты при отстаивании своих прав и законных интересов. К таким критериям относятся: 1) разумность; 2) нравственность; 3) законность. Вполне очевидно, что данные критерии относительны, поскольку позволяют трактовать их в зависимости от представлений тех, кто вынужден их использовать для определения допустимости мер, направленных на защиту законных прав и интересов обвиняемого (подозреваемого). Именно по этой причине, следователи даже такое, вроде бы незапрещён-

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Официальный текст (по состоянию на 1 сентября 201 5 г.). – М.: Омега – Л, 2015. – С.12.
[2] Там же. – С.12.
[3] Об адвокатской деятельности адвокатуре в Российской Федерации: Федер. закон от 31 мая 200 2 г.№ 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.

ное, противодействие воспринимают достаточно настороженно, поскольку видят в нём готовность стороны защиты не ограничиваться им, а прибегнуть и к более эффективным средствам, которые лежат где-то на грани дозволенного. То есть, к средствам, которые с точки зрения следователя, к примеру, являются недобросовестными, а с точки зрения стороны защиты вполне соответствуют этим требованиям, а потому вполне допустимыми к использованию в процессе защиты.

Задачей обвиняемого (подозреваемого) часто становится стремление уйти от уголовной ответственности, или, по крайней мере, значительно её смягчить. С тем, чтобы достигнуть этого у стороны защиты имеются средства, предоставляемые законом. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»: «Адвокат вправе: 1) собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи в том числе запрашивать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также общественных объединений и иных организаций. Указанные органы и организации в порядке, установленном законодательством, обязаны выдать адвокату запрошенные им документы или их заверенные копии не позднее чем в месячный срок со дня получения запроса адвоката; 2) опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь; 3) собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами, в порядке, установленном законодательством РФ; 4) привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи; 5) беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине, в условиях, обеспечивающих конфиденциальность (в том числе в период его содержания под стражей), без ограничения числа свиданий и их продолжительности; 6) фиксировать (в том числе с помощью технических средств) информацию, содержащуюся в материалах дела, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, соблюдая при этом государственную и иную охраняемую законом тайну; 7)совершать иные действия, не противоречащие законодательству РФ»[1].

Конечно же, использование перечисленных средств может способствовать установлению истины по уголовному делу. Но их можно использовать также и для того, чтобы затруднить её установление. То есть, они могут стать достаточно эффективными средствами воспрепятствования в установлении истины по конкретному уголовному делу. Но и в том и в другом случае изначально предполагается, что они используются в интересах стороны защиты. А таким интересом, как было сказано выше, является часто желание уйти от уголовной ответственности. В связи с этим, большой объём прав, которыми наделяется сторона защиты, предоставляет также и широкие возможности противодействия расследованию преступлений. Все названные права сторона защиты может использовать не только для защиты своих прав и законных интересов, но и для того, чтобы достаточно эффективно противодействовать расследованию преступлений. К примеру, имеются случаи, когда адвокат-защитник, используя названные права, пытался навязать ложную версию совершённого преступления, представив всё в выгодном для своего подзащитного свете. Тем самым достигался определённый ожидаемый стороной защиты эффект от оказываемого противодействия расследованию. То есть, права, которыми наделялся адвокат-защитник, становились средством противодействия расследованию преступлений.

Но не только названные права адвоката-защитника при умелом их использовании

[1] Об адвокатской деятельности адвокатуре в Российской Федерации: Федер. закон от 31 мая 200 2 г.№ 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – 23. – Ст. 2102.

стороной защиты становятся эффективным средством противодействия расследованию преступлений. Сторона защиты часто стремится с этой целью использовать любое право, которым её наделяет закон. Так, широко известны случаи, когда сторона защиты стремится использовать предоставленное ей ст. 217 УПК РФ право на ознакомление с материалами уголовного дела. В ч. 3 данной статьи сказано: «Обвиняемый и его защитник не могут ограничиваться во времени, необходимом им для ознакомления с материалами уголовного дела». Однако, распространённость случаев злоупотребления названным правом со стороны защитника заставила законодателя тут же оговорится: «Если обвиняемый и его защитник, приступившие к ознакомлению с материалами уголовного дела, явно затягивают время ознакомления с указанными материалами, то на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 125 настоящего Кодекса, устанавливается определенный срок для ознакомления с материалами уголовного дела» (ч. 3 ст. 217 УПК РФ). Также здесь сказано: «В случае, если обвиняемый и его защитник без уважительных причин не ознакомились с материалами уголовного дела в установленный судом срок, следователь вправе принять решение об окончании производства данного процессуального действия, о чем выносит соответствующее постановление и делает отметку в протоколе ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела» (ч. 3 ст. 217 УК РФ)[1]. Данными оговорками законодатель стремится упредить саму возможность стороны защиты злоупотребить предоставленным ей правом на ознакомление с материалами уголовного дела. То есть, тем самым, на законодательном уровне признаётся факт использования права стороной защиты для противодействия установлению истины по делу.

Имеются и иные нормы уголовно-процессуального права, в которых усматривается признание законодателем фактов злоупотребления правом и, тем самым, фактов противодействия расследованию. Так, в ч. 7 ст. 172 УПК РФ сказано: «В случае отказа обвиняемого подписать постановление следователь делает в нем соответствующую запись»[2]. Названная норма имеет целью упредить возможность со стороны защиты противодействовать расследованию. Сам факт её наличия призван сделать невозможным описанный в ней способ противодействия расследованию, который может использовать сторона защиты для оказания противодействия.

Однако следует заметить, что даже при наличии норм, с помощью которых законодатель стремится сократить количество возможных способов эффективного противодействия расследованию преступлений, таковые по-прежнему существуют и вполне могут рассматриваться, как вполне законные. Причиной этого является то, что достаточно сложно сформулировать в норме закона критерии определения того или иного способа злоупотребления правом. Так, в практике расследования преступлений, часто встречаются случаи, когда, несмотря на имеющуюся выше процитированную норму закона, сторона защиты стремится максимально затянуть ознакомление с материалами уголовного дела, делается это под предлогом наличия «уважительных причин». Вполне понятно, что для организации и проведения в подобной ситуации противодействия расследованию необходима квалифицированная юридическая помощь, которая и оказывается адвокатами-защитниками. Тем самым, закон и в этом фактически оказывает содействие стороне защиты в оказании ею противодействия расследованию преступлений.

Но, конечно же, нельзя ставить вопрос о противодействии расследованию так, что бы упала хотя бы тень сомнений относительно необходимости для уголовного процесса, в целом, и расследования преступлений, в частности, принципа состязательности. Его

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Официальный текст (по состоянию на 1 сентября 201 5 г.). – М.: Омега – Л, 2015. – С. 116.
[2] Там же. – С. 97.

необходимость и ценность, вне всякого сомнения, без него немыслимо, чтобы и уголовный процесс, и расследование преступлений были гуманными. Нельзя ставить под сомнение и права обвиняемого (подозреваемого) в праве отстаивать свои права и законные интересы. Нельзя отстранять этих лиц и от отстаивания ими своей позиции в процессе доказывания по конкретным уголовным делам. Всё это так и оспаривать это всё равно, что оспаривать необходимость того, что уголовный процесс должен соответствовать требованиям демократического государства, быть гуманным и справедливым.

Когда речь заходит о том, что в рамках закона может осуществляться и осуществляется противодействие расследованию преступлений и, что оно может быть достаточно эффективным, имеется в виду не то, что на законодательном уровне следует предпринять меры к его недопущению, а то, что необходима разработка, методик расследования, которые позволили бы успешно преодолевать такое противодействие расследованию преступлений. То есть встаёт вопрос о том, что следователь всё же должен принимать в расчёт тот факт, что в деле имеется адвокат-защитник, и его знания и умения используются обвиняемым (подозреваемым) в своих интересах, которые далеко не всегда ориентированы на достижение истины по уголовному делу. Необходимо, чтобы имеющиеся методики расследования учитывали возможность противодействия расследованию со стороны защиты, причём противодействия квалифицированного.

Тактические приёмы, которые используются при расследовании конкретных уголовных дел с участием адвокатов-защитников, в настоящее время, являются по преимуществу результатом индивидуального творческого подхода конкретных следователей. Однако интересы правосудия требуют того, чтобы достижение целей расследования было не случайным, зависящим от творческой удачи конкретного следователя, а закономерным результатом, отличающимся высокой степенью достоверности, а потому могло бы быть положено в основу вынесения справедливого решения. Это возможно лишь в том случае, если рекомендации, которые могут пополнить арсенал следователей, будут основаны на научных данных. При этом данные рекомендации должны соответствовать строгим требованиям гуманизма и уважения к правам и законным интересам всех участников уголовного судопроизводства. То есть, задачей использования таких приёмов должно быть закономерное получение достоверной информации, в том числе доказательств, на основании которых можно вынести в ходе предварительного расследования справедливое решение, обеспечив установление всех значимых обстоятельств уголовного дела, а в последующем и правосудный приговор. Наличие методики расследования, которая бы учитывала участие в предварительном расследовании стороны защиты, вооружило бы следователя достаточно эффективным средством по воспрепятствованию законному противодействию расследованию. Кроме того, такая методика расследования позволила бы несколько иначе, чем иногда бывает в настоящее время, следователю воспринимать сторону защиты и её действия. А именно - не отрицать, как заведомо непригодные, враждебные, а потому невыполнимые, ходатайства обвиняемого и его адвоката-защитника, а, напротив, даже провоцировать их, с тем, чтобы в последующем не допустить эффективного противодействия. И в результате использования такой методики расследования участие стороны защиты в расследовании преступлений воспринималось бы не как досадное недоразумение, а как вполне закономерная данность, которую просто необходимо обязательно принимать во внимание, что вполне естественно вознаграждается успехом расследования. Поэтому знание особенностей законного противодействия и способов его преодоления должно быть положено в основу, как создания новых частных методик расследования преступлений, так и использовано для переработки уже существующих.

Д.Н. Маринкин

Особенности криминалистической характеристики преступной активности в жилищно-коммунальной сфере Российской Федерации

Криминалистическая характеристика преступной активности в сфере жилищно-коммунального комплекса позволяет наиболее эффективно выявлять и расследовать преступления в данной сфере. Не смотря на то, что, она является «фантомом», ее содержание позволяет снизить информационную неопределенность на первоначальном этапе расследования преступлений, следовательно, направить следователя на путь достижения истины в расследуемом событии криминального характера, что положительно для процесса расследования латентных преступлений сферы жилищно-коммунального комплекса.

***Ключевые слова**: криминалистическая характеристика, преступная деятельность, выявление преступлений, способы преступлений, деятельность субъектов расследования.*

D. N. Marinkin

Features of the criminalistic characteristic of criminal activity in the housing-and-municipal sphere of the Russian Federation

The criminalistic characteristic of criminal activity in sphere of a housing-and-municipal complex allows to reveal and investigate most effectively crimes in the given sphere. Not looking that, it is "phantom", allows to lower information uncertainty at an initial stage of investigation of crimes, hence, to direct the inspector on a way of achievement of true to investigated event of criminal character that is positive for process of investigation of latent crimes of sphere of a housing-and-municipal complex.

***Keywords**: criminatic characteristic, criminal activity, crime investigation, modus operandi, investigativw activity*

Криминалистическая характеристика преступной деятельности, как научная категория и содержательное знание, занимает важное место в ряду условий, обеспечивающих эффективность расследования преступлений. На значимость данного института обращали внимание многие ученые. До настоящего времени не утихают споры, и ведется полемика о структуре и содержании криминалистической характеристики.[1] На наш взгляд, основным недостатком, как полемики, так и содержательной стороны работы по формированию криминалистической характеристики, является поверхностный подход к изучению конкретных экономико-криминальных механизмов.

Сфера жилищно-коммунального комплекса в этом смысле не является исключением. Характеристика преступной деятельности в этой сфере имеет свои особенности, вытекающие из ее специфики как отрасли экономики и обуславливающихся ситуацион-

[1] См., например: *Голунский С. А., Шавер Б. М.* Криминалистика. М., 1939. С. 11; *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: Учеб. пособие для вузов. – 3-е изд., дополненное. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. С. 731-739; *Каминский М. К.* Расследование хищений государственного и общественного имущества, совершенных путем присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением: Лекция. Горький: ГВШ МВД СССР, 1978; *Лубин А.Ф.* Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. – Н. Новгород: НЮИ МВД России, 1997; *Образцов В. А.* Криминалистическая характеристика преступлений: дискуссионные вопросы и пути их решения // Криминалистическая характеристика преступлений: Сборник научных трудов. М.: ВНИИ Прокуратуры, 1984. С. 7–15; *Гавло В.К.* О понятии криминалистического механизма преступления и его значении в расследовании криминальных событий // Алгоритмы и организация решений следственных задач. Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1982. С. 4–12.

ными и личностными особенностями лиц, совершающих преступления в сфере жилищно-коммунального комплекса.

В связи с чем, например, важен способ совершения преступления. Что, по мнению А. М. Кустова, «характеризуется разнообразными как непреступными, так и преступными, зачастую продолжительными действиями виновного по подготовке, непосредственному совершению и сокрытию преступления, оставляющими определенные материальные и интеллектуальные следы в памяти людей и на его материальной обстановке»[1].

Рассмотрим две наиболее характерных группы способов преступной активности в сфере жилищно-коммунального комплекса.

1). Хищения имущества в жилищно-коммунальной сфере.

2). Преступления против службы в органах государственной власти, местного самоуправления, а также службы в коммерческих и иных организациях.

При подготовке к совершению хищений, в ходе хищения чужого имущества в жилищно-коммунальной сфере нарушаются интересы органов государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления, а также интересы службы в коммерческих и иных организациях. Поэтому преступления в сфере деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, коммерческих и иных организаций являются «спутниками» хищений чужого имущества. Также на практике часты факты злоупотреблений должностных лиц и хищений бюджетных денежных средств.

Анализ практики расследования преступной активности в сфере жилищно-коммунального комплекса позволяет сделать следующие выводы.

В криминальных схемах сферы жилищно-коммунального комплекса в качестве субъектов криминальных схем могут участвовать: руководители организаций, их бухгалтерские работники, кассиры; материально-ответственные лица управляющей организации; руководство и персонал (работники) подрядчиков по ремонту помещений; должностные лица администраций (органов местного самоуправления); собственники жилых помещений, которые могут быть связанны с подготовкой к хищению и легализации денежных средств и имущества; организаторы лжепредпринимательских структур, которые связаны с вышеуказанными субъектами.

Следовательно, сфере жилищно-коммунального комплекса наиболее свойственны следующие противоправные деяния: незаконное предпринимательство; уклонение от уплаты налогов с организации; хищение имущества и денежных средств, а также их нецелевое использование; взятки и коммерческий подкуп руководителей государственных и муниципальных структур в процессе распределения заказов управляющими организациями на проведение ремонтных работ жилищной инфраструктуры; банкротство управляющих организаций (компаний) как средство ухода от ответственности и невыполнение взятых на себя обязательств; легализация.

Следует иметь в виду, что приемы и способы отмывание денег становится все более утонченными[2].

Анализ законодательных норм и практики работы управляющих организаций в сфере жилищно-коммунального комплекса позволяет сформулировать вывод о том, что совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем, а равно использование указанных средств или иного имущества для осуществления предпринимательской или иной эко-

---

[1] *Кустов А. М.* Криминалистика и механизм преступления. М., 2002. С. 124-125.

[2] См., подробнее: *Маринкин Д.Н.* Особенности расследования экономических преступлений в сфере жилищно-коммунального комплекса Российской Федерации. Учебное пособие Пермь: НП ВПО «Прикамский социальный институт», 2014. – 140 с.

номической деятельности образуют объективную сторону выше указанных составов преступлений лишь в том случае, если с их помощью придается правомерный вид владению, пользованию или распоряжению названными средствами и имуществом.

Итак, сфере жилищно-коммунального комплекса свойственна легализация денежных средств, похищенного имущества, товаров и услуг ЖКХ[1]. В первую очередь речь идёт о совершении финансовых операций или других сделок с денежными средствами или иным имуществом, которые позволяют получать незаконные доходы в результате завышения объёмов выполненных работ за счёт фальсификации при трудоустройстве лиц, осуществляющих уборку придворовой территории домов и подъездов, находящихся в обслуживании управляющей организации. Не исключены и банальные присвоения денежных средств. Хотя, практике известны и проблематичные моменты нецелевых использований средств.

Другим направлением реализации преступного замысла является предоставление коммунальных услуг (электричество, газ, отопление, вода, канализация) с необоснованным завышением отдельных тарифов.

Теплопотери (из-за 70%-го износа оборудования) в большинстве случаев, закладываемые в счета населению управляющими организациями, включают необоснованно завышенные суммы. Правильней и эффективней же внедрять инновационные технологии отдельными субъектами экономической деятельности в сфере ЖКК, как проектирование и строительство водоочистных сооружений и т. п.

Интересен в этом ключе и тот факт, что, получая плату от населения (через ТСЖ, УО) за расход газа, например, «горгаз» не производит фактически никакого капремонта оборудования и газопроводов, а лишь раз в год производит внешний контроль за состоянием плит в квартирах. Энергосбыт, получая немалые средства за расход электроэнергии не осуществляет контроль состояния электропроводки внутри здания. Аналогично и с теплосетями и водоканалом – взимая плату за тепло и воду, они не решают и не устраняют проблем с сантехникой внутри домов, оставляя эти вопросы на откуп управленцам дома.

Также примечательно, что вновь создаваемые ТСЖ и УО, как правило, по причинам бесконтрольности их деятельности (как внутри, так и снаружи организации), а также и МУПы недополучают возмещений по льготам по коммунальным услугам, которые с одной стороны – персонифицированы, а с другой – предоставляются из бюджетов разных уровней (налицо факты нецелевого их использования местными властями). Зачастую данные факты выявляются только при подаче заявлений о банкротстве.

Отметим также, что жилищно-коммунальный комплекс постоянно сопровождают процедуры конкурсов, а им свойственны злоупотребления заинтересованных лиц. Примером таковых являются всевозможные криминальные схемы:

- сговор должностных лиц администрации, проводящих конкурс по отбору кандидатур управляющих компаний в районе с их руководством (естественно за плату – взятка, «откат»);
- участие в конкурсе фактически одной организации, а по документам – нескольких (которые являются филиалами первой, либо – лжепредпринимательскими структурами);
- сговор («картельный») всех участников конкурса, например, по конкурсам администрации на проведение работ в сфере ЖКК в инфраструктуре города.

---

[1] См., например: Расследование экономических преступлений: Учебно–методическое пособие / Под ред. С.Ю. Журавлёва, В.И. Каныгина. – М.: ЦОКР МВД России, 2006. С.376.

Кроме указанного, также осуществляется заключение фиктивных договоров по производству текущего и капитального ремонта общего имущества жильцов многоквартирных домов (чердак, подвал, лифт, подъезд и т. п.). Нельзя не упомянуть и всевозможные злоупотребления при вводе новостроев в эксплуатацию. Не исключены и иные злоупотребления со стороны местных властей. Помимо этого практике известна сдача в «теневую аренду» нежилых помещений без соответствующего оформления договоров, с получением неучтённых наличных денежных средств.

Встречаются также и противоправные действия представителей местных властей (корыстно заинтересованных) с ветхим фондом и землями. Например, под предлогом существования нескольких единиц ветхого фонда относят территорию (земельные участки) под ними и прилегающие к ним к категории «муниципальных нужд», а затем – перепродают их за немалые суммы, естественно с получением отката, либо приобретают сами по минимальной стоимости.

Аналогично и с переводом жилья в категорию аварийного (постановления глав местной администрации) с выселением жильцов в более отдаленные районы, либо поджогами жилого фонда. Итог – получение земель в центральных районах города для постройки офисных помещений и получения арендных платежей.

Часты в сфере жилищно-коммунального комплекса и злоупотребления с заключением договоров на коммунальное обслуживание жилого фонда.

Ещё одним способом получения неучтенных денежных средств является незаконная, без обязательного юридического оформления, организация охраны дома, автостоянки на придворовой территории (в т.ч. - установка и эксплуатация домофона; содержание вахтера или (и) охранника; возведение и эксплуатация ограждений и запорных механизмов; содержание собак; эксплуатация стоянки: вода, электричество и т. п.).

Не единичны и факты включения расходов на функционирование управляющих организаций, в частности канцелярских расходов, затрат на покупку мебели; арендной платы и коммунальных платежей, расходов по выплате заработной платы сотрудников, расходов на приобретение и содержание компьютерной техники, затрат на аудит организации, расходов на содержание автопарка, а также сумм коммунальных платежей «отдельных» жильцов в сумму оплаты по счетам, которые выставляются основной массе проживающих.

Еще одна группа проявлений криминальной ситуации в сфере ЖКК связана с процедурами банкротств - (так называемая «оптимизация налогообложения»)[1] умышленное подведение под банкротство при предварительном уводе имущества от возможного обеспечения исполнения обязанностей по уплате кредиторской задолженности (в первую очередь перед бюджетом).

Проблематично для практики эффективного и законного бизнеса и необоснованное затягивание процедур банкротства. То есть, таким образом, происходит уход от налогообложения с перепродажей активов предприятий новым собственникам, которыми являются ранее осуществляющие руководство организацией банкротом лица. По сути – вид рейдерства.

К сожалению, приходится констатировать тот факт, что с одной стороны – множество проблем, накопившихся в жилищно-коммунальном комплексе в течение последних 30-и лет не под силу решить одним управленцам домов, с другой стороны – решение таковых осуществляется поэтапно с привлечением больших денежных и иных затрат, в том числе и с государственной поддержкой. Однако, в большинстве случаев «субъекты»,

[1] См., например: Оптимизация налогообложения при банкротстве // Эффективное антикризисное управление. – 2007. - № 49-50. С. 13.

задействованные в сфере жилищно-коммунального комплекса пользуются сложившейся ситуацией в личных корыстных интересах.

Такие деяния используются и заинтересованными субъектами в целях изменения состава субъектов рынка услуг жилищно-коммунального комплекса в свою пользу (с корыстным умыслом): начиная от доведения до банкротства существующих МУП, ТСЖ - заканчивая их захватом.[1] Процесс расследования же таких преступных деяний затруднителен.

Злоупотреблениям в сфере получения доступа к управлению жилищно-коммунальной инфраструктурой могут сопутствовать уклонение от уплаты налогов и сборов управляющей организацией, сокрытие имущества за счёт которого может быть произведено взыскание налоговой недоимки, а также банкротство управляющей компании, что ещё более осложняет криминогенную обстановку в сфере жилищно-коммунального комплекса.

С процедурами банкротств, в рассматриваемой сфере ЖКК, связана и иная схема. Суть ее в том, что лица, планирующие работу в качестве управляющей организации в районе А. вступают в сговор с главой местной администрации района А. о предстоящем банкротстве данной организации после получения прибыли через 1-1,5 года. Сумма «отката» должностному лицу администрации достигает 50% всей «прибыли». Получение в управление данной лжеуправляющей организацией многоквартирных домов в районе А. не вызывает особого труда, так как должностное лицо администрации задействует в данном случае собственный «авторитет» в районе, либо под управление таковой структуры попросту навязывается администрацией населению (особенно домам с более 50%-ым составом квартир муниципалитета).

Таким образом, вышеуказанные криминальные схемы подтверждают необходимость изучения и использования при расследовании преступлений в сфере жилищно-коммунального комплекса данных о криминалистической характеристике совершаемых в рассматриваемой сфере преступлений.

В заключение отметим, что как вероятностная модель события для вероятностных же умозаключений – версий, кримхарактеристика играет роль своеобразной матрицы: она «накладывается» на конкретный случай и позволяет построить его вероятностную модель.[2]

Таким образом, зная данные криминалистической характеристики преступлений в сфере жилищно-коммунального комплекса, сотрудникам правоохранительных органов, осуществляющим расследование преступных деяний в рассматриваемой нами сфере, легче обнаружить, оценить информацию, сориентироваться в существе события (в т.ч. и его преступности), направить ход расследования в нужное русло, максимально эффективно использовав все имеющиеся у них возможности для борьбы с экономической преступностью и её профилактики.

---

[1] См., например: http://tsg-rf.ru/vestnik/1121 (дата обращения 30.11.201 4 г.).

[2] См.: *Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р.* Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. заслуженного деятеля науки РФ, проф. Р.С. Белкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2005.

К.А. Нелюбин

Исследование социальных сетей второго порядка для раскрытия убийств

Статья посвящена практическим аспектам использования методологии теории социальных сетей в раскрытии убийств. На ряде положительных примеров работы Следственного управления по Свердловской области автор показывает, как анализ сетей второго порядка (сетей, состоящих из абонентов, электронных почтовых ящиков, аккаунтов специализированных сайтов и др.) позволяет установить преступника среди связей потерпевшего.

***Ключевые слова**: социальная сеть, последний контакт, сила связи, раскрытие убийств.*

K.A. Nelyubin

The study of social networks of the second order for the disclosure of murders

The article is devoted to the practical aspects of the use of the methodology of the social networks theory to disclose the murders. Using a number of positive examples of the Investigation Department of the Sverdlovsk region, the author shows how the analysis of the second order networks (networks of subscribers, mailboxes, accounts and other specialized sites and others) allows us to set the criminal connections of the victim.

***Keywords**: social network, last contact, coupling strength, disclosure of murders.*

Криминалисты как в России, так и за рубежом традиционно отмечают важность связей потерпевшего для установления личности убийцы[1]. В то же время, проблематика связей в достаточной степени разработана в теории социальных сетей, все более находящей практическое применение в самых разнообразных областях: экономике и управлении, социологии, медицине,it-технологиях. В криминалистике методология теории сетей пока применяется для анализа сетей распространения наркотических средств[2], террористических сетей[3], а также сетей организованной преступности[4].

Под социальной сетью понимается структура, состоящая из множества акторов и взаимоотношений между ними[5]. Акторами могут быть люди, группы, корпорации, общества.[6] Ими также могут выступать любые иные объекты (здания, события и др.): так

---

[1]Видонов Л.Г. Типовые следственные ситуации первоначального этапа следствия по делам об убийствах. Криминалистические элементы взаимосвязи между элементами состава преступлений данного вида и методика выдвижения версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев на основе указанных взаимосвязей. Н. Новгород, 2003. С. 16. Michael D. Lyman Criminal Investigation: The Art and the Science, Sixth Edition, New Jersey, 2011 — P. 286.

[2] Cui Yang, Carl Latkin, Stephen Q. Muth, Abby Rudolph // Injection Drug Users' Involvement In Drug Economy: Dynamics of Sociometric and Egocentric Social Networks // International Network for Social Network Analysis (INSNA) // Connections. Volume 33. 2013. P. 24-34. URL: <http://www.insna.org/PDF/Connections/v33/Yang_Vol33Iss1_INSNApdf-4.pdf> (Дата обращения 23.07.2014).

[3]How people become terrorists // Los Alamos National laboratory // URL: < http://www.lanl.gov/science/NSS/issue3_2011/story2full.shtml> (Дата обращения 23.07.2014).

[4] Peter Klerks, Eysink Smeets & Etman // The Network Paradigm Applied to Criminal Organisations: Theoretical nitpicking or a relevant doctrine for investigators ? Recent developments in the Netherlands // International Network for Social Network Analysis (INSNA) // Connections. Volume 24. 2001. P. 53-65. URL: https://www.politieacademie.nl/kennisenonderzoek/Lectoraten/criminaliteitsbeheersingrecherchekucri/Documents/Downloadoverzicht/18_NetworkParadigmAppliedtoCriminalOrganizations.pdf
(Дата обращения 29.07.2014).

[5] Stanley Wasserman and Katherine Faust. Social Network Analysis. Methods and Applications. Cambridge University press, 1994. P. 9.

[6] Ритцер Д. Современные социологические теории, 5-е издание. СПб:Изд-во «Питер», 2002. С. 343.

называемые артефакты или акторы второго порядка[1]. Связи отдельного индивида (родственные, профессиональные, дружеские, соседские и т. п.) представляют из себя его личную или эго-сеть[2]. Эти связи могут быть личными и опосредованными, сильными и слабыми, различными по частоте, взаимности, интенсивности и степени близости между акторами.

Применительно к раскрытию убийств, один из основных вопросов расследования заключается в том, в какой части социальной сети потерпевшего и какая связь (сильная, слабая, или др.) совершила его убийство.

Индивидуальные эго-сети являются основой для иных сетей, состоящих из акторов второго порядка. В той или иной степени, порой весьма точно, сети второго порядка отражают характеристики связей материнской сети. Такие характеристики называют также индикаторами. К ним относят: размер, плотность, централизацию, ранг сети, а также силу связей, входящих в ее состав.

Обратимся к определениям перечисленных понятий в изложении Г.В. Градосельской:

Размер сети – число прямых связей, включенных в индивидуальные объединения. Данный показатель используется при измерениях величины популяций.

Сетевая плотность — общее количество связей между единицами сети (в социометрической матрице аналогом данного показателя является «сплоченность»).

Центральность и централизация — степень иерархизированности сетевых связей, обусловленная, в частности, коммуникационной активностью участников, возможностями контроля поведения и наличием непрямых связей.

Сила связи определяется как интенсивность связи в диадах, измеренная на основе их закрытости, частоты или длительности. Например, идеальными показателями силы связи являются продолжительность телефонных переговоров по сети или объем трансакций[3].

Примерами сетей второго порядка, представляющими интерес для нашего исследования, являются сети, состоящие из таких акторов, как: абонентские номера стационарных и мобильных телефонов, аккаунты в компьютерных социальных сетях (Вконтакте, Одноклассники, Facebook, и др.), аккаунты компьютерных почтовых сервисов (таких как mail.ru), специализированные сайты по интересам (таких как сайты для гомосексуалистов). Данные сети наиболее точно отражают характеристики первичных социальных сетей, на которых они основаны, поскольку имеется техническая возможность получить точные сведения о частоте и длительности соединений между акторами, а также об их местоположении.

Одной из важных операцией является расчет силы связей сети, который позволяет выявлять близкие потерпевшему связи: они либо сами совершили убийство, либо могут указать на преступника.

В данном случае проявляется следующая зависимость: поскольку сила связи рассчитывается на основе частоты (соединений, посещений, трансакций и т. п.), то актор с самой сильной связью вероятнее всего мог взаимодействовать с потерпевшим непосредственно перед его убийством, то есть являлся его последним контактом. В свою очередь, очевидно, что убийца, практически всегда является одним из последних контактов жертвы, что великолепно показано Л.Г. Видоновым[4].

---

[1] Градосельская Г.В. Анализ социальных сетей: Автореф. дис… канд.соц.наук.-Москва, 2001. С.19.
[2] Сивуха С.В. Личные сети минчан // Минчане в начале XXI века: социальный портрет // В.А. Бобков и др. – Минск, МНИИСЭПП, 2006. С. 125.
[3] Градосельская Г.В. Указ. соч. С. 16-17.
[4] Видонов Л.Г. Указ. соч. С. 203.

В самой простой ситуации это проявляется в том, что перед убийством убийца и его жертва связываются между собой по телефону.

Так, из 322 изученных нами убийств, жертва и преступник связывались между собой по мобильному телефону в 50 случаях, или в 15,5%, в среднем за период от 1 до 4 дней до убийства.

В таких случаях личность преступника устанавливается путем выполнения следующей операции:

- истребование информации о соединениях абонентского номера потерпевшего,
- составление списка абонентов, с которыми он созванивался в течение 4-7 суток перед убийством,
- запрос в компанию сотовой связи о принадлежности абонентских номеров,
- установление местонахождения абонентов и их проверка на причастность к совершенному преступлению.

Более сложная ситуация возникает, когда преступник и потерпевший не созванивались между собой непосредственно перед убийством. Именно в таких случаях для выявления близкой связи потерпевшего среди большого количества абонентов используется расчет силы связей потерпевшего, которая выражается в частоте соединений.

Так, 21.06.2008 на чердаке пятиэтажного дома блочного типа по ул.Титова, в г.Екатеринбурге обнаружен труп неизвестной женщины с колото-резаными ранами шеи, черепно-мозговой травмой головы. Нижние конечности трупа отчленены. Труп находился в состоянии резких гнилостных изменений.

22.06.2008 следственным отделом по Чкаловскому району г.Екатеринбурга по данному факту возбуждено уголовное дело №36006 по ч.1 ст. 105 УК РФ[1].

В ходе следствия установлена личность потерпевшей, которой оказалась 19-летняя Ш. Из показаний ее близких родственников установлено, что с 2006 года она постоянно уходила из дома на 2-3 месяца. Где и с кем она находилась в эти периоды времени им неизвестно. Последний раз ушла из дома 08.12.2007, после чего ее телефон стал недоступен. Что она могла делать в доме по ул.Титова, им неизвестно. Никто из жильцов данного дома, при предъявлении фотографии потерпевшей, ее не узнал.

Сразу же было установлено, что 24.12.2007 в телефон потерпевшей вставлял свою сим-карту ранее судимый за грабеж наркоман Щ., проживающий в указанном доме. Однако его проверка на причастность к убийству положительного результата не принесла: он пояснил, что телефон приобрел 24.12.2007 у двоих незнакомых мужчин в вестибюле дома. Щ. детально описал внешность данных мужчин и пояснил, что ранее никогда их не видел. Свою сим-карту в телефон потерпевшей он вставлял для проверки его работоспособности.

Тогда следствием истребована информация о соединениях абонентского номера Ш., с указанием местоположения во время соединений за 6 месяцев с момента ее исчезновения. Однако проверка на причастность к убийству абонентов, которые созванивались с Ш. за неделю до ее исчезновения, к положительному результату не привела.

После этого был проведен анализ детализации абонентского номера Ш. за все 6 месяцев. Она состояла из 2570 соединений, между Ш. и 205 иными абонентами. То есть мощность множества соединений (M_c) составила 2570 единиц, мощность множества абонентов (M_a) – 205. Каждому абонентскому номеру, соединявшемуся с номером потерпевшей, было сопоставлено количество соединений, в результате чего было установ-

[1] Уголовное дело № 36006 по факту убийства Ш. // Архив отдела криминалистики Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области.

лено, что наибольшей силой (свыше 200 соединений за полгода) обладали связи только 4 абонентов (см. приложение-график).

Таким образом, мощность M_a с 205 единиц была снижена до 4. Первоначальная проверка этих 4 абонентов показала, что только один из них – некто Г., по своим характеристикам мог совершить убийство Ш. Это был неоднократно судимый алкоголик, наркоман, проживающий в 1200 метрах от места обнаружения трупа. Местоположение соединений его абонентского номера совпало с местоположением соединений абонентского номера Ш. После того как Г., на момент установления его личности отбывавший наказание за другое преступление в Иркутской области, был этапирован в г.Екатеринбург, он был опознан свидетелем Щ. как лицо, продавшее ему сотовый телефон потерпевшей, и сознался в ее убийстве. Примечательно, что Г. – бывшая интимная связь Ш., последний раз созванивался с ней за 4 месяца до совершения преступления, и в день убийства встретился с ней случайно.

Такие же операции используются для установления преступника путем исследования общения жертвы посредством интернет-сервисов (специализированные сайты, электронная почта, социальные сети). Однако данные сервисы предоставляют несравнимо больше возможностей для выделения отдельных секторов в эго-сети потерпевшего, например, связей по предпринимательской деятельности, по определенным увлечениям, по сексуальному статусу, что сразу же позволяет следователю сделать вывод о причастности кого-либо из них к убийству.

Например, 100% (4 из 4) потерпевших гомосексуалистов из 322 изученных нами убийств, были убиты своими связями по интимным отношениям. Социальный статус данных потерпевших, в отличие от большинства жертв убийств, состоял из системы элементов, которые обществом всегда расцениваются положительно: образованы, работают, не злоупотребляют спиртным. Только гомосексуальные предпочтения в этой системе побуждали потерпевших создавать ситуации, которые привлекали в круг их общения лиц, разительно отличавшихся от них по большинству своих характеристик.

Так, диагност лаборант Уральского отделения Российской академии наук подыскивал половых партнеров для гомосексуальных интимных отношений, поместив номер своего телефона в бегущую строку на 4-м канале местного телевидения, где размещают аналогичные объявления лица нетрадиционной сексуальной ориентации. Таким образом, он сам нашел, впустил в свою квартиру и дал связать себя в ходе ролевых игр ранее судимому по ст. 132 УК РФ гражданину М., который задушил его и похитил его имущество[1]. В данном случае преступник и жертва связывались между собой по мобильной связи. В то же время было установлено, что поиск половых партнеров данные лица производят не только через телевидение, но и на специализированных сайтах сети Интернет.

Поэтому, когда 27.08.2013 около 21:30 в квартире по ул.Уральских рабочих г.Екатеринбурга, в заполненной водой ванной обнаружен труп Б. – профессора Уральского федерального университета имени Б.Ельцина, чья смерть наступила в результате механической асфиксии от сдавливания органов шеи шарфом, следствие сразу предположило, что потерпевший являлся гомосексуалистом. Данная версия подтвердилась. Соответственно, для раскрытия данного преступления были исследованы соединения абонентского номера потерпевшего, входящая и исходящая корреспонденция электронного почтового ящика, в результате чего выяснилось, что за 15 дней до убийства потер-

[1] Уголовное дело № 131557015 по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ // Архив отдела криминалистики Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области.

певший и некий М. познакомились на гей-сайте Bluesystem[1], где оба имели регистрацию, связанную с их электронными почтовыми ящиками. М. направил на электронную почту Б. свою фотографию; тот в свою очередь сообщил ему свой адрес, номер телефона, после чего они встретились в квартире Б. После этого, в ходе второй и последней встречи М. совершил убийство профессора, похитил его банковские карты и бытовую технику. Несмотря на то, что электронный почтовый ящик М. создал только для регистрации на сайте, и после убийства удалил, его личность и место жительства были установлены по ip-адресу.

Это преступление было раскрыто в течение недели, хотя преступник и его жертва встретились всего 2 раза и ни разу не созванивались между собой.

Таким образом, раскрытие убийств путем исследования сетей, состоящих из акторов второго порядка, включает в себя следующие операции:

- истребование информации о связях между акторами (соединениях, электронных сообщениях, письмах и т. п.) с указанием местоположения акторов за длительный период времени (не менее 6 месяцев);

- проверка на причастность к совершенному преступлений акторов, соединявшихся с жертвой в последние 4-7 суток перед убийством;

- в случае неудачи: разложение связей актора по весам (т. е. по числу соединений) за весь период общения и проверка на причастность к совершенному преступлению самых сильных связей.

[1] Гей-сайт. URL: <http://bluesystem.ru/> (Дата обращения 02.09.2014)

С.Р. Низаева

Тактические особенности производства осмотра места происшествия на этапе доследственной проверки сообщений о фактах мошенничества в сфере жилищно-правовых отношений

В статье обосновывается позиция автора о необходимости проведения осмотра места происшествия на стадии доследственной проверки заявлений (сообщений) о фактах мошенничества в сфере жилищно-правовых отношений, исследуются особенности тактики производства данного следственного действия по материалам указанной категории.

***Ключевые слова**: осмотр места происшествия, уголовно-процессуальный кодекс, криминалистика, доследственная проверка, мошенничество в жилищно-правовой сфере.*

S.R. Nizaeva

Tactical features of the production inspection of the scene on the stage of pre-investigation reports of fraud in the housing and legal relations

The article explains the author's position about the necessity of carrying out of examination of the scene at the preliminary examination statements (messages) about allegations of fraud in the sphere of housing legal relationship, peculiarities of tactics of production in this investigation on materials of this category.

***Keywords**: scene survey, the code of criminal procedure, criminalistics, investigation verification, fraud in housing the legal field.*

Осмотр места происшествия. Анализ следственной практики свидетельствует, что данное процессуальное действие не признается обязательным при проверке сообщений о мошенничестве в жилищной сфере, что обусловлено, по нашему мнению, следующими факторами: 1) наличием большого временного промежутка между временем совершения преступления и заявлением потерпевшей стороны; 2) местом совершения преступления зачастую является риэлтерская контора, отделение регистрационной палаты, офис фирмы – застройщика, контора потребительского кооператива и т. д., то есть помещения, в которых по прошествии времени невозможно обнаружить материальные следы преступления путем проведения в них осмотра места происшествия. Зачастую указанная категория дел предполагает проведения осмотра оспариваемого имущества (жилища), однако, данное процессуальное действие, производится, как правило, уже после возбуждения уголовного дела, когда в совершенном деянии установлены признаки мошенничества. Вместе с тем, именно по материалам о мошенничестве в сфере жилищно-правовых отношений именно осмотр места происшествия должен стать неотъемлемой частью доследственной проверки. Данный вывод обоснован законодательно. Обратимся к ч. 1 ст. 144 УПК РФ, которая уполномочивает лицо, осуществляющее доследственную проверку, изымать документы и предметы в порядке, установленном настоящим Кодексом. Однако законодатель не оговаривает возможность производства выемки документов и предметов на исследуемой нами стадии. Это позволяет сделать вывод о том, что необходимые документы и предметы изымаются в ходе осмотра места происшествия. Данный вывод подтверждается статистическими показателями. 94,7 % опрошенных следственных работников отметили необходимость незамедлительного изъятия документов и предметов (под ними мы понимаем компьютерные носители информации) по материалам о мошенничестве в сфере оборота жилой недвижимости. Это обусловлено тем, что

даже в случаях несвоевременного обращения лица с заявлением в органы полиции, целесообразно принять меры к сохранению следов преступления (бумажных и электронных носителей информации), предупредить возможность их сокрытия или уничтожения, в том числе, путем своевременного изъятия. При этом все респонденты отметили, что до возбуждения уголовного дела документы и предметы изымаются в ходе осмотра места происшествия (кроме получения ответов на запросы в органы государственной власти и местного самоуправления). Осмотр места происшествия является важнейшим следственным действием, от результатов которого во многих случаях зависят не только дальнейшее направление, но и итоги расследования. Вместе с тем, тактика производства осмотра места происшествия на стадии доследственной проверки сообщений о совершенных или готовящихся фактах мошенничества в жилищно-правовой сфере недостаточно подробно изучена в научных исследованиях, посвященных данной тематике[1]. По изученным материалам о фактах мошенничества в жилищно-правовой сфере местом происшествия признаны и осмотрены: 1) офисы фирмы-застройщика (уголовные дела и материалы проверок по фактам мошенничества в сфере долевого строительства жилья); 2) офисы риэлтерских контор и агентств недвижимости (рынок вторичного жилья); 3) жилые квартиры и индивидуальные жилые дома (рынок первичного и вторичного и жилья); 4) рабочие кабинеты федеральных органов исполнительной власти (по фактам мошенничества, совершенного путем незаконного получения государственных целевых денежных субсидий на приобретение или строительство жилья, а также незаконного участия в государственной целевой программе обеспечения жильем).

Традиционно выделяют три этапа осмотра: подготовительный, рабочий (исследовательский) и заключительный. Этап подготовки, в свою очередь, разграничивается на: 1) действия следователя до выезда на место происшествия и 2) действия следователя по прибытии на место происшествия.

Применительно к исследуемой теме, до выезда на место происшествия следователь, анализируя полученные материалы по факту мошенничества в сфере оборота жилища, проводит следующие подготовительные мероприятия:

- устанавливает обстоятельства происшедшего, обстановку места происшествия (юридический адрес и фактическое месторасположение офиса организации, время работы, наличие охраны, количество входов и их месторасположение, количество фактически занимаемых помещений офисом фирмы). Эта информация необходима для ориентирования следователя на месте происшествия, в целях планирования тщательного и всестороннего рабочего этапа осмотра, своевременного реагирования на изменение оперативной обстановки, пресечения возможных фактов сокрытия и уничтожения следов преступления, подозреваемых лиц, свидетелей преступления;
- осуществляет подбор участников осмотра места происшествия. Учитывая специфичность доследственной проверки по данной категории дел, к участию в производстве данного следственного действия целесообразно привлечь: а) специалиста в области

[1]Бедрин С. И. Криминалистическая характеристика и особенности раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных группой лиц в жилищной сфере: дисс. … канд. юрид. наук. – Волгоград. 2001. Шаров А. В. Методика расследования мошенничества в сфере оборота жилища: дисс. … канд. юрид. наук. – Москва. 2003. Астафьев Д. В. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере купли – продажи недвижимости: дисс. … канд. юрид. наук. – Краснодар. 2004. Малыгина В. В. Особенности расследования мошенничества в жилищной сфере: дисс. … канд. юрид. наук. – Волгоград. 2008. Горобченко С. В. Методика расследования мошенничеств в сфере незаконного оборота недвижимости: дисс. … канд. юрид. наук. – Москва. 2009. Розин А. Н. Расследование мошенничества в сфере жилищного строительства: дисс. … канд. юрид. наук. – Москва. 2009. Кабанова Ж. Ю. Теоретические основы и практика предварительного расследования и судебного следствия по делам о мошенничестве, совершаемом на вторичном рынке жилья: дисс. … канд. юрид. наук. – Москва. 2009.

бухгалтерского дела, инженера-строителя (в случае осмотра офиса фирмы-застройщика по делам о долевом строительстве жилья), специалиста в сфере компьютерной информации, так как необходимые сведения, имеющие доказательственное значение могут храниться на электронных носителях; б) сотрудника оперативного подразделения по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции (далее ОЭП и ПК), так как они являются наиболее подготовленными специалистами в проведении проверки по материалам указанной категории; специалиста-криминалиста для осуществления фото- и видео- фиксации проводимого следственного действия, изъятия иных возможных следов на месте происшествия (следы рук, объекты для судебной почерковедческой экспертизы и технико-криминалистического исследования документов);

- обеспечивает внезапность осмотра, для предупреждения возможных фактов противодействия (сокрытия, уничтожения бумажных, электронных носителей информации, сокрытия возможных свидетелей, прекращения работы офиса предприятия, являющегося местом происшествия);
- осуществляет подготовку к выезду, заключающуюся в подборе технико-криминалистических средств, необходимых для проведения осмотра (процессуальные бланки, средства фото- и видео- фиксации, при необходимости унифицированный следственный или экспертный чемодан);
- принимает решение об участии понятых – незаинтересованных лиц, для участия в данном следственном действии, которым разъяснить их права и обязанности при его производстве. Часть 1.1 ст. 170 УПК РФ уполномочивает следователя самостоятельно принимать решение о необходимости участия понятых при осмотре места происшествия. В статье, однако, отмечается обязательность применения технических средств фиксации хода и результатов следственного действия в случае отсутствия понятых[1].

Прибыв на место происшествия (офис фирмы-застройщика, риэлтерское агентство), следователь проводит следующие подготовительные мероприятия:

- фиксирует время прибытия на место происшествия;
- изучает обстановку, принимает меры к пресечению попыток сокрытия или уничтожения следов преступления. При необходимости производства осмотра в нескольких помещениях, необходимо выставить охрану из числа прибывших сотрудников полиции во избежание сокрытия лиц, имеющих отношение к проверяемому деянию, сокрытия документов и предметов, имеющих доказательственное значение;
- проводит устный опрос присутствующих в офисе лиц, с целью планирования дальнейших мероприятий по осмотру помещения (его границ, способа осмотра, объектов, подлежащих изъятию);
- при необходимости удаляет посторонних лиц с места происшествия;
- разъясняет участникам следственного действия порядок его производства, права и обязанности каждого из участвующих лиц.

Далее начинается рабочий (исследовательский) этап осмотра места происшествия, который, в свою очередь, классифицируется на стадии общего и детального осмотра.

На стадии общего осмотра следователь должен выполнить следующие мероприятия:

- наметить границы осматриваемого пространства, учитывая количество помещений, занимаемых офисом фирмы, количество комнат в квартире или жилом доме, под-

[1] Часть 1.1 введена Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ "О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации". / интернет-ресурс /https://www.consultant.ru. Дата обращения 17.10.2015.

лежащих осмотру в связи с исследуемым событием и в которых можно обнаружить следы преступления;

• наметить дальнейший план работы на месте происшествия, а именно: способ осмотра, объекты, подлежащие изъятию, способы их фиксации;

• поручает прибывшим с ним членам группы направление работы по отысканию следов преступления: а) специалисту в области бухгалтерского дела – изучение форм ведения бухгалтерской отчетности организации, отыскание, систематизацию и подготовку к изъятию документов финансово-хозяйственной деятельности организации; б) специалисту в области компьютерных технологий – изучение электронных носителей информации во всех осматриваемых помещениях, отыскание электронных документов, имеющих доказательственное значение, их подготовку к изъятию; в) оперуполномоченному ОЭБ и ПК – изучение правоустанавливающих документов организации, документов служебного пользования, кадровой документации, их подготовку к изъятию; г) специалисту-криминалисту – изъятие при наличии иных следов преступления (объектов для почерковедческого и технико-криминалистического исследования), фиксацию хода проведения осмотра.

Закончив общий осмотр, следователь приступает к детальному осмотру. В криминалистической литературе существуют различные рекомендации относительно способов производства детального осмотра. Выделяют: эксцентрический, концентрический, линейно-фронтальный, узловой, смешанный способы осмотра, плановый осмотр (по квадратам), осмотр пути следования преступника[1]. Не останавливаемся подробно на описании каждого из них, для целей нашего исследования целесообразно применять смешанный способ осмотра места происшествия, сочетая узловой осмотр и плановый осмотр (по квадратам). Еще на стадии общего осмотра следователь «разбивает» осматриваемое помещение на квадраты, например, по местам расположения рабочих столов, в которых определяет объекты, являющиеся узловыми для данного квадрата (шкафы, стеллажи, сейфы – места хранения документации; компьютерная техника – объекты-носители электронной информации). Двигаясь последовательно от квадрата к квадрату, следователь осматривает их. Обязательному осмотру подвергаются объекты, являющиеся узловыми для данного квадрата. На данной стадии устанавливается относимость к исследуемому событию обнаруженных при осмотре документов и предметов, иных следов преступления, определяются способы их изъятия и фиксации, проводится первоначальная оценка их доказательственного значения для целей доследственной проверки.

Производя осмотр, нельзя спешить. Ни одна «мелочь» не должна остаться без внимания следователя. … Следы преступления и преступника должны быть. … Следователь обязан обнаружить их, что поможет ему не только уяснить механизм совершенного преступления, но также установить и изобличить преступника. Только глубокий и всесторонний анализ обстановки места происшествия обеспечивает квалифицированное расследование[2].

---

[1] Криминалистика: учебник / О. В. Волохова, Н. Н. Егоров, М. В. Жижина и др.; под. ред. Е. П. Ищенко. – М.: Проспект, 2015. – С. 248 - 249. Криминалистика. Полный курс: учебник для бакалавров / под общ. Ред. А. Г. Филиппова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: изд-во Юрайт, 2012. С. 339 - 340. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: Учебник – 2-е изд., испр., доп. и перераб. / Под ред. Е. П. Ищенко. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: «ИНФРА-М», 2010. С. 357 - 360. Криминалистика: Практикум / Под ред. Н. П. Яблокова. – М.: Юристъ, 2005. С. 318 – 330. Аминев Ф. Г. Криминалистика: в 2-х частях. Ч. 2 Криминалистическая тактика. Криминалистическая методика: Курс лекций. – Уфа: УЮИ МВД России, 2005. С. 36.

[2] Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: Учебник – 2-е изд., испр., доп. и перераб. / Под ред. Е. П. Ищенко. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: «ИНФРА-М», 2010. С. 360 - 361.

Заключительный этап осмотра места происшествия состоит в фиксации его хода и результатов, которая включает составление протокола осмотра места происшествия, составления планов, схем, чертежей.

Н.В. Олиндер

Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем

В статье рассмотрены общие вопросы классификации преступников по преступлениям, совершенным с использованием электронных платежных средств и систем, их выделений по функциональному признаку в преступной группе. Даны основные характеристики отдельных черт личности преступника.

***Ключевые слова**: преступления, совершенные с использованием электронных платежных средств и систем, личность преступника, преступная группа.*

N. V. Olinder

The identity of the offender as an element of criminalistic characteristics of crimes committed with the use of electronic payment means and systems

The article considers General issues in the classification of criminals for crimes committed using electronic payment instruments and systems, their allocations on a functional basis in the criminal group. Given the basic characteristics of individual personality traits of the offender.

***Keywords**: crimes committed using electronic payment means and systems, the identity of the offender, the criminal group*

Личность преступника занимает особое место в криминалистической характеристике преступлений, является важным фактором, подлежащим учету в ходе выявления и расследования любой категории преступлений. Механизм преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем кардинально отличается от иных видов «традиционных» преступлений, для их совершения необходимо использованием специальных аппаратных средств, а следовательно определенных навыков и умений у лиц, их совершающих. По механизму совершения рассматриваемая категория преступлений может быть соотнесена с компьютерными преступлениями[1], поэтому преступникам отчасти будут близки характерные признаки преступников по компьютерным преступлениям. Люди, занимающиеся преступной деятельностью в сфере компьютерных технологий имеют нестандартную модель поведения и специфичный круг интересов[2].

Отметим, что специфика рассматриваемой категории преступлений не позволяет эффективно использовать ранее разработанные классификации, раскрывающие категории лиц, совершающих такие преступления в одиночку или группой. Например, одна из первых классификаций, представленная в 1995 году В. Б. Веховым, полностью соответ-

[1] См. подробнее: Н.В. Олиндер Преступления, совершенные с использованием электронных платежных средств и систем: криминалистический аспект. : Монография. – М. : Изд-во «Русайнс», 2014. – 124 с.

[2] Касаткин А. В. Тактика собирания и использования компьютерной информации при расследовании преступлений: дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 – М.: ЮИ МВД России, 1997. – 124 с

ствовавшая условиям отечественной компьютерной преступности середины 90-х годов прошлого века, содержала описания следующих категорий преступников: а) лица, отличительной особенностью которых является устойчивое сочетание профессионализма в области компьютерной техники и программирования с элементами своеобразного фанатизма и изобретательности; такие лица воспринимают средства компьютерной техники как своеобразный вызов их творческим и профессиональным знаниям, умениям и навыкам; б) психически больные лица, страдающие информационными болезнями или компьютерными фобиями; в) профессиональные «компьютерные» преступники с ярко выраженными корыстными целями[1]. Данная классификация не потеряла своего значения и сегодня, однако применительно к преступлениям рассматриваемой категории является слишком общей.

Впоследствии с учетом тех или иных факторов и оснований, авторы формировали иные, уточненные классификации. Представляется важным упомянуть классификацию лиц, совершающих преступления с использованием пластиковых платежных средств, предложенную Мелехиным О. Ю. и Алембековым Д. Р.[2] Указанная классификация демонстрирует функциональный подход к составлению подобного рода классификаций, выделяет членов преступной группы по роду действий которые они выполняют в группе. Проведенный нами анализ преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем, позволяет предложить следующую авторскую классификацию субъектов преступной группы в зависимости от функциональных обязанностей каждого:

«Аналитик» – лицо, которое изучает электронные платежные системы, выявляя достоинства и недостатки каждой, и на основе полученной информации разрабатывает технологию совершения преступления. Нередко «аналитики» объединены в группы, разрабатывающие отдельные элементы такой технологии и координирующие свою работу в ходе анонимного общения в закрытых от посторонних разделах «кардерских» или «хакерских» форумов. Продает результаты своей работы за заранее оговоренную сумму или претендует на процент от похищенных денежных средств, если работает в составе устойчивой преступной группы.

«Программист» – лицо, которое по заказу «аналитика» разрабатывает программное обеспечение для реализации разработанной последним технологии совершения преступления. Оплата работы «программиста» осуществляется по принципам, изложенным для оплаты работы «аналитика».

«Тестер» – лицо, которое проверяет на практике с использованием разработанного программного инструментария технологию совершения преступления в целом или ее отдельные элементы. Устоявшиеся принципы оплаты труда «тестера» на момент написания нами работы неизвестны. Для потенциально высокоприбыльных технологий факт и содержание работы «аналитика», «программиста», «тестера» держится втайне от их знакомых и хакерско-кардерского сообщества, поскольку впоследствии такая технология или ее отдельные элементы станут объектом продажи.

«Пользователь технологией» – лицо, купившее технологию совершения преступления в целом или ее отдельные элементы; и которое использует ее в противоправных целях, получает результаты (например, похищенные вредоносной программой реквизиты доступа к счету в электронной платежной системе) с целью перепродажи их иным

---

[1] Вехов В. Б. Криминалистическая характеристика и совершенствование практики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием средств компьютерной техники: дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 – Волгоград: ВСШ МВД России, 1995. С. 45-51.

[2] Мелехин О. Ю., Алембеков Д. Р. Преступления, связанные с использованием пластиковых платежных средств / О. Ю. Мелехин, Д. Р. Алембеков // Гражданин и право. – № 7. – 2009. С. 88-90.

лицам. «Пользователь технологией» подвергает себя риску самостоятельного вывода денежных средств из электронной платежной системы лишь в исключительных случаях.

«Организатор обналичивания» – лицо, которое покупает у «пользователя технологией» полученные результаты, позволяющие непосредственно использовать их для вывода денежных средств из электронной платежной системы. Цена приобретенного набора реквизитов доступа пользователей к счетам в электронных платежных системах, как правило, пропорциональна сумме денежных средств, находящихся на счетах, если такие счета проверялись на наличие на них денежных средств; в ином случае набор реквизитов доступа оценивается произвольно.

«Обнальщик» – лицо, которое за оговоренный процент выводит (обналичивает) денежные средства из платежной системы. Частным случаем «обнальщика» является лицо, осуществляющее покупку товаров посредством похищенных титульных знаков, последующую перепродажу товаров с уценкой и получение «отмытых» денежных средств.

Оговоримся, что при совершении конкретных преступлений участники преступной группы могут выполнять одновременно любые, взятые на себя добровольно, функции перечисленных выше лиц – «аналитика», «программиста», «тестера», «пользователя технологией», «организатора обналичивания», «обнальщика». Также существенно, что все вышеперечисленные категории лиц, как правило, являются активными участниками закрытых от посторонних специализированных интернет-форумов, а члены преступной группы – нередко участниками одного и того же форума.

Помимо особенностей которые характеризуют каждого субъекта преступной группы, можно выделить общие черты личности преступника.

По рассматриваемой категории дел прослеживается объективная закономерность: чем изощреннее и технически сложнее преступление, тем меньшее количество людей способны обеспечить выполнение его отдельных «высокотехнологичных» этапов. При этом зачастую складываются ситуации, когда один лишь способ совершения преступления или используемое средство (орудие) может практически однозначно указать на человека, его совершившего[1]. Помимо этого заметна тенденция сокрытия новых технологий преступлений даже от лиц, ранее являвшихся участниками временно сложившейся преступной группы. Вследствие этого сам факт внешне необоснованной, временно повышенной анонимности некоторого лица или группы лиц на специализированном форуме, заметное уменьшение, по сравнению с прежними периодами, поступающей от него или них другим участникам форума информации о текущих и планируемых преступных акциях, в совокупности с иной информацией может свидетельствовать о том, что создана и функционирует очередная преступная группа, реализующая новую, ранее неизвестную технологию преступлений рассматриваемой категории.

Большинство авторов, исследовавших личность преступников (по компьютерным преступлениям), отмечают, что практически все (или по крайней мере один в группе) обладают определенными техническими знаниями, являются одаренными в области использования компьютерных средств, обязательно обращают на себя внимание проживающих или работающих с ними людей. С этим можно согласиться лишь отчасти. Возросший уровень подготовки выпускников школ, получаемые в высших учебных заведениях качественно новые знания в области информационных технологий, автоматизация различной профессиональной деятельности привели к тому, что сегодня «тестером», «пользователем технологией», «организатором обналичивания», «обнальщиком» может

[1] Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: правовой и криминалистический анализ / В. А. Мещеряков // Воронеж: ВГУ, 2001. С. 93-95.

выступать практически любое лицо, склонное к совершению преступлений. Вместе с тем функции «аналитика», «программиста» может выполнять лицо, получившее образование (нередко профильное), либо повышавшее достаточно долго свой профессиональный уровень путем самообразования.

В середине 90-х годов прошлого столетия были проведены первые исследования, в ходе которых был определен возраст «компьютерных» преступников[1]. 54% преступников имели возраст 20-40 лет, у 33% возраст на момент совершения преступления не превышал 20 лет, 13% были старше 40 лет. Большинство (83%) составляли мужчины, но отмечен быстрый рост доли женщин. Схожие данные приводит В. А. Мещеряков, который при этом считает целесообразным с криминалистической точки зрения выделить всего две группы лиц: первая группа 13-20 лет, вторая с 21 года и далее[2]. Первая группа представлена школьниками и студентами, которые в основном участвуют в мелких хищениях и мошенничествах, в то время как вторая группа представлена лицами, обладающими высокими профессиональными навыками, совершаемые ими действия носят осознанный корыстный характер. Наиболее актуальные данные (по состоянию на 2009 год) по рассматриваемой категории лиц применительно к совершению ими сетевых преступлений опубликованы А. Л. Осипенко[3]. 96% сетевых преступлений совершаются лицами мужского пола, имеющих возраст от 14 до 25 лет. В указанной группе преобладает молодежь в возрасте 19-20 лет.

Осипенко А. Л. отмечает, что распределение лиц, совершающих преступления в глобальных компьютерных сетях, по возрастным группам представляется недостаточно информативным, и возраст в большинстве случаев не играет в криминалистическом смысле решающей роли. Мы не вполне согласны с этим утверждением с учетом приведенных нами ранее аргументов: статус «аналитика», «программиста», «тестера» чаще всего не могут получить лица из нижней возрастной группы, так как пока не обладают требуемыми профессиональными навыками; статус «обнальщика» – в силу отсутствия у лиц данного возраста легальных доходов, позволяющих без подозрений обналичивать крупные суммы денег или, например, приобретать дорогую бытовую технику. Таким образом, в ходе расследования преступления, совершенного с использованием электронных платежных средств и систем, необходимо выдвигать следственные версии о действиях подозреваемого в совершении преступления лица с учетом его возраста, соотносимого с выполняемой типовой функцией («аналитик», «обнальщик» и т. д.)

Что касается половой принадлежности, то проведенный нами анализ уголовных дел показывает, что в большинстве случаев преступниками являются мужчины. Это предопределяется такими факторами как круг преимущественного общения и интересы лиц, входящих в этот круг (девушка, интересующаяся компьютерными технологиями, вынуждена общаться преимущественно с девушками, которых не интересуют профессиональные аспекты компьютерных технологий); объем свободного времени и его структура (у лиц женского пола в силу повышенной загруженности домашними делами существенно меньше свободного времени на самообразование и общение по профессиональным интересам) и иными факторами.

Еще одним критерием определения личности преступника является мотив преступления, поскольку является элементом субъективной стороны преступления. В из-

---

[1] Вехов В. Б. Криминалистическая характеристика и совершенствование практики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием средств компьютерной техники: дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 – Волгоград: ВСШ МВД России, 1995. С. 50-52.

[2] Мещеряков В. А. Указ. соч. С. 99.

[3] Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы: монография / А. Л. Осипенко. – Омск: Омская академия МВД России, 2009. С. 213.

вестных нам научных работах предложено несколько классификаций личности компьютерных преступников, основанием которых выступает мотив преступления. Основным мотивом, характеризующим личность преступника при совершении преступлений рассматриваемой категории, по-прежнему является корысть, то есть стремление извлечь из преступления материальную или иную выгоду имущественного характера либо намерение избавиться от материальных затрат. Этот мотив объединяет в преступную группу лиц, которые при любых других обстоятельствах, возможно, не стали бы вести совместную деятельность. Однако помимо этого существуют иные мотивы, характерные именно для преступлений, совершенных с использованием электронных платежных систем и средств. К таким мотивам нами отнесены:

1) Повышение статуса в преступной иерархии.

2) Денежные или иные материальные обязательства.

Рассмотренные типовые характеристики личности преступника нами не абсолютизируются, поскольку преступления, совершенные с использованием электронных платежных систем и средств, становятся самостоятельным видом преступного бизнеса и с каждым днем приобретают все новые и новые черты, подлежащие изучению и дальнейшему обобщению.

А.Н. Померлян

К вопросу о важности освидетельствования и судебно-медицинской экспертизы при расследовании изнасилований

В статье рассматриваются особенности проведения освидетельствования и судебно-медицинской экспертизы при расследовании изнасилований. Раскрывается специфика подготовительных действий, а также рабочего и завершающих этапов данных следственных действий. Автором предлагаются наиболее эффективные тактические приёмы производства освидетельствования, а также представляется перечень вопросов рекомендованных для постановки перед экспертом.

***Ключевые слова**: освидетельствование, судебно-медицинская экспертиза, изнасилование, тактический приём.*

A.N. Pomerlyan

To the question about the importance of survey and forensics in the investigation of rape

This article discusses the features of the survey and forensics when investigating rapes. Disclosed specifics of preparatory action, as well as the work and the final stages of investigative data. The author offers the most effective tactical methods of autopsy and also submitted a list of issues recommended for performances before the expert.

***Keywords**: examination, forensics, rape, tactical.*

Изнасилование - одно из наиболее распространенных и тяжких половых преступлений. Как показывает анализ практики, наиболее сложным для следователей чаще всего является первоначальный этап расследования изнасилований, в силу неполной информации на данном этапе об обстоятельствах события преступления.

В зависимости от сложившейся ситуации, необходимо в рамках ст.179 УПК РФ провести освидетельствование потерпевшей, в целях обнаружения следов насилия на теле жертвы, повреждений и их локализацию, веществ, связанных с событием преступ-

ления, в том числе и изъятие подногтевого содержимого, если потерпевшая оказывала сопротивление, особых и броских примет, выявление наличия алкогольного или наркотического опьянения.

При этом, необходимо чтобы в ходе освидетельствования не унижалось честь и достоинство потерпевшей, а осуществление фото и видеосъемки должно быть только с ее согласия, и данные фотоснимки должны быть максимально корректны.

Расследование любого уголовного дела, как и дел о насильственных преступлениях, представляет собой сложный и порой противоречивый процесс установления (собирания), исследования и доказывания обстоятельств происшедшего события, вины определенных лиц в противоправных действиях. При этом одним из элементов конкретного состава, всегда подлежащим доказыванию, является субъект - лицо или лица, совершившие преступление.

При расследовании половых преступлений в ряде случаев требуется судебно-медицинская экспертиза, которой могут подвергаться потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые, а также вещественные доказательства.

Необходимо заметить, что производить освидетельствование необходимо, несмотря на время, прошедшее после изнасилования.

К примеру, такие объекты биологического происхождения, как кровь и волосы, с учетом важности заложенной в них криминалистической информации служат целям розыска лиц, совершивших преступления на первоначальном этапе расследования.

Задачей судебно-медицинского эксперта является установить факт полового контакта или иных сексуальных действий подозреваемого и потерпевшей. Независимо от того, сколько времени прошло с момента совершения изнасилования, потерпевшая направляется на судебно-медицинскую экспертизу. На разрешение эксперта ставятся следующие вопросы:

- имеются ли на теле потерпевшей телесные повреждения, в том числе в том числе на половых органах повреждения, если да, то какие, на каких частях тела и причины образования, степень тяжести, механизм образования и давность;
- могли ли обнаруженные повреждения образоваться при обстоятельствах, указываемых потерпевшей;
- жила ли потерпевшая половой жизнью, достигла ли потерпевшая половой зрелости;
- имеется ли на теле потерпевшей, в ее половых органах или в иных частях тела следы спермы, крови, слюны, волос;
- не является ли потерпевшая беременной, а если беременна, то каков срок;
- не заражена ли потерпевшая какими-либо заболеваниями и т.д;

При проведении осмотра, потерпевшая должна быть полностью раздета. На ней могут быть обнаружены ссадины, царапины, синяки, порезы, укусов. Наиболее часто они могут быть расположены на лице, груди, в области плеч, бедрах, ягодицах, и в области наружных половых органов. Многие из этих повреждений, могут указать следователю, в каком именно положении находилась потерпевшая. Не мало важное значение имеет осмотр наружных половых органов и в их окружности, где могут быть найдены волосы, кровь и семенная жидкость. В случае полового сношения, сопровождавшегося нарушением целости девственной плевы, обнаруживаются ее разрывы. Иногда встречаются надрывы и разрывы стенки влагалища, разрыв промежности. Эти травмы могут иметь место и у женщины, ранее жившей половой жизнью.

Если изнасилование было совершено, когда потерпевшая находилась в беспомощном состоянии, которое обуславливается ее физической слабостью, либо нахожде-

нию ее в шоковом состоянии, то оценку данным состояниям должны давать совместно с врачами-клиницистами.

Экспертная оценка всех найденных повреждений должна производиться с большой осторожностью, поскольку достоверных признаков насильственного полового сношения не существует. Многие из перечисленных повреждений встречаются и при ненасильственном половом акте.

Судебно-медицинская экспертиза вещественных доказательств исследует сперму, кровь, слюну, волосы с целью установления их групповой принадлежности, а также одежду потерпевшей.

Кроме того, исследуются следы контактного взаимодействия пострадавшей и нападавшего. На разрешение экспертов ставятся следующие вопросы:

- имеются ли на представленных предметах следы крови, спермы, слюны, влагалищных выделений и т. п. ;
- какова их групповая принадлежность;
- принадлежат ли имеющиеся на представленных предметах волосы человеку или животному;
- с какой части тела волосы происходят;
- могли ли волосы, следы крови, спермы и т. д. принадлежать конкретному человеку;

Представим пример характеризующий важность описанных следственных действий. «Проводилась экспертиза женщины, которую якобы изнасиловал сосед, повалив на кровать и угрожая ножом, и даже нанеся ей поверхностную резаную рану в область левой половины груди. Обстоятельства изнасилования были весьма сомнительны. Выяснив, что на женщине было платье, на котором остался разрез ножом, эксперт позвонил следователю с рекомендацией изъять это платье и, получив отказ под предлогом, что «всё и так ясно». Эксперт сам предложил женщине доставить на исследование платье (по УПК РФ эксперт это делать не имеет право), в котором она находилась во время изнасилования. При исследовании платья оказалось, что на передней поверхности, соответственно груди на платье слева действительно был разрез без следов крови, который, однако, по своему направлению и длине не соответствовал расположению раны на коже. Получив такие объективные доказательства обстоятельств дела, доказывающие отсутствия события, связанного с нанесением повреждения и исключающие версию обвинения, следователь оформил изъятие платья задним числом и вынес постановление о его судебно-медицинской экспертизе»[1].

В заключении статьи ещё раз подчеркнём, что освидетельствование и судебно-медицинская экспертиза потерпевшей являются наиважнейшими первоначальными следственными действиями.

[1] Акопов В.И., Надтока Е.С. О значении и роли судебно-медицинской экспертизы в установлении события при расследовании преступлений. // Проблемы экспертизы в медицине. №1-2.2010. С.31.

С.В. Пропастин

Состояние и тенденции развития уголовного права как элемент проблемной области формирования теоретических основ расследования интернет-преступлений

Составной частью постановки и решения научной проблемы является описание проблемной области. Одним из элементов проблемной области расследования преступлений, совершаемых с использованием интернет-технологий, выступает уголовная ответственность за преступления, совершаемые с использованием интернет-технологий. В статье излагается современное состояние и тенденции развития уголовная ответственность за названные преступления.

***Ключевые слова**: проблемная область, расследование, интернет-преступления, интернет, уголовная ответственность*

S.V. Propastin

Status and trends of the development of criminal law as part of the problem area of formation of the theoretical foundations of the investigation of Internet crime

An integral part of formulating and solving scientific challenges is to describe the problem area. One element of the problem area of the investigation of crimes committed with the use of Internet technology, acts of criminal responsibility for crimes committed with the use of Internet technologies. The article describes the current status and development trends of criminal responsibility for the above crimes.

***Keywords**: subject area, investigation of Internet crime, Internet, criminal responsibility*

Формирование адекватной практики расследования преступлений, совершаемых с использованием интернет-технологий, должно опираться на соответствующую ей теоретическую основу. Названная основа представляет собой результат познавательных усилий ученого, в центре которых находится процесс постановки и решения научной проблемы, в том числе описание проблемной области. Проблемная область, отражая некоторое множество материальных и/или идеальных объектов (их свойств и отношений), является непосредственным окружением проблемной ситуации; во взаимодействии с проблемной областью проблемная ситуация формируется и существует[1] (соответственно в этом пространстве ставится и решается научная проблема).

Проблемная область расследования преступлений, совершаемых с использованием интернет-технологий, включает ряд элементов, одним из которых выступает состояние и развитие уголовной ответственности за преступления, совершаемые с использованием интернет-технологий.

Согласно результатам исследований, противоправная деятельность в глобальной компьютерной сети появилась в конце 80-х гг. XX века. Однако если до середины 90-х гг. XX века названная деятельность не вызывала серьезных беспокойств[2], то преодоление этого временного рубежа обозначило общественную опасность указанной деятельности. Ситуация обусловила реагирование отечественных органов государственной власти. Среди прочего, был введен уголовно-правовой запрет на совершение отдельных видов преступлений: 1) неправомерный доступ к компьютерной информации (статья 272

[1] Никифоров В. Е. Проблемная ситуация и проблема: генезис, структура, функции. Рига : Зинатне, 1988. С. 75–76.

[2] Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы : монография. Омск : Омская академия МВД России, 2009. С. 94–95.

УК РФ); 2) создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ (статья 273 УК РФ); 3) нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети (статья 274 УК РФ). В границах этих составов преступлений осуществлялось уголовное преследование по преступлениям, совершенным с использованием интернет-технологий.

С момента закрепления в УК РФ статей 272-274 по мере накопления эмпирического материала положения этих статей подверглись детальному научному исследованию:

1) анализировался факт введения самостоятельного уголовно-правового запрета в отношении преступлений, совершенных с использованием интернет-технологий (в контексте преступлений в сфере компьютерной информации). Поставлен вопрос о том, привело ли развитие компьютерных технологий к появлению новых преступлений или речь должна идти о новых способах совершения традиционных преступлений. Обозначились два похода: нецелесообразность дополнительной уголовной ответственности[1] и обязательность дополнительной уголовной ответственности[2] (получил наибольшую поддержку среди ученых, является элементом уголовной политики отечественного законодателя);

2) соотносилось российское уголовно-правовое регулирование преступлений, совершенных с использованием интернет-технологий (в контексте преступлений в сфере компьютерной информации), с аналогичным зарубежным регулированием. Указывалось на стремление иностранных законодателей сформулировать самостоятельные нормы об уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации[3]. Отмечалась связь уголовного закона России и международных норм, в том числе относительно фиксации в нормах УК РФ типовых категорий преступлений в сфере компьютерной информации[4];

3) обосновывались предложения по изменению, дополнению и уточнению положений статей УК РФ, предусматривающих ответственность за преступления, совершенные с использованием интернет-технологий (в контексте преступлений в сфере компьютерной информации), в том числе обращалось внимание на целесообразность:

– уточнения субъективной и объективной сторон преступлений (например, согласование между собой в рамках статьи 273 УК РФ умышленного характера преступных действий (часть 1) и неосторожной формы вины в отношении последствий (часть 2))[5].

– изменения и дополнения системы способов преступлений (например, включение компьютерного мошенничества[6] или изложение способов преступлений в новой редакции, предусматривающей ответственность за несанкционированный доступ к компью-

---

[1] Бытко С. Ю. Некоторые проблемы уголовной ответственности за преступления, совершаемые с использованием компьютерных технологий : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов : [Б.и.], 2002. С. 11, 12, 20 ; Комаров А. А. Криминологические аспекты мошенничества в глобальной сети Интернет : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов : [Б.и.], 2011. С. 13.

[2] Малышенко Д. Г. Уголовная ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М. : [Б.и.], 2002. С. 15, 18 ; Осипенко А. Л. Указ. соч. С. 100 ; и др.

[3] Малышенко Д. Г. Указ. соч. С. 15, 16,18.

[4] Осипенко А. Л. Правовые и организационные основы международного сотрудничества в противодействии трансграничным преступлениям, совершаемым с использованием Интернета / А.Л. Осипенко, С.П. Кушниренко // Современное право. 2008. № 8. С. 39–40.

[5] Быков В. М. Новое об уголовной ответственности за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ [Электронный ресурс] / В.М. Быков, В.Н. Черкасов. Режим доступа : справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Загл. с титул. экрана.

[6] Карпов В. С. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Красноярск : [Б.и.], 2002. С. 16.

терной системе, неправомерное завладение компьютерной информации, модификацию компьютерной информации, компьютерный саботаж, компьютерное хищение[1]);

– дополнения уголовного закона разделом, специально посвященным преступлениям в сфере высоких технологий[2];

Внимательный взгляд на нормы УК РФ, касающиеся преступлений с использованием интернет-технологий, позволяет увидеть их постоянное развитие, в том числе с учетом достижений науки уголовного права:

1) фиксация повышенной общественной опасности преступлений рассматриваемой группы.

Например, федеральным законом № 420-ФЗ[3] преступление, предусмотренное статьей 272 УК РФ, переведено из категории средней тяжести в категорию тяжких преступлений. Федеральным законом № 430-ФЗ[4] преступление, предусмотренное статьей 171.2 УК РФ, переведено из категории небольшой тяжести в категорию средней тяжести. На повышенную общественную опасность обозначенных преступлений справедливо обращается внимание в юридической литературе[5];

2) уточнение содержания применяемых дефиниций и введение терминов, отражающих современное состояние объекта преступлений рассматриваемой группы.

Например, федеральным законом № 420-ФЗ в статью 272 УК РФ введено примечание, включающее понятие компьютерной информации, с одновременным исключением расшифровки данного понятия из первой части этой статьи. Определенное законодателем понятие компьютерной информации, на наш взгляд, сформировано под влиянием европейского подхода (в основе которого акцент не на месте нахождения компьютерных данных и не на их материальном носителе, а на форме их представления) и с учетом результатов научных исследований[6]. Этим же законом в УК РФ введены отдельные термины (информационно-телекоммуникационная сеть, оконечное оборудование и др.);

3) введение новых статей, отражающих специфический объект преступления (общественные отношения, связанные с использованием интернет-технологий), последовательное дополнение действующих норм ссылкой на применение интернет-технологий в качестве средства совершения преступления или изложение нормы в редакции, фактически распространяющей норму на сферу преступного применения интернет-технологий.

Например, федеральным законом № 207-ФЗ[7] в УК РФ включена статья 159.6, предусматривающая ответственность за мошенничество путем вмешательства в функционирование информационно-телекоммуникационных сетей. Федеральным законом №

---

[1] Тропина Т. Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владивосток : [Б.и.], 2005. С. 11–14.

[2] Евдокимов К. Н. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия неправомерному доступу к компьютерной информации (по материалам Восточно-Сибирского региона) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград : [Б.и.], 2006. С. 17–18.

[3] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон Российской Федерации от 7 декабря 201 1 г. № 420-ФЗ. Режим доступа : справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Загл. с титул. экрана.

[4] О внесении изменений в статью 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 14.1. 1 и 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : федеральный закон Российской Федерации от 22 декабря 201 4 г. № 430-ФЗ. Режим доступа : справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Загл. с титул. экрана.

5 Старичков М. В. Умышленные преступления в сфере компьютерной информации: уголовно-правовая и криминологическая характеристики : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Иркутск : [Б.и.], 2006. С. 13.

6 Суслопаров А. В. Компьютерные преступления как разновидность преступлений информационного характера : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владивосток : [Б.и.], 2010. С. 19–20.

7 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон Российской Федерации от 29 ноября 201 2 г. № 207-ФЗ. Режим доступа : справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Загл. с титул. экрана.

432-ФЗ[1] статья 137 УК РФ дополнена третьей частью, предусматривающей уголовную ответственность за незаконное распространение в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях информации, касающейся личности несовершеннолетнего. Этим же законом введена статья 280.1, закрепляющая ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Федеральным законом № 153-ФЗ[2] наименование статьи 187 УК РФ было изменено с «Изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов» на «Неправомерный оборот средств платежей». Этим же законом абзац первый статьи 187 УК РФ изложен в редакции, которая дополняет перечень предметов, которые могут быть объектом преступного воздействия («электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств»).

Проведенный нами анализ результатов научных исследований и федерального законодательства позволяет сформулировать тенденции рассматриваемого элемента проблемной области:

1) уголовное законодательство, предусматривающее уголовную ответственность за преступления, совершаемые с использованием интернет-технологий, постоянно развивается. В качестве направлений развития допустимо назвать введение новых составов преступлений (с постановкой акцента в диспозиции на специфическом объекте посягательства – сфере применения интернет-технологий; с включением использования интернет-технологий как средства совершения преступления) и/или изменение, дополнение, уточнение действующих составов преступлений;

2) уголовно-правовые нормы, регулирующие уголовную ответственность за преступления, совершаемые с использованием интернет-технологий, формируются с учетом подходов, присутствующих в уголовном законодательстве иностранных государств, а равно с учетом позиций, обоснованных учеными;

3) создание системы уголовно-правового регулирования преступлений, совершаемых с использованием интернет-технологий, затруднено вследствие того, что, как верно отмечается в литературе, как на момент постановки вопроса, так и в настоящее время отсутствует единое мнение о понятии интернет-преступления и, соответственно, круге данных деяний[3].

Итак, осознанию, описанию и разрешению научной проблемы по формированию теоретических основ расследования интернет-преступлений способствует выявление и описание определенных обстоятельств. Среди прочего, таковыми допустимо считать современное состояние и тенденции развития уголовного права (в части уголовной ответственности за преступления, совершаемые с использованием интернет-технологий).

---

1 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] : федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 201 3 г. № 432-ФЗ. Режим доступа : справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Загл. с титул. экрана.

2 О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон Российской Федерации от 8 июня 201 5 г. № 153-ФЗ. Режим доступа : справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Загл. с титул. экрана.

[3] Гузеева О. С. Действие Уголовного кодекса России в отношении интернет-преступлений [Электронный ресурс]. Режим доступа : справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Загл. с титул. экрана.

Приведенный в статье анализ позволяет наметить отдельные контуры формирования теоретических основ расследования интернет-преступлений под влиянием обозначенного обстоятельства:

а) говоря о разработке понятийного аппарата, следует учитывать стремление законодателя охватить результаты зарубежных исследователей и законодателей. Без охвата международного опыта понятийный аппарат может страдать ограниченностью, что не соответствует требованию системности научного знания и не позволит выстроить эффективную модель расследования;

б) ставя вопрос об адекватности модели расследования интернет-преступлений механизму данных преступлений, следует отталкиваться от познания сущности способов совершения интернет-преступлений. Это предполагает анализ известных и, если так можно сказать, потенциальных способов совершения интернет-преступлений (в том числе за счет охвата общеуголовных преступлений, при совершении которых применяются или могут применяться интернет-технологии). Материал для этого можно почерпнуть из действующего уголовного законодательств и перспективных разработок ученых в области уголовного права.

А.В. Раздрогин

Криминалистические особенности проведения осмотра места происшествия по уголовным делам о преступлениях корыстной направленности, совершенных несовершеннолетними, страдающими психическими расстройствами.

В статье рассматриваются криминалистические аспекты проведения осмотра места происшествия по делам о преступлениях корыстной направленности, совершенных несовершеннолетними, страдающими психическими расстройствами. Указываются типичные признаки обстановки места происшествия свойственные преступлениям таких несовершеннолетних.

***Ключевые слова**: осмотр места происшествия, несовершеннолетний, психическое расстройство.*

A.V. Razdrogin

Forensic features of crime scene investigation in criminal cases involving crimes selfish orientation, committed by juveniles with mental disorders.

In the article the forensic aspects of the crime scene in cases of crimes of minors with mental disorders. Indicate the typical signs of the situation peculiar to the scene of the crimes of minors.

***Keywords**: inspection of the scene, a minor, a mental disorder .*

Качественный осмотр места происшествия, дает наибольший объем исходной информации, способствующей как розыскной, так и поисковой деятельности следователя[1]. Обстановку же преступления можно рассматривать как овеществленную психологию участников расследуемого события, действовавших на этом плацдарме. Его изучение

[1]Криминалистика: Учебник для вузов/ Под. ред. Волынского А.Ф. – М: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2000. С. 226.

позволяет с большей или меньшей степенью вероятности судить о психических особенностях преступника[1].

В ходе осмотра следователь непосредственно или с помощью каких - либо приборов исследует место совершения преступления с целью выявления обстановки, обстоятельств, механизма совершения преступления, установления иных обстоятельств, изъятия и закрепления доказательств.

Следственный осмотр помогает решить следующие важные задачи расследования:

1. разобраться в обстановке места происшествия, выяснить, как развивались события, понять действия преступника;

2. выявить и изъять следы совершенного преступления;

3. установить возможные источники получения других доказательств;

4. получить информацию для выдвижения следственных версий;

5. решить вопрос о приобщении к делу того или иного предмета в качестве вещественного доказательства;

6. проверить другие источники доказательств по делу[2].

Следует отметить, что следователями при осмотре места происшествия в протоколе следственного действия часто не отмечаются обстоятельства, которые могли бы свидетельствовать о совершении преступления несовершеннолетними, страдающими психическими расстройствами.

Так в ходе расследования уголовного дела было установлено, что несовершеннолетний, страдающий психическим расстройством П., проникнув в сарай, похитил из него бензопилу и изоляционный провод, после чего написал на сарае множество слов грубой брани, после чего покинул место преступления. Вскоре, вернувшись с бензопилой, П. попытался распилить бревна стены сарая, поджечь сарай, после чего окончательно покинул место преступления. В протоколе осмотра места происшествия не было отмечено наличие на сарае надписей слов грубой брани, следов надпилов и поджога, на которые указал П. при проверке его показаний на месте[3].

Гатауллина Г.И. отмечает среди таковых обстоятельств следующие особенности: выбор среди совершения хищения легкодоступного объекта, который возможно и не содержит ценных для подростков вещей (проникновение в гаражи, сараи, подвалы и т. п.); явная алогичность поведения на месте происшествия, данные свидетельствующие о растерянности преступника при совершении хищения, отсутствие какого-либо планирования; внезапные немотивированные, неадекватные ситуации действия субъекта в особенности с проявлением повышенной агрессивности, жестокости, злобности; хулиганские действия после достижения преступного результата (намеренно произведенные разрушения, разбрасывание вещей, порча имущества, которым по каким-то причинам невозможно завладеть и т. п.); составляющие перечня похищенного при совершении корыстных преступлений (хищение малоценных или явно не нужных вещей, особенно в условиях возможности завладения вещами более ценными); осуществление подростком повторного хищения из хранилища и т. п., в котором им же успешно осуществлялось хищение; иные следы аномальной внешне проявляемой активности[4].

Толстолужинская Е.М. относит к таковым определённую нелогичность выбора и реализации операций, приемов, образующих способ совершения преступления. В неко-

---

[1]Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 254.

[2]Осмотр места происшествия: Практическое пособие /Под ред. А.И. Дворкина.- М.:Норма, 2001. С.25.

[3]Уголовное дело № 11/2871 //Архив Первомайского районного суда Удмуртской Республики.

[4]Гатауллина Г.И. Криминалистические особенности расследования общеуголовных корыстных преступлений, совершенных несовершеннолетними с психическими аномалиями: дис. … канд. юрид. наук. Уфа, 2003. С. 140.

торых случаях это совершение преступления в неблагоприятных условиях, с использованием негодных средств либо достижения незначительной цели и т. д. [1]

Антипова С.А. указывает, что «способы преступных действий несовершеннолетних с дефектами психики имеют такие особенности проявления, как странности в выборе предмета преступного посягательства, непоследовательность в поведении, нередко отсутствие подготовительных действий и особенно действий по сокрытию следов преступления[2].

Все эти особенности находят свое отражение в обстановке места совершения преступления.

Так несовершеннолетний Л., страдая транзисторным расстройством личности, проник в жилой дом потерпевшего, где похитил набор шампуров, предметы одежды военнослужащего советской армии (шинель, ремень) и зарядное устройство для мобильного телефона, при этом Л. не похитил ноутбук и телевизор потерпевшего[3].

Сведения, полученные в ходе осмотра места происшествия в последующем могут стать важным материалом при проведении судебно-психиатрической экспертизы.

В большинстве случаев несовершеннолетние совершают преступления в группе, в связи с чем при проведении осмотра места происшествия нужно учитывать, что он должен проводиться всегда и безотлагательно, в связи с большой информативностью групповых преступлений. Осмотр желательно проводить специализированному следователю по делам несовершеннолетних или следователю, который в дальнейшем будет расследовать данное уголовное дело, с участием эксперта-криминалиста и кинолога с собакой. Очень важно определить границы осматриваемой территории, провести тщательный осмотр не только самого места происшествия, но и путей подхода к нему и отхода от него. На месте происшествия должны изыматься все следы каждой группы: следы рук, других участков кожного покрова тела человека; следы ног (обуви) как на месте происшествия, так и на путях подхода к нему; следы взлома; микроследы на всех объектах, возможно соприкасавшихся с преступником и его одеждой; предметы, оставленные преступниками[4].

Нередки случаи оставления невдалеке от места преступления орудий преступления, цепочки из брошенного похищенного имущества, поэтому рекомендуется расширить площадь осматриваемой территории, применяя эксцентрический способ осмотра при установленном месте хищения.

Значение информации полученной при осмотре места происшествия увеличивается в связи с тем, что несовершеннолетние, страдающие психическими расстройствами обычно не скрывают следы преступления, не используют перчатки, бахилы, иные средства по предотвращению в дальнейшем невозможности доказывания совершения ими преступлений.

Учет сведений о типичной характеристике преступлений, совершаемых несовершеннолетними, страдающими психическими расстройствами при проведении осмотра места происшествия, выявление их помогает в дальнейшем выдвинуть версию о совершении преступления несовершеннолетними, страдающими психическими расстройствами, направить в соответствии с ней ход расследования, собрать доказательства, сви-

---

[1]Толстолужинская Е.М. Особенности расследования преступлений, совершенных лицами с психическими аномалиями: дис. канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. С. 66.

[2]Антипова С.А. Особенности тактики допроса лиц с дефектами психики: дис.... канд. юрид. наук. Москва, 2002. С. 95.

[3]Уголовное дело № 11/ 2376 // Архив Первомайского районного суда г. Ижевска.

[4]Гончарова Т.А. Первоначальный этап расследования краж из помещений, совершенных несовершеннолетними в группе: дис. … канд. юид. наук. Уфа, 2004. С. 124.

детельствующие о совершении преступления именно такими несовершеннолетними и изобличить их в совершении преступления.

М.С. Салекин

Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования краж из жилища в сельской местности, совершаемых цыганами, в зависимости от объема полученной информации

В статье рассматриваются типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования краж из жилища в сельской местности, совершаемых цыганами. Предложен алгоритм действий следователя по оптимальному разрешению обозначенных следственных ситуаций. Выявлен национальный состав лиц, совершающих кражи из жилища в сельской местности.

***Ключевые слова**: следственная ситуация, первоначальный этап расследования, сельская местности, кражи из жилища, информация, национальность*

M.S. Salekin

Typical investigative actions of the initial stage of investigation of thefts from dwelling places in the countryside committed by Gypsies, dependent on the amount of the acquired information

Considered in the article are typical investigative actions of the initial stage of investigation of thefts from dwelling places in the countryside committed by Gypsies. Proposed is an algorithm of actions of the investigator for the optimal resolution of the designated investigative situations. National structure of persons committing thefts from dwelling places in the countryside is discovered.

***Keywords**: investigative situation, initial stage of investigation, countryside, thefts from dwelling places, information, nationality.*

Расследование преступлений представляет собой процесс познавательной деятельности, затрагивающий личные и общественные интересы и осуществляемый в строго регламентированной нормами права форме. Процесс установления обстоятельств преступления обеспечивается не случайной совокупностью, а упорядоченной системой последовательных, планомерных действий, обусловленных этапностью процесса расследования в целом. Именно этапы расследования и их периодизация определяют состав элементов структуры частной криминалистической методики расследования краж из жилища в сельской местности, совершаемых цыганами.

Как показывает изучение следственной практики о кражах из жилища в сельской местности, а также проведенное интервьюирование оперативных сотрудников и следователей в ряде регионах (Тверская, Рязанская, Воронежская, Новгородская, Владимирская, Саратовская области и др.) значительную часть этих преступлений совершают цыгане. Это тезис подтверждается и статистическими данными. Например, по данным ИЦ УМВД России по Тульской области за 2007-2014 гг. из 745 краж из жилища цыганами совершено 28%, узбеками – 12%, украинцами – 11%, армянами и азербайджанцами – по 8%, грузинами – 5%, белорусами, татарами и молдаванами – по 4%, таджиками – 3%, лицами иных национальностей – 13% (аварцы, башкиры, буряты, лезгины, мордовцы, осетины, русские).

Необходимо отметить, что в криминалистической литературе существуют различные точки зрения на периодизацию процесса расследования. Так, в 50-60-х гг. XX в. чаще всего выделяли два этапа в расследовании (А.И. Винберг, А.Н. Колесниченко, И.М. Лузгин, Б.М. Шавер и другие ученые[1]): первый начинался с момента принятия следователем уголовного дела к своему производству и завершался привлечением лица в качестве обвиняемого, второй – по предъявлению последнему обвинения и до окончания судебного следствия[2].

Начиная с 70-х гг. XX в. в криминалистической литературе преобладающим стало мнение о делении процесса расследования на три этапа: первоначальный, последующий и заключительный. Именно так представлена частная методика расследования в работах Р.С. Белкина, И.А. Возгрина, А.Ю. Головина, Л.Я. Драпкина, Н.К. Кузъменко, В.Н. Карагодина, Н.П. Яблокова и других ученых-криминалистов[3]. Такая периодизация в принципе соответствует структуре любой человеческой деятельности, а совокупность этапов создает единый последовательный процесс работы. Представленное деление имеет большое методическое значение, поскольку каждый из этапов характеризуется спецификой в объеме и методах криминалистической деятельности, отличается друг от друга: 1) объемом и содержанием исходных данных; 2) типовыми следственными ситуациями, основаниями для выдвижения версий, особенностями их проверки; 3) задачами, решаемыми на соответствующем этапе; 4) тактико-криминалистическим содержанием процессуальных и оперативно-розыскных действий, характерных для каждого этапа.

Выбор оптимальных направлений расследования краж из жилища в сельской местности, в частности на первоначальном этапе, связан с исходной информацией, содержащейся в материалах проверки сообщения о преступлении. Поэтому типичные ситуации, складывающиеся на первоначальном этапе расследования, варьируются в зависимости от объема информации о событии, имеющим признаки преступления, и в значительной степени обусловливаются характером и полнотой исходных данных о способе, месте, времени, предмете посягательства, о личности лица, причастного к совершению кражи, и потерпевшего, а также временным интервалом между совершением кражи и ее обнаружением. В таких условиях большую ценность представляет научно-теоретическая разработка типовых следственных ситуаций, складывающихся в процессе расследования определенного вида преступлений, в частности, краж из жилища в сельской местности, совершаемых цыганами.

Проведенный в ходе диссертационного исследования опрос сотрудников следствия и дознания, а также изучение судебной и следственной практики расследования краж из жилища в сельской местности, совершаемых цыганами, позволяют говорить о том, что на формирование типичных следственных ситуаций оказывают влияние следующие обстоятельства: 1) место расположения жилища: пригородные сельские поселения, территориально прилегающие к крупному административному центру (областному городу) и поддерживающие с ним постоянные социально-экономические связи; сельские

---

[1] *Винберг А.И., Шавер Б.М.* Криминалистика. – М., 1949. С.203; *Колесниченко А.Н.* Общие методики расследования отдельных видов преступлений. – Харьков, 1976. С.30; *Лузгин И.М.* Методологические проблемы расследования. – М., 1973. С.216.

[2] *Шевчук В.М.* Значение этапов расследования для формирования тактических операций // Проблемы законности. 2012. №120. С.34.

[3] *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: В 3-х т. Т.3: Криминалистические приемы, средства и рекомендации. – М., 2001. С.127; *Возгрин И.А.* Криминалистическая методика расследования преступлений. – Минск, 1983. С.154; *Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н.* Методика расследования отдельных видов преступлений. – Екатеринбург, 1988. С.12; *Кузьменко Н.К.* Периодизация этапов в методике расследования преступлений // Методики расследования преступлений: Матер. науч.-практ. конф. – М., 1976. С.114; *Карагодин В.Н.* О методиках и методах расследования преступлений // Российский следователь. 2014. №14. С.33; *Яблоков Н.П.* Следственные ситуации в методике расследования и их оценка // Вестник Московского университета. 1983. №5. С.13.

поселения, удаленные от крупных городов и не имеющие с ними общих границ. Такие поселения имеют административные центры – малые города и поселки городского типа. Сюда же относятся отдаленные сельские поселения, расположенные на значительном расстоянии от малых городов и поселков городского типа; 2) тип сельского жилища: квартира, расположенная в многоквартирном доме в сельской местности; сельский дом; сельский дом-дача; 3) наличие или отсутствие потерпевшего в момент совершения кражи: при наличии потерпевшего способ проникновения в жилище связан с отвлечением его внимания (заговаривание в одном из помещений жилища или «выманивание» потерпевшего из жилища на улицу); при отсутствии потерпевшего проникновение в жилище осуществляется свободным доступом либо путем взлома преграды; 4) предмет преступного посягательства зависит от места расположения и типа жилища, способа совершения кражи: при краже из квартиры и сельского дома – деньги и ювелирные изделия; при краже из дома-дачи – изделия из металла, инструмент, малоценные вещи (пуховые перины, подушки, постельное белье, поношенные вещи и т. д.).

Указанные обстоятельства позволяют выделить следующие типовые следственные ситуации первоначального этапа расследования краж из жилища в сельской местности, совершаемых цыганами, в зависимости от объема полученной информации.

Ситуация №1. Имеется фрагментарная информация о лице, причастном к краже. Из 187 изученных уголовных дел, данная следственная ситуация имела место в 60% случаев. Исходная информация в подобной ситуации формируется из следующих источников: показаний потерпевшего (описывает лиц внешне похожих на представителей цыганского этноса), результатов осмотра места происшествия (характерный для цыган способ кражи, обнаружение следов рук, обуви и пр., по которым можно идентифицировать лицо, совершившее кражу); показаний свидетелей (поясняют, что видели цыган в период совершения кражи, дают их описание) и пр. Представленная ситуация является не только наиболее распространенной и характерной для первоначального этапа расследования краж из жилища в сельской местности, совершаемых цыганами, но и одновременно проблемной, поскольку характеризуется минимальным объемом информации. Складывается данная ситуация ввиду того, что одним из основных способов совершения цыганами краж из жилища в сельской местности является проникновение в жилище с согласия потерпевшего или свободным доступом при его «выманивании» на улицу. Такие способы применяются цыганами, как правило, при кражах из домов в сельских поселениях, не имеющих общих границ с областным городом.

Основными тактическими задачами в рассматриваемой следственной ситуации являются: установление личности и местонахождения лица, совершившего кражу, его задержание; обнаружение и изъятие похищенного. Здесь могут быть выдвинуты следующие характерные версии о лице, совершившем кражу: 1) местные цыгане, проживающие в том же районе, где расположено сельское поселение; 2) приезжие цыгане из другого района той же области или из другого региона.

В условиях рассматриваемой следственной ситуации процесс расследования необходимо начинать с незамедлительного допроса потерпевшего об обстоятельствах кражи, при этом уделить особое внимание описанию внешности приходивших цыган. Предъявить потерпевшему фотографии лиц из числа цыган, ранее судимых за аналогичные преступления. Кроме этого, следует дать поручение органу дознания на установление лиц, совершивших кражу из жилища, провести подворный обход с целью установления очевидцев, которые видели цыган в сельском населенном пункте на момент кражи. Производится осмотр места происшествия и прилегающей к нему территории с целью обнаружения следов преступления.

Для успешного расследования в сложившейся следственной ситуации необходимо разработать конкретные направления раскрытия преступлений, основными из которых являются: преследование преступников по горячим следам; установление местонахождения похищенного имущества, в том числе путем проверки возможных мест хранения и сбыта похищенного имущества; подготовка субъективных портретов и ориентировок для розыскных мероприятий; проверка полученной информации по информационно-справочным учетам (оперативно-справочным, криминалистическим, розыскным); использование оперативно-розыскных мер (работа с агентурой, подучетным контингентом); комплексный анализ оперативной обстановки с целью выявления повторяемости способов совершения краж из жилища в соседних территориях.

Ситуация №2. Информация о лице, совершившем кражу, отсутствует. Подобная следственная ситуация имеет место в 40% случаев. Она складывается, как правило, при совершении цыганами краж из жилища в сельской местности свободным доступом при отсутствии потерпевшего и путем взлома запирающих устройств входной двери (окна) домов-дач. При совершении кражи путем свободного доступа цыгане проникают в жилище через незапертую входную дверь, воспользовавшись недолгим отсутствием потерпевшего.

В рассматриваемой следственной ситуации могут быть выдвинуты следующие типичные версии о лице (лицах), совершившем кражу: 1) цыгане (местные или приезжие); 2) представители иных национальностей (русские, украинцы, таджики, узбеки и т. д.).

Представляется, что типовой комплекс действий в условиях данной следственной ситуации, обязательно должен включать осмотр места происшествия, допрос (потерпевшего, свидетелей), оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление местонахождения похищенного имущества, лица (лиц), совершивших кражу, и возможных ее очевидцев.

Осмотр места происшествия и прилегающей территории с целью выявления, фиксации и изъятия следов преступления. При отработке версии о совершении кражи цыганами путем свободного доступа при кратковременном отсутствии потерпевшего при осмотре места происшествия необходимо обращать внимание на следующие признаки: обстановка в жилище явно не нарушена (все предметы домашней утвари находятся на своих местах); часть денежных средств от общей суммы осталась не тронутой; кроме денег похищены ювелирные изделия; хищение материальных ценностей совершено из специфических мест хранения (русская печь; сундук; банка с крупой, расположенная в кухне в труднодоступном месте; карманы одежды, находящейся в чулане; в подушке; под матрасом; в пустой посуде, расположенной в серванте; трехстворчатый шкаф; иные места в глубине комнаты).

К типичным признакам, указывающим, что кража из дома-дачи в отдаленном сельском поселении в осенне-зимний период вероятно совершена цыганами, следует отнести: потерпевшие, как правило, лица преклонного возраста; жилище используется в качестве дома-дачи, остается без присмотра, дом без внешнего дорогого убранства, обычной постройки, среднего достатка; слабая техническая защищенность окон, входных дверей, запорных устройств; проникновение в дом-дачу осуществляется через дверь путем ее выдавливания или взлома запирающих устройств; в качестве орудий взлома используются подручные предметы хозяйственно-бытового назначения (топор, лом, кувалда, молоток, гвоздодер, пешня, металлический прут и т. д.), подобранные на месте; проникновение в дом-дачу осуществляется через окно путем выставления оконного стекла с использованием хозяйственно-бытового инструмента (отвертка, стамеска,

нож и т. п.), подобранного на месте кражи. Замечено, что совершая проникновение в дом через окно, цыгане никогда не разбивают стекла, только путем его выставления.

При рассматриваемом способе проникновения в дом-дачу отмечается, что внутри жилища обстановка значительно нарушена; предметом хищения является металл; инструмент; пуховые подушки и перины, постельные покрывала, белье, посуда и прочие кухонные принадлежности; продукты питания (овощи, консервы, крупа), носильные вещи, иногда репродукции ярких картин и иные малоценные вещи (устаревшей модификации теле,- радиоаппаратура, часто в неисправном состоянии). Довольно часто на месте происшествия обнаруживается, что потерпевшему как бы в замен похищенного имущества оставлены деньги 100-150 руб. для привлечения «баха»-удачи. Это цыганская примета, чтобы из данного дома, спустя время можно было еще раз совершить кражу.

Допрос потерпевшего для установления обстоятельств кражи, выяснение случаев его общения с цыганами до отъезда (в весенне-летний период). Следует выявить и допросить свидетелей, которые видели цыгане в их сельском населенном пункте (просили милостыню, продавали какие-либо вещи, интересовались о продаже домов т.п.). Показать потерпевшему и свидетелям фотографии цыган, ранее судимых за аналогичные преступления.

Следует поручать органу дознания провести оперативно-розыскные мероприятия в пунктах приема металла, ломбардах, а также в отношении лиц, занимающихся скупкой имущества и т. д.).

Похищенное имущество, имеющее идентификационный номер, подлежит постановке и проверки по криминалистическим и розыскным учетам в региональном информационном центре и в ГИАЦ МВД России. Следы рук, изъятые с места кражи, должны быть незамедлительно поставлены на учет и проверены по АДИС «Папилон».

Рассмотренные следственные ситуации первоначального этапа расследования краж из жилища в сельской местности представляют собой информационную базу, на основе которой могут разрабатываться алгоритмы и программы расследования. Это позволит правильно наметить основные направления расследования, конкретизировать версии, спрогнозировать возможные варианты поведения преступников, а также выявить новые источники криминалистически значимой информации, что позволит максимально оптимизировать процесс расследования данных уголовных дел.

А.Ю. Сафронов

Предмет преступного посягательства по делам о фальсификации доказательств по уголовному делу, фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности

В статье даётся анализ предмета преступного посягательства по делам о фальсификации доказательств по уголовному делу, фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, выявляются заблуждения некоторых авторов относительно рассматриваемого вопроса, приводится классификация, а также примеры из судебно-следственной практики, раскрывающие суть указанного понятия и выявляющие ошибки квалификации преступных деяний.

***Ключевые слова**: преступление, криминалистика, фальсификация, доказательства, типичные следственные ситуации, расследование, правовой статус субъекта.*

A.Yu. Safronov

The subject of the criminal offense with regard to the case on falsification of evidences on the criminal case, the falsification of operational investigative activity results

The article contains the analysis of a subject of the criminal offense with regard to the case on falsification of evidences on the criminal case, the falsification of operational investigative activity results; it discovers illusions of some authors concerning the issue under consideration, gives classification and examples of law investigative practice, which show the essence of the mentioned concept and discover mistakes in criminal action classification.

***Keywords**: crime, criminalistics, falsification, evidence, typical investigative situations, investigation, legal status of a subject.*

Как видно из буквального толкования ч.ч. 2-4 ст. 303 УК РФ, предметом преступного посягательства в рассматриваемой категории преступлений являются доказательства по уголовному делу и(или) результаты ОРД. Изучение данных понятий затрагивается в трёх сферах: уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и криминалистической. Рассмотрение этого вопроса только лишь в одной сфере является неполным, необходимо, как минимум учитывать или принимать во внимание остальные сферы. Легальное определение обозначенных понятий раскрываются в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ (результаты оперативно-розыскной), и ст. 74 УПК РФ (доказательства по уголовному делу).

В дальнейшем продолжим описание названного предмета с позиции отнесения его не столько к уголовно-процессуальному или уголовно-правовому понятию, сколько к элементу криминалистической характеристики преступления.

Итак, доказательства по уголовному делу и(или) результаты оперативно-розыскной деятельности являются особым элементом, так как квалификация того или иного деяния по ч.ч. 2-4 ст. 303 УК РФ, неизбежно приводит к необходимости оценки истинных (достоверных) доказательств и(или) результатов ОРД. Для квалификации деяния должностного лица, как преступного необходимо не только уяснить, что явилось истинным доказательством и(или) результатами ОРД, но и сравнить (сопоставить) их с ложными (мнимыми), то есть с теми, которые были сфальсифицированы. Кроме того, необходимо дать оценку тому, каким образом повлияла фальсификация на результаты расследования (предъявление обвинения, составление обвинительного акта, постановление приговора и т. д.), так как это обстоятельство влияет не только на наличие либо отсутствие события преступления, квалификацию содеянного, но и на правильную оценку

сложившейся следственной ситуации, последующее выдвижение версий и выбор нужного алгоритма действий следователя.

По предмету преступного посягательства в рассматриваемой категории преступлений выделяют: a) Протоколы допросов свидетелей; b) Протоколы допросов подозреваемого (обвиняемого); c) Протоколы допросов эксперта (специалиста); d) Протоколы иных следственных действий; e) Заключения экспертов (результаты исследований); f) Вещественные доказательства; g) Результаты ОРД.

В случае фальсификации результатов ОРД, это может быть связано с тем или иным оперативно-розыскным мероприятием, перечень которых описан и ограничен ст. 6 ФЗ об ОРД: a) Опрос; b) Наведение справок; c) Сбор образцов для сравнительного исследования; d) Проверочная закупка; e) Исследование предметов и документов; f) Наблюдение; g) Отождествление личности; h) Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; i) Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; j) Прослушивание телефонных переговоров; k) Снятие информации с технических каналов связи; l) Оперативное внедрение; m) Контролируемая поставка; n) Оперативный эксперимент[1].

Порядок предоставления результатов ОРД регламентирован соответствующей инструкций, утвержденной совместным приказом различных правоохранительных служб, осуществляющих данную деятельность[2].

Таким образом, прослеживается разновариантность рассматриваемого предмета преступного посягательства, следовательно, это не может не влиять на выбор преступником способа совершения преступления и способа последующего его скрытия. Данный факт выделяет особенность рассматриваемого элемента криминалистической характеристики преступления в ряду значимых.

Необходимо отметить, что вопрос рассмотрения предмета рассматриваемой группы преступлений напрямую связан с тем результатом, который образуется после преступного воздействия на данный предмет.

Данный тезис, на первый взгляд, может показаться неоднозначным, и возможно даже некорректным, по причине формальности большинства составов преступлений рассматриваемой группы. Однако, это только на первый взгляд. Исходя из судебно-следственной практики, ситуация складывается иным образом.

Так, по ч. 2 ст. 303 УК РФ состав преступления - формальный. Преступление окончено с момента фальсификации доказательства следователем, прокурором или лицом, производящим дознание. Касаемо защитника, деяние окончено с момента предъявления сфальсифицированного доказательства органу предварительного следствия, дознания, в прокуратуру или в суд.

По ч. 3 ст. 303 УК РФ состав преступления может быть, как формальным, так и материальным. В случае квалификации действий как фальсификация доказательств по уголовному делу о тяжком или об особо тяжком преступлении состав преступления является также формальным. В случае фальсификации доказательств, повлекшей тяжкие последствия, состав преступления является материальным. Данный признак («повлекшей тяжкие последствия»), как известно, является оценочным.

По ч. 4 ст. 303 УК РФ состав преступления является также формальным.

---

[1] См.: ст. 6 Федерального закона от 12 августа 199 5 г. N 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности" (в соответствующей редакции).

[2] См.: Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. N 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 "Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд".

Таким образом, составы преступлений, предусмотренные ч. 2-4 ст. 303 УК РФ (за исключением случая фальсификации доказательств, повлекшей тяжкие последствия – один из составов, предусмотренный ч. 3 ст. 303 УК РФ) являются формальными.

Несмотря на то, что приведённые составы преступлений (ч.ч. 2-4 ст. 303 УК РФ), в большинстве своём, являются формальными и считаются оконченными с момента представления сфальсифицированного доказательства в органы тем или иным образом оценивающие данные доказательства (орган следствия, суд), на наш взгляд, нельзя не принимать во внимание факт значимости («весомости») сфальсифицированного доказательства (результата ОРД) для следствия или суда. То есть необходимо дать оценку перспективе развития ситуации в случае использования сфальсифицированных доказательств (результатов ОРД) в процессе привлечения к уголовной ответственности и(или) с точки зрения значимости для постановления обвинительного приговора (осуждения невиновного лица). Другими словами, необходимо допустить своего рода уголовно-процессуальную фикцию, о якобы достоверности сфальсифированных доказательств и(или) результатов ОРД.

Однако, нашу точку зрения разделяют не все, так согласно одного из комментариев к рассматриваемой норме, для квалификации деяния по ч. 2 ст. 303 УК РФ: «не имеет значения, было ли доказательство признано допустимым, повлияло на исход дела или нет»[1].

На наш взгляд, с такой точкой зрения нельзя согласиться, по причине её противоречия судебно-следственной практике.

Стоит ещё раз подчеркнуть, что результат фальсификации доказательств по уголовному делу либо фальсификации результатов ОРД должен создавать реальную опасность привлечения лица к уголовной ответственности, либо существенным образом влиять на результат расследования, потому как фальсификация доказательств по уголовному делу либо результатов ОРД, не порождающая данной опасности, по мнению Верховного суда РФ, не образует состав рассматриваемого преступления.

Так, согласно кассационного определения Верховного суда РФ от 05 апреля 2006 г. № 50-О06-1, рассмотрено кассационное представление государственного обвинителя на приговор Омского областного суда от 22 декабря 2005 г., по которому Д. оправдан по предъявленному ему обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 303 ч. 2 УК РФ за отсутствием в его деянии состава преступления. Д. обвинялся в фальсификации доказательств по уголовному делу, являясь лицом, производящим дознание. Несмотря на то, что в судебном заседании Д. вину признал полностью, ситуация сложилась следующим образом. Оправдывая Д. по предъявленному обвинению, суд указал в приговоре, что совершенные Д. действия органы предварительного расследования без достаточных оснований квалифицировали как уголовно наказуемые.

В кассационном представлении поставлен вопрос об отмене приговора и направлении дела на новое рассмотрение. Государственный обвинитель в обоснование своей позиции ссылался на то, что преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 303 УК РФ, является формальным, а также на постановление президиума Омского областного суда от 2 августа 2005 года в котором указано, что президиум прямо указал, что предоставление в суд материалов сфальсифицированных доказательств опасно и исключает признание таких действий малозначительными. Однако суд первой инстанции мнение вышестоящей инстанции не принял во внимание.

---

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный), (2-е изд., перераб. и доп.), (под ред. д.ю. н., профессора С.В. Дьякова, д.ю. н., профессора Н.Г. Кадникова.). - М.: Юриспруденция, 2013. - ГАРАНТ Версия 7.09.0. 130 – локальная коммерческая версия.

Государственный обвинитель указывал также, что ссылка суда на то, что в деле имелись доказательства, кроме сфальсифицированных показаний свидетеля Б., несостоятельна, т.к. это является компетенцией мирового судьи и суд не вправе был входить в оценку этих доказательств. Суд не учел, что деяние не признается преступлением, если не только не создавало вреда, но и угрозы его наступления.

Действия Д., по мнению государственного обвинителя, могли повлечь вынесение приговора на основании, в том числе сфальсифицированного доказательства. Факт фальсификации был обнаружен при публичном рассмотрении дела и получил широкую огласку, что причинило вред правосудию. Данные обстоятельства в их совокупности, по мнению государственного обвинителя, свидетельствовали о необоснованности оправдательного приговора в отношении Д.

Из постановления президиума Омского областного суда следует, что приговор был отменен ввиду того, что суд не мотивировал, почему он признал действия осужденного малозначительными, обоснованно указав, что преступление является формальным; не дал надлежащей оценки показаниям свидетеля Б.; не принял во внимание, что факт фальсификации протокола следственного действия сотрудником милиции был выявлен при публичном рассмотрении дела судом, нанес моральный ущерб правоохранительным органам, получил широкую огласку. Кроме того, президиум областного суда сослался на нарушения правил подсудности при рассмотрении данного дела.

Отмеченные президиумом нарушения уголовно-процессуального закона были устранены при новом рассмотрении судом дела по существу.

Приговор суда в соответствии с требованиями ст. 307 УПК РФ содержал изложение и оценку доказательств, положенных в основу приговора, а также мотивированные выводы суда о том, по каким основаниям он пришел к выводу о том, что содеянное Д. не может быть признано преступлением в силу малозначительности.

Ссылка в представлении на то, что действия Д. могли повлечь постановление приговора в отношении Т., в том числе обоснованного сфальсифицированным доказательством, является предположением, которое в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона (ст. 302 УПК РФ) в основу обвинительного приговора положено быть не может. Кроме того, сфальсифицированный Д. протокол допроса свидетеля Б., был признан судом недопустимым доказательством.

Доводы о том, что суд не должен был вдаваться в оценку доказательств, полученных по делу Т., при рассмотрении дела в отношении Д., так как это компетенция мирового судьи, по мнению суда, необоснованны.

Суд в приговоре сослался на материалы приобщенного в качестве вещественного доказательства и исследованного в судебном заседании уголовного дела в отношении Т.

С учетом этого обстоятельства, и указания в постановлении президиума областного суда на то, что при первоначальном рассмотрении дела судом не было дано оценки показаниям свидетеля Б., нельзя согласиться с доводами государственного обвинителя о том, что суд необоснованно привел анализ показаний свидетеля Б. в приговоре по делу в отношении Д. То обстоятельство, что фальсификация доказательства была обнаружена при публичном рассмотрении дела судом и получила широкую огласку, что, по мнению государственного обвинителя, повлекло существенное нарушение интересов правосудия, также нашло отражение и оценку в приговоре. При этом суд обоснованно указал, что данные обстоятельства выходят за пределы диспозиции состава ч. 2 ст. 303 УК РФ, являющегося формальным составом, и не имеют значения для юридической оценки действий Д.

Таким образом, судом первой инстанции выполнены требования УПК РФ, согласно которым указания суда надзорной инстанции обязательны при повторном рассмотрении уголовного дела судом нижестоящей инстанции.

Судебная коллегия посчитала, что суд обоснованно признал совершенное Д. деяние малозначительным (в соответствии со ст. 14 ч. 2 УК РФ).

В конечном итоге, Верховный суд пришел к выводу о том, что изготовление Д. сфальсифицированного протокола не повлияло на результаты рассмотрения дела, не повлекло вынесение неправосудного приговора и не представляло угрозы принятия судом неправосудного решения и нарушения прав и свобод граждан. Эти обстоятельства свидетельствуют об отсутствии общественной опасности совершенного Д. деяния, что позволяет признать его малозначительным.

Сам по себе факт того, что преступление, предусмотренное ст. 303 УК РФ является формальным составом преступления, не исключает возможности признания совершенного Д. деяния малозначительным.

Таким образом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, оправдательный приговор Омского областного суда от 22 декабря 2005 года в отношении Д. оставила без изменения, кассационное представление - без удовлетворения.

Необходимо отметить, что даже в случае фальсификации доказательств (к примеру, протоколов следственных и иных процессуальных действий) зачастую имеет место добросовестное заблуждение лица заявившего о преступной фальсификации.

Один из примеров добросовестного заблуждения лица, подавшего 03.09.2013 в Каменский межрайонный следственный отдел следственного управления Следственного комитета РФ по Алтайскому краю в отношении следователя отдела МО МВД России «Каменский» явилось заявление, о фальсификации материалов уголовного дела[1]. В рассматриваемом случае имел место факт составления протокола с нарушением норм УПК РФ, но не фальсификация доказательств (протоколов следственных действий, в том числе протокола допроса обвиняемого), о чём было заявлено Чеботарёвым Н.Н. изначально. Таким образом, к доводам заявителя следует относится с осторожностью и проверять их не только следственным, но и оперативным путём, чтобы избежать фактов незаконного возбуждения уголовного дела и траты времени органами следствия в пустую. И подобного рода примеры в следственной практике встречаются довольно часто, потому как одним из способов избежать уголовной ответственности и справедливого наказания преступник выбирает обвинение в фальсификации лицо, осуществляющее предварительное расследование по уголовному делу, либо лицо, уполномоченное на проведение ОРМ.

В итоге, мы приходим к выводу о том, что воздействие на предмет посягательства будет уголовно-наказуемым, только тогда, когда достигается реальный преступный результат – привлечение невиновного к уголовной ответственности, постановление обвинительного приговора суда, либо возникает реальная угроза достижения данного результата.

В этом свете верной представляется позиция Образцова В.А., который указывает, что: «результат преступной деятельности (он выражается в виде результатов достижения промежуточных и конечных целей, а также в виде материально фиксированных следов и

[1]Подробнее об этом см.: Сафронов А.Ю. О разработке криминалистической методики расследования фальсификации доказательств по уголовному делу // Проблемы использования криминалистических знаний в правоприменительной деятельности: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 30-летию кафедры криминалистики ЮИ ТГУ / под. Ред. Н.С. Дергача. – Томск: Издательский Дом ТГУ, 2014. с. 85-87.

последствий отдельных действий, определенных совокупностью действий, всей системы преступной деятельности).»[1].

При расследовании данной категории дел необходимо учитывать, что предмет преступления является по сути повседневным рабочим материалом субъекта совершения преступления, в связи с этим преступник хорошо ориентируется в вопросах обращения с ним, а значит велика вероятность достаточно высокого уровня подделки (фальсификации) и последующего скрытия следов преступления.

А.Л. Сергеев

Правовые экспертизы по должностным преступлениям коррупционной направленности: плюсы и минусы

В статье проводится анализ мнений учёных и практиков о целесообразности проведения правовых экспертиз по уголовному делу, целью которых является исследование вопросов юридического характера. На его основе автор применительно к должностным преступлениям коррупционной направленности аргументировано делает вывод о том, что проведение подобных экспертиз нецелесообразно, поскольку это может привести к тому, что в нарушении принципа состязательности в уголовном процессе, заключения эксперта будут «предрешать» выводы следователя и суда.

***Ключевые слова**: правовая экспертиза, должностные преступления коррупционной направленности.*

A.L. Sergeev

Legal expertise on official corruption crime: pros and cons

Article analyses the opinions of scientists and practitioners from the feasibility of a legal examination of the criminal case, the aim of which is to study the legal issues. On its basis the author with referense to official corruption crimes arguments concludes that the conducting such examination is impractical because it can lead to what is in breach of the adversarial principle in criminal proceedings expert opinion will prejudge the findings of the investigator and court.

***Keywords**: legal expertise, official of corruption crimes.*

На сегодняшний день расследование должностных преступлений коррупционной направленности, думается, можно по праву отнести к числу наиболее сложных и трудоемких. Данное обстоятельство во многом обусловлено тем, что расследование указанных преступлений предполагает необходимость детального изучения наряду с уголовным и уголовно-процессуальным правом гражданского, муниципального, земельного, финансового, налогового и других отраслей права, положения которых нарушаются должностными лицами в коррупционных целях.

Постоянное совершенствование законодательства, сложности в практическом применении, зачастую не позволяют «обычному» следователю самостоятельно разобраться во всех «правовых тонкостях» расследуемого уголовного дела, особенно если учесть, что ему противостоит должностное лицо, едва ли ни повседневно сталкивающееся в практической деятельности, например, с земельным, муниципальным или налого-

[1] В.А. Образцов Криминалистическая характеристика преступлений: дискуссионные вопросы и пути их решения. Криминалистическая характеристика преступлений: Сборник научных трудов. – М., 1984. – С. 8.

вым законодательством.

Названные, а возможно и иные факторы побудили ряд учёных и практиков поддержать идею о необходимости проведения правовой экспертизы по уголовному делу, целью которой является исследование вопросов юридического характера. Следует сказать, что понятие «правовая экспертиза» в рамках уголовно-процессуального закона является условным. Также стоит заметить, что в данном вопросе существуют диаметрально противоположные точки зрения.

В целях определения целесообразности проведения правовых экспертиз по рассматриваемой нами категории уголовных дел, хотелось бы проанализировать доводы сторонников и противников указанной экспертизы, её плюсы и минусы.

Так, Л.Д. Гаухман, являясь сторонником правовых экспертиз по уголовным делам, считает, что законы нередко отличаются, с одной стороны, двусмысленностью или даже многосмысленностью, с другой – рассогласованностью как в рамках одной отрасли законодательства, так и в ещё большей степени на межотраслевом уровне. Особые трудности возникают в применении норм УК РФ с бланкетными диспозициями, количество которых значительно возросло по сравнению с числом таких норм, содержавшихся в УК РСФСР 1960 г.[1]

Е.Р. Россинская в пользу правовых экспертиз приводит то обстоятельство, что следователи, судьи «обладают знаниями только в определенных отраслях права и не могут в необходимой степени ориентироваться во всех тонкостях современного обширного законодательства, которое к тому же постоянно изменяется и развивается».[2]

Находит поддержку представленная позиция и у некоторых практических работников. К примеру, Р. Чупахин в статье «Судебная экспертиза при расследовании взяточничества» отмечает: «…следователь, являясь относительно «узким специалистом», более успешно будет осуществлять функцию уголовного преследования по делам о взяточничестве при назначении в необходимых случаях юридико-правовых экспертиз».[3]

Таким образом, обобщенно аргументы сторонников в положительном решении рассматриваемого вопроса таковы:

- основная часть норм, регламентирующих составы преступлений (в частности экономических и коррупционной направленности), носит отсылочный характер, что затрудняет их применение;

- расследование указанных преступлений вынуждает следователей в целях всестороннего и полного исследования всех обстоятельств по уголовному делу анализировать различные отрасли права, однако ввиду узкого профиля профессиональной деятельности, они не всегда могут всесторонне в них разобраться.

Учёные и практики, являющиеся противниками производства по уголовным делам исследований в виде правовых экспертиз, приводят свои контраргументы.

Согласно точке зрения Ю.Г. Плесовских, «у юриста могут возникнуть проблемы с толкованием тех или иных правовых норм. И, вне всяких сомнений высококвалифицированный ученый-юрист, многие годы изучающий ту или иную отрасль права, разбирается в соответствующей части законодательства несравнимо лучше следователя или судьи. Но что мешает, например, следователю, получить консультацию у такого ученого?! И почему, для того, чтобы использовать знания ученого-юриста в уголовном про-

---

[1] Гаухман Л. Нужна правовая экспертиза по уголовным делам // «Законность». 2000. № 4. // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 19.10.201 5 г.).

[2] Россинская Е.Р. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 35.

[3] Чупахин Р. Судебная экспертиза при расследовании взяточничества // «Эксперт-криминалист». 2006. № 2. // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 19.10.201 5 г.).

цессе следует обязательно назначать «правовую судебную экспертизу»? … назначение и производство «правовой судебной экспертизы» противоречит смыслу современного российского законодательства».[1]

Как справедливо замечает А.Н. Халиков «проведение подобных «правовых экспертиз» не несет смысловой нагрузки в уголовном судопроизводстве, поскольку именно при расследовании уголовного дела и последующем судебном рассмотрении, независимо от его сложности (или сверхсложности), разрешаются именно правовые проблемы. Иначе говоря, вопросы, которые могут быть поставлены для правовой экспертизы или заключения специалиста по юридической тематике, - это, по сути, те же вопросы, которые решает следователь и суд в рамках расследования уголовного дела и его судебного рассмотрения»[2].

По мнению Ю.Г. Корухова «экспертиза из области права возможна только в практике Конституционного Суда РФ, но не в уголовном процессе. Правильное самостоятельное толкование и применение норм права составляет существенную часть деятельности следователей, прокуроров, судей. Применение законодательных норм должно базироваться как на их правовых познаниях, так и на коллективном опыте, обобщаемом в следственной и судебной практике»[3].

В рассматриваемом вопросе отдельно выделим позицию Пленума Верховного суда Российской Федерации. В своем Постановлении от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной практике по уголовным делам» он разъяснил, что «постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, что имело место – убийство или самоубийство), как не входящих в компетенцию, не допускается»[4].

Вместе с тем, следственная практика знает немало случаев, когда недостаток знаний в определенных отраслях права не позволял следователям при принятии соответствующих процессуальных решений дать верную правовую оценку действиям должностных лиц, совершившим коррупционные преступления.

Соответственно, поскольку подобного рода проблемы в практической деятельности следователя всё-таки возникают, представляется важным определить, как в таких ситуациях целесообразнее поступать.

Действительно, для возбуждения уголовных дел коррупционной направленности следователь должен дать правовую оценку действиям (бездействиям) должностных лиц на основе муниципального, земельного, гражданского, налогового и другого законодательства, регулирующего различные сферы деятельности органов власти.

В этой связи полагаем, что следователи могут консультироваться со специалистами, обладающими глубокими знаниями в узких отраслях права. Однако при этом, специалисты не должны давать оценку юридическим фактам, поскольку оценка обстоятельств и применение норм права при производстве по уголовному делу входит в исключительную компетенцию следователя.

Проведение правовых экспертиз по уголовным делам коррупционной направленности считаем нецелесообразным, поскольку те вопросы, которые ставятся для правовой

---

[1] Плесовских Ю. Оценка судом заключений «правовых судебных экспертиз» в уголовном процессе // «Российский судья», 2006. № 9. // СПС «Консультант Плюс». (дата обращения: 19.10.201 5 г.).

[2] Халиков А.Н. Теория и практика выявления и расследования должностных преступлений: криминалистический аспект: дис. д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. С. 308.

[3] Корухов Ю. Допустимы ли правовые и юридические экспертизы в уголовном процессе // «Законность». 2000. № 1. СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 19.10.201 5 г.).

[4] Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 21 декабря 201 0 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»// Российская газета. 2010.

экспертизы, решает следователь и суд. Также, на наш взгляд, их проведение может привести к тому, что в нарушении принципа состязательности в уголовном процессе, заключения эксперта в области права будут «предрешать» выводы следователя и суда.

Кроме того, есть основания полагать, что следователи и судьи будут перекладывать обязанность по доказыванию всех обстоятельств дела и квалификации деяния на экспертов в соответствующих отраслях права, хотя, как известно, эксперт не должен отвечать на вопросы квалификации преступлений.

О.Д. Сергеев, Д.В. Остапчук

Криминалистическая характеристика преступления и ее значение для расследования преступных нарушений правил безопасности при ведении горных работ.

В статье рассматриваются взгляды ученых криминалистов на понятие криминалистической характеристики преступления, на составляющие криминалистическую характеристику элементы, а так же на перспективы использования ее при расследовании преступлений.

***Ключевые слова**: криминалистическая характеристика преступления, методика расследования, преступные нарушения*

O.D. Sergeev D.V. Ostapchuk

Criminalistics description of crime and her value for investigation of criminal violations of safety rules at the conduct of mountain works.

In the article the looks of scientific criminal lawyers are examined to the concept of criminalistics description of crime, on constituents criminalistics description elements, and similarly on the prospects of the use of it at investigation of crimes.

***Keywords**: criminalistics description of crime, methodology of investigation, criminal violations*

Понятие криминалистической характеристики преступления ввел в научный оборот Л.А. Сергеев[1]. Это введение поддержал А.Н. Колесниченко, который в своей диссертации писал, что к числу наиболее существенных положений относится «общая криминалистическая характеристика данного вида преступления», так же он отметил, что «преступления имеют и общие черты криминалистического характера»[2]. Дальнейшее развитие понятия криминалистической характеристик преступления в своих работах провели А.Н. Васильев, И.Л. Возгрин, В.К. Гавло, В.А. Образцов, В.Г. Танасевич, Н.П. Яблоков и другие авторы.

Возникновение криминалистической характеристики преступления, как системного описания существенных сторон, свойств, признаков и внутренних связей отражаемого в ней объекта, связано с разработкой методики расследования отдельных видов и групп преступлений. По общеизвестному мнению В.К. Гавло криминалистическая ха-

[1] Сергеев Л.А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ. Автореф. Кан. юрид. наук. М. 1966, С.4-5

[2] Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений. Автореферат. Дисс. Д-ра юрид. наук. Харьков. 1967. С.16

рактеристика призвана исполнять роль криминалистического учения о преступлении вообще[1].

В последствии идею криминалистической характеристики преступления поддержало большинство криминалистов. Однако, несмотря на поддержку, вопрос о понятии и структуре криминалистической характеристики преступлений до сих пор относится к числу дискуссионных.

Но, невзирая на несовпадение взглядов исследователей, уже разработано понятие криминалистической характеристики преступления, определены ее элементы и назначение[2].

Так работа В.Г. Танасевича и В.А. Образцова начиналась совместно, в последующем в их взглядах на криминалистическую характеристику преступления наметились разногласия, которые были опубликованы в раздельных публикациях.

В.А. Образцов в своей работе определил криминалистическую характеристику, как «…совокупность данных о механизме совершения преступления, средствах отображения, отражаемых и отражающих объектах, взаимодействующих при этом, особенностях и источниках, формируемой ими фактической информации, имеющей значение для раскрытия определенных категорий преступлений, путем применения обусловленных ими криминалистических средств, приемов и методов, а также разработки научных рекомендаций по оптимальному решению этой задачи»[3].

В.Г. Танасевич, в свою очередь, предложил другое определение криминалистической характеристики преступления. По его мнению, криминалистическая характеристика преступлений это «…такие взаимосвязанные элементы, как способ совершения преступления, обстановка совершения преступления, предмет преступного посягательства, условия охраны его от посягательства (включая характеристику лиц, связанных с обеспечением неприкосновенности), личность субъекта преступления, маскировка направленная на сокрытие преступного деяния виновных лиц, осуществляемая как в процессе преступления, так и после него»[4].

Однако наиболее точно, по наш взгляд, определил криминалистическую характеристику преступления И.Ф. Герасимов, обозначивший ее, как совокупность сведений, знаний об определенном виде или группе преступлений, полученных в результате специальных исследований, являющуюся важным структурным элементом методики расследования, обуславливающую методические рекомендации и в конечном счете, способствующая раскрытию расследованию и предупреждению преступлений[5].

Как уже говорилось выше, среди ученых нет единого мнения о содержании криминалистической характеристики преступления. Одни авторы предлагают включать в криминалистическую характеристику преступления элементы криминологической характеристик[6], другие авторы возражают против этого, полагая, что это ни чего не дает методике расследования, как комплексу практических рекомендаций[7].

Но, на наш взгляд, включение таких элементов в криминалистическую характеристику вполне оправдано и, как правильно заметил Л.Д. Самыгин, «…включение в кри-

---

[1] Гавло В.К. О предмете криминалистики и сфере приложения ее научного потенциала // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики на современном этапе. Одесса, 1993. С.112-113.

[2] Танасевич В.Г., Образцов В.А. О криминалистической характеристике преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. М. 1976.Вып.25 С.94-104

[3] Образцов В.А. К вопросу о методике раскрытия преступлений //Вопросы борьбы с преступностью. М. 1977 вып.27 С.107

[4] Танасевич В.Г. Теоретические основы методики расследования преступлений // Сов. Гос-во и право. 1977. №6. С.92

[5] Криминалистика /Под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина.- М.1994.-С.333

[6] Криминалистика /Под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина.- М.1994.-С.333

[7] Белкин Р.С. Курс криминалистики Т.3. М.1997 С.315

миналистическую характеристику преступления таких элементов, которые «позаимствованы» из криминологической, уголовно-правовой и других характеристик преступления, то оно вполне естественно, полезно, и оправдано, если эти элементы имеют криминалистическое значение и, следовательно, могут способствовать совершенствованию типовой методики расследования и оптимизации самого расследования»[1].

Так же нет единого мнения по перечню элементов криминалистической характеристики. Большинство авторов относят к ним:

- Обстановку преступления.
- Механизм преступления.
- Способ совершения преступления.
- Данные о личности субъекта преступления и личности потерпевшего[2].

Однако некоторые авторы предлагают более расширенный перечень элементов. Так по мнению Герасимова И.Ф. и Драпкина Л.Я. предлагается включить в систему криминалистической характеристики преступления такие дополнительные элементы как распространенность деяния и способ выявления совершенного преступления.[3]

С их точкой зрения можно в целом согласиться. Однако эти элементы, в зависимости от вида преступления, не всегда являются существенными для хода расследования.

Но, несмотря на признание, среди ученых есть и противники самой идеи криминалистической характеристики преступления. Так А.В. Дулов утверждает, что «Несостоятельность криминалистической характеристики вытекает из следующих положений:

- Отсутствует не только общее определение, но и целостная концепция данного понятия;
- Нет четкого разграничения между криминалистической характеристикой и уголовно-правовым и криминологическим понятием преступления;
- Криминалистическая характеристика не удовлетворяет принципам системного и деятельного подходов;
- Отсутствует методологическая основа состояния криминалистических характеристик, недостаточно внимания уделяется методам изучения преступления»[4].

Далее в своей работе А.В. Дулов предлагает иное, собственное направление криминалистического исследования преступления. «Суждение о преступлении, о лице его совершившем, должно быть сделано на основе изучения всей его структуры, этапов развития, взаимодействий с другими системами»[5]. В этой связи, по нашему мнению, следует согласится с З.Б. Бобуа, который в своей диссертации писал, «Замечания в отношении криминалистической характеристик преступления вполне справедливы. Заслуживает внимания высказывание А.В. Дулова и других авторов в пользу криминалистического учения о преступлении. Но система криминалистических знаний о преступлении (учение) имеет высокую степень абстракции, поэтому на данный момент… лучшей основы для частных методик расследования, чем типовая криминалистическая характеристика отдельных видов или разновидностей преступлений пока не предложено»[6].

В ряде своих работ Р.С. Белкин высказывал мысль о том, что первоначальным элементом всех частных методик расследования преступлений является криминалисти-

---

[1] Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. М.1989. С.99
[2] Криминалистика /Под ред. Яблокова Н.П. М. Бек 1997. С.46
[3] Криминалистика /Под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина.- М.1994.-С.333
[4] Криминалистика / Под ред. Дулова – Минск,1996. С73
[5] Там же.
[6] Бобуа З.Б. Расследование и предупреждение краж, совершаемых в сфере промышленного производства. Дисс. Кан. Юрид. наук. Кемерово, 1999. С. 14

ческая характеристика преступлений, так как она служит основанием для изложения методических рекомендация[1]. Однако в своей последней работе он высказал мысль, что криминалистическая характеристика «…изжила себя, и из реальности, которой она представлялась все эти годы, превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом»[2]. Мы считаем, что столь категорическое высказывание ученого, хотя и заслуживает пристального внимания, но является слишком категоричным и безапелляционным, а пока в современной криминалистике отсутствуют разработки новых видов основ криминалистических методик, способных заменить криминалистическую характеристику преступления.

Являясь основой методик расследования, криминалистическая характеристика, как общее для всех видов преступлений понятие, имеет большую степень абстракции. Так В.К. Гавло определяет, что «Криминалистическая характеристика преступлений содержит понятия различной степени абстракции, соответственно этому они имеют различные уровни содержания информации…. Самая низкая степень абстракции - это криминалистическая характеристика отдельного вида преступлений»[3]. Поэтому степень абстракции криминалистической характеристики нарушений правил безопасности при ведении горных работ намного ниже, и следовательно ей, как основе методики расследования данного вида преступлений, следует отдать предпочтение.

Эта криминалистическая характеристика включает в себя большое количество элементов и является весьма специфичной в силу предмета своего исследования. Мы разделяем точку зрения В.К. Гавло, который предлагает выделять следующие основные элементы: время и место совершения преступления; обстановка до, во время и после совершения преступления; способы совершения преступления; личность субъекта преступления и другие. Кроме этого, как отмечает В.К. Гавло, к элементам следует отнести способы подготовки к совершению преступления, вероятные мотивы и другие данные, раскрывающие криминалистическую характеристику отдельного вида преступлений[4].

Однако последняя группа перечисленных нами элементов не будет иметь значения при расследовании рассматриваемого нами вида преступлений, так как такие преступления не готовятся заранее и у лиц их совершивших отсутствует мотив.

Необходимо отметить, что криминалистическая характеристика нарушений правил безопасности при ведении горных работ должна способствовать не только раскрытию и расследованию, но и выявлению и предотвращению такого вида преступлений. Эта задача вытекает из специфичности рассматриваемых преступлений. Дела данной категории возбуждаются только после того, как из-за нарушений правил безопасности произошла авария, повлекшая последствия, указанные в статье уголовного кодекса. Большое количество нарушений, не повлекших такие последствия, остаются не выявленными, хотя их распространенность велика. Поэтому, на наш взгляд, следует согласиться с В.Г. Танасевичем, который отметил, что раскрыть можно только выявленное преступление, следовательно, в методику раскрытия и расследования должна быть включена методика выявления преступлений[5].

При решении задач предупреждения нарушений правил безопасности при ведении горных работ необходимо использовать данные всех элементов криминалистиче-

---

[1] Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. М. Изд. Академии МВД СССР. 1979. С.176

[2] 3Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М. 2000. С.223.

[3] Гавло В.К. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. Томск.1980. С. 122.

[4] Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985 С.154-211.

[5] Танасевич В.Г. Проблемы методики раскрытия и расследования преступлений // Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М., 1978. С.180.

ской характеристики, таких как механизм, обстановка, причины и условия совершения преступлений, механизм следообразования, личность виновного[1].

Кроме этого, должны быть учтены такие факторы, имеющие криминогенное значение, как: недостатки в организации труда и техники безопасности на угольных предприятиях, негативные стороны обстановки в трудовом коллективе, пробелы в обучении работающих правилам техники безопасности и правовом воспитании.

Криминалистическая характеристика нарушений правил безопасности при ведении горных работ должна способствовать разработке новых и усовершенствовании существующих организационных и методических рекомендаций по рассмотрению сообщений и заявлений о совершении преступлений, принятию и реализации решений по ним, а также по осуществлению деятельности по выявлению, расследованию и предупреждению этих преступлений. Такие рекомендации необходимы, прежде всего, практическим работникам, занимающимся расследованием таких преступлений, а так же работникам угольной отрасли, которые по роду своей деятельности сталкиваются с доказательствами нарушений правил безопасности.

Таким образом, можно сказать, что криминалистическая характеристика нарушений правил безопасности при ведении горных работ представляет собой совокупность сведений об угольных предприятиях, об обстановке совершения и о способе совершения преступлений, о личности преступника и других данных, определяемых особенностями производственного процесса. То есть, на наш взгляд, следует выделить следующие элементы криминалистической характеристики преступных нарушений правил безопасности при ведении горных работ:

- Особенности выявления данного вида преступлений.
- Обстановка совершения преступлений данного вида.
- Механизм совершения таких преступлений.
- Способ совершения преступления.
- Обстоятельства, характеризующие время, место, совершения преступления и его последствия.
- Данные о личности лица совершившего преступление и о лица потерпевших.

[1] Гуковская Н.И. Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях несовершеннолетних. /Н.И. Гуковская, А.И. Долгова, Г.М. Миньковский. М. 1974. С.182

Е.В. Смахтин, Е.В. Христинина

Роль и значение методологических основ криминалистики в создании частных криминалистических методик (на примере методики расследования получения взятки в системе высшего образования)

В статье проводится анализ позиции Н.П. Яблокова относительно роли и значения методологических основ криминалистики, ее системы и природы. На этой основе авторы показывают значение трудов Николая Павловича в создании частных криминалистических методик (на примере методики расследования получения взятки в системе высшего образования).

***Ключевые слова**: методология криминалистики, криминалистическая методика, расследование, получение взятки, система высшего образования.*

E.V. Smakhtin E.V. Khristinina

The role and importance of methodological bases of criminalistics in the establishment of private criminalistic methods (on the example of investigation of bribes' taking in the system of higher education)

In the article authors analyze N.P. Yablokov's viewpoint about the role and importance of methodological bases of criminalistics, it's system and essence. On the basis of that the authors demonstrate importance of N.P. Yablokov's writings in the establishment of private criminalistic methods (on the example of investigation of bribes' taking in the system of higher education).

***Keywords**: criminalistic methodology, criminalistic method, investigation, bribes' taking, system of higher education.*

Роль Николая Павловича Яблокова в формировании и развитии методологических основ современной криминалистической методики трудно переоценить. Обычно, когда возникает потребность в переосмыслении трудов ученых, которые посвятили всю свою жизнь служению криминалистики, тяжело пишутся только первые строки. Но как только они появляются, авторы сталкиваются с другой проблемой: а что наиболее значимо в этих работах? Представляется, что нет никакой необходимости перечислять многочисленные учебники, учебные пособия, практикумы, монографии, автором которых является Николай Павлович, либо они вышли в свет в соавторстве или под его редакцией. Вне всякого сомнения и то обстоятельство, что учебная и научная литература, изданная в последние годы криминалистами Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, является востребованной всеми высшими учебными заведениями России.

Общеизвестно, но не поддается логическому анализу и восприятию молодого поколения тот факт, что Н.П. Яблоков возглавлял кафедру криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова с 1985 по 2012 год. И именно в 1985 году, когда Николай Павлович возглавил кафедру криминалистики, была опубликована его монография «Криминалистическая методика расследования преступлений»[1].

Несколько слов о формировании криминалистической методики как раздела криминалистики. На наш взгляд, следует согласиться с позицией А.В. Шмонина, который полагает, что еще в 30-х гг. прошлого века криминалистика обогатилась третьим разде-

[1] *Яблоков Н.П.* Криминалистическая методика расследования преступлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 98 с.

лом – криминалистическая методика[1]. Развитие этого раздела обычно связывают с работами В.И. Громова[2], И.Н. Якимова[3], С.А. Голунского[4], А.Н. Васильева[5] и некоторых др.

Примечательно, что совместная монография А.Н. Васильева и Н.П. Яблокова, посвященная предмету, системе и теоретическим основам криминалистики (1984), как бы предваряла появление работы Н.П. Яблокова по криминалистической методике расследования преступлений. Нетрудно заметить и другое. И.Н. Якимов, С.А. Голунский, А.Н. Васильев в разные годы возглавляли кафедру криминалистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В связи с этим, вышедшая в 1985 году монография Н.П. Яблокова, представляется логическим завершением, как научных изысканий Николая Павловича, так и всей возглавляемой им кафедры.

На наш взгляд, Н.П. Яблокову в 1985 г. удалось систематизировать, обобщить и творчески развить накопленные, как на кафедре, так и в СССР знания относительно теоретических основ криминалистической методики. В последующем, на рубеже веков научные интересы Николая Павловича были связаны, в том числе с вопросами расследования организованной преступной деятельности. Опять же, через призму методологии криминалистики и ее методики. Как пишет сам автор, работы были посвящены анализу накопленного теоретического и фактического материала, касающегося методов выявления, раскрытия и расследования организованной преступной деятельности и выработки на этой основе соответствующих криминалистических рекомендаций[6].

С методологической точки зрения, по нашему мнению, выглядело вполне логичным и проведение на базе кафедры криминалистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова конференции «Проблемы системных исследований в криминалистике и судебной экспертизе» (2006г.) и «Криминалистика в системе правоприменения» (2008г.).

Так, на конференции 2006 г. Н.П. Яблоков совершенно справедливо отметил, что «отсутствие должного системного подхода наблюдается в криминалистических исследованиях не только по вопросам понимания системы криминалистики в целом, но и по структуре отдельных ее частей, разделов, отдельных теоретических учений, научных понятий и др. Например, по вопросам системы структурных элементов криминалистической характеристики, при определении системы базовой теоретической и методической основы, *могущей быть положенной в разработку методов расследования отдельных видов преступлений*»[7] (курсив наш).

А на конференции 2008 г. Н.П. Яблоков, развивая свои идеи о роли и значении криминалистики, в том числе и такого ее синтезирующего раздела как криминалистиче-

---

[1] *Шмонин А.В.* Методология криминалистической методики: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 39.

[2] *Громов В.И.* Дознание и предварительное следствие: Методика расследования преступлений: Осмотр места преступления: сб. науч. тр. М.: ЛексЭст, 2003. 544 с.

[3] *Якимов И.Н.* Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое изд., перепеч с изд. 192 5 г. М.: ЛексЭст, 2003. 496 с.

[4] *Голунский С.А.* Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений / С. А. Голунский, Б. М. Шавер; Ин-т права АН СССР; под ред. А. Я. Вышинского. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 372 с.

[5] *Васильев А.Н.* Проблемы методики расследования отдельных преступлений. М.: ЛексЭст, 2002. 76 с.; *Васильев А.Н., Яблоков Н.П.* Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984. 143 с.

[6] См. напр.: Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова и Н.П. Яблокова. М., 1996. 400 с.; Яблоков Н.П. Расследование организованной преступной деятельности. М.: Юристъ, 2002. С.6.

[7] *Яблоков Н.П.* Системные исследования в криминалистике. Общие вопросы // Проблемы системных исследований в криминалистике и судебной экспертизе: Конф. 4-5 декабря 2006г., Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова: Сб. тезисов. М.: МАКС Пресс, 2006. С.7-13.

ская методика, назвал криминалистику наукой, «*позволяющей смоделировать технологию любой правоприменительной деятельности*»[1] (курсив наш).

Представляется, что на этих конференциях Николай Павлович поделился с учеными-криминалистами своей озабоченностью, в связи с имеющимися проблемами в разработках частных криминалистических методик расследования, так как, по его мнению, успешное выполнение криминалистикой главной функции, заключающейся в обеспечении деятельности следователей и дознавателей современным технико-тактическим и методическим арсеналом средств, приемов и методов, во многом зависит именно от уровня их разработки[2]. А если выражаться еще конкретнее, от качества частных криминалистических методик или методик расследования отдельных видов и групп преступлений.

В более поздних по времени работах Н.П. Яблоков (в соавторстве с А.Ю. Головиным) уточнил и конкретизировал свою позицию и выделил направления, которые являются, по его мнению, реальными и практически значимыми путями совершенствования системы методик расследования. Перечислим некоторые из них, имеющие отношения в нашей статье:

- обязательное построение любой методики расследования на основе изучения и обобщения достаточного массива уголовных дел по соответствующему виду преступной деятельности, выделением всех ее криминалистически значимых черт и их взаимосвязей (криминалистическая характеристика) и типовых версий;

- большее единство в структурном подходе к разработке частных методик расследования;

- усиление прагматического аспекта методик расследования отдельных видов преступлений[3].

Представляется, что для создания востребованных практикой частных (конкретных) криминалистических методик, необходимо учитывать методологические основы криминалистики, в том числе упомянутые направления, которые, на наш взгляд, представляются весьма значимыми.

Рассмотрим роль и значение методологических основ криминалистики в создании методики расследования получения взятки в системе высшего образования.

Проанализируем статистику взяточничества в целом.

Так, по данным Главного информационно-аналитического центра (ГИАЦ) МВД России, в 2010 году было выявлено 12012 случаев взяточничества, из них направлено в суд 5797 уголовных дел; в 2011 году – 10952, из них направлено в суд 5171; в 2012 году – 9758, из них направлено в суд 3772; в 2013 году – 11521, из них направлено в суд 6034; в 2014 году – 11893, из них направлено в суд 6909[4]. Для достаточно высокого количества этих преступлений за последние пять лет, характерна их низкая раскрываемость, которая

---

[1] *Яблоков Н.П.* Значение криминалистики в правоприменительной деятельности и в подготовке юристов широкого профессионального профиля // Криминалистика в системе правоприменения: Конф. 27-28 октября 2008г., Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова: Сб. тезисов. М.: МАКС Пресс, 2008. С.11.

[2] *Яблоков Н.П.* О некоторых проблемах разработки криминалистической методики расследования // Вестник криминалистики. М., 2005. Вып. 3(15). С. 11-18.

[3] См. напр.: *Яблоков Н.П., Головин А.Ю.* Криминалистика: природа, система, методологические основы / Н.П. Яблоков, А.Ю. Головин. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Норма, 2011. С.216-217.

[4] Состояние преступности в России за январь-декабрь 201 0 год. М.: Главный информационно-аналитический центр МВД России, 2011; Состояние преступности в России за январь-декабрь 201 1 год. М.: Главный информационно-аналитический центр МВД России, 2012; Состояние преступности в России за январь-декабрь 201 2 год. М.: Главный информационно-аналитический центр МВД России, 2013; Состояние преступности в России за январь-декабрь 201 3 год. М.: Главный информационно-аналитический центр МВД России, 2014; Состояние преступности в России за январь-декабрь 201 4 год. М.: Главный информационно-аналитический центр МВД России, 2015.

в 2010 году составила 48,26 %; в 2011 году – 47,21 %; в 2012 году – 38,65 %; в 2013 году – 52,37 %; в 2014 году – 58,09 %.

В последнее время (2013-2014 гг.) наблюдается повышение раскрываемости взяточничества, а в 2014 г. и рост числа осужденных. Так, по данным судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации в 2010 году за взяточничество было осуждено 5392 человека, из них, за получение взятки 2032 человека, за дачу взятки 3360 человек; в 2011 году – 4666, из них, за получение взятки – 1797, за дачу взятки – 2858; в 2012 году – 3598 из них, за получение взятки – 1442, за дачу взятки – 2093; в 2013 году – 4937 из них, за получение взятки – 1568, за дачу взятки – 3245; в 2014 году – 6468 из них, за получение взятки – 1625, за дачу взятки – 4700[1].

Нетрудно заметить, что, во-первых, статистические показатели взяточничества по данным ГИАЦ МВД России несколько отличаются от данных Судебного департамента при Верховном суде РФ, причем в большую сторону. Так, при росте общего удельного веса взяточничества в структуре преступности, количество лиц, осужденных за взяточничество значительно меньше, чем количество уголовных дел, направляемых в суд. Более того, случаев осуждения за получение взятки, в 2014 г. в три раза меньше, чем их количество за ее дачу.

Проведенное нами обобщение практики показало, что низкая раскрываемость рассматриваемых преступлений обусловлена низким качеством расследования уголовных дел по получению взятки в системе высшего образования. И хотя официальной статистики по взяточничеству в системе высшего образования ГИАЦ МВД России не приводится, резонансные дела этой категории достаточно широко освещаются в средствах массовой информации и на официальных сайтах правоохранительных органов, что свидетельствует об их актуальности[2].

Многочисленные случаи получения взяток в указанной сфере обусловлены как коррумпированностью общества и власти в целом, так и отсутствием интереса студентов к учебе, низкой заработной платой педагогических работников и некоторыми другими причинами.

К наиболее распространенным видам получения взятки в сфере высшего образования нами отнесены: незаконное вознаграждение при проведении текущего и итогового контроля успеваемости студентов, а также при проведении процедур сертификации, аккредитации и т. д.

Расследование этих преступлений обладает определенными особенностями, поэтому углубленное исследование криминалистической характеристики получения взятки в системе высшего образования, организационно-тактических особенностей досудебного производства, позволило выработать конкретные практические рекомендации для следователей, ведущих такие дела.

В практической деятельности правоохранительных органов по расследованию анализируемых преступлений нами выявлен ряд проблем, снижающих общую эффективность принимаемых мер:

---

[1] Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008-2001 4 годы. М.: Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации, 2015; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 201 0 год. М.: Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации, 2011; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 201 1 год. М.: Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации, 2012; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 201 2 год. М.: Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации, 2013; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 201 3 год. М.: Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации, 2014; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 201 4 год. М.: Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации, 2015.

[2] См.напр.: Официальный сайт Следственного комитета РФ: http:// sledcom.ru/news?type=corrupt; Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ: genproc.gov.ru/smi/news/archive/? subject=1161&action=search.

– отсутствие единых критериев при определении статуса преподавателя как должностного лица;

– низкий уровень взаимодействия между следователями и органами дознания;

– проблемы в доказывании конкретных эпизодов преступной деятельности, связанные с ситуациями, когда проходит длительное время с момента совершения преступления до его выявления, в результате чего материальные следы преступления утрачиваются (уничтожаются), а идеальные «стираются» в памяти людей;

– формальное производство следственных действий по делам о взяточничестве в системе высшего образования, обусловленное, как правило, отсутствием опыта и незнанием специфики расследования взяточничества в сфере высшего образования.

Выявленные проблемы зачастую связаны с конкретными ошибками, как в организации и планировании расследования, так и при производстве отдельных следственных действий.

Безусловно, особенности расследования отдельных видов взяточничества исследовались на уровне диссертационных исследований: Хачатурян Т. Б. «Выявление и расследование взяточничества в органах исполнительной власти» (2004 г.); Фролова Е.Ю. «Методика расследования коррупционной деятельности в правоохранительных и судебных органах» (2005 г.); Халиков А.Н. «Особенности расследования получения взяток должностными лицами правоохранительных органов» (2005 г.); Башмаков И.С. «Особенности первоначального этапа расследования коррупционных преступлений, совершаемых представителями органов местной власти» (2006 г.); Стребкова Ю.П. «Коррупционные преступления в сфере образования» (2012 г.); Бодров Н.Ф. «Использование специальных знаний при расследовании взяточничества и других проявлений коррупции в сфере образования» (2013 г.); Плохова С.П. «Противодействие коррупционной преступности в социальной сфере (на примере здравоохранения и образования Волгоградской и Саратовской областей)» (2013 г.) и некоторых др.

Однако в упомянутых научных трудах затронуты общие вопросы квалификации и расследования взяточничества, исследованы преступления коррупционной направленности с различных аспектов: криминологических, социологических, криминалистических. Отдельного исследования криминалистических особенностей расследования получения взятки в системе высшего образования, до настоящего времени не проводилось.

С точки зрения методологии, памятуя о том, что построение любой методики расследования должно быть основано на изучении и обобщении достаточного массива уголовных дел по соответствующему виду преступной деятельности, нами была выборочно проанализирована практика расследования уголовных дел данной категории в Омской, Новосибирской, Тюменской областях в период 2010–2014 гг., проведены опросы следователей, оперативных сотрудников служб по экономическим преступлениям и противодействию коррупции, судей, непосредственно принимавших участие в расследовании и рассмотрении уголовных дел изучаемой категории. В работе также использовались эмпирические и статистические данные, относящиеся к практике расследования взяточничества, опубликованные другими авторами.

В результате проведенного исследования мы пришли к некоторым выводам, которые, на наш взгляд, представляют научный интерес.

Нами определена структура и содержание криминалистической характеристики получения взятки в системе высшего образования, в том числе выявлены и описаны типичные свойства личности взяткополучателя, предмет преступного посягательства и обстановка совершения преступления, способы совершения преступления и механизм следообразования.

Наиболее значимым (первым) элементом в криминалистической характеристике получения взятки в сфере высшего образования являются типичные свойства личности взяткополучателя. Эти данные могут использоваться органами предварительного расследования для решения тактических и стратегических задач следствия, повышения эффективности отдельных следственных действий, дающих возможность выявлять и раскрывать исследуемый вид взяточничества. Так, например, сведения о психофизиологических особенностях личности, знаниях, навыках, организационно - распорядительных полномочиях, отношении к предмету преступного посягательства и др. в той или иной степени взаимосвязаны с другими элементами криминалистической характеристики, отражаются в каждом событии преступления, следовательно, имеют не только теоретическое, но и практическое значение.

Следующими по значимости (второй и третий) элементами рассматриваемой криминалистической характеристики выступают данные о предмете преступного посягательства и обстановке получения взятки в системе высшего образования, позволяющие следователю установить важнейшие обстоятельства, подлежащие доказыванию, непосредственно связанные с событием преступления. Эти элементы не менее важны, чем сведения о личности преступника. Так, в большинстве случаев получение взятки происходит в условиях неочевидности. Следователь, с той или иной степенью вероятности, имея представление о типичных свойствах личности взяткополучателя, предмете взятки, условиях, месте и времени ее получения, может выдвинуть версии о событии преступления в целом, других обстоятельствах, подлежащих доказыванию, например, о виновности лица в совершении преступления, его мотивах и т. п.

Целенаправленная проверка выдвинутых версий позволяет следователю оптимизировать процесс расследования, организовать его в режиме наибольшей процессуальной экономии времени и сил.

Четвертым и пятым элементами характеристики выступают данные о способе совершения преступления и механизме следообразования. Способ получения взятки в большинстве случаев состоит из операций по подготовке, выполнению действий, направленных на достижение преступных целей и сокрытию преступления. Не умаляя значения этого элемента криминалистической характеристики, отметим, что именно латентный характер получения взяток предопределяет последовательность мыслительных операций и практических действий следователя в ходе проверки сообщения о получении взятки, а затем и расследования преступления: от личности предполагаемого преступника, к предполагаемому предмету преступного посягательства и обстановке его получения, а затем к установлению способа получения взятки и обнаружению следов.

В тех ситуациях расследования, когда получатель взятки задержан с поличным, значимость механизма следообразования обусловлена возможностью непосредственного обнаружения различных следов, позволяющих доказать причастность взяткополучателя к совершению преступления в конкретной обстановке. Рассматривая деятельность взяткополучателя в комплексе, было установлено, что в случаях, когда взяткополучатель не задержан, а его причастность к совершению преступления еще не установлена, значение рассматриваемого элемента криминалистической характеристики (механизма следообразования) значительно возрастает, так как в этом случае следователь действует в обратной последовательности. От обнаружения следов в местах их наиболее вероятного нахождения, до получения доказательств оставления обнаруженных следов в определенном месте, в определенное время, конкретным человеком.

Рассмотрение выделенных элементов криминалистической характеристики в комплексе, позволило дать научно-обоснованные рекомендации, имеющие значение для

повышения эффективности расследования получения взяток в системе высшего образования.

В частности, выделены и классифицированы типичные ситуации досудебного производства: проверки сообщения, первоначального этапа расследования, последующего этапа расследования получения взятки в системе высшего образования.

Разработан алгоритм действий и уточнены организационные особенности проверки сообщений о фактах получения взятки в системе высшего образования, а также производства следственных действий на первоначальном и последующем этапах расследования, обусловленных складывающимися на этих этапах следственными ситуациями.

Даны тактические рекомендации по проверке сообщений о фактах получения взятки в системе высшего образования, производству следственных действий на первоначальном и последующем этапах расследования.

Результаты исследования, касающиеся структуры и содержания криминалистической характеристики преступлений данного вида, особенностей проверки сообщения о преступлении и производства отдельных следственных действий, наглядно свидетельствуют о значимости рекомендаций Н.П. Яблокова о едином структурном подходе к разработке частных методик расследования и усилении их прагматического аспекта, особенно, на наш взгляд, применительно к производству отдельных следственных и процессуальных действий.

От имени уральских и тюменских криминалистов хотелось искренне поблагодарить Николая Павловича за его титанический труд во благо криминалистики, передать самые искренние поздравления по случаю 90-летия со дня рождения.

С.А. Степанов

Некоторые аспекты способов совершения преступлений насильственного характера, не связанных с причинением смерти потерпевшему, совершаемых военнослужащими внутренних войск

В статье рассматриваются способы совершения преступлений насильственного характера, не связанных с причинением смерти потерпевшему, совершаемых военнослужащими внутренних войск. Автор раскрывает особенности подготовки, непосредственного совершения и сокрытия данных преступлений, с учётом специфики военной службы и особенностей отношений, формирующихся между военнослужащими.

***Ключевые слова**: преступление, насильственный характер, военнослужащий, способ преступления.*

S.A. Stepanov

Some aspects of the ways of committing crimes of a violent nature, not involving the infliction of the death of the victim, committed by the internal troops

This article discusses ways to commit crimes of a violent nature, not involving the infliction of the death of the victim, committed by Interior troops. The author reveals the peculiarities of training, direct Commission and concealing these crimes, taking into account the specificity of military service and features of relations between members of the emerging.

***Keywords**: crime, violent nature, soldier, way to crime.*

По мнению различных ученых криминалистов, способ совершения преступления, т. е. его подготовка, совершение и сокрытие, это самый важный элемент криминалисти-

ческой характеристики. Научное исследование данной категории обосновывается установлением наиболее распространенных видов орудий и средств, применяемых при подготовке, совершения и сокрытия преступлений насильственного характера, не связанных с причинением смерти потерпевшему.

По нашему мнению под способом совершения преступления насильственного характера совершенного военнослужащим не связанным с причинением смерти потерпевшему следует понимать единую систему объединенных между собой единым замыслом или без такового действий или бездействий военнослужащих осуществляющих подготовку, совершение и сокрытие преступлений, детерминированных объективными и субъективными факторами и сопряженных с применением физической силы, боевого оружия и специальных средств.

Подготовка к совершению насильственных преступлений.

Как правило, она заключается в:

- подыскании места, удобного для осуществления преступного замысла (как правило это канцелярия роты, комната командиров взводов, кладовая или умывальная комната, вне казармы это как правило автомобильные боксы в парке воинской части, питомник служебных собак и др. места где наименьшее скопление военнослужащих в том числе офицеров и прапорщиков);
- орудий и средств преступления (начиная просто с физической силы, подручных предметов интерьера и мебели так и применением специальных средств активной обороны – как правило палки резиновые, и заканчивая применением в очень редких случаях боевого оружия);
- участников (чаще всего это военнослужащие младшего призыва, с низким социальным статусом среди сослуживцев или просто подчиненные по отношению к начальникам всех категорий);
- а также в завлечении потерпевшего в выбранное место (или прибытие в место где находится потенциальный потерпевший).
- время совершения преступления (в большинстве случаев это вечернее или ночное, реже дневное время).

При совершении импульсивных насильственных преступлений (умышленное причинение различной тяжести вреда здоровью, нарушение уставных правил взаимоотношения между военнослужащими при отсутствии отношений подчиненности, превышение должностных полномочий и др. в связи с внезапно возникшим умыслом или без такового, из хулиганских побуждений) подготовительные действия могут отсутствовать вообще или выполняться в очень короткий период. Они, как правило, ограничиваются выбором места и орудия преступления.

Подготовка некоторых насильственных преступлений, например, из корыстных побуждений, из мести начинается с предварительной умственной деятельности преступника по разработке плана преступных действий, который может неоднократно корректироваться военнослужащим с учётом своих возможностей и объективных условий. Иногда на стадии подготовки преступления осуществляется подбор одной или нескольких будущих жертв преступления и лишь потом избирается конкретное место и время совершения насильственного преступления.

В ряде случаев субъекты преступления могут пренебрегать, т. е. не задумываться или просто не предавать значения всем вышеописанным подготовительным действиям и совершают физическое насилие с применением различных предметов в качестве орудия преступления или без таковых, в том месте, где находиться будущий потерпевший военнослужащий (в спальном помещении расположения роты, пост дневального, лестничный марш, плац, или же просто в любом другом месте где они встречают потерпевшего

военнослужащего). В некоторых случаях, они уже имеют при себе избранные для совершения преступления орудия и средства.

Совершение насильственных преступлений.

По нашему мнению действия по непосредственному совершению насильственных преступлений необходимо классифицировать в зависимости от того применялись ли при этом какие-либо предметы в качестве орудия преступления или нет:

1) Насильственные преступления без применения каких-либо орудий и средств совершаются обычно нанесением по голове и телу потерпевшего ударов руками и ногами.

2) Насильственные преступления, совершаемые при помощи определённых средств, по характеру последних подразделяются на:

- физические (нанесение потерпевшему повреждений тупыми, твёрдыми, колющими, режущими, рубящими предметами, огнестрельным оружием, удушение петлёй и т. д.);
- химические (погружение потерпевшего в химические растворы и т. д.);
- термические (использование при совершении преступления горючих и взрывчатых веществ).

Все насильственные преступления без причинения смерти потерпевшему совершенные военнослужащими целесообразно классифицировать по характеру преступных действий:

- преступление, совершённое открыто известным военнослужащим в присутствии других военнослужащих и др. лиц или в отсутствие их, но без попыток последнего скрыть свершившийся факт и свою вину;
- преступление, совершённое военнослужащим в отсутствии очевидцев и с активными попытками преступника скрыть свою вину.

Сокрытие преступления

Под ним понимаются умышленные действия, направленные на воспрепятствование установления объективной истины о преступлении и уклонение виновного от ответственности.

Действия военнослужащего по сокрытию преступления могут быть и элементом способа совершения преступления, и не входить в его состав. В тех случаях, когда они входят в преступный замысел субъекта преступления, взаимосвязаны с комплексом подготовки и совершения преступления, тогда они являются неотъемлемой частью способа совершения преступления. Когда же они предусмотрены преступным планом и не находятся в указанной связи их следует рассматривать как самостоятельные[1].

При выполнении действий по сокрытию преступления в рамках способа его совершения, субъект учитывает планируемые или осуществляемые операции по подготовке преступления и непосредственному его выполнению. Он использует при этом такие приёмы сокрытия, которые разрешают произвести намеченное им преступление. Т. е. по возможности преступления совершаются вне «посторонних глаз», тем самым совершая насильственное преступление военнослужащий уже в момент его совершения старается скрыть само преступное деяния.

В рамках способа совершения преступления субъект может использовать действия, приёмы и средства, предупреждающие образование его следов, в частности применить орудия преступления, следы которого очень трудно выявить. В нередких случаях субъект пытается не оставлять следов на теле потерпевшего, например, при нанесении

[1] Замылин, Е.И. О взаимодействии следственных и оперативных аппаратов в условиях активного противодействия расследованию преступлений. / Е.И. Замылин //Вестник криминалистики. – 2009. – №3. – С. 120.

ударов руками может использовать намотанное на руки мокрое полотенце. Потерпевший чувствует физическую боль соответственно реагирует на нее, но при этом на его теле не остаются в сильной степени выраженности синяки и ссадины, как от ударов «открытой рукой», либо используют боксерские перчатки.

Действия же по сокрытию следов преступлений, происходят когда субъект преступления осознает и принимает во внимание, что в результате содеянного им преступления возникли следы, каковыми могут являться следы крови потерпевшего, оторванные элементы обмундирования оставшиеся на полу, стенах, мебели и др. предметах или на самом потерпевшем, как правило, сразу уничтожаются путем вытирания, смытия, заменой или ремонтом обмундирования, гримируют ссадины и кровоподтёки, уничтожают или укрывают в различных местах орудия преступления и.т. д.

Иногда субъект преступления включает в способ сокрытия преступления промежуточные цели (не допустить возникновения следов борьбы и самообороны на кожной поверхности, одежде потерпевшего и на собственном теле, уничтожить следы своего присутствия на месте преступления и т. д.).

Такие действия вызваны тем, чтобы помешать быстрому установлению объективной истины командирами и органами предварительного расследования, так как установить истину можно только путём воздействия на идеальные и материальные следы преступления и их носители.[1]

Так как в большинстве случаев субъекты преступлений морально (психологически) воздействуют на потерпевших военнослужащих, путем запугивания и угроз, и в результате такого воздействия сам потерпевший военнослужащий пытается скрыть осуществленное на него преступное воздействие (если оно конечно не связано с причинением тяжкого вреда здоровью, которое скрыть невозможно), а в случае его обнаружения чаще всего не охотно или вовсе отказывается давать показания против субъекта преступления. Не редко потерпевший выдумывает историю получения им повреждений при тех или других обстоятельствах, никак не связанных с преступным воздействием на него в целях отвести подозрения от субъекта преступления.

В редких случаях военнослужащие фальсифицируют следы причастности к совершенному преступлению других лиц: на место преступления они подбрасывают личные вещи оговариваемых, при помощи принадлежащих им предметов.

Иногда субъекты сокрытия, не участвовавшие в совершении преступления (например, дневальный), которому ставиться задача замыть следы преступления, оставляют без внимания некоторые следы, которые бы не смог не заметить субъект преступления. Среди самостоятельных действий по сокрытию выделяются вербальные, заключающиеся в создании идеальных следов и высказываний. Это ложные показания свидетелей, подозреваемых, обвиняемых и прочих лиц.

На стадии расследования насильственных преступлений могут выполняться и акты противодействия, не относящиеся к сокрытию преступления: различные симуляции подозреваемого болезненного физического или психического состояния, исключающего привлечение к ответственности; уклонение от участия в расследовании; оказание давления на следователя через родственников и знакомых, которые имеют связи во властных кругах, свидетелей и других участников расследования[2].

---

[1] Замылин, Е.И. О взаимодействии следственных и оперативных аппаратов в условиях активного противодействия расследованию преступлений. / Е.И. Замылин //Вестник криминалистики. – 2009. – №3. – С. 121.

[2] Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Российская Е. Р. Криминалистика. Учебник для вузов. Под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р. С. Белкина. — М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА—ИНФРА • М), 2000. — С. 417.

Конечно представить все возможные способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений насильственного характера, не связанных с причинением смерти потерпевшему, совершаемых военнослужащими внутренних войск, в одной статье не возможно, поэтому автор попытался раскрыть наиболее характерные.

И.А. Уварова

Научные основы и значение криминалистической характеристики преступления, как элемента частных методик расследования преступлений

В статье проводится анализ научных положений и взглядов на один из основных структурных элементов методики расследования отдельных видов преступлений – криминалистическую характеристику преступления. Автор указывает на важность рассмотрения содержания криминалистической характеристики и значения ее элементов для расследования преступлений определенного вида или группы.

***Ключевые слова**: научные основы; методика расследования преступлений; частная методика расследования; криминалистическая характеристика; типичные следственные ситуации; способы совершения преступлений.*

Uvarova I.A.

Scientific bases and significance of forensic characteristics of crimes, as an element of particular methods of investigation of crimes

The article analyzes the scientific positions and views on one of the main structural elements of a technique of investigation of certain types of crime - forensic characterization of crimes. The author points to the importance of considering the content of criminological characteristics and values to investigate the crimes of a certain type or group.

***Keywords**: the scientific basis; method of investigation of crimes; Private investigation methodology; Forensic characterization; typical investigative situations; methods of committing crimes.*

Первое упоминание о криминалистической характеристике преступления можно встретить в работах А. Н. Колесниченко. В своих работах он писал, что к числу наиболее существенных положений, общих для всех частных методик, относится «…общая криминалистическая характеристика данного вида преступлений», и далее, что «…преступления имеют и общие черты криминалистического характера»[1].

Наиболее полное определение криминалистической характеристики преступления дал Л. А. Сергеев, который включил в ее содержание:

– способы совершения преступления;

– условия, в которых совершаются преступления и особенности обстановки;

– обстоятельства, связанные с непосредственными объектами преступных посягательств, с субъектами и субъективной стороной преступлений;

– связи преступлений конкретного вида с другими преступлениями и отдельными действиями, не являющимися уголовно наказуемыми, но имеющими сходство с данными преступлениями по некоторым объективным признакам;

[1] Колесниченко А. Н. Указ. соч. 10, 14.; Мирский Д. Я. Некоторые вопросы методики расследования преступлений // В кн.: Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики. Свердловск, 1972. С. 41.

– взаимосвязи между вышеуказанными группами обстоятельств[1].

Но, к сожалению, представления Л. А. Сергеева о криминалистической характеристике не были должным образом отмечены в юридической литературе.

Позже о криминалистической характеристике преступлений вновь лишь упомянул С. П. Митричев. Он включил в содержание этого понятия характерные признаки преступления, особенности данного вида преступлений, выражающиеся в способах совершения преступления, характерных следах, оставляемых на месте преступления, преступных связях, профессиональных и преступных навыках преступников. «Видовая криминалистическая характеристика, – писал он, – должна включать наибольшее количество признаков, имеющих криминалистическое значение»[2].

А вот в работах И. Ф. Пантелеева, В. Г. Танасевича, В. А. Образцова и И. А. Возгрина понятию и содержанию криминалистической характеристики преступлений уделяется уже значительное внимание.

Отмечая важность проблемы криминалистической характеристики преступления и то, что это понятие относится только к конкретному виду преступлений, а не преступлению в целом, И. Ф. Пантелеев в содержание криминалистической характеристики вводит характеристику типичных ситуаций данного вида преступлений, наиболее распространенных способов их совершения, технических средств, применяемых преступниками, источников получения этих средств, характеристику типичных материальных следов преступления, которые могут иметь значение вещественных доказательств, наиболее вероятных мест их обнаружения, тайников, способов сокрытия следов преступления и других средств маскировки преступников, характеристика их преступных навыков, преступных связей[3].

Так, в 1976 г. В. Г. Танасевич и В. А. Образцов выступили с совместной статьей «О криминалистической характеристике преступлений»[4], а затем отдельные ее положения повторили в раздельных публикациях. В. Г. Танасевич включил в приведенное им понятие криминалистической характеристики «…такие взаимосвязанные элементы, как: способ совершения преступления; обстановка совершения преступления, непосредственный предмет преступного посягательства, условия охраны его от посягательства (включая характеристику лиц, связанных с обеспечением неприкосновенности блага, на которое произведено покушение), личность субъекта преступления; маскировка, направленная на сокрытие преступного деяния и виновных лиц, осуществляемая как в процессе совершения преступления, так и после него»[5].

В. А. Образцов же избрал сформулированное в их совместной статье общее понятие криминалистической характеристики – «…совокупность данных о механизме совершения преступления, средствах отражения, отражаемых и отражающих объектах, взаимодействующих при этом, особенностях и источниках формируемой ими фактической информации, имеющей значение для раскрытия определенных категорий преступлений путем применения обусловленных ими криминалистических средств, приемов и

---

[1] Сергеев Л. А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ: автореф. дисс.... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 4-5.

[2] Митричев С. П. Методика расследования отдельных видов преступлений / В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 10. Киев, 1973. С. 28.

[3] Пантелеев И. Ф. Методика расследования преступлений. М,1975. С. 9-10

[4] Танасевич В. Г., Образцов В. А. О криминалистической характеристике преступления / В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 25. М., 1976.

[5] Танасевич В. Г. Теоретические основы методики расследования преступлений // Советское государство и право, 1977. № 6. С. 92.

методов, а также разработки научных рекомендаций по оптимальному решению данной задачи»[1].

Иначе подошел к решению этого вопроса И. А. Возгрин, по мнению которого криминалистическая характеристика преступления «представляет собой описание состояния и особенностей борьбы с различными категориями преступных действий» [2]. Он включает в нее понятие конкретного вида преступлений, подследственность, сроки расследования и законодательно закрепленные особенности производства по делам данной категории; описание состояния и значения борьбы с отдельными видами преступлений и классификацию преступлений по способу совершения и личности преступника.

В последующем И. А. Возгрин пришел к выводу, что структура криминалистической характеристики должна включать следующие элементы:

1) характеристика исходной информации;

2) сведения о предмете преступного посягательства;

3) данные о способах приготовления, совершения и сокрытия преступлений и типичных последствиях преступных действий;

4) сведения о типичных личностных особенностях преступников и потерпевших;

5) обобщенные данные о наиболее распространенных мотивах преступлений.

Отмечая, что вопрос о включении в криминалистическую характеристику предмета доказывания носит дискуссионный характер, он присоединяется к тем ученым, которые полагают, что характеристика предмета доказывания также должна являться одним из структурных элементов криминалистической характеристики[3].

Несколько иначе подошел к определению рассматриваемого понятия С. И. Винокуров. По его мнению, криминалистическая характеристика преступления – это «…научно разработанная система наиболее существенных черт, признаков, свойств, отношений преступления»[4].

А. Н. Басалаев и В. А. Гуняев криминалистической характеристикой назвали «состав события данного вида преступления, указывающий на его устойчивые признаки, проявляющиеся вовне в качестве определенной по содержанию, жестко связанной системы материальных и интеллектуальных следов».[5].

По мнению А. Н. Колесниченко, криминалистическая характеристика охватывает следующие группы методических вопросов:

а) классификацию преступлений данного вида на разновидности и группы;

б) типичные следственные ситуации и основные направления расследования;

в) характеристику способов совершения преступлений данного вида, разновидностей, следов их применения и возможных путей установления преступника;

г) характеристику способов сокрытия преступлений, типичные признаки сокрытия и их роль в установлении преступления и преступника[6].

---

[1] Образцов В. А. Проблемы раскрытия преступлений против здоровья населения, связанных с пищевыми отравлениями: автореф. дисс.... канд. юрид. наук.М,1976. С. 8; Образцов В. А. К вопросу о методике раскрытия преступлений/В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 27. М., 1977 С. 107.

[2] Возгрин И. А. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Л., 1976. С. 6-9; Возгрин И. А. О структуре методик расследования отдельных видов преступлений / В кн.: Вопросы теории и практики борьбы с преступностью. Л., 1974. С. 75.

[3] Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Часть IV. СПб., 1993. С. 25-27.

[4] Винокуров С. И. Криминалистическая характеристика преступления, ее содержание и роль в построении методики расследования конкретного вида преступлений. М., 1978. С. 101.

[5] Басалаев А. Н., Гуняев В. А. Криминалистическая характеристика преступления (общее понятие и практическое значение). М., 1981. С. 100.

[6] Колесниченко А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1976. С. 20.

В одной из последних своих работ А. Н. Колесниченко несколько иначе определил структуру криминалистическом характеристики, назвав ее элементами:

1) способ приготовления, совершения и сокрытия преступлений;
2) место, время, обстановку, орудия и средства совершения преступления;
3) предмет посягательства;
4) личность потерпевшего;
5) личность преступника; следы преступления[1].

И. Ф. Герасимов представляет структуру криминалистической характеристики своеобразно. Он включает в нее:

1) распространенность преступного деяния – «фактор, который обусловливает так называемую криминалистическую готовность органов расследования»;
2) особенности выявления и обнаружения данных преступлений;
3) типичные черты преступного события и обстановки совершения преступления;
4) механизм следообразования;
5) способ совершения преступления;
6) особенности личности и поведения обвиняемых;
7) обобщенные данные о личности потерпевших;
8) другие сведения, полученные в результате проведенных исследований по разработке криминалистической характеристики[2].

Как видно из изложенного, идея криминалистической характеристики преступления не является новой. Еще до того момента, как впервые был употреблен термин «криминалистическая характеристика преступления», в частных криминалистических методиках упоминались отдельные ее элементы и подчеркивалась их роль для выбора направления и организации расследования.

К числу таких элементов относились способ совершения и сокрытия преступления[3], обстановка совершения преступления: место, время, иные условия[4], данные о личности вероятного преступника[5], характер исходной информации (то, что сейчас некоторые авторы именуют неточно следственной ситуацией)[6].

Мы специально провели анализ работ ученых-криминалистов, чтобы наглядно подтвердить справедливость утверждения, что учет элементов криминалистической характеристики при разработке частных методик осуществлялся в отечественной криминалистике с момента их зарождения.

Разумеется, на первом этапе развития криминалистической методики эти данные приводились иногда не в систематизированном виде, круг их не был постоянен, в некоторых методиках часть их отсутствовала. Но тенденция к их использованию при построении частных криминалистических методик просматривается всегда, хотя в этом использовании отсутствовала системность.

Мысль о формировании криминалистической характеристики преступления как обобщенного обоснования определенного комплекса методических рекомендаций,

---

[1] Советская криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений. Гл. 2. Киев, 1988. С. 34-40.
[2] Криминалистика: учебник / под ред. И.Ф.Герасимова, Л. Я. Драпкина.М,1994.С.330-333.
[3] Якимов И. Н. Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1924. С. 169; Голубинский С. А., Шавер Б. М. Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1939. С. 25.
[4] Громов В.. Методика расследования преступлений. М., 1929. С. 49; Голубинский С. А., Шавер Б. М. Указ.соч. С. 25; Евгеньев М. Е. Методика и техника расследования преступлений. Киев, 1940. С. 29-31; Громов В. Материальная истина и научно-уголовная техника. М., 1930. С. 10.
[5] Громов В. Методика расследования преступлений. М., 1930. С. 110.
[6];Голубинский С. А., Шавер Б. М. Указ. соч. С. 32.

несомненно, заслуживает одобрения и поддержки, но следует ли включать в такую характеристику все то, что предлагается?

Сравнение приведенных нами определений показывает, что большинство их авторов указывает следующие элементы криминалистической характеристики:

1) типичные следственные ситуации, под которыми понимается характер исходных данных;
2) способ совершения преступления;
3) способ сокрытия преступления, маскировка;
4) типичные материальные следы преступления и вероятные места их нахождения;
5) характеристика личности преступника;
6) обстановка преступления (место, время и др. обстоятельства).

Криминалистическая характеристика как единый комплекс элементов, имеет практическое значение лишь в тех случаях, когда установлены взаимосвязи и зависимости между ее элементами, носящие закономерный характер и выраженные в количественных показателях. Данные об этих зависимостях могут служить основанием для построения типичных версий по конкретным делам.

В связи с понятием и ролью криминалистической характеристики возникает важный вопрос: существует ли криминалистическая характеристика конкретного преступления?

В работах ряда авторов утверждается, что такая характеристика существует. Например, Н. А. Селиванов в своих работах отмечает, что «качественное расследование заканчивается получением достаточно полной и подробной криминалистической характеристики преступления»[1]. Однако, В. К. Гавло оспаривает утверждение Н. А. Селиванова, считая, что «объективная криминалистическая характеристика преступления складывается на момент провозглашения приговора и вступления его в законную силу, то есть с установлением истины по делу»[2].

В юридической литературе периодически возникает вопрос: нужно ли включать в криминалистическую характеристику в качестве самостоятельного ее элемента перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам данного вида преступлении?

На наш взгляд в этом нет необходимости, т.к. предмет доказывания достаточно полно характеризуется общепризнанными элементами криминалистической характеристики, достаточно полно отражающими состав преступления и обстоятельства события.

---

[1] Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий, С. 132.

[2] Гавло В. К. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений / В кн.: Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. Томск, 1980. С. 122.

М.Н. Угрюмова

Актуальные вопросы методики расследования мошенничества, связанного с реализацией поддельных произведений искусства

В статье дается анализ криминалистических аспектов расследования мошенничества, связанного с реализацией поддельных произведений искусства, в частности, живописных полотен. Основной акцент сделан на вопросы, связанные с проведением искусствоведческой экспертизы и оценкой ее заключения. Также рассмотрены отдельные элементы криминалистической характеристики мошенничества данного вида, обоснована необходимость расширения электронной базы художественных картин - поддельных и находящихся в розыске.

***Ключевые слова**: криминалистика, мошенничество, поддельные произведения искусства.*

M.N. Ugryumova

Topical issues of criminalistical methods of investigation of fraud connected with implementation of fake works of art

Issues of criminalistical tactics and methods of fraud investigation connected with implementation of fake works of art are moving in the field of complex art examination which takes help of different specialists because justification of most examination provisions in the subsequent proceeding is necessary for a qualified estimation of character of fraudful forgery.

Expanding of electronic database for paintings which are forged and which are in the criminal investigation is required.

The analysis of criminalistical aspects of fraud investigation was made connected with implementation of fake works of art especially paintings.

***Keywords**: criminalistics, fraud, fake works of art.*

В илу развития криминалистической тактики и методики расследования мошенничества, связанного с реализацией поддельных произведений искусства, уровень раскрытия данного вида преступления неуклонно повышается.

Однако количество данного вида мошенничества существенно не сокращается, а преступники прибегают к все более изощренным способам подделок.

Процесс подделки старинной картины охватывает множество специфических составляющих. Он включает такие стадии как подбор старого подрамник и холста, а также подбор состава красок. Например, чтобы получить чистый антикварный холст для создания копии, на старые холсты (малоизвестные картины) воздействуют высокой температурой, затем очищают их от краски.

Одна из операций на заключительном этапе изготовления подделок требует использование специальной печи. Изделие помещают в печь, коптят и сушат при определенной температуре, добиваясь того, что поверхность картины делается темной, покрывается паутинкой трещинок-кракелюров.

При подделке картин XVII в. используются специально приготовленные краски, фенол формальдегид и естественные масла. При подделке картин XIX в. обходятся без лишних сложностей. Здесь фальсификаторы чаще используют современные компьютерные методы печати на холсте, а с помощью специальных французских лаков добиваются видимого старения подделки.

Что касается типичного места совершения мошенничества, то статистические данные свидетельствуют о том, что свыше половины всех культурных ценностей похищается из квартир и частных домовладений, значительное число хищений приходится также на музеи, выставочные залы, галереи, архивы, библиотеки, поскольку огромное количество таких мест практически никак не охраняются.

Нельзя не отметить, что хищения культурных ценностей чаще всего совершаются организованными преступными группами, с привлечением специалистов в области искусства и задействованием инсайдеров — сотрудников мест хранения культурных ценностей.

При проведении искусствоведческой экспертизы по уголовным делам о преступлениях в сфере искусства криминальными обстоятельствами и фактами могут быть, например, установление обстоятельств создания представленного на экспертизу предмета (время, место создания, используемые материалы, автор), определение его исторической, культурной, художественной ценности и материальной стоимости, определение содержания, смысловой нагрузки и направленности воздействия исследуемого объекта и другие[1].

Наибольшую сложность представляет оценка научной обоснованности экспертного заключения, тем более что в части применения собственно искусствоведческих методов невозможны эксперименты, наглядно подтверждающие достоверность выводов, нет формул, графиков, таблиц и схем, помогающих ориентироваться в материале и упрощающих его анализ, кроме того, в самом искусствоведении многие категории и понятия до сих пор не имеют однозначного понимания и трактовки, например, сама категория искусства.

Помочь в оценке научной обоснованности экспертного заключения могут допрос эксперта, проводившего экспертизу, допрос специалиста в соответствующей области знаний, назначение повторной экспертизы[2].

При анализе заключения судебной искусствоведческой экспертизы необходимо также обращать внимание на возможные фактические ошибки, напрямую не связанные ни с искусствоведением, ни с нормами уголовно-процессуального законодательства[3].

Специфика данного вида экспертной деятельности заключается в том, что профессиональных экспертов-искусствоведов практически нет[4]. Очевидно, это связано, прежде всего, с тем, что искусствоведы широкого профиля встречаются редко.

В ходе проведения судебного искусствоведческого исследования необходимо помнить, что представленный в распоряжение эксперта объект, возможно, является произведением искусства – уникальным, неповторимым предметом, обладающим особой ценностью. В связи с этим следует отдавать предпочтение неразрушающим методам, использовать их возможности максимально полно, а в случае применения разрушающих методов исследования – соблюдать осторожность, чтобы свести повреждения к минимуму[5].

Таким образом, частно-научные методы используются при проведении судебной искусствоведческой экспертизы для исследования материальной составляющей произведений искусства. Соответственно, произведение искусства воспринимается не как

---

[1] Пискунова Е.В. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в сфере искусства: судебно-искусствоведческая экспертиза. Дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С.109.
[2] Там же. С.111.
[3] Там же. С.109.
[4] Москвина Т.П., Смирнов А.А., Хазиев Ш.Н. Судебная историко-искусствоведческая экспертиза // «Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации», 2004, № 9. С.24.
[5] Пискунова Е.В. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в сфере искусства: судебно-искусствоведческая экспертиза. Дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С.135.

цельный и неделимый предмет, а разбивается на материальные составляющие, которые и подвергается многоаспектному высокопрофессиональному исследованию.

В научных публикациях встречаются различные предложения того, что относить к объектам судебной искусствоведческой экспертизы.

В искусствоведческой экспертизе предметом исследования является факт подлинности, а объектом исследования – живописное полотно.

В произведении изобразительного искусства отдельно изучается основа произведения: если это холст, то изучаются их стандартные и нестандартные показатели в зависимости от места и времени изготовления, нити основы и утка (их плотность и количество), ткацкая ширина и швы, способы натяжки холста перед грунтовкой, особенности подрамника и креплений подрамника холста к нему и т. д. [1]; если это доска, то изучается порода дерева, способ изготовления доски, является ли она монолитной или состоит из отдельных частей, били ли части соединены до нанесения живописного слоя либо разделены после, а затем вновь были воссоединены, каков способ крепления и т. д.[2] Отдельно исследуются грунт, его состав и способ грунтовки; живописный слой: пигментный состав, слои живописи, в т.ч. позднейшие реставрационные наслоения, эскиз, если он присутствует под живописью; лаковое покрытие; подпись автора – один из сложнейших элементов произведения, часто подвергающийся подновлению, а иногда и наносящийся уже не автором картины, подпись является объектом не столько искусствоведческой, сколько почерковедческой экспертизы; кракелюры, которые воспроизводятся фальсификаторами искусственным путем, однако по рисунку всегда отличаются от возникших с течением времени[3].

Подобная экспертиза производится с целью установления определенных фактов и разрешения спорных ситуаций и вопросов.

И.В. Золотникова и С.Е. Богатырев указывают, что чаще всего объектами искусствоведческой экспертизы являются произведения культуры и искусства, предметы антиквариата, категории которых перечислены в статье 7 Закона российской Федерации «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15.04.1993 г. № 4804-1[4].

Например, Ш.Н. Хазиев в своей работе «Процессуальные и криминалистические основы судебной искусствоведческой экспертизы»[5] к числу художественных объектов относит предметы, изделия и тексты, имеющие историческую, культурную или художественную ценность: предметы живописи (картины, рисунки, иконы), скульптуру, произведения декоративно-прикладного искусства (керамика, майолика, фарфор, фаянс, терракота) и др.[6]

Представляется, что перед экспертом необходимо поставить такой вопрос, ответ на который на основании специальных знаний в области искусствоведения позволит

---

[1] См., например, Максимова Т.В. Ткацкая основа голландской картины XVII вида. // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства: VII научная конференция (26 ноября-29 ноября 2001, Москва). М.: Изд. объединения Магнум АРС, 2003. С.46-52.

[2] См., например, Монсунова Т.М. Иконы-врезки. // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства: XI научная конференция (16 ноября-18 ноября 2005, Москва). М.: Изд. объединения Магнум АРС, 2007. С. 38-43.

[3] О сравнении рисунков кракелюра см. Лелекова О.В. Об экспертизе икон (ил. 1 – 6). // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства: XI научная конференция (16 ноября-18 ноября 2005, Москва). М.: Изд. объединения Магнум АРС, 2007. С.11-18.

[4] Золотникова И.В., Богатырев С.Е. Особенности проведения искусствоведческой экспертизы в рамках административного и уголовного делопроизводства. // Культура: управление, экономика, право. 2010. №4. С.16-20.

[5] Хазиев Ш.Н. Процессуальные и криминалистические основы судебно-искусствоведческой экспертизы // Актуальные проблемы теории и практики судебной экспертизы. Доклады и сообщения на международной конференции «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе». М., Нижний Новгород: РФЦСЭ и Приволжский РЦСЭ МЮ РФ, 2004. С. 335-337.

[6] Там же.

выявить качественные характеристики предмета, которые, в свою очередь, дадут возможность соотнести этот предмет с конкретной правовой нормой[1].

Для криминалистов очевидно, что раскрытие и расследование столь специфических преступлений как подделки произведений искусства требует проведения судебно-искусствоведческой экспертизы, формирующих доказательственную базу[2].

При этом следует признать, что «судебная искусствоведческая экспертиза является *самостоятельным классом*, поскольку для ее осуществления требуются знания искусствоведения, имеющего свой предмет, объекты и методы исследования»[3].

Нельзя не согласиться с мнением Т.В. Аверьяновой, Т.С. Волчецкой, В.М. Первушина, Е.Р. Россинской, Ш.Н. Хазиева о ключевой роли криминалистической искусствоведческой экспертизы при расследовании мошенничества, связанного с реализацией поддельных произведений искусства[4].

Судя по научным публикациям, зарубежные исследователи практикуют специальные методы экспертизы, относимой к арт-криминалистике[5].

Более того, распространенный в англоязычной криминалистике термин forensic art в прямом переводе означает «судебно-экспертное искусство»[6].

В условиях российской практики, скорее, можно говорить о формировании «музейной криминалистики»[7].

Каковы же мероприятия, которые нацелены на совершенствование методики расследования мошенничества, связанного с реализацией поддельных произведений искусства.

Во-первых, расширение списка картин, находящихся в розыске, с одной стороны, и подготовка к изданию новых, уже электронных каталогов живописных полотен, имеющих уголовную историю[8].

Во-вторых, тщательный подбор госслужащих в учреждениях, где хранятся или реставрируются произведения изобразительного искусства, представляющих значительную материальную и общественную ценность.

В-третьих, подбор персонала и формирование групп специалистов экспертов в сфере оценки качества и подлинности произведений изобразительного искусства.

Выше уже упоминались те трудности, с которыми связан выбор экспертного учреждения, не только правомочного, но и располагающего необходимым кадровым и техническим оснащением для проведения судебной искусствоведческой экспертизы. В настоящее время такая экспертиза чаще всего проводится экспертами Росохранкультуры РФ, Художественного научно-реставрационного центра им. Э.Грабаря, Государственного музея Древнерусской культуры и искусства им. А.Рублева, Российской государствен-

---

[1] Пискунова Е.В. Вопросы судебной искусствоведческой экспертизы / В сб. Теория и практика судебной экспертизы - научно-практический журнал. 2011, №4 (24). С.237.

[2] Пискунова Е.В. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в сфере искусства: судебно-искусствоведческая экспертиза. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С.36.

[3] Там же. С.41.

[4] См., например, Первушин В.М. Расследование краж предметов антиквариата: пособие. СПб., 2010; Приданов С.А., Щерба С.П. Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование. М., 2002.

[5] Хазиев Ш.Н. Арт-криминалистика: суть и потенциал // Адвокат, 2005, № (113) 05. С.88. Рубрика: Экспертиза.

[6] Следует также отметить, что в ряде стран, прежде всего в Англии, США, Франции и Швейцарии в последние годы появились учебные курсы, стали издаваться специальные пособия для юристов в области искусства, возникли также новые понятия: Art-Law, du droit de l'art (См.: Богуславский М.М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. М., 2005. С. 14).

[7] Фурлетов В.И. Основные положения музейной криминалистики // Актуальные проблемы теории и практики судебной экспертизы. Доклады и сообщения на международной конференции «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе». М., Нижний Новгород, 2004. С. 338-340.

[8] Например: Подделка картин // www.art-spb.ru – Дата обращения - 2015-10-27.

ной библиотеки, Государственной Третьяковской галереи, региональных музеях по месту совершения преступлений. Возможность проведения подобного рода экспертизы представляют также некоторые негосударственные экспертные учреждения, например, АНО «Центр Судебных Экспертиз»[1].

Трудно не согласиться со специалистами, что назрела необходимость создания подразделений по производству судебно-искусствоведческих экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях, в которых могли бы работать специалисты-универсалы, имеющие опыт проведения нескольких видов традиционных криминалистических экспертиз и способные выполнять роль экспертов-организаторов и координаторов в сложных судебных историко-искусствоведческих экспертизах[2].

Выполненный анализ криминалистических аспектов расследования мошенничества, связанного с реализацией поддельных произведений искусства, особенно живописных полотен, свидетельствует о том, что вопросы криминалистической тактики и методики расследования мошенничества, связанного с реализацией поддельных произведений искусства все больше переходят в плоскость комплексной искусствоведческой экспертизы при том, что для ее выработки приходится прибегать к помощи специалистов самого разного профиля, поскольку для квалифицированной оценки характера мошеннической подделки требуется обоснование большинства положений экспертизы при последующем судебном разбирательстве.

А.Н. Халиков

Теоретические вопросы противодействия расследованию

В статье излагаются теоретические аспекты понятия противодействия расследованию. Указывается на значение данной проблемы в практике следственных органов. Обосновывается, сто противодействие расследованию может иметь место не только со стороны преступных элементов, но и представителей правоохранительных органов.

***Ключевые слова**: расследование, преступление, противодействие расследованию, сокрытие следов преступления, уголовная ответственность.*

A.N. Khalikov

Theoretical Questions of Counteraction to Investigation

The article describes the theoretical aspects of the notion of counteraction to investigation. The significance of this problem in the practice of investigating authorities is pointed at. It is substantiates that counteraction to investigation can take place not only among criminal elements, but also among law enforcement officials.

***Keywords**: investigation, crime, counteraction to investigation, suppression of traces of crime, criminal responsibility.*

Противодействие предварительному расследованию – актуальная проблема не только для теории и практики расследования уголовных дел, но и социальной жизни в

[1] АНО «Центр Судебных Экспертиз» / http://www.golosdorogi.ru/companies/16/ano-tsentr-sudebnih-ekspertiz/ - Дата обращения - 2015-10-29.

[2] Москвина Т.П., Смирнов А.А., Хазиев Ш.Н. Судебная историко-искусствоведческая экспертиза // «Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации», 2004, № 9. С.28.

целом[1]. Во многом это негативное явление отражает отношение части общества к праву и правосудию, исходящее из субъективных и объективных факторов формируемого правосознания отдельных граждан или групп лиц. В силу такого отношения в мышлении и поведении отдельных субъектов закладывается некий универсальный алгоритм, состоящий в том, что при определенных условиях и ситуациях можно не следовать требованиям уголовного закона, а попытаться переломить его в свою пользу на определенных этапах досудебного и судебного производства. Данное явление в криминалистике получило название противодействия предварительному расследованию. При противодействии расследованию используются как общие приемы, так и частные, в зависимости от видов совершенных преступлений.

Следует отметить, что в последнее время противодействие расследованию стало практически неотъемлемым атрибутом расследования достаточно большого числа уголовных дел, характеризующим их криминальную сущность[2]. Как заключают Е.П. Ищенко и В.А. Образцов, в результате криминализации многих сторон жизни общества, включая государственные и правоохранительные органы, в настоящее время «практически ни один случай выявления, раскрытия и судебного рассмотрения преступлений не обходится без преодоления подчас весьма серьезного противодействия со стороны преступников»[3].

Проблематика вопроса о противодействии расследованию нашла отражение в фундаментальных и значительных исследованиях по криминалистике Э.У. Бабаевой, И.А. Бобракова, А.Ю. Головина, С.Ю. Журавлева, Л.А. Зашляпина, Е.П. Ищенко, В.П. Лаврова, Л.В. Лившица, В.Н. Карагодина, А.М. Кустова, И.А. Николайчука, В.А. Образцова, О.Л. Стулина, В.В. Трухачева и др.

Ввиду многогранности фактора противодействия и его активного проявления на стадиях раскрытия и расследования преступлений мнения криминалистов по отношению к самой категории противодействия, его сущности и негативным проявлениям различны. В своих работах ученые-криминалисты противодействие следствию представляют и как один из факторов угрозы сохранности доказательств[4], и как поведение субъекта преступления, направленное на сокрытие следов своего деяния либо их фальсификации[5], и как активизацию деятельности деструктивных элементов, направленных против правомерной деятельности органов предварительного расследования[6], и т. д.

В.Н. Карагодин определяет противодействие предварительному расследованию как «умышленные действия (система действий и бездействие), направленные на воспрепятствование установлению объективной истины по уголовному делу, достижению других целей предварительного расследования»[7]. По мнению Р.С. Белкина, противодействие предварительному расследованию – умышленная деятельность с целью воспре-

---

[1] См.: Лавров В.П. Криминалистическая теория противодействия расследованию преступлений и методы его преодоления (сущность; история; перспективы развития) // Преодоление конфликтных ситуаций в процессе раскрытия и расследования преступлений : сборник научных трудов. Екатеринбург : УЮИ МВД России, 2005. С. 21.

[2] См.: Бабаева Э.У. Современные проблемы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию. М. : Русьинжилкомплект, 2002. С. 49.

[3] Ищенко Е.П., Образцов В.А. Криминалистика : учебник. М., 2010. С. 46.

[4] См.: Ларин А.М. Работа следователя с доказательствами. М. : Юридическая литература, 1966. С. 45–47 ; Якубович Н.А. Теоретические основы предварительного следствия. М. : НИиРИО ВШ МВД СССР, 1971. С. 89.

[5] См.: Клочков В.В., Образцов В.А. Преступление как объект криминалистического познания // Вопросы борьбы с преступностью. 1985. Вып. 42. С. 53–54.

[6] См.: Божьев В.П. Процессуальные предпосылки противодействия расследованию // Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : материалы 51-х криминалистических чтений (28 октября 201 0 г.) : в 3 ч. – М. : Академия управления МВД России, 2010. Ч. 1. С. 36

[7] Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию : дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. С. 16.

пятствования решению задач расследования и, в конечном счете, установлению истины по делу[1]. Л.В. Лившиц рассматривает противодействие предварительному расследованию как действие (бездействие), систему действий (деятельность), поведение лица (группы лиц), направленные на воспрепятствование или препятствующие установлению объективной истины по уголовному делу, решению других задач предварительного расследования[2].

Анализ определений противодействия предварительному расследованию позволяет установить общие (типичные) признаки противодействия, которые проявляются при расследовании уголовных дел любой категории: 1) действия, система действий или бездействие; 2) субъектами этих действий или бездействия являются лица или группа лиц, причастных в той или иной форме к уголовному судопроизводству; 3) данная деятельность направлена на воспрепятствование установлению истины с целью смягчения или уклонения виновных лиц от уголовной ответственности; 4) предварительное расследование понимается как законная деятельность с целью установления истины и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Из последнего положения следует, что нельзя ассоциировать объективную истину с ее принадлежностью только органам расследования без рассмотрения ее сути. В этой связи Я.В. Краснощеков пишет, что «соперничество не может быть разновидностью противодействия, поскольку соперничество предполагает единство целей участников данного действия, а противодействие – противоположность целей»[3]. Соответственно, некоторые авторы, рассматривающие противодействие расследованию только как негативное явление, не в полной мере дают его объективную характеристику, упуская из виду, что противодействие может быть направлено на защиту прав человека, в том числе и от необоснованного обвинения в условиях правомерной состязательности сторон в уголовном процессе. В этом отношении А.М. Кустов характеризует противодействие более широко, указывая, что противодействие предварительному расследованию – это «система противоправных действий, детерминированных объективными и субъективными факторами, направленных на дезорганизацию работы по раскрытию преступления, воспрепятствование достижению объективной истины по уголовному делу и *осуществлению правосудия различными лицами* (выделено нами. – *А.Х.)*, заинтересованными в уклонении от ответственности виновного»[4].

Продолжая приведенную логику соотношения категории противодействия с предварительным расследованием и правосудием, авторы «Справочника следователя» пишут о противодействии как о противоправной деятельности, противоречащей *назначению уголовного судопроизводства*, которому, как известно, присуща двуединая направленность: 1) защита потерпевших от преступлений; 2) защита личности от незаконного и необоснованного обвинения (ст. 6 УПК РФ)[5]. И если довести эту мысль до завершения, то противодействовать установлению истины могут, как указывает А.М. Кустов, различные лица, то есть практически все без исключения.

---

[1] См.: Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования : учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, А.И. Бородулин, В.Н. Григорьев и др. ; под ред.: Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин. М. : Новый Юрист, 1997. С. 129.

[2] См.: Лившиц Л.В. Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений несовершеннолетних. Уфа : Восточный университет, 2001. С. 18.

[3] Краснощеков Я.В. Нейтрализация утраты криминалистически значимой информации при производстве следственных действий в ситуациях противодействия расследованию : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 14.

[4] Кустов А.М. Механизм деятельности по противодействию расследованию // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения расследования преступлений : Труды академии. М. : Академия МВД России, 1996. С. 54.

[5] См.: Справочник следователя. М., 2004. С. 463.

В отношении субъектов правоохранительных органов те же изучаемые нами должностные лица – следователь, прокурор, дознаватель и т. д., – превышая или злоупотребляя своими полномочиями, могут быть заинтересованы в привлечении невиновного лица к уголовной ответственности, что фактически представляет собой составы преступлений против правосудия. Мотивами противодействия в установлении истины здесь могут быть следующие:

1) привлечение в качестве обвиняемого невиновного лица, заключенного под стражу, за освобождение которого от уголовной ответственности придется отвечать дисциплинарным взысканием;

2) корысть в виде получения взятки за привлечение к уголовной ответственности невиновного лица;

3) личные мотивы из карьеристских или опосредованно имущественных побуждений, таких как, например, выполнение указаний вышестоящих руководителей о привлечении к уголовной ответственности руководителей предприятий для последующих рейдерских захватов их собственности;

4) личные неприязненные отношения и т. д.

По существу, незаконные действия органов следствия противодействуют правомерному предварительному расследованию и правосудию, предусмотренному положениям о назначении уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). Применяемые незаконные приемы противодействия должностными работниками правоохранительных органов в досудебном производстве значительно опаснее, поскольку осуществляются в закрытом режиме, не допуская вмешательства препятствующих для этого сил (адвокатов, представителей обвиняемых и т. д.). На подобные мотивы при осуществлении противодействия расследованию указывает и Э.У. Бабаева, анализируя понятие противодействия уголовному преследованию со стороны должностных лиц правоохранительных органов и следствия при их халатном или злоумышленном отношении к своим обязанностям[1].

Исходя из приведенных мнений ученых, анализа теории и практики данного явления, *под противодействием предварительному расследованию мы понимаем незаконные действия или бездействие любых участников уголовного судопроизводства на стадии досудебного производства, направленные на воспрепятствование назначению уголовного судопроизводства и, следовательно, воспрепятствование привлечению к уголовной ответственности виновного лица или непривлечению к уголовной ответственности невиновного лица в целях исполнения назначения уголовного судопроизводства и в интересах правосудия.*

[1] См.: Бабаева Э.У. Основы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 25–35.

В.И. Халин

Некоторые факторы противодействия расследованию коррупционных преступлений

В настоящей статье автор раскрывает некоторые факторы, оказывающие влияние на процесс противодействия расследованию коррупционных преступлений со стороны участников уголовного судопроизводства. В качестве примеров возможных факторов противодействия расследованию приводятся ситуации из практики Тюменского региона. В заключении статьи автор предлагает возможные способы нейтрализации и преодоления противодействия расследованию.

***Ключевые слова**: коррупция, взяточничество, противодействие расследованию.*

V.I. Khalin

Some factors of counteraction to investigation of corruption crimes

In this article the author reveals some of the factors that influence the process of counteraction to investigation of crimes of corruption on the part of participants in criminal proceedings . Examples of possible factors are countering investigate the situation from the practice of the Tyumen region . At the end of the article the author suggests possible ways of neutralizing and overcoming of counteraction to investigation.

***Keywords**: corruption, bribery, anti-investigation.*

Всемирная глобализация, новые информационные технологии, в том числе в сети интернет, приводят к совершенствованию приемов и способов противодействия расследованию. Так, 28 мая 2014 года на официальном сайте Прокуратуры Тюменской области появилась информация о выявлении двух интернет-ресурсов, пропагандирующих коррупцию. На одном сайте была размещена Инструкция по даче взятки полицейскому, а на другом рассказывалось «как правильно дать взятку не только судье, гаишнику, врачу или учителю, но и даже сотрудникам правоохранительных органов, пришедшим арестовывать по подозрению в получении или даче взятки» [1].

Данный факт свидетельствует о том, что преступники могут заранее, уже на стадии подготовки к совершению преступления, ознакомиться с тем, какие приемы и способы можно использовать, чтобы оказать сопротивление следствию.

В настоящее время определение противодействия расследованию имеет различные, но схожие дефиниции, которые отражают сущность рассматриваемого явления.

Например, В.Н. Карагодин, в своей докторской диссертации, раскрывающей проблематику противодействия расследованию, полагает, что "противодействие предварительному расследованию - это умышленные действия (система действий и бездействия), направленные на воспрепятствование установлению объективной истины по уголовному делу и достижению других задач предварительного расследования"[2].

В.Е. Корноухов считал, что «противодействие расследованию – это самостоятельный вид преступной деятельности или система поведенческих актов, носящая аксиальный (направленный на передачу информации конкретным адресатам) или (и) ретиаль-

[1] «В Тюмени суд по иску прокурора запретил в Интернете пропаганду взяток» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Прокуратуры Тюменской области. – URL: http://proctmo.ru/press-center/news/7458/ (дата обращения 28.30.2015).

[2] Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию: автореф.дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. С.16.

ный (направленный множеству адресатов) характер, которые направлены против достижения следователем тактических и правовых целей[1].

Р.С. Белкин определял противодействие расследованию как "умышленную деятельность с целью воспрепятствования решению задач расследования и, в конечном счете, установлению истины по уголовному делу"[2].

И.М. Лузгин, В.П. Лавров рассматривали противодействие расследованию как «сокрытие преступления, социально значимый акт, когда преступник осознает общественную опасность и противоправность деяния и стремится избежать ответственности за содеянное»[3].

Наиболее правильно нам представляется позиция В.П. Лаврова и А.Ф. Волынского, суть которой в том, что "противодействие расследованию преступлений в криминалистическом аспекте есть совокупность умышленных противоправных и иных действий преступников, а также связанных с ними лиц, направленных на воспрепятствование установлению истины правоохранительными органами в их деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступных деяний"[4].

Полагаем, что противодействие расследованию преступлений по сути представляет собой не только умышленные противоправные, но и иные действия преступников, которые связаны непосредственно с неуважением граждан к закону, выражающееся не только в его нарушении, но и еще в нарушении нормального, естественного функционирования общественных отношений. В мышлении субъектов преступления складывается негативное восприятие окружающей действительности, выражающееся в поиске способов, приемов, средств, позволяющих оставаться вне подозрения со стороны правоохранительных органов. А в случае подготовки к совершению преступления субъекты уже заранее обдумывают возможные варианты сокрытия последствий, улик, следов преступления. Разрабатывают возможные варианты освобождения от уголовной ответственности, в том числе противозаконные.

В результате изучения 52 уголовных дел, рассмотренных судами Тюменского региона, а также анализа материалов, содержащихся в СМИ, мы пришли к выводу, что существенное деструктивное влияние на расследование уголовных дел коррупционной направленности оказывает противодействие со стороны должностных лиц, имеющих властные полномочия, способных своими административными и иными ресурсами повлиять на правоохранительные органы. Еще сложнее обстоят дела, когда в процесс противодействия включаются должностные лица, работающие в правоохранительных органах, где уже их властные полномочия распространяются непосредственно на лиц, которые впоследствии будут расследовать дело. Таким образом, сам уровень противодействия зачастую зависит от возможностей самого подозреваемого (обвиняемого) лица.

Под факторами, способствующими противодействию, в настоящей работе мы понимаем совокупность причин, оказывающих влияние на процесс противодействия расследованию коррупционных преступлений со стороны заинтересованных в этом лиц. По нашему мнению, к таким факторам можно отнести следующие:

---

[1] Криминалистика: учебник / под ред. В.Е. Корноухова. М.: Юристъ, 2000. 784 с.

[2] Белкин Р.С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции органов предварительного расследования / Под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. М., 1997. С. 129.

[3] Лузгин И.М., Лавров В.П. Способ совершения преступления и его кримина- листическое значение. М.: Академия МВД СССР, 1980. С. 17.

[4] Волынский А.Ф., Лавров В.П. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации.- М., 1997.- С.93-99.

1. Отсутствие морального осуждения со стороны общества (коллектива). Например, подозреваемый работает в государственном учреждении, характеризуется положительно, в коллективе пользуется авторитетом. В этих случаях, как правило, коллеги по работе (службе) ему сочувствуют, морально поддерживают, зачастую считают, что «его подставили», он не мог сам совершить преступление, а выполнял указание руководителя и т. п. Возможно также и нейтральное отношение к происходящему.

2. Покровительство со стороны руководителя государственного (муниципального) органа. Руководитель осознает, что совершение преступления представляет угрозу как для репутации учреждения, так и для его авторитета, в частности, так как он отвечает за действия своих подчиненных, а, следовательно, несет ответственность за то, что не предпринял соответствующих мер. Как показывает практика, в данной ситуации происходит увольнение не только лиц, виновных в совершении преступления, но и их непосредственных руководителей[1].

3. Возможность использования, так называемого материального ресурса. В ходе расследования, установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, противодействие может заключаться в попытках подкупа лиц, ведущих расследования, в целях минимизации ответственности, либо прекращения уголовного преследования.

4. Большие технические, информационные и иные возможности. Наличие у должностного лица широкого круга общения с другими лицами. Наличие технических приспособлений, орудий, средств, позволяющих владеть информацией, связанной с раскрытием преступления, деятельностью следователя. А в случае, если это лицо работает в сфере правоохранительных органов, то и наличие юридических знаний, профессиональный опыт оперативно-розыскной и следственной деятельности, позволяющих существенно влиять на ход следствия.

Все перечисленные факторы проявляются в различных ситуациях расследования на практике.

Например, как уже отмечалось, при изучении уголовных дел установлено, что характеризующие взяткополучателя материалы в подавляющем большинстве положительны. Особенно ярко положительные сведения о подозреваемом проявляются в показаниях свидетелей-сослуживцев. Это, безусловно, говорит о том, что между коллективом и взяткополучателем в свое время сформировалась благоприятная должностная среда, которая, опять же, оказывает деструктивное влияние на качество расследования. Полагаем, что это фактор отсутствия морального осуждения со стороны общества (коллектива).

О покровительстве со стороны руководителя государственного (муниципального) органа свидетельствует ситуация, связанная с начальником УМВД России по г. Тюмени полковником полиции Р., который в сговоре с командиром полка ДПС Б. регулярно получал взятки. Однако в июле 2013 года за взятку в один миллион рублей был задержан только командир тюменского полка ДПС Б., а его начальник Р. написал рапорт на отпуск с последующим увольнением из органов внутренних дел[2]. Считаем, что руководители оказывают противодействие расследованию преступлений в личных интересах, не только ради сохранения своей репутации, но и в силу того, что, зачастую, причастны к совершаемым преступлениям.

Примером оказания противодействия с использованием т.н. материального ресурса могут являться действия должностных лиц Г. и Е. Так, Г., начальнику ОП № 4 УМВД России по г. Тюмени, была предложена взятка в размере 30 000 рублей за прекращение в

---

[1] Уголовное дело № 1-162/2013. – 986 л. – Архив Центрального районного суда г. Тюмени. Уголовное дело № 1-201/2012. – 311 л. – Архив Тюменского районного суда.

[2] «Откатили на обочину» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Прокуратуры Тюменской области. – URL: http://www.rg.ru/2013/08/14/korrupciya.html (дата обращения 29.30.2015).

отношении гражданина Н. уголовного преследования. Действия Н. были пресечены сотрудниками полиции. Приговором суда Н. был признан виновным на основании ч.3 ст.30 и ч.3 ст.291 УК РФ. А вот гражданин Е, помощник оперативного дежурного этого же отдела полиции, получил взятку за освобождение задержанного и не стал сообщать о содеянном им преступлении. Приговором суда была установлена его вина в совершении преступлений, предусмотренных ч.1 ст. 290 УК РФ, ч.1 ст. 290 УК РФ и ему было назначено наказание в виде штрафа в размере пятидесятикратной суммы взятки – 80 000 рублей[1].

Властные и информационные возможности могут привести к следующей ситуации расследования. Заведующая кафедрой С., обвиняемая в совершении преступлений, связанных со взяточничеством, угрожала старшему преподавателю З. - своему пособнику, через которого студенты передавали зачетные книжки и деньги, что сделает все возможное, чтобы его уволили из университета, в случае дачи им показаний на С. Данный факт был установлен, а в дальнейшем получены доказательства, положенные в основу обвинительного приговора суда[2].

Довольно часто взяткополучатели прибегают к даче ложных показаний; сообщают об организованной против них провокации; оправдывают факт обнаружения предмета взятки возвратом долга либо получением денег взаймы; прибегают к маскировке процедуры получения, дачи взятки. Практикуется сокрытие связей между соучастниками, уничтожение изобличающих документов. Сама договоренность о встрече осуществляется через защищенные паролями информационные каналы. Непосредственная передача сопряжена с определенными системами защиты: закрытая дверь, охрана у входа в помещение, подготовка к объяснениям в случае задержания, использование технических средств, подавляющих работу специальной техники.

Приведем еще одну ситуацию противодействия расследованию коррупционных преступлений. Прокуратурой Тюменской области в апреле 2014 г. направлено в суд уголовное дело в отношении старшего преподавателя кафедры Р., которая обвинялась в совершении преступлений, предусмотренных ч.3 ст. 290 УК РФ и ч.1 ст. 292 УК РФ.

По версии следствия Р. потребовала от студентки 20 тыс. рублей за отличную отметку по предмету, дав понять, что без денег ей экзамен не сдать. Девушка, сдавшая другие экзамены на «отлично», платить мзду не согласилась. Она обратилась в Управление по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции УМВД России по Тюменской области с заявлением о вымогательстве взятки. Девушке вручили деньги и спецсредство для аудио- видеофиксации передачи взятки. В сопровождении оперативника она прибыла в университет, где в аудитории передала деньги Р., а та - за это поставила в зачетную книжку отметку «отлично». После этого преподавательница была задержана, а полученные деньги изъяты. Также была изъята и экзаменационная ведомость, которую Р. вырвала у оперативника и порвала. Обрывки документа приобщили к материалам делам в качестве вещественного доказательства[3]. В данной ситуации лицо, совершившее преступление, пыталось оказать противодействие расследованию и своевременному раскрытию преступления путем уничтожения экзаменационной ведомости.

---

[1] Уголовное дело № 1-182/2013. – 328 л. – Архив Центрального районного суда г. Тюмени; Уголовное дело № 1-107/2012. – 401 л. – Архив Центрального районного суда г. Тюмени.

[2] Уголовное дело № 1-158/2011. – 746 л. – Архив Ленинского районного суда г. Тюмени.

[3] «В Тюмени преподавательница государственного аграрного университета предана суду за взяточничество» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Прокуратуры Тюменской области. – URL: http://proctmo.ru/press-center/news/7483/ (дата обращения 28.30.2015).

Рассмотрев факторы противодействия расследованию, можно прийти к выводу о том, что следователь практически всегда сталкивается с «барьерами» на пути осуществления им законной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Выявление противодействующих факторов должно осуществляться поступательно, с использованием знаний о методологии борьбы с противодействием. Для нейтрализации и преодоления противодействующих факторов во время предварительного расследования необходимо их своевременно выявлять и пресекать, оперативно с ними бороться.

Д.С. Хижняк

Роль анализа криминальной ситуации в стратегических документах зарубежных стран для выявления характера транснациональной криминалистической (следственной) ситуации (на материале стратегических документов Великобритании и США)

В статье рассматривается соотношение понятий «криминальная ситуация» и «криминалистическая (следственная) ситуация» применительно к сфере транснациональных преступлений. Источником информации о криминальной ситуации в ряде зарубежных стран являются документы с родовым названием «стратегия», которая обусловливает транснациональную криминалистическую (следственную) ситуацию и является источником моделирования информации о конкретных проявлениях транснациональных преступлений.

***Ключевые слова**: криминальная ситуация, криминалистическая (следственная) ситуация, стратегия, транснациональные преступления.*

D.S. Khizhnyak

The role of the criminal situation analysis in strategic documents of foreign countries for understanding the character of transnational forensic (investigation) situation (with the example of strategic documents of Great Britain and the USA)

The article deals with the relationship between the concepts "criminal situation" and "forensic (investigation) situation" with regard to the area of transnational crime. The sources of information about the criminal situation in a number of foreign countries are documents with the generic name "strategy", which stipulate the transnational forensic (investigation) situation and are sources of modeling information about the specific manifestations of transnational crime.

***Keywords**: criminal situation, forensic (investigation) situation; strategy, transnational crimes.*

Приоритетные направления развития стратегии расследования транснациональных преступлений определяются характером транснациональных криминалистических (следственных) ситуаций и транснациональных криминальных ситуаций. Г.А. Зорин предложил следующую классификацию криминальных ситуаций транснациональных преступных групп: 1) ситуации организации транснациональных преступлений и отдельных элементов транснациональной криминальной деятельности; 2) ситуации транснациональных инсценировок; 3) ситуации тактического и стратегического противодей-

ствия расследованию; 4) транснациональные ситуации, возникающие в ходе совершения отдельных видов транснациональных преступлений[1].

Транснациональная криминалистическая (следственная) ситуация традиционно складывается при расследовании таких преступлений, как террористические акты, угон судна воздушного или водного транспорта, либо железнодорожного подвижного состава, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, торговля людьми и использование рабского труда и др. Однако при определенных условиях она может возникать и в ходе расследования общеуголовных дел, поскольку такие преступления, как грабежи, убийства, должностные преступления и многие другие, могут являться сопутствующими и составляющими криминальную деятельность транснационального организованного преступного формирования. Криминалистическая (следственная) ситуация по сути является отражением уже созданной криминальной ситуации (обстановки реально совершенного преступления), поэтому следователь имеет дело уже со сложившимися отношениями и, таким образом, криминальная ситуация определяет содержание ситуации криминалистической. В ходе криминалистической (следственной) ситуации следователь прогнозирует обстоятельства, исходя из преступных закономерностей, моделирует реальность совершенного преступного деяния, рефлексирует действия преступника.

В настоящее время многие страны принимают стратегические политико-правовые документы, в том числе и посвященные борьбе с организованной преступностью (в зарубежной практике часто ставят знак равенства между организованной и транснациональной преступностью), транснациональными преступлениями и их видами, одной из целей которых является характеристика особенностей криминальной ситуации, относящейся ко всей совокупности или отдельным транснациональным преступлениям, совершаемым на территории данного государства[2]. Анализ стратегических документов свидетельствует о том, что при значительном сходстве криминальные ситуации имеют свою специфику проявления в каждом государстве. Такие сходства и различия необходимо учитывать при расследовании транснациональных преступлений, поскольку они предопределяют специфику каждой сложившейся криминалистической (следственной) ситуации в определенном государстве, что обусловлено сущностным характером транснациональных преступлений.

Рассмотрим опыт создания стратегических документов, направленных на борьбу с транснациональными преступлениями в Великобритании и США с точки зрения определения в них криминальной ситуации, дающей следователю понимание того, в каком направлении должны быть приложены его усилия по расследованию транснациональных преступлений на фоне сложившейся транснациональной криминалистической (следственной) ситуации.

Так, в Великобритании в 2011 г. была принята новая «Стратегия борьбы с терроризмом» (CONTEST)[3], особенностью которой является учет наиболее значимых угроз безопасности Великобритании. В Преамбуле содержится анализ криминальной ситуации террористической деятельности в стране, особое внимание уделяется транснациональной преступной деятельности Аль-Каиды и терроризму в Северной Ирландии. Это вполне понятно, так как еще с 2003 г. Аль-Каида совершала террористические акты в

---

[1] Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. Минск, 2000. С. 126-129.

[2] Australia's National Drug Strategy. URL: http://www.nationaldrugstrategy.gov.au (дата обращения: 02.10.2015); National Crime Prevention Strategy. URL: http://www.publicsafety.gc.ca/cnt/cntrng-crm/crm-prvntn/strtg-eng.aspx (дата обращения: 02.10.2015); Crime Prevention Strategy Czechs Republic URL: https://www.google.ru/url (дата обращения: 02.10.2015) и др.

[3] CONTEST: The United Kingdom’s Strategy for Countering Terrorism. July 2011. London: HM Government, 2011.

Великобритании. В Преамбуле также отмечается активизация террористических актов в Северной Ирландии, где только в 2010 г. было совершено 40 террористических актов. Такой анализ угрозы со стороны конкретных террористических организаций имеет большое значение для целей расследования преступлений, так как указывает основные угрозы, а следовательно, определяет характерные особенности сложившейся транснациональной криминалистической (следственной) ситуации.

В Стратегии CONTEST Великобритании была разработана и принята Превентивная стратегия (PREVENT Strategy[1]). В Стратегии анализируется степень активности разных типов транснациональных преступлений (наркотрафик, киберпреступность, отмывание денежных средств и др.), характеризуются транснациональные преступные связи в Великобритании с разными регионами мира (Афганистаном, Западной Африкой, США, Европой), выявляются районы Великобритании с высоким и низким уровнем преступности, а в зависимости от этого формулируются задачи государства по борьбе с преступностью на разных уровнях (местном, региональном, приграничном, международном). Анализируются преступления, совершаемые гражданами других государств в Великобритании, и гражданами Великобритании в других государствах; подчеркивается необходимость сотрудничества с Европолом, Интерполом, G 8.

Основные направления борьбы с транснациональными преступлениями в США и меры по их предупреждению представлены в «Стратегии по борьбе с транснациональной организованной преступностью»[2]. Во Введении отмечается, что транснациональная преступность значительно изменила свой характер в последние годы: ранее она имела региональный характер и редко была связана с терроризмом; в настоящее время эта преступность характеризуется более сложной организацией, имеет прочные связи с киберпреступностью и терроризмом, осуществляет торговлю наркотиками, занимается контрабандой оружия массового уничтожения и т. д.

В связи с этим в Главе II, озаглавленной «Транснациональная организованная преступность: растущая угроза национальной и международной безопасности», содержится перечисление основных угроз, включая рассмотрение особенностей различных транснациональных преступлений, совершаемых на территории США. Среди таких угроз выделяются проникновение транснациональной организованной преступности (ТОП) в государственные учреждения, коррупция, угрозы управлению и экономике США, а также конкурентоспособности стратегических рынков страны, взаимосвязи преступлений с терроризмом и восстаниями. Далее перечисляются наиболее часто совершаемые транснациональные преступления: наркотрафик, незаконная перевозка людей через границу или пересечение границы с целью незаконного въезда в страну (human smuggling), торговля людьми, торговля оружием, кража интеллектуальной собственности, киберпреступность. В качестве отдельного аспекта криминальной ситуации отмечается возрастающая роль пособников (координаторов и посредников) в совершении транснациональных преступлений.

Существенным структурным элементом Стратегии является достаточно подробный анализ региональных различий проявления ТОП и национальных типов организованных преступных группировок (ОПГ). Среди таких регионов Стратегия упоминает особенности ТОП и ОПГ в западном полушарии (в США, Мексике, Колумбии), юго-восточной Азии и особенно в Афганистане, России и ее регионе Евразии, на Балканах, в Западной Африке, в Азии и Тихоокеанском регионе.

---

[1] PREVENT Strategy. July 2011. London, 2011.
[2] Strategy to Combat Transnational Organized Crime. July 19, 2011. Washington: The White House, 2011.

Антинаркотические стратегии США — особые документы, представляющие собой систему стратегий, пополняемую ежегодно. Первая такая стратегия была принята в 2010 г.[1]. В ней отмечалось, что транснациональные преступные организации и сети незаконного оборота наркотиков постоянно расширяют сферы влияния, что создает значительные проблемы для национальной безопасности Соединенных Штатов и стран-партнеров. Меры, перечисленные в Стратегии 2011 г.[2], основываются на Стратегии 2010 г. с указанием успехов наркополитики, достигнутых за год. В Стратегии проанализирована обстановка с потреблением наркотиков и наркотраффика в разных районах США, отмечено, что особое внимание уделяется охране юго-восточных границ страны. В Стратегии 2012 г.[3] отмечены достижения в сфере борьбы с наркотиками и иными преступлениями. В Национальной стратегии по борьбе с наркотиками 2013 г.[4]. вновь анализируется ситуация с потреблением наркотиков. Стратегия 2013 г. включает в себя и некоторые новые элементы, которые отражают реализацию взаимодействия широкого круга заинтересованных сторон, расширение диалога с лидерами в Пуэрто-Рико (неинкорпорированной организованной территории США), которое привело к признанию общей проблемы, связанной с употреблением наркотиков, торговлей людьми и их последствиями Содружеством. Стратегия 2014 г.[5] включает в себя новый элемент действий, направленных на борьбу с наркотиками — привлечение внимания к угрозе новых синтетических наркотиков таких, как К-2, Spice и «соли для ванн»). Обсуждается работа вновь созданных сил (National Border Corruption Task Forces) для лучшей координации действий по расследованию коррупции на границах, а также координации действий органов власти разных уровней. Отмечается необходимость усиления борьбы с наркотраффиком в почтовых отправлениях и др.

Характеристика криминальной ситуации не только обусловливает характер криминалистической следственной ситуации в сфере транснациональной преступности, но и составляет основу модели формирования криминалистической информации о конкретном транснациональном преступлении, которая состоит из двух содержательных частей:

1. Информация, относящаяся к личности участников преступных группировок и их структуре. К данной группе относят информацию о: численности транснационального организованного преступного формирования (ТОПФ); структуре ТОПФ; личности лидеров ТОПФ; роли каждого члена ТОПФ в его иерархии; данных, характеризующих преступное поведение членов ТОПФ; образе жизни и возможных связях; базовой направленности криминальной деятельности ТОПФ; сферах криминальной деятельности; склонности отдельных членов ТОПФ к побочной криминальной деятельности и возможности совершения ими конкретных преступлений; коррупционных связях ТОПФ.

2. Информация, относящаяся к механизму совершения и сокрытия преступлений участниками транснациональных организованных преступных формирований. К данной группе относится информация о: способах подготовки, совершения, сокрытия преступления; закономерностях, обусловивших возникновение материальных и интеллектуальных следов; обстоятельствах, благоприятствующих или препятствующих реализации преступления; последствиях преступной (криминальной) деятельности.

Таким образом, рассмотренные стратегические документы не только устанавливают наиболее общие цели и задачи, а также перспективы борьбы с транснациональны-

[1] National Drug Control Strategy. Washington: The White House, 2010.
[2] National Drug Control Strategy. Washington: The White House, 2011.
[3] National Drug Control Strategy. Washington: The White House, 2012.
[4] National Drug Control Strategy. Washington: The White House, 2013.
[5] National Drug Control Strategy. Washington: The White House, 2014.

ми преступлениями и их расследованием, но и имеют большое значение для расследования транснациональных преступлений. Особо следует подчеркнуть роль ежегодно обновляемых стратегических документов, анализирующих изменения криминальной ситуации.

Л.Е. Чистова

Организованная преступная деятельность: понятие, сущность, структура.

В статье анализируются различные мнения ученых-криминалистов по поводу понятия организованной преступной деятельности. Приводится авторское определение, и на его основе делается аргументированный вывод о сущности этой деятельности, которая, по мнению автора, наиболее полно раскрывается в ее структуре.

***Ключевые слова**: организованная преступная деятельность; сущность организованной преступной деятельности; структура организованной преступной деятельности.*

L.E. Chistova

The organized criminal activities: the concept, the nature, the structure.

Various forensic scientists' opinions in regards of the organized criminal activities concept are analyzed in the article. The author definition is done which is the base of the reasoned conclusion on the nature of these activities, which, according to the author, is most fully disclosed through its structure.

***Keywords**: the organized criminal activities; the nature of the organized criminal activities; the structure of organized criminal activities.*

Организованная преступная деятельность неоднократно являлась предметом исследования криминалистов. Однако до сих пор нет единого подхода ни к понятию этого явления, ни его сущности и структуры. Меж тем раскрытие ее содержания имеет как теоретическое, так и практическое значение, позволяющее не только успешно раскрывать и расследовать преступления, являющиеся ее основой, но и вырабатывать способы и методы противодействия этой деятельности.

Одно из первых определений организованной преступной деятельности, как криминалистической теории, принадлежит В.И. Куликову, По его мнению, она представляет собой «особый вид криминального промысла, который реализуется возникающими в результате сплочения криминальной среды мобильными, имеющими соответствующие поставленным преступным целям структуру, внутреннюю организацию, управление и внешние связи преступными формированиями (группами), в виде динамично планируемых, адаптированных к достижению криминальных целей, коллективно осуществляемых систем определенного рода базовых (корыстных, хозяйственных, должностных), а также многих иных, в основном, умышленных преступных деяний»[1].

Г.М. Меретуков в своем диссертационном исследовании « Правовые и криминалистические проблемы борьбы с наркобизнесом, совершаемым организованными пре-

[1] Куликов В.И. Основы криминалистической теории организованной преступной деятельности. Ульчновск. 1994. С. 34.

ступными группами»[1],организованную преступную деятельность понимал как организованную преступность и участие в организованном и коррумпированном преступлении[2].

Не видит разницу между организованной преступностью и организованной преступной деятельностью и Н. П. Яблоков[3].

Уважая мнение этих ученых, мы все же считаем, что организованная преступность и организованная преступная деятельность, не одно и то же.

Наиболее удачное определение организованной преступности предложил Н. П. Яблоков, по мнению которого данное явление следует понимать как единую системную совокупность разных видов профессионально совершаемых преступлений в виде постоянного промысла усилиями лиц, объединенных в специально созданные устойчивые, хорошо организованные, законспирированные и защищенные от разоблачения (в том числе с помощью коррумпированных связей) формирования, существующие независимо или являющиеся структурными частями еще более сложной преступной системы межрегионального или транснационального уровня[4].

Как видно из этого определения, организованная преступность – это совокупность преступлений, совершаемых профессионально в виде постоянного промысла. Т. е. для лиц, объединившихся с этой целью в различные группы, объединения, формирования и т. д. совершение подобных преступлений является основным занятием, или как бы своего рода определенной профессиональной деятельностью.

В толковых словарях С.И. Ожегова и Д.Н. Ушакова слово деятельность трактуется как работа[5].

В энциклопедии Брокгауза и Ефрона под деятельностью понимается совокупность действий, объединенных общностью субъекта.[6]

Р.С. Белкин в своей краткой энциклопедии определял деятельность как динамическую систему взаимодействия субъекта с миром, специфически человеческую, регулируемую сознанием внутреннюю и внешнюю активность[7].

Таким образом, деятельность предполагает совершение каких-либо действий, направленных или на достижение цели, стоящей перед конкретными субъектами, или на обеспечение их результативности. А поскольку предметом исследования криминалистики является деятельность преступная, то действия преступников, объединившихся для совершения какого-либо вида или видов преступлений, состоят, во-первых, в подыскании лиц, которые будут совершать свойственные только им функции, направленные на достижение преступного результата; во-вторых, формирование этих лиц в группы, соты, ячейки, организации, иные формирования; в-третьих, подыскании различных технических и иных средств, с помощью которых будут совершаться конкретные преступные действия, например, с наркотиками; в четвертых, разработки плана действий, как преступного формирования или преступной организации в целом, так и каждого ее члена; в-пятых, обеспечение охраны и принятия других конспирированных мер в целях недопущения разоблачения существования данной организации или формирования; в-шестых, налаживание коррумпированных связей и совершение иных действий, позволяющих не

---

[1] Меретуков Г. М. правовые и криминалистические проблемы борьбы с наркобизнесом, совершаемым организованными преступными группами. Дис. докт. юр. наук. М. 1995. 470с.
[2] Там же с. 68-70.
[3] Яблоков Н.П. расследование организованной преступной деятельности. М. 2002. 172с.
[4] Н.П. Яблоков. Указ.соч. с. 37-38.
[5] Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. 1973. С.150; Толковый словарь Д.Н. Ушакова. М. 1935-1940. http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/?f=0JTQldCS0K8=&t=0JTQntCT0JA=&nt=1147&p=13
[6] Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. 1890-1907. //http://enc-dic.com/brokgause/Dejatelnost-99944.html
[7] Белкин Р.С. Криминалистика: краткая энциклопедия. М. 1993. С.22.

только продолжать совершать конкретные преступления, но и совершенствовать свои преступные действия с целью получения высокого дохода; в- седьмых, их легализация, т.к. сами по себе высокие доходы, если они будут лежать где-то мертвым грузом, бессмысленны.

Иными словами, преступная деятельность является содержательной стороной преступности. И получается, чтобы достичь своей цели, необходимо совершать нужные для конкретной ситуации действия. А их совокупность в качественных и количественных показателях и составляет преступность.

Таким образом, главным условием в достижении преступной цели, длительного функционирования группы, организации, формирования и т. д. или иными словами осуществления преступной деятельности, в том числе и организованной, является совершение определенных действий.

В связи с этим, мы не можем согласиться с мнением В.П. Лаврова, который предлагает считать организованную преступную деятельность элементом организованной преступности. В частности, по его мнению, «Организованная преступная деятельность (ОПД) – это наиболее существенный, неотъемлемый элемент организованной преступности, который состоит в создании организованных преступных формирований, руководстве или участии в них, подготовке конкретных преступлений, непосредственном их совершении, сокрытии следов, в принятии иных мер противодействия раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых членами организованных преступных групп, организаций, сообществ»[1].

Значение слова «элемент» в различных словарях трактуется как составная часть чего-то[2].

Если организованную преступность понимать как совокупность всех преступлений, совершаемых членами организованных преступных групп, организаций, сообществ, то ее частями или элементами будут преступления в сфере экономики, незаконного оборота оружия, природных ресурсов, наркотиков, против жизни и здоровья населения и другие виды и группы преступлений. В основе же всех этих преступлений опять-таки будет преступная деятельность, т. е. определенные действия членов организованных преступных групп, организаций, сообществ, направленные на создание условий успешного их совершения. В своем определении В.П. Лавров эти действия называет: создание организованных преступных формирований, руководстве или участии в них, подготовка конкретных преступлений, непосредственном их совершении, сокрытии следов, принятие иных мер противодействия раскрытию и расследованию преступлений. Иными путями, кроме как совершением конкретных действий осуществить вышеперечисленное просто невозможно. А неоднократное совершение подобных действий является уже деятельностью. И получается, что организованная преступность и организованная преступная деятельность соотносятся между собой следующим образом: организованная преступность является величиной количественной, а организованная преступная деятельность – качественной.

К тому же, преступность в любых ее проявлениях, в т. ч. и организованных формах, является предметом исследования науки криминологии.

Для криминалистики же интерес представляют действия, совершенные в связи с преступлением, как криминального, так и некриминального характера. Отражаясь в окружающей действительности, на определенных объектах или в сознании других лю-

---

[1] Лавров В.П. Методика расследования преступлений, совершаемых организованными преступными формированиями. //Криминалистика. Учебник под ред. А.Ф. Волынского и В.П. Лаврова. Гл.49. М. 2008. С.893

[2] См.: http://enc-dic.com/dal/JElement-43373/

дей они оставляют соответствующие следы, с помощью которых устанавливается истина по уголовному делу.

В связи с этим, на наш взгляд, организованная преступная деятельность может быть определена как тщательно спланированные, согласованные по лицам и промежуточным целям действия лиц под единым руководством, обладающие высокой степенью организованности, как криминального, так и некриминального характера, постоянно совершенствующиеся и использующие новейшие достижения в технике и иных областях, направленные на подготовку, совершение, сокрытие преступлений регионального и транснационального уровня, а также на противодействие расследованию, обеспечение безопасного функционирования формирований с помощью конспирации и коррупционных связей в правоохранительных и иных государственных органах, направленные на получение огромных прибылей с последующей их легализацией.

Исходя из определения, сущностью организованной преступной деятельности является совершение различных преступлений, начиная с момента их подготовки до получения прибыли для удовлетворения своих потребностей.

С точки зрения криминалистики, изучение сущности организованной преступной деятельности позволяет выявить, изъять, исследовать следы, которые оставляют ее участники при совершении различных незаконных действий, вольно или невольно при этом вступая во взаимодействие, взаимосвязь с другими людьми и материальными предметами. В результате такого контакта в окружающей среде наступают соответствующие изменения. Они могут выражаться в нарушении ранее существовавшей обстановки или производства каких-либо процессов, конкретного места; исчезновении, или, наоборот, появлении каких-либо предметов; изменении состояния здоровья, а также тела, одежды определенных лиц и возникновении иных следов.

С незаконными действиями преступника могут быть косвенно связаны и иные лица, не знавшие о настоящих его намерениях. Они также могут осуществлять по его просьбе или иным причинам какие-либо действия, которые найдут свое отражение на различных предметах, в документах и т. д. При их исследовании в процессе расследования преступлений также можно получить соответствующую информацию об организованной преступной деятельности лиц, его совершивших.

Более полно и всесторонне сущность организованной преступной деятельности раскрывается через ее структуру.

По-нашему мнению, в эту структуру входят следующие незаконные действия:

1. Непосредственно связанные с подготовкой, совершением и сокрытием преступлений.
2. Обеспечивающие функционирование преступной деятельности.
3. Связанные с противодействием расследованию.
4. Направленные на сращивание с общеуголовной преступностью.
5. Направленные на легализацию полученной прибыли.

Таким образом, выработка определения организованной преступной деятельности имеет значение для определения ее сущности, т. к. только тогда, когда имеется представление о том, что данное явление собой представляет, возможно избирать способы, методы и приемы выявления механизма его проявления, происходящие в связи с этим изменения в окружающей действительности, исследовать их и использовать в расследовании конкретных преступлений.

Изучение структуры организованной преступной деятельности позволяет обращать внимание на те следы, предметы и иные обстоятельства, которые присущи именно конкретным незаконным действиям, являющимся ее элементом. И, в связи с этим, выбрать те или иные технические средства или тактические приемы, наиболее эффектив-

ные и целесообразные при конкретной ситуации, а полученную в результате этого информацию, использовать для определения направления расследования с тем, чтобы быстро, объективно и всесторонне расследовать каждое преступное деяние, составляющее в целом организованную деятельность того или иного преступного сообщества, организации и т. д.

А.В. Чумаков

Об основаниях криминалистической классификации мошенничества при получении выплат

В статье рассматриваются различные основания криминалистической классификации мошенничества при получении выплат. Автором анализируются материалы судебно-следственной практики по делам о мошенничестве при получении выплат. После этого формируется ряд выводов об особенностях криминалистической классификации преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ.

***Ключевые слова**: мошенничество при получении выплат, криминалистическая классификация, механизм совершения преступления.*

A.V. Chumakov

On the foundations of the forensic classification of the obtaining payments fraud

The article deals with different foundations of the forensic classification of the obtaining payments fraud. Forensic materials on obtaining payments fraud cases are analyzed by the author. After that conclusions about specificity of forensic classification of the crime under Art. 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation are made.

***Keywords**: obtaining payments fraud, forensic classification, mechanism of the crime commission.*

Основными направлениями (сферами) применения системного подхода в криминалистическом исследовании преступной деятельности выступают определение ее структуры, выделение видов преступлений (криминалистическая классификация преступлений), изучение механизма совершения преступлений, формирование криминалистической характеристики отдельных видов преступлений. В широком смысле, криминалистическая классификация преступлений представляет собой специфическую разновидность систематизации научных знаний[1].

Формирование методики расследования мошенничества при получении выплат требует решения задачи криминалистической классификации видов данного мошенничества.

Изучение правоприменительной практики показывает, что формы проявления мошеннических деяний при получении социальных выплат отличаются разнообразием и могут быть классифицированы по различным основаниям: способ совершения преступления, субъект преступления, предмет преступного посягательства, источника финансирования выплаты, наступивший преступный результат и др. Рассмотрим указанные элементы криминалистической классификации более подробно.

[1] Головин А.Ю. Теоретические основы и актуальные проблемы криминалистической систематики на современном этапе развития криминалистики: Дис.... д-ра юрид. наук : 12.00.09.- М.: РГБ, 2003.-С. 287.

В процессе изучения судебно-следственной практики по уголовным делам о мошенничестве при получении пособий были выявлены наиболее актуальные способы хищения социально ориентированных средств бюджетов различных уровней. К ним следует отнести: предоставление заведомо ложных документов, служащих основанием для назначения соответствующих выплат, а также умолчание о фактах, влекущих прекращение оснований для производства данных выплат.

Совершение мошенничества путём предоставления фиктивных документов о получении особого социального статуса (малоимущего, безработного и т. д.). Характерным примером может служить уголовное дело в отношении Ш., которая изготовила справку о своих доходах с заведомо ложными сведениями о своей заработной плате. На основании данной справки, сотрудники произвели расчёт среднедушевого дохода её семьи, который оказался ниже установленного прожиточного минимума. В дальнейшем на основании данного расчета Ш. незаконно приобрела право на получение ежемесячного пособия на ребенка[1].

Совершение мошенничества путём умолчания о фактах, влекущих прекращение выплат. Так, примером могут служить ситуации, когда лица имеющие статус безработных и получающие пособие по безработице, заключают трудовой договор и начинают трудовую деятельность, тем самым получая заработную плату и пособие.

Существуют десятки различных механизмов совершения указанного преступления, являющихся производными по отношению к указанным выше. Данное обстоятельство обусловлено спецификой мошенничества при получении выплат, поскольку существует более 200 различных видов социальных и иных выплат, которые регламентируются различными нормативно-правовыми актами[2]. Соответственно, для получения различных выплат необходимо собрать определённый пакет документов, каждый из которых может быть подделан и использован в преступных целях.

Классификация по субъекту мошенничества при получении выплат. Субъектом указанного преступления, в соответствии с действующим уголовным законодательством, является физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. Исследование судебно-следственной практики показывает, что мошенничество при получении выплат зачастую совершается группой лиц. В данном отношении, следует отметить, что, как правило, результатом деятельности следователя является привлечение к уголовной ответственности самого исполнителя мошеннических действий, а многочисленные соучастники совершения указанного преступления избегают уголовного наказания из-за некачественной работы следователей, наличия ошибок при проведении следственных действий и прочих негативных факторов.

Классификация по предмету преступного посягательства. Законодатель указывает, что мошенничество при получении выплат может быть совершено в отношении: денежных средств в виде пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат; иного имущества (топливо, земельные участки, лекарственные средства и т. д.). Судебно-следственная практика знает случаи, когда мошеннические действия осуществлялись в отношении недвижимого имущества, предоставляемого в качестве социально помощи незащищённым категориям населения. Характерным примером мошенничества в отношении социальной поддержки на селения в натуральной форме

---

[1] «Приговор 1–13/2013 Нюксенского районного суда Вологодской области по уголовному делу о мошенничестве при получении ежемесячного пособия на ребенка.» [Электронный ресурс] // сайт РосПравосудие. Режим доступа: https://rospravosudie.com/court-nyuksenskij-rajonnyj-sud-vologodskaya-oblast-s/act-422278551/ (дата обращения 06.12.2014)

[2] Пуляева Е.В. Социальные выплаты в образовательной сфере: анализ правового обеспечения // Журнал российского права. – 2011. – № 9. –С. 57-63. – Цит. по: Прозументов Л., Архипов А. Предмет мошенничества при получении выплат // Уголовное право. – 2014. – № 1. – С. 68.

является приговор Иркутского районного суда Иркутской области от 16 июля 2013 года. В ходе следствия было установлено: Н. с целью бесплатного получения земельного участка, но не имея достаточного непрерывного трудового стажа (он должен быть не менее 3-х лет), обратилась к знакомому с просьбой за вознаграждение в размере 15 000 рублей сфальсифицировать справку о трудовом стаже. После чего эта справка была направлена в Комитет по управлению муниципальным имуществом и ей было предоставлено право на получение земельного участка общей площадью 1079 кв.м., который она оформила в собственность[1].

Классификация по источнику финансирования выплаты. Как известно, социальные и иные выплаты можно дифференцировать по источнику финансирования на федеральные, региональные, местные. Иными словами, они классифицируются в зависимости от уровня бюджетной системы, который является источником финансирования той или иной выплаты. К примеру, средства материнского (семейного) капитала предоставляются на основании финансирования из федерального бюджета, а пособие по безработице начисляется из регионального и местного бюджетов.

Классификация по преступному результату. Преступным результатом по делам о мошенничестве при получении выплат можно назвать причинение материального ущерба бюджетной системе. Таким образом, следует выделять мошенничество при получении выплат, нанёсшее небольшой ущерб общественным отношениям, крупный и особо крупный. Анализ судебно-следственной практики по делам о мошенничестве, предусмотренном ст.159.2 УК РФ показывает, что наиболее часто наносится небольшой ущерб бюджетной системе (до 250 тыс. рублей), так как объём многих социальных выплат не так велик и чтобы превысить указанный барьер необходимо совершать преступление систематически и довольно длительно. К примеру, в 2015 году установлена минимальная величина пособия по безработице в размере 850 рублей и максимальная величина пособия по безработице в размере 4900 рублей.[2]

Подводя итоги, отметим следующее.

Основаниями криминалистической классификации преступления выступают его различные признаки, изучаемые криминалистикой. Однако эти элементы указывают лишь на общее направление классификационных исследований преступлений. Конкретные классификационные основания могут быть и более детализированы. Таким образом, элементами криминалистической классификации мошенничества при получении выплат являются: способы совершения мошенничества при получении выплат; субъект преступления; предмет преступного посягательства; источник финансирования выплаты; преступный результат. Не вызывает сомнения тот факт, что оснований классификации намного больше.

Необходимо систематизировать знания в области изучения криминалистической классификации мошенничества при получении выплат, проводить исследование сложившейся судебно-следственной практики. Состав преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ имеет сравнительно небольшую историю, поэтому нуждается в более систематическом и основательном изучении.

---

[1] Приговор Иркутского районного суда Иркутской области от 16 июля 201 3 года [Электронный ресурс] Режим доступа: http://docs.pravo.ru/document/view/61580316/?mode=full (дата обращения 10.04.2015)

[2] О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 201 5 год: Постановление Правительства РФ от 17.12.2014 № 1382 // Официальный интернет-портал правовой информации Право.ру [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru (Дата обращения 31.10.2015).

VIII. Сведения об авторах

1. Авдеева Галина Константиновна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры криминалистики Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого, Украина
2. Адигамова Гузель Зуфаровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России,
3. Адигамова Лилиана Эдуардовна – студентка 1 курса международно-правового факультета Международного государственного института международных отношений (Университет при МИД РФ)
4. Акчурин Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России, г. Рязань
5. Александров Игорь Викторович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, заведующий кафедрой криминалистики МГУ имени М.В. Ломоносова
6. Алимова Эльвира Абдикапбаровна – докторант Алматинской академии МВД Республики Казахстан, магистр юридических наук, подполковник полиции
7. Аминев Фарит Гизарович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, исполнительный директор Урало-Поволжского объединения судебных экспертов
8. Ануфриева Екатерина Андреевна – кандидат юридических наук, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского гуманитарного института
9. Арзуманян Андрей Арсентьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Ростове-на-Дону
10. Аубакирова Анна Александровна – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Алматинской академии МВД Республики Казахстан, полковник полиции
11. Афанасьев Алексей Юрьевич – адъюнкт адъюнктуры (докторантуры) Нижегородской академии МВД России
12. Баев Максим Олегович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Воронежского государственного университета
13. Баев Олег Яковлевич – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Воронежского государственного университета
14. Балко Владимир Иванович – преподаватель кафедры правовых и социально - гуманитарных дисциплин, колледж «Кайнар», г.Семей, Республика Казахстан
15. Баранов Максим Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Тульского государственного университета
16. Баринов Сергей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г.Сызрань)
17. Баянов Александр Иванович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики СФУ
18. Бирюков Дмитрий Валерьевич – адъюнкт кафедры криминалистики Луганского государственного университета внутренних дел им.Э. А.Дидоренка
19. Бирюкова Татьяна Петровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета
20. Бобрицкий Сергей Михайлович – кандидат технических наук, директор НИИ микрографии, Украина, Харьков

21. Боровских Роман Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Новосибирского юридического института Томского национального исследовательского государственного университета
22. Булгаков Владимир Геннадьевич – магистр юриспруденции, кандидат технических наук, доцент, кафедра технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований учебно-научного комплекса судебной экспертизы, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»
23. Бочарова Ольга Станиславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистических экспертиз Следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, доцент кафедры уголовного права и процесса РГСУ, ведущий специалист ООО «Регула»
24. Валеев Азамат Халилевич – кандидат юридических наук, начальник кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России
25. Васильченко Андрей Владимирович – кандидат медицинских наук, доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России
26. Вафин Рашит Рафхатович – кандидат юридических наук, доцент; почетный сотрудник МВД России, полковник полиции, г.Екатеринбург, Уральский юридический институт МВД России
27. Гавло Вениамин Константинович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета
28. Галяшина Елена Игоревна – заместитель заведующего кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН
29. Гармаев Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор
30. Гилева Виктория Юрьевна – курсант 5 курса Воронежского института Федеральной службы исполнения наказания России
31. Головин Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Тульского государственного университета
32. Гончан Юрий Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики и специальных дисциплин Краснодарского государственного университета культуры и искусств
33. Горский Максим Вадимович – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики Воронежского государственного университета
34. Грушихина Вероника Александровна – адъюнкт ФГКОУ ВПО ВСИ МВД РФ (Восточно-Сибирский институт МВД России); г. Иркутск
35. Давыдов Владимир Олегович – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правосудия и правоохранительной деятельности» Института права и управления Тульского государственного университета
36. Данилова Наталья Алексеевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ
37. Дронова Ольга Борисовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела Волгоградской академии МВД России
38. Елагина Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ
39. Ефимов Владимир Вениаминович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Днепропетровского государственного университета внутренних дел, Украина
40. Жбанков Виктор Андреевич – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии, доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, профессор

41. Жданов Сергей Павлович – доцент кафедры правоведения гуманитарно-педагогического факультета Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева, кандидат юридических наук
42. Жижина Марина Владимировна – доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук
43. Жуков Александр Борисович – аспирант кафедры криминалистики Юридического института Томского государственного университета
44. Журавлев Сергей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Нижегородская академия МВД России
45. Завьялова Дарья Владимировна – аспирант кафедры криминалистики Воронежского государственного университета
46. Захарова Валентина Олеговна – кандидат юридических наук, доцент кафедры управления следственными органами и организации правоохранительной деятельности Академии Следственного комитета Российской Федерации, майор юстиции
47. Зинин Александр Михайлович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
48. Злоченко Яков Михайлович – кандидат юридических наук, доцент; руководитель Международного научно-исследовательского юридического консорциума
49. Зотов Денис Валентинович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности Воронежского государственного университета
50. Иванов Игорь Владимирович – старший преподаватель кафедры криминалистики Юридического института Томского государственного университета
51. Ишин Анатолий Михайлович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Юридического института Балтийского федерального университета им. И. Канта
52. Калинкина Анна Борисовна – старший преподаватель кафедры уголовного права шестого факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Санкт-Петербург) Института повышения квалификации федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия Следственного комитета Российской Федерации»
53. Карпов Никифор Семенович – доктор юридических наук, профессор, Заведующий кафедрой уголовно-правовых наук юридического факультета Украинского государственного университета финансов и международной торговли
54. Карпов Ярослав Сергеевич – сотрудник Организационно-административного департамента ФСКН России, соискатель кафедры криминалистики юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
55. Ким Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России по учебной работе
56. Китаев Евгений Владимирович – доцент кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук
57. Князьков Алексей Степанович – доктор юридических наук, доцент; заведующий кафедрой криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета
58. Козлов Александр Евгеньевич – доцент кафедры уголовного права шестого факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Санкт-Петербург) ИПК ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации» кандидат юридических наук, доцент
59. Козырева Ирина Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета

60. Колдин Валентин Яковлевич – профессор кафедры криминалистики юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
61. Комаров Игорь Михайлович – доктор юридических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры криминалистики
62. Комарова Елена Игоревна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
63. Крепышева Светлана Константиновна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Нижегородского государственного университета им Н.И. Лобачевского
64. Комбаров Кирилл Юрьевич – аспирант кафедры криминалистики и правовой информатики КубГУ
65. Корж Валентина Павловна – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Харьковского национального университета внутренних дел МВД Украины, Почетный работник Прокуратуры Украины
66. Корчагин Андрей Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета (Барнаул)
67. Кофанов Андрей Витальевич – доктор философии, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистических экспертиз учебно-научного института подготовки специалистов для экспертно-криминалистических подразделений Национальной академии внутренних дел
68. Кузьмин Сергей Владимирович – кандидат юридических наук, адвокат Санкт-Петербургской коллегии адвокатов
69. Кучин Олег Стасьевич – профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, член-корреспондент РАЕ
70. Ладошкин Алексей Сергеевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского аграрного университета
71. Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России
72. Лебедев Николай Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского государственного университета экономики и управления
73. Лонщакова Анжелла Рашитовна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России
74. Лубин Александр Федорович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России
75. Лушечкина Марина Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики юридического факультета Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова
76. Лысов Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Северо-Кавказского федерального университета
77. Малыхина Наталья Ивановна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»
78. Малышкин Павел Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения МГУ им. Н.П. Огарева
79. Маринкин Денис Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Пермского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

80. Махова Анна Дмитриевна – стажёр Второй нижегородской коллегии адвокатов «Нижегородский адвокат», студент магистратуры НИУ Высшая Школа Экономики – Нижний Новгород, факультет права
81. Махтаев Махтай Шапиевич – д.ю. н., профессор кафедры криминалистики юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
82. Мешков Владимир Михайлович – заслуженный юрист России, профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
83. Нелюбин - аспирант кафедры криминалистики УрГЮУ
84. Неретина Надежда Сергеевна – аспирант кафедры судебных экспертиз МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина)
85. Низаева Светлана Рамилевна – преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России
86. Никифорова Ирина Александровна – начальник правового отдела Территориального управления Федеральной службы финансово-бюджетного надзора в Тульской области, доцент кафедры судебной экспертизы и таможенного дела ТулГУ
87. Николаева Татьяна Геннадьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ
88. Олиндер Нина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет
89. Остапчук Дарья Викторовна – юрист, правозащитный центр "Сибирский призывник" г. Кемерово
90. Парамонова Лада Федоровна – кандидат юридических наук, главный эксперт ИСЭ по Павлодарской области ЦСЭ МЮ РК
91. Перепечина Ирина Олеговна – доктор медицинских наук, профессор кафедры криминалистики юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
92. Подольный Николай Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры исполнительного производства и правоохранительной деятельности Средне-Волжского института (филиала) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Саранске, Республика Мордовия
93. Полстовалов Олег Владимирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики БашГУ
94. Польгерт А.В. – адъюнт Барнаульского юридического института МВД России
95. Померлян Александр Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Новосибирского военного института ВВ МВД России
96. Пономаренко Наталья Юрьевна, ассистент кафедры судебной экспертизы и криминалистики НИУ «БелГУ»
97. Поташник Дина Петровна – доцент кафедры криминалистики юридического факультета МГУ
98. Пропастин Сергей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России
99. Раздрогин Анатолий Владимирович – аспирант кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
100. Россинская Елена Рафаиловна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, действительный член Российской академии естественных наук, директор Института судебных экспертиз, заведующая кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
101. Рыспаев А.Е. – полковник Комитета Национальной безопасности Республики Казахстан

102. Салекин Максим Сергеевич – адъюнкт кафедры управления органами предварительного расследования преступлений ФГ КОУ ВПО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации»
103. Сальманов Азат Афтахович – кандидат медицинских наук, заместитель начальника по экспертной работе Бюро судебно-медицинской экспертизы Министерства Здравоохранения Республики Башкортостан
104. Самойлов Александр Юрьевич – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики ФГКОУ ВПО «Уфимский юридический институт МВД России»
105. Саньков Валерий Иванович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации»
106. Сафронов Алексей Юрьевич – старший следователь второго отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Алтайскому краю, г. Барнаул
107. Селина Елена Викторовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов
108. Семенцова Ирина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации»
109. Сергеев Артём Леонидович – ассистент кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета
110. Сергеев Олег Дмитриевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики КемГУ, г. Кемерово
111. Сибилькова Анна Васильевна – кандидат юридических наук, следователь Главного следственного управления МВД по Республике Башкортостан
112. Славгородская Ольга Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики ФГБОУ ВПО «» Саратовская государственная юридическая академия»
113. Смахтин Евгений Владимирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института государства и права, Тюменский государственный университет
114. Смольяков Петр Павлович – и.о. заведующего кафедрой «Философия, политология и право» Волгоградского государственного аграрного университета, кандидат юридических наук, доцент
115. Степаненко Диана Аркадьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия
116. Степанов Сергей Андреевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института ВВ МВД России, г. Новосибирск
117. Ткачев Александр Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики юридического факультета Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова
118. Толстолуцкий Владимир Юрьевич – доктор медицинских наук, профессор по кафедре криминалистики и судебных экспертиз; профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского
119. Уварова Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Московского университета им. С.Ю. Витте
120. Угрюмова Марина Николаевна – аспирант кафедры криминалистики юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
121. Халиков Аслям Наилевич – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета

122. Халин Вадим Игоревич – магистрант 2 курса Тюменского государственного университета
123. Хижняк Денис Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии
124. Хмелева Алла Владимировна – заведующий кафедрой криминалистики Академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, полковник юстиции
125. Холопов Алексей Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий криминалистической лабораторией Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
126. Христинина Елена Викторовна – аспирант Омской академии МВД России
127. Центров Евгений Емельянович – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики юридического факультета Московского государственного университета им. Ломоносова, Заслуженный профессор МГУ
128. Цурлуй Олеся Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Воронежского экономико-правового института
129. Чебуренков Александр Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминалистики и криминологии юридического факультета Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева
130. Чистова Любовь Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
131. Чумаков Алексей Вадимович – заместитель начальника учебного отдела Новосибирского юридического института (филиала) Томского государственного университета
132. Шагимуратова Залия Альбертовна – старший преподаватель Института права Башкирского государственного университета
133. Шапиро Людмила Геннадьевна – д.ю. н., доцент, заведующая кафедрой криминалистики, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
134. Шошин Сергей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии юридического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
135. Шутемова Тамара Васильевна – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права Самарского государственнного экономического университета